

DK
56
B42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

Том VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1956 ЛЕНИНГРАД

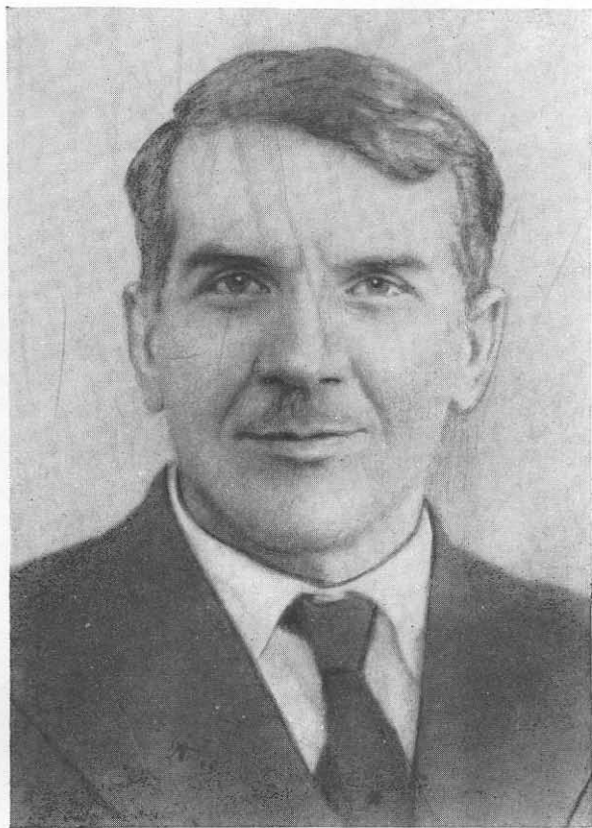
ИЗДАНИЕ
ОБЩЕСТВЕННАЯ

25522 / 22

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *Е. А. Косминский* (отв. редактор),
член-корреспондент АН СССР *П. В. Ернштедт*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
член-корреспондент АН СССР *Н. В. Пицунская*,
доктор исторических наук *М. В. Левченко*, доктор
исторических наук *Е. Э. Липиц*, доктор исторических
наук *М. Я. Сююмов*, кандидат исторических наук
Э. В. Удальцова (зам. отв. редактора), кандидат исто-
рических наук *Б. Т. Горянов*, кандидат исторических наук
Е. Ч. Скржинская, кандидат исторических наук
Г. Г. Литаврин (отв. секретарь).

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПУБЛИЦИСТИКИ
ИСТОРИЧЕСКОЕ
ВИСШЕЕ
ПОУЩЕНО

МИТРОФАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЛЕВЧЕНКО
(1890—1955)

ПАМЯТИ М. В. ЛЕВЧЕНКО

Советское византиноведение понесло тяжелую утрату. 22 января 1955 г. на шестьдесят пятом году жизни от тяжелой болезни сердца скончался крупный советский ученый, доктор исторических наук Митрофан Васильевич Левченко.

М. В. Левченко родился в 1890 г. Всю свою молодость он провел в городе Судже (Курской области). После окончания Нежинского историко-филологического института им. Безбородко в 1915 г. М. В. Левченко был прикомандирован к Петроградскому университету для подготовки к профессорской деятельности. В Университете М. В. Левченко, занимаясь под научным руководством профессоров Н. И. Кареева и М. И. Ростовцева, посвятил себя изучению всеобщей истории и, в особенности, изучению истории позднего Рима. Занятия его в Петрограде были, однако, прерваны революционными событиями 1917 г., глубоко захватившими его.

Вернувшись в 1918 г. в г. Суджу, М. В. Левченко был вовлечен в самую активную работу по строительству новой советской культуры, по перестройке учреждений народного образования. Он был избран членом местного городского совета и его исполнительного комитета, был назначен заведующим Отделом народного образования. Свою большую политическую и организационную работу М. В. Левченко сочетал с педагогической деятельностью, которой он всегда уделял много времени и внимания и которую он очень любил. Но как бы ни был занят М. В., он никогда не прекращал своих занятий в области истории. Как вспоминают люди, хорошо знавшие его в те времена, М. В., отправляясь в командировки в сельские местности для выполнения различных заданий, предусмотрительно брал с собой в дорогу поэмы Овидия и Горация.

В 1925 г. М. В. Левченко был принят Курским Губкомом в члены Коммунистической партии.

В 1930 г. М. В. возвратился в Ленинград, где был зачислен аспирантом Ленинградского института истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ). В годы аспирантуры М. В. Левченко подготовил и с успехом защитил диссертацию по новейшей истории, занимаясь одновременно преподавательской работой в ЛИФЛИ и в других высших учебных заведениях Ленинграда.

В 1933 г. с возобновлением работ по истории Византии в Государственной Академии истории материальной культуры М. В. Левченко был зачислен туда на работу старшим научным сотрудником, где занялся изучением аграрных отношений Византии V—VII вв. Результатом этой работы явилась статья, напечатанная в 1935 г. в журнале „Проблемы истории докапиталистических обществ“ под названием „К истории

аграрных отношений в Византии в VI—VII вв.". В этой своей статье М. В. Левченко уделяет особое внимание папирологическим данным, характеризующим аграрные отношения в Византийском Египте накануне арабского завоевания.

В 1939 г. М. В. Левченко в своей статье „Византия и славяне в VI—VII вв.“¹ „поставил вопрос о связи славянских вторжений в Византию с революционными движениями народных масс и об их глубоко прогрессивной роли“ для судеб империи.

В 1939 г. М. В. Левченко принимал участие в подготовке ряда разделов (написанных им совместно с М. А. Тихановой, П. Н. Третьяковым и Б. А. Рыбаковым) для коллективного труда „История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства“ (части III—IV, АН СССР, М.—Л., 1939, на правах рукописи).

Тогда же М. В. Левченко приступил к написанию общего очерка истории Византии. Эта работа, задуманная первоначально как книга для научно-популярной серии, явилась первым марксистским учебником по истории Византии, получившим широкое признание как в СССР, так и на Западе. Книга была впоследствии переведена на французский и болгарский языки. Незадолго до начала Великой Отечественной войны М. В. Левченко защитил эту книгу в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

В связи с реорганизацией Государственной Академии истории материальной культуры М. В. Левченко перешел в 1938 г. на работу в Институт истории Академии Наук СССР, где им была организована группа по истории Византии, работавшая в Ленинграде.

В 1940 г. он был назначен заведующим Ленинградским отделением Института истории АН СССР и состоял в этой должности до 1944 г. В 1941 г. силами группы под редакцией М. В. Левченко был подготовлен и сдан в Издательство АН СССР „Византийский сборник“,² в который была включена большая статья М. В. „Материалы для внутренней истории Восточно-Римской империи V—VI вв.". Статья эта явилась продолжением его работы 1935 г.

Зимой 1941 г. М. В. Левченко был вынужден эвакуироваться в Казань, а затем в Ташкент. В годы эвакуации, как и во все предшествующие годы, М. В. Левченко наряду с научной работой не прекращал и педагогической. Он читал лекции в Ленинградском, Ташкентском и Казанском университетах, в высшей школе РККА и состоял деканом в Ташкентском университете.

В годы войны М. В. Левченко подготовил переводы с греческого сочинений византийских писателей. Плодом этой работы явилась впоследствии книга „Агафий. О царствовании Юстиниана“ (М.—Л., 1953).

С организацией в 1944 г. объединенной московской и ленинградской группы византиноведения под руководством академика Е. А. Косминского М. В. Левченко стал ее членом и активным участником византийских сессий, созывавшихся Отделением истории и философии АН СССР. Вскоре возродилась и ленинградская группа византиноведения, возобновившая свою научную деятельность под руководством М. В. Левченко.

В целях подготовки молодых византиноведческих кадров, по инициативе М. В. Левченко на Историческом факультете Ленинградского Государственного университета была организована кафедра византинове-

¹ ВДИ, т. 4(5). М., 1938, стр. 48.

² Сборник был сдан в типографию уже после начала войны. Корректуры его проходили в осажденном гитлеровцами Ленинграде. Выпустить в свет его удалось только после окончания войны в 1945 г.

дения, влившаяся впоследствии в кафедру истории средних веков. Руководство кафедрой было возложено на М. В. Левченко. Работе кафедры он уделял большое внимание, читая там курсы истории Византии, спецкурсы по вопросам источниковедения и историографии, византийско-русских отношений и т. д., руководя семинарами студентов и аспирантов.

М. В. Левченко продолжал свою научно-исследовательскую работу по внутренней истории Византии V—VII вв. В 1947 г. в восстановленном „Византийском временнике“ он опубликовал свой доклад „Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.“, прочитанный им на второй византийской сессии 1945 г. В следующем (II) томе „Византийского временника“ он напечатал статью „Церковные имущества в Восточно-Римской империи“.

Научные интересы М. В. Левченко не ограничивались исследовательской работой в названном направлении. Он уделял немало внимания критическим разборам новой советской и зарубежной литературы по византиноведению. Так, им были опубликованы рецензии на книгу Н. В. Пигулевской „Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.“ (Вестник Ленинградского университета, 1947, № 12, стр. 124—128); на книгу Н. С. Державина „История Болгарии“, тт. I—II, 1946; на книгу А. П. Каждана „Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.“, 1952; на книгу G. Ostrogorsky „Geschichte des byzantinischen Staates“, 1940. На страницах „Византийского временника“ Левченко сделал критический разбор работ А. Грегуара, А. Васильева, написал некролог В. Е. Вальденберга и статью о работах французского византиниста Ш. Дияля и их значении для византиноведения,¹ а также дал общий историографический обзор работ советских византинистов.²

В течение ряда лет М. В. Левченко занимался исследованием проблемы русско-византийских отношений. Им опубликован по этой теме целый ряд очерков в „Византийском временнике“ (тт. IV, V, VI, VII и VIII), подготовлена обширная монография „Византия и Русь“, которая была им сдана в Издательство АН СССР незадолго до смерти. Одновременно М. В. разрабатывал и другие темы. Он занимался изучением трудов Синезия, участвовал в составлении и редактировании коллективных работ, как, например, „Сборник документов по социально-экономической истории Византии“ (1951), статья „Византия“ в „Большой советской энциклопедии“, и т. д.

М. В. Левченко был человеком широких исторических и теоретических интересов. В течение ряда лет, наряду с исследовательской работой по истории Византии, он руководил в Ленинградском отделении Института истории АН СССР теоретическим семинаром для научных сотрудников по диалектическому и историческому материализму.

Он сочетал научную работу с большой общественной работой в качестве секретаря партийной организации Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

С редким вниманием и заботой относился М. В. к делу воспитания молодежи. Им была подготовлена целая группа молодых византинистов (Р. А. Наследова, Г. А. Курбатов, В. С. Шандровская, И. Ф. Фихман, К. Н. Юзбашьян и др.). Некоторые из учеников М. В. защитили диссертации на ученую степень кандидата исторических наук.

¹ Вопросы истории, 1947, № 3.

² Византиноведение в СССР. Ученые записки Ленинградского Государственного университета, 1949, № 14.

В лице М. В. Левченко „Византийский временник“ потерял одного из своих активнейших участников и своего ответственного редактора.

Советское правительство высоко ценило работу М. В. Левченко — ученого-коммуниста, до последней минуты своей жизни всемерно содействовавшего успешному развитию советского византиноведения. Он был награжден двумя орденами „Знак почета“ и двумя медалями: „За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.“ и „За оборону Ленинграда“.

Светлая память о Митрофане Васильевиче Левченко надолго сохранится в сердцах советских византинистов.

СТАТЬИ

М. В. ЛЕВЧЕНКО

**ПРОБЛЕМА РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ
В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ, ЗАРУБЕЖНОЙ И СОВЕТСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ¹**

Изучение истории внешней политики Руси до времени образования русского централизованного государства — важная и актуальная проблема нашей науки. Решению этой проблемы должно способствовать изучение истории русско-византийских отношений — экономических, политических и культурных — в рамках определенных периодов в истории Руси, т. е. выяснение вопроса, какое место в истории Руси и какое значение для нее имели отношения с Византией в дофеодалный период (VI—VIII вв.), в раннефеодалный (IX—XI вв.) и в период развитого феодализма (до падения Византии в 1453 г.).

В ряду исторических тем, признанных Академией Наук СССР подлежащими преимущественному изучению, очень много внимания уделено проблемам международных отношений России и, в частности, вопросам русско-византийских связей.² Как известно, проблема русско-византийских отношений, несмотря на наличие в этой области ряда ценных работ по отдельным вопросам, остается еще недостаточно исследованной. Одной из основных причин такого положения является малое число дошедших до нас источников. Историк, занимающемуся русско-византийскими отношениями, нетрудно убедиться в скудости письменных источников — одинаково, как русских, так и византийских, которые, к тому же, распределены очень неравномерно для девятисотлетнего периода этих взаимоотношений. Можно сказать совершенно определенно, что хотя научная литература по истории древней Руси и Византии огромна, хотя сохранилось много письменных источников и для истории Византии и для истории древней Руси, но для истории русско-византийских отношений письменных источников дошло до нас сравнительно немного. Поэтому лишь небольшая часть вопросов, относящихся к данной проблеме, при современном состоянии источников может быть освещена со значительной степенью ясности и полноты; другие вопросы могут быть освещены менее четко и, наконец, третьи могут быть только поставлены.

При наличии большого количества фактов, отражающих русско-византийские связи во всех областях средневековой русской культуры,

¹ Ввиду безвременной кончины автора статья не была окончательно им отредактирована.

² Доклад акад. В. П. Волгина. Исторический журнал, 1945, № 3.

мы почти лишены исторических свидетельств — русских источников об отдельных конкретных моментах в истории сношений древней Руси с Византией. „Повесть временных лет“ уделяет, правда, значительное место русско-византийским отношениям до крещения Владимира, но с того времени, как заимствованное из Византии христианство стало господствующей религией на Руси и русско-византийские отношения стали более тесными, русская летопись очень редко упоминает о Византии. Случайные указания на приход „из Грек“ митрополита, на вызов оттуда мастеров, на рождение в княжеской семье сына от царицы „гръкни“ и т. п. — все это представляет чрезвычайно скудный материал для восстановления картины тех непрерывных связей, которые проявлялись в постоянных сношениях русских князей с византийским двором, в политических браках, в общении русской митрополии с константинопольским патриархатом, в регулярном товарообмене, осуществлявшемся ежегодными путешествиями в Византию русских торговых караванов, наконец, как уже выше было сказано, в культурных взаимоотношениях, свидетельством которых являются многочисленные художественные и литературные источники древней Руси. Скудость известий этого рода характерна не только для летописей, но и для памятников агиографии и для актового материала, который, к тому же, для периода, предшествовавшего монголо-татарскому нашествию, почти не сохранился. Те же из уцелевших актов, которые являются наиболее важными, носят следы последующих наслоений, и вопрос об их подлинности является до настоящего времени одним из сложных вопросов нашей историографии.

Для XIV—XV вв. летописные сведения более обильны, особенно в части актового материала, но данные этих источников касаются главным образом церковных отношений.

Не богаты интересующими нас сведениями и византийские источники, и, кроме того, материал в них распределен очень неравномерно. Они достаточно полно освещают славянские вторжения на Балканский полуостров в VI в., а также сообщают немало ценных сведений о быте и нравах славян. Но затем наступает долгий перерыв, и только источники IX—X вв. снова начинают говорить о восточных славянах и Руси в связи с нападением Руси на Византию. Лев Диакон дает обстоятельное описание войны Святослава с Цимисхием, но о крещении Руси при Владимире не упоминает ни один византийский историк X—XI вв. Русско-византийские отношения XI—XII вв. тоже находят мало отражения в византийской исторической литературе. Только для палеологовского времени и византийские сведения становятся обширнее, но главным образом потому, что для этого периода и в Византии сохранилось значительно больше актового материала, посвященного церковным взаимоотношениям Руси и Византии.

Все историки древней Руси должны были в той или иной мере касаться русско-византийских отношений, говорить, например, о нападении Руси на Константинополь, о русско-византийских договорах, о крещении Руси. Историография по вопросам древнерусской истории, так же как и истории Византии, очень значительна, но этого никак нельзя сказать относительно исторических работ, посвященных специально русско-византийским отношениям. Отсутствие достаточного количества источников несомненно сказалось на ограниченности литературы, посвященной этим вопросам.

Изучение русско-византийских отношений было начато в XVIII в. и прежде всего Василием Никитичем Татищевым (1686—1758) в его „Истории российской“. Он первый собрал и изучал древнерусские летописи

и известия византийских писателей, относящиеся к указанной теме, и дал сводку летописного материала. Михаил Васильевич Ломоносов (1711—1765) для своей „Древней истории российской“ читал Иордана, Прокопия, Павла Дякона, Зонару, летописца Феофана, Льва Грамматика и другие византийские источники. Он первый показал, что русское государство и культура созданы не варяжскими дружинниками, а славянами, представлявшими собой, по мнению Ломоносова, коренное население междуречья Дуная и Днестра.

Не может быть обойден большой труд Михаила Щербатова (1733—1790) „История российская от древнейших времен“, где собраны воедино огромные „припасы“ исторических знаний о древней России.

Наконец, Н. М. Карамзин (1766—1826) не только подвел итоги исторических работ XVIII в., но и впервые сделал их достоянием широкого круга читателей.

Первые академики-немцы, начав изучение русской истории, занимались собиранием источников по древнерусской истории. Среди них одно из первых мест занимали византийские источники. Это видно из того, что Т. З. Байер (1694—1738) напечатал в „Записках Академии“ небольшие статьи по специальным темам нашей древней истории, основанные главным образом на византийских источниках, как, например, „О первом походе руссов против Константинополя“ (т. VI), „О происхождении Руси“ (т. VIII), „Русская география по Константину Порфирородному“ (т. IX); И. Г. Стриттер издал на латинском языке четырехтомный свод византийских свидетельств о Руси.¹ В XIX в. русско-византийскими отношениями занимались также П. Круг (1764—1844) и А. Куник (1844—1899). Круг специально занимался вопросами древнерусской хронологии и нумизматики. Наиболее крупный труд его — „Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie“,² в котором впервые была подвергнута специальному изучению византийская хронология в ее связи с русской историей.

По смерти Круга Куник издал его „Forschungen in der älteren Geschichte Russlands“,³ в которых Круг выступал ярким пропагандистом норманской теории. Имя Куника уже в его время было символом ученого чудачества, мелочной, бесплодной и мертвенной академической науки — без высокой мысли, без общей объединяющей идеи. О нем говорили, что он всю свою жизнь только и занимался варяжским вопросом, толчением воды в скандинавской ступе, бесцельным и даже вредным.⁴

Данная выше оценка Кунику недалека от истины. Однако следует сказать, что он написал и напечатал немало статей по византийско-русским отношениям,⁵ немало сделал в области древнерусской нумизматики, которая, отчасти благодаря его трудам, впервые получила более прочное обоснование, но работы его, так же как и работы Круга, были далеки от актуальных вопросов и не привлекали внимания русского прогрессивного общества.

¹ I. G. Stritter. Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontem Euxinum. . . e scriptoribus historiae byzantinae et erutae ex digestae a I. G. Strittero. Petropoli imp. Acad. scient., 1774—1779. (Это издание было подготовлено по инициативе Шлецера).

² P. Kруг. Kritischer Versuch zur Aufklärung der byzantinischen Chronologie. СПб., 1810.

³ P. Круг. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands, СПб., 1848.

⁴ В. Васильевский. А. А. Куник (некролог). Виз. вр., т. VI, 1899, стр. 619.

⁵ Там же, стр. 633—636.

Проблема русско-византийских отношений еще долго оставалась предметом горячих научных споров отдельных историков и публицистов России. Так, в 1836 г. П. Я. Чаадаев в журнале „Телескоп“ напечатал свое знаменитое „философическое письмо“, в котором причину отсталости и изолированности России он видел в том, что она взяла христианство из Византии, что она вступила „в связь с растленной Византией“. „Письма“ Чаадаева явились началом широкой идеологической борьбы 30—40-х годов, оказавшейся безусловно плодотворной для развития русской общественной и научной мысли — борьбы так называемых западников и славянофилов. Например, И. В. Киреевский противопоставлял Россию, славянство, восток Европы с греческим миром, Византией и православием Западу с христианством римско-католического толка, отравленным и извращенным рационализмом римской культуры.¹

Борьба этих течений в русской общественной и исторической мысли середины XIX столетия способствовала пробуждению интереса к изучению русско-византийских отношений. Однако научная школа русского византиноведения возникла только в 70-х годах XIX в.

Русские историки либерального направления этого периода, при всей буржуазной ограниченности их взглядов, плодотворно разрабатывали проблемы как истории России, так и истории Западной Европы (П. Г. Виноградов, Н. И. Кареев, И. В. Лучинский, М. М. Ковалевский). Появляясь в это время крупные ученые и в области византиноведения (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, Н. П. Кондаков). В области исследования социально-экономической истории Византии и русско-византийских отношений наиболее видную роль сыграл В. Г. Васильевский. Являясь представителем буржуазной позитивистской историографии, владевшим в совершенстве техникой исторического исследования, он все же оставался историком-идеалистом и эклектиком. Слабость своей общей исторической концепции понимал он сам, так как сознательно уклонялся от разработки широких тем, предпочитая собирать и комментировать отдельные источники или изучать частные и узкие вопросы. Так, он занимался изучением византийских источников по истории древней Руси (житиями Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, „Запиской греческого топарха“), историей варяго-русской дружины на службе византийских императоров, событиями, связанными с крещением Руси, изучением отдельных вопросов, связанных с проблемой русско-византийских отношений в X и XII вв.

Утверждение акад. С. А. Жебелева о том, что и „теперь еще ни одна работа Васильевского не устарела, не утратила своей актуальности“, представляется нам преувеличенным.² Мы не можем согласиться с рядом положений Васильевского и, прежде всего, с его характеристикой феодализма, неприемлемой для историка-марксиста. Он трактует феодализм не как общественно-экономическую формацию, а лишь как форму политической организации общества. В. Г. Васильевский идеализирует византийскую общину, затушевывая в ней наличие противоречий, изображая византийское государство (и прежде всего императоров Македонской династии) защитниками общины. Реакционность политических взглядов Васильевского проявлялась в его осуждении классовой борьбы. Мы не можем, конечно, согласиться с утверждением Васильевского, что „скандинавская теория происхождения Русского

¹ Московский сборник, т. III, М., 1852, стр. 64.

² С. А. Жебелев. Русское византиноведение, его прошлое, его задача в советской науке. ВДИ, 1938, № 4 (5), стр. 14.

государства до сих пор остается непоколебленной, и те, которые пытались поколебать ее, терпели заведомую неудачу".¹

Невозможно, на наш взгляд, согласиться с попыткой Васильевского приурочить время действия „Записки греческого топарха“ ко времени похода Святослава на Болгарию. Следует также признать ошибочным вывод Васильевского, что два письма Михаила VII Дуки адресованы русскому князю Всеволоду. Васильевский приурочивает эти письма к 1073—1074 гг. Он считает, что одна из дочерей Всеволода была раньше помолвлена с сыном Романа Диогена и что Михаил VII, обращаясь к Всеволоду с предложением брачного союза, желал за это получить военную помощь или во всяком случае невмешательство русских в болгарское восстание 1073 г. Точка зрения Васильевского была затем поддержана его учеником П. В. Безобразовым и с некоторыми вариантами была принята почти всеми русскими учеными.

Но аргументы Васильевского искусственны и неубедительны. Зажатая между двумя врагами — турками-сельджуками и южноитальянскими норманнами, лишенная в то время возможности бороться с оружием в руках против этих противников, Византия должна была сделать попытку обезоружить одного из этих противников и противопоставить его другому. Что такая попытка и была в то время действительно сделана Византией, показывает брачный договор, заключенный между Робертом Гюискарром и Михаилом VII Дукой, о браке сына Михаила и дочери Роберта, договор, опубликованный Безобразовым.² Поэтому письма Михаила Дуки адресованы были Роберту Гюискарру и не могут считаться источниками для характеристики русско-византийских отношений второй половины XI в.

Но справедливость требует признать, что и теперь, спустя 50 лет после смерти Васильевского, многие его труды в области византийско-русских отношений остаются непоколебленными, несмотря на то, что некоторые представители современной буржуазной историографии стремились оспаривать их. В трудах Васильевского многие важные моменты в древнейшей жизни русского народа были представлены совсем в новом историческом освещении.³ Васильевский первый обратил внимание на тот факт, что русские на заре своей истории играли гораздо более значительную культурно-политическую роль, чем это было принято думать раньше. На основании источников он обосновал то положение, что русских купцов на Западе хорошо знали в немецких придунайских городах в начале X в., а на Востоке в Багдаде они появились на целое столетие раньше. Васильевский, сам того не желая, нанес серьезный удар норманистам, доказав на основании анализа жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, что народ, называвшийся Русью, с успехом осаждал Амастриду и Сурож уже в начале IX в.⁴

В работах Васильевского „Варяго-русская и варяго-английская дружины в Константинополе XI—XII вв.“⁵ и „К истории 976—986 годов“⁶ крещение Руси при Владимире впервые получило правильное освещение как событие большого значения в мировой истории.

¹ В. Г. Васильевский, Труды, т. III, Пгр., 1915, стр. 667.

² П. В. Безобразов. Незданный брачный договор Михаила VII Дуки с Робертом Гюискарром. ЖМНП, ч. 265, 1889, сентябрь, стр. 23—31.

³ См., например: В. Г. Васильевский. Древняя торговля Киева с Регенсбургом. ЖМНП, ч. 258, 1888, июль.

⁴ В. Васильевский. Жития св. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского. Труды, т. III.

⁵ В. Г. Васильевский, Труды, т. I. СПб., 1908.

⁶ Там же, т. II, вып. 1, СПб., 1909.

В монографии „Византия и печенеги“¹ Васильевский осветил поновому события, предшествовавшие первому крестовому походу, и первые поводы к нему, роль печенегов в истории Византии XI в., отношение их к сельджукам, длительную и неудачную борьбу с ними Византии, что в конечном счете и заставило византийское правительство обратиться к Западу за помощью. Иначе, чем предшествующие ему историки (русские и зарубежные), объясняет он и начало крестовых походов. Мы не можем согласиться с некоторыми частными положениями автора, например признанием подлинности письма Алексея I Комнина к графу Роберту Фландрскому в том виде, в каком оно до нас дошло. Но основные положения работы признаются до настоящего времени правильными.

Широкий исторический кругозор Васильевского дал ему возможность установить связь таких, казалось бы, далеких друг от друга явлений, как печенежские набеги и история первого крестового похода. Работа Васильевского, освещающая этот вопрос, показала, какой грозной силой в XI в. были тюркские народы и каким трудным делом для Руси, впрочем осуществленным ею успешно, было преодоление печенежской и половецкой силы.

Крупное научное значение имеет также работа Васильевского „Из жизни Византии в XII веке“², в которой автор показывает отношения Руси и Византии на фоне существовавшей тогда политической ситуации в Европе.

Он отмечает, что в XII в. Византия была во вражде с Венгрией и в союзе с Галичем, Венгрия — во вражде с Галичем и в союзе с Изяславом Киевским, Галич — во вражде с Изяславом и в союзе с Юрием Долгоруким. Этой международной ситуацией Васильевский объясняет церковный конфликт между Русью и Византией, вспыхнувший при Изяславе Мстиславовиче.

Некоторые дополнения к выводам Васильевского дает академик К. Э. Грот в своей ценной работе „Из истории Угрии и славянства в XII веке“³, где он уделяет особое внимание политике императора Мануила по отношению к Венгрии, Галичу и Киеву.

Васильевский, так же как Цахариз фон Лингенталь, признавал наличие глубокого аграрного переворота в Византии в результате славянской колонизации империи. По его мнению, Византия, получившая в наследство от Рима крупное землевладение и колонат, в VII—VIII вв. переживает глубокий этнографический и социальный переворот, в результате которого вместо закрепощенных юстиниановских колонов появились свободные крестьяне и общинное землевладение. Васильевский приходит к выводу, что переворот этот произошел стихийно — вследствие военного разгрома империи арабами и славянами и славянской колонизации Балканского полуострова. О значении, которое Васильевский приписывал крестьянской общине, можно судить по тому, что именно в появлении свободного крестьянства в VII—VIII вв. он видел тот „прилив новых сил“ и „улучшение экономических основ государственного быта“, которое подняло жизненную энергию Византии в эти века.

В отличие от Цахариз, Васильевский считал, что „Земледельческий закон“ не предшествовал этнографическому и социальному перевороту,

¹ В. Г. Васильевский, Труды, т. I.

² Славянский сборник, т. 2, отд. I, СПб., 1877, стр. 210—290.

³ Варшава, 1889.

а последовал за ними и только закрепил то, что уже существовало в действительности.¹

Васильевский явился создателем и главой русской научной школы византиноведения, давшей немало ценных работ по всем разделам истории Византии. Но в области изучения византийско-русских отношений пример Васильевского не нашел большого количества подражателей.

Известное внимание русскими историками было уделено русско-византийским договорам. Если А. А. Шлецер отрицал подлинность договоров, то все другие русские историки, изучавшие договоры, не сомневались в их подлинности. Со времени появления ценного исследования Н. А. Лавровского „О византийском элементе в языке договоров русских с греками“, напечатанном в 1853 г., этот вопрос считается решенным в положительном смысле. В 1876 г. вышла из печати работа С. А. Гедеонова „Варяги и Русь“, в которой автор пытался дать картину самого способа составления договоров и появления их в славянском переводе. Автор подверг правильной критике норманскую теорию происхождения Русского государства.² Вслед за тем появляются работы В. И. Сергеевича „Греческое и русское право в договорах с греками X века“,³ А. Димитриу „К вопросу о договорах русских с греками“,⁴ А. А. Шахматова „Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря“,⁵ посвященные главным образом вопросу, является ли договор, записанный под 907 г., настоящим договором или же только предварительным соглашением, на основании которого был заключен в 911 г. уже формальный договор.

Сообщения Константина Порфирородного о Руси в его трактате „De administrando imperio“ служили предметом разбора ряда русских и иностранных историков. Объектом специального изучения они были в работах А. Рамбо,⁶ Г. Ласкина,⁷ Дж. Бьюри,⁸ Г. Манойловича.⁹ Все эти авторы, хотя и способствовали уяснению известий Константина, стояли на позициях норманистов.

История борьбы Цимисхия со Святославом изучалась в работах А. Д. Черткова „Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967—971 годах“,¹⁰ М. С. Дринова „Южные славяне и Византия в X в.“,¹¹ Н. Знойко „О посольстве Калокира в Киеве“.¹²

Довольно значительная литература была посвящена так называемой „Записке греческого топарха“. О ней, кроме Васильевского, писали

¹ Zachariae von Lingenthal. Geschichte des Griechisch-Römischen Rechts. Изд. 1-е, 1864; изд. 3-е, 1893; В. Г. Васильевский. Материалы для внутренней истории Византийского государства. Труды, т. IV, Л., 1930, стр. 251; он же. Законодательство иконоборцев, там же, стр. 140. сл.

² С. А. Гедеонов. Варяги и Русь, тт. I—II. СПб., 1876.

³ ЖМНП, ч. 219, 1882, январь.

⁴ Виз. вр., т. II, № 4, 1895.

⁵ Записки Неофилологического общества, 1914, вып. VIII.

⁶ A. Rambaud. L'Empire grec au dixième siècle. Paris, 1876.

⁷ Г. Ласкин. Константин Порфирородный. „О фемах“ и „О народах“. М., 1899.

⁸ J. H. Burg. The Treatise De administrando imperio. BZ, XV, 1906.

⁹ Г. Манойлович. Этюды о сочинении „De administrando imperio“ Константина Порфирородного. Zagreb. Rad, v. 182, 186, 187. Перевод на русский язык этого ценного труда хранится в Ленинграде в Архиве Академии Наук и, к сожалению, еще не опубликован.

¹⁰ М., 1843.

¹¹ Чтения в Обществе истории и древностей, 1875, кн. 3.

¹² ЖМНП, новая серия, 1907, ч. 8.

А. А. Куник,¹ Ф. И. Успенский,² П. Н. Милюков.³ Но ни один из этих историков не мог дать правильного истолкования этого документа отчасти потому, что сам памятник представлял мало реальных черт, чтобы дать о нем положительное заключение, а еще более вследствие стремления без достаточных оснований связать этот памятник с историей крымских готтов.

В специальной работе⁴ автора настоящей статьи, посвященной этой „Записке“, уже было показано, что она не имеет никакого отношения ни к Крыму, ни к крымским готтам. Составитель „Записки“ — византийский военный чиновник, а не крымский топарх. Равным образом ни Святослав, ни хазары не имеют никакого отношения к „Записке“. Эта „Записка“ проливает новый свет на историю греко-болгарской войны при Василии II и Самуиле, а также показывает отчаянные усилия византийских властей удержаться в Придунайской области в период наибольших успехов Самуила.

Культурных связей Византии с Русью периода феодальной раздробленности касались многие русские историки, историки церкви, историки литературы и т. д., но касались этой проблемы только попутно, в связи с изучением истории русской церкви, литературы и искусства. Исключения составляют работы акад. Н. П. Кондакова, главным предметом исследований которого была история византийского и в связи с ним древнерусского искусства.

При посредстве разработанного им иконографического метода он написал свою историю византийского искусства, памятники которого изучались им во время многочисленных путешествий по Востоку и Европе. Древнерусское искусство он рассматривал как зависящее от византийского, из которого он выделял греко-восточную ветвь. В работе „Русские клады“⁵ И. Толстой и Н. Кондаков, изучая курганные древности и клады периода, предшествовавшего монголо-татарскому нашествию, дают большой фактический материал по выяснению русско-византийских культурных связей в области искусств и техники. Но издание это имеет и крупный порок, заключающийся в необоснованной предпосылке, что все высокохудожественные изделия древней Руси созданы руками византийцев. Переоценивается, в частности, и роль херсонесских изделий на Руси.

Специально вопросу о культурном влиянии Византии на Русь были посвящены две работы: В. С. Иконникова „Опыт исследования о культурном значении Византии в Русской истории“⁶ и Ф. А. Терновского „Изучение византийской истории и ее тенденциозное приложение в древней Руси“.⁷ Обе эти работы и при своем появлении не представляли сколько-нибудь ценного вклада в науку, а в настоящее время безнадежно устарели.

В работе Иконникова после поверхностной характеристики византийской культуры дается такая же поверхностная характеристика древнерусской культуры. Автор подробно описывает в своей работе книж-

¹ О записке готского топарха. Записки Академии Наук, т. 24, 1874, стр. 61—93, 116—127.

² Киевская старина, т. XXV, Киев, 1889, стр. 253 сл.

³ Время и место действия „Записки греческого топарха“. Труды Археологического съезда в Москве, т. III, 1897, стр. 278—289.

⁴ М. Левченко, Виз. вр., т. IV, 1951.

⁵ Русские древности в памятниках искусства, изд. И. Толстым и Н. Кондаковым, вып. I—VI. СПб., 1897.

⁶ Киев, 1869.

⁷ Киев, 1875.

ные богатства московских царей XVI в. и не менее обстоятельно освещает историю русского монашества XV—XVI вв. и монастырского землевладения этого времени. Вторая часть этой работы посвящена истории русской церкви XV—XVII вв.

Не выше по качеству и работа Терновского. Первая часть ее представляет пересказ различных событий из византийской истории, заимствованных у Малады, Амартола, Манасси и Зонары, и сличение их с событиями русской культуры. Вторая часть, имеющая несколько большую ценность, говорит о русских путешествиях в Византию, о греках, по тем или иным причинам приходившим на Русь, и связях русской церкви в XV—XVII вв. с греками. Следует указать также и на таких византинистов, как известный археограф Порфирий Успенский (1804—1865), который вывез с Востока обширнейшую коллекцию древних рукописей и книг и на основе изучения сношений древней Руси с афонскими монастырями написал историю Афона, напечатанную сначала в „Трудах Киевской духовной академии“, а потом вышедшую отдельным изданием.

Вторым крупнейшим после Васильевского русским дореволюционным византинистом является Ф. И. Успенский. Правда, он мало касался русско-византийских отношений. Занимаясь историей образования второго Болгарского царства, он все же сделал ценное наблюдение, что болгарам в их освобождении от византийского ига помогали куманы и русские бродники и что таким путем эта русская вольница принимала участие в византийско-болгарской войне в конце XII в. на стороне болгар, хотя русские князья в то время являлись союзниками Византии.¹

В последней четверти XIX и в самом начале XX в. появилось несколько работ, посвященных истории средневекового Крыма и Северного Причерноморья. Так, Ф. К. Брун в своей работе „О поселениях италянцев в Газарии“² пытался доказать, что венецианцы появились на Черном море не в период существования Латинской империи, а гораздо раньше, но никак не позднее XII в. Точку зрения Бруна поддержал М. Ковалевский, считавший возможным отнести появление венецианцев в черноморских водах еще к XI в. и к этому времени относивший их соперничество с генуэзцами.³ В качестве единственного документального доказательства своей точки зрения Брун и Ковалевский привлекали содержание договора, заключенного императором Мануилом с генуэзцами в семидесятих годах XII в., по которому лигурийским купцам разрешалось плавать по Черному морю. Но этим документом не доказывается, что венецианцы появились на берегах Черного моря уже в XII в.

Огромное значение для Византии черноморского рынка общеизвестно. Именно отсюда византийская столица—самый большой город средневековья—всегда получала разнообразные предметы продовольствия и сырье для своей промышленности. В X в. Русь уже вела собственную торговлю с Византией, и эта торговля была нужна не только Руси, но и Византии.

Наличие в черноморских степях кочевников затрудняло связи Руси с Восточной империей, но они не прерывались.

Торговые связи Византии с Северным Причерноморьем были одной из основ ее экономической жизни. Поэтому Византия ревниво охраняла

¹ Ф. И. Успенский. Образование второго болгарского царства. Одесса, 1879, стр. 390.

² М., 1873.

³ К ранней истории Азова. Труды XII археологического съезда, т. II, М., 1905.

Черное море от всякого проникновения в него посторонних. Только ее кораблям разрешалось плавать по Черному морю. Осуществление этого проекта экономической политики — монопольного пользования Северным Причерноморьем — было тем более легко, что ни один иностранный корабль не мог пройти в Черное море незамеченным мимо причалов и морской стражи Константинополя.

В связи с этим мы полагаем, что ни венецианцы, ни другие итальянские купцы не могли иметь и не имели регулярных торговых связей с Северным Причерноморьем до 1204 г., т. е. до того момента, когда и морская дорога, ведущая из Средиземного в Черное море, и сам Константинополь оказались в руках латинян. Отсюда понятно, почему Мануил, подготовляя разгром венецианской колонии на территории империи в 1171 г., пошел на уступки генуэзцам, допустив их проникновение в Черное море, за исключением, однако, берегов Азовского моря. Понятно также, почему в договорах Венеции с Византией в XI—XII вв. нет упоминания ни об одном пункте на берегах Черного и Азовского морей, хотя в договорах девяностых годов XII в. венецианцы перечисляли все сколько-нибудь значительные пункты, пригодные для их торговли. В договоре о разделе империи венецианцы не обеспечили за собой никаких территорий и торговых городов по берегам Черного моря. Очевидно, тогда в Венеции не существовало сколько-нибудь значительной группы купцов, которая могла бы побудить венецианское правительство захватить какие-либо пункты в Северном Причерноморье.

Литература, посвященная русско-византийским отношениям XIII—XV вв., еще более скудна. Наиболее видными представителями ее являлись церковные историки, изучавшие взаимоотношения русской и византийской церкви. Такова, например, книга Т. В. Барсова „Константинопольский патриарх и его власть над русской церковью“.¹ Наиболее обстоятельное изложение событий церковной истории древней Руси дано в работе Е. Е. Голубинского „История русской церкви“, доведенной до середины XVI в. (2 т., 1880—1904). Важнейшее достоинство этой работы заключается в том, что автор ее, опираясь на многочисленные исторические источники, смело, поскольку это было возможно для русского церковника, разрушает целый ряд церковных легенд.

Критицизм Голубинского не идет, однако, дальше определения подлинности или неподлинности источников, а историческое мировоззрение его в достаточной степени ограничено. Голубинский не анализирует исторических фактов, но собранный им богатый фактический материал дает возможность вскрыть классовый характер церковной организации в России.

Об этом же периоде русско-византийских отношений говорит книга В. Саввы „Московские дари и византийские василевсы“.² В ней Савва убедительно доказывает, что московский придворный чин царского венчания в XV—XVI вв. складывался самостоятельно и не был скопирован с византийского образца. То же можно сказать о посольском чине и практике дипломатических отношений Москвы с другими государствами.

Позднее, в эпоху империализма, в среде реакционных буржуазных историков менялись и взгляды на историю отношений России с Византией. Появившиеся новые византиноведческие работы отвергали выводы К. Цахариэ фон Лингенталя, В. Г. Васильевского и Ф. И. Успенского

¹ СПб., 1878, стр. 367—578.

² Харьков, 1901.

о значении колонизации Византии славянами. Так, в начале XX в. против выводов указанных исследователей выступил автор большого труда о крестьянской собственности в Византии Б. Панченко, который не признавал никаких переворотов в аграрной истории Византии в результате славянской колонизации и никаких элементов общинного строя в аграрной истории Византии.¹

Точно так же К. Успенский в своих „Очерках по истории Византии“ видел в истории Византии только эволюцию без каких-либо катастроф и потрясений, совершенно отбрасывая проблему славянской колонизации империи и объявляя ее „недоказуемой“.²

Типичным представителем русской дворянско-буржуазной историографии эпохи империализма явился А. А. Шахматов со своими трудами, посвященными русскому летописанию. А. А. Шахматов предложил рассматривать летопись как памятник сложный, имеющий литературную историю, и считал нужным изучать любую часть этого летописания в неразрывной связи с историей всей летописи. Изучение любого частного сюжета требовало, по мнению Шахматова, знания всей литературной истории русского летописания. Это была безусловно новая и ценная мысль в историографии того времени.³

Однако в отношении русской истории IX—XV вв. Шахматов не выходит за рамки дворянско-буржуазной науки; более того, его взгляды кое в чем являлись даже шагом назад по сравнению с буржуазной прогрессивной мыслью XIX—XX вв., имевшей значительные успехи в области исследования отдельных экономических явлений в истории древней Руси.

У Шахматова роль самих славян в создании Русского государства исчезла вовсе; они — лишь объект воздействия разных соседних народов, среди которых главную роль в образовании Русского государства он приписывает норманнам.

Продолжателем Шахматова явился М. Д. Приселков, неутомимый исследователь ряда важных сторон политической и идеологической жизни древней Руси. Он первый создал обобщающий труд по истории русского летописания и восстановил для науки ряд важных памятников нашего далекого прошлого. Он сделал также попытку, правда не увенчавшуюся успехом, преодолеть ограниченность метода Шахматова и внести в исследование русских летописей элемент социально-экономического анализа. Однако в опубликованном в 1912 г. большом труде „Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси XI—XII вв.“, несмотря на включение ряда новых исторических фактов, Приселков развивал неверную концепцию, утверждая, что вся история нашей страны до монголо-татарского нашествия (по крайней мере ее внешнеполитические отношения) обуславливалась такими явлениями надстроечного порядка, как церковное подчинение Руси Византии.⁴ От этой идеалистической концепции Приселков не освободился до конца своих дней. Приписывая и в позднейших своих трудах церковно-политическим отношениям Руси и Византии решающую роль в исторических судьбах нашей страны, он в то же время пытался совершенно необоснованно доказать, что до 1037 г. русская церковь зави-

¹ Б. Панченко. Крестьянская собственность в Византии. София, 1903.

² К. Успенский. Очерки по истории Византии. М., 1917.

³ Ср. характеристику Шахматова у Пашуто: В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. Вопросы истории, 1952, № 2, стр. 61.

⁴ И. У. Будовиц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. Исторические записки, 1950, № 35, стр. 203.

села не от Византии, а от болгарской Охридской митрополии.¹ Но, как уже отмечалось в научной литературе, и эта гипотеза Приселкова является несостоятельной, так как ни в одном из источников — русских или болгарских — нет никакого указания на зависимость русской церкви при Владимире от Охридской болгарской церкви. Вся гипотеза Приселкова выжидается на соименности руководителей Киевской и Охридской церкви, живших в 20-х годах XI столетия. Болгарский историк В. С. Николаев совершенно справедливо указывает, что Самуилова Болгария, которая в то время расходовала свои последние жизненные силы в неравной борьбе с Византией, не могла в своих смертельных конвульсиях найти энергию и активность для осуществления такой сложной задачи, какой, несомненно, была христианизация обширного древнерусского государства.² Трудными Приселкова, вышедшими в свет после Великой Октябрьской социалистической революции, были: „Киевское государство X века по византийским источникам“³ и „Русско-византийские отношения в IX—XII вв.“⁴ Но и эти работы не свободны от ряда неверных утверждений автора, что нашло свое отражение в справедливой критике Б. Д. Грекова и других советских историков.⁵ В этих работах Приселков тоже преувеличивает степень воздействия византийской дипломатии на южнорусских князей, представляя дело так, что последние предпринимали в XII в. свои походы на половцев исключительно по просьбе византийского правительства — чтобы выручить Византию. Между тем известно, что постоянная борьба со степными кочевниками в связи с их грабительскими набегами была для древней Руси давней и жестокой необходимостью.

Великая Октябрьская социалистическая революция, разорвавшая оковы капитализма, создала благоприятные условия для неограниченного развития исторической науки в нашей стране.

Выход в свет в 30-х годах двух новых работ академиков В. Истрина и С. Обнорского по русско-византийским договорам явился важным свидетельством первых успехов советской историографии в области изучения русско-византийских отношений.

Правда, работа Истрина, относившего появление переводов указанных договоров к концу первой половины XI в. и приписывавшего их переводческому кружку русских книжников, организовавшемуся в Киеве при создании греческой митрополии в правление Ярослава,⁶ не лишена методологических ошибок. Обнорский, справедливо критикуя работу Истрина, писал, что нельзя разрешить вопрос о времени перевода русско-византийских договоров на основе только общих исторических и теоретических соображений, без лингвистического исследования их.

Отвергая точку зрения Истрина о датировке перевода русско-византийских договоров, Обнорский, в результате кропотливого изучения языка этих документов, пришел к правильному выводу, что „появление текста договоров в переводе с греческого языка приблизительно должно

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 36—46.

² В. Николаев. Славяно-български фактор в христианизацията на Киевска Русия. София, 1949.

³ Ученые записки Ленингр. Гос. унив., серия истор. наук, вып. 8, 1941.

⁴ ВДИ, 1939, № 3.

⁵ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. Исторические записки, 1950, № 35, стр. 199—231.

⁶ В. М. Истрин. Договоры русских с греками. Изв. Отдел. русск. яз. и словесн. АН, 1924, т. XXIX, стр. 390.

было совпадать со временем фактического заключения соответствующих дипломатических актов".¹ Отсюда ясно, что договоры Олега с греками являются теми первыми письменными источниками, которые были написаны для славян и на славянском языке.

Для некоторых реакционных течений в современном зарубежном византиноведении характерно стремление всемирного принижения творческой роли Руси и славянства в ходе исторического развития общества.

Произвольный подбор и освещение фактического материала приводит представителей этих течений в современной зарубежной исторической науке к тому, что вся проблема формирования Киевской Руси сводится ими к варяжскому завоеванию.

Подобное же неправильное освещение находит у этих историков и проблема славяно-византийских отношений и связей древней Руси с Византией.

Вопреки историческим фактам, сторонники этой точки зрения пытаются равным образом отрицать выводы, полученные академиком В. Г. Васильевским из анализа житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, неприемлемые для норманистов. Поэтому в последнее время были сделаны некоторые попытки поколебать эти выводы.

Эти историки стремятся трактовать вопросы древней русской истории, по возможности избегая упоминания о славянах, хотя для всех очевидно, что древняя Русь была государством славянским, и потому славяне, естественно, и должны находиться в центре внимания историка. Так, например, для времени между 860 и 941 гг. они не признают никаких достоверных дат русской истории. Они отрицают славянскую основу возникновения древнерусского государства и повторяют легенду о варяжском завоевании Руси.

В 1936 г. в США вышла книга А. Васильева „Готы в Крыму“.² Особенностью данной книги является непомерное преувеличение роли средневековых готов в Крыму, допущенное этим автором в явный ущерб исторической истине.

Не отличается своей объективностью и исторической справедливостью и вторая книга Васильева „Русское нападение на Константинополь в 860 году“.³

Советские историки выступили против подобных фальсификаций исторической истины. В 1938 г. в работе „Византия и славяне VI в.“⁴ автором настоящей статьи было показано, что при переходе от античности к средним векам славяне сыграли не менее видную и активную роль, чем германцы. Сломив в VI—VII вв. вооруженной рукой сопротивление Восточно-Римской империи, они захватили большую часть Балканского полуострова и создали славянские государства, заселив и оставшиеся под властью Византии Фракию, Македонию, значительные районы Греции и Малой Азии. Это внедрение славян на территорию Восточно-Римской империи оказало глубокое влияние на изменение аграрных отношений в Византии.

Е. Э. Липшиц в своей работе „Византийское крестьянство и славянская колонизация“⁵ установила, что византийские крестьянские об-

¹ С. Обнорский. Язык договоров русских с греками. Сб. „Язык и мышление“, вып. VI—VII, 1936, стр. 103.

² A. Vasiliev. The Goths in the Crimea. Cambridge Mass., 1936.

³ A. Vasiliev. The Russian Attack on Constantinople in 860. Cambridge Mass., 1946, стр. 70—78; М. В. Левченко. Фальсификация истории византийско-русских отношений в трудах А. Васильева, Виз. вр., т. IV, 1951, стр. 149—159.

⁴ М. В. Левченко. Византия и славяне в VI в. ВДИ, 1938, № 4 (5).

⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. Византийский сборник, М.—Л., 1945.

щины, находившиеся еще недавно в состоянии глубокого упадка, расцвели новой жизнью в связи с славянской колонизацией VI—VII вв.

Эти положения были развиты и дополнены А. В. Мишулиным, который подчеркнул, что „славянская община создавала предпосылки для перехода Византии к феодальной системе хозяйства“, и в этом видел исторически прогрессивное значение колонизации славянами Византийской империи.

В то же время „сами славяне, минуя рабовладельческую ступень развития, переходя к феодальному строю, вступали в число сложившихся европейских народов“.¹

Чтобы ознакомить широкий круг советских читателей с римскими и византийскими источниками по древнейшей истории славян, Мишулин опубликовал переводы отрывков из произведений греческих и римских писателей I—VII вв. под заглавием „Древние славяне в отрывках греко-римских писателей“.²

Вопрос о значении славянских вторжений на территорию Византийской империи для ее социального строя и о славянской основе древнерусского государства наиболее глубоко и всесторонне освещен в трудах академика Б. Д. Грекова „Киевская Русь“ и „Борьба Руси за создание своего государства“.

Советские историки Б. А. Рыбаков, П. Н. Третьяков, М. Н. Тихомиров, А. В. Арциховский, А. Н. Насонов и др., соединяя широкую критику источников со стремлением раскрыть внутреннюю закономерную связь событий, осветить исторический процесс не как механическое нагромождение событий, а как действительно прогрессивное развитие самого общества, убедительно доказали, что первые государственные образования в среде восточного славянства возникли до пресловутого „призвания варягов“, что Русское государство возникло в результате внутреннего развития общественных отношений, что славянские племена самостоятельно создали свою богатую культуру и заложили основы восточнославянской государственности.

Советские историки—академики Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, а также и С. В. Юшков—окончательно разгромили теории норманистов, выводимые ими из анализа сочинения Константина Порфирородного „De administrando imperio.“

М. Н. Тихомиров показал, что существование славянских княжеств на территории восточных славян в IV—VIII вв. является доказанным. Недаром среди древних русских городов нельзя указать ни одного со скандинавским названием. В X в. иностранные источники начинают упорно говорить о варягах и путать их с Русью, потому что в X и начале XI в. идет непрерывная борьба между Новгородом и Киевом, в которой победа остается за новгородскими князьями, опирающимися на варягов. Отсюда домысел летописцев, мешавший признанию того неоспоримого факта, что название „Русь“—древнее название киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в. до объединения Новгорода и Киева в одно государство. Константин не упоминает о полянах потому, что поляне и были Русью, т. е. жителями киевской земли. Сильный варяжский элемент, окрашивавший дружину

¹ А. В. Мишулин. Древние славяне и судьбы империи. ВДИ, 1940, № 1; Древние славяне и крушение Восточно-Римской империи. Исторический журнал, 1941, № 10—11.

² Там же, 1940, № 1. Этой же темы касался Б. Т. Горянов в статьях „Славянские поселения VI в. и их общественный строй“ (ВДИ, 1939, № 1) и „Славяне и Византия в V—VI вв. нашей эры“ (Исторический журнал, 1939, № 10)

Игоря (о чем можно судить по именам Свенельда и Асмуда), заставил византийцев, в том числе и Константина, видеть в руссах особый народ, подчинивший себе окрестных славян.¹

Юшков дал совершенно убедительный анализ сообщения Константина о днепровских порогах. Норманисты считают эти сведения Константина главным доказательством этнической тождественности норманнов и Руси. Юшков показал, что русские названия порогов у Константина являются не переводами славянских названий, а особой географической номенклатурой. Она состояла из названий, в основе которых лежали как скандинавские, так и славянские корни и, можно думать, корни также и других языков. Следовательно, это была „международная номенклатура“, которой, вероятно, пользовались все проезжавшие по Днепру. Поскольку путь по Днепру был путем мирового значения, и по этому пути везли свои товары представители разных народностей, то можно предположить, что они принимали участие в выработке этой номенклатуры. Вероятно и в Киеве было усвоено название днепровских порогов, данное им купцами разных народностей, в том числе и норманскими.²

Свежую струю в изучение борьбы между Святославом и Цимисхием внесли в советское время работы М. Н. Тихомирова „Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в.“,³ П. О. Карышковского „Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе“.⁴

По вопросу, каковы были взаимоотношения между Святославом и болгарями, до последнего времени преобладало мнение, что русский князь силою оружия преодолел сопротивление, которое ему пытались оказать болгары, силою и кровавым террором не только навязал им свою власть, но и заставил их помогать ему в войне за Византию.⁵

Указанные авторы в своих работах привели много данных о том, что отношения между русскими и болгарями далеко не походили на отношения между кровожадными завоевателями и дрожащими под их игом рабами. Они показали, что в войне Святослава против Византии болгары были не врагами, а союзниками Святослава, боровшимися вместе с ним против византийцев, и чтобы добиться союза с болгарями, русский князь должен был пойти им на некоторые уступки.

Значительный материал по средневековому художественному ремеслу, добытый при раскопках в Херсонесе в советское время и представляющий определенный интерес для изучения русско-византийских отношений, опубликован А. Л. Якобсоном в его монографии „Средневековый Херсонес (XII—XIV вв.)“.⁶ Однако историческая часть труда А. Л. Якобсона страдает недостатками, как это установлено рецензентами его работы.⁷

¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названия „Русь“ и „Русская земля“. Советская этнография, т. VI—VII, 1947, стр. 79.

² С. В. Юшков. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 51—52.

³ Славянский сборник, М., 1947.

⁴ Виз. вр., т. VI, 1953.

⁵ См., например: А. Ф. Гильфердинг. История Сербии и Болгарии. Соч., т. I, СПб., 1868, стр. 144; М. Дринов. Южные славяне и Византия. Соч., т. I, София, 1909, стр. 338; В. Златарский. История на българската държава, т. I, ч. 2, София, 1934, стр. 600.

⁶ М.—Л., 1950.

⁷ Е. Ч. Скржинская. Рец. на кн. А. Л. Якобсона „Средневековый Херсонес“. М.—Л., 1950. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 252—269.

Нельзя также признать удачной статью Е. В. Веймарна и С. Стржеleckого „К вопросу о славянах в Крыму“, напечатанную в 1952 г. в журнале „Вопросы истории“ (№ 4).

В этой статье авторы высказывают необоснованное предположение, что славяне составляли часть постоянного населения средневекового Крыма, что Святослав владел землями в Крыму и частью этих земель наделяет топарха. Авторы только не договаривают, когда же, по их мнению, исчезает постоянное русское население в Крыму. Но, что касается вышеупомянутой „Записки греческого топарха“, то она не имеет никакого отношения к Крыму и Святославу и цитируется авторами только по недоразумению. Утверждая, что русские составляли часть постоянного населения Крыма в раннем средневековье, авторы статьи забывают, однако, ответить на вопрос, почему ни один средневековый источник не говорит о русских как о постоянном населении Крыма? Выходит, следуя Веймарну и Стржеleckому, что русские, проживая много веков в Крыму в качестве его постоянного населения, держали себя так пассивно, что о них не упомянул ни один средневековый источник. Таким поведением не отличались средневековые славяне. Там, где они проживали в значительном количестве, они заставляли говорить о себе. Вспомним милингов и эзеритов, заброшенных вглубь Пелопоннеса. О них постоянно упоминают византийские и западноевропейские источники. А отсутствие каких-либо источников говорит лишь о беспочвенности гипотез Веймарна и Стржеleckого. Б. А. Рыбаков в этом вопросе пробует опереться на авторитет Прокопия, но Прокопий помещает антов не в Крыму, а к северу от Меотиды и кутургуров. Относительно же Крыма Прокопий сообщает, что все степное пространство Крыма от Херсона до Боспора занимают гунны.¹ Только на узкой береговой полосе, как он утверждал, кроме греков, разместились готы. Следовательно, по Прокопию, для поселения славян в Крыму не было места.

Дальнейшая история Крыма также не дает никаких упоминаний о славянах как о значительном и постоянном его населении.

Русские могли в византийское время совершать нападения на Крым, могли быть там путешественниками и торговцами, еще чаще попадали туда в качестве пленных, продаваемых в рабство кочевниками, но постоянного населения Крыма они не составляли. Иначе нам будет непонятно бедственное положение Святослава в устье Днепра зимой 971—972 гг.

А. Н. Насонов (так же как и Веймарн и Стржеleckий) упускает из виду, что если бы при Святославе в Крыму или Тамани прочно укрепилось русское население и между населением Тавриды и Русью существовали такие тесные культурные и бытовые связи, какие предполагают означенные авторы, то Святослав, возвращаясь водным путем из Доростола, не стал бы зимовать в Белобережье в устье Днепра, испытывая там жестокий голод. Точно так же, если бы между Русью и Тавридой существовали указанные связи, то не имели бы места такие факты, как покупка в 1096 г. работорговцем в Херсонесе у половцев монаха Киево-Печерского монастыря Евстратия, захваченного ими в числе многих других в плен. Из источников также известно, что по уговору Евстратия пленники уморили себя голодом, а монах был подвергнут работорговцем мучительной казни, как виновник понесенного им убытка.²

¹ De bello Goth., кн. IV, 5.

² А. И. Яковлев. Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб., 1872, стр. 93 сл.

Отрицая положения Веймарна и Стржелецкого, мы не можем не признать, что в византийское время нормальное историческое развитие Крыма возможно было только при условии постоянных и прочных связей с земледельческими русскими областями (в первую очередь Приднепровья и Подонья), для которых Крым являлся естественным берегом Русской земли. Чем прочнее были эти связи, тем полнокровнее могли развиваться производительные силы самого Крыма.

Более успешно после Великой Октябрьской революции производилось изучение русско-византийских связей в области искусства и литературы.

В трудах В. Н. Лазарева, Н. Н. Воронина, М. К. Каргера отброшена старая оценка древнерусской живописи как „провинциального ответвления византийского искусства“. Так, Каргер пишет: „Русская живопись домонгольского периода все более выступает перед нами как большое и самостоятельное искусство и своими национальными и местными чертами искусство, нисколько не уступавшее по высоте своих достижений ни западноевропейской, ни византийской живописи того времени“.¹

Ценные данные для истории русско-византийских отношений дает Д. С. Лихачев в ряде своих работ. Из них необходимо отметить его статью и комментарии в издании „Повесть временных лет“, т. II, статью „Культура Руси эпохи образования русского национального государства“, в которой автор показывает самостоятельность русской культуры XIV—XV вв., и, наконец, статью „Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы“, где автор дает правильное представление об историческом значении так называемого „византийского влияния“.² Лихачеву принадлежит также постановка проблемы о классовой сущности византийского влияния, т. е. обоснование положения, почему в поисках идеологической опоры господствующему классу древней Руси пришлось на определенном этапе обратиться к развитой культуре Византии и почему принималось из Византии то, что отвечало внутренним потребностям развивающегося феодального общества на Руси.

Основные выводы относительно изучения в русской буржуазной исторической науке вопроса о русско-византийских отношениях можно свести к следующему: в русской исторической литературе не имеется труда, специально посвященного истории этих отношений. Все, что написано по этому вопросу, не выходит за пределы общих курсов по истории древней Руси или Византии или представляет изложение отдельных частных вопросов.

Это и понятно, так как из тех немногочисленных источников, которые могут быть использованы для освещения интересующего нас вопроса, нельзя получить более или менее полного представления об этих отношениях в целом и о некоторых очень важных частностях. Кроме того, часть дошедших до нас источников является в ряде случаев отнюдь не безупречной.

Рядом с серьезными исследованиями, как, например, работы Васильевского и других, мы можем насчитать ряд работ, неудовлетворительных с точки зрения самых элементарных требований, которые мы предъявляем к историческим сочинениям, именно — верности историческим

¹ М. К. Каргер. Живопись. История культуры древней Руси, т. II, М. — Л., 1951, стр. 394.

² Повесть временных лет, т. II, М. — Л., 1950 (статья и комментарии Д. С. Лихачева); Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования русского национального государства. Госполитиздат, Л., 1946; Д. С. Лихачев. Предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. Вопросы истории, 1951, № 12.

фактам. Эта характеристика относится в первую очередь к исторической литературе XIX в. и к началу текущего столетия.

В советский период в связи с общими успехами в области исторической науки достигнуты немалые успехи в разработке общих и частных проблем в различных отделах исторического знания. Некоторые ценные работы появились при советской власти и в изучении русско-византийских отношений. Однако область эта остается еще разработанной совершенно недостаточно.

Отсюда вытекают и задачи нового исследования.

Буржуазные историки утверждают, что Византия принесла Руси жизнь и цивилизацию, что древнерусская культура целиком заимствована из Византии, но забывают тот простой факт, что право древнерусского феодального государства было построено отнюдь не по византийским образцам. „Русская Правда“ отражает не византийское, а обычное право восточных славян и с византийским правом не имеет ничего общего. Напротив, оно представляет значительное сходство с „варварскими правдами“, что объясняется отнюдь не „заимствованием“, а одинаковой ступенью развития, на которой стояли эти народы.

Советские ученые опровергли теорию греческого происхождения русского летописания. Подобно всем другим народам, русские без всяких влияний и воздействий на известном этапе своего культурного развития почувствовали потребность оглянуться назад и осмыслить прошлое для самих себя. Так был создан наиболее выдающийся памятник русской древности — „Повесть временных лет“.

Русь, расположенная на рубеже Европы и Азии, веками напрягала свои усилия, сдерживала натиск азиатских кочевников, служа как бы щитом для европейского Запада. Ее положение было гораздо менее благоприятно для культурного развития, чем положение западноевропейских народов.

И все же, несмотря на такую неблагоприятную обстановку, древнерусская культура в течение X—XII в. в своем непрерывном развитии достигла высокого уровня, как об этом свидетельствуют сохранившиеся памятники материальной культуры того времени, а в области древнерусской литературы — такие величественные ее создания, как летописание, поражающее широтой замысла, богатством фактов, проникнутое идеей глубокого чувства любви к родине.

Все достижения русской культуры в дооктябрьский период, порожденные русской исторической действительностью, развивались не в изоляции от внешнего мира, а в активных и плодотворных связях с ним. Молодое, полное творческой мощи русское общество использовало эти связи для быстрого развития своей культуры. Русь была многим обязана и византийской культуре, но византийское влияние только помогало росту самостоятельной и прогрессивной русской культуры.

Некоторые зарубежные историки игнорируют самостоятельность развития Руси и других народов нашей страны и видят в Византии единственную активную культурную силу, влиявшую благотворно на своих северных соседей.

У историков, придерживающихся подобной точки зрения, Византия выступает в качестве некоего демиурга, который передает Руси начатки культуры, а Русь их пассивно рабски воспринимает. Но такое представление совершенно неправильно. Советские историки (Б. Д. Греков, Д. С. Лихачев и др.) убедительно доказали, что господствующий класс древней Руси активно брал, в силу внутренних потребностей, а не пассивно получал элементы феодальной культуры Византии, и на

русской почве прививалось только пригодное для тогдашней русской жизни, удовлетворяющее запросам русских людей.

В существующей зарубежной исторической литературе недостаточно отмечается и тот факт, что русско-византийские отношения носили всегда двусторонний характер.

Мы видели, что славяне, приняв активное участие в разрушении рабовладельческого мира, в то же время омолодили Византию, влив в ее организм много новых свежих сил, изменили своей общиной аграрный строй империи и этим надолго продлили ее существование.

Русско-византийские отношения носили двусторонний характер и после образования древнерусского государства. Русь после принятия христианства также воздействовала на Византию. Об этом воздействии свидетельствует та помощь, какую Русь различными способами оказывала Византии, помощь, которая надолго продлила существование империи. В целом Русь бережно относилась к своим связям с Византией и последней из славянских стран порвала свою церковную зависимость от Византии. Мы не касаемся в этой статье вопроса о той огромной роли, какую Русское государство играло в дальнейших судьбах греческого народа и других народов Балканского полуострова в деле их освобождения от турецкого ига.

Подчеркивая самостоятельное происхождение и значение древнерусской культуры, нельзя, однако, впадать в противоположную крайность отрицания всяких влияний, заимствований и взаимодействия народов и культур. Мы знаем, что отрицание влияний, заимствований и взаимодействия культур было характерно для вульгарных материалистов, отвергавших активность надстройки. Классики марксизма-ленинизма не отрицают влияний, заимствований и взаимодействий народов и культур.

М. Я. СЮЗУМОВ

РОЛЬ ГОРОДОВ-ЭМПОРИЕВ В ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ¹

I

Развитие Византии с V по середину XI в. во многом отличается от развития Западной Европы того же времени. В Византии, как известно, сохранился в основном государственный аппарат, центр государственной власти, сохранились торговые города. Вместе с тем в Византии сохранилось в полной мере римское право, основанное на принципе неизблемости частной собственности и товарно-денежного обращения.²

Буржуазные историки считают эту специфику истории Византии в конечном счете следствием ее географического положения. Марксистская наука, однако, не может ограничиться одним констатированием специфического фактора византийской истории. Классики марксизма учат о необходимости уяснить те объективные закономерности, которыми определялись мотивы масс людей, творивших свою историю.³

Специфические черты истории Византии не являлись ни случайностями, ни простым отражением ее географического положения, но во всем своем противоречии определялись действием объективных закономерностей. Поэтому разрешение важнейших проблем истории Византии может быть основано только на изучении действия экономических законов и активного отношения отдельных групп общества к применению этих законов.

Мы не ставим задачей настоящей статьи изучение действия всех экономических законов, управлявших общественной жизнью Византии V—XI вв. Как и в Западной Европе, в Восточно-Римской империи пробивал себе дорогу закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил. В Византии на смену работладельческого способа производства приходил феодальный, укреплялась феодальная собственность на землю и неполная собственность на работника, проявлявшаяся в различных формах — от сословного неравноправия до крепостной зависимости.

Несмотря на господство натурального хозяйства, феодальное общество не могло уже без наличия хотя бы поверхностного обмена возобновлять производство на прежнем основании и в прежних размерах: необходимы были металлы, соль, красители и т. д. А для некоторого

¹ Редакция считает некоторые положения статьи М. Я. Сюзумова дискусионными.

² О крупной роли, которую играл византийский город в экономическом отношении как центр товарного обращения для окрестного крестьянства и морской торговли, см.: Н. В. Пигулевская. К вопросу об организации и формах торговли и кредита в ранней Византии. Виз. вр., т. IV, 1951, стр. 87—88.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 41.

развития производства необходимым был обмен опытом — распространение видов и техники ремесла.

У господствующего класса феодалов имелся спрос на предметы роскоши, что стимулировало рост соответствующих ремесел и способствовало развитию обмена. Короче говоря, товарное производство должно было обслуживать феодальное общество. Часть предметов роскоши, рассчитанных на удовлетворение потребностей феодалов, производилась на месте, в ремесленных мастерских. Другие же, как шелк, парфюмерия, косметика, красители, самоцветы и т. п., получались путем обмена с самыми отдаленными странами. Совершенно закономерным является возникновение в географически удобных пунктах больших торговых центров — городов-эмпориев. Такие города существовали в античном мире для удовлетворения потребностей рабовладельцев в предметах роскоши. Являясь центрами обмена между самыми различными странами, города-эмпории становятся также центрами обмена производственным опытом.

Развиваются различные ремесла. В условиях наличия более или менее крупного для того времени „массового“ спроса, города-эмпории делаются также важнейшими центрами товарного производства. В рабовладельческом обществе товарное производство и товарное обращение получило относительно широкое распространение. Но товарное обращение развивалось по своим законам, которые в основном покоились на законе стоимости. Законы товарного обмена существовали в условиях разных формаций. В. И. Ленин писал об этом: „Равным образом и для объяснения роли скупщика мы должны принять, что покупка-продажа продуктов совершается им по общим законам товарного обмена“.¹ Закономерности товарного обращения — закон стоимости в его развернутой форме, ценообразования, анархии производства, конкуренции — все это присуще было не только капиталистическому обществу, но и всякой формации, в которой господствовала частная собственность на средства производства: „товарное производство, как и всякая другая форма производства, имеет свои особые, присущие ему и неотделимые от него, законы; и эти законы пробивают себе путь вопреки анархии, в самой этой анархии, через нее. Эти законы проявляются в единственно сохранившейся форме общественной связи — в обмене — и действуют на отдельных производителей как принудительные законы конкуренции. Они, следовательно, сначала неизвестны даже самим производителям и должны быть открыты ими лишь постепенно, путем долгого опыта. Следовательно, они устанавливаются помимо производителей и против производителей, как слепо действующие естественные законы их формы производства“.² Энгельс говорил о том, что „дремавшие раньше законы товарного производства“ действуют более властно с расширением товарного производства.³

Действие законов товарного производства в условиях рабовладельческого способа производства было ограничено. Не было ничего подобного национальному рынку. Грандиозные поставки продуктов и прочих предметов потребления в порядке литургий были только формой грабежа покоренных народов, но не элементами единого рынка. Вся внутренняя торговля между отдельными местными рынками велась по принципу внешней торговли. Поэтому товарное производство, обслуживающее античное общество, сосредоточивалось в отдельных городах.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 313.

² Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1950, стр. 255—256.

³ Там же, стр. 256.

Это — города-эмпории с окружающей их периферией. Именно в городах-эмпориях с их развернутым товарным производством должны были отчетливо действовать закономерности товарного производства. Но во время общего кризиса рабовладельческого общества товарное производство и обращение были потрясены. Целый ряд торговых городов, в особенности в Западной Европе, потерял свое значение. Однако товарное производство не могло исчезнуть совершенно. Существование его было необходимо для развития феодального способа производства и всего феодального общества. Там, где имелись соответствующие географические условия, античные города-эмпории не погибли, а напротив, стали развиваться. Такие города, как Константинополь, Фессалоника, сохранились в раннем средневековье: 1) так как в них ощущалась необходимость, 2) в силу удобства своего географического положения, 3) вследствие наличия готовой производственно-торговой организации, 4) потому что господствующий класс сумел использовать в своих интересах товарное производство и обращение для феодализирующего общества, сумел извлечь выгоды из географического положения отдельных городов, сумел удачно применить, переделывать, приспособить к новым условиям античные производственные и торговые традиции и 5) потому что городское население сумело защитить города от „варварского“ разгрома и с высоким трудолюбием и вкусом производить материальные ценности, восхищавшие людей того времени.

Полный упадок городов как центров товарного производства мы наблюдаем в Западной Европе в VI—IX вв. Но такой упадок городов не был повсеместной и обязательной необходимостью при переходе от рабовладельческой формации к феодальной. Города как центры товарного производства перешли в готовом виде в средневековье и в Византии, и в Южной Италии, и, отчасти, в Испании, и в Китае.

Все население городов-эмпориев, естественно, стремилось отстоять от „варваров“ условия для сохранения товарного производства. Ведь победа „варваров“ сопровождалась уничтожением старого государственного аппарата. Но старое государство охраняло принцип частной собственности. С крахом этого государственного аппарата частная собственность в городе, безразлично, была ли она крупной или же мелкой собственностью ремесленника, никем не охраняемая, погибала. Сами ремесленники, как люди полезные, попадали к варварским вождям в качестве пленников-рабов. Естественно, что горожане, защищая условия для товарного производства, должны были поддерживать существовавшую власть в городе-эмпории, и не потому, что мелкие товаропроизводители склонны были поддерживать рабовладение, не в силу своей привязанности к рабовладельческому государству, но потому, что товарное производство нуждается в непрерывности, в преемственности. Нарушение преемственности и гибель существующих норм являлись в то же время гибелью налаженного товарного производства. Правда, в дальнейшем товарное производство и частная собственность могли появиться и развиваться и в феодальном государстве. Но это было бы результатом длительного процесса. В период же варварских нашествий городское население городов-эмпориев объективно, несознательно защищало рабовладельческое государство, которое своим законодательством, действующим правом гарантировало существование норм товарного обращения, необходимых и закономерных в обществе, перешедшем на товарное производство. Поэтому все свободное городское население, вовлеченное в товарное производство, не могло безразлично относиться к варварскому завоеванию: оно могло

только выступать с оружием в руках против варваров, грозящих гибелью и частной собственности, и рыночным отношениям, и возможностям товарного производства. И городские крупные землевладельцы-домовладельцы, собственники проастиев, и купечество, и ростовщики, и собственники оргастерий, и мелкие ремесленники, и люмпенпролетарии, пользующиеся подачками со стороны государства и господствующих классов, — все они стояли за сохранение крупного города-эмпория. Источники сохранили сведения об упорной борьбе городского населения крупных городов за сохранение города как центра товарного производства. Достаточно привести примеры защиты населением Константинополя в 378 г., выступление населения столицы против Гайны в 400 г., неоднократная оборона Фессалоники. Конечно, от этой защиты города-эмпория от варварского разрушения выиграла в первую очередь городская землевладельческая знать — собственники больших домов и проастиев, сановники рабовладельческого государства. Сохранение городов-эмпориев, которые были в то же время крупными административными и культурными центрами, давало возможность существовать непрерывной традиции рабовладельческого государства и ряду элементов надстройки рабовладельческого общества. Сохранение крупных городов-эмпориев не спасло рабовладельческой строй, но зато определялась специфика исторического пути развития для восточной части Римской империи, — генезис феодализма в Византии стал проходить в условиях наличия сравнительно крупных центров товарного производства, относительно широкого товарного обращения во всей стране, а также в условиях, когда элементы надстройки феодализующейся Византии оформлялись в обстановке товарного производства, сохранившего преемственность и непрерывность от времен античного мира.

II

Под словом „ἐμπόριον“ разумелось каждое место, где ἔμποροι разных центров торговли производили торговые сделки. Обычно „ἐμπόριον“ — гавань. Но древние упоминали и ο ἔμπορος ὡν ἐμπόριον. При этом слово „ἐμπόριον“ связывалось с представлением о центре товарного производства: „ἐρχομένων μετὰ ληστραίων“ (Themistii oratio, 18). К. Маркс называет эмпориями центры крупной морской и сухопутной торговли, „где, стало быть, производство, так сказать, естественно рассчитано на меновую стоимость . . .“. К крупным византийским городам-эмпориям в основном можно отнести Константинополь и Фессалонику. Такие эмпориев, как Антиохия, Александрия, перешли к арабам, большинство же других византийских городов после событий VI—VII вв. пришли в упадок, аграризировались; их дальнейший подъем в XI—XII вв. происходил уже на основе внутреннего развития феодальной экономики провинции.²

Можно отметить три особенности византийских городов-эмпориев.

1) Товарное производство этих городов обслуживало не только местный рынок, не только Византию, но и феодализующиеся страны Западной и Восточной Европы.

2) Многолюдные города-эмпориев, как Константинополь и Фессалоники, были также центрами потребления доходов провинциальной знати

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 48.

² Е. Э. Аяпшиц. *К вопросу о городе в Византии VIII—X вв.* Виз. вр., т. VI, 1953 г. и А. П. Каждан. *Византийские города в VI—XI вв.* Советская археология, т. XXI, 1954.

и представляли собою обширный местный рынок, вовлекавший в товарное производство окрестное население.

3) Старые города-эмпории, Константинополь и Фессалоника, оставались в продолжение всего существования Византии ее административными и культурными центрами.

Все эти особенности отразились на историческом развитии Византии.

Во внешней торговле периода генезиса феодализма главными товарами были предметы роскоши. При наличии массового сбыта предметов роскоши производство рабовладельческого типа могло долго удерживаться даже в условиях феодального окружения. Труд раба делался невыгодным, нерентабельным. Но эта нерентабельность могла быть в условиях товарного производства обнаружена только в действии закона стоимости. Между тем мы знаем, что в феодальном обществе товары продавались по стоимости только на внутреннем рынке. На внешнем рынке продажа, как правило, осуществлялась не по стоимости. Ф. Энгельс пишет о торговле в средние века: „... мы обнаруживаем здесь такое явление, что во внутреннем розничном обороте между отдельными производителями товары в среднем продаются по своим стоимостям, а в международной торговле, по указанным основаниям, общим правилом является продажа не по стоимостям. Полная противоположность современному положению...“¹ То обстоятельство, что товары на внешнем рынке продавались не по стоимостям, делало нерентабельность рабского труда менее заметной. Поэтому, пока городов-эмпорий было мало, пока на внешнем рынке не развилась конкуренция, рабовладельческие отношения в городах-эмпориях могли сохраняться в продолжение длительного времени. Возможность сбыта иностранцам за дорогую цену предметов роскоши приводила к тому, что цены на них поднимались и внутри города-эмпория. Это в свою очередь вызывало стремление крупной знати иметь в своих „домах“ свое производство предметов роскоши силами своих рабов в своих гинекеях, — как это мы видим в Константинополе X в. на основании текстов „Книги эпарха“ (VIII, 2). Поскольку же в производстве имелись возможности сохранения старых производственных отношений, полная частная собственность на раба представляла собою известную ценность в условиях крупного города-эмпория. Но эти старые производственные отношения могли сохраняться только в сравнительно узкой сфере производства предметов роскоши, могли сохраняться только в качестве уклада.

Помимо того, раб, рабыня представляли собою ценность как предметы роскоши. Однако в византийском праве стоимость раба определялась его деловыми, производственными навыками, его *τεχνη*.² Все это приводило к тому, что в Византии феодализирующееся государство сохраняло законодательную защиту рабовладения, хотя рабовладение и перестало быть основой производственных отношений в Византии. Это вылилось в стремление византийского законодательства сохранить в неприкосновенности все позднеримские положения о статусе раба.

К тому же возможности широкого массового сбыта предметов товарного производства на внешний рынок создали условия для возникновения мануфактур нерабовладельческого типа. К. Маркс указывал: „Мануфактура возникает там, где происходит массовое производ-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III. Гос. Изд. полит. лит., 1950, стр. 917.

² Василики, XVI, 8, 6; Новелла Льва VI, 66; Пира, 38, 32.

ство на вывоз для внешнего рынка, следовательно, на базе крупной морской и сухопутной торговли, в эмпориях (коммерческих центрах), каковы итальянские города, Константинополь...¹

В производстве шелковых тканей, которое было главной отраслью производства предметов роскоши на вывоз, развивались элементы разделения труда с подчинением мелких ремесленников как работников на дому. В „Книге епарха“ говорится о катартариях, которые находились в экономической зависимости от метаксопратов. Катартариев нельзя еще назвать в полном смысле работниками на дому, поскольку они формально не получали от метаксопрата сырье, а покупали его.² Но поскольку они обязаны были продавать очищенную метаксу не на сторону, а только метаксопрату, они переходили на положение работников на дому. Положение катартария — любопытный пример переходного состояния от самостоятельного ремесленника в состояние работника на дому.

Источники приводят данные о наличии в городах-эмпориях наемных работников-мистиев. При массовом сбыте наемный труд в византийских городах-эмпориях был необходимостью в большей мере, чем в небольших городах запада, эпохи средневековья, где тоже существовал труд поденщиков. Мистии представляли собою многочисленную, но неустойчивую, классово-неопределенную прослойку.

В основном в качестве мистиев нанимались в летнее время городские бездомные люмпен-пролетарии. Иоанн Златоуст говорил о константинопольской бедноте: „Летом бедные имеют облегчение — в удобстве заниматься работами, в них нуждаются и строители домов, и возделыватели земли... зимой же... никто их, несчастных, не принимает в услужение“.³ Нанимались и пришедшие из деревни; мистием мог стать и разорившийся купец; бедный ремесленник время от времени мог тоже поступать в услужение в качестве мистия; в качестве мистиев на время нанимались иногда и странствующие монахи; мистием мог стать и человек, отрабатывающий сумму задолженности по решению суда; мистием считался и выкупленный из плена, отрабатывающий сумму выкупа. Мистием мог стать и раб — или по воле господина, который получал от этого доход, или же без его ведома. Во всех случаях состояние мистия было временным, случайным.⁴ Положение это вполне соответствует феодальному строю. Ф. Энгельс указывал, что только в капиталистическом обществе „рабочий, нанимающийся время от времени, превратился в пожизненного наемного рабочего“.⁵ Но и это случайное временное состояние наемного работника

¹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству*. 1940, стр. 48.

² М. Я. Сюзюмов. *Книга епарха*. Ученые записки Свердл. пед. инст., VI, 1949, стр. 64.

³ MPG, 49, стр. 270.

⁴ Новелла Льва VI, 100; Эклога, VIII, 6; ср.: *paratone* — ВГУ, IV, 1153, II, 1154; *Nomos Nautikos*, VIII, стр. 15, ed. Ashburner; Новелла Юстиниана, 80; о мистии — рабе см.: Prochiron, XVII, 23; Василки, 60, 50, 1, с. 16; Василки, 20, I, 41, с. 1; 20, I, 44; 60, 7, 9 и 18, I, II, 8; 60, 14, 1, с. 8. — О прибывающих из деревни на заработки см.: Н. В. Пигулевская. *Месопотамия на рубеже V—VI вв. М.—Л., 1940*, стр. 42; она же. *Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1942*, стр. 156. О мистиях: Е. Э. Липшиц. *Византийское крестьянство и славянская колонизация*. Византийский сборник, 1945, стр. 126, в основном о мистиях в сельском хозяйстве; А. П. Каждан. *Рабы и мистии в Византии IX—XI вв. Ученые записки Тульск. педаг. инст., 1951*.

⁵ Ф. Энгельс. *Анти-Дюринг*. Гос. Изд. полит. лит., 1951, стр. 255.

сыграло важную роль в действующем праве. Юридические нормы найма рабочей силы были разработаны византийским правом.¹

Вторая особенность города-эмпории приводила к важным следствиям. Население, исчисляемое сотнями тысяч, множество иностранных купцов, проживающих в столице, представители провинциальной знати (чиновничество, служители церкви), тысячи приезжающих по судебным делам, — все они создавали емкий рынок сбыта с большой покупательной способностью. В результате этого в городах-эмпориях имелось множество ремесленников, изготавливающих предметы массового спроса не на внешний, а на местный рынок. Развиваясь в условиях местного рынка, мелкие эргастерии ремесленников и торговцев представляли собою типичные предприятия средневековых городов.

Уставы византийских мясников, булочников, вино торговцев, рыбо торговцев, поскольку мы можем судить по „Книге эпарха“, в существенном мало отличались от подобных же уставов западноевропейских городов. Эти мелкие предприятия вполне соответствовали характеру производительных сил того времени. Те виды хозяйств мелких товаро производителей, которые сосуществовали рядом с рабовладельческими эргастериями в античном городе, теперь превратились в основной вид мелкого производства в византийском средневековом городе. Поскольку эти мелкие хозяйства перешли в готовом виде от античного времени,² византийские города-эмпории по своей внутренней организации на много веков опередили средневековые города Западной Европы. Широкий местный рынок города-эмпория вовлекал в товарное производство окрестное население на большом пространстве вокруг города. Крестьяне, жившие в окрестных селах, переходили на так называемое подгородное хозяйство, которое, сохраняя внешние черты натурального производства, тем не менее уже являлось органической частью городского товарного хозяйства, будучи связано со снабжением города продуктами питания, топливом и т. д.

Потребности емкого городского рынка вызывали к жизни подгородные хозяйства крупных городских богачей. Это — так называемые проастии, экономическая сущность которых может быть понята только в связи с товарным производством. В проастиях работали рабы и мистии; только с XI в. в подгородных проастиях появляются поселенные парики, которые и вытеснили рабский труд в проастиях. Подгородные проастии представляли собою не элемент потребляющего хозяйства, но связанные со снабжением города предприятия товарного производства (виноградники, оливковые рощи, фруктовые сады, солеварни). До известной степени аналогией им можно считать фольварки в Польше.

Наличие широчайшего местного рынка и удобств для торговых операций давали возможность товаро производителям сбывать продукты своего труда прямо потребителю, не нуждаясь в посреднике. Законодательство запрещало торговое посредничество, требуя строго отличать покупку для собственного потребления и покупку для перепродажи. Только члены специальных корпораций в ограниченной сфере своей специальности могли быть торговыми посредниками между производителем и потребителем. В Константинополе скупщик не был только посредником; в большинстве случаев он скупал товары, имея в виду повышение цен при их недостатке, то есть делал ставку на

¹ Cod. Iust., VIII, 10, 12, 9; Книга эпарха, гл. 22.

² М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в. Виз. вр., т. IV, 1951, стр. 13.

товарный голод. Ту экономически необходимую роль, которую скупщик играл во втягиваемой в товарное обращение деревне, в городе-эмпории для местных мелких производителей он играть не мог. В отраслях, где не требовалось сложного оборудования и дорогостоящего сырья, мелкие товаропроизводители города и подгородной деревни могли обходиться без посредника, тогда как в условиях феодальной деревни скупщик был „хозяйном“ местного рынка.¹ За исключением узкой сферы производства предметов роскоши, превращение мелкого товаропроизводителя в наемного работника на дому в таком центре, как Константинополь, могло происходить только замедленными темпами.

Широчайшие возможности прямого сбыта потребителю своих изделий приводили к концентрации в Константинополе и Фессалонике громадного количества мелких товаропроизводителей, взаимно конкурирующих и снижающих цены на свои изделия. В результате заработок мелкого товаропроизводителя становился минимальным, едва обеспечивающим полуголодное существование. Современники единогласно констатируют ужасающую нищету громадных масс населения Константинополя.² Но эта нищета населения не стала источником создания капиталов, доставляя преимущественно только потребляющему богатству (чиновный мир, церковь, феодалы).

Наличие в городе-эмпории более или менее централизованного аппарата феодализирующегося государства сыграло особенно важную роль в византийской истории. Аппарат всякого феодализирующегося государства является, в сущности, орудием угнетения в руках класса феодалов, но по форме своей аппарат власти в феодальном поместье значительно отличается от аппарата государства, центром которого является большой торговый город. Развиваясь в обстановке товарного хозяйства, государственный аппарат, естественно, должен учитывать потребности тех прослоек господствующего класса, доходы которых связаны с эксплуатацией мелких товаропроизводителей и внешней торговли. В Византии это было тем более необходимо, поскольку Константинополь был не простым центром торговли, но „золотым мостом между Востоком и Западом“, как его называл К. Маркс.³

Доходы государства во многом зависели от развития товарного обращения в крупных городах. Поэтому законодательство государства, естественно, учитывало в первую очередь не натуральнохозяйственные отношения, но потребности товарного хозяйства. Действующее право позднеримского времени, получившее свое оформление в обстановке крупных городских центров, покоилось на юридических идеях, отражающих условия того общества, которое полностью было втянуто в товарные отношения.

Естественно, что эти юридические идеи исходили из признания господства той формы собственности, которая наиболее соответствовала товарному обращению: *dominium plenum*. Под полной собственностью, по Юстинианову и позднему византийскому праву, мы можем разуметь собственность товаровладельца на товар; собственник может перепродать, заложить, сгноить товар. В обществе, в котором господствует товарное хозяйство, понятия „товар“ и „полная собственность“ взаимно связаны. Это относится не только к движимому и „самодвижущемуся“ имуществу, но и к недвижимости, к земле. Собственность на участки земли и в городе была непременным условием политического могущества

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 313.

² Обзор документов, рисующих нищету в Константинополе, см.: А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным агнографии. М., 1917, стр. 130, 209 и сл.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 441.

данного лица. Патриографы, а также данные топонимики и отдельные сообщения из агнографии и хроник дают представление о том, что земельные участки в городе и в пригородах находились в собственности лиц, имевших крупное значение в политической жизни страны. Даже районы торговых рынков, пристаней назывались по имени вельмож, имевших в собственности данные участки земли (Эмвол Домнина, Леонтия, гавань Елевтерия, порт Цезария и т. д.). Собственник *ἔδαφος*, т. е. участка земли в городе под постройкой, под городским или пригородным садом, под проастием, был безусловно полным собственником. Он мог свой *ἔδαφος* продать, заложить, подарить, пожертвовать церкви, мог внести в свой участок улучшения, мог забросить его.¹ Согласно „Кодексу“ Юстиниана, „Василикам“, „Шестикнижию“ Арменопула — собственность на землю была полной. *Δεσποτῆς* мог неограниченно распоряжаться своей землей. С точки зрения мобилизации земельной собственности ни „Дигесты“, ни „Кодекс“, ни „Василики“ не знают в основном ограничений. Это было естественно, так как в основу юридической теории были положены отношения города-эмпория с развитым товарным обращением. Эти отношения городского хозяйства в юридической теории переносились и на всю страну, несмотря на то, что в стране в основном господствовало не товарное производство, а натуральное хозяйство. Эта полная собственность не была только голой теорией; в купчих, актах передачи, в различных сохранившихся монастырских актах постоянно подчеркивается, что речь идет именно о полной частной собственности. Формулой передачи обычно были слова: „*κατέχειν καὶ νέμεσθαι ἀπὸ τοῦ νῦν καὶ εἰς τοὺς ἐξῆς ὅπαντας χρόνους, κατὰ τελείαν δεσποτείαν καὶ ἀναφαίρετον κυριότητα, ἔχουσα ἐξουσίαν πάντα ποιεῖν καὶ πράττειν, ὅσα περ οἱ θεοὶ νόμοι τοῖς ἀλλήλοισι τῶν πραγμάτων δεσπταῖς πράττειν διαμελῶνται*“ (иметь в собственности и владеть от настоящего времени во все последующие времена, по праву полной собственности и неограниченного хозяйствования, имея власть делать и предпринимать все, что позволяют царские законы предпринимать подлинным собственникам вещей).

Такое же понимание полной частной собственности переносилось и на крестьянское владение в недрах свободной общины. Это подрывало общинную собственность. Особенно это перенесение можно засвидетельствовать в подгородных районах. На примере славянских общин около города Фессалоники мы видим, как быстро в условиях товарно-хозяйственного окружения племенная собственность превращалась в полную частную собственность землевладельца.² В типичных для феодализма натуральнохозяйственных условиях барщинного хозяйства феодальная собственность была соединена с наличием зависимых мелких хозяйств собственников, которые, как правило, были полными

¹ Собственность на земельный участок являлась превалирующей перед всеми остальными видами собственности на средства производства. „Если кто на своем участке построил здание из чужого материала, то он именно и считается господином здания, так как все, что построено, делается принадлежностью участка. . . Наоборот, если кто на чужом участке построил здание из своего материала, здание будет считаться собственностью господина участка. . .“. Эти положения Дигест (41, 1, 7) включены в „Василики“ (50, 1). Конкретный случай покупки пустого места в городе — незастроенного участка земли в Константинополе: МРГ, 108, стр. 919. Патриографы передают, с каким трудом Юстиниан смог купить у одной вдовы участок земли, необходимый для постройки храма св. Софии. О продаже и сдаче в аренду собственниками пустырей вокруг домов см.: Василики, 20, 1, 57, ст. 1.

² Е. Э. Аляшиц. Из истории славянских общин в Македонии в VI—IX веках. Академику В. Д. Грекову ко дню семидесятилетия, сборник статей, М., 1952, стр. 53.

собственниками орудий труда и продуктов труда и владельцами, притом наследственными, земельных участков. Поскольку господствующий класс феодалов был связан отношениями землевладения, частная собственность на землю дополнялась различными формами неполной, условной собственности: владения, держания, пользования, что хотя и тесно, неразрывно связано было с феодальной собственностью, но не было полной собственностью. Мобилизация всех таких владений, держаний, пользований хотя и была возможной, но была затруднена. В условиях города, наоборот, полная частная собственность с полной свободой мобилизации господствовала неоспоримо. Всякое же стеснение в мобилизации земельных владений есть типичное явление феодального строя и в дальнейшем приводило к задержке общественного развития.¹

Таким образом, мы должны отметить наличие противоположных тенденций: в районах, вовлеченных в товарное производство вокруг городов-эмпориев, мы замечаем тенденцию к всемерной свободе мобилизации земельной собственности, — в районах преобладания натурального хозяйства, наоборот, мы можем отметить всяческие препятствия отчуждению земельных владений. Новеллы о запрещении продажи динатам крестьянских земель действительно были в провинции и недействительны были в стоимильной полосе вокруг Константинополя, т. е. в районе, втянутом в товарное производство.² Интересно отметить, что как раз тот император, который в наибольшей степени соблюдал интересы городского товарного хозяйства, именно Лев VI, в своих новеллах вводил неограниченную свободу купли-продажи земельных владений в столице и сохранял в то же время ограничения в провинции (нов. 84 и 114). Мануил Комнин, отражавший тенденции феодальных землевладельцев провинции и высшей знати, пытался ограничить свободу отчуждения земли. Андроник Комнин, который в большей мере отражал интересы городской знати, отменил этот указ.

Как во времена Юстиниана, так и в IX, X, XI вв. византийское правительство стремилось распространить на всю территорию империи действие норм римского права, основанного на отношениях товарного хозяйства и частной собственности. Но в византийской провинции господствовало в основном натуральное хозяйство, силен еще был среди крестьянства общинный уклад.

Dominium plenum — полная собственность на участок земли или дом — в условиях большого города-эмпория являлась в то же время правом на эксплуатацию мелкого товаропроизводителя. Ремесленник был собственником мелких орудий труда, но мастерская, дом на собственном участке земли доступны были лишь весьма состоятельным. Обычно мелкий товаропроизводитель работал в портиках, примыкающих к большому дому знатного горожанина, или же снимал помещение под мастерскую в доме богатого горожанина.³ Вопрос об „энойкион“,

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 271.

² Пира, 51, 9.

³ Иногда мастерская сдавалась по частям многим мелким ремесленникам, работающим самостоятельно, но в одной мастерской. В таком случае ремесленники платили хозяину только за право работать в мастерской, но не имели права жить в ней. В Книге епарха соответствующей формой являлась мастерская кожевников, где много ремесленников работали в одной мастерской каждый сам для себя (Книга епарха, XIV). В папирусах имеются примеры сдачи мастерской по частям с условием работать, но не жить в ней. (Pap. Lond., III, 994—517 г.; Pap. Cairo, 67110). Подобное же требование, очевидно, предъявлялось и снимающим мастерские на Месе, — плавильщики золота должны были работать не на дому, а в мастерских (Книга епарха, 2, 11).

квартирной плате в Константинополе, был острым. В „Книге епарха“ неоднократно приводится запрещение „явно или скрытно“ повышать квартирную плату за помещение под эргастерию.¹ Из действующего права „Василик“ мы узнаем, что вместо части денежной квартирной платы иногда мелкие товаропроизводители обязаны были отрабатывать домохозяину или выплачивать продукцией своей эргастерии.² И домовладелец, и снявший у него помещение под мастерскую были частными собственниками. Доход домовладельца — эксплуатация мелкого товаропроизводителя собственником земельного участка, на котором находился дом, аналогична феодальным формам эксплуатации в деревне.

Как мелкое крестьянское хозяйство в деревне, так и мелкое ремесленное хозяйство в городе отдавали прибавочный продукт собственникам земельных участков.

В городе-эмпории существовала и другая форма эксплуатации мелкого товаропроизводителя: получение от государства права на сбор пошлин и налогов с данной мастерской. Константин Великий, затем Анастасий пожаловали церкви поступления налогов от 1100 мастерских на специальные цели (погребение бедных). В дальнейшем эти поступления по назначению не расходовались, но, тем не менее, Лев VI подтвердил права церкви на сбор налогов в ее пользу с 1100 мастерских. В данном случае мы имеем дело не с полной частной собственностью, но с правом пользования частью доходов от мастерских. Такие мастерские нельзя было продать, „но право на них и продается и покупается“, как это говорилось в отношении к праву над монастырями у Вальсамона (Комментарии к „Номоканону“ Фотия, II, 1, 3). Это было городской разновидностью проники. Подобные эргастерии вносились в практики и являлись феодальным владением лица, приобретшего соответствующие права. По данным монастырских актов, монахи включали в свое феодальное владение расположенные в городских и пригородных метохах эргастерии.

III

Поскольку в городе-эмпории существовали в качестве уклада рабовладельческие отношения, поскольку товарнохозяйственные отношения в городе приспособлялись к обслуживанию феодального общества, поскольку в городе пробивали себе дорогу феодальные отношения, естественно, что в городе-эмпории преобладали отношения, характерные для переходного времени.

В. И. Ленин в своем труде „Развитие капитализма в России“ писал о переходной эпохе между барщинной и капиталистическими системами хозяйства: „капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, система, соединявшая в себе черты и барщинной и капиталистической системы... Вполне естественно, что соединение столь разнородных и даже противоположных систем хозяйства ведет в действительной жизни к целому ряду самых глубоких и сложных конфликтов и противоречий,

¹ Книга епарха, IV, 9; IX, 4; X, 3; XI, 7; XIII, 6; XIX, 2.

² Во 2-й сходи к „Василикам“ (XX, 1, 23) говорится о том, что домохозяин в качестве квартирной платы от портного, ткача, переплетчика, переписчика книг получал 12 номисм деньгами и вместо остальных 12 номисм — натурой, т. е. их работой на домовладельца, „когда понадобится“. Подобная же форма эксплуатации встречается и в папирусах: Pap. Оху, XVI, 1890—508 г.; Pap. Сагго, 67110, 565 г.

что под давлением этих противоречий целый ряд хозяев терпит крушение и т. д. Все это — явления, свойственные всякой переходной эпохе.¹ Поскольку В. И. Ленин говорит о „всякой переходной эпохе“, приведенные общие положения могут быть применены в известной мере и к анализу отношений переходного времени отмирания рабовладельческих и утверждения феодальных порядков. В качестве яркого примера переходных форм имущественных отношений мы можем отметить рабов, которые, будучи приняты в цех в качестве полноправных членов, ведут самостоятельно мелкое хозяйство. Это хозяйство по принципу „свободного управления пекулием“ нельзя назвать quasi самостоятельным. Это — не работник на дому по заданиям скупщика. Это хозяйство велось самостоятельно, поскольку работа в такой эргастерии раба-ремесленника не зависела от другого предпринимателя.² Подобная эргастерия является типичным средневековым мелким хозяйством, использующим подсобный труд наемного работника или ученика. Однако если технически и организационно такая эргастерия раба — типичное средневековое хозяйство, то в имущественном отношении подобное хозяйство еще полностью сохраняет основы рабовладельческого способа производства: раб в силу своего статуса не мог иметь собственности на средства производства; он мог только по милости господина (вернее: пока это представлялось выгодным господину) пользоваться предоставленным ему правом распоряжаться пекулием. Хозяйство раба не могло считаться ни держанием, ни арендой: ведь раб в силу своего статуса не мог вступать в соглашение со своим господином. Поэтому в положении раба, полноправного члена цеха, например серикария,³ мы имеем перед собою яркий пример соединения противоположных отношений: самостоятельное распоряжение средствами производства, полноправие наряду с другими членами цеха, и, с другой стороны, сохранение имущественных отношений отжившего периода. В источниках последующего времени (т. е. XIII—XV вв.) мы уже не видим больше таких хозяйств. Нужно думать, что попытка использовать мелкое зависимое хозяйство с сохранением полной собственности на человека окончилась неудачей. Подобные соединения могли приводить при доходности предприятия к выкупу раба — хозяина на свободу или, наоборот, к краху подобного предприятия и ответственности господина за действия раба.⁴

В продолжение всего переходного времени вплоть до окончательного утверждения феодальных институтов в середине XI в. в Византии политическая власть находилась (за немногими исключениями) в руках городской знати. Законодательство, которое отражало интересы именно городской знати, сохранило основы того права, которое понадобилось в дальнейшем и для феодального товарного производства и, как готовые формулы, даже для капитализма. Ведь основные положения права, регулирующие не производство как таковое, а отношения товарладельцев между собою, т. е. основные положения о купле, продаже, ипотеке, ссудных операциях, различных договорных соглашениях, —

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 160—161.

² О свободном управлении пекулием — Василки, 13, 1, 11; 13, 1, 28, ст. 28 и др. О законности сделок, заключенных рабом, имеющим право свободного управления пекулием: Василки, 18, 5, 21. О праве господина отнять пекулий (с оговоркой — не в ущерб кредиторам по заключенным рабом сделкам): Василки, 18, 5, 9, ст. 37; 22, 5, 20, ст. 2. В юридической практике XI в. о пекулии: Пира, 38, 28, 38, 40.

³ Книга епарха, VIII.

⁴ Там же.

могли быть действительными и для рабовладельческого, и для феодального, и для капиталистического обществ; товарное хозяйство с присущим ему действием закона стоимости при наличии конкуренции, анархии производства, т. е. в условиях классового общества, имеет много общего на всем пути его развития. Очень много было сделано для оформления гражданского права для общества, покоящегося на товарных отношениях, при Юстиниане. Игнорировать значение законодательной деятельности Юстиниана — значит недооценивать роль надстройки. Отдельные сентенции, юридические положения полузабытых, иногда не имевших веса в свое время юристов II—III вв. Юстиниан сделал официальной доктриной, действующим правом (Дигесты). Поскольку товарное хозяйство стало ощущать разложение рабовладельческого типа собственности, понадобилось внести изменение и в самое понимание частной собственности. Вместо характерного для античного общества разнообразия типов собственности Юстиниан законодательным путем ввел понятие единой полной частной собственности. Во время Юстиниана старинное различие типов собственности было уже не более чем „пустым и излишним словом“, почему Юстиниан приказал: „пусть каждый будет полным и законным господином над рабом или прочими предметами“, „мы не допустим никакой разницы между собственниками“ („Nullam esse differentiam patimur inter dominos... sed sit plenissimus et legitimus quisque dominus sive servi sive aliarum rerum“).¹ Во всех юридических документах позднейшего времени полная частная собственность понимается уже в смысле юстиниановской *dominium plenum*.

Однако вводя необходимые для будущего юридические нормы, византийское законодательство на всем протяжении истории Восточно-Римской империи сохраняет институт рабовладения. Сами рабовладельцы, особенно перед смертью, часто отпускали на волю своих рабов, так как не видели в их сохранении особой выгоды для наследников. Факт нерентабельности рабства нашел отражение в признании церковью отпуска рабов на волю актом индивидуального благочестия. В то же время церковь, будучи на страже интересов собственников, предавала проклятию лиц, выступавших принципиально против рабства как института. Подобным же образом и государственное законодательство, всячески поощряя индивидуальный отпуск рабов на волю, тем не менее строго стояло за сохранение рабства как института. Рабство количественно сокращалось по мере того, как приходил в упадок рабовладельческий уклад в производстве. Но законодательство не ввело никаких изменений в правовое положение раба. Пока оставался в Византии хоть один раб, его правовое положение оставалось таким же, каким оно было во II в.² Отсутствие в законодательстве запрета рабовладения и сохранение законности права владения рабом являлось результатом не только сопротивления отживших слоев общества, но и тем, что рабство как институт использовалось и впоследствии. Юридическое сохранение рабства отчасти использовано было феодалами для оформления наиболее тяжелых форм крепостной зависимости. Еще в большей мере впоследствии понадобился институт рабства восходящей буржуазии в практике колониального грабежа.

Естественным, закономерным путем политических отношений в византийских городах-эмпориях было бы превращение таких городов, как

¹ Cod. Inst., VII, 25.

² М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. Уч. зап. Свердл. педагог. инст., вып. 11, 1955.

Константинополь, Фессалоника, Трапезунт в самостоятельные городские аристократические республики типа Венеции, Дубровника и т. п. Мы знаем, что в торговых городах — Трапезунте, Херсонесе, Фессалонике — происходили попытки превратиться в самостоятельные города-государства. Но то, чего удалось добиться Венеции и другим более отдаленным от Константинополя южноитальянским и адриатическим городам, не удалось Фессалонике, Трапезунту. В самом Константинополе имелись определенные тенденции к аристократической республике — сплочение синклита, покупка должностей и званий давала возможность вливаться в состав знати разбогатевшим на торговых операциях лицам. Синклит имел тенденцию превратиться в Большой Совет аристократических республик. Но этого не произошло: Константинополь исторически сложился как центр крупного государства, и это повлияло на историческое развитие византийских городов-эмпориев. В византийской провинции закономерным был другой путь к феодализму. Это — путь, аналогичный развитию меровингско-каролингского типа, т. е. укрепление феодальной собственности, закабаление свободных общинников, упадок старых городов и переход политического преобладания к поместью, феодальная раздробленность, затем выделение ремесла из сельского хозяйства, новое восстановление городов, городского сословия и, в дальнейшем, создание национального рынка и элементов образующейся нации. Между этими двумя тенденциями феодализации происходила борьба, которая и представляет собой важную специфику византийской истории. Эта борьба происходила и в форме религиозных распрей, и в форме городских волнений, придворных интриг и борьбы кланов, и острейших событий правления Юстиниана II, и борьбы иконоборцев против иконопочитателей, и в зигзагах аграрной политики императоров Македонской династии, и, в особенности, в бурных городских волнениях XI в. Наконец, с 1081 г. победа перешла в руки провинциальной военноземлевладельческой знати, и развитие Византии с конца XI в. вплоть до латинского завоевания пошло по пути аналогичному каролингской монархии. Латинское завоевание снова усилило тенденции торговых городов к превращению в самостоятельные республики и самого города Константинополя в город-государство. Но турецкое завоевание положило конец этой тенденции.

Несмотря на наличие двух тенденций в развитии феодальных отношений, несмотря на острую борьбу двух прослоек господствующего класса, отстаивавших различные пути феодализации, эксплуататорские группы Византии все время ощущали необходимость в сплоченности против эксплуатируемых масс, — в городе — против выступлений плебейских масс, в деревне — против выступлений угнетенного крестьянства. Поэтому все эксплуататорские группы в Византии опирались на относительно сильную, относительно независимую, располагающую бюрократическим аппаратом императорскую власть, которая, сохраняя некоторые традиции позднеримской империи, проводила политику маневрирования между двумя борющимися прослойками знати.¹

Византийский город-эмпорий сыграл прогрессивную роль в процессе генезиса феодализма в Европе. В то время, когда товарное производство на Западе было почти совершенно забыто, в византийских городах-эмпориях оно сохранялось и укреплялось. Вместе с тем поддерживался относительно высокий культурный уровень городской знати в

¹ М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии. Ученые записки Свердловского педагогического института, вып. 4, 1948.

Византии, ощущалась потребность в сохранении некоторых остатков античной духовной культуры. Поэтому византийская образованность, византийский блеск и великолепие императорской власти и знати был недостижимым образцом для Запада в течение всего периода генезиса феодальных институтов. Но в дальнейшем наличие крупных городов-эмпориев в Византии не могло содействовать созданию национального рынка. Городская знать городов-эмпориев, защищая свои узкие интересы, рассматривала торговлю с иногородними товаровладельцами как внешнюю,¹ что могло только препятствовать сплочению городского сословия всей страны на пути к созданию национальной буржуазии.

Относительный упадок значения Константинополя и Фессалоники в XII в., когда стал складываться в зачаточной форме национальный рынок, был закономерным явлением. Именно тогда начался процесс создания новогреческой народности. Ремесленное производство и торговля в Греции стали бурно развиваться. Но при наличии Константинополя как центра империи сказывалось старинное пренебрежение к интересам провинциальных городов, Константинополь жил, по выражению современника, „разорением почти всех других городов“.² Незаконченность феодального развития византийских городов-эмпориев тоже сказывалась на дальнейших судьбах византийского ремесленного производства и торговли: естественным было бы превращение крупных городов в аристократические республики, где бы власть принадлежала торгово-ростовщическим кругам. В Константинополе же власть оказалась в руках провинциальной землевладельческой знати, которая не склонна была энергично защищать интересы городской торговой верхушки, как это делалось правительствами итальянских городов-эмпориев. В результате византийская торговля не выдержала конкуренции итальянской и складывающийся византийский рынок уже в XII в. оказался в руках итальянского купечества. Последовавшее латинское завоевание еще в большей мере подорвало возможности создания национального рынка в греческих областях Балканского полуострова. Развитие рынка в греческих областях Малой Азии, где в XIII в. появились протекционистские тенденции, поощряющие развитие местного ремесленного производства,³ было приостановлено в связи с восстановлением византийской власти в Константинополе. Гибельное влияние старинных традиций Константинополя ярко выражено в словах Сенахирима: „Нечего ждать хорошего после того, как римляне снова стали владеть Константинополем“.⁴

Турецкое завоевание в начале XIV в. окончательно разрушило складывающийся рынок в греческой Малой Азии. Героическое движение зилотов, выступавших не только против феодалов, но и против своекорыстной, препятствовавшей национальному объединению знати города-эмпория Фессалоники, было подавлено.⁵ Городская верхушка Константинополя в XV в. не проявила никакой энергии в защите города от турок.⁶ Константинополь пал, несмотря на отчаянное сопротивление народных масс. Хотя благодаря своему предательству известная часть

¹ В „Книге эпарха“ ограничения и запреты относятся вообще к лицам, прибывающим извне, см.: IV, 8; VIII, 7—8; XII, 6; XVII, 2; XX, 2.

² Constantinopolis dedicatur paene omnium urbium nuditate. Hieronymus, MPL, 27, стр. 677.

³ Gregoras, I, 43, 11, 6.

⁴ Pachymeros, I, 149.

⁵ Б. Т. Горянов. Восстание зилотов в Византии. Изв. Академии Наук СССР, 1946.

⁶ З. В. Удальцова. Предательская политика феодальной знати в период турецкого завоевания. Виз. вѣст., т. VII, 1953.

торгового населения Константинополя и получила некоторые выгоды, но в руках турок и Константинополь и Фессалоника из городов-эмпориев надолго превратились в деградирующие центры потребления феодальной централизованной ренты при грубейших формах турецкого феодализма. Дальнейший рост элементов капитализма был затруднен, капиталистическое развитие Балкан и Малой Азии было задержано на много столетий.

Г. А. КУРБАТОВ

ПОЛОЖЕНИЕ НАРОДНЫХ МАСС В АНТИОХИИ В IV в.

Положение народных масс, а следовательно, и характер их выступлений в городах Восточно-Римской империи в значительной степени определялись теми изменениями, которые произошли в социально-экономической жизни городов восточных провинций в IV в. Рост налогового гнета, особенно введение хрисаргира, прикрепление ремесленников, сокращение принадлежавших городам земель и доходов и постепенное обеднение куриалов, ускорившееся разложение муниципального строя и усиление в противовес ему власти правителей и чиновников на местах — все эти процессы уже к концу указанного века достигли значительного развития и сказались на положении различных социальных групп городского населения, в том числе и народных масс города.

Материал, характеризующий положение народных масс города в IV в., весьма немногочисленный. Он ограничивается по большинству городов отдельными отрывочными упоминаниями в источниках. Исключение составляет рассматриваемая в настоящей статье Антиохия, крупнейший политико-административный, торгово-ремесленный и культурный центр империи, население которого в IV в. достигало 200—250 тысяч человек.¹

Многочисленные источники, преимущественно произведения авторов-очевидцев и участников событий, Либания, Иоанна Златоуста, императора Юлиана, Аммиана Марцеллина не только содержат целый ряд фактов о положении и выступлениях народных масс города, но и характеризуют многие стороны социально-экономической жизни Антиохии. Это дает возможность рассматривать факты в тесной связи со всей социально-экономической обстановкой в городе, а более или менее равномерное распределение материала источников на протяжении всего IV в. позволяет до известной степени проследить изменения, происшедшие в положении народных масс города. Все это делает материал Антиохии особенно ценным для исследователя.

¹ Proc. Bell, Pers., v. II, 11, 14, ed. Haury; Lib. ep., 1119, 3—4, Libanii opera. Rec. R. Foerster, Lipsiae, 1903—1923; Ioh. Chrys., Hom. Matt., LXXXV, 4; Ioh. Chrys., in s. Ign, MPG, 59, стр. 591. Причем эти сообщения источников в настоящее время полностью подтверждаются данными раскопок в Антиохии. Город в IV в. занимал огромную площадь. Главная улица действительно, как это описывает и Либаний, имела длину в 36 стадий (свыше 5 км). Реконструированный и значительно расширенный в этом столетии ипподром, один из крупнейших в империи, вмещал несколько десятков тысяч зрителей, а театр в одном из пригородов (Дафне) имел 6000 мест. Antioch-on-the-Orontes, I, The excavations of 1932. Princeton, 1934.

В буржуазной литературе, несмотря на обилие работ по Антиохии, этот материал нашел очень слабое отражение. Основное внимание буржуазных ученых было направлено на изучение бурных событий религиозной и политической жизни этого города, рассматриваемых вне связи с социально-экономической обстановкой. Примером в этом отношении может служить не только работа Деврееса, вышедшая в 1945 г. и специально посвященная истории антиохийского патриархата,¹ но и появившаяся в 1951 г. „История Сирии“ Хитти,² в которой вся социально-экономическая характеристика Антиохии IV в. сводится к простому перечислению развитых там ремесел и описанию торговых связей города.

В работах же, специально посвященных городу, почти все внимание уделяется описаниям упадка курий и обеднения куриалов на основании многочисленных и во многом преувеличенных данных Либания, а все остальное население города рассматривается как некая однородная и безликая масса, *δῆμος*, не имеющая собственных интересов. В результате этого социальные причины городских волнений оказываются скрытыми, и последние нередко объясняются интригами и происками отдельных лиц³ или мятежностью, горячностью и вспыльчивостью легко возбуждающейся восточной толпы.⁴

Среди иностранных работ значительный интерес представляет статья английского прогрессивного ученого Р. Браунинга о роли цирковых группировок в восстании 387 г. Автор правильно видит важнейшую причину восстания, определившую активное участие в нем народных масс города, в резком ухудшении положения последних в течение IV в.⁵

В советской исторической науке отдельные данные о положении народных масс в Антиохии использовались в общих работах по истории ранневизантийского города. В частности, в значительной степени на нем построена интересная, хотя во многих вопросах и спорная, статья М. Я. Сюзюмова.⁶

В целом же этот материал по Антиохии остается до настоящего времени еще слабо разработанным. В настоящей статье автор и ставил своей задачей рассмотреть данные, характеризующие положение народных низов Антиохии в IV в., определить их роль и место в социально-экономической жизни этого города и показать их борьбу.

Источники, содержащие наиболее ценный и яркий материал по социально-экономической жизни Антиохии этого времени, Иоанн Златоуст и Либаний, часто упоминают о рабах, причем последний прямо говорит о большом числе рабов в городе.⁷ Подавляющее большинство рабов использовалось в качестве домашних прислужников. В Антиохии, важном политико-административном центре империи, фактической столице ряда восточных провинций, постоянно жило много богатых представителей знати и чиновничества, в поместьях которых трудились не

¹ R. Devreesse. Le patriarcat d'Antioche depuis la paix de l'Église jusqu'à la conquête arabe. Paris, 1945.

² P. K. Hitti. History of Syria, including Lebanon and Palestine. London, 1951.

³ O. Seeck, Gesch. d. Untergangs d. antiken Welt, v. IV, 1911, стр. 126—127.

⁴ R. Devreesse, ук. соч., стр. 112—114; Т. Моммзен. История Рима, т. V. 1949, стр. 518.

⁵ R. Browning. The Riot of a. d. 387 in Antioch. Journ. of Rom. Stud., XLVII, 1952, стр. 115.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Политическая борьба вокруг эреши в Восточно-Римской империи IV в. Ученые записки Уральск. Гос. ун-ва, вып. XI, 1952, стр. 84—134.

⁷ Lib., XXV, 1; XXVII, 28.

только сотни, но нередко и тысячи рабов и колонов.¹ В своих домах в Антиохии они держали десятки рабов-прислужников: секретарей, носильщиков, поваров, флейтистов, конюхов и т. д. Много рабов было и у средних и мелких рабовладельцев. По словам Либания, даже наиболее бедные из риторов, получавшие весьма скромную плату, жившие в дешевых наемных помещениях и вечно опутанные долгами, имели по два-три раба: „οικέται δὲ τῷ μὲν τρεῖς τῷ δὲ δύο...“.²

В ремесле же и торговле, хотя Антиохия и была крупнейшим торгово-ремесленным центром, рабский труд не находил столь широкого применения. В значительных размерах он, очевидно, использовался в многочисленных в Антиохии пекарнях, гостиницах, харчевнях, владельцы которых принадлежали к состоятельной верхушке торгово-ремесленного населения. Так, на принадлежавших пекарям мельницах работали рабыни.³ В гостиницах, многие из которых, судя по описаниям Либания и данным раскопок, были крупными заведениями, где приезжающие могли в любое время получить помещение, пищу, принять баню, развлечься выступлениями музыкантов и танцовщиц, основную массу многочисленного обслуживающего персонала составляли рабы, хотя источники упоминают и о наличии среди них и свободных.⁴

Рабский труд также в известных размерах, очевидно, использовался и в находившихся в Антиохии государственных мастерских, в частности в монетных и оружейных. По первым данным по Антиохии нет, кроме одних упоминаний о их существовании и находок монет с антиохийским чеканом, но обычно в монетных мастерских, наряду с лично свободными, но прикрепленными к мастерской ремесленниками, работали и рабы, особенно на черновых, подсобных работах. Едва ли Антиохия составляла в этом отношении исключение. В крупных же государственных оружейных мастерских Антиохии, вероятно, преобладал труд свободных, так как эдикт Гонория и Аркадия, упоминающий антиохийских *fabricienses*, требует освобождать их от постоя воинов.⁵

Отдельные рабы-ремесленники, а иногда и целые мастерские, преимущественно ткацкие, были в домах части представителей знати. Они, как правило, обслуживали только потребности домашнего хозяйства этих богачей. Владение же мастерскими, работавшими на рынок, на продажу, не было распространенным явлением среди крупных и средних рабовладельцев-куриалов. Относительно последних это наиболее убедительно показывает речь Либания в защиту своего ученика Талассия, которого не хотели принимать в курию Антиохии, помимо ряда других причин, еще и потому, что он, земельный собственник, имел ремесленную мастерскую, работавшую на продажу, что рассматривалось как унижающее достоинство члена курии. Характерно и то, что Либаний, прекрасно знавший большую часть куриалов города, не смог привести в поддержку Талассия ни одного примера куриала — вла

¹ Joh. Chrys. Homil. ad Matth., b, 3, 4, MPG, 57.

² Lib., XXXI, 11.

³ Lib., LIII, 19: „... θεραπεύοντας τὸς τε ἄλλας καὶ τὰς ἀπὸ τῶν μυλωνῶν“.

⁴ Lib., XLVI, 19: „καὶ πολλοὶ τῶν διακόνων... ἀπέθανον, καὶ οὐκ ἔχρημασι πέσαντες τοὺς τούτων γοεῖς σεσῶσθαι“.

⁵ Cod. Just., XII, 41, 4. С подобным же положением мы встречаемся и в императорских мастерских, находившихся в ряде других городов империи. Так, в Кесарии свободные ремесленники, а не рабы, работали не только в оружейных, но даже и в ткацких мастерских. Григ. Богослов (Твор., т. IV, изд. III, 1889, стр. 90) рассказывает, что во время волнения в Кесарии „оружейники и императорские ткачи, ... по причине свободы, которой пользуются, бывают раздражительны и действуют смелее“.

дельца доходной мастерской в Антиохии этого времени и вынужден был ссылаться на малоубедительные в данном аспекте случаи, когда куриалами становились выходцы из торгово-ремесленных кругов.¹

Среди мастерских, работавших на продажу, мы почти не встречаем крупных мастерских. Только об одной, из упоминаемых Либанием, говорится, что в ней работало несколько рабов-ремесленников.² Подавляющее большинство мастерских было, очевидно, мелкими, владельцы которых были сами мастерами-ремесленниками и работали с помощью одного-двух рабов, т. е. в Антиохии преобладающим было мелкое ремесленное производство, в котором, по словам Энгельса, „не было места для большого числа рабов“.³ Причем и в этих мелких мастерских рабский труд, очевидно, находил более или менее широкое применение только в производстве оружия, предметов роскоши. Но и среди ремесленников мы встречаем таких, которые не имеют рабов. Так, в одной из своих антиохийских речей Иоанн Златоуст рассказывает о бедняках мастерах-серебряниках, которые, по всей видимости, не имели рабов, так как он говорит о том, что голод и бедность заставляли их продавать свои орудия труда.⁴

Подавляющее же большинство ремесленников остальных профессий выступают как свободные и, по характеру описаний, не имеющие рабов мелкие производители.⁵ Причем по целому ряду ремесел мы не только не имеем или почти не имеем упоминаний о рабах ни по Антиохии IV в., ни по другим городам этого и последующих двух столетий, но и вся совокупность косвенных данных заставляет скорее предполагать их отсутствие, чем наличие. Это так называемые „низкие ремесла“: гончарное, кожевенное, сапожное, красильное, производство стеклянной посуды, грубых и дешевых тканей, веревок, корзины и, отчасти, медных и железных изделий. К ним же можно отнести и большинство строительных профессий, где безусловно преобладал труд свободных. Уже Кулаковский отмечал, что законодательные памятники этого времени, кодексы Феодосия и Юстиниана, почти ничего не сообщают о „низких ремеслах“ и объединениях этих ремесленников.⁶ А в подавляющем большинстве остальных источников, особенно агиографических, они обычно квалифицируются как мелкие свободные ремесленники, не имеющие рабов. Так, Иоанн Златоуст, перечисляя ряд таких профессий (медников, красильщиков, сапожников и др.), говорит, что они „добывают себе пропитание ежедневными трудами, не имеют ни рабов, ни собственного жилища и во всем нуждаются“.⁷

В Антиохии IV в. эти мелкие свободные ремесленники были весьма многочисленны. Даже принимая во внимание значительные в этом городе размеры производства предметов роскоши, осуществлявшегося, очевидно, в основном в мастерских, где использовался рабский труд, нельзя не учитывать того, что изделия этих свободных бедняков-ремесленников, простые, грубые и дешевые, удовлетворяли потребности значительной части населения огромного города — народных низов (как ни мало было их потребление), мелких, а также, отчасти, и средних

¹ Lib., XLII.

² Lib., XLII, 21.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 126.

⁴ Ioh. Chrys. De Laz., III, 2, MPG, 48, стр. 994.

⁵ Lib., XXV, 36; LXII, II; LVIII, 4—5; II, 6; XXXIII, 35 и др.; Ioh. Chrys. De Laz., III, 2, MPG, 48, стр. 994.

⁶ Ю. А. Кулаковский. Коллегии в древнем Риме. Киев, 1882, стр. 135.

⁷ Ioh. Chrys. in ep. ad. Cor., hom. XX, 5—6, MPG, 61, стр. 168—169.

собственников. Иоанн Златоуст говорит, что не особенно состоятельный горожанин „не станет обращаться к серебряникам (ибо не позволяет бедность), не будет ходить и к продавцам ароматов. Однако он чаще будет посещать башмачников, ткачей, портных и красильщиков“¹. Изделия этих ремесленников приобретали и мелкие свободные земледельцы из окружающей Антиохию сельской местности, которые, как это видно из речи Либания в защиту приезжающих в город земледельцев, довольно часто посещали Антиохию.² В серии мозаичных изображений из Yakto (V в.), являющихся своеобразным итинерарием по Антиохии, также есть два изображения крестьян, направляющихся в город на рынок. Обе фигуры изображены у городских ворот, в коротких одеждах простолюдинов. Один из них несет мешок, а другой какой-то груз за спиной на палке.³ В городе они приобретали самые примитивные орудия и ремесленные изделия, процесс изготовления которых хотя и „был хорошо известен крестьянину, но которых он не производил сам или из-за трудности получения сырья, или же ввиду значительной дешевизны или лучшего качества покупных изделий“.⁴

Свободные трудовые низы Антиохии состояли не только из ремесленников. К ним следует отнести и довольно значительную группу мелких торговцев (τους ἐν ὄνῃ καὶ πρᾶσι τῇ τῶν ζῴων),⁵ часть которых жила „продажей купленных“ изделий, а многие из них даже не были владельцами продаваемых ими товаров, а нанимались продавать изделия, принадлежащие другим.⁶ Услугами таких торговцев в основном пользовались мелкие ремесленники, жившие далеко от торжищ, на окраинах города. Работая от зари до зари (Либаний даже упоминает о ночной работе ремесленников),⁷ они не имели времени для сбыта своих изделий, но были крайне заинтересованы в скорейшей их продаже. Некоторые из этих мелких торговцев-разносчиков продавали овощи, принадлежащие огородникам, хлебные изделия — пекарей, пирожки и булочки — содержателей харчевен.⁸

По своему положению многие из мелких торговцев мало чем отличались от поденщиков, находивших себе работу в пригородных садах и огородах, на строительстве зданий, которое постоянно велось в огромном городе, в качестве грузчиков и носильщиков. Либаний упоминает в одной из своих речей о свободных, которые „снискивают себе пропитание тасканием камней или другим подобным тяжким трудом“.⁹

Очевидно, среди наемных работников довольно значительную группу составляли наемные погонщики животных (οἱ μισθωτοί), неоднократно упоминаемые Юлианом и Либанием.¹⁰ Последний говорит о существовании в Антиохии довольно большого числа конных дворов, владельцы которых, приобретя лошадей, мулов, ослов и верблюдов, „нанимали тех, кто будет ходить за ними“ („ἐμισθώσαμην τοὺς ἐπιμελησομένους τούτων ἐκάστου“),

¹ Ioh. Chrys. Contra eos qui subintroductas habent virginés, MPG, 47, стр. 508—509.

² Lib., I, 28.

³ Antioch-on-the Orontes, v. I, стр. 130—131 и 142.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, 1949, стр. 910.

⁵ Lib., XLVI, 7.

⁶ Lib., XXV, 36.

⁷ Lib., XXV, 36 и XI, 268: „И ночь у нас отличается от дня только разнообразностью освещения. Для ремесел же она — наравне с днем...“.

⁸ Lib., XXVII, 27.

⁹ Lib., LV, 24.

¹⁰ Julianus imp. Μισθωτῶων, ed. F. C. Hartlein, v. 2, Lipsiae, 1876, стр. 458: „...καὶ τῶν καρῆλων; ἄγουσί τοι καὶ ταυτὰς οἱ μισθωτοὶ διὰ τῶν στοῶν ὡσπερ τὰς νυμφᾶς...“; Lib., L, 4; LXIII, 7 и др.

и сдавали этих животных вместе с погонщиками в наем.¹ Вероятно, один из таких наемных погонщиков, в короткой одежде простолюдина, гонящий перед собой двух нагруженных лошадей или мулов по улице Антиохии, представлен на мозаичном изображении из Yakto.²

Возможно, они же работали и по доставке с находившихся неподалеку от Антиохии гор строительного камня, леса, дров.

Все вышеизложенное, как нам представляется, позволяет говорить о том, что в Антиохии IV в. в господствовавшем там мелком ремесленном производстве преобладал труд свободных.³ Такой же вывод напрашивается и при рассмотрении уже упоминавшейся серии мозаичных картин из Yakto, многие из которых характеризуют торгово-ремесленную жизнь Антиохии в V в.

Стремление художника отразить социальное положение изображаемых лиц — несомненно. Если исходить из единственно возможного предположения, что художник изображал представителей знати в длинных, почти до пят, разноцветных одеждах, плебеев — в коротких, преимущественно одноцветных, а рабов — в коротких одеждах с полуобнаженной верхней частью тела, то среди, по крайней мере, двадцати изображений ремесленников, мелких торговцев, погонщиков животных, носильщиков мы имеем лишь два изображения рабов, причем в одном случае не ремесленника и не помогающего хозяину-торговцу, а просто одиночного раба, несущего какой-то груз.⁴ Очевидно в какой-то степени в этих мозаиках отразилось реальное положение вещей, сравнительно небольшая роль рабского труда в ремесле и торговле.

Значительное распространение труда свободных в городах восточных провинций не было особенностью, характерной только для IV в. О нем говорят и памятники II—III вв., в частности папирусы.⁵ Уже тогда это довольно резко бросалось в глаза приезжавшим из Италии, из Рима. Император Адриан (117—138), посетив Александрию, был удивлен тем, что „в ней все работают“.⁶

Но для IV в. обращает на себя внимание почти полное отсутствие упоминаний о рабах по целому ряду „низких ремесел“, как и многочисленные описания исключительно бедственного положения занятых этими ремеслами свободных, тяжелым трудом от зари до зари едва обеспечивающих себе полуголодное существование. Они дают основание предполагать, что в это время уже довольно сильно проявляется невыгодность использования рабского труда в этих ремеслах. Если свободный, заинтересованный в результате своего труда, а следовательно, и максимально производивший ремесленник едва обеспечивал себе существование, то труд менее инициативного работника-раба, занятого в этих ремеслах, едва ли приносил его владельцу доход.

Владельцы мелких ремесленных мастерских, производивших дешевые изделия на местный рынок, сами являвшиеся мастерами-ремесленниками, для которых их мастерская была единственным источником дохода и притом весьма скромного, должны были в первую очередь ощутить

¹ Lib., I, 4.

² Antioch-on-the-Orontes, v. I, стр. 143.

³ Е. А. Штаерман, на основании данных Либания, считает, что ремесло в Антиохии „большой частью основывалось на труде свободных ремесленников“ (Е. А. Штаерман. Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, № 2, 1953, стр. 51).

⁴ Antioch-on-the-Orontes, v. I, стр. 134—150.

⁵ Некоторые из них, например, приводятся в работе: М. Хвостов. Очерки организации промышленности и торговли в греко-римском Египте. 1914, стр. 177 и др.

⁶ SS Hist. Aug. Spart. Adr., I.

экономическую невыгодность применения рабского труда. Это, очевидно, и привело в этих ремеслах к превращению владельца мелкой мастерской с одним-двумя рабами в ремесленника-одиночку. Энгельс указывал, что рабство „перестало окупать себя и потому отмерло“.¹

В немалой степени этому способствовало и усиление податного гнета. Государство, увеличивая необходимые для поддержания господства рабовладельцев, для сохранения и укрепления рабовладельческого строя налоги на городское население, на представителей торгово-ремесленных кругов — владельцев мелких рабских мастерских, делало для них применение рабского труда еще более невыгодным и тем самым на деле способствовало разложению рабовладельческих отношений в городе. Все это показывает, что в городе в IV в. состояние производительных сил приходило во все большее несоответствие с производственными отношениями.

В то же время в производстве предметов роскоши, драгоценных тканей, оружия, многие из которых в Антиохии IV в. продавались не только в самом городе, но и вывозились в другие города и провинции империи, мы видим несколько иную картину. Упоминаемый Либаний владелец рабской мастерской доходами от нее мог не только „поддерживать свое существование“ („σὺ εἰν τῇν αὐτῶν“), но и „увеличивать состояние“ („προστίθεναι τοῖς οὐσι“).²

Наличие большого числа свободных производителей в городе, заинтересованных в результатах своего труда, а следовательно, и стремившихся совершенствовать свои орудия, обуславливало некоторое, хотя и замедленное, развитие техники. Так, очевидно, в IV в. был создан вызвавший восхищение Иоанна Златоуста ткацкий станок особого вида. „Мастер не касается его своей рукой, а орудие ремесла делает рисунки на одежде и в видимых формах воспроизводится замысел художника“.³

Преобладанием в ремесле и в торговле в Антиохии IV в. труда свободных, очевидно, объясняется и то, что по такому крупному торгово-ремесленному центру, как Антиохия, жизнь которого к тому же на протяжении целого столетия весьма подробно отражена в источниках, нет данных о волнениях рабов в мастерских или о сколько-нибудь крупных выступлениях их в городе. В условиях Антиохии этого времени борьба рабов против рабовладельцев выражалась в их бегстве от своих хозяев, в убийствах отдельных рабовладельцев, в плохом выполнении работы. Жалобы на нерадивость рабов и их нежелание работать — постоянное явление.⁴ Либаний рассказывает, что в театре и на ипподроме на представлениях бывает много рабов, очевидно, прислужников, убежавших от своих господ.⁵ Возможно, что и среди упоминаемых им в городе разбойников некоторую часть составляли беглые рабы.⁶ Обычно же они, сбжав от своих владельцев, уходили из города. Либаний жалуется, что есть много мест, где может укрыться беглый раб.⁷

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 127.

² Lib., XLII, 32.

³ Joh. Chrys. De mundi creatione, VI, 6, MPG, 56, стр. 492: „Ἐστῆκεν ἰστός, ἐν τῷ παραπεμπόμενον, οὐ χεῖρ ἐργαζομένη ἀλλ' ὁ λόγος ἐργάζεται, λόγος μορφὴς ἀποταλεῖ. Οὐκ ἐπιβάλλει χεῖρας ὁ τεχνίτης, καὶ ὁ λόγος τῆς τέχνης μορφοῖ τὸ ἱμάτιον, καὶ ἐν ὀρωμένοις τμήμασιν ἐγείρεται τὸ βούλημα τοῦ τεχνίτου“.

⁴ Lib., XXVI, 8; Joh. Chrys. Ad pop. Akt., XIII, MGP, 49.

⁵ Lib., XXVI, 7 „τῶν δὲ δούλων οἱ δουλεῖν οὐκ αἰτοῦντες...“.

⁶ Lib., XXXIII, 7.

⁷ Lib., XXV, 29; XIV, 45.

В частности таким надежным убежищем были находившиеся неподалеку от Антиохии горы. Соединившись в отряды, „разбойники“ совершали нападения на виллы рабовладельцев и грабили на дорогах. Либаний часто говорит об опасностях, грозящих путникам от разбойников, а Иоанн Златоуст о том, что встреча с беглым рабом „страшнее, чем с диким зверем в пустыне“.¹ Движение этих разбойников, среди которых, судя по упоминанию Либания, было немало и свободных, преимущественно из числа мелких свободных земледельцев, разоренных поборами и патронатом,² не только постоянно существовало в течение IV в., но и достигло таких размеров, что власти вынуждены были расставить на больших дорогах посты стражников.³

Надо думать, что подобное положение было и во многих других крупных городах: источники не сообщают о сколько-нибудь значительных выступлениях городских рабов.⁴

В IV в. положение свободных низов Антиохии серьезно изменилось к худшему. Это ухудшение шло сразу по нескольким линиям. Прежде всего, резко возросло податное бремя. До 314 г. основным налогом была подушная подать, которую уплачивали свободные жители городов, не имевшие земельной собственности. В 314 г. был введен новый, чрезвычайно обременительный для торгово-ремесленного населения налог — хрисаргир, особенно тяжело отразившийся на положении беднейших жителей города. Его платили не только ремесленники и торговцы, но и поденщики и даже блудницы и нищие.⁵ Все землевладельцы, вносившие поземельные подати, были от него освобождены даже в том случае, если они имели мастерские. Богатые же владельцы мастерских, обязанные вносить хрисаргир, и особенно купцы использовали все средства, чтобы избавиться от его уплаты или добиться уменьшения полагающейся с них суммы. Купцы, например, по словам Либания, нередко специально отправлялись в торговые поездки именно тогда, когда приближался срок его сбора. А так как размер суммы хрисаргира, взыскиваемого с каждого города, был заранее фиксирован, то причитавшаяся с них сумма распределялась между оставшимися плательщиками, в том числе и более бедными. В результате: „Гибнут люди, которым едва дает прокормиться их ремесло“.⁶ Многие ремесленники и торговцы, и без того едва сводившие концы с концами, не могли собрать к сроку сумму, необходимую для уплаты подати за все пять лет. Поэтому хрисаргир в прямом смысле этого слова выколачивался из населения сборщиками и городскими властями. Но, как говорил Либаний: „...хоть кожу спусти с должника, кожу спустишь, но никак не добьешься, чтобы неимущий имел деньги“.⁷

В результате притеснений и насилий со стороны сборщиков возросло число случаев продажи детей в кабалу: „...полученные за них деньги

¹ Lib., XIV, 45; XLVI, 9; XLVI, 43; XLVII, 5; Joh. Chrys. Expos. in Psalm., CXLVIII, 4, MPG, 55, стр. 440.

² Lib., XLVII, 6.

³ Joh. Chrys. Ad. Stagirium a daemone vexatum, II, 6, MPG, 47, стр. 458.

⁴ Это заставляет нас признать недостаточно справедливым упрек, сделанный автором настоящей статьи М. Я. Сюзюмову о недооценке им роли рабских выступлений в городах Восточно-Римской империи (см. рец. на ук. соч. М. Я. Сюзюмова: Виз. вр., т. VII, 1953, стр. 307).

⁵ Н. В. Пигулевская. К истории социальных и экономических отношений в Месопотамии. ВДИ, № 3—4, 1938, стр. 157.

⁶ Lib., XLVI, 22—23: „οἷς μόλις ἄρτον προσφέρουσιν αἱ δεῖρες, ἀπέλλονται“.

⁷ Lib., XXXIII, 32.

4 Византийский Временник. т. VIII

тут же переходили в дань настойчивого сборщика¹. Это явление стало столь распространенным по всей империи, что Константин, вскоре после введения хрисаргира, издал закон, разрешавший родителям продавать своих детей в случае „крайней бедности и нищеты“ и предоставлявший им право обратного выкупа.²

Но даже крайние меры нажима не обеспечивали полного поступления хрисаргира, и у ремесленников и мелких торговцев была постоянная задолженность за предыдущие годы, причем столь давняя, что во второй половине IV в. пришлось обновлять долговые записи, делавшиеся на стенах у дверей мастерских, чтобы они не стерлись, не говоря уже о новых приписках недоимок.³

Вполне понятно поэтому, что наступления каждого срока сбора хрисаргира ожидали как бедствия, и сам год, когда он производился, получил название „страшного пятилетия“ (*η δεινή πεντητηρίς*).⁴ Отразился также на положении торговцев и ремесленников и рост *augur* *colopati*... Если в первой половине IV в. он собирался только с городской верхушки и был сравнительно невелик по размерам, то во второй его половине, особенно при преемниках Юлиана, он не только чрезвычайно вырос, но и собирался, как это признает большинство исследователей, уже „со всего населения города“,⁵ хотя основную его массу попрежнему вносила богатая верхушка.

Дальнейший рост податного бремени в последней трети VI в., особенно в царствование Феодосия,⁶ когда, по словам Иоанна Златоуста, подати „разрушали дома бедных, как бурный поток“,⁷ послужил причиной наиболее крупного в Антиохии IV в. выступления народных масс — восстания 387 г. „Жители Антиохии, столицы Сирии, — рассказывает Зосим, — не могли выдержать тяжести налогов, возраставших со дня на день, и восстали“.⁸ Непосредственной причиной восстания послужил императорский указ о сборе с городов значительной суммы денег на празднование десятилетия царствования Феодосия и пятилетия его сына Аркадия. Размеры побора в значительной степени определялись непрерывно возраставшими затратами на армию, на восстановление которой после адрианопольской катастрофы (378) требовалось много денежных средств. Недовольство усиливалось еще и тем, что подобный же побор был произведен всего за два года до этого Валентинианом II, который ухитрился выжать из городов огромную сумму в 1600 литров золота. Волнения, сразу же после объявления указа, вспыхнули во многих городах, в том числе и в Александрии и в Берите.

В Антиохии они начались в тот же день, когда пришел „указ о деньгах, издавна грозная весть“.⁹ Он был оглашен в здании суда

¹ Lib., LXII, 17.

² Cod. Just., IV, 43, 2.

³ Lib., XXXII, 33

⁴ Lib., XLVI, 2.

⁵ Ю. А. Кулаковский. История Византии, т. I. Клев, 1903, стр. 56.

⁶ В речах, относящихся к этому времени, Либаний часто говорит о том, что у правителей и чиновников большая часть времени уходит не на управление провинцией, а на взывание податей и недоимок. К этому же времени относится ряд указов о взимании податей, в частности указ, по которому люди, должные государству, не могли искать убежища и за лты против сборщиков в храмах и церкви не разрешалось их укрывать (Cod. Th., XI, 16, 18).

⁷ Ioh. Chrys. Comparatio regis et monachi, 3, MPG, 47, стр. 390: „τὰς δ' τῶν πενήτων οἰκίας ὡσπερ υεμάρ ους παρασυρει...“.

⁸ Zosimi Hist. nova. IV, 41, 1, ed. L. Mendelssohn, Lipsiae, 1887, стр. 198.

⁹ Lib., XIX, 25: „Παε, τὰ περὶ τοῦ χρυσίου γράμματα πρᾶγμα πάλαι φοβερόν“.

(δικαστήριον), куда была собрана вся городская верхушка. Размеры требуемой суммы произвели тяжелое впечатление на собравшихся. Многие выражали недовольство. Сразу же после оглашения указа верхушка и цирковые группировки выступили с выражениями протеста. Некоторые отправились к дсму епископа Флавиана с намерением просить его ходатайствовать перед императором о смягчении подати. Тем временем известие о ней распространялось по городу. Толпа, стоявшая у дома Флавиана, быстро возрастала. Так как Флавиана не оказалось дома, толпа вернулась обратно к зданию суда, „принимаясь за неладные речи и собираясь начать такие же дела“.¹ Причем, как подчеркивает Либаний, „люди более порядочные (οἱ γὰρ ἐπιεικέστεροι) об этом не думали“.²

Волнение быстро усиливалось. Сначала вспыхнули беспорядки (ταραχή) около общественной бани, а затем народ напал на дворец правителя, консуляра Сирии Цельса, намереваясь расправиться с ним. Но решетки дворца, охраняемые изнутри, сломать не удалось. Из толпы непрерывно неслись крики о деньгах, требуемых императором, и угрозы по адресу властей. Пока происходила осада дворца, волнение распространилось по всему городу: „πόλεως ἀπόσης κοινῶν γεγενημένων“.³ Повсюду слышались уже угрозы не только по адресу местных властей, но и против императора. Его портреты, как и изображения членов его семьи, висевшие во многих местах города, были разбиты камнями. Такой же участи подверглись и многочисленные статуи. Обвязав канатами, их сбрасывали с пьедесталов и с бранью и оскорблениями таскали по улицам города. Была даже свалена и разбита на части тяжелая конная статуя Феодосия.

По словам Либания, ни среди принимавших в этом участие, ни среди тех, кто смотрел на это, декурионов не было.⁴ Когда же возмущение усилилось и народные массы бросились поджигать дома богачей, декурионы, спасая свою жизнь, спрятались и в страхе молились о том, чтобы возмущение скорее окончилось. Либаний подчеркивает, что вследствие овладевшего ими страха они не смогли выступить против восставших.⁵

Находившийся в городе отряд стрелков, видя размах восстания, также долго не вмешивался в происходящие события. Его командир, храбрый и опытный военачальник, „был осторожен и медлил“.⁶ Он выступил со своим отрядом лишь тогда, когда пожар охватил многие дома богачей и восставшие уже пытались поджечь дворец правителя. Широко применить оружие против толпы командир отряда не решился, хотя восставшие и забрасывали стрелков кусками черепицы. Но затем, выпустив несколько стрел по собравшимся, отряду удалось оттеснить поджигателей от дворца и предотвратить распространение пожара.

Узнав о выступлении стрелков, оправился от страха и правитель Цельс. Вместе с бывшими с ним воинами ему удалось просоединиться к стрелкам. Соединенными усилиями им удалось подавить восстание и арестовать наиболее активных его участников.

Опасаясь гнева императора и ожидая, что город подвергнется разгрому войсками Феодосия за совершенное святотатство, а городская верхушка будет сурово наказана за то, что не пресекла восстания,

¹ Lib., XIX, 28.

² Там же.

³ Lib., XI, 5.

⁴ Lib., XIX, 32.

⁵ Lib., XIX, 33.

⁶ Там же.

многие рабовладельцы, после его подавления, бежали из города в свои поместья.¹

Известия Либания и Иоанна Златоуста о бегстве знати из Антиохии весьма интересны. Они показывают, что провинция была полна отрядами беглых рабов и свободных, которые нападали на бежавших из города богачей, грабили их и убивали. Либаний с ужасом говорит о том, что окрестности Антиохии полны трупами убитых и ограбленных.² Причем, как видно из одной его речи, „разбойникам“ оказывало посильную помощь в уничтожении рабовладельцев и местное сельское население.³ Число этих „разбойников“ было столь значительно, что Либаний даже опасался, что они смогут захватить и разграбить Антиохию.⁴

Таким образом, выступление народных масс в городе способствовало усилению классовой борьбы в провинции.

Для наведения порядка оказалось недостаточно имевшихся на месте военных сил, и вместе с посланными для следствия и суда магистром армии (*magister militum*) Еллебихом и Кесарием в Антиохию был отправлен вспомогательный военный отряд.

Началась расправа с участниками восстания. „Одни, — рассказывает Либаний (и почти в тех же выражениях говорит об этом Иоанн Златоуст), — погибли от меча, другие на кострах, третьи были растерзаны зверями, и даже детей не спасал их возраст“.⁵ В первую очередь пострадали те, кто разбивал изображения и статуи императора. „Ты, может быть, удовлетворишься тем, что никого из участников этого преступления уже не существует“, — сообщал Феодосию Либаний.⁶

Была наказана и часть городской верхушки: у некоторых из них было конфисковано имущество и поместья.

В городе на некоторое время были закрыты ипподром и бани, и из „великого“ он был переименован в „малый“.

Стихийное и неорганизованное восстание народных масс Антиохии продолжалось не более суток и было быстро подавлено. Тем не менее это первое в Антиохии крупное антиналоговое восстание произвело сильное впечатление на правительство, на весь господствующий класс. Оно нашло отражение во всех произведениях современных ему и у ряда других, более поздних, хронистов: Руфина, Зосима, Сократа, Созомена, Феодорита Киррского.⁷

Либаний, спустя несколько лет после восстания, все еще опасался, как бы введение нового побора городскими властями опять не довело дело „до статуй“.⁸

Выступивший после подавления восстания с XXI речью „О статуях“, Иоанн Златоуст убеждал бедных „не мучиться ненавистью к бо-

¹ Lib., XIX, 56; XXII, 11 и 20.

² Lib., XXIII, 1.

³ Lib., XXIII, 16.

⁴ Lib., XXXIII, 16. Эти слова Либания можно было бы считать риторическим преувеличением, но его рассказ о том, что Антиохию в начале IV в. чуть не захватили 500 восставших воинов, позволяет предполагать, что Либаний действительно опасался, что город, из которого бежала большая часть знати и в котором отсутствовал какой-либо порядок, может быть легко захвачен даже сравнительно небольшими отрядами „разбойников“.

⁵ Lib., XIX; Ioh. Chrys. Ad. pop. Ant., III, MPG, 49.

⁶ Lib., XIX, 38.

⁷ Ioh. Chrys. Hom., XXI, de Stat., MPG, 49 стр. 15—223; Zosimi Hist. nova, IV, 41, ed. L. Mendelssohn, Lipsiae, стр. 198; Sozomeni Hist. eccl. VII, XXIII, MPG, 67; Theodoretii Hist. eccl., MPG, 82, и др.

⁸ Lib., L, 21.

гатым“ и призывал их подчиняться начальникам и бояться их, „ибо они поставлены богом“ и хороши тем, что не дают „порочным людям“ производить беспорядки.¹ „В самом деле, — говорил он, — если уже при начальниках и вооруженных воинах неистовство нескольких бродяг и пришельцев в самое краткое время вызвало у нас такой пожар и произвело такую бурю, что заставило бояться полного крушения, что же было бы, если бы не было страха перед правителями, до какого неистовства не дошли бы эти люди? . . . Не разрушили ли бы они у нас весь город до основания и, перевернув все вверх дном, не лишили бы нас и самой жизни?“²

Наряду с ростом податей, ухудшение положения народных масс города шло и по другим линиям. Разложение муниципальной системы, переход значительной части принадлежавших городам земель и доходов к частным лицам, постепенное обеднение куриалов — все это приводило к тому, что в течение IV в. непрерывно увеличивались повинности и поборы с торгово-ремесленного населения в пользу города. Корпорации Антиохии должны были в значительно больших, чем раньше, размерах за свой счет или своим трудом производить работы по поддержанию благоустройства города, ремонту общественных зданий, рытью сточных канав и т. д. Иногда это приводило к выражениям открытого недовольства ремесленников.³

В 385 или в 386 г. была введена новая повинность — ремесленники и торговцы должны были вывешивать на вечер и на ночь по три светильника перед каждой лавкой и мастерской. Выполнялось это предписание, в результате которого, по словам Аммиана Мерцеллина, ночное освещение в Антиохии было подобно дневному свету, с большим трудом, и стражники были обязаны силой заставлять уклонявшихся. Нередко они слышали ответ: „Да разве по средствам мне зажигать огонь? Откуда я возьму столько масла, которого я давно уже и сам-то не пробовал?“⁴ К тому же и цены на масло после введения этой повинности сильно возросли.

За год до этого, в 384 г., городскими властями был введен еще один побор.

Подавляющее большинство антиохийских ремесленников жило в наемных помещениях, причем одно и то же помещение одновременно было и жилищем, и лавкой, и мастерской, а нередко в нем жили и работали сразу несколько ремесленников различных специальностей. Обнищание ремесленников и рост квартирной платы привели к тому, что многие из них были вынуждены покинуть эти помещения и жить в лачугах, построенных ими самими в большом количестве на площадях, в портиках, между колоннами общественных зданий.⁵ С 384 г. городские власти стали собирать с живших в этих лачугах ремесленников и мелких торговцев плату, которая шла на . . . содержание театра. Таким образом, наиболее бедные ремесленники и торговцы должны были платить за развлечения праздных богачей и люмпенпролетариев. В результате, многие вынуждены были покинуть и эти лачуги, „а тот, кто остался, плачет, но вносит“.⁶ Либаний прямо осуждал этот побор и говорил, что он наносит серьезный ущерб ремеслу.

¹ Ioh. Chrys. Ad. pop. Ant., II u VI.

² Там же, VI.

³ Lib., ep., 197.

⁴ Lib., XXXIII, 35.

⁵ Lib., XXVI, 18.

⁶ Lib., XXVI, 20.

Резко возросли и мелкие единовременные поборы. Так, в уже упомянутом выше случае, когда проводилось обновление записей задолженности ремесленников и торговцев по податям, плату, полагавшуюся писцам, собирали... с самих должников.¹

Все эти факты показывают, что городские власти в IV в., особенно во второй его половине, все больше стремились переложить бремя по поддержанию городского хозяйства на плечи торгово-ремесленного населения, народных масс города.

На положении городского населения сказывался и значительный в течение IV в. рост военно-бюрократического аппарата. В Антиохии, как и в других городах, многочисленные чиновники, начиная с правителя и кончая смотрителем за рынком, не только „тянули в казну и статир, и полстатира, и треть его...“,² но и делали все возможное, чтобы нажиться на выгодных должностях. Злоупотребления, вымогательства, взяточничество все увеличивались. Почти каждого правителя Либаний характеризует как взяточника, вора и торговца правосудием.³ „В настоящее время, — говорил Либаний, — на должность попадает тот, кто смог ее купить. И тут же он оборачивается во все стороны, глядя, не находится ли его преемник в нескольких стадиях от него. И тотчас же он откровенно признается, что явился для взяток“.⁴

Почти все правители и чиновники стремились нажиться и на торговле, и на поборах с ремесленников. Один из них „не давал установиться на определенном уровне ценам на каждый продукт в уверенности, что от слабости и неустойчивости рынка получится известный доход ему самому и его близким“, другой „одним торговцам прекращал торговлю их товаром, а других лишал прав, и все это было с его стороны жульничеством, имевшим своей целью присвоить себе доход от торговли этим товаром. И хотя предлог у него и был благовиден, но все дело заключалось в стремлении нажиться“.⁵

От правителей не отставали и другие чиновники. Поставленные над ремесленными корпорациями начальники брали с них незаконные поборы, присуждали ремесленников к телесным наказаниям, чтобы получить взятку за освобождение от них, и т. д.⁶ Так, поставленный во главе корпорации пекарей начальник, богач, имевший большой дом и крупный плодородный участок земли, довел пекарей своими притеснениями и лихоимством до того, что они вынуждены были временно бежать из города в горы, а его преемник и „достойный продолжатель“ чуть не был сожжен вместе со своим домом возмущенными пекарями. Мелкие торговцы подвергались подобным же притеснениям со стороны чиновников, смотрителей за рынками, воинов.⁷

Сильно возрос в течение IV в. и нажим на народные массы города со стороны куриалов. Ответственные за сбор все растущих податей, куриалы все чаще оказывались не в состоянии обеспечить их поступление. Тогда, согласно закону, недоимки взымались с них самих. Это приводило к постепенному обеднению куриалов. В связи с этим обострилась и борьба в самой курии вокруг распределения литургий и повинностей

¹ Lib., XXXIII, 33.

² Lib., XXXIII, 13.

³ Lib., Βίος η περί της έαυτου τύχης, 255; XI, 42; LVIII, 16; LXIII, 23; LXIII, 11; XIV, 3.

⁴ Lib., II, 42.

⁵ Lib., IV, 27.

⁶ Lib., XXIX; XVII, 30.

⁷ Lib., XLVI, 7.

между куриалами. Более богатые и влиятельные ее члены стремились переложить самые обременительные из этих повинностей на более бедных. В результате, по словам Либания, в курии среди общей массы беднеющих декурионов „есть несколько более богатых, которые грабят людей слабых, присваивая себе их достояние, и выгоды от декурионата лишь укрепляют их положение“.¹ Они же нередко и скупали поместья своих разорившихся собратьев.² Все это лишь способствовало более быстрому обеднению основной массы декурионов.³ Стремясь избежать экономического банкротства, куриалы усиливали эксплуатацию в своих поместьях и использовали свою власть в городе, чтобы тем или иным путем переложить значительную часть падавших на них тягот на остальное население города. Злоупотребления, вымогательство и взяточничество куриалов настолько возросли, что Либаний едва успевал то выступать в защиту провиновавшегося члена курии, то порицать слишком беззастенчивых вымогателей.⁴ К тому же многие куриалы являлись начальниками, поставленными городскими властями над ремесленными корпорациями,⁵ владельцами домов, в которых снимали помещения ремесленники. Естественно, что все это лишь способствовало обострению противоречий между городской верхушкой и народными массами города. Таким образом, в IV в. не только правитель со своим непрерывно возрастающим аппаратом принуждения, но и куриалы все шире прибегали к злоупотреблениям и притесняли народные низы города. Если же между чиновниками и куриалами и были противоречия по другим вопросам, то здесь, как говорил Либаний, „их нередко примиряла общность корыстолюбивых интересов“. Здесь они нередко действовали совместно.

В немалой степени росту злоупотреблений со стороны куриалов способствовало и значительное изменение их состава. Многие из старых родовитых куриалов, считавших себя „отцами города“ и проникнутые местным патриотизмом, а следовательно, и избегавшие открытых злоупотреблений, выбыли из курии. Их место заняли новые люди, для

¹ Lib., XLIX, 8—9 и 31.

² Lib., XLIX, 8; XLVIII, 15.

³ Следует, однако, отметить, что несомненно происходивший в течение IV в. процесс постепенного обеднения куриалов и упадка антиохийской курии преувеличен Либанием. Едва ли возможно говорить вслед за Либанием, как это делают многие буржуазные ученые, о полном „разорении“ куриалов. В Антиохии была своя специфика. Если курии мелких городов действительно состояли зачастую из землевладельцев, обладавших немногим более установленной законом минимальной нормы, необходимой для зачисления в курию (25 югеров), то в Антиохии дело обстояло несколько иначе. Курию города составляли не мелкие землевладельцы из ближайшей округи, а средние землевладельцы из всей провинции (так, уже упоминавшийся Таалассий, имевший поместье в Самосатах, вступал не в курию этого города, а в курию Антиохии), обладавшие значительными поместьями, домами в городе, судами на Оронте, и т. д. Это была скорее провинциальная землевладельческая верхушка. Выполнение литургий по такому огромному городу, естественно, было под силу только богатым людям. Число куриалов, по данным Либания, достигало нескольких сот человек. Причем оно едва ли особенно сильно сократилось в течение IV в., так как при Юлиане и Феодосии были произведены значительные пополнения антиохийской курии. В ведении курии находились и городские земли, по словам Юлиана, 10 000 клеров. Размеры последних установить довольно трудно. Обычно они колеблются от 1 до 60 га. Таким образом, если взять самую минимальную цифру, то в ведении курии находилось не менее 10 000 га в середине IV в. Все вышесказанное говорит о значительной роли куриалов в социально-экономической жизни города. Поэтому и усилившийся в процессе постепенного обеднения куриалов нажим этой экономической сильной городской верхушки на народные массы был для последних весьма ощутительным.

⁴ Lib., XLIX, 9; II, 31; XLV, 4; XVII, 2 и 5; XLVIII.

⁵ Lib., LIV, 42; XLV, 5.

которых традиции куриального сословия были во многих отношениях пустым звуком. Эти новые куриалы, нередко насильно зачисленные в курию, стремились избавиться от своего положения. Либаний часто говорит о том, что эти куриалы роняют старое достоинство курии, заискивают перед правителем, широко прибегают к злоупотреблениям и спекуляциям.

Тяжело отражалась на положении народных масс города проводившаяся курией — иногда в союзе с правителем — политика защиты спекуляций продовольствием, особенно в неурожайные годы. Она была выгодна не только куриалам — владельцам поместий, но и чиновникам, многие из которых, „продавая кто хлеб, кто мясо, кто овощи, стали важными господами“.¹ В течение IV в. эти спекуляции приняли широкие размеры. От них особенно сильно страдало беднейшее население города. Ремесленники, не имея запасов продовольствия и ежедневно покупая его на рынке, быстро разорялись вследствие дороговизны, попадали в кабалу к ростовщикам, продавали своих детей и орудия труда, превращаясь в люмпенпролетариев. Дороговизна и спекуляции продовольствием вызывали поэтому особое недовольство трудовых низов города. Златоуст так рассказывает об одном из таких случаев: „Вы, конечно, помните, как пусто было без товаров торжище, каких смут были полны мастерские...“.²

Так было, например, в 354 г., когда курия Антиохии, несмотря на неоднократные приказания цезаря Галла принять меры к улучшению снабжения города, фактически саботировала эти распоряжения, давая возможность землевладельцам и торговцам нажиться на неурожае. Последних, очевидно, поддерживал и правитель, консуляр Сирии Феофил, от которого, по словам Галла, передаваемым Аммианом Марцеллином, во многом зависело смягчение голода. Неоднократные выступления народных масс на ипподроме с протестами против дороговизны привели к открытому возмущению. Собравшаяся на ипподроме толпа растерзала правителя. Как сообщают источники, он был убит пятью кузнецами-ремесленниками.³

Возмущение не закончилось убийством правителя на ипподроме. Народ напал и на прямых виновников злоупотреблений. Прямо с ипподрома толпа направилась к дому одного из местных богачей, который, как выясняется из источников, был, очевидно, руководителем группировки землевладельцев в курии.⁴ Его дом был сожжен, а он с сыном, раненные камнями, кидаемыми из толпы, бежали в горы.⁵

В царствование Юлиана, в 363 г. неурожай также был использован землевладельцами и торговцами для своего обогащения.⁶ Даже когда после ряда выступлений на ипподроме, по приказанию Юлиана, был привезен хлеб из других провинций и продавался по обычным ценам,

¹ Lib., II, 54.

² Joh. Chrys. De s. Babul., III, MPG, t. 49.

³ Lib., XIX, 47: „*ἀπὸ χαλκῶν πέντε*“.

⁴ Lib., Vios. . . , 116 „Евбул и его партия“; XI, 144 — о партиях в курии; Vios. . . , 103 и XVI, 23 — Евбул упоминается в связи с голодом 354 и 363 гг. М. Я. Сюзюмов (ук. соч., стр. 124) ошибочно полагает, что выражение Либания „*τὴν ἐμὴν μερῶν*“ означает партию куриалов. В действительности же — это та группировка в курии, к которой принадлежал Либаний. Ей противостояла другая группировка, про которую Либаний говорит: „Евбул и его партия в курии“.

⁵ Lib., Iios. . . , 103.

⁶ Наиболее подробное в буржуазной литературе описание событий 363 г. дано: G. D o w n e y. The economic Crisis in Antioch under Julian the Apostate. Stud. in Rom. Econ. and. Soc. History in hon. of A. C. Johnson, 1952, стр. 312—321.

они продолжали скупать его, надеясь поддержать высокие цены на рынке. Некоторые члены курии открыто выражали свою радость по поводу дороговизны продуктов.¹ Либаний, старавшийся оправдать курию перед императором, вынужден был признать, что куриалы скрывали продукты и, „будучи в состоянии открыть обильный рынок, добились того, что он пришел в оскудение“.² По его словам, часть декурионов „позарилась на наживу“.³ Юлиан же прямо говорит, что богатые „хотели превратить продукты в золото и серебро“.⁴ В результате этих спекуляций бедные не имели возможности покупать даже самые дешевые продукты и голодали.⁵

Голодные волнения имели место в Антиохии и в 382 г., когда правитель, в отличие от одного из своих предшественников — Феофила, труп которого таскали на веревках по улицам города, все же „избежал канатов“,⁶ и в 384 г., когда голодные волнения продолжались несколько дней и „народ своим противозаконным волнением согнал со сцены (очевидно, ипподрома, — I. K.) артистов и вызвал опасения еще большего беспорядка“.⁷ Эти голодные волнения не были, как пытаются их представить некоторые буржуазные ученые, выступлениями вечно недоброй прайдной черни, требовавшей раздач продовольствия и увеселений: „хлеба и зрелищ“. В Антиохии, в отличие от Константинополя, Рима и Александрии, не было регулярных бесплатных раздач продовольствия. Как и в остальных провинциальных городах, здесь люмпен-пролетариям „предоставлялось самим заботиться о себе“.⁸ Поэтому число люмпенпролетариев в Антиохии было едва ли особенно велико. Оно ограничивалось размерами щедрости местной верхушки.

Основную массу участвовавших в этих волнениях составляли отнюдь не люмпенпролетарии, а свободные трудовые низы города, а также отчасти и мелкие рабовладельцы. Как совершенно определенно видно из описаний этих волнений у Либания и Юлиана, их участники требовали не бесплатных раздач продовольствия, а установления обычных цен на хлеб и другие продукты.

В отличие от люмпенпролетариев, многочисленные в Антиохии трудовые низы имели свои материальные интересы, определявшие характер их выступлений. Цель их трудовой деятельности — обеспечение существования самих себя и членов своих семей.⁹ Это заставляет с особой осторожностью подходить к вопросу об участии народных масс города в борьбе цирковых группировок.

Рассмотренные выше выступления народных низов обычно не имели ничего общего с выступлениями этих группировок. Последние были отражением обострившихся под влиянием кризиса противоречий между различными группами господствующего класса, преследовавшими свои собственные материальные и политические интересы. Борьба между группировками, естественно, не ограничивалась ипподромом. Она шла в самом городе. Ее обострение и обусловило появление так называемых „ловких людей“. Эти люди — в большинстве случаев с темным прошлым —

¹ Lib., XVI, 18.

² Lib., XVI, 21.

³ Lib., XVI, 23.

⁴ Jul. *Μισολογίων*, 368—369.

⁵ Lib., XVI, 23.

⁶ Lib., *Βίος*... 211.

⁷ Lib., XXIX, 2.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 606.

⁹ К. Маркс. *Формы, предшествующие капиталистическому производству* Полтава при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 50.

выполняли самые „деликатные“ поручения активных сторонников той или иной группировки: распускали клеветнические слухи, порочащие политических противников их патронов, совершали избиения и убийства из-за угла (подобным образом от руки наемных убийц чуть не погиб Либаний). „Их дело, — рассказывает он, — и скандалы в банях, и камни в бассейнах, и издевательства, достойные всяких казней“.¹ Эти „ловкие люди“ целые дни проводили в приемных чиновников, судей, куриалов и, используя эти связи, за плату могли замолвить перед ними словечко для решения дела в пользу заплатившего. Они знали и могли за плату доставить лжесвидетелей, передать взятку и т. д. Рядовые граждане их ненавидели. Либаний рассказывает об одном из таких случаев, когда „разнузданность этих нанятых людей (τὴν δ. ἀσελγείαν τούτων τῶν μισθωτῶν) и тех, кто их наняли... вызвали недовольство всех посетителей бань, и последние воздали должное, кому смогли, били их, таскали, толкали, что вызвало бегство остальных единомышленников“.²

Велика была роль „ловких людей“ и на ипподроме, так как они были связаны и с актерами, и с люмпенпролетариями, которые, кормясь от подачек богачей около ипподрома, в борьбе партий на ипподроме „выражали“ мнение народа. В своей статье М. Я. Сюзюмов приводит интересный материал, показывающий, что их голоса просто покупались за несколько обол.³ В действительности трудовые низы города не так уж часто посещали зрелища, и обычно на ипподроме преобладали среди зрителей в качестве завсегдатаев представители господствующего класса, юноши из богатых домов, „ловкие люди“, люмпенпролетарии. В случае же выступлений против податного гнета и спекуляции продуктами положение было иным: тогда на ипподром стихийно собиралось беднейшее население города, чтобы выразить свое недовольство; состав находившихся на ипподроме был в этих случаях совершенно иным, чем в обычные дни.

Гнет налогов, вымогательства и грабежи правителей и чиновного аппарата, спекуляции крупных землевладельцев и торговцев продовольствием, чрезвычайно усилившиеся в течение IV в., резко ухудшили положение народных масс города. Либаний так описывает его во второй половине IV в.: „Медники, как и остальные ремесленники, сами не спят и не дают спать своим близким... Почему они не спят, какой хозяин их будит? Разве они не свободны и происходят не от свободных? Почему же они живут хуже, чем у нас (рабовладельцев, — /' К.) рабы? Потому, сказали бы они, что хотя нас никто и не купил, наш господин — страх голода, который заставляет нас день и ночь трудиться, грозя ленивым самой жалкой смертью. Под властью этого господина ты найдешь ремесленников и всех мелких торговцев...“.⁴

Это показывает, что интересы свободных трудовых низов города к концу IV в. приходят во все большее противоречие с рабовладельческим строем, который уже не мог обеспечить им сколько-нибудь сносное существование. Он уже не мог улучшить их положение, а мог лишь бесконечно ухудшать. Само их экономическое положение делало их враждебными рабовладельческому строю, помимо их воли толкало на выступления против него, на борьбу с ним. Народные массы выступали не только против податного гнета — против рабовладельческого государства, но и против эксплуатировавших их местных рабовладельцев.

¹ Lib., XXVI, 5.

² Lib., XXVI, 7.

³ М. Я. Сюзюмов, ук. соч., стр. 119.

⁴ Lib., XXV, 36.

Во время уже упоминавшегося возмущения в 354 г. народные массы напали на одного из местных богачей и известного ратора Евбула и сожгли его дом. В 364 г. городская беднота разгромила виллу одного из наиболее богатых антиохийских граждан — сенатора Датиана. Даже в случае сравнительно небольшого выступления народных низов городские богачи спешили бежать из Антиохии и укрыться в своих поместьях. Рассказывая об одном из таких случаев, Либаний говорит, что они „считали себя в выигрыше уже от того, что не сгорели в своих собственных домах, так как опасались и этого“.¹ По его словам, когда поднялось народное возмущение, декурионам „была нужна не только в ногах, но скорее в крыльях, если они хотят избежать огня“.² Он и Иоанн Златоуст сообщают и о фактах волнений ремесленников и наемных работников в мастерских.³

Нельзя, однако, преувеличивать силы и значения этих выступлений в IV в. Еще многое связывало народные низы с традициями старого полуса, еще сильно было влияние на них местной городской верхушки. Нельзя переоценивать и сообщения некоторых авторов о том, что уже в IV в. городское население только и ожидало прихода варваров. Тем не менее общая тенденция была именно такова. Едва ли можно рассматривать как ее опровержение случаи выступления народных масс города против варварских отрядов, нередко находившихся на службе у империи и нередко использовавшихся для подавления городских волнений.

Классовая борьба в городе не прекращалась, даже когда у ворот стояли варвары. Так, в VI в. в Амиде, когда враги приближались к городу, городская верхушка и торговцы продолжали скрывать продовольствие и наживаться на голоде городских низов. В конце концов эти запасы попали в руки персов.⁴ Такую же картину для дунайских провинций рисует и житие св. Северина.⁵ Глубокая пассивность, равнодушные народных масс города к судьбам Восточно-Римской империи, а часто и открытая ненависть облегчали захват римских городов и провинций варварами, в частности на Востоке персами. Известны случаи, когда городское население приветствовало персидских завоевателей. В дальнейшем ухудшение положения народных масс города в VI в. послужило одной из причин быстрого захвата Сирии и Палестины арабами, которых городская беднота встречала как освободителей.

Выступления народных масс города в IV в. имели место не только в Антиохии. Подобные выступления происходили во многих городах, особенно в конце IV в. Они имели место и в Риме, причем Аммиан Марцеллин многие из них рассматривает не как бунты праздной черни, а как выражение недовольства трудовых низов города, „бедных ремесленников“.⁶ Большие волнения происходили в Александрии, Берите, Эдессе.⁷ Вслед за антиохийским восстанием 387 г. вспыхнуло летом

¹ Lib., XXIX, 8.

² Lib., XXV, 44.

³ Lib., XXII, 7: „... τὰ εἰσόδῃ ταῦτα ποσῶν καὶ τὰράττων λι: συγγεῖν τ' ἂν τοῖς ἐργαστήρσις...“; Lib., XXXVI, 4: „μισθωσαμένων τε ἀγνωμοσύνη κατὰ τῶν αὐτοῦ μεμισθωκότων...“; Lib., ep., 197: „τορχη δὲ ἐν τοῖς ἐργαζομένοις...“; Joh. Chrys. MPG, 47, стр. 726 и др.

⁴ Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941, стр. 151.

⁵ Eugippii Vita Severini, 1, 2, III, 2, ed. Th. Mommsen, Berlin, 1898.

⁶ Amm. Marc., XXVI, 3, 10; XIX, 10, 2; XXVII, 3, 3—5.

⁷ Lib., XIX, 14 и 48; XX, 27; XVI, 14.

388 г. возмущение в Константинополе,¹ в 389 г. — в Александрии.² В Фессалонике в 390 г. доведенные до отчаяния новыми податями и вымогательством чиновников народные массы подняли мятеж.³ В наказание за это выступление войска по приказанию Феодосия устроили резню на ипподроме, в результате которой погибло несколько тысяч фессалоникийцев (цифры, приводимые источниками, колеблются от 7 до 15 тысяч). Волнения происходили столь часто, что Либаний считал их уже неизбежным злом. По его мнению, приходилось удивляться „не тому, что они происходят, а тому, если их нет“.⁴ Во время этих выступлений народные массы убивали правителей, громили дома богатей, уничтожали портреты и статуи императоров. Характеризуя общее положение в империи в конце IV в., Иоанн Златоуст писал: „Теперь с течением времени в умах многих людей укоренилось некое общее предубеждение, словно какой-то оратор возвещает по всей земле и говорит так: все низверглось в роде человеческом, всюду великое смятение, ежедневно многие терпят обиды и притеснения, слабые от сильных, бедные от богатых, но, как невозможно сосчитать морские волны, так же невозможно сосчитать и множества обиженных и притесняемых; ни действие законов, ни страх суда—ничто не останавливает болезни, а лишь с каждым днем увеличивается зло; везде стоны и слезы обижаемых...“.⁵

Так ощущался наиболее пронизательными представителями господствующего класса кризис рабовладельческого общества, одним из проявлений которого были волнения и возмущения в Антиохии.

¹ Sozom. Hist. eccl., VIII, 4, MPG, 67, стр. 1432; Soer. Hist. eccl., V, 13, MPG, стр. 600; Lib. ep., 1429a и 1429b.

² Sozom. Hist. eccl., VII, 15, MPG, 67, стр. 1432; Soer. Hist. eccl., V, 16—17, MPG, 67, стр. 605; Theodoret. Hist. eccl., V, 22, MFG, 82, стр. 1246.

³ Материалы источников, относящиеся к этому восстанию, см., например: T. Tafel. De Thessalonica eiusque agro..., Berolini, 1839.

⁴ Lib., XIX.

⁵ Иоанн Златоуст, Твор., т. III, Сергиев Посад, 1906, стр. 474.

Р. А. НАСЛЕДОВА

РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ ФЕССАЛОНИКИ КОНЦА IX — НАЧАЛА X в.
ПО ДАННЫМ ИОАННА КАМЕНИАТЫ

Фессалоника — второй после Константинополя по своей величине и своему значению город Византийской империи, неоднократно привлекала к себе внимание исследователей. Вслед за монографией Беллея, вышедшей в свет еще в 1777 г.,¹ и фундаментальным трудом Т. Тафеля, появившемся в 1839 г.,² последовала целая серия работ О. Тафрала, Ш. Дия и других исследователей, посвященных Фессалонике.³ В этих работах дано в основном подробное изложение внешнеполитической истории города, освещение истории Фессалоники как религиозного, административного и культурного центра империи; значительное внимание уделено архитектурным памятникам Фессалоники.

Приступив к разработке проблемы византийского города, советские византилисты (Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов и др.) также отводят большое место Фессалонике, ставя основной своей задачей изучение ее социально-экономической жизни.⁴

Для характеристики Фессалоники конца IX — начала X в. учеными неизменно привлекаются при этом свидетельства фессалоникского клирика Иоанна Камениаты, оставившего сочинение о захвате в 904 г.

¹ Belle y. Observations sur l'histoire et sur les monuments de la ville de Thessalonique. Histoire de l'Academie Royale des Inscriptions et Belles-Lettres, t. XXXVIII, Paris, 1777, sect. hist., стр. 121—146.

² Th. L. Fr. Tafel. De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica. Berolini, 1839 (ср.: он же. Historia Thessalonicae. Tubingae, 1835).

³ O. Tafrali. Thessalonique au XIV siècle. Paris, 1912; он же. Topographie de Thessalonique. Paris, 1913; он же. Thessalonique dès origines au XIV siècle. Paris, 1919; Ch. Diehl. La cité de saint Démétrius. L'Orient byzantin, Paris, 1917, т. III, стр. 25—35; Ch. Diehl, M. Le Tourneau, H. Saladin. Les monuments chrétiens de Salonique. Paris, 1918, с дополнительной статьей: L. Bréhier. Salonique et la civilisation byzantine. Journal des Savants, t. 17, 1919, стр. 249—259, 295—311; Ch. Diehl. Salonique. Paris, 1920. В 1950 г. появилась работа: Ch. Delvoyé. Salonique, seconde capitale de l'empire byzantin et ses monuments. Revue de l'Université de Bruxelles, juillet-août, 1950, № 5, стр. 391—444, где дается как перечень новейших работ о Фессалонике, так и указания на всю обширную библиографию о городе вообще (стр. 394).

⁴ Е. Э. Липшиц. К вопросу о городе в Византии в VIII—IX вв. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 113—131; М. Я. Сюзюмов. Производственные отношения в византийском городе-эмпории в период генезиса феодализма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Свердловск, 1953.

его родного города арабскими корсарами.¹ Однако эти свидетельства Каменнаты, содержащие исключительно ценные данные о ремесле и торговле Фессалоники и являющиеся, ввиду отсутствия других сколько-нибудь значительных показаний источников, основным материалом для характеристики экономической жизни города в этот период, не были подвергнуты достаточно полному анализу ни в одной из имеющихся по настоящий день работ зарубежных и советских авторов. Этой цели и служит настоящая статья.

Фессалоника,² неизменно остававшаяся на всем протяжении существования Византийской империи одним из ее крупнейших торгово-ремесленных, административных, военно-стратегических и культурных центров, принадлежала к числу тех ее городов, которые перешли в средневековье в „готовом виде из прошлой истории“.³ Основание города относится еще к эллинистической эпохе;⁴ уже тогда, пользуясь своими преимуществами приморского города, Фессалоника пробовала соперничать с древними столицами македонского царства — Эдессой и Пеллой. Еще более окрепнув в первые столетия римского владычества, Фессалоника явилась одним из тех городов Восточно-Римской империи, которые сумели сохранить в трудный период кризиса рабовладельческого общества и варварских вторжений ремесленное производство и торговлю и смягчить тем самым кризис рабовладельческого хозяйства, под тяжестью которого рухнула Западная империя.

Величина, богатство и многолюдие Фессалоники неоднократно прославляются писателями как римского, так и византийского времени; к ней прилагаются многочисленные эпитеты, подчеркивающие то исключительное положение, которое она тогда занимала.⁵ Иоани Каменната

¹ Сочинение И. Каменнаты „Ἰωάννου κληρικοῦ καὶ κουβουκλαίσιου τοῦ Καμενιάτου εἰς τὴν ἄλωσιν τῆς Θεσσαλονίκης“ впервые было издано в 1653 г. греком Львом Аляцием (Leonis Allatii Συμμίχτα sive opuscula graecorum et latinorum vetustiorum ac recentiorum ed. a Nihusio, II. Coloniae Agrippinae, 1653, p. 179 sq.; другое издание: Romae, 1668); вновь переиздано с писателями „после Феопана“ Франциском Комбефизом (Historiae Byzantinae post Theophanem scriptores, Paris, 1685, стр. 317 сл.) и затем с Продолжателем Феопана — И. Беккером в Боннском корпусе (Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Theophanes Continuatus. Bonnæ, 1838, стр. 487 сл.). С Боннского корпуса перепечатано у Миня в его „Греческой пафологии“ (MPG, 109, стр. 525 сл.).

² Имя города имеет несколько орфографий; в различное время, различными авторами и у различных народов город назывался по-разному (O. Tafrali. Topographie de Thessalonique, стр. 3 сл.). Каменната называет город Θεσσαλονίκη, в соответствии с чем мы придерживаемся здесь этой транскрипции.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 41.

⁴ Источники не сообщают точной даты основания Фессалоники. Исходя из свидетельства Страбона (Strab. Geogr., VII, с. 330, frg. 21, 24, Berolini, II, 1847, стр. 79, 81) о том, что город был основан царем Македонии Кассандром (315—296 гг. до н. э.) и назван по имени жены последнего, дочери Филиппа II, Фессалоники, его основание относят обычно к концу 316 или началу 315 г. до н. э., на которые падает время женитьбы Кассандра на дочери Филиппа II. Согласно другому варианту город был основан Филиппом II (359—336 гг. до н. э.) и назван с целью увековечить одержанную им в этом месте победу над фессалийцами — Θεσσαλῶν νίκη и одновременно почтить память своей дочери. Однако об этой победе Филиппа II ничего не известно и, как справедливо указал Тафрalli (O. Tafrali. Topographie de Thessalonique, стр. 1 сл.), имя это в подобной трактовке скорее означало бы победу самих фессалийцев. В настоящее время наиболее правдоподобной считается первая версия, приписывающая основание города Кассандру.

⁵ Strab. Geogr., VII, с. 323, 7, § 4, Berolini, II, 1847, стр. 61; Antip. epigr., 14, Anthol. Palat. Parisiis, II, 1872, cap. IX, epigr. 428, стр. 88; Theod. Hist. eccl., V, cap. XVII, MPG, 82, стр. 1232. В житийной литературе: Acta Demetrii, MPG, 116, стр. 1204, 1213, 1256, 1264, 1285, 1333, 1337, 1340, 1357. (См. также: H. Gelzer. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Abhandlungen der philologisch-

характеризует Фессалонику своего времени как „большой и обширный город“,¹ как „великий и первый город Македонии“,² не только „не уступающий ни одному из близлежащих городов“,³ но и „несравненно их превосходящий“,⁴ город, „с которым ничто из вещей прекрасных не в состоянии соперничать в блеске“.⁵

После взятия, разграбления и страшного опустошения, учиненного арабами в 904 г. и норманнами в 1185 г., Фессалоника находила в себе силы и возможности быстро оправляться и занимать свое прежнее положение. Житие Фотия Фессалийского отмечает, что Фессалоника „стояла во главе фессалийских городов, а лучше сказать, была расположена среди них и, как царица, окружена с обеих сторон их свитой“.⁶ Византийские источники XII—XIV вв. постоянно говорят о богатстве Фессалоники, указывают на ее выдающееся положение в империи, именуют ее великим городом.⁷

Этому многовековому процветанию Фессалоники, ее живучести и стойкости по сравнению с другими городами эллинистического, римского и византийского времени, ее способности быстро налаживать беспрестанно нарушавшиеся частыми войнами торговые связи, успешно восстанавливать свое ремесленное производство и неизменно занимать второе после Константинополя место в Византийской империи в значительной мере способствовало исключительно удобное географическое расположение города. Хорошо известно, какое огромное значение имело географическое местоположение для развития городов древности и средневековья, а среди этих городов найдется, пожалуй, очень немного таких, которые могли бы соперничать в этом отношении с Фессалоникой.

Расположенная в самой глубине спокойного Термейского (ныне Салоникского) залива и владевшая превосходной гаванью, Фессалоника занимала прекрасное положение на море. Она имела также и все преимуществва хорошо расположенного сухопутного места: плодородные македонские земли, прилегавшие к городу, служили прочным основанием для ее благосостояния, а в силу своего расположения на скрещении важнейших исторических путей Балканского полуострова, идущих от Адриатики на восток и от Эгейского моря на север, Фессалоника имела возможность развивать свои торговые связи с самыми отдаленными странами тогдашнего мира, являясь в то же время естественным рынком для всего огромного пространства окружающих ее земель.

Само собой разумеется, успешное использование всех этих преимуществ, предоставляемых Фессалонике ее удобным местоположением,

historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Bd. XVIII, № V, Leipzig., 1899, стр. 43); Житие и подвиги Феодоры Солунской. Изд. еп. Арсения. Юрьев, 1899, стр. 4 и 41; 11 и 49; 27 и 68; 33 и 75; Повествование о перенесении мощей Феодоры. Изд. Е. Kurtz, Записки Академии Наук, Ист.-фила. отд., т. VI, серия 8, № 1, СПб., 1902, стр. 43; Житие Евфимия Нового. Изд. L. Petit, Revue de l'Orient chrétien, VII, Paris, 1903, стр. 193 и др.

¹ Сам., стр. 491₁₈; стр. 498₅.

² Сам., стр. 490₈.

³ Сам., стр. 490₉₋₁₀.

⁴ Сам., стр. 498₂₋₃.

⁵ Сам., стр. 524₂₃₋₅₂₅₁.

⁶ Похвальное слово св. Фотию Фессалийскому. Изд. еп. Арсения. Новгород, 1897, стр. 13—14.

⁷ Niceph. Chumnos, ed. Boissonade. Anecdota Graeca, II, стр. 137; Eustath. Opuscula, ed. Tafel, стр. 304 сл.; Cantac., III, 93 (Bonn, II, стр. 573); Geogr. Pachum., De Mich. Palaeol., VI, 23 (Bonn, стр. 477); Niceph. Gregoras, II, 2 (Bonn, I, стр. 26), и др.

зависело как от общего хода социально-экономического развития самой Византийской империи и окружающих ее стран, так и от той или иной внешнеполитической конъюнктуры и различного рода местных обстоятельств.

Последние десятилетия IX и начало X столетия были временем, благоприятным во многих отношениях для экономического развития Фессалоники. После бурного периода иконоборчества и грозных выступлений народных низов VIII и первой половины IX в., господствующие верхи феодального общества Византийской империи, объединив свои силы, добились временного затишья во внутренней жизни страны; Византийская империя продолжала сохранять свою промышленную и торговую гегемонию и монополию в торговле между Западом и Востоком, поддерживать мировое значение своей монеты. К концу IX в. успели отойти в далекое прошлое осады Фессалоники заселившими византийскую Македонию славянскими племенами; если славяне и теперь проявляли подчас свою независимость и непокорность византийской власти, то это были, все-таки, лишь кратковременные эпизоды, сменявшиеся длительными периодами мирного сосуществования.

Чрезвычайно благоприятно отразилось на Фессалонике и установление после смерти Крума (815 г.) и особенно после мирного договора 864 г. дружественных отношений между Византией и Болгарией. Правда, этот мирный период был прерван незадолго до описываемого Каменнатоу времени, в 894 г., когда Симеон в ответ на перенесение болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику, имевшее своим следствием обложение болгарских торговцев непомерно высокими пошлинами, увеличение пути и времени их торговых операций и вместе с тем умаление политического значения Болгарии в Византии, начал против империи войну. Однако военные действия, неоднократно прерывавшиеся вследствие дипломатических маневров обеих сторон, проходили, как показывают имеющиеся в нашем распоряжении источники, вдали от Фессалоники. Хронология этой войны до сих пор точно не установлена. Годом ее начала В. Н. Златарский,¹ а за ним Ф. Дворник,² Д. Ангелов³ и другие считают 894 год. Старая датировка колебалась между 888—893 гг.⁴

Ход войны был, как известно, следующий: Симеон, воспользовавшись тем обстоятельством, что византийские войска были отвлечены войной с арабами в Южной Италии и Малой Азии и болгаро-византийская граница была оголена, двинулся на Константинополь. Первое столкновение произошло где-то в районе Адрианополя. После того как наспех сформированная в Константинополе византийская армия потерпела здесь поражение, империя, не будучи в состоянии организовать отпор болгарам собственными силами, вступила в переговоры с мадьярами, занимавшими в то время области между Днестром и устьем Дуная. Убедив последних выступить против Симеона, византийское правительство направило к устью Дуная, по Черному морю, свой флот, который переправил мадьяр на территорию Болгарии. Симеон потерпел целый

¹ Известията за българите в хрониката на Симеона Метафраста и Логотета. Сборник за народни умотворения и книжнина, кн. 24, 1, 1908, стр. 93.

² Les Slaves, Byzance et Rome au IXe siècle. Travaux publiés par l'Institut d'études slaves, IV, Paris, 1926, стр. 303.

³ История на Византия, ч. I, София, 1950, стр. 357.

⁴ См., например: Th. L. F. Tafel. De Thessalonica eiusque agro dissertatio geographica, стр. CVIII; М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1875, кн. 3, стр. 3; К. Иречек. История болгар. Одесса, 1878, стр. 202, и др.

ряд поражений и вынужден был укрыться в Дристре (Силистрия). Оттуда он повел переговоры со стоявшим во главе византийского флота патрицием и дунгарием Евстафием, заявив о своей готовности заключить мир. Император Лев VI ответил согласием. Магьяры вернулись в свои земли; Евстафию и Никифору Фоке, находившемуся с византийским войском на юго-восточной болгарской границе, был отдан приказ вернуться в Константинополь. Для окончательного и формального урегулирования вопроса о мире в Болгарию прибыл известный византийский дипломат Лев Хирсофакт (он же Лев Магистр). Желая отомстить магьярам и взять конечный реванш в этой войне, Симеон затеял со Львом Хирсофактом длительную переписку, войдя в то же самое время в тайные сношения с печенегами, восточными соседями и непримиримыми врагами магьяр.¹ Заручившись их союзом, Симеон вторгся на территорию магьяр и подверг ее страшному опустошению. При возвращении из похода Симеон встретился со Львом Магистром и объявил ему, что не заключит мир, пока не получит всех болгарских пленников. Обмен пленными состоялся, однако Симеон, под тем предлогом, что были возвращены не все болгарские пленные, возобновил войну против Византийской империи. Болгарские войска снова двинулись на Константинополь. Срочно высланная против них армия под начальством доместика схол Льва Катакалона и патриция и протовестиария Феодосия потерпела при Болгарофиге жестокое поражение.²

Битвой при Болгарофиге византийские хронисты прерывают свои сообщения об этой войне, не указывая ни года сражения, ни года заключения мирного договора.

В. Н. Златарский, отмечая это полное молчание источников о событиях после сражения при Болгарофиге и опираясь на известия арабского историка Табари о том, что летом 896 г. подступившие к Константинополю болгары нанесли большой урон грекам (что связывается обычно со сражением при Болгарофиге),³ но были оттеснены от столицы войском, сформированным Львом VI из арабских пленников, приходит к заключению, что именно в этом году, вслед за отступлением болгар, и последовало заключение мирного договора между Византией и Болгарией.⁴ Однако подобная датировка, недостаточно убедительная сама по себе, делает и трудно объяснимыми целый ряд моментов из истории болгаро-византийских отношений последующих лет, касающихся, в частности, непосредственно Фессалоники.

Заключение мира произошло, надо думать, только в 904 г. и притом уже после опустошения Фессалоники арабами.⁵

¹ Const. Porphyg. De adm. imp., cap. 40, Bonn, III, стр. 172—173. Марквардт (I. Marquardt. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. Leipzig, 1903, стр. 525) считает тенденциозным это сообщение Константина о помощи печенегов Симеону.

² Georg. Hamart., ed. Muralt, Vat., стр. 771 сл.; Theoph. Cont., VI, 9, 10 (Bonn, стр. 357 сл.); Cedr., (Bonn, II, стр. 254 сл.); Leo Gram., (Bonn, стр. 266 сл.).

³ В. Н. Златарски. Известията за българите в хрониката на Симеона Метастраста и Логотета, стр. 144, ср. стр. 99, 100; F. Dvornik, ук. соч., стр. 305.

⁴ В. Н. Златарски, ук. соч., стр. 101; ср.: М. С. Дринов, ук. соч., стр. 8.

⁵ Ср.: G. I. Bratianu. Le commerce bulgare dans l'empire byzantin et le monopole de l'empereur Léon VI à Thessalonique. Известия на Българ. историч. друж., XVI—XVIII, Сборникъ в паметъ на проф. Петъръ Никовъ, София, 1940, стр. 32.

Продолжавшееся до 904 г. состояние войны между Византией и Болгарией объясняет и оправдывает как действия болгар в области Драча, повлекшие за собой второе посольство Льва Хирсофакта в Болгарию,¹ так и попытку Симеона заселить Фессалонику болгарами после разгрома ее Львом Триполийским, вызвавшую третье посольство Хирсофакта.² Ставится более понятным и обоснованным и устоявшееся в 904 г. пограничного столба между Болгарией и Византийской империей, явившееся, без сомнения, непосредственным следствием заключенного между обеими сторонами мирного договора.³ При последней датировке получает, наконец, объяснение и сообщение некоторых византийских хронистов о том, что „когда болгарские вторжения тревожили ромеев (τῶν δὲ βουλγαρικῶν ἐφόδων Ῥωμαίους ἐπετρουόντων), агаряне, узнав об этом, предприняли морской поход, начальником которого поставили Льва Триполита, отступника от христианского благочестия, который направился к городу Атталии“.⁴ А. А. Васильев, принимая датировку М. С. Дринова, относившего заключение мирного договора между Византией и Болгарией к 893 г. и учитывая, что движение арабов к Атталии (а затем к Константинополю и Фессалонике) имело место в июле 904 г., вынужден был объявить это сообщение источников неправдоподобным.⁵ В. Н. Златарский, считая годом мирного договора 896 год и стараясь объяснить вышеприведенное известие, придал ему совершенно не соответствующее действительности толкование. Исходя из тех соображений, что вряд ли Лев Триполийский мог в столь короткий срок узнать о болгарских вторжениях и тем более рассчитывать на них в своих планах нападения на Константинополь, если бы они происходили на отдаленной западной болгарской границе, а вторжения на фракийской границе являлись бы прямым нарушением мира, Златарский пришел к выводу, что эти вторжения могли иметь место только на юго-западной границе, где-то в районе Фессалоники.⁶ Подобное толкование находится, однако, в полном противоречии с показаниями Иоанна Камениаты, жителя Фессалоники и современника этой войны, который совершенно определенно свидетельствует о том, что перед нападением на город Льва Триполийского (июль 904 г.) между болгарами и фессалоникийцами царил „глубокий мир“ (βαθεῖαν εἰρήνην).⁷ „Город был, — пишет Камениата, — ... вне всякой опасности. Ибо с тех пор как купель божественного крещения приобщила народ скифов (τὸ τῶν Σκυθῶν ἕθνος) к христианскому народу и братски разделила между обоими начала благочестия, прекратилась распря городов, меч, занимающийся убийствами, отказался от своей деятельности, и перед нами воочию осуществилось предсказание громогласнейшего из пророков Исаи. Ибо мечи наши превратились в серпы, а копья в плуги, и нигде не было войны и во всей области господствовал мир (καὶ πόλεμος ἦν οὐδένου, καὶ τὴν

¹ Сообщение об этом имеется в одном из писем Хирсофакта к императору Льву VI. Опубликовано И. Саккедином, в „Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρίας τῆς Ἑλλάδος“, т. А, 1883, стр. 396. Ср.: G. I. Bratianu, ук. соч., стр. 32; F. Dvornik, ук. соч., стр. 305, 306. Это посольство Хирсофакта, согласно размышлениям самого Златарского (История на Българската държава, т. I, ч. 2, София, 1927, стр. 324) приходится на промежуток времени между 896 и 904 гг.

² И. Саккедион, ук. соч.

³ Ф. И. Успенский. Пограничный столб между Византией и Болгарией при Симеоне. ИРАИК, III, София, 1898, стр. 184 сл.

⁴ Georg. Hamart., ed. Muralt., Vat., стр. 783; ср. Theoph. Cont., VI, 20 (Bonn, стр. 366; Cedr., Bonn, II, стр. 261).

⁵ А. А. Васильев. Византия и арабы. СПб., 1902, стр. 138—140.

⁶ В. Н. Златарски, ук. соч., стр. 327—328.

⁷ Сам., стр. 496_{14—15}.

περιχωρον ἀπασιν εἰρήνην κατεπράττειν»¹.¹ Каменната, таким образом, прямо заявляет, что после крещения Болгарии (865) мирные отношения между нею и Фессалоникой не нарушались; само выражение Каменнаты указывает на то, что в отношениях с Болгарией для Фессалоники продолжал сохраняться мир, заключенный еще в 864 г. — εἰρήνην βλάτει, как его обычно называли византийские писатели.² После битвы при Болгарофиге враждебные действия болгар приняли, повидимому, незначительный, местный характер, причем Симеон, по вполне понятным причинам, стремился не приближать их к Фессалонике, ставшей главным центром сбыта болгарских товаров. Бережное отношение Симеона к Фессалонике хорошо видно и из его писем к патриарху Николаю Мистику.³

Длительное спокойствие, установившееся в окружающей Фессалонику области с первых десятилетий IX в., давало возможность с максимальной полнотой использовать все те преимущества, которые представляли городу окружавшие его плодородные земли. Иоанн Каменната рисует яркую картину хозяйственного расцвета, царившего в это время на прилегающих к городу равнинах. Равнина, простирающаяся на восток от Фессалоники, была, как показывает Каменната, покрыта деревьями и садами, богата реками и источниками. Обширные виноградники восточной равнины радовали взор, по словам Каменнаты, обилием своих плодов.⁴ Дальше на восток простиралась другая равнина, значительную часть которой занимали два больших озера, изобиловавшие различными сортами рыбы. Остальная часть этой равнины представляла собою прекрасные пастбища для скота.⁵

На запад от Фессалоники, начиная от самой стены Эмбола⁶ лежала равнина, тянувшаяся вплоть до города Веррон (Βέρρον).⁷ Та часть ее, которая примыкала к городу, была занята, как и на восточной равнине, под виноградники и сады. Дальше к западу эта равнина „была лишена деревьев, но имела большую растительную силу, предоставляя благоприятную возможность для всяких земледельческих работ“.⁸

Пересекающие западную равнину реки,⁹ так же как и озера, расположенные на восточной равнине, были богаты рыбой.¹⁰

¹ Сам., стр. 499₁₆—500₃. Скифами, как известно, византийские писатели называли вообще всех северных врагов империи (готов, гуннов, славян, болгар); см. напр.: Theoph. Chronogr., Bonn, I, стр. 103, 158, 179, 631; Const. Porphyg. De adm. imp., II, 3. Bonn, III, стр. 50. Каменната в своем сочинении именует скифами болгар; см.: Сам., стр. 4967—21.

² См., например: Georg. Hamart., ed. Muralt, Vat., стр. 733: „ἔχτοτε γενομένης εἰρήνης βλάτει“; Leon. Gram., Bonn, стр. 238 и др.

³ G. I. Vratianu, ук. соч., стр. 32.

⁴ Сам., стр. 494₃—9. В средние века этой равнине дали название Каламария (Tafel, Th. L. Fr., ук. соч., стр. 254).

⁵ Сам., стр. 494₁₄—495₈. Каменната описывает здесь Лагодинскую равнину. Озера, названия которых он также не указывает — Бежик (Больбе) и Лангаза (Короней). Они сообщаются между собой, а также с Орфанским (Рентинским) заливом. Богатством и редкими сортами рыбы эти озера славятся еще в недавнее время (см.: С. И. Веркович: Топографическо-этнографический очерк Македонии. СПб. 1889, стр. 36).

⁶ Сам., стр. 495₁₀. Здесь у Каменнаты "Εχβολον ошибочно. Следует, как уже отметил Тафель (Tafel, Th. L. Fr. ук. соч., стр. 214, прим. 42), читать "Εμβολον.

⁷ Сам., стр. 496₂. В древности часть этой равнины носила имя Βοθηίε, византийцами позднего времени она называлась Кампания. См.: O. Tafra li. Topographie de Thessalonique, стр. 22, прим. 1.

⁸ Сам., стр. 495₂₁—22: „ἄξιλον μὲν ὡς τὰ πολλὰ τὴν βλάστην ἔχον, πάσης δὲ γεωργικῆς ἐπιτελείας ἐπιτήδευσιν παρεχόμενον“.

⁹ Каменната не приводит названий этих рек. По западной равнине протекали: Вардар (Аксий), Галико (Эхейдорос), Луда (Люднас) и Быстрица (Галиакмон).

¹⁰ Сам., стр. 496₁₅—18.

В этом описании Каменной окружающей Фессалонику области, обильно орошенной и тщательно обработанной, обращает на себя внимание высокая интенсивность ее сельского хозяйства: здесь сочетались все основные отрасли сельскохозяйственного производства — земледелие, скотоводство, садоводство, виноградарство, рыболовство. Фессалоника, таким образом, могла получать в избытке все необходимые продукты питания: хлеб, мясо, масло, молоко, фрукты, рыбу.

Многочисленные виноградники, занимавшие все ближайшие окрестности города, способствовали развитию виноделия.¹

Но значение пригородных районов Фессалоники не ограничивалось ролью поставщика сельскохозяйственных продуктов, они снабжали город также сырьем, необходимым для развития целого ряда отраслей городского ремесла.

Одной из ведущих отраслей производства Фессалоники, крупнейшего морского порта всего Эгейско-Средиземноморского бассейна, было, надо полагать, судостроение. Город, как показывает Каменная, располагал большим торговым флотом. Рассказывая о том, что для отправки захваченных в плен фессалоникийцев арабам не хватало их собственных судов, Каменная замечает, что выход из положения был найден, когда арабы использовали также большое количество (πληθύν) городских кораблей (τὰς νῆας τῆς πόλεως).² Число этих кораблей достигало, как это видно из свидетельств Табари и Сибт-ал-Джаузи, относящихся, согласно разысканиям Грегуара, к операции Льва Триполитского по захвату Фессалоники, 60 единиц.³

Строевой лес для судостроения поступал в город с покрытых лесными массивами гор, окаймлявших восточную равнину Фессалоники, и в особенности с Холомонта.⁴

Широко были развиты в Фессалонике ремесла по изготовлению различных тканей. Каменная рассказывает, что в течение продолжавшегося десять суток грабежа Фессалоники арабами из города выносились такое множество шелковых одежд (στηρικῆς ἐσθῆτος) и изделий из тончайших льняных тканей (λίνου ὑψίστησι), что все эти вещи, сложенные в гавани для погрузки на корабли, образовывали „горы и холмы“ (ὄρη καὶ βουνούς).⁵ Количество же шерстяных одежд (ἐξ ἐρίων ἐσθημάτων), принесенных жителями для своего выкупа, было настолько велико, что арабы вообще считали излишним приобретение их (περὶ τὸν ἡυόμενον τὴν κτήσιν αὐτῶν).⁶

¹ Виноградарство, как это показывают некоторые древние надписи и изображение кисти винограда на фессалоникских монетах, было развито здесь с самых давних пор. См.: O. Tafrali. *Tourgraphie de Thessalonique*, стр. 23.

² *Сам.*, стр. 572₂₀₋₂₁—573₈.

³ В своей статье „Le communiqué arabe sur la prise de Thessalonique“, опубликованной в „Byzantion“ (т. XXII, 1952, стр. 373—378), А. Грегуар убедительно показал, что сообщения арабских авторов о взятии Львом Триполитским Антакии имеют в виду не Анталию, как это считал А. А. Васильев, а Фессалонику (Salūkiya, Salūnikiya). При переводе Сибт-ал-Джаузи Грегуар (ук. соч., стр. 374—375) указывает не 60, как А. А. Васильев (ук. соч., Приложение, стр. 15 и 124), а 70 кораблей. Любопытно, что рассказ арабских источников о захвате Львом Триполитским при взятии города греческих кораблей и погрузки на них награбленной утвари и рабов полностью согласуется с показаниями Каменьяты, подтверждаемая лишней раз, таким образом, правдивость трактовки Грегуаром сообщений арабских источников.

⁴ O. Tafrali, ук. соч., стр. 12, 14; П. Успенский. *Первое путешествие в афонские монастыри и скиты*. Киев, 1877, стр. 15, 17; С. И. Веркович, ук. соч., стр. 41.

⁵ *Сам.*, стр. 568₁₆₋₂₁.

⁶ *Сам.*, стр. 568₂₂—569₁.

Эта картина была, вероятно, не слишком далека от действительности. Превосходные пастбища восточной равнины благоприятствовали широкому развитию овцеводства. Качи полотняных тканей могли закупать необходимое им сырье в долине Стримона: именно отсюда, как показывает „Книга епарха“, привозили нужный им материал константинопольские отониопраты.¹

Что касается шелкопрядения, то Камениата, говоря о товарах, служивших предметом торговли на фессалоникском рынке, называет „τὰ ἐκ Ἑβρών ὑφάσματα“.² В. Хейд, комментировавший в своей „Истории левантской торговли“ это место Камениаты, считал, что это выражение употреблено им в противопоставление „ὡς τὰ ἐξ ἐρίων“³ и его следует понимать не в том смысле, что шелковые ткани привозились из страны серов,⁴ а что они изготовлялись из нитей шелковичного червя (σῆρα).⁵ Такое толкование, на наш взгляд, не лишено основания. Изобилие в городе шелковых тканей и шелковых одежд указывает, несомненно, на то, что Фессалоника имела и свое собственное шелкопрядение: известно также, что Вениамин Тудельский, посетивший город в 1160 г., застал там еврейскую общину в 500 человек, занимавшуюся главным образом шелкопрядением.⁶

Особенно развиты в Фессалонике были, повидимому, ремесла, непосредственно связанные с обработкой металлов. Рассказывая об оживленной торговле Фессалоники, Камениата называет разные отрасли занятий городских ремесленников — специалистов по обработке меди, железа, олова, свинца и по изготовлению стеклянных изделий, а также дает возможность увидеть чрезвычайно большой размах этой отрасли производства: „... Ο μελι (χρῆλου), железе (σιδηρου) и олове (κασσιτέρου), о свинце (μολύβδου) и стекле (ύελου), которым ремесла благодаря обработке огнем придают жизнь (ὡς αἱ διὰ πυρός τέχνησι τον βίον συνέχουσι), я считаю излишним и упоминать, — пишет Камениата, — ибо их столько, что благодаря им можно построить другой город (τοσούτων ἑντων ὡς ἄλλην τινά δυνασθαί πόλιν δι' αὐτῶν δομεῖσθαι τε καὶ ἀπχετίζεσθαι)“.⁷ Количество медных и железных изделий (χρῆλων καὶ σιδηρέων σκευῶν), попавших в Фессалонике в руки арабов, было столь огромно, что военачальники запретили погружать их на корабли, стремясь оставить место для более ценных вещей.⁸

Широкое развитие получило в Фессалонике также изготовление различных видов оружия. У Константина Порфирородного мы узнаем, что стратиг Фессалоники должен был поставить в 908 г. (спустя всего 4 года после страшного разгрома 904 г.) 200 тысяч стрел, 3 тысячи дротиков и возможно большее количество щитов для организованной империей морской экспедиции против арабов.⁹

Совершенно очевидно, что подобные масштабы ремесел по изготовлению железных и медных изделий в средневековом городе, при тогдаш-

¹ Книга епарха, IX, 1. „Книга епарха“ впервые издана в 1893 г. Ж. Николем. J. Nicole. Le livre du préfet ou l'édit de l'empereur Léon le Sage sur les corporations de Constantinople. Genève. Русский перевод с обширным комментарием дан М. Я. Скулюмовым: Книга епарха. Уставы византийских цехов X в. Свердловск, 1949.

² Сам., стр. 500₂₂—501₁.

³ Сам., стр. 501₁.

⁴ Ср.: Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в VII—VII вв. Виз. вр., т. I, 1947, стр. 205.

⁵ W. Heud. Histoire du commerce du Levant. Leipzig, 1923, стр. 53, прим. 3.

⁶ См.: Th. L. Fr. Tafel, ук. соч., Appendix, V, стр. 497.

⁷ Сам., стр. 501₂—6.

⁸ Сам., стр. 568₂₂—569₅.

⁹ Const. Porphyrog. De cerim. II, 44 (Bonn, I, стр. 657).

нем состоянии транспортных средств, могли быть достигнуты только на основе сырья, добываемого в непосредственной близости от города. Наше внимание обращается при этом, естественно, к Халкидике, значительное число наименований мест которой, как древнего, так и византийского времени, указывает на наличие там полезных ископаемых.¹

В изучаемое нами время на Халкидике имелись, как об этом свидетельствует один сигиллион императора Льва VI,² деревни, называвшиеся Сидерокавскими (εις τὰ Σιδηροκάβησις, от слов „σίδηρος“ — „железо“ и „κάβησις“ — „сжигание“, „сожжение“), что указывает, несомненно, на характер занятий жителей этих деревень. Если же мы сопоставим эти данные с указаниями путешественников П. Белона (XVI в.) и П. Успенского (XIX в.) на интенсивную разработку здесь, в Сидерокавском округе, рудников,³ то не останется никакого сомнения в том, что и в интересующее нас время именно здесь велись горные разработки и именно из этого, прилегающего к Фессалонике, района, могла поступать в достаточном количестве руда для городских ремесленников.

С давних пор в Фессалонике была налажена, очевидно, и обработка мрамора, добывавшегося, как это можно видеть из одного рассказа Константина Порфирородного, в Фессалии.⁴

Интенсивная ремесленная деятельность Фессалоники сочеталась с чрезвычайно оживленной торговлей. Хотя совершенно бесспорен тот факт, что торговля, подобно ростовщичеству, эксплуатирует данный (в нашем случае феодальный) способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом,⁵ не подлежит сомнению, что развитие самого производства стимулируется в известной степени торговлей, способствующей росту товарной продукции и подчиняющей эту продукцию требованиям рынка.

Торговые связи Фессалоники, уходящие своими корнями еще в античную эпоху, неизменно играли свою положительную роль в деле общего расцвета и благосостояния города.

В рассматриваемое здесь время специфика основного профиля фессалоникской торговли в значительной степени определялась двумя моментами: разбоем арабских пиратов на основных морских торговых путях того времени — Средиземном и Эгейском морях, с одной стороны, и взаимоотношениями между Фессалоникой и Болгарским государством, — с другой.

Чрезвычайно благоприятное положение Фессалоники на море представляло городу широкие возможности для развития морской торговли. Уже сам по себе залив, защищенный от моря косой и имевший во внутренней части несколько мест для причала, представлял удобную и надежную стоянку для судов.⁶ Фессалоника имела, помимо того, большой и хорошо благоустроенный порт, *Ἐπιπλοῦτος λιμὴν*, по словам

¹ Сама Халкидика получила свое название от *χαλκός* — медь. О связи имен целого ряда сел Халкидики с ведущимися там горными разработками см.: П. Успенский. Первое путешествие в афонские монастыри и скиты. Киев, 1877, стр. 10 сл.

² См.: П. Успенский. История Афона, ч. III, Киев, 1877, стр. 44, 296.

³ P. Belon. Observation. Paris, 1554, стр. XLIX; П. Успенский. Первое путешествие, стр. 10 сл.; он же. История Афона, ч. III, стр. 48.

⁴ Const. Porphyg. De cerim., II, 42 (Vonn, I, стр. 642 сл.). См.: Th. L. Fr. Tafel, ук. соч., Appendix, III, стр. 439 сл., где приведен целый ряд свидетельств источников по этому вопросу. О широком применении мрамора в Фессалонике см. также: Eustathii. Contra Injuriarum memoriam, MPG, 136, стр. 453.

⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2. Госполитиздат, 1950, стр. 623.

⁶ См., стр. 492₁₄—19. См. также: O. Tafraли, Topographie de Thessalonique, стр. 14.

Камениаты,¹ построенный еще в IV в. н. э. Константином Великим во время пребывания последнего в Фессалонике.²

В интересующее нас время фессалоникский порт не мог, однако, функционировать в полную свою силу. Морские разбои арабских корсаров, особенно усилившиеся в IX—начале X в., привели, как известно, к тому, что средиземноморская торговля была в значительной степени парализована и даже путь Константинополь—Фессалоника сделался опасным. Свидетельства источников, и в первую очередь житийная литература, дают тому целый ряд неоспоримых доказательств.³ Тем не менее торговые сообщения не прекращались здесь, как это можно видеть из некоторых указаний Камениаты, даже в период той наивысшей точки, которой достигли морские разбои арабов в первые годы X столетия.

В своем сочинении Камениата отмечает, что в фессалоникскую гавань приплывали корабли „со всех сторон“ (*ἀπὰνταχούθεν*);⁴ он сообщает также, что во время захвата Фессалоники арабами в городе имелось большое количество торговых судов, принадлежавших фессалоникским купцам.⁵ Это были, по его словам, суда, „которыми раньше пользовались наши купцы для перевозки хлеба“ (*οἱ καὶ ἑμῶν ποτε πρὸς τὸ τὸν οἶτον ἐπιχωροῦσιν οἱ καὶ ἡμῶς ἐμποροῖ*).⁶ Камениата умалчивает, к сожалению, о том, для кого именно предназначался этот хлеб, с кем именно имели дело фессалоникские хлеботорговцы. Возможно, они отвозили македонский хлеб в Константинополь. Известно, что в рассматриваемое время Египет и Сирия, снабжавшие некогда столицу хлебом, были потеряны. Компенсировать утраченные источники снабжения должна была теперь, наряду с Фракией и некоторыми другими провинциями Византийской империи, также и Македония.⁷ Но так или иначе, каков бы ни был путь следования фессалоникских хлеботорговцев и откуда бы ни приплывали в городской порт чужеземные суда, совершенно очевидным остается тот факт, что хотя в интересующее нас время морская торговля, ввиду чрезвычайной опасности морских передвижений, была резко сокращена, торговые сообщения по морю продолжались. Главное место в этой морской торговле принадлежало, вероятно, именно торговле хлебом. В своем повествовании о плавании пленных фессалоникийцев на остров Крит Камениата рассказывает, что по пути, в Диадромах (одна из групп Спорадских островов), они натолкнулись „на некий злополучный корабль, груженный хлебом“ (*νήος τινος δυστυχούς οἴτου πεφορτισμένης*), который был немедленно захвачен арабами.⁸ Этот корабль шел, очевидно, с Эвбеи, соседней со Спорадами и известной своим богатством хлеба.⁹

¹ Сам., стр. 492₄.

² Zosimi Hist., II, 22 (Bonn, стр. 86). Подробные сведения о фессалоникской гавани приведены у Тафеля (Th. L. Fr. Tafel, ук. соч., стр. 208 сл.) и у Тафрали (O. Tafra li. Topographie de Thessalonique, стр. 14 и др.).

³ См. А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агнографии. М., 1917, стр. 163, 164.

⁴ Сам., стр. 492₂.

⁵ Ср. выше, стр. 68.

⁶ Сам., стр. 572₂₁—573₁.

⁷ Theoph. Cont., VI, 13 (Bonn, стр. 479); Cedren. (Bonn, II стр. 516); на снабжение Константинополя македонским хлебом в XII в. прямо указывает Михаил Акоминат: „Разве не производят для вас хлеб, — говорит он, обращаясь к константинопольской знати, — плодородные равнины Македонии, Фракии и Фессалии. . .“ (Mich. Acom., ed. Lambros, II, 83).

⁸ Сам., стр. 579₂₀—580₁₀.

⁹ Житие Христовула, изд. Σαχκελίων. Ἀκολουθία ἱερὰ τοῦ ὁσίου Χριστοδοῦλου, Ἀθήναι, 1884, стр. 151. (См.: А. П. Рудаков, ук. соч., стр. 170).

Своеобразие международной обстановки, препятствовавшей широкому развитию морской торговли, должно было, разумеется, отрицательно сказаться на Фессалонике — крупнейшем морском городе и порте Эгейско-Средиземноморского бассейна. Тем не менее, благодаря издавна налаженной торговле, шедшей сухопутными и речными путями, значительно снизившийся товарооборот фессалоникской гавани мог быть успешно компенсирован. Еще со времени арабских завоеваний VII—VIII вв., когда богатейшие восточные провинции с их крупнейшими промышленными и торговыми центрами — Александрией, Антиохией, Бейрутом, Тиром, Дамаском и другими — были отняты у Византийской империи и центр тяжести византийской торговли переместился на Запад и Север, Фессалоника, занимавшая здесь исключительно выгодное положение, сумела быстро расширить старые и наладить новые торговые связи, выдвигнуться на первое место после Константинополя. С течением времени эти связи все более крепились и расширялись. Усиливавшийся процесс феодализации славянских и западноевропейских государств, их экономическое и политическое развитие способствовали росту их потребностей и оживлению торговой деятельности.

Чрезвычайно большое значение приобрела для Византии и, в частности, как об этом свидетельствует Каменната, для Фессалоники, торговля с Болгарией.

Болгарское государство, заняв постепенно огромную византийскую территорию в южном, юго-западном и северо-западном направлениях, служившую издавна богатейшим источником экономических ресурсов Византии, оказалось хозяином не только огромного внутреннего сырьевого рынка, но также и главнейших торговых путей, соединявших Константинополь и Фессалонику с Западом. Все это дало широкие возможности для развития производительных сил страны и ее товарооборота с соседями. После того как в 716 г., еще при хане Тербеле, между Болгарией и Византией был заключен торговый договор,¹ торговые связи, в той мере, в какой это позволяли политические отношения между обоими государствами, уже не прекращались. К X в. Болгария становится посредником в торговле между Западной Европой, Севером и Византией. Стекавшееся в Болгарию по Дунаю сырье из Моравии, Руси и придунайских стран обменивалось болгарами на византийские ремесленные изделия, а также на товары, доставлявшиеся с константинопольского рынка из Азии и Африки.² Хорошо известно, как характеризовал столицу Болгарии середины X в., Переяславец на Дунае, русский князь Святослав: „Ту вся благая сходятся: от Грекъ злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличные; из Чехъ же, из Угорь, серебро и комони, из Руси же скоро и воскъ, медь и челядь“.³ Значение Болгарии как сырьевого рынка и неисчерпаемого источника продовольственных ресурсов для Византии поднимало ее удельный вес в международной политике настолько, что иностранные купцы, имевшие торговые связи с Болгарией, производили свои операции в Константинополе и Фессалонике под защитой болгарского подданства.⁴

¹ В. Н. Златарски. История на Българската държава, т. I, ч. 2. София, 1927, стр. 182.

² A. Rambaud. L'empire Grec au X-e siècle. Paris, 1870, стр. 328, Ср.: М. С. Дринов. Южные славяне и Византия в X в., стр. 6; K. Dieterich. Zur Kulturgeographie und Kulturgeschichte des byzantinischen Balkanhandels. BZ, XXXI, 1931, стр. 45.

³ Повесть временных лет, т. I. Изд. АН СССР, 1950, стр. 48.

⁴ I. Sakàzov. Bulgarische Wirtschaftsgeschichte. Berlin—Leipzig, 1929, стр. 61.

В самом начале царствования Симеона в византийско-болгарских торговых отношениях произошло одно немаловажное событие, имевшее своим непосредственным следствием расширение торговли между болгарами и Фессалоникой. Двум византийским торговцам, Ставракию и Косме, заручившимся протекцией евнуха Мусика, а через него и Стилиана Заутцы, стоявшего в то время во главе всего государственного управления,¹ удалось, используя, очевидно, враждебность греческого двора и духовенства к реформам Симеона и желание византийского правительства уменьшить сильно возросшее влияние болгарских купцов в Константинополе, взять на откуп пошлину с болгарской торговли и добиться перевода болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику.² Перемещение сюда центра тяжести болгаро-византийской торговли способствовало новому, невиданному до тех пор росту торговых связей между Фессалоникой и болгарами.

Прекрасную иллюстрацию к этому мы находим у Камениаты, который уделяет совершенно особое внимание взаимоотношениям между фессалоникийцами и болгарами и придает их торговле исключительное значение. Именно в связи с характеристикой мирных отношений, установившихся между Фессалоникой и болгарами, Камениата говорит о доходах торговли (*αἱ τῆς ἐμπορίας χορηγίαι*), способствующих процветанию города.³

Торговые связи с болгарами осуществлялись главным образом по рекам, протекающим по западной равнине. „Весьма большие реки, вытекающие из страны скифов и пересекающие равнину, о которой говорилось выше (между Фессалоникой и Верроей, — *P.H.*), — пишет Камениата, — доставляют городу большое изобилие... благодаря восходящим по ним с моря кораблям (*πολλὴν θαψίλειαν... παρέχοντα... ταῖς δι' αὐτῶν ἀπὸ τῆς θαλάσσης τῶν νηῶν ἀναδρομαῖς*), в силу чего наблюдается разнообразный привоз товаров (*ποικίλη τῆς πρόσδος τῶν υρεῶν*)“.⁴ Среди рек западной равнины самой большой и самой важной по своему значению был, несомненно, Вардар (Аксий), на судоходность которого в средние века указывают, помимо Камениаты, Никифор Грегора⁵ и Феофилакт Болгарский.⁶ „Это самая большая из македонских рек, — говорит анонимный автор „Тимариона“. — Она вытекает из Болгарских гор отдельными маленькими ручейками, а затем соединяется в нижнем течении в одно русло и течет, как сказал бы Гомер, «широко и мощно» по Древней Македонии к Пелле и неподалеку от нее впадает в море“.⁷

По Вардару начинался тот знаменитый путь, который связывал Фессалонику с Дунаем. Он шел вверх по Вардару до Скопле (Ускупы), а затем по долине Моравы, где, начиная от Ниша (Наисса) — узлового

¹ V. Grumel. La chronologie des événements du règne de Léon VI. *Échos d'Orient*, 1936, 39, № 181, стр. 41 сл.

² История перенесения болгарского рынка из Константинополя в Фессалонику еще раз указывает на тот большой размах и значение, которые имела в то время болгарская торговля: пошлина с болгарских товаров была настолько доходной, что стала предметом откупа кучки византийских торговцев, пользовавшихся покровительством при дворе; этот шаг византийского правительства настолько ущемлял, с другой стороны, болгарские интересы, что Симеон усмотрел в нем достаточное основание для начала войны с Византией. — См. выше, стр. 64.

³ *Сам.*, стр. 500₄₋₅.

⁴ *Сам.*, стр. 496₁₅₋₂₀.

⁵ *Nicéph. Greg.*, VIII, 14 (Bonn, I, стр. 380).

⁶ *Theophyl. Bulg. epist.* 55 (MPG, 126, стр. 472).

⁷ *Timarion*, ed. Ellissen, IV, стр. 44.

пункта скрещения шести различных дорог — соединялся с древней римской дорогой *Via Singidunum*, связывавшей Белград (Сингидун) с Константинополем (Византием).¹ Именно об этом пути писал Константин Багрянородный: „От Фессалоники до реки Дуная, на котором стоит город, называемый Белград, восемь дней пути, если кто идет не спеша, а с остановками“.² Путь Морава—Вардар не уступал по своему значению в средние века пути Морава—Марица; некоторые исследователи отмечают также, что *Via Singidunum* имела в средние века для Балканского полуострова несравненно большее значение, чем прославленная *Via Egnatia*.³ За исключением береговых дорог и *Via Egnatia*, все пути внутреннего массива Балканского полуострова являлись лишь боковыми ветвями этой главной артерии.⁴ По *Via Singidunum* осуществлялись связи Константинополя и Фессалоники с Болгарией, Сербией,⁵ Великоморавским государством⁶ и другими странами Западной Европы.

От Скопье к Фессалонике можно было попасть не только по Вардару, но также и по другим путям, шедшим как западнее (через Битоль—Монастырь), так и восточнее (через Струмицу) этой реки.⁷ Из района Сардики (Софии) по долине Стримона (Струмы), через Рупельский проход, шел путь к Орфанскому заливу, откуда также легко достигалась Фессалоника.⁸ Торговое судоходство между Фессалоникой и Болгарией, помимо Вардара, могло осуществляться также по рекам Луде и Быстрице.⁹

Камениата умалчивает, к сожалению, о конкретных предметах болгарской торговли. Он ограничивается лишь замечанием о том, что „обе стороны (т. е. фессалоникийцы и болгары, — Р. Н.) стремились к мирным отношениям с давних пор, обменивая между собою необходимые продукты“.¹⁰ Из других источников нам известно, что болгары торговали

¹ *Via Singidunum* шла из Сирмия (Митровицы) и Сингидуна (Белграда) через Виминаций, Нанс (Ниш), Сардику (Софию), Филиппополь (Пловдив) и Андрианополь в Византий (Константинополь). Описание этого пути появляется еще в „Итнерарии“ Антонина Августа (III в.), изд.: G. Parthey — M. Pinder, Berlin, 1848; K. Miller. *Itineraria romana*. Stuttgart, 1916, стр. LIV сл. О *Via Singidunum* см. работу: K. Jireček. *Die Heerstrasse von Belgrad nach Konstantinopol und die Balkanpässe*. Prag, 1877; ср.: A. Philippson. *Das byzantinische Reich als geographische Erscheinung*. Leiden, 1939, стр. 94 сл.

² Const. Porphyg. *De adm. imp.*, cap. 42 (Bonn, III, стр. 177).

³ См. например, P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale à l'époque chrétienne et byzantine. Recherches d'histoire et d'archéologie*, Paris, 1945, стр. 71—73.

⁴ K. Jireček, ук. соч. стр. 1.

⁵ Jovan Cvijić. *La péninsule Balcanique*. Paris, 1918, стр. 24. В сербских документах *Via Singidunum* называлась *carski put* (царский путь): J. Cvijić, ук. соч., стр. 21; Jireček, ук. соч., стр. 83; ср.: K. Dieterich, ук. соч., стр. 42. Позднее *Via Singidunum* стала главным путем Турецкой империи в Европе, она называлась тогда *Stambouljol* — Стамбульский путь. Дитерих (ук. соч., стр. 41, 47) отмечает, что в торговом отношении Сербия тяготела к Фессалонике, а Болгария — к Константинополю. Для изучаемого периода это разграничение не имело еще места.

⁶ В Паннонской легенде (*Vita s. Methodii*, cap. V) эта дорога называется моравской: „*Puti s'a jat moravskago*“. Именно по ней шли в 862 г. послы Ростислава к византийскому императору Михаилу (842—867).

⁷ См.: J. Ancel. *La Macédoine*. Paris, 1930, стр. 28; J. Cvijić, ук. соч., стр. 21.

⁸ Об этом пути см. W. Tomaschek. *Zur Kunde der Hämus-Halbinsel*, II. *Sitzungsberichte der K. Akad. d. Wissensch., Philos.-hist. Cl., Bd. CXIII*, Wien, 1887, стр. 360—366.

⁹ Cantac. *Hist.*, IV, 18 (Bonn, III, стр. 119 сл.); Филарет. *Св. великомученик Димитрий и солунские славяне. Чтения в Обществе истории и древностей российских*, М., 1848, кн. 6, стр. 26.

¹⁰ Сам., стр. 496₁₃₋₁₄.

скотом,¹ медом, льняными тканями,² а также рабами.³ Взамен они приобретали разрешенные к экспорту шелковые ткани и сирийские материи, украшения⁴ и т. п. Торговля между болгарами и Фессалоникой происходила, как об этом можно судить из употребленного Камениатой в вышеприведенном отрывке глагола *ἀλλάττω* (обменивать, выменивать), на основе обмена. Современные Камениате источники также подтверждают обменный характер болгарской торговли: арабский хронист Ал-Масуди (20—50-е гг. X в.) подчеркивает, что болгары не имели ни золотых, ни серебряных монет, а для уплаты за покупки пользовались коровами и овцами.⁵ „Книга епарха“ также свидетельствует о том, что торговля между Болгарией и Константинополем велась путем товарообмена.⁶ В последнем случае следует, однако, отметить, что сама формулировка интересующего нас здесь места „Книги епарха“ позволяет предположить, что такое положение не было правилом без исключения: „... если покупка может производиться лишь в порядке обмена на другие товары...“, следовательно, допускается возможность и таких случаев, когда покупка совершалась за деньги. Позднее, с развитием ремесла и ростом внутренней и внешней торговли, денежная торговля приобретает у болгар все большее значение: источники сообщают, что когда византийские войска вступили в 1018 г. в болгарскую столицу, император Василий II (976—1025) захватил там, помимо золота, драгоценных камней и одежд, также большое количество денег.⁷ Но и в это время денежные отношения в Болгарии были развиты еще слабо: известно, что после победы над Болгарией Василий II приказал, чтобы подати с болгар, как и прежде, взымались натурой (пшеницей, просом и вином).⁸

Наряду с интенсивной торговлей Фессалоники по речным артериям и *Via Singidunum*, соединявшей город с придунайскими странами, оживленная торговая жизнь шла, как это показывает Камениата, и на другом великом пути древности — *Via Egnatia*, проходившем через Фессалоники и связывавшем ее с Адриатическим побережьем на Западе и с Константинополем на Востоке. *Via Egnatia* — *Via Regia* македонских царей, заново отстроенная римскими императорами с военными и административными целями во II в. до н. э. после покорения Македонии, стала впоследствии важнейшим торговым путем между Западом и Востоком.⁹ Она начиналась от Аполлонии (или от Диррахия) и шла через Лихнид (Охриду), Гераклею (Битоль — Монастырь) и Эдессу (Водену) в Фессалонику, где образовывала одну из ее главных улиц — Леофо-

¹ А. Я. Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870, стр. 126.

² Книга епарха, IX, 6.

³ Д. Ангелов. Робството в средновековна България. Ист. преглед, т. 2. 1946, стр. 143, 151; I. Saká z o v, ук. соч., стр. 66.

⁴ Книга епарха IX, 6.

⁵ А. Я. Гаркави, ук. соч., стр. 126.

⁶ Книга епарха, IX, 6.

⁷ Cedren., Voln, II, стр. 468.

⁸ Там же, стр. 530.

⁹ Фундаментальные работы об этой дороге даны Тафелем: Th. L. Fr. Tafel. *De via militari Romanorum Egnatia*. Tübingae, 1837. Эта работа предшествовала главному его произведению: *Via militaris Romanorum Egnatia. Pars occidentalis*. Tübingae, 1841; *De viae Romanorum militaris Egnatae parte orientali*, Tübingae, 1841. Обе части вместе с исчерпывающим предисловием вышли под заглавием: „*De via militari Romanorum Egnatia*“ (Tübingae, 1842). В предисловии собраны исторические сообщения о пользовании дорогой в древности и в средние века, а также даны извлечения из сочинений путешественников XIX в. О *Via Egnatia* см. также: W. Tomaschek, ук. соч., стр. 353—360; O. Tafrali. *Topographie de Thessalonique*, стр. 21 и 121.

рос.¹ Из Фессалоники Via Egnatia направлялась вдоль побережья Эгейского моря в Константинополь. Счастлиное положение Фессалоники в центре этой важнейшей сухопутной магистрали средневековья определяло ее значение как крупнейшего пункта транзитной торговли между Западом и Востоком. Через Фессалонику, как мы можем видеть из сочинения Камениаты, ежедневно проходили многочисленные толпы купцов. Здесь они останавливались на отдых, сбывали часть своих товаров и приобретали нужные для себя вещи. На городской площади заключались бесчисленные торговые сделки. „Ибо общественная дорога (Λεωφόρος δημοσίη), идущая с запада на восток и проходящая через центр города, — рассказывает И. Камениата, — поневоле (ἀναγκάως) принуждает проходящих остановиться у нас и закупить нужные вещи (τὴν χρειαίαν), мы (в свою очередь) приобретаем у них всякие полезные вещи“.² „... Проще счесть прибрежный морской песок, — заключает Камениата, — чем проходящих через рынок (ἀγοράν) и совершающих торговые сделки (τῶν συναλλαγμάτων ποιούντων τὴν μέθοδον)“.³ Камениата не указывает, каких именно стран и областей торговцы преобладали в это время на Via Egnatia, кого именно видела у себя Фессалоника.⁴ Об этом можно судить только очень неполно и поверхностно. „Отсюда (т. е. благодаря торговым сделкам, — Р. Н.) у многих скапливалось обилие золота и серебра, — пишет Камениата, — и большое количество драгоценных камней и шелковых тканей“.⁵ Драгоценные камни привозились, по всей вероятности, с Востока,⁶ очевидно из Индии;⁷ шелковые ткани могли поступать из самого Константинополя — крупнейшего мирового центра того времени по производству шелковых тканей,⁸ из Сирии,⁹ а также из Пелопоннеса.¹⁰ Сообщение между Фессалоникой и Пелопоннесом было вообще, как показывают источники, чрезвычайно оживленным в IX—X вв.¹¹ Несомненно, Фессалоника принимала у себя венецианских и амальфитанских купцов, ведших уже в рассматриваемое нами время довольно интенсивную торговлю с империей.¹²

¹ Λεωφόρος пересекала весь город с запада на восток, начинаясь от Золотых (Вардарских) ворот и заканчиваясь у ворот Кассандра (Каламария, Константинопольские). См.: О. Tafraли, ук. соч., стр. 30, 102, 138. О Золотых воротах упоминает и Иоанн Камениата (Сам., 544_g).

² Сам., 500₁₃—17.

³ Сам., 500₁₉—21.

⁴ Камениата ограничивается здесь общей фразой о том, что по этой дороге чужеземцы прибывали в город „отовсюду“ (ἀπανταχῶθεν — Сам., 500₁₆).

⁵ Сам., 500₂₁—501₁; „ἐντελευθεν χρυσίου καὶ ἀργυρίου καὶ λίθων τιμίων παντλήθεις θησαυροὶ τῆς πολλῆς ἐγένοντο, καὶ τὰ ἐκ Σηρῶν ὑφασματα“.

⁶ W. Heyd, ук. соч., стр. 53, прим. 3.

⁷ K. Hullmann. Geschichte des byzantinischen Handels bis zum Ende der Kreuzzüge. Frankfurt, 1808, стр. 67.

⁸ Производству шелка в Константинополе было положено начало еще в VI—VII вв. (Н. В. Пигулевская. Византийская дипломатия и торговля шелком в V—VII вв. Виз. вр., т. I, 1947, стр. 204 сл. Ср.: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 83 сл.) и с тех пор Византия надолго становится монополистом по производству шелка в Европе.

⁹ Из „Книги эпарха“ (V, 1, 2, 3, 4, 5) мы знаем, во всяком случае, что в интересующее нас время из Сирии в Константинополь привозились шелковые ткани, шелковые одежды и другие товары. Ср.: М. Я. Сюзюмов. „Книга эпарха“, стр. 59—60.

¹⁰ О развитии в X в. шелкового производства в Спарте свидетельствует житие Никона Метаноита (S. Lampros. Νέος Ἑλληνομνήμων, 3, 1906, стр. 163—166; А. П. Рудаков, ук. соч., стр. 168). Из Беотии и Пелопоннеса привозились шелковые ткани на фессалоникскую ярмарку и в первой половине XII в. (см. ниже, стр. 77).

¹¹ Неоднократные указания на это встречаются в житийной литературе (А. П. Рудаков, ук. соч., стр. 166).

¹² Liutprandi legatio, MGH, III, стр. 350, 357, 359.

Насколько широки были вообще торговые возможности Фессалоники, какой широкий круг различных стран и народов привлекала к себе ее знаменитая октябрьская ярмарка, устраиваемая с давних пор ежегодно в честь патрона города Димитрия, можно видеть из сатирического диалога XII в. „Тимариона“. Показания „Тимариона“, даже с учетом их значительного расхождения во времени по сравнению с рассматриваемым нами периодом, не лишены в этом отношении известного интереса. На фессалоникскую ярмарку в первой половине XII в. съезжались купцы из Болгарии, Скифии, Иверии, Греции, Пелопоннеса, Италии, Галлии и Германии, Испании и Египта. На ярмарке было представлено, по словам ее очевидца, „все, что может быть изготовлено мужской и женской рукой из тканей и пряжи; все, что привозится из Беотии и Пелопоннеса, и все, что торговые суда привозят эллинам из Италии. Много товаров доставляют и Финикия и Египет, Испания и Геракловы столпы, где изготовляются лучшие ковры“. ¹ Часть этих товаров привозилась сухим путем, часть — на кораблях. Товары из Понта шли сначала морем в Константинополь, и уже оттуда их переправляли в Фессалонику. ²

Интенсивность и размах фессалоникской торговли конца IX—начала X в. едва ли уступали обрисованной в „Тимарионе“ для XII столетия картине.

О чрезвычайно широких торговых возможностях Фессалоники в рассматриваемое нами время мы могли судить уже хотя бы по тому, что она была в состоянии принять на себя всю основную торговлю Византийской империи с Болгарией. Знаменитый арабский историк Табари, современник Иоанна Камениаты, отмечает, что в начале X в. Фессалоника была соперницей Константинополя. ³ Насколько значителен был тогда этот крупнейший ремесленный и торговый центр Византийской империи, показывает и сама численность его населения. Иоанн Камениата сообщает, что после взятия Фессалоники арабы доставили на Крит 22 тысячи человек, отобранных для продажи в рабство. „Число [пленных] было 22 тысячи. . . из всех их не было ни одного, кто брил бы бороду. И не было ни одной женщины, которая не была бы очень молодой. Народ был отборный и молодой, и каждый словно состязался, чтобы превзойти другого или молодостью возраста, или прелестью лица. . .“ ⁴

Исходя из этих данных Камениата и предполагая, что предназначенное для продажи в рабство молодое поколение города составляло $\frac{1}{10}$ часть всего его населения, Финлей приходил к выводу, что общая численность населения Фессалоники равнялась 220 тыс. ⁵ Правда, этот подсчет Финлея вызывал сомнение у некоторых ученых. ⁶ Нам думается, однако, что нет оснований уменьшать указанную Финлеем цифру. Процентное отношение числа отобранной арабами молодежи к числу всего населения города весьма правдоподобно, а количество пленных, указываемое Камениатой, подтверждается как прочими его же данными, так и показаниями некоторых других источников. Камениата сообщает, что флот

¹ Timarion, ed. Ellissen, t. IV, стр. 46—48.

² Там же.

³ А. А. Васильев, ук. соч., Приложения, стр. 15; ср.: Н. Grégoire, ук. соч., стр. 374.

⁴ Сам., стр. 589₁₃—19.

⁵ G. Finlay. History of Greece from its conquest by the Romans to the present time, v. II. Oxford, 1877, стр. 267, прим. 1.

⁶ См., например: A. Struck. Die Eroberung Thessalonikes durch die Sarazenen im J. 904. BZ, XIV, 1905, стр. 542—543.

Льва Триполийского состоял из 54 крупных кораблей.¹ Величина и сила арабского флота должна была быть, действительно, весьма внушительной, если учесть, что высланная против него императорская эскадра Евстафия, а затем и Имерия не решились вступить с ним в бой.² Каменната отмечает, что арабские корабли были „широкими и способными служить для большой толпы“.³ Мы находим у него и прямые указания на вместимость некоторых из этих судов. Корабль, на котором находился сам Иоанн Каменната, имел на своем борту, по его словам, 800 человек пленных и 200 человек арабов.⁴ На корабле Льва Триполийского, после того как на него были переведены пленные и арабы с другого, получившего течь во время бури корабля, оказалось „значительно более тысячи душ“ (πολλὴ γὰρ πλείω τῶν χιλίων ψυχῶν).⁵ Правда, корабль Льва Триполийского, предводителя арабского флота, был, вероятно, самым большим. Каменната замечает к тому же, что перегрузка его была так велика, что „столько нехватало, чтобы корабль зачерпнул воды, какова величина одной ладони“.⁶ Но даже если заподозрить Каменнату в обоих указанных случаях в известном преувеличении, простая арифметика показывает, что для того чтобы перевезти на 54 кораблях 22 тысячи пленных, на каждый из них достаточно было бы поместить не по 800 и более, а по 400 человек. Из показаний Каменнаты, помимо того, видно, что корабли не несли даже и этой нагрузки. Для перевозки пленных было использовано также большое количество местных, фессалоникийских судов.⁷ Совершенно очевидно, что все находившиеся в распоряжении арабов корабли имели полную возможность перевезти 22 тысячи отобранных для продажи в рабство фессалоникийцев. Первоначальное количество захваченных арабами пленников даже превышало эту цифру. Арабский историк Сибт-ал-Джаузи, живший в конце XII — начале XIII в. и пользовавшийся ценными, уже утерянными источниками, отмечает, что Лев Триполийский захватил при взятии Фессалоники 30 тысяч пленных.⁸ Это показание арабского историка находится в полном согласии с данными Каменнаты; последний рассказывает, что еще по дороге на Крит, где подсчет пленных показал 22 тысячи, арабы уже успели перепродать часть их за большие деньги их богатым родственникам;⁹ многие вообще не доехали до Крита: во время мучительного плавания в трюмах арабских кораблей несчастные массы умирали.¹⁰

Население в 200 тысяч человек — большая цифра для средневекового города, даже для города византийского.¹¹ В другие времена Фессалоники, возможно, и не была столь многочисленна.¹² Многочисленность насе-

¹ Сам., стр. 512₂₋₅; 572₁₇₋₁₉.

² Cont. Hamart. Muralt, стр. 782—783; Theoph. Cont., VI, 20 (Bonn, стр. 366, 367); Cedr., Bonn, II, стр. 262; Leo Gram., Bonn, стр. 277.

³ Сам., стр. 572₁₁₋₁₂.

⁴ Сам., стр. 578₂₂—579₂.

⁵ Сам., стр. 595₉₋₁₀.

⁶ Сам., стр. 595₁₂₋₁₃.

⁷ Сам., стр. 573₈₋₈. — Ср. выше, стр. 68.

⁸ А. А. Васильев, ук. соч., Приложения, стр. 124; Н. Grégoire, ук. соч., стр. 375.

⁹ Сам., стр. 579₈₋₁₅; Н. Grégoire, ук. соч., стр. 375.

¹⁰ Сам., стр. 581₁₅₋₂₁.

¹¹ Андреадис в своей статье, специально посвященной населению Константинополя (Andréades. De la population de Constantinople sous les empereurs byzantins. „Metron“, v. 1, 1920, № 2, стр. 105—106), приходит к выводу, что население византийской столицы от IV до XII в. редко опускалось ниже 500 тысяч человек, приближаясь обычно к цифре 800 тысяч—1 миллион.

¹² Хотя Холмс (W. G. Holmes. The Age of Justinian and Theodora, v. 1. London, 1905, стр. 134—137) определял население Фессалоники в VI в. даже в 300 тысяч.

ления Фессалоники в начале X в. объясняется, с одной стороны, подъемом ремесленной и торговой деятельности города, вызывавшим приток как жителей окрестных сел и деревень, так и торговцев из различных мест и городов, а с другой стороны, разбоями арабов на островах и в прибрежных городах, длившимися в течение целого ряда десятилетий и заставлявшими жителей покидать родные места и переселяться в Фессалонику, считавшуюся хорошо укрепленным и недоступным для врагов городом. Каменьята, рассказывая об оживленной торговой жизни, кипевшей в Фессалонике, замечает, что „городские улицы постоянно заполняет толпа, состоящая из местных жителей и прочих пришельцев...“¹ „В город собираются, — говорит он, — всякого рода и со всех мест люди“.² „Ибо, благодаря изобилию [в городе] необходимого, в него переносили местопребывающие жители соседних стран и городов, и, в особенности, сюда бежали те с уже захваченных островов, которые уделали во время набега нечистых агарян, полагая, что в дальнейшем они уже не будут иметь в нем никакой заботы о врагах“.³

Фессалоника начала X столетия предстает перед нами, таким образом, как многолюдный и густонаселенный город, который имел развитое ремесленное производство, вел обширную и оживленную торговлю.

Существование в Византийской империи таких крупных торгово-ремесленных центров, как Фессалоника, дало повод некоторым буржуазным ученым говорить о наличии там капитализма, о непрерывности капиталистических отношений, имевших место, якобы, как в древнее время, так и в средние века. В хозяйственной структуре Балканского полуострова изучаемого нами времени И. Саказов, например, указывая на существование таких городов, как Константинополь, Фессалоника и другие, усматривал „элементы капиталистической промышленности, сохранившиеся еще от римского времени“, „характерные черты капитализма“.⁴ Мы наблюдаем здесь обычное в буржуазной историографии смешение товарного производства с производством капиталистическим, смешение, всю ошибочность и недопустимость которого убедительно показывает марксистско-ленинское учение. Касаясь этого вопроса, И. В. Сталин писал, что „нельзя отождествлять товарное производство с капиталистическим производством. Это — две разные вещи. Капиталистическое производство есть высшая форма товарного производства... Товарное производство старше капиталистического производства. Оно существовало при рабовладельческом строе и обслуживало его, однако не

¹ Сам., стр. 500₁₇₋₁₉.

² Сам., стр. 504₉₋₁₀.

³ Сам., стр. 504₁₁₋₁₇. Ср. также стр. 511₂₀—512₇. Наглядную иллюстрацию к этим словам Каменьята дает житие Феодоры Солунской. В нем рассказывается, что после того как остров Эгина, откуда Феодора была родом, подвергся нападению арабов и был опустошен (в 20-х годах IX в., — см.: В. Г. Васильевский. Один из греческих сборников Московской синодальной библиотеки. ЖМНП, ч. 248, 1866, стр. 87—89), Феодора вместе с отцом и мужем направилась в Фессалонику и поселилась там, узнав, что „охраняемая, помимо бога, предстательством своего защитника и покровителя, всехвального мученика Дмитрия, она является непреборимой от всех наступающих зол“ (Житие и подвиги св. Феодоры Солунской. Изд. еп. Арсения, Юрьев, 1899, стр. 4 и 41; 27 и 68). Ср. также показания жития Луки Эладского (MPG, III, стр. 441—480). Житие патриарха Игнатия (Mansi, Conciliorum amplissima collectio, XVI, 209—291; MPG, 105, стр. 488—574) сообщает о переселении в Фессалонику, вследствие нашествия арабов, критского епископа Василая. По причине арабских нашествий переселился из Сицилии в Пелопоннес, а затем в Фессалонику и Иосиф Песнопиец.

⁴ I. Sakázov, ук. соч., стр. 69; Ср.: L. Brentano. Die byzantinische Volkswirtschaft, 1917. (Русский перевод И. И. Яковкина: Народное хозяйство Византии. Л., 1924).

привело к капитализму. Оно существовало при феодализме и обслуживало его, однако, несмотря на то, что оно подготовило некоторые условия для капиталистического производства, не привело к капитализму".¹

Товарное производство вообще не являлось основой хозяйственной жизни рабовладельческого и феодального, в частности византийского, обществ. В основе своей экономическая жизнь Византийской империи носила потребительский характер, а товарное производство лишь обслуживало натуральнохозяйственную основу. Больше того, сами центры товарного производства — Константинополь, Фессалоника и другие — не порвали еще своей связи с сельским хозяйством. Совершенно неверно утверждение некоторых буржуазных ученых, будто фессалоникское население в рассматриваемое нами время занималось исключительно ремеслом и торговлей.² Фессалоника X в. отнюдь не утратила еще свою связь с сельским хозяйством и земледелие продолжало играть в ней попрежнему большую роль.³ Сочинение Иоанна Каменнаты содержит тому целый ряд доказательств. Богатством земледелия и доходами торговли ("ὅθεν αἱ τ.ς γεωργίας ἀφθονίαι, ἐκείθεν αἱ τῆς ἐμπορίας χορηγία").⁴ „Ибо земля и море, издавна предназначенные служить нам, — говорит Каменната, — доставляют каждое богатые и безвозмездные дары“.⁵

Каменната позволяет увидеть также и те виды сельскохозяйственных культур, которые по преимуществу возделывались горожанами. В описании Каменнатой окрестностей Фессалоники легко заметить определенную закономерность: более отдаленные районы как западной, так и восточной равнины, заселенные земледельцами, были заняты под зерновые культуры и пастбища для скота, а ближайшие пригороды — под сады и виноградники.⁶ Собственники пригородных проастиев использовали, как мы видим, свои земельные участки главным образом под наиболее выгодные и доходные виды земледельческих культур, допускавших наиболее интенсивную эксплуатацию земли. Правда, крупные землевладельцы Фессалоники, и в первую очередь церковь Димитрия, могли иметь также и пахотные земли. Эти земли были расположены, однако, уже на более значительном расстоянии от города: из жития Иларiona Грузина (конец IX в.) видно, что один дьякон церкви Димитрия, отправившись однажды за город для обозрения своих пашен, должен был пройти от города довольно большое расстояние.⁷

¹ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 14—15.

² См., например: I. Sakazov, ук. соч., стр. 115, 116. Саказов утверждает, что Константинополь и Фессалоника, как и другие крупные фракийские и приморские города, занимались уже в VIII и IX вв. исключительно ремеслом и торговлей. Ср.: A. Struck, ук. соч., стр. 540.

³ На занятие жителей Фессалоники земледелием в VI—VII вв. дважды указывают Acta Demetrii. В первом случае рассказывается, что во время приближения врага к Фессалонике многие горожане находились на полевых работах (MPG, 116, стр. 1292); во втором случае говорится о том, что по причине внезапного нападения жители были застигнуты врасплох вне городских стен и захвачены врагом вместе с рабочим скотом и сельскохозяйственными орудиями (MPG, 116, стр. 1337).

⁴ Sam., стр. 500₄—5.

⁵ Sam., стр. 500₅—7: ἤ γάρ καὶ θαλάσση λειτουργεῖν ἡμῖν ἐξ ἀρχῆς ταχθεῖται πλουσίαν καὶ ἀδάπην τῆς περὶ ἕκαστον εὐφοροῦσαν. В точном переводе слово „ἀδάπην“ означает „не вводящий в издержки“, „обходящийся даром“.

⁶ См. выше, стр. 67.

⁷ X. Лопарев. Греческие жития святых VIII и IX вв. Пгр., 1914, стр. 61.

Фессалоникийцы, как это можно видеть из других, близких по времени к Камениате, источников, имели виноградники и в пределах самого города. В житии того же Иларiona Грузина рассказывается, что Иларион, приехав в Фессалонику, увидел перед дверьми одного виноградника сторожа и попросил у него кисть винограда.¹ О наличии в городе возделанной земли и виноградников свидетельствует также запродажная 897 г.²

Камениата показывает нам, что горожане занимались также рыболовством. „Реки, — пишет Камениата, — доставляют городу большое изобилие благодаря доходам, протекающим от рыболовства“.³ Рассказывая об одной хитрости, придуманной арабами во время осады города, Камениата упоминает о лодках, „которыми пользовались наши рыбаки для ловли рыбы“.⁴

Мы видим, таким образом, что даже такой крупнейший ремесленный и торговый центр Византийской империи, каким являлась Фессалоника, имевшая высоко развитое, дифференцированное по отдельным отраслям ремесленное производство, и издавна налаженные обширные торговые связи, был, тем не менее, и на рубеже IX—X столетий типичным средневековым городом, жители которого частично занимались и сельским хозяйством, удовлетворяя некоторые свои потребности натуральнохозяйственным путем.

Сочинение Камениаты, предоставляя целый ряд прямых и косвенных данных о развитии ремесленного производства в Фессалонике, дает лишь самые общие намеки по вопросу о внутренней его организации. Относительно организации ремесла в провинциальных городах Византийской империи источники вообще оставляют нас, как известно, в полном неведении. „Книга епарха“ дает сведения только для Константинополя, специфика которого, как столичного города, не могла не наложить своего особого отпечатка на организацию его ремесла и торговли; организация ремесла и торговли в провинциальных городах, в частности, в Фессалонике, не могла быть, само собой разумеется, точной копией организации константинопольской. Совершенно очевидно, с другой стороны, что здесь должны были иметь место и какие-то общие тенденции.

Большой интерес в этом отношении представляют некоторые акты из архивов афонских монастырей, изданные в 1948 г. Ф. Дельгером.⁵ Один из этих актов, датированный 1295 г., свидетельствует о наличии в Фессалонике цеха нотарииев;⁶ в другом, от 1320 г., в качестве свидетеля фигурирует старшина цеха мироваров (τοῦ ἐξάρχου τῶν μυρεψῶν) Феодор Брахнос.⁷ Наконец, из документа о продаже четырех домов в Фессалонике в пользу Иверского монастыря (1326 г.) мы узнаем о существовании в городе цеха строителей домов.⁸ Все эти документы относятся, правда, к значительно более позднему, чем интересующее нас здесь, времени. Однако и в принадлежащем к самому началу XI сто-

¹ Там же, стр. 59.

² G. Rouillard et P. Collomp. Actes de Lavra, I. Paris, 1937, N 1, стр. 1—4. Ср. для XII в.: Eustathe, Laudatio s. Demetrii. MPG, 136, стр. 213.

³ Сам., 496₁₅—18: „πρωτομο... πολλὴν διαψίλειον... τῇ πλειε παρέχονται ταῖς τε χορηγίαις ταῖς ἀπὸ τῶν ἰχθύων...“.

⁴ Сам., 530₃—7: „αἰς πρὸς τὴν θήρην τῶν ἰχθύων οἱ καθ' ἑμᾶς ἀλιεῖς ἐκέχρηστο“.

⁵ Aus den Schatzkammern des hlg. Berges, hsg. v. F. Dolger, München, 1948.

⁶ Там же, № 59/60, стр. 152 сл.

⁷ Там же, № 111, стр. 301 сл.

⁸ Там же, № 112, стр. 305. Ср.: W. Regel, E. Kurtz, C. Korablev. Actes de Zographou. Виз. вр., т. XIII, 1907, приложение № 25, 72.

летия (1008 г.) протоколе свидетельских показаний мы встречаемся с экзархами (*ἐξάρχαι*) Иоанном и Андреем, в которых издатель актов видит цеховых старейшин.¹ Известно, что в качестве цеховых старейшин выступают экзархи и в „Книге эпарха“.² Таким образом, сам тот факт, что в Фессалонике, как и в Константинополе, существовала цеховая организация ремесла, становится весьма вероятен. Но каково было внутреннее устройство фессалоникских цехов, какими правами пользовались и какие обязанности несли члены этих цехов, насколько велика была свобода деятельности цеховых ремесленников и торговцев, — все эти и подобные им вопросы попрежнему остаются для нас совершенно невыясненными. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют в настоящее время ответить на эти вопросы. Здесь мы хотим лишь попытаться, пользуясь совпадением во времени „Книги эпарха“ и сочинения Камениаты, сопоставить некоторые данные этих источников и сделать посильные выводы хотя бы самого общего порядка.

„Книга эпарха“ показывает, что деятельность константинопольских ремесленников и торговцев, объединенных в цехи, находилась под постоянным контролем и подвергалась жесткой регламентации со стороны представителя центральной власти — городского эпарха и его аппарата.³

Каждый ремесленник и торговец имел право заниматься только одной какой-либо профессией или какой-либо одной отраслью торговли.⁴ Занятие двумя даже смежными профессиями категорически запрещалось.⁵ Члены цехов не могли выйти из тесных и строго установленных границ регламентации: часы их работы и оплата,⁶ закупка сырья, количество и качество выпускаемых изделий,⁷ их размеры и место изготовления,⁸ — все это было точно определено. Ремесленникам запрещалось изготовлять целый ряд предметов, находившихся в государственной монополии; торговля наиболее ценными и высокосортными тканями была ограничена или вовсе запрещена.⁹

Ремесленники и торговцы не имели права покупать сырье, необходимое для их непосредственного производства,¹⁰ а также задерживать закупленные товары в целях спекуляции.¹¹ Эпарх и его помощники определяли цены товаров и норму прибыли.¹²

Внутренняя жизнь цеха находилась под такой же мелочной опекой. Выбор старшин цеха зависел фактически от воли и желания эпарха.¹³ Прием новых членов также зависел в большинстве случаев от эпарха¹⁴ и сопровождался определенным вступительным взносом в пользу госу-

¹ Aus den Schatzkammern des hl. Berges, hsg. v. F. Dölger, № 109, стр. 295.

² Книга эпарха, V, 1; VI, 4. Ср.: М. Я. Сюзюмов, „Книга эпарха“, стр. 36; А. П. Каждан, Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 143.

³ О месте константинопольского эпарха в системе византийского централизованного управления, об его функциях и аппарате см.: Ф. И. Успенский, Константинопольский эпарх. ИРАИК, т. IV, вып. 2, София, 1899, стр. 79—104; М. Я. Сюзюмов, „Книга эпарха“, стр. 33, 34, 36; А. П. Каждан, ук. соч., стр. 148 сл.

⁴ Книга эпарха, II, 1; IV, 1; V, 1, 4; VI, 1; VIII, 6; IX, 1; X, 1, 6; XI, 2; XII, 6; XIII, 1; XIV, 2; XV, 6; XVII, 2; XVIII, 5.

⁵ Там же, IV, 7; XIV, 2.

⁶ Там же, I, 25; XIX, 3.

⁷ Там же, II, 8, 9; VII, 1; VIII, 1, 2; X, 2; XI, 3; XVI, 5.

⁸ Там же, II, 2; VI, 1, 13; XVIII, 4.

⁹ Там же, IV, 2; VIII, 1, 2.

¹⁰ Там же, II, 1.

¹¹ Там же, X, 2.

¹² Там же, XV, 2; XVII, 1, 2, 3; XVIII, 1; XIII, 5.

¹³ Там же, I, 22; XIV, 2.

¹⁴ Там же, I, 3; II, 11; IV, 5; VII, 3; XII, 2; XXI, 7.

дарственного казначейства и цеха.¹ Члены цеха должны были следить друг за другом, а также за лицами, не входившими в цех и тайком занимавшимися деятельностью, являвшейся монополией данного цеха, и доносить о замеченных нарушениях.² Умолчание каралось так же, как и само нарушение.³

Взаимоотношения между хозяевами мастерских и их подручными также были строго определены. Хозяин мастерской имел право заключать с работниками договор и выплачивать ему деньги на срок, не превышающий одного месяца;⁴ число работников было ограничено.⁵ До истечения срока действия договора и отработки полученной платы работник не имел права наниматься к другому хозяину;⁶ хозяин, в свою очередь, не имел права переманивать к себе чужого работника.⁷ За малейшую провинность члены цеха подвергались всевозможным наказаниям (штраф, конфискация имущества, изгнание из цеха, острижение, наказание плетью и т. п.).⁸

Чрезвычайно строгий режим существовал в области внешней торговли. Константинопольским купцам не только запрещался вывоз целого ряда товаров за границу, но и продажа их иностранцам в самом Константинополе.⁹

Торговая деятельность иногородних и иностранных купцов в столице была поставлена в строго определенные рамки. Иностранные купцы, приезжавшие в Константинополь, могли оставаться в городе лишь ограниченное время, в течение которого они обязаны были не только распродать привезенные товары, но и сделать все необходимые для себя закупки.¹⁰ В том случае, если купцы, продававшие восточные ткани, не успевали сбыть свои товары в установленный срок, они обязаны были представить остаток эпарху, — последний давал указания о распределении оставшихся тканей, с тем, чтобы ничего не было вывезено за пределы города.¹¹ Иностранные купцы, привозившие в Константинополь восточные ткани и ковры, не имели права продавать свои товары непосредственно потребителю. Они обязаны были складывать свои товары в одном определенном месте — митате — и продавать их в первую очередь представителям константинопольских торговых организаций.¹² Закупленные таким образом товары распределялись затем между членами корпораций соответственно внесенной каждой сумме взноса¹³ и только после этого поступали на рынок.

„Книга эпарха“ изображает режим строжайшей регламентации, имевшей место в отношении константинопольского ремесла и торговли;

¹ Книга эпарха, I, 14; IV, 5; VI, 6; VII, 3; XII, 2.

² Там же, II, 4, 6; III, 2; XI, 6; XIII, 4.

³ Там же, III, 2; XI, 6.

⁴ Там же, I, 19; VI, 2; VIII, 12.

⁵ Там же, I, 24; III, 4.

⁶ Там же, VIII, 10; XXII, 1, 2, 3.

⁷ Там же, VI, 3; VIII, 10.

⁸ Там же, II, 2, 5, 9; III, 3—6; IV, 1—4, 7—9; V, 1, 2, 5; VI, 1, 4, 10—16; VII, 1, 6; VIII, 2—5, 7, 8; IX, 2, 4, 5, 7.

⁹ Там же, II, 4; IV, 1, 8; VI, 12.

¹⁰ Там же, V, 5; X, 2; XX, 2.

¹¹ Там же, V, 5; XX, 1. Надзор за иностранными купцами был поручен особому должностному лицу — легатарю (XX, 1, 2).

¹² Там же, V, 2. Правда, высшие слои константинопольской знати могли покупать товары непосредственно у иностранных купцов, но лишь в количестве, необходимом для их собственного потребления (V, 4).

¹³ Там же, V, 3. Сообща происходила также покупка шелка-сырца (VI, 8; VII, 4); сообща делали закупки и отонипраты (IX, 3, 6).

константинопольские ремесленники и торговцы, так же как и иностранные и иногородние купцы, находились под постоянным, бдительным и мелочным надзором со стороны государства.

Те немногочисленные и косвенные сведения, которые мы находим по этому вопросу у Иоанна Каменнаты, дают нам некоторые основания предполагать, что ремесленники и торговцы Фессалоники, как и приезжавшие туда чужеземные купцы, пользовались большой свободой действия.¹ Целый ряд запретов и ограничений, имевшихся в Константинополе, столице империи, был невозможен и просто ненужен в Фессалонике.

Каменната показывает, что чужеземные купцы, отовсюду прибывавшие в город, далеко не всегда имели Фессалонику конечной целью своих путешествий. Каменната говорит о „проходящих“ (τοὺς παροδεύοντας) через город торговых людей, которые останавливались в Фессалонике, как в удобном транзитном пункте, следуя затем дальше в различных направлениях.² Если, таким образом, некоторые ценные товары, привозимые в Константинополь, должны были быть, как показывает „Книга эпарха“, в нем же и распроданы, то это явление не имело и не могло иметь места в Фессалонике.

Если в Константинополе иностранцы были как бы отгорожены от прочего купечества столицы, то этого не чувствуется в Фессалонике. Здесь, очевидно, не была распространена практика крупных оптовых закупок для того или иного цеха, — торговля шла непосредственно между иностранцами и жителями Фессалоники, рядовыми ремесленниками и торговцами. Каменната, во всяком случае, рисует живую картину того, как прибывающие в город по Via Egnatia иноземные купцы заполняют вместе с местными жителями улицы Фессалоники и заключают между собой на рынке бесчисленные торговые сделки.³

У Иоанна Каменнаты мы не находим также никаких намеков на какое-либо регулирование этих торговых сделок или на ограничение процента прибыли. Наоборот, у него имеются указания на то, что у многих фессалоникийцев, благодаря оживленной торговой деятельности, скапливалось обилие золота, серебра и других драгоценностей.⁴

Если в Константинополе одной из первейших забот императора и правительства являлось регулирование нормального хода торговли и тем самым обеспечение в столице спокойствия, то такой строгий режим был излишним в провинциальном городе.

Фессалоникские ремесленники и торговцы не могли иметь также тех тесных связей с императорским двором и находиться в такой непосредственной зависимости от его заказов, как это имело место в Константинополе.⁵

Подтверждением большой свободы торговли в Фессалонике служит, безусловно, также и сам по себе факт наличия в городе крупнейших ежегодных ярмарок.

¹ Ср.: K. Dieterich, ук. соч., стр. 39, 40.

² Сам., стр. 500₁₀₋₁₇. См. выше, стр. 76.

³ Сам., стр. 500₁₇₋₂₁. См. выше, стр. 76.

⁴ Сам., стр. 500₂₁₋₂₂. Правда, и в Константинополе имелись некоторые привилегированные цехи, для которых норма прибыли также не была установлена.

⁵ А. П. К а ж д а н, ук. соч., стр. 147—149.

А. П. КАЖДАН

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ГОРОДОВ В IX—X вв.

Для изучения социального состава населения западноевропейских городов исследователи располагают значительным материалом, в том числе и статистическими данными, позволяющими делать важные обобщения.¹ Византинисты лишены подобных источников: при изучении византийского города IX—X вв. исследователю приходится оперировать разрозненными и случайными свидетельствами хроник, житий, писем, поучений и т. п. Кое-каких данных мы могли бы ожидать от археологического материала, однако в настоящее время раскопки в Коринфе, Афинах и других византийских городах еще не позволяют делать выводы относительно социальной топографии города.²

Несмотря на скудость источников, изучение социального состава населения византийских городов представляется необходимым. Многие зарубежные историки, рисуя картину социальных отношений в византийском городе, стараются смягчить остроту социальных конфликтов; эта тенденция присуща, в частности, новой книге Ф. Кукулеса „Быт и общество византийцев“,³ в которой прославляется филантропия византийских цариц⁴ и особенно византийской церкви.⁵ Наша задача в отличие от этого заключается в том, чтобы понять, как социальная структура византийского города обуславливала присущие ему социальные противоречия.

Наряду с этим возникает и вторая задача. Сохранение элементов рабовладельческого уклада и наличие сильной императорской власти должно было наложить определенный отпечаток на социальную структуру византийского города — мы и пытаемся дальше определить своеобразие социального состава населения византийского города IX—X вв.

Низшей социальной категорией населения византийских городов были рабы. Они составляли многочисленную челядь во дворцах императора

¹ В. В. Стоклицкая-Терешкович. Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв. М.—Л., 1936, стр. 31 и сл.; Ф. Я. Полянский. Очерки социально-экономической политики цехов в городах Западной Европы XIII—XV вв. М., 1952, стр. 73 сл.

² Попытку наметить социальную топографию Херсона в XI—XIV вв. на археологическом материале предпринял А. Л. Якобсон (Средневековый Херсонес. М.—Л., 1950, стр. 90). Однако, несмотря на находки отдельных византийских вещей (например: А. В. Банк. Вислая свинцовая печать XI—XII вв., МИА, 34, 1953, стр. 296), Херсон этого времени нельзя считать византийским городом.

³ Ф. Κουκουλέζης. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμὸς, тт. I—IV, Афины, 1948—1951.

⁴ Там же, т. II, ч. 1, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 87 и сл. Впрочем, и Кукулес не скрывает того, что епископы присваивали деньги бедняков.

и высшей знати; городская знать использовала труд своих рабов в ремесле.¹ Собственниками рабов могли быть не только архонты; еще в XII в. Продром гордился тем, что обладал несколькими рабами-челядинцами. Одного-двух рабов имели некоторые константинопольские ремесленники и торговцы: метаксопраты, мыловары, свечники.

Византийское право сохраняло римские рабовладельческие нормы. „У всех народов, — читаем мы в „Василиках“, XXXI, 1, 1, — господа имеют право распоряжаться жизнью и смертью рабов. Все, что рабы приобретают, принадлежит господам“. Хотя ниже мы находим в „Василиках“ утверждение, что у ромеев не принято наказывать рабов „сверх меры“ (*ὐπὲρ μέτρον*) или без законной причины (*ἄνευ αἰτίας τοῦ νόμου ἑγγυωμένης*), тем не менее эти законы открывают полную возможность для самой жестокой расправы рабовладельца над рабами. „Если господин наказывал своего раба плетьюми или палками или надел на него кандалы, чтобы сохранить (т. е. воспрепятствовать бегству, — А. К.) и от этого раб умер, то господин не несет ответственности.“² Эти нормы соответствовали интересам византийских рабовладельцев, которые нередко мучили и бичевали своих рабов.³ Только в том случае, если можно было доказать, что господин жестоко мучил раба перед смертью (поджигал, колот кинжалом, забрасывал камнями, подвешивал на виселице, травил ядом и т. д.), господина следовало привлечь к ответственности.

Византийское право не признавало владельческих прав раба на его пекулий: при продаже раба пекулий не переходил вместе с ним (*οὐχ ἔπεται τῷ πρᾶξέντι δούλῳ τὸ πελοῦλιον αὐτοῦ*), но оставался в руках господина.⁴

Юридическое бесправие, тяжелое бытовое положение рабов нередко порождало их возмущение. Источники сплошь да рядом упоминают о бегстве рабов. Вопрос о принятии беглым рабом пострига решается в византийских правовых документах по-разному. Юстиниан постановил, что раб, ставший монахом, по прошествии давности в три года признается свободным. Эта норма была воспринята „Василиками“ и даже сохранена в „Синописе Василик“ (4, XXXVIII, 12), несмотря на то, что Лев VI отменил это положение. В IX и X новеллах Лев VI запрещает рабу вопреки воле господина становиться монахом или клириком; он прямо заявляет, что эта новелла Юстиниана служила для многих рабов предлогом, чтобы убежать от своих господ,⁵ и разрешает господину возвращать беглого раба в любое время, не считаясь со сроком давности. Согласно XI новелле, раб должен быть возвращен господину даже в том случае, если он сделался за это время епископом. Новелла Константина VII детально регламентирует размеры той суммы, которую должен был уплатить господин раба лицам, содействовавшим возвращению беглеца.⁶

В других случаях рабы отваживались открыто выступать против своих господ. Так, в „Чудесах иконы богородицы Римской“ рассказы-

¹ Вопрос о степени распространенности рабского труда в византийском ремесле решается по-разному, см.: М. Я. Сюзюмов. О правовом положении рабов в Византии. Уч. зап. Свердл. педагог. инст., вып. 11, 1955. А. П. Каждан. Цехи и государственные мастерские в Константинополе в IX—X вв. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 136.

² Basil., LX, 59, 1 и схолии к этому параграфу.

³ A. Nauвк. Lexicon Vindobonense. СПб., 1867, стр. 124₁₄; MPG, 111, стр. 725, В.

⁴ Эпанагога, XXIII, 8.

⁵ Jus, III, 82₄.

⁶ Там же, III, 280₃₋₁₇. О беглых рабах см. еще: MPG, 111, стр. 44, D.

вается о рабе торговца, решившемся убить свою госпожу.¹ Рабы вельможи Асилеона вооружились мечами и убили своего господина, жестокости которого они не могли переносить.²

В соответствии с этим византийские правовые сборники устанавливали суровые наказания для рабов, пытающихся оказать сопротивление господам. Рабы, замышлявшие на жизнь господина, подлежали сожжению.³ И эта норма действительно осуществлялась — восставшие рабы Асилеона были сожжены.

Значительная часть городского населения состояла из неимущей бедноты и постоянно пополнялась за счет приходившего в города и особенно в столицу сельского населения. Агиографические источники часто рассказывают о положении константинопольских нищих. Они жили на улицах, ночуя в крытых портиках, в нишах зданий и на папертях церквей, страдая от холода и голода в морозные зимы.⁴ Из их среды рекрутировались поденщики-мистин и строители-техниты, которые тяжелым трудом зарабатывали на самое скромное существование. Из числа таких бедняков выходили и не организованные в цехи ремесленники, которые пытались конкурировать с цеховыми мастерами и сплошь да рядом попадали в зависимость от последних. Тяжелое положение поденщиков, получавших грошевую плату и вынужденных сносить грубость и жестокость своих хозяев, обрисовано в многочисленных житийных памятниках.

К поденщикам, составлявшим значительную часть городского населения, тесно примыкали мелкие ремесленники и торговцы, входившие в цехи. Хотя они находились в несколько лучшем положении, чем поденщики, однако постоянно испытывали нужду. Агиографы рисуют образ такого ремесленника, живущего в крошечном домике; работая днем и ночью, он все же не в состоянии вырваться из нужды.⁵ В особенно тяжелом положении находились члены непривилегированных цехов и, в частности, катартарии. Замученные безысходной нуждой, они иной раз искали утешения в пьянстве, спуская в кабаке дорогой шелк-сырец; из их среды часто выходили „смутьяны“, которых эпарх и старшины стремились изгнать из цеха.⁶

Вся эта нищая масса рабов, поденщиков, мелких ремесленников и торговцев составляла беспокойный плебс (τὸν ὄχλον), толпившийся постоянно на рынке (κατὰ τὴν ἀγοράν).⁷ Он был особенно многочисленным в Константинополе. Живущий тяжелой, необеспеченной, полуголодной жизнью константинопольский плебс нередко поднимался против господствующего класса. По словам Льва Диакона, константинопольские „нищие (οἱ ἄργοι τοῦ δήλου) и бедняки (ἄποροι) были склонны к грабежу, разрушению дворцов и даже убийству единоплеменников“.⁸ Лев Дьякон, искажая действительность, винит во всем константинопольский плебс; тем не менее его слова рисуют яркую картину ожесточенной классовой борьбы в городе. Особенно резкие выступления народных масс города имели место в период недородов и нехватки продуктов.

¹ E. Von. Doberschütz. Maria Romaia, BZ, 12, 1903, стр. 200₂.

² Th. Cont., стр. 839₁₈.

³ Syn. Basil., Δ, XXXVIII, 17.

⁴ А. П. Рудаков. Очерки по истории византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917, стр. 210—211.

⁵ Там же, стр. 146.

⁶ Книга эпарха, VII, 6.

⁷ Th. Cont., стр. 339₁.

⁸ Leo Diac., стр. 94₂₁.

Византийские хроники рассказывают о голоде и хлебной дороговизне в правление Василия I, когда толпа голодных и мрачных (*σχιδρωτά-ζοντες*) людей окружила императора и стала жаловаться ему на необычайную высоту хлебных цен. Напуганный император приказал открыть царские амбары и продавать зерно в 24 раза дешевле, чем на черном рынке.¹

Недовольство вызывали и размеры платы за помещения (*ἐνοικιά*), которая в Константинополе была, повидимому, высокой. О недовольстве размерами квартирной платы в Константинополе свидетельствует тот факт, что Роману I пришлось провести выплату *ἐνοικιά* всем гражданам в связи с возросшей задолженностью бедноты.²

Византийским императорам постоянно приходилось считаться с константинопольским плебсом, заигрывая с ним и задабривая его. Скилица, анализируя неудачу Иосифа Врини в борьбе с Никифором Фокой, подчеркивает, что причиной этой неудачи явилось неумение в трудных условиях польстить плебсу (*συχλον κολαχουσαι*). И далее он прямо заявляет, что толпу необходимо смягчить приятными и льстивыми речами.³

Заигрывание с константинопольским плебсом не сводилось к одним только речам: византийские императоры должны были проводить политику раздач. Хотя „Пасхальная хроника“ говорит, что хлебные раздачи были полностью отменены в 618 г.,⁴ источники IX—X вв. нередко упоминают о раздачах хлеба городскому плебсу, осуществлявшихся императорами.⁵ Устраивали раздачи и константинопольские патриархи: Антоний Кавлей, например, кормил тысячу человек, которые получали хлеб по особым тессерам, розданным им заранее.⁶

Византийские императоры, стремясь отвлечь народные массы от политических выступлений, устраивали зрелища. Этой цели служили торжественные процессии и триумфальные въезды императоров, когда город украшали цветами и тканями и сооружали специальные палатки для пленных и добычи;⁷ этой цели служили также и игры на ипподроме.⁸

Константинопольское население, и в том числе плебс, пользовалось некоторыми политическими привилегиями. По сообщению Константина Багрянородного, некоторые низшие должности дворцовой службы могли отправлять только жители Константинополя: только они могли нести службу диетариев Великого дворца и других дворцов, службу мандаторов и т. п. Все эти должности были, разумеется, платными.⁹

В то же время византийские императоры стремились по возможности ограничить действия беспокойного константинопольского плебса. Во время переворота 969 г. Иоанн Цимисхий позаботился прежде всего о том, чтобы обойтись без этого опасного союзника. Лев Диакон отме-

¹ Cedr., II, стр. 373.

² Th. Cont., стр. 429₂₂. Ср. также Ps. Luciani Philopatris, cap. 20.

³ Cedr., II, стр. 349₁₀.

⁴ Chron. Pascha'e, стр. 711₁₄. Ср.: Ph. Koukoules, L'assistance aux indigents dans l'Empire byz., Mém. L. Petit, Paris, 1948, стр. 262.

⁵ В. Г. Васильевский. Русско-византийские исследования, вып. II, СПб., 1893, стр. 31; MPG, 108, стр. 1010; De cerim, стр. 344; Th. Cont., стр. 418₇, 430₁₄₋₁₈, 472₁₇; Leo Diac., стр. 178₁.

⁶ А. И. Пападопуло-Керамевс. Сб. греч. и лат. памятников, касающихся Фотия патриарха. СПб., 1899, вып. 1.

⁷ De cerim., стр. 499. См. еще: Leo Diac., стр. 24₁₋₃, 28₁₃.

⁸ L. Bréhier. La civilisation byzantine. Paris, 1950, стр. 102.

⁹ De cerim., стр. 699₁₋₄.

чает эту особенность переворота 969 г. „Если обычно, — пишет он, — крупные перевороты сопровождались большими восстаниями (πολλῆς στάσεως) и смутами, теперь народ (ἄνθρωποι) сохранял порядок и глубокую тишину“.¹ Если Никифор, придя к власти, предоставил константинопольскому плебсу возможность грабить дома своих политических противников, то Иоанн Цимисхий начал с того, что запретил — под страхом смертной казни — покушаться на чужую собственность и устраивать грабежи.² Это постановление, по словам Льва Дякона, было направлено против „рыночной толпы“ (ἀγοραίου ἑχλου).³

Своеобразие положения константинопольского плебса заключалось, таким образом, в его двойственности. С одной стороны, он в силу своего бедственного, экономически крайне неустойчивого положения принадлежал к угнетенной и эксплуатируемой части населения Византийской империи. Мистии, ремесленники, городские рабы выступали со специфическими требованиями, стремясь к улучшению своего экономического положения, к увеличению заработной платы, хлебных пайков и т. п. С другой стороны, константинопольский плебс жила в известной степени за счет „щедрот“ императора, патриарха, высших вельмож. Среди константинопольских бедняков значительное место занимали люди, которые вели, по сути дела, паразитическое существование, наподобие плебса античных городов. По существу, этот плебс получал в виде подачек известную долю прибавочного продукта, выколачиваемого господствующей верхушкой из крестьян в форме централизованной ренты, а также некоторую часть военной добычи.

Но коль скоро константинопольский плебс был заинтересован в раздачах, в подачках, которые он получал от государства, в зрелищах, которые устраивали византийские императоры и полководцы, то, естественно, он был заинтересован в активной внешней политике Византийской империи. Очень важные данные об отношении плебса X в. к внешней политике империи мы находим в Житии Андрея Юродивого. Андрей Юродивый, как и его агиограф, проводил всю жизнь в константинопольских трущобах, хорошо знал надежды плебса и мог их выразить. Андрей, перефразируя слова пророка Исаи, предсказывает, что скоро прекратится война — он разумеет междоусобную войну — и мечи превратятся в серпы, дротики — в шести, а копья — в орудия для обработки земли.⁴ При этом Андрей понимает, что для установления внутреннего мира необходимы известные материальные предпосылки: поэтому он рисует будущее в сказочных очертаниях: „В то время по воле божией откроется все золото, скрытое в разных местах... и все вельможи императора разбогатеют и будут подобны царям, а все бедняки станут архонтами“.⁵

Но не одними только сказками о золотых кладах утешал своих слушателей Андрей. Он рисовал и другие возможности достижения богатства империи. Эти возможности, по его мнению, коренятся в восстановлении величия Византии. Как бы забывая об им самим приведенных словах Исаи, Андрей с ненавистью говорит об агарянах: бог поднимает на них императора ромеев, и их дети будут преданы огню. „И опять к царству ромеев будет присоединен Иллирик, и Египет повезет свою дань. Царь наложит десницу на море и подчинит «русые

¹ Leo Diac., стр. 98₅.

² Там же, стр. 94₁₈.

³ Там же, стр. 95₂.

⁴ MPG, III, стр. 853, С.

⁵ Там же, стр. 856, В.

племена»¹ и смирит врагов под рукой своей.² Иначе говоря, Андрей считает, что активная внешняя политика может стать источником внутреннего мира и обогащения константинопольского плебса.

Городскому плебсу, „толпе“ (ὄχλος), хроники нередко противопоставляют „народ“ (λαός). Продолжатель Феофана, описывая похороны Константина VII, говорит прежде всего о множестве магистров и патрикиев, которые шли за гробом; затем он добавляет: „Что же сказать о собравшемся народе (λαός) и черни (ὄχλος) города?“³ В рассказе о восстании Константина Дуки он также различает ὄχλος и λαός.⁴ И другие источники проводят разграничение в среде горожан, выделяя из их числа „почтенных граждан“ (γνωρίμοι πολῖται), которые противопоставляются остальным гражданам и иногородним.⁵ „Книга епарха“, III, 1 и VII, 5 также упоминает „почтенных граждан“ (χρήσιμοι). „Почтенными“ гражданами являлись, как это можно видеть из „Книги епарха“, не все члены цеха, но лишь наиболее богатые мастера и купцы.⁶

Эту группировку мы не можем ни в коей мере отождествлять с патрициатом западноевропейских городов, поскольку зажиточные ремесленники и торговцы, трапезиты и судовладельцы Константинополя не обладали политической организацией, ни тем более политической властью.

Экономическая противоположность двух группировок константинопольского населения ослабляла силу народных движений и создавала для господствующего класса возможность маневрировать в трудных условиях. Это, в частности, проявилось во время бурных событий августа 963 г., когда константинопольский плебс поддержал Никифора Фоку против паракимомена Иосифа Вринги. После первого столкновения между войсками паракимомена и константинопольским плебсом Иосиф Вринга предпринял попытку привлечь на свою сторону константинопольских цеховых мастеров. Вставка в „Книге церемоний“ рассказывает, что Иосиф Вринга вел переговоры с коллегией булочников, стремясь принудить их прекратить выпечку хлеба; он рассчитывал тем самым угрозой голода принудить константинопольский плебс к прекращению борьбы. В „Книге церемоний“ нарисована яркая картина событий 9 августа: Вринга обращается с угрозами к столичному плебсу (ὄχλος), а затем скачет во весь опор в квартал булочников, чтобы убедить их не печь хлеб и не торговать им.⁷

Повидимому, в 913 г. правительству удалось расколоть демократические элементы Константинополя: городской плебс стоял на стороне Константина Дуки, тогда как зажиточные торговцы и ремесленники поддерживали правительство во главе с Николаем Мистиком.⁸

¹ Τὰ ξαυθὰ γένη — так византийцы называли франков и лангобардов (Псевдо-Маврикий, XI, 4).

² MPG, III, стр. 856, А.

³ Th. Cont., стр. 467₂₀.

⁴ Там же, стр. 382₁₇.

⁵ Пира, XXVI, 10.

⁶ М. Я. Сюзюмов. Ремесло и торговля в Константинополе в начале X в., стр. 18.

⁷ De cerim., стр. 435₂₁.

⁸ Вопрос этот должен быть рассмотрен специально; отмечу сейчас лишь, что о поддержке, оказанной Константину Дуке константинопольским населением на ипподроме, единодушно говорят все хроники. В дальнейшем имя Константина Дуки принял вождь народного восстания в Опсикии Василий Медная рука. О том, что константинопольские „торговцы и повара“ поддерживали Николая Мистика, прямо свидетельствует житие патриарха Евфимия — см.: А. П. Каждан. К истории политической борьбы в Византии в начале X в., Ученые записки Тульск. пед. инст., вып. III, 1952.

В провинциальных городах социальная борьба нередко принимала форму выступлений горожан против центральной власти, эксплуатирующей города путем взимания разнообразных поборов. К сожалению, в наших источниках сохранились лишь краткие упоминания таких возмущений. Житие Илариона Грузина свидетельствует об антиправительственном выступлении в Солуни в конце IX в. В житии рассказывается, как в Солунь прибывает чиновник из Константинополя, привозящий императорский указ, который зачитывается на своеобразном народном собрании, в присутствии всего народа. Императорский указ вызывает взрыв негодования, и горожане — по общему согласию, как подчеркивает агиограф, — начинают забрасывать царских посланцев камнями.¹ О возмущении политикой императора Михаила III в маленьком эмпории Акрит рассказывают византийские хроники.² В 913 г., вскоре после смерти императора (Александра), произошло возмущение в городе Неаполе, жители которого изгнали архиепископа, поставленного Николаем Мистиком, и избрали на его место нового.³ В 915—916 гг. жители Афин закидали камнями наместника Хасе, сына Иувы, жадность которого оказалась совершенно невыносимой.⁴

Особенно часто поднимали восстания жители Херсона (Херсонес). В правление Льва VI они убили стратига Симеона, сына Ионы.⁵ Константин Багрянородный подробно описывает те меры, которые должны быть приняты после получения известия о восстании в Херсоне. Корабли херсонцев, находящиеся в Константинополе, должны быть захвачены, моряков следует заковать в оковы; кроме того, надлежит послать чиновников в фемы Букеляриев, Пафлагонию и Армениак, чтобы захватить находящиеся там херсонские корабли.⁶

Повидимому, в конце X или в начале XI в. Херсону удается временно добиться независимости, но в 1016 г. византийское правительство послало флот против восставших и подавило восстание.⁷

Особую категорию городского населения составляли мелкие и средние землевладельцы. Византийские города IX—X в., даже такие крупные, как Солунь и Никея, были связаны с сельским хозяйством: Иоанн Камениата считал земледелие одним из основных занятий жителей Солуни.⁸

Представление о горожанине-землевладельце дает житие Василия Нового. Автор этого жития Григорий рассказывает о себе интересные подробности. Он называет себя бедняком (πέννης), но в то же время говорит, что у него близ Редесто был проастиий, который обрабатывал

¹ Analecta Bollandiana, 32, 1913, стр. 266—267.

² Th. Cont., стр. 831₁₁—20.

³ MPG, III, стр. 373, А.

⁴ Th. Cont., стр. 388₈—11. Датировка см.: J. Dujčev, BZ, 41, 1941, стр. 485.

⁵ Th. Cont., стр. 360₁₅.

⁶ De adm. imp., cap. 53.

⁷ Известие о восстании в Херсоне в конце X или в начале XI в. воссоздается на основании комбинации следующих данных. На свинцовой печати, найденной в Херсоне, упоминают Георгий Цула, названный протоспафарием и стратигом Херсона (В. Н. Юргевич, Записки Одесск. общ. ист. древн., 14, 1886, стр. 1; 15, 1889, стр. 41—43). В то же время Скилица рассказывает о походе византийского флота против „Хазарии“, закончившемся подчинением страны и пленением Георгия Цулы, названного здесь правителем страны (άρχων της χώρας) (Cedr., II, 464). А. А. Яковсон (ук. соч., стр. 16) произвольно считает Цулу хазарским правителем и выдвигает необоснованную гипотезу о захвате Херсона хазарами. Е. Ч. Скржинская (Виз. вр. т. VI, 1953, стр. 266 и сл.) показала, что в 1016 г. византийский флот был послан для усмирения Херсона.

⁸ Th. Cont., стр., 500₁.

мистий по имени Александр. Сам же Григорий жил в Константинополе, приезжая в свое владение лишь в страдную пору.¹

Господствующий слой населения византийских городов составляла знать: архонты и дианты, как их именуют источники. Это были крупные землевладельцы, чиновники и военачальники.

Столичная знать существовала в значительной мере за счет присвоения прибавочного труда непосредственных производителей в централизованной форме — в виде податей, которые затем уже распределялись между отдельными ее представителями. Лиутпранд сообщает некоторые сведения относительно тех сумм, которые византийские вельможи получали из казны. Так, domestik схол и друнгарий флота получали по 48 литр в год, магистры — по 24 литры, патрикии — по 12 литр.²

Кроме регулярного жалования, византийские чиновники получали от императора определенные подарки в дни царских праздников: рождения императора, бракосочетания, коронации и т. п. Они получали сплошь да рядом подарки натурой — мясом³ или дровами.⁴ Иногда вельможу ждали богатые подарки после какой-нибудь удачной шутки, сказанной за императорским столом.

Далее, византийские чиновники имели право на определенные поборы с населения. Судьи получали от самих тяжущихся вознаграждение, которое носило название „ἐλτχῆ“:⁵ оно должно было идти на нужды судей и на содержание их слуг.⁶ Устанавливая, что вознаграждение судьям должно было соответствовать затраченному ими труду и времени,⁷ византийское правительство открыло широкую возможность для всякого рода злоупотреблений чиновников. В других случаях ἐλτχῆ взималась в соответствии с размером имущества, являвшегося предметом тяжбы.⁸

Сборщики податей также должны были получать особые суммы (συμπλεκα и ἐλατχου) непосредственно от налогоплательщиков; эти повинности составляли около 23% государственного канона.

Чиновники пользовались правом постоя и, кроме того, должны были получать от населения содержание, что в грамотах XI в. именуется „ἐνοχῆ πρῆχτῶν καὶ ἀρχόντων, διατροφῆ“ и т. п. При этом Эклога VII, 8 указывала, что поездки чиновников, так называемые ὑφρῆ, должны были производиться только по государственным нуждам; если же архонтам приходится ехать по своим делам, пусть они едут на свой счет, не обременяя подданных. Константин Багрянородный сравнивает с ὑφρῆ полюдье русских князей.⁹

Не ограничиваясь „законными“ способами наживы, византийские чиновники выжимали большие доходы, используя свое административное положение. В византийской литературе постоянно встречаются жалобы на жадность сборщиков податей, на своекорыстие судей, на

¹ С. Г. Вилинский, Записки Новоросс. унив., Ист.-фил. фак., VII, 1911, стр. 318—320.

² Liutprandi Antapodosis, VI, 10.

³ De cerim., стр. 490₂₁.

⁴ J. Bury. The Imperial Administrative System in the 9th Century. London, 1911, стр. 145₃.

⁵ Jus., III, стр. 257₁₇.

⁶ Там же, стр. 257₁₃.

⁷ Там же, стр. 269₁₁.

⁸ Там же, стр. 257₈.

⁹ De adm. imp., cap. 9. См.: Н. Попов. Спорное место в cap. IX De adm. imp. Константина Багрянородного. Byzantinoslavica, 3, 1932, стр. 92.

взяточничество.¹ Чрезвычайно любопытные сведения о способах обогащения чиновников содержит житие Сампсона. В нем рассказывается о странноприимном доме, во главе которого стоял простат. К странноприимному дому были приписаны многочисленные имения, приносявшие огромные доходы, но они присваивались простатом и близкими к нему лицами, а для странников сплошь да рядом не оказывалось даже оливкового масла. Служащие были настолько негодны и нерадивы, что, по словам агиографа, преподобному Сампсону приходилось несколько раз вставать из гроба и карать этих чиновников.²

Трактаты по военному делу прямо говорят, что сборщики податей извлекают для себя таланты золота из крови бедняков, которых они подвергают побоям.³ Новеллы императоров также полны жалоб на вымогательство чиновников (особенно новелла Романа I от 934 г.); в частности, они свидетельствуют, что чиновники брали взятки за освобождение стратиотов от военной службы.⁴ Быстрое обогащение сулило и взимание торговых пошлин.⁵

Чиновники обогащались и путем открытого присвоения чужого имущества.⁶ В житии Антония Нового рассказывается о том, как вельможа бросил „святого“ в тюрьму и не выпускал оттуда, рассчитывая получить с него выкуп.⁷ Чиновники брали взятки, используя свое знакомство с высокопоставленными лицами.⁸ Иной способ обогащения рисует хроника Скилицы, рассказывающая о том, что стратиг Калабрии Кринит скупал у населения фемы съестные припасы по дешевой цене и перепродавал их арабам за большие деньги.⁹

Таким образом, основным источником обогащения византийских чиновников служили централизованная рента и их административные права, открывавшие путь ко всевозможным вымогательствам.

В то же время византийские вельможи владели и земельными массивами. Хроники неоднократно упоминают расположенные в далеких фемах проастии и икосы, принадлежавшие константинопольской знати. В синопольской повести о Фоме Дефуркине рассказывается, что некий константинопольский вельможа имел владения на р. Сангарий.¹⁰ Свидетельство нарративных источников подтверждается и законодательными памятниками. Эпанагога, XXIII, 19 (существенно, что этот параграф является новым постановлением, не повторяющим буквально какое-либо положение римских юристов) запрещает чиновникам приобретать земли от подчиненных им лиц: полученный таким образом участок должен быть возвращен прежнему хозяину. Эпанагога свидетельствует, следовательно, что чиновники стремились всячески расширить земельные владения, используя свои административные права. Согласно LXXXIV новелле Льва VI константинопольская знать приобрела право владеть землей в разных частях страны.

В то же время константинопольская знать пыталась захватить в свои руки некоторые отрасли ремесла и торговли. „Книга епарха“ (V, 4)

¹ См., например, у Фотия: MPG, 102, стр. 937, D; 957, B—C.

² А. П. Рудаков, ук. соч., стр. 97.

³ Leo Diac., стр. 239₂₃.

⁴ Jus, III, 265₂₉.

⁵ Th. Cont., стр. 367₁₇.

⁶ F. Dvornik. La vie de Grégoire le Décapolite. Paris, 1926, стр. 55₂₂.

⁷ Православный палестинский сборник, XIX, 3, 1907, стр. 209.

⁸ Th. Cont., стр. 362₁.

⁹ Cedr., II, стр. 358₂.

¹⁰ H. Delehaye. Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae. Bruxelles., 1902, стр. 293₄₇.

разрешает константинопольским вельможам приобретать у сирийских купцов не больше шелковых тканей, чем это необходимо для нужд своего дома (*ἐν τοῖς ἰδίαις οἴκοις*). Это показывает, что константинопольские архонты пытались приобретать ткани и для торговых целей, конкурируя с прандиопратами. Константинопольские вельможи имели в своем распоряжении ткачей по шелку, и, хотя им запрещалось изготовлять ткани высших сортов, эти ткачи ткали шелк для самого архонта и для его свиты, а также, видимо, и для продажи. В то же время архонты стремились использовать метаксопратов и катартариев для того, чтобы через подставных лиц приобретать шелк.

Константинопольские вельможи направляли своих рабов в цехи, конкурируя тем самым со свободными ремесленниками.

Архонты имели свои корабли. Хроника продолжателя Феофана содержит рассказ о большом корабле августы Феодоры, который привез в Константинополь съестные припасы и пристал недалеко от берега. Император, правда, осуждает августу за участие в торговле и приказывает сжечь корабль,¹ но все же этот факт показывает заинтересованность части знати в торговле.

Знать принимала участие в хлебной торговле²; наконец, архонты сдавали мастерам помещения для эргастериев, взимая за это энойкион.

Чиновная знать Константинополя не предстает перед нами как родовитая знать — процесс ее консолидации еще далеко не завершен. Ее состав мог пополняться за счет верхушки торгово-ремесленных кругов, имевших возможность купить чин, разбогатевших клириков, отличившихся стратиотов и — в иных случаях — слуг и рабов императора. Даже на императорский престол в IX и начале X в. могли проникать люди незнатного происхождения. Так, Лев V Армянин, Михаил II Заика, Василий I и Роман I по происхождению не принадлежали к знати. Однако среди императоров второй половины X в. нет незнатных лиц.

Отсутствие замкнутости господствующего класса византийских родов не означало его слабости. Наоборот, оно упрочивало его господство, так как он пополнялся за счет энергичных представителей угнетенных классов. „Чем более способен господствующий класс принимать в свою среду самых выдающихся людей из угнетенных классов, тем прочнее и опаснее его господство“.³

Особое место в византийском городе занимали духовенство и монашество. Не ставя сейчас своей задачей всестороннюю характеристику византийского духовенства и монашества, я хотел бы только указать, что социальный состав их был также сложен: церковная верхушка (епископы и патриаршие чиновники, игумены и экономы) резко противостояла младшим монахам и клирикам, которые сплошь да рядом являлись фактически непосредственными производителями, эксплуатируемыми духовной знатью. В соответствии с этим внутри самой церкви имели место социальные противоречия и социальная борьба. Клирики и младшие монахи открыто выступали против владык церкви, против византийского государства. В житии Игнатия рассказывается о клирике из Диррахия по имени Гивон, который, явившись в Константинополь, стал выдавать себя за сына незадолго до того низложенной импера-

¹ Th. Cont., стр. 88 сл.

² Например: Cedr., II, стр. 353₂; Leo Diac., стр. 64₅.

³ К. Маркс. Капитал, т. III. Госполитиздат, 1951, стр. 615.

трицы Феодоры. Константинопольский плебс приветствовал самозванца. Однако правительству кесаря Варды удалось быстро подавить назревавшее восстание: Гивон был схвачен, и его предали казни, предварительно отрубив руки и выколотив глаза.¹ Фотий писал о монахах одного монастыря, которые провели в своей обители „демократическую реформу“, присвоив себе власть и суд над собственным игуменом. Фотий считает их действия беззаконными.² Николай Мистик в письме стратигу Эллады жаловался на серьезные волнения клириков Фиванской церкви, которые учинили беспорядки и бунт:³ волнения клириков стали настолько серьезными, что патриарх просит стратига вмешаться в эти события и унять беспорядки. В другом письме Николай Мистик упоминает о монахе Иларионе, который „по наущению дьявола“ учиняет смуту.⁴ О возмущении в монастырях Афона, направленном против протоса Иоанна Фокина (конец X в.), говорится в житии Афанасия Афонского;⁵ однако протос нашел поддержку у императора Василия II.⁶ В житии Михаила Маленна повествуется о монахе Кириаке, которого агнограф презрительно именует вором и человеком, пренебрегшим собственным спасением. Михаил Маленн многократно поучал Кириака, но тот не раскаивался, а все более укреплялся в своих грехах, пока, наконец, не решился поднять руку на своего игумена: ночью он прокрался в келью Маленна, собираясь его зарезать,⁷ — разумеется, случившееся во-время чудо спасло „святого“. Эпизод, которому агнограф старается придать характер уголовного происшествия, на самом деле отражает те противоречия, которые существовали между представителем крупнейшего рода малоазиатской знати, основателем и настоятелем монастыря Маленном и рядовым нищим монахом, страдавшим от бесконечных попреков и дисциплинарных взысканий феодала в монашеской схиме.

В настоящей работе я старался показать чрезвычайную пестроту и сложность социального состава византийских городов и прежде всего — Константинополя. Социальные противоречия византийского города (IX—X вв.) были сложны и многообразны. В византийских городах давали себя знать не только противоречия между мастерами и не организованными в цехи ремесленниками, между мистиями и хозяевами, между богатыми и бедными мастерами, — здесь выступали со своими требованиями рабы и городской плебс, а интересы чиновной знати приходили в столкновение с требованиями ремесленников и торговцев. Положение отдельных категорий городского населения было двойственным и противоречивым. Так, константинопольские мастера были связаны с двором и знатью, которых они обслуживали в первую очередь, имели возможность проникнуть в состав чиновной знати — и в то же время испытывали на себе гнет феодального государства и эксплуатацию феодальной аристократии. Городской плебс, с одной стороны, принадлежал к экономически крайне неустойчивой части византийского населения, а с другой (это относится в первую очередь к константинопольскому плебсу) — получал в форме раздач определенную

¹ MPG, 105, стр. 505.

² MPG, 102, стр. 884, В.

³ MPG, 111, стр. 221, А.

⁴ MPG, 111, стр. 261, В.

⁵ *Analecta Bollandiana*, 25, 1906, стр. 71₁₃.

⁶ Там же, стр. 72₃.

⁷ *Revue de l'Orient chrétien*, 7, 1902, стр. 562_{18—19}.

долю прибавочного продукта, выкачиваемого из крестьянства. Вельможная знать Константинополя, эксплуатировавшая городскую бедноту, нуждалась в то же время в политической поддержке константинопольского населения, ибо столичное чиновничество вело на протяжении X в. упорную борьбу за ренту с провинциальной феодальной знатью.

Эта противоречивость социальных интересов обуславливала сложность городских движений в Византии конца IX и X в.

А. Д. ДМИТРЕВ

**НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ВОСТОЧНОРИМСКИХ ПРОВИНЦИЯХ
В ПЕРИОД ДУНАЙСКИХ ВОЙН III в. (236—278 гг.)**

Дунайские войны, происходившие в восточных провинциях Римской империи в середине III в. в период глубокого социально-экономического кризиса, являются событием, до некоторой степени повлиявшим на дальнейшие исторические судьбы огромной рабовладельческой державы. Это был первый могучий удар многочисленных европейских племен по рабовладельческому строю, в результате которого империя вынуждена была перестроить свой государственный аппарат, а вскоре окончательно распасться на восточную и западную части в обстановке непрекращавшейся напряженной борьбы с внешними и внутренними врагами.

Поэтому события, связанные с дунайскими войнами, представляют и для историка ранней Восточно-Римской империи специальный интерес, поскольку они дают ему возможность уяснить общие закономерности распада единой империи.

В существующей литературе весь продолжительный период дунайских войн, когда, по словам христианского писателя Киприана, „весь мир, как бы разделенный на два противоположных лагеря, был залит кровью“, ¹ характеризуется только как время борьбы римлян с вторгавшимися в Балканские провинции и в Малую Азию различными европейскими племенами без всякого упоминания о внутренней социальной борьбе угнетенных римским завоеванием народных масс, восстававших против римского господства. Некоторые буржуазные историки игнорируют роль и значение этой народно-освободительной борьбы, что неразрывно связано с их реакционной тенденцией принизить и всячески затушевать роль народных масс во всемирно-историческом процессе. В нашей же советской науке вопросы классовой борьбы и народных движений в бурный период дунайских войн еще совершенно не изучены. Однако при изучении этих важных вопросов мы сразу же сталкиваемся с весьма большими трудностями, вследствие крайней скудости, фрагментарности и неполноценности исторической документации, которая в том или другом отношении освещает указанные вопросы. Кажется бы, что многочисленные римские историки должны были дать нам более ценные и полные сведения, на основании которых можно было бы воссоздать более или менее ясную и детальную картину народных движений и классовой борьбы во время дунайских войн. Но именно в этом вопросе римская историческая традиция становится чрезвычайно скупой, и мы очень мало можем извлечь из ее скудных, часто противоречивых,

¹ Cyprian. Ad Donatum, 6.

тенденциозных и путаных рассказов. Все, что мы можем извлечь по вопросу о классовой борьбе в восточных провинциях непосредственно из исторических сочинений или хроник, дошедших до нашего времени, не только представлено с резко выраженной точки зрения социально-политических симпатий автора-римлянина, принадлежавшего к господствующему рабовладельческому классу, но, за весьма немногими исключениями, настолько бесцветно и бессодержательно, что основываться на этом материале совершенно не представляется возможным. При этом не представляется очень часто возможным четко провести различие между внешними, задунайскими „варварами“ и местными жителями восточноримских провинций, которых римские писатели, как известно, также именовали варварами, а это обстоятельство сильно затемняет истинный смысл происходившей ожесточенной борьбы.

Такое состояние источников представляет весьма досадный пробел, ибо делает для нас невозможным воссоздать подлинную и более или менее подробную картину событий, происходивших в восточных провинциях империи в период дунайских войн. Это же обстоятельство послужило причиной того, что немецкие националистические историки конца XIX и начала XX в. неправильно осветили весь период дунайских войн, что не изжито в некотором отношении еще и до настоящего времени.

Эти немецкие националистические историки, излагая события дунайских войн, ставили повсюду на первое место готов-германцев, которые якобы организовывали и вели за собой все другие негерманские племена. При этом в трудах этих историков тенденциозно подчеркивалась провиденциальная историческая миссия готов и ставилась определенная задача возвеличить готов перед римлянами. Так, Б. Раппапорт главную причину успеха вторжений видел „в смелой отваге и дикой храбрости готов, которые столь часто внушали римлянам ужас и страх. Отсюда получалось, что жители областей, куда вторгались готы, были неспособны к стойкому и мужественному сопротивлению“.¹ Вслед за ним Г. Дельбрюк, называя весь период вторжений III в. на Дунае „готскими войнами“, пытался доказать якобы „природное стратегическое искусство“ готов, „врожденное“ им стратегическое дарование,² а румынский историк Н. Йорга по поводу дунайских войн писал: „Эти многочисленные gentes Sarmatorum сами по себе никогда не представляли серьезной опасности для Рима. Только у германцев была действительная, угрожающая и всепобеждающая сила варварства... и только когда на границах империи появились новые варвары германской крови, начался всесокрушающий поток вторжений“.³

Такие тенденциозные шовинистические установки являются необоснованными и не соответствуют исторической действительности. На самом деле в массовых вторжениях в Балканские провинции в этот период, как показывают источники, не готы вели за собой все другие племена. В это время в пределы империи проникали племена весьма смешанного этнического состава, и в этом этнически пестром конгломерате племен готы, представлявшие собой ряд мелких ответвлений восточногерманского мира, еще не играли никакой ведущей роли и пле-

¹ В. Раппапорт. Die Einfälle der Goten in das römische Reich bis auf Constantin. Leipzig, 1899, стр. 120.

² Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. II. М., 1937, стр. 238 сл.

³ N. Jorga. Geschichte des Rumänischen Volkes, Bd. I. Gotha, 1905, стр. 40.

лись в хвосте других негерманских племен. Ведущую роль в это время среди восточноевропейских племен, соседних с Римской империей, играли большие федерации гето-фракийских и сарматских племен, объединяемые у античных писателей общим этническим именем скифов, которое впоследствии было распространено и на готов, ибо, как говорит Страбон, вследствие неосведомленности отдельные народы в каждой стране подводились под одно общее имя (т. е. племенное название).

Поэтому еще Моммзен отрицал ведущую роль готов во вторжениях III в. на Дунае. „Эту катастрофу, — писал он, — можно назвать готской войной лишь в том смысле, в каком войну, начавшуюся при Марке Аврелии, называют маркоманнской. Вся масса народов, приведенная в движение потоком кочевников, шедших с северо-востока к Черному морю, принимала участие в этой катастрофе...; в набегах участвовали и готы, но не выдающимся образом; в сущности было бы более правильным называть эти экспедиции скифскими, а не готскими“.¹

Действительно, если обратиться к историческим и археологическим памятникам без предвзятых установок, то господствующая и организаторская роль готов во вторжениях III в. станет более чем сомнительной.

Мы видим, что у римских писателей, живших и писавших в III в. н. э., когда римляне уже вошли в прямое соприкосновение с северо-восточными европейскими племенами и когда начались уже интенсивные вторжения на Дунае, открывшие период дунайских войн, нет никаких упоминаний о готах. У крупнейшего историка Диона Кассия о готах никакой речи нет. Всюду он говорит только о скифах. К скифам он относит гетов, даков и бастарнов, т. е. те федерации гето-фракийских племен Карпато-Дунайского района, которые принимали участие в сильном натиске на империю в период маркоманнской войны. Но нигде о готах Дион Кассий ничего не говорит, кратко описывая столкновения римлян с соседними европейскими племенами в восточной части дунайской границы.²

В нашей литературе еще до настоящего времени удерживается мнение, укоренившееся в буржуазной историографии, будто бы уже в начале III в. н. э. готы сплошной массой жили в части римской провинции Дакия и в областях, прилегающих к нижнему Дунаю, и будто бы в 214 г. они впервые столкнулись с римлянами на Дунае. Так, например, В. Ф. Гайдукевич пишет, ссылаясь на Раппапорта и Шмидта: „В начале III в. готы уже делали попытки пересекать границу и вторгаться на территории принадлежавших Риму земель, расположенных севернее Дуная. Летом 214 г. римские силы впервые пришли в непосредственное соприкосновение с тревожившими Дакию отдельными отрядами готов, над которыми император Каракалла одержал тогда победу“.³ Однако никаких достоверных исторических свидетельств о столкновениях Каракаллы с готами нет. О сражениях Каракаллы с готами во Фракии во время его похода на Восток у Диона Кассия и у других римских писателей даже никакого намека нет.⁴ Как говорят источники, Каракалла, направляясь в Азию, имел во Фракии сраже-

¹ Т. Моммзен. История Рима, т. V, Провинции от Цезаря до Диоклетиана. Русск. перев., М., 1949, стр. 206.

² Cass. Dio, LI, 22, 6; 23, 2—7; ср.: XXXVIII, 10, 5; LXVII, 6, 2.

³ В. Ф. Гайдукевич. Боспорское царство. М.—Л., 1949, стр. 440; ср.: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 144.

⁴ Cass. Dio, LXXVII, 16, 7; ср.: LXXVIII, 27.

ние,¹ но он не мог там сражаться с готами, так как в то время их там не было, и ни один источник не говорит нам о вторжении готов в эту провинцию при Каракалле. Источники говорят, что Каракалла победил в Дакии восставших против римского господства покоренных даков, которые сражались совместно с этнически родственными им карпами,² а затем во Фракии победил, очевидно, гето-фракийские племена, — готов, а не готов, за что и получил прозвание „Гетского“, подавшее повод к злой шутке над ним, как убийцей своего брата Геты.³ Поэтому еще Моммзен отрицал то, что готы впервые упоминаются у Элия Спартиана в его биографии Каракаллы (гл. 10), считая, что такое мнение основано на недоразумении.⁴ Далее, важнейшее сочинение современника вторжений III в. на Дунае Дексиппа, подробно описавшего дунайские войны, имело общее заглавие не „Готдикá“, а „Σχολιá“ и, по крайней мере, во всех дошедших до нашего времени фрагментах его сочинения речь идет, по сути дела, не о готах, якобы „наиболее активном элементе“ в этих войнах,⁵ „оказавшихся во главе обширных племенных союзов“,⁶ а о скифах, под которыми он, как и все римские писатели, разумел пеструю, этнически смешанную массу в подавляющем большинстве не германских племен.⁷

Зосим, который для истории дунайских войн III в. несомненно использовал сочинение Дексиппа, не оставляет в этом никаких сомнений. В его рассказах об этих войнах готы никакой ведущей, организаторской роли в походах не играют. Всюду при описании отдельных вторжений и набегов соседних племен в его историческом труде фигурируют скифы как смешанная этнически масса „варваров“, среди которой теряются готы и другие мелкие германские племена.⁸ На протяжении всего его повествования о вторжениях на Дунае мы имеем только три упоминания собственно о готах, которые, однако, выступали совместно с могущественными гето-фракийскими племенами Карпато-Дунайского района, а именно с карпами, бастарнами-певкинами, боранами и уругундами, но не во главе их в качестве „властителей и организаторов“ походов и главной силы среди всех других племен.⁹

Если объективно подходить к источникам и основываться на всей их совокупности, то можно говорить, что в этот период дунайских войн „властителями и организаторами“ были карпато-дунайские гето-фракийские племена, из которых составлялись для походов в глубь

¹ Cass. Dio, LXXVII, 16, 7.

² Там же, LXXVIII, 27, 5; ср.: SHA, Caracal., 5, 4: „... dein ad orientem profectio- nem parans omisso itinere in Dacia resedit“. О карпах см.: CIL, III, 14416; Petr. Patr. fragm. 8, FHG, IV, стр. 186.

³ SHA, Caracal., 10, 6, „... et Gothi Getae dicerentur, quos ille, dum ad orientem transit, tumultuariis proeliis devicerat“.

⁴ Т. Моммзен, ук. соч., стр. 206, прим. 1.: „Если один сенатор действительно позволил себе злоую шутку — дать убийце Геты имя «Гетского» на том основании, что во время своего похода от Дуная на Восток он победил несколько неорганизованных отрядов готов (tumultuariis proeliis — в беспорядочных сражениях), то этот сенатор имел в виду даков, а не готов, которые едва ли жили там в то время и едва ли были знакомы римской публике“.

⁵ В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 443.

⁶ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 144.

⁷ FHG, III, стр. 674—687; ср.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 308 сл.

⁸ Zosim., I, 23; 26, 1; 28, 1; 29, 2; 31, 2, 3; 32, 1, 2; 34, 1; 37, 1, 3; 38, 1; 39, 1; 40, 1; 42, 1; 43, 2; 44, 1; 45, 1; 46, 1; 48, 1; 63, 1; 64, 2.

⁹ Там же, I, 27, 1; 31, 1; 42, 1. Может быть, уругунды тождественны с ургами (Ούργουσι), которые, по Страбону, обитали между Борисфеном и Истром, а также и по Истру, нередко на обоих его берегах (Strab., VII, 3, 17; ср.: Zosim., I, 31, 1: γαῖν δὲ ταῦτα παρὶ τῶν Ἰστροῦ οἰκούντων Ούρουγουσίδος).

римской территории племенные союзы, включавшие в себя и сарматские, и аланские, и германские, и славянские этнические элементы. Следует подчеркнуть, что благодаря последним достижениям советской исторической науки в настоящее время можно считать несомненным фактом, что в это время напряженной борьбы двух миров — племен западной, средней и восточной Европы, с одной стороны, и рабовладельческой империи, с другой, — славянские племена не оставались в стороне от этих событий, а играли в них активную роль. В союзе с другими гето-фракийскими племенами отдельные славянские дружины выступали также против рабовладельческого мира в период дунайских войн III в.¹ Этот конгломерат европейских племен римские писатели II—III вв. называли то скифами, то фракийцами, то гетами, а область их поселений именовали гетской землей или Гетией.² И только у позднейших писателей, начиная с середины IV в. и далее, наравне со скифами выступают уже и готы как главная сила вторгавшихся из-за Дуная „варваров“.³

Причина ясна. Тогда уже этническая особенность гето-фракийцев была окончательно подорвана, они уже не представляли для римлян серьезной угрозы, а вместо них сложился большой союз гето-германских и других примыкавших к ним племен, с которыми римляне вели тогда напряженную борьбу. Вот почему при описании давнопрошедших дунайских войн позднейшие писатели стали явно смешивать готов с древними фракийскими гетами и, с одной стороны, распространяли имя готов на все гето-фракийские племена, а с другой стороны, переносили на готов имя гетов.

Это смешение, облегчаемое созвучием двух этнических названий, ясно видно у Юлия Капитолина в его биографии императора Максимиана. Биограф пишет, что Максимиан был фракийцем и родился во фракийской деревне, где жили его родители.⁴ Но далее пишет, что отец его происходил из „Готии“, а мать была аланкой.⁵ Здесь под фракийской Готией Юлий Капитолин очевидно разумел область фракийских гетов южнее Дуная, так как дальше он пишет, что Максимиан был любим гетами, ибо они считали его своим соотечественником⁶ и что смерть его вызвала у „варваров“, т. е. фракийских гетов, большую печаль.⁷ Иордан же прямо называет его готом, а не гетом, и отсюда ясно видно смешение между двумя этнически различными народностями, которое автор допускает как в данном случае, так и во многих

¹ М. Ю. Брайчевский. Археологические свидетельства участия восточных славян в податических событиях римской истории III—IV вв. н. э. (на укр. яз.). Археологія, VIII, 1953; П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 141; Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржеleckий. К вопросу о славянах в Крыму. Вопросы истории, 1952, № 4, стр. 96—98.

² Землеописание Дионисия Периегета, 298—320; В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1948, № 1, стр. 238; Artem. Dald. Oeirocriticon, I, 8; русский перевод: там же, стр. 262; Arrian., Synegest., 23, 2; русский перевод: там же, стр. 280, Arrian., fr. 55, FHG, III, p. 596; Aristid., XXVI, 70 K, ed. Dindorf, I, стр. 350; Лукиан, Менипп, 16; русский перевод: ВДИ, 1948, № 1, стр. 303.

³ SHA, Gallien., 6, 2: „Scythae autem, hoc est pars Gothorum, Asiam vastabant“.

⁴ SHA, Maxim., 9, 5: „... ut erat Thrax et barbarus“; ср.: 4, 4: „... et in Thracia in vico, ubi genitus fueret“; ср.: Herodian., VI, 8, 1; Aur. Vict. De caesar., 25.

⁵ Там же, I, 5: „... barbaro etiam patre et matre genitus, quorum alter e Gothia, alter ex Halanis esse perhibetur“.

⁶ Там же, 4, 4: „... amatus est unice a Getis quasi eorum civis“.

⁷ Там же, 24, I: „... quibus mortuis (mortibus) ingens laetitia provincialium, dolor gravissimus barbarorum“.

других.¹ Геты, жители Малой Скифии, под его пером превратились в готов.

Еще яснее это смешение и отождествление двух созвучных этнических имен видно из сопоставления рассказов Филосторгия и Иордана об Ульфила. Филосторгий, рассказывая о том, что Ульфила изобрел буквы и перевел Библию, замечает, что это он сделал „для скифов, которых теперь называют готами, а в древности — гетами“.² Иордан же называет этих древних жителей скифов—готов готами и пишет, что „в наши дни [552 г.] они живут в Мезии в области Никополя у подножия Гемимонта“ и что Ульфила был у них епископом и изобрел для них алфавит.³ Но Филосторгий пишет, что Ульфила был посвящен в епископы для христиан „Гетии“ и эту же Гетию называет Мезией.⁴

Другие писатели также переносят на готов имя древних гетов — фракийцев.

Аврелий Виктор называет Дакию и Фракию „genitales Gothorum terras“.⁵ Иероним пишет: „Gothos ab antiquis Getas vocatos esse“.⁶ Павел Орозий замечает „modo autem Getae illi qui et nunc Gothi“.⁷ Прокопий Кесарийский рассказывает, что на втором году войны Юстиниана с готами (Тотилой) „в Риме некоторые из патрициев огласили предсказания Сивиллы, утверждая, что опасность для Рима будет продолжаться только до июля; что предсказано, будто тогда явится у римлян некий император, благодаря которому Рим в дальнейшем не будет ничего бояться со стороны гетов. Они утверждали, — продолжает Прокопий, — что племя гетов это и есть готы“.⁸ И в другом месте Прокопий говорит, что „в древности готы, вандалы, визиготы и гепиды назывались между прочим савроматами и меланхленами, некоторые же также называли их гетами“.⁹ Отсюда ясно, что в представлении писателей V—VI вв. когда-то страшные для Рима могущественные гетофракийские племена стали готами и они переносили на последних все деяния древних гетов.

Под пером Иордана (Кассиодора) древняя история гетофракийских племен, борющихся за свою свободу против римского завоевателя, уже окончательно превратилась в историю готов, а их вторым „древним отечеством“ сделали Мезия и Фракия.¹⁰ Это произошло очень просто. Как известно, об истории готов большой труд в 12 книгах написал высокий сановник остготского короля Теодориха Кассиодор. Он поставил перед собой определенную задачу возвеличить значение готов в глазах римского образованного общества и вместе с тем послужить своим сочинением политическим целям Теодориха.

Осуществляя эту задачу, Кассиодор не считал нужным быть особенно щепетильным с исторической истиной. Ему нужно было любой

¹ Jordan. Get., XV, 83 сл.; ср.: N. Jorga. Hist. des Roumains et de la romanité orientale, I². Bucarest, 1937, стр. 345.

² Philost. Hist. eccl., II, 5, ed. Bidez: „ἐκ τῶν πέραν Ἰστροῦ Σκυθῶν οὓς οἱ μὲν παλαιὸν Γέτας οἱ δὲ νῦν Γότθους καλοῦσι“.

³ Jordan. Get., LI.

⁴ Philost. Hist. eccl., II, 5: χειροτονεῖται τῶν ἐν τῇ Γετικῇ χριστιανοζόντων... τὰ τῆς Μυσίας χωρία; ср.: Socrat., Hist. eccl., IV, 33, 4; Theodoret. Hist. eccl., IV, 37; Sozom. Hist. eccl., II, 6; VI, 37.

⁵ Aur. Vict. De caes., 47.

⁶ Hieronym. Praef. epist. ad Galatas.

⁷ Oros., I, 16.

⁸ Procop. De bello Goth., I, 24, 28, 30.

⁹ Procop. De bello Vandal., I, 2, 2.

¹⁰ Jordan. Get., XVII, 5; ср. XXVI, 138.

ценой представить готов — единоплеменников королевского дома Амалов — прирожденными властителями на римской земле и добыть для их прошлой истории славу завоевателей „второго отечества“. С этой целью он не только отождествляет готов со скифами прежних греко-римских писателей, но, используя сходство этнических имен, просто приравнивает их к гето-фракийским племенам Карпато-Дунайского района, узурпирует для готов древнюю, исконную родину готов и все деяния последних в их борьбе против Римской империи переносит на готов. Благодаря такому методу история скифов—готов сделалась историей единоплеменников короля Теодориха, и ее можно было начинать со времени персидского царя Кира.

Поэтому те извлечения из Кассиодора, которые сохранил Иордан, не могут дать исторически правдивой и ясной картины событий, связанных с дунайскими войнами III в. Используя этот факт смешения и отождествления гето-фракийцев с готами у римских писателей, некоторые буржуазные ученые, особенно немецкие националистические историки, создали даже этнографическую гипотезу о полном родстве готов с готами и пытались доказать, что германские племена испокон веков обитали в Карпато-Дунайском районе и никакого переселения готов не было. Готов и гетов считали двумя ветвями одной германской народности, расселившейся на огромном пространстве от Балтики до Дуная. Эта фантастическая гипотеза, имевшая в свое время в фашистской Германии большое распространение, понятно, является чистейшим вымыслом. Даже националистическая немецкая археология, пытавшаяся обосновать эту гипотезу, не могла указать ни одного вещественного памятника в подкрепление этих измышлений. Поэтому они были отброшены, но в буржуазной науке до настоящего времени прочно сохраняется традиция, по которой принято считать, что готские племена уже в начале III в. н. э. стали играть на Дунае господствующую роль в политическом и в культурном отношениях и в период дунайских войн были главным врагом Римской империи, ведя за собой против нее все другие племена.

Однако вся совокупность археологических и исторических данных не подтверждает этого, а на рассказы Иордана опираться нельзя. Новейшая археологическая наука, изучая развитие культуры в придунайском районе, не может обнаружить здесь никаких реальных признаков пребывания готов в III в. До настоящего времени остается фактом, что нет никаких бесспорных археологических данных о заселении готами Дакии в III в. Нельзя, конечно, отрицать, что мелкие восточногерманские племена вместе с гето-фракийцами, сарматами, славянами, аланами и другими европейскими племенами вторгались в III в. в римскую Дакию. Но найденные во многих местах Румынии вещественные памятники показали, что до самого IV в. ничего готского в Дакии нет. Только с этого времени появляются неоспоримые следы готов в Трансильвании, как и в других придунайских областях.¹

Мы так долго останавливались на чрезвычайно запутанном в зарубежной историографии „готском вопросе“, чтобы показать, что, по нашему мнению, основывающемуся на всей совокупности источников, в разгоревшихся с особой силой к середине III в. войнах причерномор-

¹ G. I. Brătianu. *Les origines du peuple Roumain*. Bucarest, 1939, стр. 34, с. Dumitrescu. *Une tombe de l'époque des migrations*. Rev. Ist. Română, IV, 1936, стр. 76; Ed. Beninger. *Der westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa*. Leipzig, 1931, стр. 11.

ских племен с Римской империей наиболее активную и важную роль в качестве главной антиримской силы играли соседние с Римом различные гето-фракийские племена Карпато-Дунайского района, издавна обитавшие здесь и служившие неисчерпаемым резервуаром, откуда империя в огромном количестве черпала для себя рабов. Для нашего вопроса о народных движениях и характере их в восточных провинциях в период дунайских войн этот факт имеет весьма важное значение. Он позволяет установить, что для поработенных народностей Балканских провинций эти дунайские войны против империи соседних европейских племен являлись освободительными войнами, так как на их территорию, завоеванную Римом, вторгались их соплеменники — гето-фракийцы и среди них такие могущественные, как карпы и бастарны. И те и другие искони находились в тесной связи, обусловленной этническим родством и близостью их интересов; и те и другие были враждебны Римской империи, ибо первые уже были поработены и владели под игом рабовладельческого Рима жалкое существование, а вторые — свободные и непокоренные — являлись потенциальными завтрашними рабами, ясно видевшими, что их рано или поздно постигнет участь покоренных племен Дакии, Мезии и Фракии. Это и создавало глубокие и прочные общественно-экономические основы для консолидации поработенного населения Балканских провинций с вторгавшимися на их территорию „варварами“ и для их совместной борьбы против Рима.

Но в этом же была и ахиллесова пята римского господства над покоренными народами, несмотря на блестящую организацию военного дела и на безусловное военное превосходство и подавляющую военную мощь перед нестройными и плохо вооруженными толпами вторгавшихся из-за Дуная племен.

Действительно, обращаясь к самим вторжениям, мы не должны создавать себе иллюзию о „неисчислимой“ боевой силе и боевой организованности вторгавшихся европейских племен. Не следует преувеличивать этот поток, как это до настоящего времени делается еще и некоторыми нашими историками, утверждающими, что „европейские племена мощной лавиной обрушились на Римскую империю, ослабленную старческим недугом“, что „их неисчислимые полчища хлынули через пограничные реки — Рейн и Дунай, неся поражение римским легионам“.¹ Верно, что именно так изображали дело античные писатели, чтобы хоть как-нибудь смыть с державного Рима тяжкий позор за те поражения, которые наносили ему презираемые им „варвары“. Однако на самом деле в период дунайских войн ничего подобного не было. Поэтому мы должны отбросить эти традиционные представления о грандиозной численности „варваров“, об их организованной и планомерной войне против римского государства, длившейся в течение сорока лет. Эти традиционные представления должны быть отброшены нами как вымысел, не имеющий для исследователя никакого значения.

Вторжения в III в. имели характер бессистемных и неорганизованных набегов отдельных военных дружин с примыкавшими к ним „попутчиками“ без единого общего руководства, без единого плана, без ясно поставленных и неуклонно осуществляемых стратегических и политических целей. О планомерном и организованном характере вторжений в этот период не может быть речи, как нельзя говорить и о „неисчислимых“ полчищах или непрерывных „потоках варваров“, устрем-

¹ П. Н. Третьяков, ук. соч., стр. 137.

лявшихся вглубь римской территории и растекавшихся по провинциям, как набегающие волны одна за другой. Перед римской мощью стояли, таким образом, не равные по силе и организованности враги. Иногда это бывали только *latrunculi*, разбойничьи шайки, как презрительно называли римские юристы этих врагов.¹

Как же возможно было, чтобы такое сравнительно небольшое число вторгавшихся дружин столь успешно выполняло свои военные предприятия и делало такие глубокие вторжения? Как возможно было, чтобы они так далеко удалялись от своих баз, разбивались на отдельные небольшие отряды, так долго хозяйничали на чужой территории среди враждебного им населения и благополучно возвращались за Дунай в пределы своих поселений? Эти вопросы естественно возникают у исследователя при чтении рассказов римских писателей о дунайских войнах. Под их пером „варвары“ появляются часто внезапно, иногда одновременно в различных районах той или другой провинции, отряды их свободно переправляются через Дунай, проходят невредимо мимо пограничных укреплений, не встречая сопротивления или успешно разбивая высланные против них войска, углубляются далеко, ничем не останавливаемые, и часто берут большие укрепленные города, не имея ни стенобитных машин, ни других осадных орудий.

По всей Мезии, всей Фракии и Македонии на всем огромном протяжении от Дуная проходят „варвары“, множество жителей уводится в плен, и враги в конце концов благополучно и беспрепятственно с огромной добычей возвращаются за Дунай, как будто эти вторгнувшиеся отряды „варваров“ совершали легкую военную прогулку. Нужно прямо сказать, что это невозможное дело, если иметь в виду, что, по рассказам писателей, императоры посылали против „варваров“ большие армии и отличных полководцев.

Ясно поэтому, что скудные и сухие рассказы римских писателей о событиях в период дунайских войн весьма многого нам не передают и помимо своей фрагментарности изобилуют, повидимому преднамеренно, умолчаниями о внутреннем состоянии провинций и о настроениях и поведении их жителей в моменты вторжений. Этот недостаток полного и ясного повествования о дунайских войнах и послужил для немецких шовинистических историков благодарной почвой, на которой стали обильно произрастать всякого рода измышления о дикой храбрости и смелой отваге готов, перед которыми римская военная мощь якобы не могла устоять. Каковы же действительные причины успехов вторгавшихся на римскую территорию задунайских племен? Как и чем можно их разумно объяснить?

Прежде всего, нужно учитывать общую социально-политическую ситуацию в империи в этот период. Нельзя забывать того, что дунайские войны происходили в момент обострения общего хозяйственного и политического кризиса римского рабовладельческого общества. Известно хорошо, что этот кризис чрезвычайно болезненно поразил империю и привел к глубокому расстройству всей внутренней жизни и полному ослаблению всех политических и экономических скреп Средиземноморской державы, не имевшей своей экономической базы и представлявшей „конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки“.²

¹ Dig., XLIX, 15, 24; L, 16, 118.

² И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1951, стр. 12.

Кризис выражался в падении римской военной мощи, разложении легионов, мятежах и дезертирстве солдат, раздорах между военно-придворными группировками, приводивших к убийствам императоров, к узурпациям и кровавой борьбе за верховную власть. Кризис выразился в резком обострении тех экономических затруднений, перед которыми оказывалось бессильным рабовладельческое хозяйство империи еще в конце II в. Он вызвал ослабление и распад хозяйственных связей империи с провинциями, вследствие чего внутри провинций наметилось новое соотношение социальных сил и обнаружилось тенденции экономически господствовавших групп провинциального населения к отпадению от центральной власти. Все эти явления общей экономической и социально-политической разрухи, конечно, облегчали вторгавшимся из-за Дуная европейским племенам проникновение в пограничные провинции.

Однако решающим фактором, влиявшим на успех вторжений, была освободительная борьба угнетенного населения восточных провинций, которая в обстановке общего кризиса империи и происходивших вторжений принимала широкий размах. Бедные подробностями, лаконичные рассказы римских писателей, не понимавших смысла происходивших событий и искажавших подлинный характер их, не позволяют нам дать детальную картину этой освободительной народной борьбы против угнетающего римского господства. За „варварами“, за скифами, за готами почти совсем скрылись народные массы, поработанные, но не покоренные римским завоевателем. Проникнутые открытой враждебностью к римским порядкам, они должны были как-то реагировать на события, но о них, об их настроении и поведении римские писатели почти ничего не говорят. Между тем не подлежит сомнению, что в огне бедствий в период дунайских войн население восточноримских провинций по-разному переживало их и по-разному относилось к ним. Знатные и богатые римские колонисты и местная романизованная знать перед лицом вторгавшихся врагов зарывали в землю свои сокровища, хватали из своих пожитков все, что могли унести, и бежали в укрепленные города или в глубокий тыл.¹ Зосим часто говорит об этом паническом бегстве имущего населения восточных провинций, подвергавшихся нашествию европейских племен.² Но зависимые массы местного населения и многочисленные рабы были полны другими чувствами. Чуждая им римская цивилизация, прививаемая им вместе с рабством, вызывала у них непреодолимую ненависть и жажду мести за потерю своих свободных общинных порядков. Их свободолюбие и демократический инстинкт нельзя было подавить никаким террором. Эти чувства и поднимали поработанные народные массы на отчаянную и ожесточенную борьбу с римским государством во время вторжения соседних европейских племен. Самый характер вторжений, их стихийно-опустошительная сила была созвучна стихийным порывам рабов и угнетенных бедняков, ибо эта опустошительная сила разворачивалась под знаком уничтожения рабовладельческой цивилизации. Вторгавшиеся племена разрушали на римской земле не только храмы, но и римские рабовладельческие порядки, римский гнетущий строй жизни. Они несли с собой новые порядки, новый общественный строй, пусть более примитивный, но такой строй, который фактически приводил к несомненному улучшению быта

¹ О множестве монетных кладов в Балканских провинциях в период дунайских войн см.: E. V a b e l o n. *Traité de monnaies*, P. 1900, стр. 559—569; H. Mattingly and E. Sydenham. *The Roman Imperial Coinage*, V. 1. 1927, стр. 5—8.

² Z o s i m., I, 33, 3; 35, 1 и др.

угнетенного населения восточных провинций. Эта именно антирабовладельческая опустошительная сила вторжений и находила широкий отклик в сердцах порабожденных народных масс. Она отвечала собственным чаяниям и надеждам масс, и они среди бедствий и несчастий, среди разрухи и царившей кругом смерти с чувством радости, как спасителей, ожидали и встречали пришельцев с того берега реки, стекались под их знамена и не видели в них своих врагов. Литературное отражение такого настроения угнетенных масс мы можем найти в христианских источниках, поскольку дух оппозиции и ненависть к угнетательскому римскому миру в тех исторических условиях проявлялись в идеологии раннего христианства.

Заслуживает особенного внимания эсхатологическое сочинение христианского поэта Коммодиана „*Carmen apologeticum adversus Iudaeos et gentes*“.¹ В этой поэме Коммодиан весьма подробно изображает последние дни существования современного ему мира и характеризует различные признаки конца этого мира. Хотя он при изображении картины последних дней мира обильно черпает образы и символику из апокрифических сочинений и Сивиллиных книг, но признаки наступления конца мира, связываемого в его представлении с гибелью Римской империи, он заимствует из современных ему событий римской жизни. Его картины являются лишь религиозно-художественным переоформлением народных чаяний и надежд, которые поэт кладет в основу своей поэмы о последних днях. Поэтому в эсхатологическом сочинении Коммодиана мы находим прекрасное и чрезвычайно яркое отражение идеологии широких христианских масс в период общего кризиса империи и дунайских войн. Грядущая гибель ненавистного Рима, как желанное событие, стоит в центре внимания этих масс.² Только после ниспровержения Рима люди смогут воскреснуть для новой жизни и благословлять счастье, вспоминая, как тяжело было прежде.³ Тогда всякая печаль удалится от тела, удалятся тогда и раны и не будет тогда никакого страдания, но вечная радость воцарится на земле.⁴ Скоро, очень скоро наступит это, о чем все мечтают, и многие признаки говорят о том.⁵ Вот уже во всеоружии готы переходят реку, а вместе с ними страшный именем царь Аполлион. Он идет со многими тысячами народов к Риму, чтобы уничтожить гонение, воздвигнутое на святых, и, по определению бога, возьмет его.⁶ Тогда взятые в плен сенаторы будут рыдать и, побежденные варваром, будут проклинать бога небес.⁷ Христиан же эти варвары будут защищать везде, где бы они ни находились, и будут обходиться с ними как с братьями, встречая их с радостью, в то время как развратных и почитающих пустых идолов римлян будут преследовать, а сенат проведут под ярмом.⁸

Поэт в ярких красках рисует картины народного счастья после ниспровержения Рима варварами, равно как и ужасную судьбу, ожи-

¹ E. Ludwig. *Commodiani carmina*. Lipsiae, 1887. О личности, времени жизни и сочинениях Коммодиана см.: J. Durel. *Commodien. Recherches sur la doctrine, la langue et le vocabulaire du poète*. Paris, 1912; A. Fr. van Katwijk. *Lexicon Commodianum cum introductione de Commodiani vita, temporibus, sermone*. Amsterdam, 1934.

² *Commod.*, *Carm. apolog.*, стих. 918—919.

³ Там же, 786—787.

⁴ Там же, 794—795.

⁵ Там же, 798—800.

⁶ Там же, 801—807.

⁷ Там же, 808—809.

⁸ Там же, 810—813.

дающую утеснителей народа — римлян. В этих антитезах он ясно ставит на одну сторону „humiles“ — простых людей, а на сторону утеснителей их ставит „reges“, „senatores“, „locupletes“, „primores“¹.

Идея отмщения нечестивцам за земные страдания, на которые они обрекли простых людей, выражена в поэме не менее убедительно. Поэт не скупится на яркие краски при изображении ужасной судьбы, ожидающей их. Поднимется тогда плач и рыдание нечестивцев и не будет им нигде покоя на земле. Они будут гореть в страшном пламени, и мать, горящая в огне, не поможет своему ребенку.² Небесный гнев будет свирепствовать повсюду, и куда бы ни побежал нечестивец, его всюду охватит пламень, и он сгорит.³ Не скроется никто в пещере, не убежит никто на корабле.⁴ Сгорит Рим, сгорит и весь сенат, а знатнейшие препозиторы и легаты будут обращены в рабов;⁵ святые вступят во владение поместьями.⁶ Не придет им тогда на помощь никто из тех, кого они раньше считали сильными. Это был народный хилиазм, ярко отражавший в переоформленном виде в сакраментальной форме надежды простых людей на лучшую земную жизнь. В восточных римских провинциях масса простых людей упорно защищала эту народную надежду от всяких форм искажения, посредством чего бюрократизирующиеся церковные руководители пытались устранить враждебный для римского государства народный хилиазм; последний, отражая ненависть народных масс к рабовладельческому Риму, под словами „да придет скорее царство твое“ всегда понимал исчезновение Римской империи со всей ее угнетающей культурой. Гонимый церковной верхушкой, народный хилиазм уходил в секты, и его проповедь в обстановке обостренных классовых противоречий получала характер боевой антиримской пропаганды.

Для нас важно подчеркнуть, что этот хилиазм, отражая жгучие надежды угнетенных масс, связывался с вторжениями задунайских племен и прямо указывал им на ту внешнюю силу, которая положит конец их страданиям и осуществит их надежды на лучшую земную жизнь.

Так получали массы идейный толчок к освободительной борьбе и вместе с тем идейное оправдание их переходу на сторону врагов угнетающего их государства. Массы готовы были активно помочь врагам империи и содействовать скорейшему пришествию нового царства Христа.

Этот народный хилиазм, особенно распространившийся в восточных провинциях, становился особенно действенным в период дунайских войн. Начавшееся закабаление обезземеленных крестьян, жестокий налоговый гнет и произвол римских военных и гражданских властей усиливали вражду и ненависть простых людей к господствующему классу, обостряли противоречия между паразитирующими колонизаторами и трудящейся беднотой, создавали революционную ситуацию в восточных провинциях империи. Вместо храмовой или общинной земли в первой половине III в. здесь появились обширные императорские домены и частные латифундии, обрабатывавшиеся обезземеленными и

¹ *Comm. d., Carm. apolog., 1035; passim; ср.: Instruct., II, 3, 8, 10—13; II, 1, 22 сл.*

² Там же, *Instruct., II, 2, 8.*

³ Там же, *Carm. apolog., 1014.*

⁴ Там же, 1007.

⁵ Там же, 980—981 (*Quorum [т. е. нечестивого царя и др.] primores praepositi sive legati in loco servorum statim rediguntur iniqui*).

⁶ Там же, 982 (*Interea sancti intrant in colonia Sancta*).

порабощенными свободными общинниками. Немногочисленные источники, дошедшие до нас от этого времени, свидетельствуют о крайне тяжелом положении. Надпись от 238 г., найденная во Фракии, содержащая жалобу крестьян из фракийских деревень Скаптопары и Грессеи императору Гордиану III, свидетельствует, что крестьянство во Фракии беднело и разорялось под действием чиновничьего и военного аппарата империи. Крестьяне жалуются, что вымогательствами и насилиями сборщиков податей они доведены до полного разорения, что они „не в силах больше снести“ чинимых им обид и, не имея больше возможности уплачивать налоги и повинности, будут вынуждены покинуть свои родные очаги и сделаться беглыми по примеру многих односельчан.¹

Некоторые надписи III в. из восточной Лидии говорят о незаконных грабительских действиях *κολλητιώνες*, разорявших крестьян и доводивших их до полной нищеты.² Петиция крестьян императорского домена в области Филадельфии в Лидии, поданная императору Септимию Северу, содержит жалобы на самовольные аресты, взятки, обиды и избиения до смерти колоннов, чинимые полицейскими властями. Колонны жалуются на тяжесть налогов и литургий и заявляют, что, не находя нигде защиты и справедливости, они будут вынуждены сделаться беглыми.³ Петиция крестьян из общины Арагуэ во Фригии, поданная императору Филиппу в 247 г., содержит подобные же жалобы на угнетение и бедствия от произвола солдат и сборщиков налогов „свыше невообразимой меры“.⁴

Конечно, такие жалобы не были единичными явлениями, и все они оставались „гласом вопиющих в пустыне“. Неудивительно, что крестьяне Мезии, Фракии, Македонии и Малой Азии убегали в горы и леса и начинали партизанскую борьбу. Мы видим, что движение *latrones* в период дунайских войн получило очень большое развитие, и императору приходилось вести напряженную борьбу на два фронта: и против вторгавшихся из-за Дуная племен, и против *latrones* в тылу. Это видно не только из сохранившихся надписей,⁵ но и из законодательных памятников. Императоры издавали неоднократно строжайшие распоряжения о необходимости ликвидации движения *latrones* любыми средствами. Закон Гордиана III от 243 г. объявлял о полной безответственности тех, кто убивал *latrones*.⁶ В 265 г. в самый разгар дунайских войн император Галлиен вновь подтвердил этот закон.⁷ Эти *latrones* действовали тогда на море и на суше, и они-то оказывали большую помощь вторгавшимся племенам.⁸ Во время вторжений они выходили из своих тайных убежищ и нападали с тыла на отряды рим-

¹ CIL, III, 12336 = IGR, I, 674. Ср.: А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 248—249; Э. Мишина. Выступление Максимиана и позиция сената. ВДИ, 1938, № 3, стр. 144.

² Keil und Premerstein. Bericht über Reise in Lydien. Denkschr., d. k. Akad. dem. d. Wissensch., Philol.-hist. Klasse, 52, 2, Wien, 1908, 54.2, 1911, 57, 1, 1914; там же, II, 222; III, 9, 28. Ср.: Cagnat, IGR, IV, 1368; Broughton. Roman Asia Minor, стр. 656 сл., L. Robert. Etudes Anatoliennes. Paris, 1937, стр. 104.

³ Keil und Premerstein, ук. соч., III, 55; Cagnat, IGR, IV, 1651: „φυγάδας τε γενέσθαι τῶν σεπτακίων χωρίων“.

⁴ Cagnat, IGR, IV, 598; Dittenberger, OGIS, 519; CIL, III, 14191.

⁵ См. собранный материал у Д. П. Димитрова. Революционные брожения в Тракия и Мезия през римско время. Исторически преглед, София, година трета, 1946—1947, № 1, стр. 35—51.

⁶ Cod. Just., IX, 16, 2; ср.: VIII, 40, 13.

⁷ Cod. Just., IX, 16, 3.

⁸ Cagnat, IGR, III, 481: „κατὰ θάλασσαν καὶ κατὰ γῆν“. Ср. IV, 886; Dessau, ILS, 8870.

ских войск; они передавали пришельцам из-за Дуная все малейшие движения римских войск, служили им верными проводниками, показывали удобные места для обороны или нападения, доставляли пришлым дружинам нужное продовольствие и фураж, а во время самого сражения вливались в их ряды и бились совместно с ними против безмерно угнетавшего их государства.

Таким образом, продолжительный период дунайских войн является не только борьбой Римской империи с внешним врагом. Это было также и время ожесточенных битв между народными массами восточных провинций и римскими войсками. Туземцы Мезии, Фракии и Малой Азии использовали вторжения своих единоплеменников, чтобы ниспровергнуть римское господство и вернуть себе независимость и свободу. Оракулы Сивиллы кратко говорят об этой борьбе мезийцев, вифинцев и ликийцев, которые совместно с карпами бились против „лютой волчицы“, питавшейся кровью покоренных ею народов.¹ Так навстречу вторжениям задунайских племен в восточных провинциях империи поднималась волна освободительной народной борьбы и сливалась с волной вторжений в один бушующий поток.

По состоянию наших источников мы имеем возможность осветить только отдельные моменты этой освободительной борьбы. Уже император Максимиан, вероятно в 236 г., подавлял сопротивление восставших даков, которые боролись совместно с карпами и сарматами, вторгнувшись в Дакию с северо-востока. Об этой войне свидетельствует принятие Максимином почетного прозвища „*Dacius Maximus*“ и „*Sarmaticus Maximus*“.² Множество надписей от 236—237 гг., найденных в Нижней Мезии, показывает, что война была тяжелой и что победа считалась весьма важной. Надписи прославляют Максимиана за подавление восстания и за победу над „варварами“, называя его „владыкой земли, моря и всего рода человеческого“.³

Сейчас же после убийства Максимиана в 238 г. в Мезии и Фракии начались открытые восстания жителей этих провинций. Отрывочные данные не позволяют нам говорить о характере этих восстаний. Видимо, в своей основе это было движение провинциальных верхов против политической унии с Римом, протест местной аристократии против деспотического централизма, который в сильной степени истощал эти провинции. Но эти сепаратистские движения переплетались с освободительной борьбой угнетенных масс и сопровождались какой-то поддержкой карпов.⁴ Провозглашенный императором, Гордиан III отправил для подавления восстания своего лучшего полководца Туллия Менофила. Краткий рассказ позднейшего писателя Петра Патриция об этих событиях упоминает только о борьбе римских войск с карпами и готами.⁵ Однако из сообщения Юлия Капитолина мы узнаем, что Гордиан III еще через три года, в 242 г., должен был подавлять сопротивление мезийских и фракийских повстанцев. На своем пути на Восток для борьбы с персами Гордиан III вместе с префектом претория Тимесифеем

¹ Orac. Sibyl., ed. A. Rzach, 1891, XIII, 137 сл.

² CIL, XII, 5559; III, 3336, 3660, 4837, 5218. Ср.: V. Christescu. *Istoria militară a Daciei romane*. Bucarest, 1937, стр. 89.

³ V. Pârvan. *Histria*. IV, стр. 656; VII, стр. 83. *Dacia*, II (1925), стр. 245 сл., III—IV (1927—1932), стр. 511.

⁴ SHA, Maxim et Balbin., 16.3: „... sub his pugnatum est a Carpis contra Moesos; fuit et Scythici belli principium, fuit et Histriae excidium eo tempore.“ Ср. Jord. *Get.* 16, 91.

⁵ FHG, IV, стр. 186, fr. 8.

отправился в Мезию и Фракию, где успешно сражался с повстанцами. Именно так, по нашему мнению, следует понимать слова Юлия Капитолина: „... fecit iter in Moesiam atque in ipso procinctu quicquid hostium in Thraciis fuit, delevit, fugavit, expulit atque sumovit“.¹

Бенье предполагает, что в данном месте под словом „hostium“ разумеются готы и сарматы.² Низе считал, что это были готы и карпы,³ а Христеску думает, что здесь имеются в виду только карпы.⁴ Однако ни с одним мнением согласиться нельзя. Слово „hostium“ может обозначать здесь только внутренних врагов, т. е. мезийских и фракийских повстанцев, так как и Юлий Капитолин и все другие писатели „Истории Августов“ только в таком значении употребляют это слово. Они всегда обозначают этим словом только внутренних врагов империи (*hostis publicus*), а вторгавшихся из-за Дуная врагов всегда называют или скифами, или варварами, или собственным этническим именем.⁵

Как видно из краткого сообщения Капитолина,⁶ часть повстанцев была „изгнана“ (*fugavit, expulit*), т. е., очевидно, отступила за пределы римской территории к этнически родственным скифам-гетама, а затем в союзе с этими скифами, во главе которых стоял их вождь Аргунт, опустошала пограничные римские области.⁷ Вместе с ними выступают и аланы. При поддержке этих задунайских племен повстанцы перенесли войну во Фракию и разбили римские войска у города Филиппы.⁸

В правление императора Филиппа (244—249) освободительное движение в Мезии и Фракии снова приняло большие размеры. Оно также совпало с вторжением карпов и других европейских племен, оказавших поддержку повстанцам. Краткие сведения о событиях в Балканских провинциях в это время мы находим у Зосима. Рассказав о вторжении карпов и о победе над ними Филиппа в 246 г., Зосим замечает: „В то же самое время произошли большие волнения. Народы Востока не могли вынести гнета налогов и вымогательства Приска, который начальствовал над ними. Они восстали и передали всю власть Иотапиану. В то же время мезийские и панионские войска передали власть Марину (Пакатиану). Филипп, приведенный в ужас этими волнениями, умолял сенат или дать ему силы, чтобы подавить их, или низложить его, если его правление было для сената негодным“.⁹ Трудно, конечно, уловить истинный характер событий из этого краткого рассказа. Однако из него ясно видно, что события 246—247 гг. в дунайских провинциях не огра-

¹ SHA, Gord., tres, 26, 4.

² M. Besnier. L'empire romain de l'avènement des Sévères au concile de Nicée. Paris, 1937, стр. 151.

³ В. Niese. Grundriss d. röm. Geschichte, стр. 370.

⁴ V. Christescu, ук. соч. стр. 91.

⁵ О „hostes“ как внутренних врагах см.: SHA, Maxim., 16, 6; 20, 8; 24, 26; 26, 2, 3, 4; Gord. tres, 11, 7, 9; 13, 6; Maxim et Balbin., 2, 11; 8, 6, 7; 10, 2, 3; Claud., 11, 8; Aurelian., 7, 5, 11, 6; в противоположность этому о „barbari“ см.: SHA, Maxim., 29, 2, 3; Gord. tres, 14, 1; Maxim. et Balbin., 12, 3; Claud., 6, 6; 7, 1, 3; 8, 2; 9, 4, 5, 8; 11, 3, 7; 12, 4; Aurel., 18, 6; 21, 4; 22, 2; 35, 4 и во многих других местах.

⁶ SHA, Gord. tres, 26, 4.

⁷ SHA, Gord. tres, 31, 1: Argunt Scytharum rex finitimorum regna vastabat. Jord., Get., 16, 91 превратил этого Аргунта в готских вождей Аргайта и Гунтерика, а некоторые немецкие националистические историки без всякого основания пытаются утверждать, что имя Аргунта вымышлено и составлено якобы из начальных слогов имен Аргайта и Гунтерика. См.: В. Rappaport. De Gothorum incursionibus. Lipsiae, 1890, стр. 25, 26.

⁸ SHA, Gord. tres, 34, 4.

⁹ Zosim., I, 20, 1, 2; 21, 1. Ср.: Zonar., XII, 19; Jordan. Get., 16, 90.

ничивались только вторжениями европейских племен, мятежами дунайских легионов и узурпациями, как это обычно излагается в исторической литературе.¹ Несомненным фактом является также и то, что помимо мятежей войск и вторжений в это время в Мезии, Фракии и, возможно, в Паннонии происходило широкое народное восстание, поддержанное солдатами легионов, стоявших в Мезии. Восставшие провозгласили императором простого центуриона Марина Пакутиана и открыли границу карпам и другим гето-фракийским племенам. В то же время вспыхнуло восстание во Фракии, и такая ситуация произвела панику в Риме. Причина восстания ясно указывается Зосимом. Это — тяжесть налогового бремени и злоупотребления римских властей.²

Отсюда можно заключить, что основной массой восставших было трудящееся население провинций. Во Фракии очагом и опорным пунктом восстания был древний фракийский город Пульпидава (Pulpidava), который при подавлении восстания был совершенно разрушен, что свидетельствует об ожесточенном характере борьбы. В 248 г. восстание во Фракии было уже подавлено, так как в этом году Филипп восстановил город и назвал его своим именем.³ Вероятно, одновременно было подавлено восстание и в Мезии.

Вслед за утверждением в дунайских провинциях римского господства мезийские и паннонские легионы низвергли Филиппа и провозгласили императором усмирившего восстание полководца Деция, который начал войну против Филиппа. Борьба за верховную власть окончилась победой Деция при Вероне (249 г.), где войска Филиппа были разбиты и сам он был убит. Но сейчас же после вступления на престол Деция против него поднял восстание в Галлии некий Валент, и Деций только в 250 г. мог его подавить.⁴

В обстановке гражданских войн вновь началась в Мезии и Фракии народно-освободительная борьба, которая сочеталась с большим вторжением европейских племен и приняла огромные размеры. Наиболее подробный рассказ о событиях 250—251 гг. в Мезии и Фракии мы имеем у Иордана.⁵ Однако его рассказ не заслуживает доверия. Иордан представляет все события только как борьбу Деция с готским вождем Книвой, который якобы перешел Дунай с огромным войском и опустошал Мезию и Фракию.

Но в данном случае Иордан, как и другие писатели, смешивает готов с гетами. Зосим, описывая эти события, говорит только о скифах и ниоткуда не видно, чтобы под скифами он разумел именно готов.⁶ Дексипп, описывая осаду Филиппополя, также говорит не о готах, а о скифах,⁷ и только у позднейших писателей, в соответствии с установившейся традицией, на этих скифов переносится имя готов без достаточных оснований.⁸

¹ B. Rapprort. Die Einfälle der Goten in das röm. Reich. Leipzig, 1899, стр. 33.

² Zosim., I, 20, 2: „τὰ μὲν κατὰ τὴν ἑώραν ταῖς τῶν φόρων εἰσπράξι καὶ τῷ Γρίσκων ἄρχειν τῶν ἑκαίεσ καθεστῆμένων ἐθνῶν, ἀφῆρτον ἄπισιν εἶναι βαρυνόμενα, καὶ διὰ τοῦτο πρὸς τὸ νεωτερίζειν τραπέντα“.

³ Euseb. Chron., 2264 (248): „Philippus urbem nominis sui in Thracia construxit“.

Ср.: Jord. Romana, ed. Th. Mommsen, стр. 37.

⁴ Zosim., I, 22; Eutrop., IX, 4; Aur. Vict. De caes., 29, 3.

⁵ Jord. Get., I, 18, 101; ср.: Zosim., I, 23, 1.

⁶ Zosim., I, 23, 1: „Ἰσχυδαὶ . . . ἐλθόντο τὰ περὶ τὴν Θράκην χωρία“.

⁷ Dexip., fr. 19, FHG, III, стр. 686. Ср.: ВДИ, 1948, № 2, стр. 309.

⁸ Sunc., стр. 376 A, ed. Bonn: „Ἰσχυδαὶ . . . οἱ λεγόμενοι Γότθοι“.

Из рассказа Иордана следует, что Книва с большой армией готов в 250 г. перешел Дунай у города Новы, граничащего с Дакией. Следовательно, надо предположить, что массы готов вторглись в этом году в Нижнюю Мезию из Дакии. Но из многих надписей и монет видно, что как раз в этом году в Дакию вторглись не готы, а гето-фракийские племена во главе с карпами и Деций сражался в Дакии с карпами и освободил от них, вероятно, не всю, а только часть этой провинции.¹ Отсюда гораздо вероятнее предположить, что готы Книвы, о которых рассказывает Иордан, были в действительности гетами. Они оказали решительную поддержку восставшим против римского господства мезийским гетам-дакам, покоренным римскими завоевателями и жившим восточнее Новы, т. е. в Нижней Мезии и Малой Скифии (Добрудже).

Автохтонным элементом здесь являлись именно гето-даки, которые были поработены римскими колонизаторами, и, кроме того, здесь в предшествующие времена было принудительно поселено множество переселенных из-за Дуная даков.² Они-то и поднялись в союзе с этнически родственными задунайскими гетами на освободительную борьбу. Разбитые у Новы легатом Нижней Мезии Гаем Требонианом Галлом, повстанцы совместно со своими единоплеменниками с того берега реки отступили к Никополю, лежавшему между Дунаем и Балканскими горами, и осадили его. Это было, следовательно, не только вторжение, но вместе с тем и восстание покоренных Римом гето-фракийских племен. Только под пером Иордана эта борьба против римского господства на Дунае превратилась в завоевательные походы готов. В действительности борьба Деция с Книвой была напряженной и тяжелой борьбой и против внешних и против внутренних врагов рабовладельческой империи. Особенно ожесточенные битвы Деция с повстанцами происходили во Фракии у города Верни, где войска Деция потерпели полное поражение, и у Абритта, укрепленного города в Нижней Мезии, где Деций, окруженный врагами, пал в битве, а его армия была уничтожена.³ Евсевий Кесарийский, обозначая место гибели Деция в „скифской долине“, в области „варваров“, прямо замечает, что здесь римская мощь подверглась поруганию гетов.⁴ Другие же авторы смешивают гетов с готами вслед за Иорданом.

Подробности этих событий нам не известны, и краткие рассказы о них писателей очень неясны и противоречивы. Но из этих рассказов мы можем видеть, что вторжение скифов-гетов приняло ярко выраженный классовый, антирабовладельческий характер и их террор был направлен против знатных и имущих лиц. Это также может свидетельствовать о том, что данное вторжение гето-фракийских племен слилось с внутренней освободительной борьбой поработенных народных масс Мезии и Фракии. Относительно Фракии Зосим и Аммиан Марцеллин

¹ В надписях Деций весьма часто называется „Dacius Maximus“, см.: CIL, II, 4957, 4958, а в надписи от 250 г. из Apulum в Дакии он назван „restitutor Daciae“, см.: CIL, III, 1176. На монетах Деция можно читать слова „Dacia felix“, м.: Eckhel, VII, стр. 343; Cohen, V, стр. 206, № 1 и 30—36. О карпах ср.: Laclant. De mort. pers., IV, 3. Но о готах в Дакии в это время мы ничего не знаем.

² Strab., VII, 3, 10; Cass. Dio, LI, 22.

³ Jord. Get., 18, 101—103; Zosim., 23—25; Ammian., XXXI, 13, 13; Aur. Vict. Epit., 29, 3; Sync., стр. 376, A; Zonar., XII, 20.

⁴ Euseb. Hist. eccl., Bd. I, Leipzig, 1902, стр. 190, „ἤνικο ἐν τοῖς Σκυθικοῖς πεδίοις πλοστρατῆς πέτρων τὸ περιβόητον Ρωμαίων κράτος ἦντος τοῖς Γατίσις εἰς καταφρόνησιν“; Eutrop., IX, 4; „... in barbarico interfecti sunt“; Oros., VII, 21, 3; „... in medio barbarorum sinu interfectus est.“

говорят, что после взятия богатого и многонаселенного города Филиппополя „варвары“ учинили в этом городе массовый погром и увели большое число знатных пленников, обращенных в рабов.¹

Явно несуразен рассказ источников, будто во время осады Филиппополя наместник Фракии Люций Приск вступил в тайные переговоры с готами Книвы, обещая им сдать город, если они признают его императором, и будто соглашение было заключено и Филиппополь был сдан готам и беспощадно разграблен.² Но если признать достоверным, что Филиппополь, хорошо укрепленный и многонаселенный, вынужден был открыть ворота врагу без боя, то весьма вероятным становится предположение, что не измена Приска, а стихийное восстание городского населения в этом древнем фракийском городе, превращенном завоевателями в опорный пункт своего господства в покоренной стране, было причиной легкого взятия города, как это происходило в других случаях.³

Но еще более заслуживает внимания следующий факт. Наши источники повествуют, что провозглашенный войсками императором после гибели Деция наместник Мезии Требониан Галл заключил с готами договор и позволил им спокойно уйти с богатой добычей и массой знатных пленников, а соправитель Галла Волузиан обязался платить им ежегодную дань. Но почему же после счастливого, казалось бы, конца событий римское господство в Мезии и Фракии не было полностью восстановлено? Не слышно ничего ни о восстановлении разрушенных городов, ни о сооружении новых зданий в городах, ни об исправлении дорог, что римские власти обыкновенно делали после очищения провинций от вторгнувшихся врагов.

Обычные посвятельные и панегирические надписи после гибели Деция сделались весьма редки. Самое имя Деция, который, казалось бы, имел право на некоторую признательность со стороны римских колонистов Мезии и Фракии, так как за их благополучие он отдал свою жизнь, не встречается ни в одной посвятельной надписи.⁴ Не правдив ли будет поэтому вывод, что сопротвление покоренного населения балканских провинций не было окончательно сломлено и после гибели Деция римское господство здесь еще долгое время не могло прочно утвердиться?

Мы видим, что по мере усиления натиска задунайских племен усиливается в восточных провинциях и народно-освободительная борьба, и наши источники теперь дают нам некоторую возможность утверждать, что эта упорная и ожесточенная борьба разворачивается под знаком тесного союза восставших народных масс с прорывавшимися извне варварами для полного ниспровержения угнетавшего покоренные народы Рима. Уже при приближении „варваров“ к границам провинций, когда среди римских властей и имущих классов возникала паника, угнетенные массы, пользуясь общим замешательством, поднимались на борьбу. Так, осенью 253 г., в начале правления императора Валериана, во время вторжения „варваров“ в дунайские области, когда главный их удар был направлен против Фессалоники, в Греции начались волнения, и, по словам Зосима, это обстоятельство возбудило серьезное беспокойство

¹ Ammian., XXXI, 5, 17; ср.: Zosim., I, 24, 2: „... καὶ τοὺς αἰχμαλώτους, οἱ μάλιστα τῶν εὐπατρίδων ἦσαν“.

² Zosim., I, 24.

³ См. ниже о взятии в 257 г. города Трапезунта.

⁴ R. Vulpe. Histoire ancienne de la Dobroudja. Bucarest, 1938, стр. 270.

Валериана, так как там создавалась большая угроза римскому господству.¹ Конечно, эта угроза не могла исходить со стороны имущих греков и богатых римских колонистов. Нам известно, что имущее население греческих городов во время массовых вторжений европейских племен с оружием в руках становилось на защиту римского господства. В этой связи весьма характерен рассказ о деяниях Публия Геренния Дексиппа, явившегося спасителем римского режима в Греции. Когда в 268 г. вторгнувшиеся в Грецию племена взяли Афины и богатые граждане, бежав из города, скрывались в горах, Дексипп, сам богатый землевладелец, происходивший из старинного рода Керкиров, составил из афинской аристократической молодежи небольшой отряд и, в ожидании скорой помощи приближавшегося римского флота, повел его против бродивших отрядов вторгнувшихся племен. Дексипп имел успех, и, когда прибыл флот, римские солдаты соединились с отрядом Дексиппа и изгнали „варваров“ из Аттики.² Но эти греки, защищавшие римский режим, не имели ничего общего с угнетенными трудящимися массами. Они владели большими поместьями, были богаты, имели связи и влияние в Риме и извлекали из римского господства большие выгоды для себя. Со стороны таких греков, к которым принадлежал и Дексипп,³ никакой угрозы римскому господству в Греции не могло быть.

Угроза создавалась, очевидно, со стороны народных масс, занятых тяжелым трудом в аттических каменоломнях, в рудниках, на шерстяных и прядильных фабриках или закабаленных ростовщическими сетями римско-италийских купцов. Народные массы активно помогали „варварам“. В 256 г. греческие рыбаки в гаванях Понта Евксинского, Боспора и Пропонтиды доставляли боранам свои рыбацьи лодки для переправы в Малую Азию.⁴ Беглецы из армии, рыбаки и моряки из прибрежных городов и сел были гребцами и управляли судами при переправах вторгавшихся европейских племен на берега Греции и Малой Азии.⁵ Опытные в кораблестроении люди помогали „варварам“ соорудить корабли для морских набегов.⁶ Когда морские корабли „скифов“ приближались к берегам римских владений и когда они высаживались из своих кораблей на берега, угнетенные массы восставали и действовали совместно с „варварами“ против римских колонизаторов и поддерживавшей их местной знати.

До нас дошло каноническое послание Григория Тавматурга, епископа Неокесарии в Понте, которое сообщает о большом народном восстании в этой провинции во время вторжения боранов и готов. Это послание имеет для нас важнейшее значение, так как то, о чем рассказывает в нем Григорий, несомненно происходило в большей или меньшей степени во всех восточных провинциях, подвергавшихся вторжениям.

Написанное под свежим впечатлением событий, оно дополняет скудные рассказы хроник и ясно показывает нам, почему возможно было, чтобы эти относительно небольшие отряды „варваров“ так глубоко

¹ Zosim., I, 29, 2: „Ταραχῆς ἡ Ἑλλὰς ἐξῆτάζετο πάντα; ср. I, 30, 1: συνιδὼν δὲ ὁ Οὐαλεριανὸς τὸν πανταχόθεν επικείμενον τῇ Ῥωμαίων ἀρχῇ κίνδυνον“; Sync., I, стр. 715, 11.

² Dexipp., fr. 21, FHG, III, стр. 680; Sync. I, стр. 717, 17; ср.: SHA, Gallien., 13, 8.

³ Дексипп в то время был архонтом-впонимом и базилиевсом (CI Att., III, 713).

⁴ Zosim., I, 31, 1.

⁵ Там же, 33, 1.

⁶ Ср.: Cod. Just., IX, 47, 25.

внедрялись в римские области, свободно опустошали их и почти всегда благополучно возвращались назад.

Послание было адресовано епископу Трапезунда, имени которого мы не знаем. Оно было одобрено епископами всех восточных церквей и дошло до нас в форме канонов, с комментариями на них Вальсамона и Зонары. Это одно уже говорит о том, что официальные представители христианской церкви уже в этот период кризиса Римской империи задолго до легализации христианской религии вели активную борьбу против революционного движения угнетенных масс. То, что церковные власти придавали каноническому посланию Григория Тавматурга такое важное значение, свидетельствует о том, что народные движения, осуждаемые в нем, имели, по крайней мере в Малой Азии, широкое распространение.¹ Послание было написано вскоре после вторжения европейских племен в римскую провинцию Понт в 256—257 гг. и связанных с этим вторжением событий в этой провинции. В эти годы „северные варвары“, в числе которых наши источники называют боранов и готов, предприняли большой морской поход с целью вторгнуться в Малую Азию. Постепенно они наводнили северные берега Малой Азии, взяли Питиунт, укрепленный пограничный римский город с хорошим портом вблизи древней Колхиды, сделали нападение на Фазис, хорошо укрепленный город при устье одноименной реки и, наконец, овладели большим и богатым и Трапезунтом, главным стратегическим пунктом империи в Малой Азии, оживленным торговым городом, окруженным двойными мощными стенами.

Наиболее подробный рассказ о взятии Трапезунта мы находим у Зосима, который сообщает: „Варвары пристали к Трапезунту, большому и многонаселенному городу, в котором, кроме обычного гарнизона, было 10 тысяч воинов. Они предприняли осаду, так как не смели надеяться взять приступом город, окруженный двойной стеной. Но они узнали, что солдаты вместо защиты стен шли в таверны, предаваясь лени и разгулу, и наставили к стенам в продолжение ночи приставные лестницы, которые готовили перед тем долгое время, а затем, взобравшись по ним на стены, ворвались в город. Солдаты, пришедшие в ужас от такого внезапного вторжения, бросились к другим воротам, и многие были убиты во время бегства.

Таким образом, варвары сделались хозяевами взятого ими города; они нашли в нем огромные богатства и захватили множество пленных, так как все жители окрестностей бежали туда, как в самое безопасное и укрепленное место в стране. Варвары тотчас же разрушили храмы и более значительные дома, забрали все, что было ценного и богатого, и, еще раз опустошив страну, возвратились к себе вместе с большим количеством кораблей“.²

Каноническое послание Григория Тавматурга существенно дополняет этот сухой рассказ Зосима. Перед нами из кратких церковных формул встает картина большого стихийного восстания социальных низов в Понте. Главным очагом восстания был Трапезунт, и самое восстание связывалось со взятием этого города вторгнувшимися племенами. Но так как епископская власть Григория простиралась на весь Понт и

¹ „Ἐπιστολὴ κανονική. Περὶ τῶν ἐν τῇ καταδρομῇ τῶν βαρβάρων εἰδωλόθυτα φηρόντων ἢ ἕτερα ἕνα πλημμελήσαντων“. Изд.: De Lagarde. Reliquiae juris ecclesiastici antiquissimae graecae. Lipsiae, 1856, стр. 60; Pitra. Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta, I. Roma, 1866, стр. 562; MPG, 10, стр. 1020 сл.; ср.: T. Rys-sel. Gregorius Thaumaturgus, sein Leben und seine Schriften. Leipzig, 1880.

² Zosim., I, 33.

так как его окружное послание было направлено ко всем церквям в восточном Понте от Полемониона до Трапезунта, то, надо полагать, восстание не ограничивалось только районом Трапезунта. Это тем более вероятно, что во всей провинции имущественные различия были очень глубоки и классовые противоречия были очень обострены.

Трапезунт издавна был крупнейшим торговым городом на Черном море и вместе с тем важнейшим пунктом работорговли. Уже Полибий отмечал, что лежавшие по берегам Понта страны доставляли римлянам „огромное количество бесспорно отличнейших рабов“.¹ В римскую эпоху положение не могло измениться. Войдя в сферу римского влияния, Понтийское царство оставалось одним из главных поставщиков на римский рынок рабской силы. Трапезунт сделался главным центром этой работорговли, и сюда во множестве свозились на продажу рабы. Эта рабская сила черпалась главным образом из местного населения. Сами местные царьки различных припонтийских племен, втягиваясь в работорговлю, продавали римским купцам своих обедневших соплеменников и пленников.

Большое скопление рабов и дешевизна их вели к тому, что эксплуатация природных богатств Понта базировалась на широком применении рабского труда. Рабский труд получил развитие и в сельском хозяйстве и в городском ремесле. Богатые владельцы фруктовых садов, стад скота, рыбопромышленники и лесоторговцы широко использовали рабский труд. В разработке же богатых местных рудников и в каменоломнях рабский труд получил исключительно широкое применение.²

С превращением Понтийского царства в римскую провинцию положение трудящегося населения резко ухудшилось. Римские колонизаторы, насаждая здесь рабовладельческие порядки, пустили в ход обычные методы: массовое порабощение, тяжелый налоговый гнет, жестокие формы эксплуатации рабов и свободных, свирепый террористический режим.

Неудивительно, что трудящиеся с ненавистью относились ко всей римской цивилизации и культуре, не поддавались романизации и не желали покорно сносить римское иго. Они легко устанавливали контакт с соседними свободными племенами и во время их набегов в провинцию выступали совместно с ними против колонизаторов. Так случилось и во время вторжения европейских племен в 256—257 гг. Между восставшими в это время, как видно из послания Григория Тавматурга, находилось множество христиан, вера которых не помешала им обнаружить свою классовую ненависть к угнетателям.

Несомненно, что к середине III в. христианство в Понте получило уже широкое распространение, и его адепты были многочисленны. Еще Плиний Младший в своем письме к Траяну от 113 г. свидетельствовал, что в этой провинции было очень много христиан из трудящегося населения городов и сел.³ В условиях римского гнета рабы и свободные бедные труженики с энтузиазмом встречали христианство, как „религию рабов, изгнанников, отверженных, гонимых, угнетенных“,⁴ которая провозглашала идеальное равенство всех перед богом и социальную справедливость.

¹ Polyb., IV, 38, 4.

² Strab., XII, 3, 19, 30, 31, 40; VII, 6, 2; Plin. Nat. hist., IX, 15, 47—52; Aelian. Var. hist., IV, 9; IX, 59; XV, 3, 5, 10.

³ Plin. Epist., X, 96.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 367.

Народный хилиазм получил здесь весьма большое распространение, и христианские бедняцкие массы с нетерпением ожидали ниспровержения Рима и наступления тысячелетнего царства Христа. По словам Ипполита, епископа римского, пропаганда близкого пришествия Христа в начале III в. до такой степени волновала простой народ, что люди прекращали обрабатывать свои земли, оставляли свои поля и хозяйства, а некоторые уничтожали или продавали свое имущество в ожидании великих перемен.¹ Конечно, церковные верхи, все более сраставшиеся с римскими порядками, преследовали народный хилиазм, объявляя его ересью. Они боролись против „революционно-демократического духа“ народных масс, ориентируя их не на земной, а на потусторонний мир. Жгучий для масс вопрос о ниспровержении Рима и наступления новой, лучшей жизни бюрократизирующиеся церковные верхи спешили перенести в сферу чисто религиозно-мистических представлений и „мировую катастрофу“ отодвинуть далеко в глубь времени, поренося новое царство Христа на небеса.

С этой именно целью написал свое сочинение об антихристе римский епископ Ипполит во время гонений на христиан императора Септимия Севера.² Как он сам говорит, он написал это сочинение, чтобы доказать, что конца мира еще нельзя ожидать, ибо „люди верили и проповедовали, что скоро варвары положат конец этому миру“.³ „Подобное ощущение столь близкой большой катастрофы, — писал он, — было так сильно во всех сердцах, что я не мог удержаться, чтобы не высказать своего мнения об этом“.⁴ И хотя Ипполит по старой христианской традиции образ антихриста переносит на Римскую империю и произносит довольно резкие суждения о ней,⁵ он в то же время категорически отвергает народный хилиазм, народные ожидания близкого ниспровержения Рима, считая их глупыми и несовместимыми с христианскими взглядами. Однако массы слабо понимали ортодоксальный церковный хилиазм и вкладывали в это учение земной, революционный смысл. Народные массы видели ясно, что эти вторгавшиеся на их землю племена, привыкшие к свободной жизни, шли против тех, кто их безмерно угнетал, и потому с ними связывали свои надежды на близкое наступление новых времен. И в момент вторжения готов в провинцию Понт толпы христиан-бедняков были убеждены в том, что наступил, наконец, час царства божьего на земле, грозный час мщенья нечестивцам и долгожданный день торжества праведных людей. Восставшие гонимые христиане объединились с „варварами“ или, как выражается Григорий Тавматург, „сопричислились“ к ним, „сами сделались боранами и готами для других“.⁶

Григорий отмечает, что восставшие массы совместно с „варварами“ нападали на владения богатых лиц, вторгались в дома, убивали крупных собственников, расхищали имущество, разбирали и делили между собой брошенное на произвол судьбы добро бежавших лиц; укрывавшихся или

¹ Hippolyt. Comment. in Dan., IV, 19, ed. Achelis.

² „Περὶ τοῦ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ καὶ περὶ τοῦ ἀντιχρίστου,“ ed. Achelis, v. I, стр. 3—47. Русск. перев.: Ипполит, еп. римский. Творения, изд. Казанск. дух. акад., вып. I, Казань, 1848. Ср.: K. Neumann. Hippolytus von Rom in seiner Stellung zu Staat und Welt. Leipzig, 1902.

³ C. Bunsen. Hippolytus und seine Zeit, II. Leipzig, 1853, стр. 299.

⁴ Там же, стр. 299.

⁵ Hippolyt. Ant., 28, стр. 19, 10: κνημαὶ σιδηραῖ, θηρίον φοβερόν καὶ „ἔχθαιμον“ Ῥωμαῖοι σὶ νυν κρατοῦστές.

⁶ Epist. can., VII: „περὶ ἐγκαταλεχθέντων τοῖς βαρβάροις“, can. V: αὐτοὶ ἄλλοις Βαράδοι καὶ Γότθοι γίνονται (MPG 10 стр. 1040, 1037).

спасшихся от пленения богачей обращали в рабов, принуждая их к тяжелой работе, а незнакомым с местностью „варварам“ указывали путь и дома знатных лиц. Были нарушены все социальные порядки, все нормы жизни и взаимоотношений, охраняемые римским государством. Церковные руководители в лице епископа Неокесарии Григория Тавматурга строго осудили это стихийное восстание, в котором принимала участие и христианская беднота, и запечатлели свой суровый приговор в церковных канонах, вошедших потом в Синтагму Матфея Властаря и даже в Славянскую Кормчую.

Так как послание Григория остается еще неизвестным в нашей исторической литературе, то здесь мы даем его перевод с небольшими сокращениями мест, не представляющих для нас большого интереса.

„Не тяготит нас, священнейший отец, пища, хотя и ели пленники то, что было предложено им владельцами их, особенно, когда все согласено говорят, что варвары, вторгнувшись в наши страны, не принесли жертв идолам.¹ Не тяжело и то, что пленные женщины растлены варварами, надругавшимися над их телами“. „Но тяжкое дело есть корыстолюбие, и невозможно в одном послании изложить божественные писания, в которых не только грабеж и присвоение чужого ради гнусной алчности, но и вообще корыстолюбие считается мерзким и страшным делом, и всякий, виновный в этом, подлежит отлучению от церкви божьей“.

„А то, что во время вторжения, среди такой скорби и слез некоторые дерзнули такое время, принесшее всем погибель, считать для себя временем, удобным для корысти, — это свойственно людям нечестивым и богопротивным, дошедшим до крайней степени бесстыдства. Посему признается справедливым всех таковых отлучить от церкви, дабы из-за них не пришел гнев [божий] на весь народ“.²

„Если же некоторые, неся наказание за прежнее корыстолюбие, содеянное во время мира,³ в такое время гнева [божьего] снова обращаются к нему, наживаясь на гибели и крови людей, изгнанных, плененных или убитых, то чего другого следует ожидать, как не того, что обуреваемые корыстолюбием увеличат гнев [божий] и для себя и всего народа. . . Ибо они теперь [берут] то, что принадлежит братьям, наживаясь от пагубной корысти“.

„Никто пусть не обольщает себя тем, что он будто бы нашел что-либо, ибо непозволительно пользоваться и найденным. . . Если же непозволительно обращать в свою пользу собственность того, который во время мира по беспечности или расточительности потерял ее, будь то брат или враг, то тем более [нельзя пользоваться] собственностью того, который вследствие бедствия или бегства от врагов по необходи-

¹ Здесь послание имеет в виду то, что во время плена христиане могли есть предложенную им варварами идоложертвенную пищу, вкушать которую было запрещено христианину. Григорий и разъясняет, что это „не тяготит“, т. е. не причиняет тяжкого греха.

² Epist. can., II, стр. 1025, 1028. Комментаторы Зонара и Вальсамон объясняют, что здесь имеется в виду случай вторжения христиан в жилища плененных варварами лиц и расхищения их имущества. В Славянскую Кормчую этот канон вошел в такой редакции: „В варварское нахождение своих сосед или инех своей страны богатство восхитившие, zelo суть нечестия и богу ненавистни и много перемножество злобы имеша, да будут убо отвержены: да не когда погибнет праведный с нечестивыми“. (правило 4).

³ Т. е. до вторжения варваров. Из этих слов можно заключить, что и до нашествия европейских племен в Понте происходили волнения.

мости оставил ее".¹ „Иные обольщают себя, удерживая найденную чужую собственность вместо своей утраченной. Таким образом, как бораны и готы поступили с ними вражески, так и сами они сделались боранами и готами для других".²

„Возведено также нам нечто невероятное, случившееся в области вашей, совершенное, без сомнения людьми неверными и нечестивыми, не познавшими даже имени господа, как будто некоторые дошли до такой лютости и бесчеловечия, что удерживают у себя в неволе некоторых пленников, спасшихся от врага. Пошлите кого-нибудь в область для расследования сего, да не падет молния на поступающих так“.

„А тем, которые в плену присоединились к варварам и вместе с ними нападали, забыв, что были понтийцами и христианами, и ожесточились до того, что убивали своих единоплеменников или палкой или через повешение, а также указывали дороги и дома незнакомым с местностью варварам“, — таковым должно преградить вступление в разряд слушающих,³ пока что-либо решат о них сообща святые отцы, собравшись вместе, и прежде них — дух святой“.⁵

„Дерзнувшие же учинить нападение на чужие дома, если после обвинения будут уличены, да не удостоятся даже и чина слушающих. Но если сами о себе объявят и возвратят похищенное, то в чине обращающихся да припадают“.

„А те, которые нашли что-либо на поле или в домах своих, оставленное варварами, если после обвинения будут уличены, да будут равным образом в чине припадающих; если же сами о себе объявят и отдадут [найденное], то да удостоятся и молитвы“.

Помимо церковного наказания, как указывает Вальсамон, к тем, „которые сделались единомысленными с варварами и стали злоумышлять против римского государства“, гражданские власти применили *lex Julia majestatis*. По этому закону за злоумышление против римского народа и его безопасности, за вооруженное восстание и убийство властей, за бегство к варварам и за оказание им помощи продовольствием, оружием, лошадьми, скотом и другими необходимыми им предметами понтийские повстанцы подлежали смерти.⁶ Закон определял таких лиц сжигать живыми или распинать.⁷

Волнения в Малой Азии во время вторжений 256—258 гг. не ограничились только районом Трапезунта. Они происходили на широком

¹ Epist. can., IV, стр. 1034. Возможно, что в этом каноне идет речь о захвате земель бежавших собственников и о разделе их между восставшими, так как Вальсамон в своем комментарии на это место ссылается на Василики, кн. 34, тит. 1, гл. 17, где сказано: „Возвращенные от врагов поля получают обратно прежние владельцы“.

² Epist. can., V, стр. 1037. Ср. Славянскую Кормчую: „И аще и сами что погубивше, и в того место чюжда восхитивше держат, сами ся прельщуют: от Ворад бо и Гоф пострадавшие, Вороде и Гофи быша другом своим“ (Правило 8).

³ Epist. can., VII, стр. 1040: „Τοὺς μὲν οὖν ἐγκαταλεχθέντας τοῖς βαρβάραις . . . καὶ ἐκβαρβαροθέντας δὲ ὡς καὶ φωνεῖν τοὺς ὁμοφυλοὺς ἢ ἑσὺν ἢ ἀγχῶνι υποδεικνύσαι δὲ ἢ ὁδοῦς ἢ οἰκίας ἀγνοεῖσι τοῖς βαρβάραις“.

⁴ Epist. can., VII, стр. 1040: „καὶ τῆς ἀκροάσεως ἀπαίρειν δεῖ . . .“. Термин „слушающие“ („ἀκροάμενοι“) относился к процессу вступления в христианскую общину, заключавшемуся в трех ступенях „покаяния“. „Слушание“ („ἀκρόασις“) вместе с верующими чтения священного писания) составляло вторую ступень.

⁵ Epist. can., VII, стр. 1040. Ср. Славянскую Кормчую: „Мудръствующий варварская пленницы, убивающе же едиородныя своя, и пути и дома варваром покаяюще, от послушания божественных писаний да упрязятся“ (Правило 10).

⁶ Ср. Dig., XLVIII, 4: „Ad legem Juliam majestatis“.

⁷ Ср. Dig., XLVIII, 19, 8, 2: „. . . hostes autem, item transfugae, ea poena adfiniuntur, ut vivi exurantur“; ср. 19, 38, 1: „. . . transfugae ad hostes aut vivi exurantur, aut furcae suspenduntur“.

пространстве и принимали различные формы. О волнениях и подавлении их в Ликии и Памфилии говорит нам одна надпись из г. Термесса, относящаяся ко времени правления императора Валериана.¹ При взятии вторгнувшимися европейскими племенами в 258 г. городов Халкедона, Никомедии, Никеи, Апамен, Прусы и других им помогали народные массы. Зосим отмечает только один факт. Он рассказывает, что при вторжении варваров в Вифинию, после взятия ими Халкедона, некий Хрисогон повел их в Никомедию. Он не только служил им проводником, он руководил взятием этого большого и богатого города и заслужил не только благодарность варваров, но получил и свою долю добычи.² Ясным становится то, что Хрисогон действовал не один, а, повидимому, стоял во главе значительного отряда местных повстанцев, объединившихся с варварами для борьбы против классового врага.

О широком распространении народных движений в Малой Азии в это время могут свидетельствовать и свирепые гонения на христиан. Поскольку оппозиция против римского гнета и существующего строя идеологически проявлялась в христианстве и поскольку христианские бедняцкие массы были проникнуты ненавистью к римскому господству и объединялись с пришлыми европейскими племенами, массовый террор римской государственной машины при подавлении восстаний должен был направляться и против христиан. Мы видим, что как раз в период вторжений 257—258 гг. император Валериан декретировал массовые гонения на христиан. Он запретил собрания христиан, приказал разыскивать и изгонять их пророков и проповедников и приговаривать к смертной казни тех, кто не пожелает поклониться римским божествам.³ И как раз наиболее свирепые гонения происходили в это время в Малой Азии.⁴ Мы знаем также, что и Марк Аврелий во время маркоманнской войны и Деций во время борьбы со скифами-гетами в Мезии и Фракии также начинали жестокое преследование христиан.

Так, всякое вторжение варваров вызывало гонение на христиан. Пусть сведения об этих гонениях сильно преувеличены и позднейшая церковная традиция разукрасила их различной фантастикой. Но самый факт гонений отрицать нельзя, и они служат для нас косвенным доказательством того, что массы христиан наравне со всеми угнетенными активно участвовали в антиримской народно-освободительной борьбе.

Своего наивысшего напряжения вторжения европейских племен в восточные провинции достигли при императоре Галлиене (260—268). Но как раз на это время падает и высшая точка развития народно-освободительной борьбы. Как известно, при Галлиене почти все провинции отпали от империи; там появились свои императоры, что свидетельствует о чрезвычайном развитии сепаратистского движения, приведшего к распаду централизованного государства (Кириад, Макриан, Баллиста, Оденат и Зенобия на Востоке; Постум, Лоллиан, Викторин и Тетрик в Галлии; Ингенуй, Регалиан и Авреол в дунайских провинциях; Сатурнин в Понте, Требеллиан в Исаврии, Пизон в Фессалии, Валент в Ахائه, Эмилиан в Египте, Цельс в Африке).

За отсутствием полноценных источников мы, к сожалению, не имеем возможности изложить ясно все события, связанные с этим грандиозным

¹ Cagnat, IGR, III, 481. Ср.: А. Ранович. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 94.

² Zosim., I, 35, 1.

³ Cyprian. Epist., 80.

⁴ Chron. Pasch. (ed. L. Dindorf), I, Bonn, 1832, стр. 481: „μεγίστων την Ἀσίαν ἀνασθησάντων διωγμῶν πολλοὶ ἐμαρτύρησαν“.

распадом империи и появлением такого количества „императоров“. Но ясно одно. Эти „императоры“ появлялись на фоне интенсивных вторжений в империю европейских и других племен и принявшей широкий размах народно-освободительной борьбы. Бессилие центрального правительства в борьбе против внутренних и внешних антирабовладельческих сил побуждало провинциальную знать взять власть в свои руки для защиты своих интересов и своего добра.

Хотя восстания легионов, выдвигавших узурпаторов, имели, конечно, и свои особые причины профессионального характера, тем не менее несомненно, что в это время недовольство, деморализация и мятежи солдат стояли в самой тесной связи с недовольством широких народных масс, с их открытыми выступлениями как против деспотического централизма, так и против местных богатых верхушечных слоев. Солдатские бунты шли навстречу в это время народно-освободительной борьбе, что пугало местную знать и заставляло ее организовать вооруженную самооборону.

Личности узурпаторов и характеристика их борьбы с центральной властью в многочисленных и неудовлетворительных источниках заслонили народные движения, направленные к тому, чтобы сбросить невыносимое господство римских колонизаторов и перешедшую на их сторону местную знать. Это главным образом порождало провинциальный сепаратизм.

С другой стороны, смешение у позднейших римских писателей этнических имен готов и гетов повело к тому, что позже стали называться термином „готы“ местные народности Мезии и Фракии, которые принадлежали этнически к гето-фракийской племенной общности и которых ранние писатели давали общее наименование „геты“. Поэтому освободительная борьба мезийского и фракийского народов подана позднейшими писателями в значительной части в аспекте борьбы римлян с готами, а также в свете политической борьбы между центральной императорской властью и отдельными претендентами на престол.

Это ясно видно из того, что, борясь с готами и узурпаторами, римские императоры, по рассказам писателей, тем не менее всю силу своего террора обрушивали на широкие круги провинциального населения, причем не останавливались перед массовым беспощадным уничтожением его.

Требеллий Поллион рассказывает, что Галлиен после победы над узурпатором Ингенуем обрушил на всех мезийцев жесточайший террор. Только после того как в большей части городов были истреблены все мужчины, его ярость была утолена. И никакие мольбы населения не могли отвлечь его от жестокости.¹ А в письме Галлиена к полководцу Венериану Требеллий Поллион вкладывает в уста императора такие слова: „Для меня недостаточно, если ты убиваешь только военных... Должен быть истреблен весь мужской пол, даже и старики и юноши без сожаления могут быть убиты. Уничтожай всякого, кто сказал злое против меня, против сына Валериана и наследника отца и брата... Руби, бей, режь, пойми мое желание, проникнись гневом моим, который я запечатлел своей рукою в этом письме“.²

¹ SHA, Trig. Tyr., 9, 3: „... in omnes Moesiacos tam milites quam cives asperissime saevit, nec quemquam suae crudelitatis exortem reliquit, usque adeo asper et truculentus ut plerasque civitates vacuas a virili sexu relinqueret“.

² SHA, Trig. Tyr., 9, 6, 7, 8, 9.

При всем сомнении в исторической достоверности этого письма, то, что в нем рекомендуется, было вполне в духе традиционных римских методов — водворять немое повиновение среди своих непокорных подданных. Но ведь следует обратить внимание на то, что Требеллий Поллион рассказывает нам только о войне Галлиена со скифами и готами. Чем же был вызван такой исключительно жестокий террор против мирного населения Мезии, если оно оставалось покорным?

В действительности мезийские и фракийские геты в это время вели ожесточенную борьбу против римского господства. Ко времени правления императора Клавдия II (268—270) при поддержке своих единоплеменников, пришедших из-за Дуная, они распротранили свое влияние также на Иллирию и Македонию, где римское господство было подорвано.¹ В 264 г. Галлиен сражался с ними в Иллирии, а в Македонии и Греции против них выступал полководец Галлиена Маркиан. Но эта, по сути дела, освободительная борьба покоренных народов в Балканских провинциях изображается в наших источниках как война римлян с готами, вследствие смешения этнических имен. Требеллий Поллион,² а за ним Аврелий Виктор, Евтропий и Орозий, упоминая об этих битвах, смешивают гетов с готами.

По Орозию, эти готы-геты до битвы с Клавдием в течение 15 лет, т. е. с 253 г., когда императором был Валериан, опустошали Иллирию и Македонию.³

Аврелий Виктор отмечает также, что готы-геты в Иллирии и Македонии были очень сильны, сделавшись ко времени правления Клавдия II почти оседлыми жителями, и он их пожелал разбить.⁴

Но когда Требеллий Поллион описывает краткую битву Клавдия II, он говорит, что, кроме готов, которые, по его словам, уже опустошали дунайские провинции, из-за Дуная вторгались „Scytharum diversi populi, Peuci, Grutungui, Austrogoti, Virtingui, Sigypedes, Celtae et Eruli“.⁵

Здесь грутунги (грейтунги) и австроготы — остготы, а виртингвы — тервинги, или вестготы. Но ведь Требеллий Поллион еще отдельно называет готов, и отсюда ясно, что он смешивает готов с мезийскими и фракийскими гетами.

Таким образом, знаменитая битва Клавдия II с готами приобретает иной смысл. Она была в одно и то же время войной и против внешних европейских племен и против покоренных гето-фракийских народностей дунайских провинций, которые поднялись на освободительную борьбу. По Требеллию Поллиону, в этой борьбе принимали участие и кельты, под которыми, вероятно, надо разуметь племена, обитавшие

¹ Zosim., I, 37, 1: „Ὅταν δὲ τῶν ἀμφὶ τὴν ἑβραν ἐν τοῦτοις, πάντα μὲν ἦν ἀναρχὰ καὶ ἀβοήθητα...“. Ср.: 37, 3: „... ἐν ἐσχάτῳ, δὲ καὶ τῶν ἐν Ἰλλυριοῦς πραγμάτων ἐκ τῆς τῶν Σκυθῶν ἐφόδου διαχειμένον καὶ πάσης τῆς ὑπὸ Ῥωμαίους ἀρχῆς ἐς τὸ μὴκέτι λοιπὸν εἶναι σαλευομένης“.

² Trebell. Poll. Vita Gallieni, 5, 6: „Gothis inditum est, occupatis Thraciis, Macedoniam vastaverunt, Thessalonicam obsederunt“; там же, 13, 9: „Gallienus interea vix excitatus publicis malis Gothi vagantibus per Illyricum occurrit et fortuito plurimos interemit“; там же, 6, 1: „Pugnatum est in Achaia Marciano duce contra eosdem Gothos, undi victi per Achaeos rececerunt.“

³ Oros., VII, 23 „Gothos jam per annos quindecim Illyricum Macedoniamque vastantes bello adortus incredibili strage delevit“. Ср.: Eutrop., IX, 11: „Hic Gothos Illyricum Macedoniamque vastantes ingenti proelio vicit.“

⁴ Aur. Vict. De caes., 34.3: „Gothi, quos diuturnitas nimis validos ac prope incolas effecerat.“

⁵ SHA, Claud., 6, 2.

в Родопе и Геме, — трибаллов, дарданов, скордисков и других, не желавших подчиняться Риму.

Ожесточенные сражения с римскими войсками происходили одновременно у Маркианополя, Византия, Фессалоники и еще в различных местах, где были расположены римские гарнизоны и где находились главные опорные пункты господства римских колонизаторов.¹ Это показывает, что гето-фракийские народности от Маркианополя до Фессалоники восстали против римского господства. Они объединились с вторгнувшимися европейскими племенами и сражались совместно с ними. Хотя победы Клавдия сыграли решающую роль в подавлении народно-освободительного движения и укрепления римского господства в восточных провинциях, однако народные массы не были покорены, так как сражения с ними происходили еще при Аврелиане и Пробе.

В 272 г. имп. Аврелиан сражался с гетскими народностями в провинции Гемимонте и в Европе. Вописк,² а за ним Евтропий и Орозий называют этих гетов готами.

В другом месте Вописк писал: „На своем пути [на Восток против Зенобии] он преодолел много всякого рода значительных стычек. Именно он победил варваров, которые сопротивлялись ему во Фракии и Иллирии и разбил даже на той стороне Дуная предводителя гетов Кеннабава или Каннабавда с пятью тысячами его людей и оттуда продолжал свой поход через Византий в Вифинию“.³ Однако тот же Вописк сообщает нам, что Аврелиан, возвращаясь из похода в Пальмиру через Европу в начале 273 г., разбил во Фракии карпов и получил от сената почетный титул *Carpicus maximus*.⁴ Таким образом, против Аврелиана как внутри, так и вне провинции Фракии выступали гето-фракийские племена и среди них самые могущественные в Карпато-Дунайском районе карпы. Они были разбиты и вынуждены были признать римскую власть, причем карпы были поселены во Фракии, вероятно в Родопской горной области.⁵

Весьма примечательно также и то, что, по рассказу Вописка, победоносный Аврелиан совершил свой триумфальный въезд на Капитолий в колеснице, запряженной четырьмя оленями, которых он отнял у „готского вождя“. В этой колеснице, как „готский повелитель“ (*Gothicus maximus*), он въехал на Капитолий, где принсс оленей в жертву Юпитеру.⁶

Это служит новым доказательством того, что у Вописка под готами скрываются геты. Известно, что олень в культе и мифологии гето-фракийских народностей Карпато-Дунайского района играл очень значительную роль. Культ этот с образованием восточнославянских племен был воспринят последними и в частности потомками карпов тиверцами, как показывает один рельеф, найденный в начале XX в. в с. Буше

¹ Trebell. Poll., Vita Claudii, 9, 3, 7, 8, 9.

² Vopisc. Vita Aureliani, 17, 2, 3.: „Gothi oppugnandi sunt Gothi a Thraciis amovendi, eorum plerique Haemimontum Europamque vexant, qui te pugnante fugerunt omnes exercitus thracicos omnes Illyricos, totumque limitem in tua potestate constituo“.

³ SHA, Aurel., 22, 2.

⁴ Там же, 30, 4: „... pacato igitur oriente in Europam Aurelianus rediit victor atque illic Carporum copias adflixit“.

⁵ Там же, 31, 3; 41, 8. Ср.: Aur. Vict. De caes., 39, 43; Eutrop., IX, 13; Oros., VII, 23, 4.

⁶ SHA, Aurel., 33, 3.: „... fuit alius currus quattuor cervis iunctus qui fuisse dicitur regis Gothorum, quo, ut multi memoriae tradiderunt, Capitolium Aurelianus invecus est, ut illic caederet cervos, quos cum eodem curru captos vovisse Jovi optimo maximo ferebatur“.

над Днестром и изображающий сцену поклонения оленю. Этот культ и до настоящего времени сохранил свой след в буковинских и вообще в западноукраинских колядках, знающих „звіря оленьця“ и „Дунай річку“.¹

Вописк упоминает также, что за триумфальной колесницей Аврелиана вели десять женщин „*quas virili habitu pugnantibus inter Gothos ceperat, cum multae essent interemptae, quas de Amazonum genere titulus indicabat*“.² Но это были не готские, а гетские женщины, так как обычай, обязывавший женщин принимать участие в сражениях с врагом наравне с воинами-мужчинами, был весьма распространен среди гетов, и в частности даков, о чем упоминает Кассий Дион при описании дакийских войн Траяна.³

Ясно, что Вописк, а за ним и другие писатели смешивают готов с гето-фракийцами дунайских провинций, которые вместе с карпами и другими племенами Карпато-Дунайского района продолжали свою освободительную борьбу и были разгромлены Аврелианом.

Но и при императоре Пробе империя должна была вести борьбу против народов Балканских провинций.

По Вописку, сенат при восшествии на престол Проба приветствовал его как победителя готов еще во время правления Аврелиана.⁴ Но затем тот же Вописк пишет о Пробе как императоре: „Он продолжал свой поход через Фракию, и все гетские народности (*Gelicos populos*), напуганные славой его деяний и подавленные прежде его мощью, сдались ему или заключили с ним мир“.⁵ Таким образом, Проб должен был снова подавлять сопротивление фракийцев. Вописк называет их здесь „гетскими народностями“, тогда как несколько раньше назвал их готами. Совместно с фракийцами сражались вторгнувшиеся во Фракию бастарны, гепиды, грейтунги, или остготы, и вандалы, которые также должны были покориться, причем бастарны в качестве дедитивцев были поселены, вероятно, в Родопской горной области.⁶ Однако вскоре же при Пробе снова произошло восстание фракийцев, в котором приняли участие и побежденные бастарны. По словам Вописка, „они нарушили верность Риму и, двигаясь пешие по всей стране и на кораблях, причинили немало ущерба римской славе“.⁷ Часть восставших была снова подчинена, остальные были уничтожены или с боем отступили за Дунай.

Это были уже последние попытки покоренных гето-фракийских народностей освободить себя и свои земли от римского порабощения. Продолжительные и крайне ожесточенные битвы, сопровождавшиеся опустошениями и гибелью значительной части населения, страшный террор против непокорных, разгром этнически родственных карпо-бастарнских племенных союзов, которые при вторжениях поддерживали внутри дунайской провинций народно-освободительную борьбу, ослабили силу народных масс Мезии и Фракии и их сопротивление стабилизирующейся политической и военной мощи империи. К тому же этно-политическая

¹ К. Баладыженко. Буковина и ее прошлое. Пгр., 1915, стр. 13.

² SHA, Aurel., 34, 1.

³ Cass. Dio, LXVIII.

⁴ SHA, Prob., 11, 9.

⁵ Там же, 16, 3: „... tetendit deinde iter per Thracias atque omnes Geticos populos fama rerum territis et antiqui nominis potentia pressos aut in deditionem aut in amicitiam recepit“.

⁶ Там же, 18, 1: „... ad Thracias redit et centum milia Basternarum in solo Romano constituit, qui omnes fidem servarunt“.

Ср.: Zosi m., I, 71, 1.

⁷ SHA, Prob., 18, 1, 2.

ситуация в Карпато-Дунайском районе к концу III в. существенно изменилась. Вместо обескровленных и потерявших силу союзов гето-фракийских племен теперь появились новые большие союзы германо-сарматских племен, с которыми империя вступает в военные и дипломатические соприкосновения.

Последняя вспышка освободительной борьбы покоренных гето-фракийских народных масс падает на время Диоклетиана. Источники говорят, что в 295 г. бастарны и карпы, поселенные Аврелианом и Пробом в Родоне, снова восстали, уже как новые римские подданные, но были разгромлены цезарем Галерием в ряде кровопролитных битв, после чего четыре правителя вновь образованной тетрархии приняли почетные титулы „*Carpici Maximii*“ и „*Gothici Maximii*“.¹

В результате восстания значительная часть карпов и бастарнов была уничтожена, а остатки их были расселены по различным провинциям. Это была одна из самых блестящих войн реорганизованной империи, о которой вспоминает панегирист Констанция Хлора, когда говорит о *Dacia restituta*.² Она закончила грандиозную эпопею освободительной борьбы на Дунае. Народные массы восточноримских провинций были усмирены. И, может быть, большое гонение на христиан Диоклетиана в переоформленных церковной традицией легендах отражает перед нами часть тех кровавых событий, которые были связаны с их основательным усмирением.³

¹ Eutrop., IX, 25, 2: „*Varia deinceps et simul et viritim bella gesserant Carpis et Bastarnis subactis...*“; Oros., VII, 25, 12: „...postea per eosdem duces strenue adversos Carpos Basternasque pugnatum est“. Ср.: Aur. Vict. De caes., 39, 43; Jordan., Romana, 299.

² Paneg. lat., ed. Baehrens, V, 3.

³ Ср.: H. Delehaye. Saints de Thrace et de Mésie, Analecta Bollandiana, XXXI, 1912, стр. 258—274.

Р. М. БАРТИКЯН

**К ВОПРОСУ О ПАВЛИКИАНСКОМ ДВИЖЕНИИ В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ VIII в.**

Преследование павликиан, начатое императором Юстинианом II, продолжалось при его преемнике Филиппике (711—713). Феофан говорит, что „Филиппик изгнал армян из своей страны и принудил их переселиться в Мелитену и в IV Армению“.¹ Лебо, основываясь на этом сведении Феофана, делает вывод, что Филиппик для защиты Малой Армении от арабских нашествий переселил армян из Великой Армении и поселил их в Мелитене и в IV Армении.² Эту мысль разделяли греческий историк Папарригопуло³ и армянский историк Лео.⁴

Но Филиппик не мог поселить армян в Мелитене и в IV Армении, потому что эти территории уже были, как указывает Михаил Сириец, в руках арабов.⁵ Михаил Сириец уточняет сведение Феофана. „В то время, — говорит он, — ромейский император Филиппик изгнал армян из своей империи. Они вышли и нашли убежище у арабов. Последние их поселили в Мелитене, в ее окрестностях и в IV Армении. Армяне очень размножились, укрепились и стали союзниками арабского государства и противниками ромейской империи“.⁶

Возникает вопрос, почему император Филиппик преследовал и изгнал армян из своей империи? Ответ на этот вопрос дает тот же Феофан. Он, говоря о происходившем переселении императором Константином V во Фракию армян из самой Мелитены, как и из Феодосополя (Карин), где нашли убежище преследовавшиеся Филиппиком армяне, показывает, что благодаря им во Фракии распространилась павликианская ересь.⁷

Из этого видно, что Филиппик преследовал не просто армян, а армян-павликиан, т. е. продолжал по отношению к ним политику своего предшественника Юстиниана II. Таким образом, павликиане становятся временно союзниками арабов в их борьбе против Византии. Об этом союзе говорит и армянский писатель, современник этих событий католикос

¹ Theophanis chronographia, t. I. Ed. de Boor. Lipsiae, 1883, стр. 382.

² Ch. Lebeau. Histoire du Bas Empire, t. XII, Paris, 1831, стр. 86.

³ К. Παπαρρηγοπούλου. Ιστορία του Ἑλληνικοῦ Ἔθνους, ἔκδ. ἑκτα, Ἀθήνα 1932, том. Γ, σ. 271.

⁴ Հին Պատմագիտիկ Հայաց, Երեւան, 1947, II. էջ 414.

⁵ Michel le Syrien. Chronique, t. II. Ed. J.-B. Chabot, Paris, 1901, стр. 482. Эта точка зрения принята М. В. Левченко: История Византии. М.—Л., 1940. стр. 118.

⁶ Michel le Syrien, ук. соч., стр. 482.

⁷ Theophanis chronographia, I, стр. 429.

Иоанн Одаунский. „И ухищряясь [павликиане] нашли [подобающее] их злобности убийственное против христоролюбивых людей оружие, войдя в союз с порабощителями [арабами]“.¹

Пока павликиане находились главным образом под византийским владычеством, они мало общались с Восточной Арменией, поэтому о них и не упоминается в армянских источниках до их переселения. Но когда они вошли на армянскую территорию, находившуюся в то время под арабским владычеством, это не могло не тревожить армянских феодалов и главным образом армянское духовенство. Не случайно, что о них первым писал Иоанн Одаунский, занимавший пост католикоса в 717—728 гг. Не случайно и то, что именно тогда, в 720 г., собирается в столице Армении Двине церковный собор, в числе решений которого имеется специальное „32-е правило“, направленное против павликиан.

Преследование павликиан продолжается и при Льве III Исавре. В его время множество павликиан во главе с ересиархом Гегнесием Тимофеем из Эписпариса переходит границу и вступает в Мананалис.

Но положение павликиан, проживавших на занятой арабами территории Армении, скоро изменилось. Во время халифа Хишам (724—743) налоговая политика арабов в Армении резко изменилась. В 725 г. Хишам послал в Армению своего военачальника Херта для проведения переписи и установил новые добавочные налоги. Хишам „в первом году своего владычества (725 г.), — пишет историк VIII в. Гевонд, — возымев злой умысел, посылает некоего военачальника, имя которого было Херт, произвести перепись в стране Армянской, чтобы утяжелить комут [бремя] ига подвластности различными бедствиями... И многие тяготы причинил он нашей стране, так что все стонали от не дающих покоя утеснений, вследствие чего никто не мог переносить невообразимые тяготы. И после этого еще более тяжела стала его власть [рука] над страной нашей Армянской“.²

Моисей Каланкатуйский ясно показывает, что вошло в перепись: „В 174 году армянского летосчисления [725 г.], — говорит Моисей, — летом был падеж скота, а зимой была перепись Херта, который установил бесчисленные налоги на людей, скот и участки земли“.³

Таким образом, перепись охватила, кроме людей, скот и поля. С этого времени армяне принуждены были платить арабской казне подушный налог, налог на скот и землю, тогда как прежде налог платился только с каждого дыма.⁴ Введение новой системы налогов — подушного, земельного и с поголовья — усилило гнет для трудового населения.

Это тяжелое бремя не могло не распространяться и на находившихся под арабским игом павликиан. И не случайно, что когда в 748 г. нахарар Григорий Мамиконян, используя внутренние трудности и борьбу за престол в арабском халифате, пытался поднять восстание против арабов, армяне-павликиане стремились принять участие в этом восстании.

¹ Յովհաննու Օճաւնայի Աւանդույ Մատենադրութիւնը, Կենտրոն, 1833, էջ 34.

² Հեւոնդի Արեւիկայի Վարդապետի Հայոց Պատմութիւն, Ս-Պետերբուրգ, 1887, էջ 100—101.

³ Մոյսէի Կալանկատուայի Պատմութիւն Աղուանիք աշխարհի, Քիֆլիտ, 1912, էջ 368.

⁴ Акад. Я. А. Манандян. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939, стр. 9.

Повстанцы во главе с Григорием Мамиконяном уповали на крепость страны Тайской, „отправившись вместе со всеми своими домоочадцами и всем скарбом; особенно они уповали на войска царя греческого, которые были в областях Понта, ибо было между ними и греческими войсками с соизволения кесаря Константина мирное соглашение“.¹

В то время, когда армянское войско находилось в Понте, к нему примкнули такие люди, которых Гевонд называет „сынами греха“. „И все сыны греха, — пишет историк, — отправившись, присоединились к войску восставших; те, что не знали ни страха божьего, ни боязни перед князьями, ни почтения к старцам, но, как иноплеменные и отчужденные, учиняя набеги, захватывали своих братьев и соплеменников и совершали великие ограбления, причиняя мучениями и побоями страдания своим братьям“.²

На упоминание этих „сынов греха“ и на выяснение того, что в действительности скрывалось под этим обозначением, еще не было обращено должного внимания. Армянский историк Лео называет их „подонками общества“ и „мерзавцами“.³ Я. А. Манандян же и не упоминает о них, а в учебнике истории армянского народа, который вышел в свет в 1951 г., „сыны греха“ отождествляются со всеми повстанцами, со всем народом.

Из этого ценного сведения Гевонда ясно, что „сыны греха“ были армяне, иначе историк не назвал бы их „иноплеменными и отчужденными“. Кроме того, эти армяне „не боятся ни бога, ни князей“. Кем могли быть они в середине VIII в., в тогдашней Армении, кроме павликиан? Подтверждение этого мы находим у Петра Сицилийского. Он сообщает о том, что после смерти павликианского ереснарха Гернесия-Тимофея, умершего в 747 г.,⁴ ереснархи Иосиф и Захарий, возглавляя павликиан Мананалиса, пытались бежать из-под арабского владычества и перейти византийскую границу. В то же время он говорит, что арабы преследовали их и устроили резню среди сторонников Захария. Иосиф едва спасся со своими сторонниками и перешел византийскую границу.⁵ Возникает вопрос: почему арабы преследуют павликиан? Ответ на него (на основе сведений Петра Сицилийского) дает Гевонд: они хотели присоединиться к восстанию Григория Мамиконяна против арабов.

О развитии событий сообщает тот же Петр Сицилийский. Павликиане приходят в Эписпарис, где „их с большой радостью встречают местные жители; все, зажегши лампады, с большим почетом... встречали его [Иосифа], как будто [он был] учеником Христа“.⁶ Таким образом, можно сделать вывод, что и жители Эписпариса были павликианами.

Вероятно, бежавшие из Мананалиса павликиане во главе с Иосифом и являются упомянутыми у Гевонда „сынами греха“, которые „присоединились к войску восставших“. Следует отметить, что имеющееся у Гевонда обвинение в том, что они захватывали своих братьев

¹ Հիւսնոյնայ Մեծի Հարգապետի Հայոց Պատմութիւն, էջ 123.

² Там же.

³ Լեւ, Պատմութիւն Հայոց, հտտ. II, էջ 395.

⁴ H. Grégoire. Pour l'histoire des églises pauliciennes — Καίνοχρόιον du Pont, Epiſparis en Φαναρία. Orientalia christiana periodica, vol. XIII, № 3—4, Roma, 1947, стр. 511.

⁵ Petri Siculi. MPG, 104, стр. 1285.

⁶ Там же.

и соплеменников и совершали великое ограбление, причиняя мучениями и побоями страдания своим братьям, относится ко всем павликианам вообще, а не только к тем, о которых идет речь в данном случае.

Гевонд рассказывает, что вслед за этими событиями и из-за них нахарары не пришли к согласию о восстании против арабов. Вследствие присоединения „сынов греха“ к повстанцам „нарушилось их единомыслие... и тут же князь Ашот, отбив от них, достиг области Багреванд, деревни Хазр и с ним некоторые из нахараров, и желал он прийти к согласию с сынами Исмаила“.¹

Армянские нахарары не хотели ни в коем случае вовлечь в восстание широкие народные массы, тем более павликиан, которых они боялись больше, чем арабов. Им было выгоднее продолжать эксплуатировать трудящихся армян под арабским владычеством, чем действовать в союзе с освобожденными крестьянами.

Движение армянских нахараров против арабского ига не было социальной борьбой. Нахарары, используя трудное положение арабов, пытались бороться за свою политическую независимость. Еще до начала восстания несколько нахараров предпочло воздержаться от участия в нем. Они, с одной стороны, конечно, боялись арабов, но, с другой, боялись самого армянского трудового крестьянства, потому что, все равно, борьба последнего скоро приняла бы чисто классовый характер и была бы направлена против армянских эксплуататоров. Поэтому князь Ашот советовал нахарарам не подымать восстания. „Если вы желаете принять мой совет, — говорил князь Ашот, — не делайте этого и будем платить им [арабам] налоги, как и до сих пор, и будем владеть нашим имуществом, садами, лесами и земельными угодьями“.²

Но приведенные выше сведения имеют свое продолжение. Петр Сицилийский рассказывает, что когда павликиане во главе с Иосифом прибыли в Эписпарис, то „узнав об этом, некий благочестивый муж из тамошних архонтов, по имени Крикоракес, со многими воинами окружил дом, в который прибыл ученик Манеса; его учеников он захватил, но [сам] он [Иосиф] бежал и укрылся во Фригии“.³

Интересно выяснить, кто же был „благочестивый архонт Крикоракес“? Петр Сицилийский пишет Крикоракес, а не Григоракес. Имя звучит более по-западноармянски,⁴ чем по-гречески, и возможно, что он был армянином. Крикоракес, по всей вероятности, был тождествен с Григорием Мамиконяном, преследовавшим павликиан, чтобы они не приняли участия в восстании.⁵

Благодаря этому интересному совпадению фактов выясняется ряд вопросов. Мы имеем точную дату бегства павликиан из Мананалиса в Эписпарис, а также побега Иосифа в Антиохию. Затем узнаем, что Эписпарис находится в Понте, так что подтверждается сведение Георг-

¹ Հեւոնդիայ Մեծի Վարդապետի Հայոց Պատմութիւն, էջ 123.

² Там же, стр. 122.

³ Petri Siculi, MPG, 104, стр. 1285.

⁴ Как известно, западные армяне звонкие согласные произносят как глухие. Ср., например, *Բայբերդ* (Байберд) — *Παυπερτ* у византийских авторов или *Գուրգեն* (Гурген) — *Κοιρκουαζ* и т. д.

⁵ Карапет Тер-Мкртчян (*Die Paulikianer im Byzantinischen Kaiserreiche und verwandte ketzerische Erscheinungen in Armenien*. Leipzig, 1893, стр. 125) думает, что в этом сведении отразился Григорий Магистр Пахлавуни, военачальник и философ XI столетия, который преследовал еретиков-тонадракцев. Но это невозможно, потому что Петр Сицилийский, писавший свою историю в IX веке, не мог говорить о личности XI века.

гия Монаха, что Эписпарис находится *ἐκ Ἀρμενιάκων*,¹ не в Армении, как поняли некоторые, а в Армениакской феме; что, как уже сказано выше, „сыны греха“ Гевонда — павликиане; место их нахождения Мананалис. И самое главное, этот факт, как и другие факты, показывает, что павликианское еретическое движение было не только социальным движением, направленным против эксплуататоров, но вместе с тем и могучим народно-освободительным движением, направленным как против Византии, так и против арабского халифата.

— — —

¹ Georgius Monachus, Chronicon, v. II. Ed. de Boor., Lipsiae, 1904, стр. 718.

Б. Т. ГОРЯНОВ

**РЕЛИГИОЗНО-ПОЛЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПО ВОПРОСУ
ОБ ОТНОШЕНИИ К ЛАТИНЯНАМ В ВИЗАНТИИ XIII—XV вв.**

Рассматривая религиозно-философскую борьбу в Византии XIII—XV вв. на основе исследования церковно-полемической литературы, необходимо выделить особо историю происходившей в это время внутри византийского общества борьбы по вопросу об отношении к латинянам, т. е. к западной католической церкви, в центре которой стояла борьба вокруг проблемы об унии между западной католической и восточной православной церквами. Эта проблема в буржуазной историографии изучалась в основном лишь с конфессиональной точки зрения.

Религиозно-полемическая литература против латинян своими истоками упирается в отдаленные времена византийской истории. В этой огромной литературе выдвинулись крупные византийские теоретики-богословы во главе с патриархом Фотием (858—867 и вторично 878—886),¹ перу которых принадлежит большое количество теоретических произведений, посвященных опровержению догматов западной церкви и дискуссии по важнейшим догматическим вопросам, издавна разделявшим западную католическую и восточную православную церкви, особенно по учению о троице. Ко времени разделения церковью (1054 г.) расхождения между обеими церквами коснулись также ряда новых второстепенных вопросов догматики, вызывавших ожесточенные споры. Однако проблема исхождения святого духа всегда оставалась в центре внимания западных и восточных богословов-полемистов.

Здесь, как и в отношении всей византийской литературы, нужно иметь в виду правильное утверждение Д. С. Лихачева о том, что „в литературе, как и в искусстве, господствующие классы Византии искали, прежде всего, общедоступное изложение религиозного учения и требовали от них, чтобы они всеяли уважение к государственной власти и власти церкви“.² В литературе, особенно церковной, господствующие классы Византии видели активную силу, содействовавшую укреплению феодального строя.³ Очень интересна мысль Д. С. Лихачева, что господство феодальной литературы не есть поглощение твор-

¹ Из большой литературы о деятельности Фотия в борьбе с западной церковью отметим лишь обстоятельную монографию Ф. М. Россейкиа „Первое правление Фотия, патриарха константинопольского“ (Сергиев посад, 1915), содержащую значительную библиографию.

² Д. С. Лихачев. Некоторые вопросы классового характера русской литературы XI—XVII веков. Известия АН СССР, Отделение литературы и языка, т. X, 1951, вып. 5, стр. 466.

³ Там же, стр. 461—462.

чества народа. „Господствующий класс только «господствует», но истинным создателем материальных и духовных ценностей выступает все же трудовой народ“. Новое в литературу феодалы вносили под влиянием новых требований¹ в связи с задачей „держать в узде эксплуатируемое большинство“.

Новый подъем религиозно-философской борьбы вокруг вопроса об отношении к латинянам совпадает с эпохой возникновения Латинской империи и не прекращается до конца византийской истории. Эта борьба обострилась тем, что господствующие классы государства Запада в союзе с папским престолом не оставляли мысли о восстановлении Латинской империи и с этой целью замыслили новые походы против Византийской империи.² Эти стремления зачастую находили поддержку внутри Византии в отдельных прослойках господствующих классов византийского общества. Как правильно отметил Д. С. Лихачев, „склонностью находить себе опору в чужеземной культуре во все времена и у всех народов отличались прежде всего господствующие классы“.³ Отдельные группы господствующих классов Византии пытались навязать всему византийскому обществу идею возобновления крестовых походов, пущенную в ход папским престолом на Лионском соборе 1274 г. и вызвавшую появление трактата Якова Витрийского (Jacques de Vitrey) „*Historia universalis*“. К этому же времени относятся и многочисленные предсказания о „великом вожде“, который якобы должен явиться для „спасения святой земли“ или даже о воскрешении Карла Великого, Фридриха Барбароссы или кого-либо другого, которые должны будут стать во главе нового ополчения крестоносцев.⁴ Насколько сильны были эти прослойки господствующих классов Византии, можно судить хотя бы по тому, что они в конце XIII в. возглавлялись императором Михаилом VIII Палеологом, стремившимся снова пустить в ход предложение о церковной унии, издавна служившее излюбленным орудием византийской дипломатии в поисках военной помощи Запада.

Длительные дискуссии по вопросу об унии восточной и западной церквей, которые не прекращались в Византии с момента оформления раскола в 1054 г., имели основным содержанием теоретически-богословское обоснование примата той или иной церкви. Над обоснованием теорий о примате римской католической или восточной православной церквей трудились представители той или иной прослойки византийского духовенства, а также идеологи отдельных группировок господствующих классов византийского феодального общества. Они заполняли свои капитальные труды бесконечным количеством цитат из сочинений „отцов церкви“ и постановлений вселенских соборов, дополняя их собственными объемистыми комментариями. В обширной литературе клерикальные и буржуазные историки занимались в основном догматической стороной вопроса, не уделяя никакого внимания анализу политического значения церковно-полемической литературы по вопросу об отношении к латинянам, поискам классовых корней расхождений по этому вопросу между отдельными прослойками господствующих классов Византии.

¹ Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 462—463.

² См. хотя бы: E. Dade. *Versuche zur Wiedererrichtung der lateinischen Herrschaft in Konstantinopol*. Jena, 1938.

³ Д. С. Лихачев, ук. соч., стр. 168.

⁴ F. Kampergs. *Die deutsche Kaiseridee in Prophetie und Saga*. München, 1895. См. нашу рецензию на книгу: A. Palmer A. Throop. *Criticism of the Crusade*. Amsterdam. 1940. Виз. вр., т. III, 1950, стр. 294—298.

Пренебрежение исследованием истинной подоплеку горячей полемики об отношении к латинянам привело к тому, что эти ученые не заметили ясных высказываний ряда византийских авторов. Между тем в сочинениях византийских полемистов имеется значительное количество высказываний по интересующему нас вопросу. Эти высказывания позволяют восстановить истинную сущность ожесточенной полемики, за которой скрывалась острая политическая борьба.

Политическая сущность теории тех группировок, которые боролись против подчинения византийской восточной церкви папскому престолу, наиболее ярко вскрывается в „*Oratio pro unione*“, которую Варлаам, как посланник византийского правительства, держал в 1339 г. в Авиньоне перед римским папой Бенедиктом XII. В этой речи Варлаам вскрывает причины, по которым население Византии резко настроено против унии и подчинения византийской церкви папскому престолу. „Знайте, — говорит Варлаам в этой речи, — что не столько различия в догматах отделяют от вас сердца греков (разрядка моя, — Б. Г.), сколько ненависть против латинян, вошедшая в их души из-за многих больших бедствий, которым греки в различные времена подвергались от латинян и еще теперь иногда подвергаются. Пока эта ненависть не будет уничтожена, уния не может состояться“ („...quod odium nisi prius abjiciatur ab eis, non poterit unio fieri“).¹

В своей речи Варлаам говорит об условиях, на которых население Византии согласилось бы забыть свою ненависть к латинянам и не возражать против унии. Для этого, говорил Варлаам, требуется, во-первых, чтобы короля французов уговорили послать военную помощь; во-вторых, чтобы дано было отпущение грехов всем, которые желают помочь в войне против турок; в-третьих, чтобы были освобождены все греки, где бы они ни находились, которые были проданы латинянам („ut omnes Graeci, qui fuerunt venditi a Latinis, ubicunque sint, liberentur“), чтобы греки более не продавались, чтобы те, кто их продают, либо покупают, либо идут против них, отлучались бы от церкви („...si quondam vendiderint, vel emerint eos, vel vadant contra eos, sint excommunicati“).

Прежде чем это будет совершено, в эти страны должны быть посланы ученые люди для проповеди среди народа при условии, если император предоставит им безопасность. Только при таких условиях народ Византии оценит эти благодеяния и почтено примет унию, даже без одобрения вселенского собора.²

Варлаам знал, что переговоры об унии происходят при сильном противодействии эксплуатируемых классов Византии. Переговоры могли вестись лишь секретно. Он говорит, что искать помощи ценою унии его послал не греческий народ, а император, притом секретно. Прежде чем в эти страны будет послана (военная) помощь, император не сможет открыться своему народу в том, что стремится к унии („...non communis Graecorum populus misit me, ut quaeram a vobis auxilium et unionem, sed imperator solus secrete; qui, nisi prius mittatur auxilium ad partes illas, non poterit manifestare se plebi suae, quod vult vestram unionem“).³ Лишь увидев помощь Запада, греки будут готовы принять речи ваших послов и исполнить их пожелания.⁴ Только тогда,

¹ MPG, 151, стр. 1336.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 1335.

говорит Варлаам, следует объединить греков с силами Запада, чтобы совместно идти против турок.¹

Во время Латинской империи обострилась борьба различных группировок господствующих классов византийского общества по вопросу об отношении к латинянам. В борьбу, которая затем продолжалась до самого конца византийской истории, были втянуты широкие слои населения империи. Большой интерес для исследователя представляют два памятника, не привлекавшие до сих пор внимания ученых, изучавших этот промежуточный период истории Византии.

Первый из этих памятников — письмо греков к папе Иннокентию III, являющееся ярким свидетельством усиления латинофильских тенденций в отдельных прослойках господствующего класса византийского общества, представители которых не рассматривали латинское завоевание как временное явление, считали возникшую в результате его Латинскую империю прочным государственным образованием и стремились найти общий язык с завоевателями, подчиниться их господству, чтобы сохранить свои классовые привилегии, слиться с господствующими классами иноземных пришельцев. Это письмо, написанное непосредственно после завоевания Константинополя латинянами в 1204 г., носит название „Graecorum ad Innocentium III pontificum romanum epistola scripta post captam a Latinis Constantinopolim, regnante Henrico imperatore“.² Этот памятник — образец раболепствующей угодливости господствующих классов перед завоевателями. Иннокентия III авторы письма называют своим господином, после многих поколений удостоившимся великой милости соединить Восток и Запад. За это великое деяние, говорят они, Иннокентий III должен стать и называться тринадцатым апостолом („ού, δέσποτα, μετὰ πολλὰς γενεᾶς ἡξιώθης ταύτης τῆς χάριτος, ἐνῶσαι τὴν Ἀνατολήν καὶ Δύσιν, καὶ ἀπόστολος τρισκαίδέκατος γενέσθαι καὶ ὀνομάζεσθαι“).³ Авторы письма, отражавшие интересы определенных групп господствующих классов, откровенно излагали в этом документе свои мысли о подчинении латинянам. „Мы думаем, — писали они в письме, — что мы должны иметь нашим императором Генриха и жить под его сенью“. Только „под сенью“ императора латинян Генриха авторы письма мыслят возможность работать по найму, обрабатывать землю, пасти стада и плавать по морю („ἤθεύειν καὶ γηπονεῖν, καὶ ποιμαίνειν καὶ πλέειν θάλασσαν“). Они обнаруживают отчетливое понимание значения своего содействия завоевателям. В своем письме они пишут, что без их участия не смогут быть наполнены гумно, виноградные чаны, не сможет выпекаться хлеб, добываться мясо, рыба, овощи („χάρις δὲ ἡμῶν οὐ πληρωθήσεται ἄλως, οὐδὲ ληνός, οὐδὲ βρωθήσεται ἄρτος, οὐ κρέας οὐκ, ἰχθύς οὐδὲ λάχανον“), вообще не сможет поддерживаться человеческая жизнь и государственное устройство („ἀλλ' οὐδὲ ἀνθρωπίνη ζωὴ καὶ πολιτεία σταθήσεται“). Во всем этом авторы письма обещают приложить все свои старания ради „братьев-латинян“, оказать всевозможную помощь в полной мере своих жизненных сил до самой смерти.⁴

К этому же кругу памятников относится трактат, приписываемый хартофилаксу храма св. Софии (уже при Латинской империи) Панталеону — „Tractatus contra errores graecorum, de processione spiritus sancti, de animabus defunctorum, de azymis et fermentato, de obedientia

¹ MPG, 151, стр. 1335.

² Оно было издано в „Monumenta Ecclesiae Graecae“ Johanni Baptistae Cotelerii, t. III, и воспроизведено в т. 140 MPG.

³ MPG, 140, стр. 293.

⁴ Там же, стр. 296.

romanae ecclesiae, editus Constantinopoli, in aedibus fratrum praedicatorum, anno Domini 1252".¹ Трактат, приписываемый Панталеону, не только был издан в 1252 г., но и задуман доминиканцами; отделение их ордена было основано в Константинополе после его завоевания латинянами.

В этом трактате² подробно излагается вся история раскола, приведшего к разделению восточной и западной церквей, причем вся вина в этом расколе безоговорочно возлагается на греков, т. е. на восточную церковь. Там же нашли отражение настроения известной части господствующих классов византийского общества, и греческие священники обвиняются в том, что они всякими способами, скорее действиями, чем словами, стараются причинить ущерб до сих пор нерушимой святой римской церкви. Всякого латинянина, говорится далее в трактате, которого они присоединяют к своей вере, они крестят либо тайно, либо явно. Эти священники, говорится далее, перекрещивают уже крещенных по латинскому обряду детей латинян при содействии матерей, без ведома отцов. Это, говорится в трактате, отвратительнее всех упомянутых безобразий („Quod omnibus dictis supra abominationibus detestabilius est“).³

Греческая церковь постоянно восстает против латинян, не перестает ее оскорблять и вносить в нее анафему („ecclesia graecorum se muniens et erigens contra latinos, non cessat iisdem insultare, rabiem praeveri-caricationis et anathematis imponendo“).⁴ Авторы трактата переходят даже к поэтическим сравнениям. Всякая вода, говорится в трактате, текущая в источнике, естественнее и чище, чем в ручейках, которые из него вытекают. Поэтому нужно предположить и верить, что в латинской церкви, от которой, как от источника, происходят ручейки, каноны истиннее и чище, чем в церкви греков.⁵

Ожесточенная борьба по вопросу об отношении к латинянам и к унии с западной католической церковью велась и в Никейской империи, вскоре после возникновения превратившейся в центр собирания сил, стремившихся восстановить Византийскую империю. Эта борьба достигла своего кульминационного пункта при никейском императоре Иоанне Ватаце III (1222—1254).

Пост патриарха, престол которого в это время находился в Никее, занимал Герман II (1222—1240), бывший служитель храма св. Софии в Константинополе, после завоевания Константинополя латинянами, как и многие другие византийские церковные иерархи, отправившийся к никейскому двору. Как известно, Иоанн Ватац III предпринимал попытки переговоров с римским престолом об унии, видя в этом одно из средств борьбы за восстановление Византийской империи. 26 апреля 1234 г. в Нимфее в Вифинии был созван собор для приема делегации римского папы Григория IX. На этом соборе рассматривались предложения Григория IX (1227—1241) о восстановлении единства церкви.

Значительная часть сочинений Германа II не издавалась. Ему принадлежит целый ряд богословско-теоретических произведений, направленных в защиту толкований восточной церкви, а также гомилий, в которых он подвергал резкой критике латинскую церковь. После

¹ Этот трактат был обнаружен в рукописи Баварской библиотеки и был издан профессором богословия Петром Стевартием Леодином в IV томе „Lectioes antiquae“, выходивших под руководством Канизия. О других сочинениях Панталеона говорится в примечаниях Фабриция с заметками Гарлезия (MPG, 98, стр. 1239).

² Jacobi Basnagii in tractatum contra graecos observatio. MPG, 140, стр. 485—486.

³ MPG, 140, стр. 550.

⁴ Там же, стр. 562.

⁵ Там же, стр. 562—563.

собора 1234 г. он обратился к Григорию IX и к кардиналам с обстоятельным письмом, в котором он выступал активным противником унии.

Большой интерес представляют для нас послания Германа II к жителям острова Кипр от 1235 г. В первом из этих посланий он в гневных выражениях обрушивается на латинян, захвативших Кипр, ранее счастливый и блестящий, по своей значительности выдвинувшийся в свое время в одну из наиболее важных епархий византийской церкви и превратившийся в архиепископство.¹ Но сатана, говорит далее Герман II в первом послании, вооружает варварские руки („*χείρας ὀπλίξει βαρβαρικής*“) и направляет вражеский народ против церкви („*πολέμιον ἔθνος ἐπίγειρε κατὰ τῆς ἐκκλησίας*“), народ, который все раздирает когтями, попирает ногами и разрушает все кругом („*σπαράσσει τοῖς ὄνυξιν, ἄλλα δὲ ποσὶ συμπατοῦν, καὶ ἀπλῶς τὰ πάντα πρὸς ἀφανισμόν ἀχραιοῦν*“).² Герман II обвиняет латинян в том, что они изгнали законного первого пастыря жителей Кипра, архиепископа Неофита, с его престола, и на его место посадили человека чуждого языка из латинского племени („*τις καὶ ἄλλοθροος ἄνθρωπος ἐκ λατινικῆς φυλῆς τῷ τοιοῦτῳ θρόνῳ ἐγκαθεσθεῖς*“).³ Во втором послании он призывает всех жителей Кипра, которые являются законными детьми православной церкви, „со всех ног“ бежать от священников, которые подчинились латинскому господству („*φεύγειν ὅλῳ ποδὶ ἀπὸ τῶν ὑποπεσόντων ἱερέων τῆ λατινικῆ ὑποταγῆ*“), не приходить к ним в церкви и не принимать от них никакого благословения, так как они подчинились латинской тирании („*τυραννίδι λατινικῆ*“).⁴

Выдающуюся роль в теоретическом обосновании теории примата константинопольского патриархата и вообще в теоретической борьбе против латинян, против объединения западной и восточной церквей сыграл никейский император Феодор II Ласкарь (1254—1258), чья государственная, литературная и научная деятельность в исследованиях византинистов получала весьма разноречивую оценку.

Феодор II Ласкарь был учеником известного деятеля культуры этого периода Никифора Влеммида. Главным богословско-теоретическим произведением Феодора II Ласкаря является „*Χριστιανικῆς θεολογίας λόγοι ὀκτώ*“, содержащее учение о боге, троице и об исхождении святого духа. Для нас особый интерес представляет его полемическое сочинение против латинян, посвященное вопросу об исхождении святого духа, которое он направил епископу Короны.⁵

Видным сторонником борьбы против латинян был также живший в Никее и носивший, как и его предшественники, титул константинопольского патриарха Арсений Авториан (1255—1260), бывший архиепископ Керкиры. Его взгляды по вопросу об отношении к латинянам можно проследить по сохранившемуся его завещанию „*Testamentum sanctissimi Arsenii archiepiscopi Constantinopolis novae Romae et oecumenici patriarchae*“.⁶ Он высоко ценил деятельность Федора II Ласкаря, как идеолога и теоретика антилатинских группировок, и отмечал в своем завещании, что он много боролся за него и за укрепление его власти.⁷

¹ MPG, 140, стр. 604.

² Там же.

³ Там же, стр. 605.

⁴ Там же, стр. 620.

⁵ Полное название этого произведения: Θεοδώρου μοναχοῦ τοῦ Λάσκαρι λόγος ἀπολογητικὸς πρὸς τὸν ἐπίσκοπον Κορώνης κατὰ τῶν Ἰταλῶν, ἤθουν κατὰ τῶν Λατίνων περὶ τοῦ Πνεύματος τοῦ ἁγίου.

⁶ MPG, 140, стр. 947—958.

⁷ Там же, стр. 949.

Он гневно клеймит Михаила Палеолога, узурпировавшего престол и, как известно, возглавившего пролатинскую группировку, сделавшегося одним из виднейших ее теоретиков и предпринявшего шаги к заключению унии с западной католической церковью. Арсений сурово осуждает Михаила Палеолога за то, что он после прихода к власти стремился привести восточную церковь в состояние подчинения Риму, безбожному и злокозненному („εις ταύτην τὴν ἀσέβειαν καὶ παντελῆ ἀπιστίαν τὴν τῶν Λατίνων ἠγωνίσαστο τὴν τοῦ Θεοῦ Ἐκκλησίαν ἄξει“), обрушился на церковь с гонениями, которые прекратились до этого на много лет.¹

В конце XIII в. основными представителями противоположных группировок в борьбе по вопросу об отношении к латинянам были Иоанн Векк и Григорий Кипрский. Иоанн Векк, бывший хартофилакс св. Софии при патриархе Иосифе (1268—1275), был противником латинян, в то время как архидиаконы Константин Мелитениот и Георгий Метохит уже выступали в пользу латинян.² Под впечатлением чтения произведений Никифора Влеммида и политики в пользу унии, проводимой Михаилом VIII Палеологом, он примкнул к пролатинской группировке и с этого времени, в том числе и в бытность свою патриархом (1275—1282), все время оставался на этих позициях. В 1282 г. он был смещен с патриаршего престола и умер в 1293 г.

Иоанну Векку принадлежит большое количество теоретических произведений, направленных в защиту унии с западной церковью, в том числе много неизданных. Наиболее объемистым сочинением в этой области является его „О единении и мире церквей старого и нового Рима“ („Περὶ τῆς ἐνώσεως καὶ εἰρήνης τῶν τῆς παλαιᾶς καὶ νέας Ῥώμης ἐκκλησιῶν“). В этом сочинении Векком предпринята была попытка исследовательски обосновать защиту унии, свести воедино все высказывания наиболее известных в древности и в его время церковных авторитетов по этому вопросу.

Григорий Кипрский, выдвинутый на патриарший престол (1283—1289) Андроником II, был главным противником Иоанна Векка и вообще крупнейшим теоретиком антилатинских группировок конца XIII в. Георгий Пахимер в VII книге своей „Истории“ уделяет деятельности Григория Кипрского большое внимание, подробно излагая его диспут с Иоанном Векком.

Борьба Григория Кипрского и Иоанна Векка была тесно связана с событиями, приведшими в правление Михаила VIII Палеолога к Лионской унии 1274 г.

Как известно, западные государства и после 1261 г. не оставляли своих планов завоевания византийской территории и восстановления Латинской империи. Падение Латинской империи ставило под непосредственную угрозу сохранившиеся и после восстановления Византии латинские феодальные владения в средней Греции и Пелопоннесе, обломки латинской Романии, „новой Франции“. Понимание этой угрозы выразил в своей „Жалобной песне о Константинополе“ французский трубадур Рютбеф:

Никто не глуп настолько, чтоб не видеть:
Когда утрачен будет ваш Константинополь,
То предстоит и княжеству Морее
Подвергнуться столь сильному удару,

¹ MPG, 140, стр. 956.

² К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, стр. 96.

Который поразит святую нашу церковь,
 Что тело не просуществует долго,
 Раз у него разбита голова.¹

Папский престол, с восстановлением Византии утративший свои позиции на Востоке, открыто становится во главе союза, формирующегося для возобновления борьбы против Византии. Единственное средство для предотвращения новой опасности Михаила VIII Палеолог видел в примирении с западной католической церковью, руководившей всеми крестовыми походами, а в данное время покровительствовавшей латинскому княжеству в Морее, в котором католическая церковь видела опору для дальнейшего наступления на Византию.

Лионская уния 1274 г. довела до небывалой остроты борьбу внутри византийского общества, которая теперь вышла далеко за пределы теоретически-богословской полемики. Михаил VIII Палеолог наполнял тюрьмы непокорными представителями клира и светских кругов, в том числе и своими родственниками, обвинявшимися за пропаганду против решений лионского собора в государственной измене.² В Фессалии был созван направленный против унии собор, на котором имели место резкие выступления против императора и Иоанна Векка, идеолога единения с западной церковью.³ Массы преследуемых бежали от правительства в среднюю Грецию, Трапезунтскую империю и в Болгарию.

С большими подробностями историю столкновений вождей двух противоположных группировок — Иоанна Векка и Григория Кипрского — передает Георгий Пахимер в первой и второй книге „Истории Андроника Палеолога“. По требованию Иоанна Векка был созван собор в присутствии Андроника II, работами которого руководили Григорий и александрийский патриарх Афанасий. Наиболее активными сторонниками Иоанна Векка на этом соборе были Константин Мелитиниот и Георгий Метохит. Внешним содержанием собора была богословская дискуссия об исхождении святого духа. На соборе был прочтен упомянутый нами „Εκδήσις“ Григория Кипрского.⁴ Против Григория Кипрского особенно резко выступали эфесский митрополит Иоанн Хил, Даниил из Кизика, Феолепт Филадельфийский, к ним присоединился великий логофет Музалон. Сторонники Григория Кипрского требовали, чтобы патриарх Александрии Афанасий подписался под изложением его символа веры. Это предложение встретило отказ Афанасия. Противники линии Михаила VIII после этого собора были подвергнуты суровым репрессиям.⁵

„Εκδήσις τοῦ τόμου τῆς πίστεως“ Григория Кипрского,⁶ вызвавшее такую страстную борьбу на этом соборе, является острым полемическим произведением. Его автор с гневом утверждает, что Иоанн Векк и его сторонники Константин Мелитиниот и Георгий Метохит замыслили гибель и катастрофу церкви,⁷ снова склоняли к прежнему отпадению,

¹ Цитируется по книге: Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 622.

² Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques, VII, 1934, стр. 357—358.

³ V. Grumel. En Orient après le concile de Lyon. Échos d'Orient, XXIV, 1925, стр. 321 сл.

⁴ Ф. И. Успенский, ук. соч., т. III, стр. 648.

⁵ In sequentia Georgii Cyprii scripta (i. e. „Εκδήσις“) monitum. MPG, 142, стр. 227—230.

⁶ MPG, 142, стр. 231—232.

⁷ Там же, стр. 239.

как бы охваченные духом раскола („φύσεως ἀποστάτιδος“).¹ Григорий Кипрский говорит, что догматы названных им лиц (Иоани Векк и его сторонники) являются такой клеветой, злом, настолько вредят разumu церкви, что если их отец Векк или кто-либо другой из его ревнителей будут на них настаивать, то их следует рассматривать как клеветников и оскорбителей святых отцов.²

Книгу Векка он называет ложной, призывает всех читающих ее считать ее несправедливой,³ а проповедуемые им догматы, подкрепляющие идею об единении церквей, — фальшивыми („δούρεια νόθα“).⁴

Религиозная политика Михаила VIII наталкивалась на упорное сопротивление не только со стороны духовенства, но и широких слоев населения.

Большую роль в литературно-полемиической борьбе вокруг вопроса об отношении к унии играл Никифор Влеммид (1197—1272). Крумбахер писал в своей „Истории византийской литературы“, что он принимал живое участие в борьбе по вопросу об унии, но его направление еще якобы нуждается в разъяснении. По мнению Крумбахера, Никифор Влеммид в этой борьбе между сторонниками унии и представителями „крайне ортодоксального“ направления занимал среднюю, примирительную позицию.⁵ Такая оценка взглядов Никифора Влеммиды представляется нам неосновательной. Примирительная тенденция у Никифора Влеммиды на самом деле проявлялась лишь в попытках устранить или смягчить разногласия между западной и восточной церквями по вопросу об исхождении святого духа. Этой цели были посвящены его речи: „Oratio prima demonstrans sanctorum patrum testimoniis per filium et ex filio spiritum sanctum dici ad Jacobum Bulgariae archiepiscopum“.⁶ и „Oratio secunda de nonnullis dogmaticis quaestionibus ad pium imperatorem Constantinopolitanum Theodorum Ducam Lascarim“.⁷

Если мы теперь перейдем к рассмотрению церковно-полемиической литературы по вопросу об отношении к латинянам в XIV в., то, как мы уже видели, основным содержанием чрезвычайно острой полемики была борьба варлаамитов и паламитов вокруг движения исихастов. Однако выдвигание на первое место длительной дискуссии по этому вопросу вовсе не означало, что борьба группировок по вопросу об отношении к латинянам ступала или даже отошла на второй план. Два направления в религиозно-философской борьбе развивались параллельно и вовсе не вытесняли одно другое. Исихасты, главной массой которых было монашество, особенно афонское, и их теоретически богословские покровители и последователи, паламиты, в основном занимали ярко выраженную антилатинскую позицию в этой борьбе. Варлаамиты и их сторонники, наоборот, придерживались пролатинской ориентации. Время, в которое происходила борьба варлаамитов и паламитов, совпадало с периодом острой классовой борьбы. Ее кульминационным пунктом было восстание, руководство которым осуществляла революционно-демократическая партия зилотов (1342—1349). Это еще более обостряло борьбу между противоположными группировками. Известно, что вождь

¹ MPG, 142, стр. 239.

² Там же, стр. 243.

³ Там же, стр. 237.

⁴ Там же, стр. 238.

⁵ K. K r u m b a c h e r. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 2 Auflage, 1898, стр. 446.

⁶ MPG, 142, стр. 533—566.

⁷ Там же, стр. 566—584.

и теоретик исихастов Григорий Палама, назначенный архиепископом Фессалоники, не был принят восставшими и захватившими власть зилотами, и ему удалось занять этот пост лишь после подавления восстания зилотов.

Нам уже приходилось отмечать речь Григория Паламы „О взаимном мире“, произнесенную им на третий день после прибытия в Фессалонику.¹ В этой речи Палама, характеризуя события в Фессалонике, напомнив об избиении динатов в 1345 г., призывал к классовому миру и покорности властям.

Приведем отрывок из простагмы Иоанна Кантакузина, утвердившего решения собора, созданного для осуждения Варлаама. В простагме содержалось обращение ко всем жителям столицы — священникам, монахам, всем гражданам и вообще ко всему народу. Император предлагает всем гражданам подчиняться решениям и постановлениям собора, отвернуться от тех, кто мыслит, как Акиндины, и от всех, кто возмущает против Григория Паламы.²

Кульминационного пункта борьба против латинян достигла в последнее полувековье византийской истории. Последние византийские императоры понимали, что без помощи Запада они не в состоянии противостоять нависшей опасности турецкого завоевания, и снова и снова пытались ставить вопрос об унии и подчинении римскому папскому престолу, рассматривая это как цену в обмен за военную помощь Запада. Несмотря на тяжелое внешнее положение империи, народные массы Византии, как и при Михаиле XIII, не хотели и слышать о подчинении византийской церкви Риму, и теоретики-богословы в своем большинстве не решались публично выступать в защиту унии. Поэтому в это время выдвигались лишь немногие представители пролатинского направления. Мы можем отметить Мануила Калеку, Максима Хрисоверга, Мануила Хрисолора. Среди полемистов, борющихся против унии, выделялись Иосиф Вриенний, Никита Мурсиниот, Нил Тарханиот и многие другие. Особенно острая борьба развернулась на Флорентийском соборе.

Столкновение группировок по вопросу об унии, происходившее на Флорентийском соборе, было предметом исследования Э. В. Удальцовой.³ Поэтому мы не будем касаться последней вспышки столкновений между противоположными группировками византийского общества в их отношении к латинянам и к заключению унии. Известно, что уния, принятая на Ферраро-Флорентийском соборе, была враждебно встречена широкими слоями населения Византии. Также и прибытие папских легатов в Константинополь накануне турецкого завоевания вызвало бурные протесты. Греки островов Корфу, Крита и отдельных районов предали унию анафеме.

В Константинополе тщательно скрывали события во Флоренции, опасаясь восстания. Исидор явился в Константинополь проповедником унии, но должен был убедиться, что большинство населения питало ненависть к латинянам. Храм св. Софии, где униаты пытались приобщить греков к западному обряду и где была провозглашена уния, считался оскверненным. Массы, стоявшие за антилатинскими группиров-

¹ Б. Т. Горьянов. Первая гомилия Григория Паламы, как источник к истории восстания зилотов. Виз. вр., т. I, 1947, стр. 261—166.

² MPG, 151, стр. 772.

³ Э. В. Удальцова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссариона Никейского в заключении унии. Виз. вр., т. III, 1959, стр. 106—132.

ками, сознавали, что уния влечет за собой утрату господствующей веры, языка. Как мы видели, эти взгляды находили отражение в литературных памятниках, которые мы пытались анализировать. Настроенные против латинян массы отождествляли помощь, ожидаемую от Запада, с водворением унии и католицизма, с обезличением народности, тем более, что эта помощь уже не могла спасти Византию от неминуемой гибели. Чувством обреченности наполнены выступления идеологов обеих группировок. Ни одна из них не могла противопоставить наступающим туркам-османам реального сплочения всех живых сил Византии.

В. Н. ЛАЗАРЕВ

ЭТЮДЫ О ФЕОФАНЕ ГРЕКЕ, ч. II¹

ФЕОФАН ГРЕК И МОСКОВСКАЯ ШКОЛА МИНИАТЮРЫ 90-х ГОДОВ XIV в.

Нам не известно, когда Феофан Грек покинул Новгород. Судя по тому глубокому следу, который он оставил в новгородском искусстве, есть все основания полагать, что его пребывание в Новгороде не было кратковременным. Из Новгорода Феофан, повидимому, поехал в Нижний Новгород, куда он мог попасть уже в 80-х годах. В связи с тем, что в 1378 г. татары пожгли церкви и монастыри Нижнего, а вместе с ними и находившиеся в них иконы, перед художником должны были встать здесь большие задачи по созданию новых декоративных ансамблей. Так как Епифаний ничего не сообщает нам о работах Феофана в этом городе, то мы остаемся в полном неведении относительно того, какие церкви были расписаны мастером. В 1390 г. Москва подчинила себе Нижний. Есть серьезные основания полагать, что именно около этого времени Феофан получил приглашение приехать в Москву. После Куликовской битвы экономическое и политическое значение Москвы стало быстро расти, и лишь здесь обрел прославленный мастер то широчайшее поле деятельности, которого он не мог иметь к концу XIV в. ни в Константинополе, ни в Новгороде, ни в Нижнем.

В Москве Феофан осел крепко. Его московские работы, упоминаемые летописями, охватывают промежуток времени в десять лет (между 1395 и 1405 гг.). Но отсюда отнюдь не следует, что Феофан не мог попасть в Москву несколько раньше, уже около 1390 г., и что он не мог задержаться здесь до конца дней своих. Одно косвенное обстоятельство доказывает длительность пребывания Феофана в Москве. И в 1395 г., когда Феофан расписывает церковь Рождества Богородицы, и в 1399 г., когда он украшает церковь Михаила, он работает не один, а, как выражается летописец, „со ученики своими“. Следовательно, мастер должен был иметь в Москве свою мастерскую, несомненно привлекавшую к себе всеобщее внимание и являвшуюся для 90-х годов XIV в. передовой художественной лабораторией, куда стекалась талантливая молодежь.

Феофан приехал в Москву в счастливые для нее годы, когда ее культура находилась на подъеме. Куликовская победа упрочила положение московского князя, сделав его ведущей фигурой среди многочисленных удельных князей. Дмитрий Донской, принудивший тверского

¹ См.: Виз. вр., т. VII, 1953, стр. 244—258.

князя признать себя „братом старейшим“ и разгромивший татар, подготавливал почву для своего сына Василия Дмитриевича (1389—1425), который успешно продолжал его дело. Он подчинил Москве Нижний, Городец, Мещеру, Муром, Тарусу, Суздаль, он содействовал усиленной стройке каменной Москвы, чей посад разрастался с такой быстротой, как ни в одном другом городе. Победа на Куликовом поле способствовала росту национального самосознания русского народа. Недаром в „Повести о Мамаевом побоище“, этом интереснейшем памятнике русской литературы, первая редакция которого относится еще к концу XIV в., Московское княжество рассматривается уже как Русская земля, а Дмитрий Иванович — как ее храбрый защитник.

Из письма Епифания явствует, что, попав в Москву, Феофан вступил здесь в прямые отношения с высшими кругами местного боярства, чье экономическое и политическое значение возрастало с каждым годом. Он расписывает три кремлевских храма, один из которых (церковь Рождества Богородицы) был воздвигнут супругой Дмитрия Донского великой княгиней Евдокией, другой же (Благовещенский собор) построен для великого князя Василия Дмитриевича. Его терем Феофан украсил великолепными фресками. Наконец, по словам того же Епифания, он работал для князя Владимира Андреевича, в чьем дворце он изобразил на стене вид Москвы. Этот Владимир Андреевич — не кто иной, как князь серпуховско-боровский (1353—1410), внук Ивана Калиты, двоюродный брат Дмитрия Донского, друг Сергия Радонежского и Афанасия Высоцкого.¹ Владимир Андреевич был выдающимся полководцем. Во время Куликовской битвы он командовал вместе с воеводою Дмитрием Боброком Волынским засадным полком, которому суждено было сыграть решающую роль в исходе сражения. Вместе с Дмитрием Донским он принимал участие в отражении литовцев, в обороне Москвы от набегов Ольгерда и нашествия татар, в защите Пскова от ливонских рыцарей, в походах на Новгород и Тверь. Выполняя поручения великого князя, он ходил на Ржев и взял Трубчевск и Стародуб. Это был очень одаренный и влиятельный человек, не боявшийся прекословить Дмитрию Донскому и Василию Дмитриевичу. После примирения с последним Владимир Андреевич был обязан, по договору, без ослушания садиться на коня и во время походов оставлять в Москве свою княгиню и детей. Второй пункт договора говорит о недоверии Василия Дмитриевича к своему родственнику, который был настолько весомой политической фигурой, что представлял определенную опасность даже для самого великого князя.

Таким образом, мы видим, что все московские заказчики Феофана принадлежали к самым высшим кругам знати и, что особенно важно подчеркнуть, все они были связаны с замечательной личностью Дмитрия Донского, которая в представлении людей того времени как бы воплощала идею национального освобождения: либо это была жена Дмитрия, либо его сын, либо его двоюродный брат.

Епифаний называет Феофана не только „среди иконописцев отменным живописцем“, но и „книги изографом нарочитым“. Это означает, что Феофан, как и большинство современных ему мастеров, был одновременно и фрескистом, и иконописцем, и миниатюристом. Епифаний

¹ О князе Владимире Андреевиче см.: П. Симсон. История Серпухова. М., 1880, стр. 18—46; А. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси. II. СПб., 1891, стр. 293—305.

показывал Кириллу Тверскому изображение константинопольского храма св. Софии, сделанное для него Феофаном. Это изображение, украшавшее четвероевангелие, несомненно было миниатюрой. А. И. Некрасов, основываясь на свидетельстве Епифания, сделал безуспешную попытку восстановить главные элементы погибшей феофановской миниатюры. С этой целью он использовал более поздние копии от 1423 и 1424 гг., украшающие „Часослов Кирилла Белозерского“ в Троице-Сергиевой Лавре (№ 16) и „Псалтирь Кирилла Белозерского“ в Библиотеке Кирилловского монастыря (№ 6).¹ К сожалению, в этих копиях, восходящих не к оригиналу, а к копиям с него, так много условного и приблизительного, что они почти ничего не дают для характеристики стиля утраченной миниатюры Феофана. В лучшем случае они помогают составить отдаленное представление лишь об иконографии листа. Повидимому, Феофан изобразил храм св. Софии в поперечном разрезе, сделав при этом попытку передать и систему перекрытия (подпираемый полукуполами большой центральный купол).

Так как деятельность Феофана как миниатюриста не вызывает никаких сомнений, поскольку она подтверждается свидетельством Епифания, вполне естественно поискать среди московских рукописей девяностых годов такие иллюстрированные манускрипты, которые по своему стилю были бы близки к Феофану. К счастью, два таких манускрипта сохранились. Хотя они известны историкам русского искусства, никто не обратил внимания на их связь с Феофаном и не подверг их тщательному изучению. Между тем эти два манускрипта занимают выдающееся место в истории древнерусской живописи. Есть серьезнейшие основания полагать, что они вышли из московской мастерской Феофана. В пользу этого положения может быть приведен целый ряд аргументов.

Первый из этих манускриптов — так называемое „Евангелие Кошки“, хранящееся в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (М. 8654).² Эта великолепная рукопись написана на дорогом, очень тщательно выделанном пергамене и заключена в роскошный серебряный оклад, разукрашенный литыми, прочеканенными фигурками, сканью и финифтью. Согласно надписи на окладе, „Евангелие“ было „оковано“ в 1392 г. „повеленьем раба божья Феодора Андреевича“. Как доказал В. К. Трутовский, упоминаемое в надписи лицо является боярином Феодором Андреевичем Кошкой.³ Будучи приближенным лицом великого князя, Кошка выполнял между 1389 и 1393 гг. ряд ответственных дипломатических поручений и пользовался очень большим влиянием (бояре Кошки были предками Романовых). Заказанное Феодором Андреевичем „Евангелие“ несомненно принадлежит к кругу тех

¹ А. Nekrasov. Les frontispices architecturaux dans les manuscrits russes avant l'époque de l'imprimerie, IV, Théophane le Grec et la coupole de Sainte-Sophie. *Recueil Uspenskij*, II, Paris, 1932, стр. 270—276.

² Арх. Леонид. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1880, стр. 19—21; Арх. Леонид. Надписи Троицкой Сергиевой Лавры. СПб., 1881, стр. 16, № 27; П. Симонов. Собрание изображений окладов на русских богослужебных книгах XII—XIII столетий, вып. первый, 1. Древнейшие церковные оклады XII—XIV столетий. СПб., 1910, стр. 5—6, табл. II-2; Б. Трутовский. Федор Кошка. Сборник статей, посвященных А. М. Савелову. М., 1915, стр. 290—299; Ю. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев, 1921, стр. 10—11; Ю. Олсуфьев. Опись древнего церковного серебра б. Троице-Сергиевой Лавры (до XVIII века). Сергиев, 1926, стр. 149—155; А. Свиринов. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 68—69. Размер „Евангелия Кошки“ 0,325 × 0,235.

³ В. Трутовский, *ук. соч.*, стр. 290—299.

Рис. 1. Страница из „Евангелия Кошки“. Ок. 1392 г.
 Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М., 8654, л. 1.

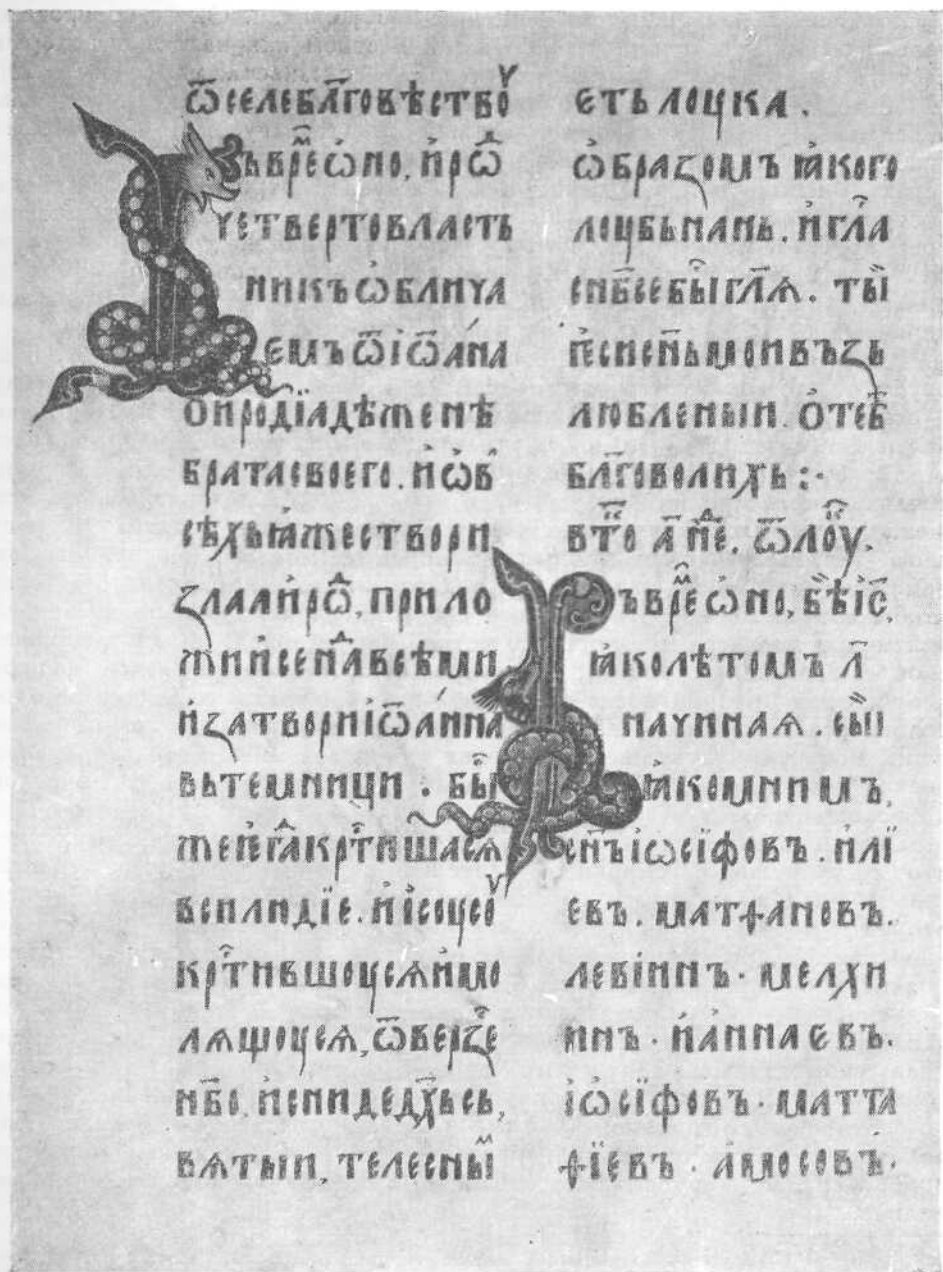

Рис. 2. Страница из „Евангелия Кошки“. Ок. 1392 г.
Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М., 8654, л. 128 об.

памятников, которые отражают вкусы московского боярства в эпоху, непосредственно следовавшую за Куликовской битвой.

В „Евангелии Кошки“ нет лицевых изображений. Оно декорировано только двумя заставками (рис. 1) и множеством инициалов, в которых растительные формы искусно объединены с животными (рис. 9—10). Мы находим здесь и драконов, и птиц, и дельфинов, и змей. Инициалы отделаны с чисто ювелирной тщательностью. Их густые, интенсивные краски — золото, синяя, темнозеленая, красная, желтая — придают им характер какой-то драгоценности. В отношении строгой архитектоники построения „Евангелие Кошки“ является непревзойденным шедевром древнерусского искусства, потому что ни в одной другой рукописи XIV в. мы не найдем столь же пропорциональных соотношений между полями, текстом, заставками и инициалами, которые образуют здесь неразрывное целое, отмеченное печатью редкой гармонии.

Внимательно всматриваясь в инициалы „Евангелия Кошки“, без труда убеждаешься, что они совсем не похожи на инициалы других русских рукописей XIV в. В последних безраздельно господствует так называемый „тератологический стиль“. Для него характерны два элемента: совсем плоские ременные плетения, образующие самые прихотливые и головоломные узоры, и предельно стилизованные изображения животных, подчиненные ритму орнаментальных линий.¹ В русском тератологическом инициале звериные мотивы неотделимы от ременных плетений, так что их нельзя изъять из инициала без того, чтобы тотчас же не распалась вся его композиция. Основой последней неизменно является не звериный мотив, как таковой, а то динамическое переплетение ремней, в котором как бы растворяется фигура зверя. Этот принцип последовательно выдерживается в любом тератологическом инициале, начиная от простейшего и кончая самым сложным. Вот почему украшения русских рукописей имеют столь специфический характер, с первого же взгляда позволяя опознать их русское происхождение.

Западные готические инициалы строятся по иному принципу. Вместо абстрактного ременного плетения в них используются растительные мотивы, главным образом побеги, которые расходятся во все стороны, порою целиком заполняя поле страницы. Если в инициалы вводятся фигуры животных или людей, то они почти не стилизуются, целиком сохраняя свой реалистический характер. При этом они ведут раздельное существование по отношению к инициалу, являясь как бы его искусственным привеском либо добавлением. Порою в инициал вкомпановываются целые сцены, воспринимаемые как вставленные в рамы картинки, живущие самостоятельной жизнью, никак не связанной с орнаментальными побегами заглавной буквы.² Начало графической стилизации играет в готическом инициале меньшую роль, нежели в русской тератологии, где оно господствует безраздельно.

¹ Ср.: В. Стасов. Славянский и восточный орнамент. СПб., 1884, табл. XLIX—LXXXIV; А. Некрасов. Очерки по истории славянского орнамента. СПб., 1913; Ф. Буслаев. Сочинения, III. Л., 1930, стр. 75—143; W. Born. Vor- und frühgeschichtliche Voraussetzungen der Tierornamentik in Russland. Wien, 1931; W. Born. Das Tiergeflecht in der nordrussischen Buchmalerei. Seminarium Kondakovianum, V, 1932, стр. 63—95; VI, 1933, стр. 89—108.

² A. Venturi. Storia dell'arte italiana, II. Milano, 1902, рис. 346, 347, 351, 352; H. Martin. La miniature française du XIII-e au XV-e siècle. Paris et Bruxelles, 1923, табл. 14, 19, 20, 22 и мн. др.; ср.: A. Van Moë. Illuminated Initials in Mediaeval Manuscripts. London, 1950.

Рис. 3. Инициал из „Евангелия Кошки“.
Ок. 1392 г.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8654, л. 59 об.

Рис. 4. Инициал из „Евангелия Кошки“.
Ок. 1392 г.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8654, л. 287 об.

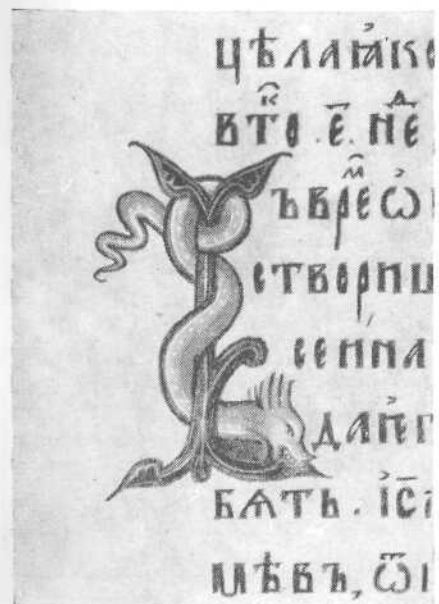

Рис. 5. Инициал из „Евангелия Кошки“.
Ок. 1392 г.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8654, л. 67 об.

Рис. 6. Инициал из „Евангелия Кошки“.
Ок. 1392 г.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8654, л. 189 об.

Рис. 7. Инициал из „Евангелия Кошки.“
Ок. 1392 г.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8654, л. 281 об.

Рис. 8. Инициал из „Евангелия Кошки.“
Ок. 1392 г.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8654, л. 100.

Рис. 9. Инициал из „Евангелия Кошки.“
Ок. 1392 г.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8654, л. 148.

Рис. 10. Инициал из „Евангелия Кошки.“
Ок. 1392 г.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8654, л. 76.

По своему общему характеру инициалы „Евангелия Кошки“ безусловно сродни памятникам западного круга. Они состоят из растительных побегов, в них животные — драконы, змеи, птицы, дельфины — сохраняют свою реалистическую подоснову, хотя они и входят органической составной частью в композицию инициала (рис. 2—10). Это достигается прежде всего свето-теневой моделировкой неизвестной русской тератологии, где и ременное плетение, и звериные мотивы даются совершенно плоскими. Автор этих инициалов, повидимому, видел западные рукописи, которые помогли ему решить новую художественную задачу — дать более объемную трактовку формы.¹ Западными образцами навеяны и те инициалы, которые лишены фигурок животных и состоят из одних побегов.² Но, с другой стороны, инициалы „Евангелия Кошки“ имеют немало общего с русским тератологическим орнаментом, что выражается в широком использовании звериных мотивов. Правда, все эти змеи, дельфины, птицы и драконы, такие живые и выразительные, совсем непохожи на фантастических, подвергнутых сильной линейной стилизации чудищ русской тератологии, однако общий русский источник звериных мотивов все же не подлежит сомнению.

Единственная крупная заставка „Евангелия Кошки“ (л. 4, рис. 1) обнаруживает очень большую близость к византийским рукописям. Мотив переплетающихся кругов хорошо был известен греческим мастерам, которые любили к нему прибегать в книжных украшениях.³ По своему красочному богатству и по своей орнаментальной изощренности заставка легко может сойти за греческую работу, в такой мере ей присуща чисто византийская пышность. К греческим источникам восходят и стволы букв, обыкновенно состоящие из двух стержней, которые завершаются либо листовым побегом, либо аканфом.⁴ Правда, византийцы очень любят усложнять вертикаль ствола „узлами“, однако, в виде исключения, они пользуются и гладкими стволами. Как и в византийских инициалах, стволы букв в „Евангелии Кошки“ разграфлены тонкими продольными золотыми линиями с мелкими поперечными черточками.⁵ В отличие от западных инициалов, где ствол и дуга то утон-

¹ Ср.: A. Venturi, ук. соч., II, рис. 221—223 (рождественное сохранение за фигурой животного, вкомпанованной в инициал, ее реалистической структуры); A. Venturi, ук. соч., III, рис. 446, 453 (близкая трактовка побегов и особенно их завершений); H. Martin, ук. соч., табл. 37, 59, 69; E. Millar. La miniature anglaise du X-e au XIII-e siècle. Paris et Bruxelles, 1926, табл. 95—96; E. Millar. La miniature anglaise du XIV-e et du XV-e siècle. Paris et Bruxelles, 1928, табл. 57, 80; L. Le François-Pillion. L'art roman en France. Paris, s. a., стр. 20 (реалистические мотивы птиц и зверей).

² Ср.: E. Bange. Eine bayerische Malerschule des XI. und XII. Jahrhunderts. München, 1923, табл. 64, рис. 178; E. Millar, ук. соч., табл. 46; H. Hermann. Die italienischen Handschriften des Dugento und Trecento, I. Bis zur Mitte des XIV. Jahrhunderts. Leipzig, 1928, табл. XXVIII (в серии „Beschreibendes Verzeichnis der illuminierten Handschriften in Österreich“, B. VIII, Teil V).

³ Ср.: J. Ebersolt. La miniature byzantine. Paris, 1929, табл. LXIX-3; M. Alison Frantz. Byzantine Illuminated Ornament. Art Bulletin, XVI, 1934, стр. 43—76, табл. VI-7, X-1, 2, 4, XXIV-1, 16; P. Buberl und H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften, 2. Die Handschriften des X—XVIII Jahrhunderts. Leipzig, 1938, табл. LI-1 (в серии „Beschreibendes Verzeichnis der illuminierten Handschriften in Österreich“, B. VIII, Teil IV). Не исключена возможность, что эта заставка является позднейшим добавлением. Вопрос этот еще нуждается в дополнительном обследовании. Золотая вязь под заставкой, как думает М. В. Щепкина, была введена позднее, на месте старой стержней киноварной (?) надписи. Пергамен в этом месте выдает следы спемзвки.

⁴ Ср.: В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. СХХIV - 17, 22, 24; В. Лазарев. Царьградская лицевая Псалтирь XI века. Виз. вр., III, 1950, рис. 7, 9.

⁵ P. Buberl und H. Gerstinger, ук. соч., табл. XV.

чаются, то утолщаются, что придает рисунку большую динамичность,¹ в византийских инициалах ствол имеет обыкновенно одну толщину.² Эта черта опять-таки сближает инициалы „Евангелия Кошки“ с византийскими прототипами.

Наша попытка выяснить истоки орнаментики „Евангелия Кошки“ ни в какой мере не должна затушевывать тот факт, что украшения этой рукописи имеют в рамках книжного искусства XIV в. совершенно уникальный характер (если не принимать во внимание очень близкий памятник — „Евангелие Хитрово“; об этом см. ниже). Ни в византийских, ни в западных, ни в русских манускриптах мы не найдем ни одной точной аналогии богатейшему декору „Евангелия Кошки“. Чем больше изучаешь инициалы этой рукописи, тем более поражаешься их необычайному разнообразию и редкой оригинальности. В средневековом орнаменте, как, пожалуй, ни в одной другой области прикладного искусства, господствуют традиционные приемы, ремесленные штампы. Нередко одни и те же мотивы повторяются сотни и тысячи раз. Совсем иное мы находим в инициалах „Евангелия Кошки“. Здесь в каждой детали чувствуется живое творчество, здесь всюду ощущается дуновение большого таланта, для которого, подобно Леонардо да Винчи, и орнамент был точкой приложения его неисчерпаемой фантазии. Только перелистывая эту рукопись и внимательно разглядывая один инициал за другим, можно по достоинству оценить ту бездну изобретательности, которую проявил украсивший „Евангелие“ художник. Он дает побегу в самых неожиданных сочетаниях, то переплетая их, то закручивая, то изгибая, то вытягивая по вертикали, то сдвигая, то надставляя друг над другом. И с этими побегими он остроумно сочетает фигурки животных — забавных драконов с по-человечьи выразительными мордочками, змей с гротескными личинами, птиц, дельфинов. Иногда он компанует букву из одних животных, проявляя и в этих случаях богатейшую выдумку. Можно без преувеличения утверждать, что на страницах „Евангелия Кошки“ орнамент зажил как бы новой жизнью, скинув с себя путы косной традиции.

Кто был этот мастер, внесший совершенно новую струю в книжное искусство? Все говорит за то, что мы имеем здесь дело с незаурядной личностью. „Евангелие Кошки“ было „оковано“ в 1392 г. Следовательно, оно было и написано около этого же времени. Как мы видели, в начале 90-х годов Феофан Грек должен был появиться в Москве. Само собой напрашивается предположение, что именно он и был тем художником, из мастерской которого было выпущено „Евангелие Кошки“. Лишь Феофан, несомненно видевший в Галате и Кафе западные рукописи, мог дать столь органичное и новое сочетание западных элементов с византийскими и русскими. И лишь его гений мог переплавить эти разноречивые элементы в единое целое. Рядовому мастеру решение такой труднейшей задачи было бы не по плечу.

Ставя так вопрос, мы отнюдь не хотим утверждать, что инициалы „Евангелия Кошки“ были выполнены собственноручно Феофаном. Ему принадлежит замысел, идея, а исполнителями могли быть и его ученики, и помощники, как это обычно практиковалось в средневековых мастерских. Феофан, „книги изограф нарочитый“, несомненно имел в Москве, как уже отмечалось, свою мастерскую, в которой он работал бок о бок с русскими. И поскольку перед Феофаном стояла задача

¹ A. Venturi, ук. соч., III, рис. 445—453.

² P. Buberl und H. Gerstinger, ук. соч., табл. XL, XLI, XLVII, LI.

компановать русские буквы, он мог дать полную волю своей фантазии, так как он уже не был связан канонами греческих стандартов. Здесь следует, быть может, искать одну из немаловажных причин его столь свободного орнаментального творчества. Русский мастер, за чьей спиной была многовековая традиция определенным образом строить славянскую букву, никогда не решился бы так резко сломать привычные представления о каллиграфии, как не осмелел бы их нарушить и византийский художник, если бы он оперировал с греческим алфавитом. Смелый эксперимент Феофана был возможен лишь на русском буквенном материале.

Точно датированное „Евангелие Кошки“ позволяет отнести к 90-м годам XIV в. еще одну рукопись, обнаруживающую большую к нему стилистическую близость. Это знаменитое „Евангелие Хитрово“, хранящееся в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (М. 8657).¹ Оно было пожаловано царем Феодором Алексеевичем боярину Богдану Матвеевичу Хитрово, который, будучи ценителем изящного, передал „Евангелие“ в ризницу Троице-Сергиевой лавры „для древнего письма“, как гласит надпись XVII столетия. „Евангелие Хитрово“ является, без сомнения, самой примечательной русской лицевой рукописью рублевской поры (рис. 11—33). В отличие от „Евангелия Кошки“ оно имеет богатый декор, который не ограничивается инициалами и заставками, а включает в себя также изображения четырех евангелистов и их символов (орел, ангел, бык и лев).

„Евангелие Хитрово“ датировали самым произвольным образом. Его относили и к концу XIV в.,² и к началу XV,³ и к середине XV,⁴ и даже к XVI в.⁵ При этом никто не сопоставлял его с „Евангелием Кошки“. Однако последняя рукопись, исполненная около 1392 г., как раз и служит ключом к решению вопроса о времени возникновения „Евангелия Хитрово“. В обоих манускриптах почти до точности совпадают инициалы [ср. л. 23 об. „Евангелия Хитрово“ (рис. 11) с л. 59 об. „Евангелия Кошки“ (рис. 3)—инициалы с птичкой; л. 8 (рис. 12) с л. 287 об. (рис. 4)—инициалы с диковинной рыбой; л. 16 (рис. 13) с 67 об. (рис. 5)—инициалы с дельфином; л. 180 (рис. 14) с л. 189 об. (рис. 6)—инициалы со змеей и фантастическим животным; л. 3 об. (рис. 20) с л. 128 об. (рис. 2)—инициалы с драконом; л. 21 об. (рис. 15) с л. 281 об. (рис. 7)—инициалы со змеей и птичкой; л. 93 (рис. 16) с л. 100 (рис. 8)—инициалы из лиственных побегов и многие

¹ Арх. Леонид. Славянские рукописи, хранящиеся в ризнице Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1880, стр. 17—19; Н. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. С.-Петербург, 1906, табл. CCCLXIX—CCCLXX; Ю. Олсуфьев. Опись лицевых изображений и орнамента книг ризницы Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев, 1921, стр. 16—24; А. Свириц. Сергиевский историко-художественный музей. М., 1925, стр. 50 (в серии „Подмосковные музеи“, вып. 5); И. Грабарь. Андрей Рублев. Вопросы реставрации, 1, 1926, стр. 103—104; D. Ainalov. Trois manuscrits du XIV-e siècle à l'exposition de l'ancienne Laure de la Trinité à Sergiev. Recueil Uspenskij, II, Paris, 1932, стр. 244—250; М. Алпатов—Н. Брунов. Geschichte der altrussischen Kunst. Augsburg, 1932, стр. 305—306; В. Владимиров и Г. Георгиевский. Древнерусские миниатюры. Изд. „Academia“, 1933, стр. 42, 79—80, табл. 51; А. Некрасов. Древнерусское изобразительное искусство. М., 1937, стр. 240; М. Алпатов. Андрей Рублев. М.—Л., 1943, стр. 10; А. Свириц. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 65—68. Размер „Евангелия Хитрово“—0,325×0,24.

² Ю. А. Олсуфьев, Д. В. Айналов и М. В. Алпатов.

³ И. Э. Грабарь.

⁴ А. И. Некрасов.

⁵ Г. П. Георгиевский.

другие]. Так как подобная форма инициалов носит совершенно уникальный характер и, следовательно, совсем не типична для декора рукописей XIV в., то отсюда можно сделать лишь один вывод — оба манускрипта вышли из одной мастерской. В пользу этого говорит также сходство пергамента и письма. Но было бы опрометчиво утверждать, что украшения обеих рукописей были сделаны одним художником. Инициалы „Евангелия Хитрово“ гораздо мягче и живописнее по своему выполнению. В них нет того каллиграфического щегольства и той чисто ювелирной тщательности отделки, которые столь типичны для инициалов „Евангелия Кошки“. Кроме того, они выдержаны в более светлой и нежной колористической гамме, в которой преобладают беловато-голубые, красные и зеленые цвета, как правило даваемые в сочетании с золотом. Все это склоняет к тому, чтобы усматривать здесь руку различных художников. Но еще более несомненно, что эти художники принадлежат к одной мастерской, иначе трудно было бы объяснить столь значительное сходство декоративных мотивов, в отдельных случаях буквально совпадающих.

„Евангелие Хитрово“ имеет множество инициалов, которые украшают почти каждую его страницу. Как и в „Евангелии Кошки“, здесь также поражает разнообразие орнаментальных решений. Звери и листовые побеги даются в самых неожиданных и остроумных сочетаниях. Преобладают инициалы, состоящие из одних побегов, причем последние очень часто образуют плетенку. Среди звериных инициалов особенно забавен инициал на л. 209, где весьма реалистически изображен лев (рис. 17).¹ Крайне живо переданы и драконы, с остренькими мордочками и колючей, как иглы дикобраза, шерсткой (на л. 3 об., 13 об., 269, 280 и мн. др.; рис. 20, 23). Всюду дают о себе знать острая наблюдательность художников и их поистине неисчерпаемая фантазия.

„Евангелие Хитрово“ украшено, помимо инициалов, пятью крупными заставками (на листах 3 об., 45 об., 82 об., 103 и 228; рис. 21—24). Заставки эти чисто византийского типа. В них господствуют заключенные в круги цветочно-лиственные мотивы, среди которых особенно широко используется так называемая „сасанидская пальметка“ (или „армянская роза“). Эта система орнаментики сложилась на константинопольской почве около середины X в. (наиболее ранний образец — заставка „Гиппиатрии“ в Берлинской библиотеке, Филиппс 1538)² и получила широчайшее распространение в греческих рукописях, откуда она перешла в русские, балканские и грузинские манускрипты. Так как данная орнаментальная система отличалась большой сложностью и требовала изощренного каллиграфического искусства, то она обычно применялась лишь в дорогих и особо ценных рукописях, исполняемых по специальному заказу для представителей высшей феодальной знати. У нас на Руси она встречается в XIV в. в известной „Псалтири“ от 1397 г., по видимому, написанной москвичом в Киеве (хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ОАДП VI).³ Обычно же в русских рукописях этого времени безраздельно господствуют заставки тератологического стиля.

¹ Ср.: Н. Martin. La miniature française du XIII-e au XV-e siècle, табл. 66.

² K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, стр. 16—18, рис. 104—115. Ср.; M. Alison Frantz. Byzantine Illuminated Ornament. Art Bulletin, XVI, 1934, стр. 57—58; C. Nordenfalk. Zeitschrift für Kunstgeschichte, IV, 1935, стр. 349—350.

³ В. Стасов. Славянский и восточный орнамент, табл. XLV-1.

Рис. 11. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 23 об.

Рис. 12. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 8.

Рис. 13. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 16.

Рис. 14. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 180.

В „Евангелии Хитрово“ из греческих источников заимствованы не только отдельные элементы орнаментики, но и вся ее система.¹ Однако заставкам присущ и какой-то особый оттенок, несвойственный орнаментальным построениям византийских мастеров. Это определенное укрупнение и упрощение основных ячеек орнаментальной композиции: круги сделались толще, цветы и листья утратили ажурную легкость и прозрачность, значительно уменьшилось количество деталей. К этому следует присоединить и высветление всей палитры. Основные узоры выполнены по золотому фону светло-голубой краской, что придает всем заставкам особую жизнерадостность. Дополнительные темно-

Рис. 15. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 21 об.

Рис. 16. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 93.

зеленые и темнолиловые цвета играют подчиненную роль. Колорит чисто византийских заставок, особенно при сравнении их с заставками нашей рукописи, производит несколько сумрачное впечатление. Среди его густых, плотных красок напрасно было бы искать голубец такой же нежности и прозрачности, как в заставках „Евангелия Хитрово“.

Поскольку в „Евангелии Кошки“ отсутствуют лицевые изображения, миниатюры „Евангелия Хитрово“ представляют совсем особый интерес. Они позволяют подвергнуть контролю нашу гипотезу о принадлежности обеих рукописей мастерской Феофана Грека.

¹ Для заставки на л. 3 об. ср.: J. Ebersolt. La miniature byzantine, табл. LXXII-1; Н. Омон. Miniatures des plus anciens manuscrits grecs de la Bibliothèque Nationale du VI-e au XIV-e siècle. Paris, 1929, табл. CXIV; Cod. Med. Palat., 244; Cod. Sinait., 339. Для заставки на л. 45 об. ср.: Н. Омон, ук. соч., табл. CXV, CXXI, CXXII; Cod. Med. Palat., 244; Евангелие в сьенской Коммунальной библиотеке, гр. X, IV, I. Для заставки на л. 82 об. ср.: Н. Омон, ук. соч., табл. CXIV; Cod. Med. Palat., 244. Для заставки на л. 103 ср.: Н. Омон, ук. соч., табл. CXXI. Для заставки на л. 228 ср.: J. Ebersolt. La miniature byzantine, табл. LXIX-1.

Евангелисты Матфей, Марк и Лука представлены пишущими (рис. 25—27), евангелист Иоанн диктует сидящему против него Прохору (рис. 28). На всех четырех миниатюрах с первого же взгляда привлекает к себе внимание сложность и пространственность композиционных построений. Заштрихованные золотом коричневые сидища, подножия и столики поставлены по отношению друг к другу под разными углами.¹

Рис. 17. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.
Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 209.

Хотя они даны в обратной перспективе, тем не менее художник довольно ясно определяет их место в пространстве. Либо эти предметы обстановки располагаются рядом, либо наискось, либо один позади другого. Поэтому они и воздействуют на зрителя как пространственные факторы. Таковыми же воспринимаются элементы пейзажа и архитектурных кулисс. Виднеющиеся позади Иоанна и Прохора горки, при всей их стилизации, выдаются своим объемным характером. Благодаря тому, что лежачки имеют различные оттенки — розовато-коричневые, розовато-белые и голубые, скалы приобретают большую весомость

¹ Очень близкую по форме и по разделке мебель мы находим на миниатюрах дарьградской рукописи „Гиппократа“, ныне хранящейся в парижской Национальной библиотеке, гр. 2144 (до 1345 г.). См.: Н. О т о н т, ук. соч., табл. СХХVIII, СХХIX.

и кажутся как бы овеянными воздушной дымкой, хотя они и выделяются на золотом фоне.¹ Не менее пространственно решены архитектурные кулисы. Позади фигур евангелистов тянутся массивные стены, к которым примыкают портики и на которые опираются колонны фантастических сооружений. Позади Луки на стене стоит колонна, возвышающаяся на неуклюжем, двухступенчатом постаменте. От нее перекинут ярко-красный велум (velum) к крыше портика. Такой же велум изображен и на миниатюре с евангелистом Марком. Отдельные части зданий даны в обратной перспективе, причем они плохо друг с другом связаны (особенно на миниатюрах с Матфеем и Марком). И все же, несмотря на ирреальный характер всей архитектуры, она кажется достаточно

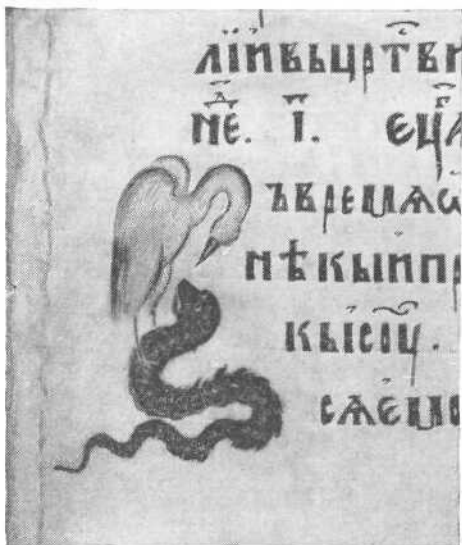

Рис. 18. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 74 об.

Рис. 19. Инициал из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР
им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 187 об.

объемной и массивной, чтобы вызвать у зрителя ощущение пространственной глубины. Правда, пространство строится здесь, как и в античной живописи, почти исключительно на пластических объемах, но от этого оно не становится менее ощутимым. Во всех этих приемах, являвшихся для византийской и русской живописи того времени последним словом искусства, чувствуется основательное знание автором миниатюр самых передовых образцов константинопольской художествен-

¹ Трактовка горок находит себе наиболее убедительные аналогии в мозаиках Кахриэ Джами (Кахриэ Джами. Альбом к XI тому „Известий Русского археологического института в Константинополе“. Мюнхен, 1906, табл. XLI), на миниатюре с изображением „Преображения“ из „Теологических сочинений Иоанна Кантакузина“ в парижской Национальной библиотеке, гр. 1242 (1371—1375 гг.; Н. Oumont, ук. соч., табл. СХХVI), в росписях Пантанассы в Мистре (G. Millet. Monuments byzantins de Mistra, табл. 139-2, 144-3) и, особенно, в многочисленных фресках Сербии (Грачаница, Печ, Дечаны; см.: V. Petković. La peinture serbe du moyen âge, II, табл. LXIII, LXXXVII, CXXXVII и мн. др.) Эта форма горок сложилась на византийской почве совершенно самостоятельно, вне каких-либо итальянских воздействий.

ной культуры XIV в. И действительно, для отдельных мотивов этой архитектуры нетрудно найти близкие аналогии в памятниках цареградского круга.¹ Ни в одной другой рукописи XIV в. с изображением евангелистов мы не найдем столь же сложных и столь же пространственных архитектурных кулисс.

Авторы миниатюр „Евангелия Хитрово“ обладали исключительным композиционным даром. Они превосходно используют горки, портики и мебель для выделения фигур и для их обрамления. На миниатюре с изображением Иоанна (рис. 28) горки обрамляют его фигуру, как бы следуя ее очертаниям. Центральная горка одновременно вторит наклону тела Прохора, с которым также переключаются контур пещеры и правая горка. Фигуры и горки очень удачно заполняют прямоугольное поле миниатюры, композиция которой выдается своей устойчивостью и уравновешенностью. На миниатюрах с изображением Луки и Марка (рис. 26, 27) головы апостолов окружены портиками, колоннами и велумами, образующими вокруг этих голов своеобразную раму. Столики, сидалища и части архитектурных кулисс располагаются с таким расчетом, чтобы уравновешивать друг друга. На миниатюре с Матфеем (рис. 25) композиция отличается меньшим совершенством, но и здесь отчетливо проявляется стремление художника поставить фигуру в тесную связь с обоними портиками, которые не только фланкируют ее, но и следуют ее наклону. Во всех этих приемах дает о себе знать прекрасное знакомство автора миниатюр с композиционными принципами константинопольской живописи, наиболее последовательно осуществленными в мозаиках Кахрия Джами.

С неменьшим композиционным мастерством оформлены и те миниатюры, на которых представлены символы евангелистов (рис. 30—33).² Здесь поражает замечательному искусству, с каким фигуры орла, тельца, льва и ангела вписаны в круг. С этой труднейшей композиционной задачей художник справляется как бы шутя. Особенно красив символ евангелиста Матфея — ангел (рис. 31). При взгляде на эту пронизанную дивным ритмом фигуру невольно вспоминаются росписи античных киаликов. Художник умело распластал фигуру по плоскости, с таким расчетом, чтобы она наилучшим образом заполнила круг: он уравновесил правое крыло и правую сильно отставленную назад ногу книгой и развевающимся концом плаща, он не побоялся перерезать обрамление правой ступней, достигнув тем самым идеального равновесия масс. На ангеле небесно-голубого цвета одеяние, поверх волос которого наброшено фиолетовый плащ с белыми пробелами, в его волосах голубая лента, у него темновишневые крылья с голубыми подпапортками, он держит в руках коричневую книгу с золотой штриховкой и розовато-красным обрезаем. Все эти цвета образуют на редкость красивую колористическую гамму.

Среди всех русских лицевых рукописей XIV в. „Евангелие Хитрово“ занимает совершенно особое место. В этом памятнике черты сходства

¹ Ср. мозаики Кахрия Джами (Кахрия Джами. Альбом, табл. XXI, XXX, XLIX, I, икону Благовещения в московском Музее изобразительных искусств (В. Лазарев. История византийской живописи, II. М., 1947, табл. 308), обнаруживающие сильные константинопольские влияния сербские фрески в Старо Нагоричино и в Грачанице (V. Petković. La peinture serbe du moyen âge, II, табл. L, LXIX). Во всех этих архитектурных кулиссах широко используются велумы, колонны, выступающие портики и т. д.

² Символы евангелистов на отдельных листах встречаются и в греческой рукописи „Нового Завета с Псалтирью“ в Историческом музее в Москве (греч. 407). Эта замечательная лицевая рукопись является одним из главных памятников палеологовской миниатюры.

с византийскими миниатюрами и заставками палеологовской эпохи настолько настойчиво о себе заявляют, что сам собой напрашивается вывод о принадлежности рукописи мастерской Феофана Грека. Именно с ней и хочется связывать „Евангелие Хитрово“. В его миниатюрах много такого, что заставляет вспомнить об искусстве Феофана. Прежде всего колорит, построенный на столь излюбленных мастером неярких, несколько приглушенных беловато-голубых, фиолетовых, серебристо-зеленых тонах. Затем свободная манера письма, обнаруживающая руку опытного фрескиста (см. особенно лица Марка и Иоанна, рис. 29). Движки, положенные поверх санкирей, очень напоминают энергичные мазки росписей Спаса Преображения. Они только сделались, в соответствии с иным форматом, более тонкими и миниатюрными. Немало „феофановского“ и в типах лиц, с их асимметрическими, смело написанными чертами (например Иоанн Богослов, рис. 29, Прохор, отчасти ангел).¹ Даже в морде льва (рис. 32), в которой так много человеческого, есть какая-то внутренняя близость к феофановским образам. В частности, в манере исполнения прядей, образующих свободные, волнообразные линии, чувствуются отголоски живописного почерка прославленного мастера.²

Есть еще одна деталь, которая подтверждает тесную связь „Евангелия Хитрово“ с греческой мастерской. Все надписи на книгах евангелистов русские, зато обозначения евангелистов и их символов даны по-гречески. При этом греческие надписи русифицированы (например ΜΑΤΘΑΙΟΥΣ вместо ΜΑΤΘΑΙΟΥΣ, или ΛΟΥΚΑ вместо ΛΟΥΚΑΣ).³ Здесь возможны два объяснения: либо надписи выполнялись русским выучеником грека, и тогда он коверкал язык от незнания, либо надписи выполнялись греком, и тогда он сознательно изменял орфографию из стремления приблизить греческий язык к русской речи. Второе объяснение хорошо подходило бы к Феофану, который долго жил в России и который мог поставить себе целью русифицировать греческие надписи: сохранив греческие буквы, он хотел с их помощью передать звучание русских слов. Это было бы совсем в стиле „философа zelo хитрого“ (так Епифаний называет в своем письме Феофана Грека).

В своем анализе заставок и миниатюр „Евангелия Хитрово“ мы выделяли, несколько искусственно, их византийские элементы. Гораздо, однако, существеннее те русские черты, которые присущи этой замечательной рукописи. Прежде всего следует подчеркнуть, что „Евангелие Хитрово“ написано на русском языке и возникло на московской почве. Уже это одно дает все основания рассматривать его как памятник русского, а не византийского искусства. Но этого мало. И в орнаментике заставок, и в миниатюрах много такого, что говорит о переработке византийских элементов в русском духе либо о приближении их к русским вкусам.

Мы уже отмечали изменение мотивов византийского орнамента в заставках. Здесь, несомненно, сказывается сознательный отход от тончайшей византийской каллиграфии с ее нарочитой изысканностью

¹ Ср. Иоанна Богослова с апостолом Павлом из иконостаса Благовещенского собора и с евангелистом Иоанном из Вологодской росписи; Прохора с Авелем из росписи в церкви Спаса Преображения и апостолом Филиппом из „Успения“ на обороте иконы Донской Богоматери; ангела с развешивающимися тороками с правым ангелом из „Троицы“ в церкви Спаса Преображения и ангелами из „Сшествия во ад“ в церкви Феодора Стратилата.

² Ср. трактовку бороды у апостола Павла и Иоанна Предтечи из Благовещенского чина.

³ D. Ainalov. Trois manuscrits du XIV siècle a l'exposition de l'ancienne Laure de la Trinite a Sergiev, стр. 249.

И вѣстѣ слово
 и слово вѣкъ боц и
 бѣ слово • се
 вѣ некии въ
 бѣ вѣстѣмъ быша
 и безнегипиуеи жене
 бы, гже бы • вѣ томъ
 жь бытѣ, и живытѣ

бѣ вѣтъ улькюць • и
 свѣтъ вѣтъ вѣтъ
 еа, и тымаи гоню въ
 ять • кы улькю по
 сланъ ѿ бл, и маи
 поимъ • съприиде
 къ вѣтвѣтство, да свѣ
 тельтвѣтство свѣтѣ

ЛѢТА

Принимается даромъ Муниципалитетомъ города 1856

Рис. 20. Страница из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.
 Государственная Библиотека СССР, им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 3 об.

Рис. 21. Страница из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.
 Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 45 об.

ѢЖЕ ѠЦА ГКАСТІЕ
ЕЦАЕ ГЛАВА. А.

Въ рещѣ Ѡни. прї
идеи ѣ Ѡпазрета
галилейскаго,
и крїт пса Ѡ іо
анна въ іорданн. и
лєіе въ хїда Ѡ вїды,
вндѣ рѣзѣ да шлє
пєсѣ. пдхїя ко глїц
бєхїда шїпань. и

гїлєыть єрнєє. ты
єспнѣ мнѣ въ замєлє
пны по нєм жє блгїво
лнхѣ. плє іє дхїнцѣ
ведєнѣ въ цєстынѣ. и
бѣтѣ цѣ въ цєстынѣ
днїи чєтырдєсѣтє,
нєкї цшлє цѣ тѣмнѣ.
нєтѣ рѣзѣ рѣмнѣ. пѣггє

пнє. вї. нєлп:

Рис. 22. Страница из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.
Государственная Библиотека им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 82 об.

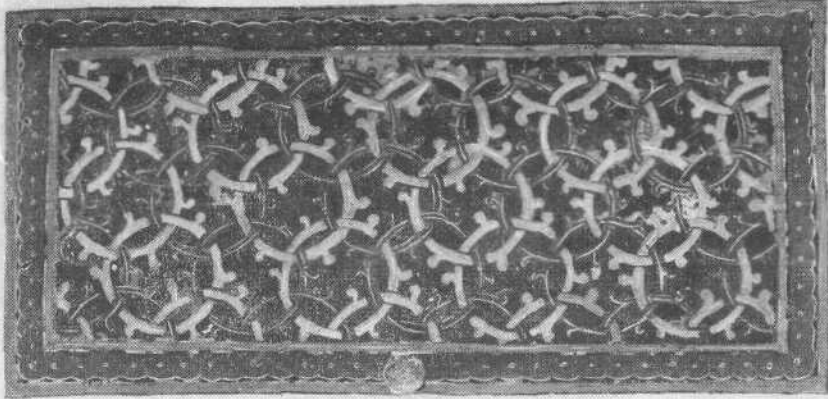

ѿвредѣши прѣдъ
 четвертѣ блстни
 къ блну леши ѿ
 ѿмплонрѣдн
 адѣ менѣ братъ
 ги . повеѣхъ мѣ стъ
 рѣдлѣ прѣдъ , прѣ
 жнѣ се на дѣ вѣ шн ,
 прѣдъ вѣ рѣ полнѣ

телѣнцѣ . бы стѣ те
 егдѣ кѣ ти шлѣ вѣ шн
 лѣ дѣ . нѣ ѿ крѣ шн
 сѣ мѣ лѣ шн сѣ . ѿ вѣ
 рѣ сѣ мѣ шн сѣ дѣ дѣ
 стѣ шн , телѣ сѣ шн
 вѣ рѣ шн сѣ шн сѣ шн
 шн . прѣ глѣ сѣ шн
 глѣ . ты сѣ шн

прѣ . ѿ . нѣ шн :

Рис. 23. Страница из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.
 Государственная Библиотека им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 103.

ѿ ѿбѣжѣ въ мѣнѣхъ ѿ крѣпѣ
 главы ко емоу жѣ оуцѣ и нѣдѣ
 празникѣмъ. на утѣмъ крѣпѣ. и плацѣ
 по бѣнѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ

ѿ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ

и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ
 и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ оуцѣ и нѣдѣ

Рис. 24. Страница из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.
 Государственная Библиотека им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 228.

Рис. 25. Евангелист Матфей. Миниатюра из „Евангелия Хитрово“.
90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека им. В. И. Ленина, М. 8557, л. 44 об.

Рис. 26. Евангелист Марк. Миниатюра из „Евангелия Хитрово“.
90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 81.

Рис. 27. Евангелист Лука. Миниатюра из „Евангелия Хитрово“.
90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 102.

Рис. 28. Евангелист Иоанн диктует Пророку. Миниатюра из „Евангелия Хитрово“.
90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 2 об.

Рис. 29. Евангелист Иоанн. Деталь миниатюры „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 2 об.

Рис. 30. Орел (символ евангелиста Иоанна). Миниатюра из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 1 об.

Рис. 31. Ангел (символ евангелиста Матфея). Миниатюра из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 43 об.

Рис. 32. Лев (символ евангелиста Марка). Миниатюра из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 80.

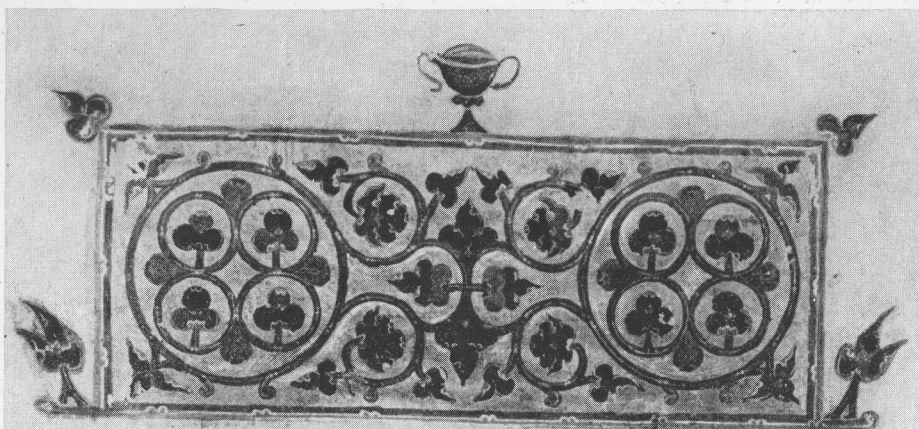

Рис. 33. Бык (символ евангелиста Луки). Миниатюра из „Евангелия Хитрово“. 90-е годы XIV в.

Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина, М. 8657, л. 101 об.

Рис. 34. Вседержитель. Миниатюра из „Евангелия“. XV в.
Государственный Исторический музей, епарх. 436, л. 1 об.

ВСТЪЮНВЕЛНЮЮПЛЮПАСХЫ. ЕУ. Ш. Ш.

ВНАЧАЛѢ БѢ СЛОВО
 И СЛОВО БѢ КЪ БОУ, И
 БѢ БѢ СЛОВО : СЕБѢ
 НЕ КОПНВЪ БѢ ВЪ
 СМѢТѢЛЪ БЫША
 НЕ ЕЗНЕГО, НИ ЧТО ЖЕ
 БЫ, ЕЖЕ БЫ : ВЪ ТО
 МЪ ЖИВѢ ШѢ, И ЖИВО
 ТЪ БѢ СѢ БУАКѢ ШѢ
 ВЪ ТЪ МѢ СѢ ВТНІСА,
 НИ ТЪ МА ЕГО НЕ ОБЕАТЬ :
 БУАКѢ ПОСЛАНЫ ШѢ,

И МА ЕМОУ ІШАННЪ :
 СЪ ПРІНДЕ ВЪ СѢ БѢ ТЕЛЪ
 СТВО, ДАСѢ ТЕЛЪ БОУ
 ЕТЬ ОСѢ ТѢ, ДАСИ
 ВЪ РОУНЦА ОУНМЪ : НЕ
 БѢ ТЪ СѢ БѢ, И ДАСѢ
 ТЕЛЪ СТВОУЕТЪ ОСѢ
 ТѢ : БѢ СѢ БѢ ИСТИНЪ
 НЫН, И ЖЕ ПРОСѢ ЩА
 ЕТЬ ВСЯКОГО УАКА ГРА
 ДОУЩА ГОВѢ МНРЪ : ВЪ
 МНРѢ БѢ, И МНРѢ ТѢ

Рис. 35. Страница из „Евангелия“. XV в.
 Государственный Исторический музей, епарх. 436, л. 2.

и чисто ювелирной тщательностью отделки. Орнамент приобретает большую свободу, укрупняются его ячейки, в нем уже нет сухого византийского педантизма, он подкупает своей живописностью и своей не очень строгой симметрией. Все это делает его, особенно по сравнению с византийским орнаментом, более сочным и полнокровным. Благодаря осветлению колористической гаммы, в которой широко используется разведенный белилами голубец, орнамент заставок в „Евангелии Хитрово“ приобретает одновременно и большую жизнерадостность, противостоящую византийской сумрачности, как нечто принципиально новое.

Немало нового находим мы и в миниатюрах. Д. В. Айналов, приписывавший последние новгородскому мастеру, следующим образом обосновывал свою точку зрения: „Что касается исполнения миниатюр, то мы имеем здесь дело с художником, хорошо знавшим греческое искусство столицы (т. е. Константинополя), хотя и переделавшим его на русский лад. В частности, широкое применение обратной перспективы, неумение изобразить в перспективе плоскую крышу постройки, возвышающейся справа от святого Марка, такие грубые ошибки, как сбитый рисунок складок, маскирующих анатомию правой ноги Луки и ноги и колена Прохора, все эти изъяны обнаруживают руку хорошего ученика, который не всегда разбирался в качественной стороне использованного им образца“.¹ Мы никак не можем согласиться с такой постановкой вопроса. Если принять эту точку зрения Д. В. Айналова, то вышло бы, что участие русских мастеров в украшении „Евангелия Хитрово“ сказалось лишь в огрублении византийского оригинала. Дело, конечно, не в этом. Когда русские мастера перенимали византийские формы, то они одновременно всегда их творчески перерабатывали. И это ясно сказывается в миниатюрах „Евангелия Хитрово“. Самым существенным в них является ослабление византийского аскетизма. Это дает о себе знать и в определенном высветлении всей палитры, сделавшейся более жизнерадостной, легкой и прозрачной, и в изменении типажа, утратившего византийскую суровость и византийскую преувеличенную одухотворенность. В этом отношении особенно показательны лица Матфея и ангела, от которых нетрудно протянуть прямые нити к образам Прохора с Городца и Рублева,² настолько много в них пленительной русской задушевности.

Русские черты чувствуются не только в усилении жизнеутверждающего начала, но они сквозят и в более обобщенной трактовке формы. Внимательно вглядываясь в силуэты фигур евангелистов, нетрудно убедиться, что они не имеют вибрирующего живописного характера, столь типичного для византийских миниатюр. Эти силуэты очерчены энергичными сплошными линиями, приближающимися к правильным параболам. Здесь ясно дает о себе знать чисто русское обобщение контурной линии. Если, например, сравнить миниатюру греческой рукописи раннего XIV в. в венской Национальной библиотеке (theol. gr., 300, л. 134 об.)³ с одним из клейм четырехчастной новгородской иконы начала XV в. в Русском музее,⁴ то этот процесс обрусения выступит

¹ Д. Айналов, ук. соч., стр. 249.

² Ср. тип ангела с ангелами Рублева из росписей Успенского собора (ангел из „Страшного суда“ и слетающий ангел в сцене „Благовестие Захарии“); ср. тип евангелиста Матфея с апостолом Андреем (?) кисти Рублева из „Страшного суда“ в Успенском соборе и апостолом Андреем (?) на иконе Прохора с Городца в Благовещенском соборе („Сшествие св. Духа“).

³ P. Buberl und H. Gerstinger, ук. соч., табл. XXI-3.

⁴ В. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 96.

с особой наглядностью. На миниатюре, как и на иконе, изображен диктующий Прохору Иоанн. Греческий мастер всячески усложняет контур с помощью плаща, он придает фигуре живописный поворот, свободно развертывая ее в пространстве. Новгородский иконописец, наоборот, смело описывает фигуру единой линией, предельно скупой и кристаллически ясной. Он сознательно упрощает силуэт, как бы любуясь его сдержанной и лаконичной красотой. Миниатюра на ту же тему из „Евангелия Хитрово“ занимает промежуточное место между этими двумя памятниками. В ней есть много такого, что сближает ее с миниатюрой венского „Евангелия“ (объемность красочной лепки, изящество складок). Но силуэт фигуры Иоанна явно ближе к тому решению, которое мы находим у новгородского мастера. Этот сравнительный анализ трех памятников помогает нам дать верную историческую оценку „Евангелию Хитрово“. При всей близости его к памятникам византийского мастерства оно обладает и столь несомненными русскими чертами, что сразу же становится очевидной невозможность выводить этот замечательный памятник за пределы русского искусства.

Кто же был автором заставок и миниатюр „Евангелия Хитрово“? Сам Феофан или один из его выдающихся русских учеников? При настоящем нашем знании живописи XIV в., в истории которой имеется огромное количество пробелов, ответить на этот вопрос крайне трудно, если даже не невозможно. Сильно обрусевший Феофан вполне мог бы выполнить такие миниатюры, какими украшено „Евангелие Хитрово“. Однако у нас пока нет достаточно данных, чтобы утверждать столь большую степень его обрусения. Поэтому будет правильнее рассматривать весь декор „Евангелия Хитрово“ как работу русских мастеров, обучавшихся в мастерской Феофана; работа эта, повидимому, исполнена под его непосредственным наблюдением.¹ В Москве в конце XIV—начале XV в. не было недостатка в выдающихся живописцах, недаром летописи упоминают имена Семена Черного, старца Прохора с Городца, Андрея Рублева, Даниила Черного. За мастерскую Феофана говорит то обстоятельство, что в „Евангелии Хитрово“ наблюдается своеобразнейший сплав византийских, западных и русских форм, который вряд ли мог быть осуществлен в какой-либо другой московской мастерской конца XIV в.

Мы не знаем, как долго просуществовала московская мастерская Феофана Грека. Весьма вероятно, что работавшие в ней писцы и миниатюристы перешли, как это нередко практиковалось в средние века, в другие мастерские, связанные с монастырями, и занесли сюда те образцы, которыми они пользовались, и те навыки, которые они выработали под руководством своего учителя. Уже XV веком датируются две рукописи, несомненно сделанные художниками феофановской мастерской, в пользу чего говорит почти полное тождество их инициалов с инициалами „Евангелия Хитрово“ и „Евангелия Кошки“. Первая из этих рукописей — так называемое „Евангелие Морозова“ в Оружейной палате (№ 11056).² Оно является не чем иным, как вольной копией

¹ У нас нет достаточных оснований, чтобы отождествлять наиболее одаренного из этих мастеров с Андреем Рублевым. Вероятно, он был его старшим современником.

² И. Снегирев. Памятники московской древности. М., 1842—1845, стр. 32—33; Мир искусства, 1904, № 10, табл. к стр. 216; Н. Скворцов. Архитектура и топография Москвы. М., 1913, стр. 275—276. Евангелие „устроено из казны“ боярина Бориса Васильевича Морозова и по указу царя Алексея Михайловича принято в 7177 (1669) году в Большой Успенский собор.

Рис. 36. Инициал из „Евангелия“. XV в.
Государственный Исторический музей,
спарх. 436, л. 58 об.

Рис. 37. Инициал из „Евангелия“. XV в.
Государственный Исторический музей,
спарх. 436, л. 7 об.

Рис. 38. Инициал из „Евангелия“. XV в.
Государственный Исторический музей,
спарх. 436, л. 244 об.

Рис. 39. Инициал из „Евангелия“. XV в.
Государственный Исторический музей,
спарх. 436, л. 270 об.

„Евангелия Хитрово“, что лишний раз доказывает широкую известность последнего. Эта копия выполнена в более сухом и каллиграфическом стиле, типичном для XV в. Характер письма указывает на начало столетия. Копиист довольно свободно обращался с оригиналом, не боясь отступать от него в деталях и нередко внося свои поправки, продиктованные изменением вкусов. Как правило, он усиливает линейное начало и оплошает все формы. В этом отношении крайне показательно, как он переиначил подножие на миниатюре с изображением Луки. Оно приняло под его кистью почти вертикальное положение, подчинившись ритму плоскости.

Другая рукопись — „Евангелие“ в Историческом музее (Епарх., 436).¹ Оно происходит из Спасо-Андроникова монастыря, где работал Андрей Рублев. Письмо указывает на первую половину XV в. На л. 1 об. представлен „Спас в силах“ (рис. 34), данный в том иконографическом изводе, который был широко распространен в кругу Феофана („Спас“ из Благовещенского собора) и Рублева (икона с изображением „Спаса“ из иконостасов Успенского собора во Владимире и Троицкого собора в Загорске, иконка в Третьяковской галерее). Украшающая л. 2 заставка (рис. 35) очень близка к цветочно-лиственным заставкам византийского типа в „Евангелии Хитрово“. Многочисленные инициалы с реалистически изображенными животными (рис. 36, 37, 38) почти буквально повторяют инициалы последней рукописи, к которым они тесно примыкают и по своему колористическому строю (преобладание разбеленного голубца). Некоторые инициалы (как, например, на лл. 189, 270 об., рис. 39) являются плодом свободного творчества. Их автор несомненно пользовался образцами феофановской мастерской, которые он порою переиначивал, а порою рассматривал просто как импульс к живому орнаментальному творчеству. „Евангелие“ из Спасо-Андроникова монастыря ясно показывает, что выученики феофановской мастерской подвизались вплоть до второй четверти XV в.

Те иконографические типы евангелистов, которые мастерская Феофана ввела в русское искусство, получили в дальнейшем широчайшее распространение в нашей миниатюре, объяснение чему следует искать в их художественном совершенстве. Эти типы счастливо сочетали в себе изящество фигурных композиций с развитыми архитектурными фонами, отличавшимися необычайным разнообразием форм. Отголоски „Евангелия Хитрово“ чувствуются в ряде рукописей — в московском „Евангелии“ конца XIV в. из Исторического музея (Чуд. 2),² в происходящем из Зарайска „Евангелии“ от 1401 г. в Государственной Библиотеке СССР им. В. И. Ленина (Рум. 118),³ в „Евангелии“ Исаака Бирева от 1531 г., там же (М., 8659),⁴ в „Апостоле“ из библиотеки Троице-Сергиевой лавры, являющемся вкладом митрополита Иоасафа Скрипицына 1539 г.,⁵ и во многих других манускриптах с лицевыми изображениями.

¹ Размер 0.275 × 0.21. Это „Евангелие“ было найдено П. Д. Барановским.

² Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания, табл. CCCLXVIII, № 737.

³ В. Щепкин. Новгородская школа иконописи по данным миниатюры, стр. 10—12, табл. IV-2 (оттиск из II тома „Трудов XI археологического съезда в Киеве“, т. II, М., 1902). В этой рукописи миниатюры с евангелистами Марком и Иоанном являются вольными копиями с аналогичных миниатюр „Евангелия Хитрово“. Тем самым доказывается возникновение последней рукописи до 1401 г. Весьма показательным, как миниатюрист упростил композиционные схемы использованных им прототипов: все объемные формы он сделал по возможности плоскостными.

⁴ Н. П. Лихачев, ук. соч., табл. CCCLXXV.

⁵ Н. П. Лихачев, ук. соч., табл. CCCLXXVI, CCCLXXVII.

Феофан, несомненно, дал сильный толчок московской школе миниатюры, способствуя ее быстрому развитию. Он обогатил ее не только новыми иконографическими типами и новыми техническими приемами, но он ознакомил московских художников и с тем, что можно было бы назвать единством книжного организма. После Феофана все элементы книжного украшения — заставки, инициалы, миниатюры — утрачивают постепенно то самостоятельное значение, которое они имели в более раннем искусстве, и превращаются в органические составные части единой системы декора. Так закладывается основание для всего стиля русской книги XV—XVI в. с ее каллиграфической отшлифованностью и несколько нарочитым изяществом.

К сожалению, мы ничего не знаем о московской миниатюре 50—80-х годов. Несомненно, Москва имела свои кадры миниатюристов, которые подготовили расцвет московской живописи на рубеже XIV и XV столетий. Но их работы до нас не дошли. Единственная сохранившаяся московская (?) лицевая рукопись этого времени мало показательна. Это „Постничество“ 1388 г. в Историческом музее (Чуд. 10).¹ Полуфигура Василия Великого выполнена здесь еще в довольно архаических традициях, композиция страницы имеет случайный и неупорядоченный характер. Гораздо более высоким качеством отличается богато иллюстрированная „Псалтирь“ 1397 г., написанная московским (?) дьяконом Спиридоном в Киеве.² Но и в ее миниатюрах почти отсутствуют палеологовские новшества. Маленькие изящные фигурки восходят к традициям искусства XII в., откуда был, повидимому, почерпнут оригинал, частично использованный художником. Совсем другое впечатление производят миниатюры „Евангелия“ Исторического музея (Усп., 4, бум.)³ и „Евангелия“ Библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Рог., 136),⁴ исполненные на рубеже XIV и XV в. современником Рублева. Здесь передовые по тому времени палеологовские формы оказываются уже целиком освоенными, получив при этом чисто русское претворение. И поскольку два последних памятника отделены от „Постничества“ промежутком времени в пятнадцать-двадцать лет, постольку есть основания считать, что именно Феофан способствовал подъему московской школы миниатюры. Осев в Москве, он целиком включился в ее художественную жизнь. Он сделался активным строителем русской художественной культуры, судьбы которой он уже не мог отделить от своей индивидуальной судьбы. Поэтому он и оставил такой глубокий след в нашем искусстве.

¹ В конце рукописи запись: „В лето 6896 (1388) написаны книги сия замышлением архимандрита Якима и писанием черныца Антонья“.

² Псалтирь 1397 г. хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ОЛДП, F. VI). Этот интереснейший памятник еще ожидает своей публикации. Петербургское издание 1890 г. совершенно неудовлетворительно (Лицевая Псалтирь 1397 г., принадлежащая Обществу любителей древней письменности, № 1252, F^o VI, корректурные листы). Как отметил в свое время А. И. Соболевский (Лекции по истории русского языка. Изд. третье, М., 1903, стр. 15), „Псалтирь“ 1397 г. была написана тем же писцом, как и московское „Евангелие“ 1393 г. в Государственной Публичной библиотеке.

³ Н. П. Лихачев, ук. соч., табл. ССCLXVI, №№ 731, 732. Происходит из Успенского собора.

⁴ Происходит из Рогожского кладбища. Рукопись украшена изображениями четырех евангелистов.

А. Л. ЯКОБСОН

АРМЯНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХИТЕКТУРА В КРЫМУ

1

XIV и XV века отмечены в истории Крыма резким экономическим подъемом городов восточной части полуострова — Солдайи, Солхата (Крыма) и особенно Кафы, которая приобрела значение важного центра международной торговли Западной Европы и Руси с Востоком. Возросло и сельскохозяйственное производство восточного Крыма; свозившееся в Кафу продовольствие (особенно хлеб и рыба), направлявшееся далее в Константинополь, составляло значительную долю в снабжении византийских городов.

Кафа стала многолюдным торговым и ремесленным центром всего Крыма. Этническая пестрота, вообще характерная для больших средневековых городов, сказывалась здесь особенно сильно. Политическая власть в Кафе фактически принадлежала генуэзцам, в руках которых и сосредоточена была торговля, но основной этнический массив города составляли не генуэзцы, представлявшие собой господствующую верхушку населения, его эксплуататоров (количество их не превышало 1.5—2%; в 1475 г. их было всего 1000 человек), а главным образом татары, греки и армяне. Количество последних быстро увеличивалось: в 1439 г. в Кафе насчитывалось 30 000 армян, а в 1475 г. они составляли $\frac{2}{3}$ семидесятитысячного населения города.¹

Сейчас еще невозможно проследить процесс сложения этого этнического массива Кафы, как невозможно проследить и процесс роста армянского населения в Кафе и в Крыму вообще. Несомненно, что начало армянской иммиграции в Крым связано было еще с сельджукским вторжением в Армению в 60-х годах XI в., нанесшим стране тяжкий удар, а также с последующим захватом страны Византией, временно лишившей Армению самостоятельности. Все это вызвало массовое переселение армян на юг Малой Азии — в Киликию, где тогда уже было основано армянское княжество Рубенидов, и, отчасти, в Крым, доказательством чего может служить найденный в Феодосии, в церкви Сергия, хачкар (крестный камень) с датой 1047 г.² Однако вряд ли армянская

¹ W. Heud. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, 1885; русск. пер.: ИТУАК, 52, 1915, стр. 168 (по: Atti della Società Ligure di storia patria, t. V, 1867—1873, стр. 415; t. VII, 2, 1875, стр. 343).

² Хр. Кучук-Иоаннесов. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму. Древности восточные. Труды Восточной комиссии МАО, т. II, вып. 3, М., 1903, стр. 67, 70, 75. Хачкар, на кото-

иммиграция XI в. в Крым была длительной и значительной. Сельджукская волна вскоре схлынула, а в XII—XIII вв., в эпоху политического объединения Армении и Грузии, Армения вступила в полосу исключительного экономического подъема, оборванного монгольским завоеванием, начавшимся в 30—40-х годах XIII в. Нашествие Чингисидов вызвало упадок Армении. Особенно же тяжелые и катастрофические последствия имели события XIV в. — захват страны персами, а затем туркменскими племенами „Черного барана“ и „Белого барана“ — в первой половине века, и страшное нашествие Тимура в конце XIV—начале XV в., опустошившие и разорившие страну: городская жизнь постепенно замерла, в конце XIV в. прекратилось существование Ани, цветущие плодородные равнины с их развитой системой орошения запустели. Режим непосильного гнета и физическое уничтожение армян вызвали настоящее бегство населения, главным образом городского, за пределы страны — в конце XIII в., а особенно в XIV в., и не только из коренной Армении, но и из Киликии,¹ которую уже с начала XIV в. громили мамлюкские султаны, в конце века покончившие с Киликийской Арменией и превратившие ее в пустыню. Одна из волн этих переселенцев направилась именно в Крым, вероятно по обычному морскому пути через Трапезунт, по которому издавна и повседневно велись сношения Крыма с Малой Азией.

Основная масса армян направилась, понятно, именно в восточную часть Крыма с его крупными развитыми городами — в Сугдею и Кафу, а не в западные его районы, экономически уже отсталые и хиревшие,² хотя попадали и туда, на что указывают армянские графиты не позднее XIII в. в Херсонесе.³

В Сугдее (Судаке) армянская община во второй половине XIII в. уже наверняка существовала, что засвидетельствовано приписками к сурожскому синаксарю, где упоминаются армяне, говорится о дне празднования Пасхи местными армянами и т. д.⁴ Повидимому, значительная армянская община уже в конце XIII в. существовала и в Кафе. На это указывают акты генуэзских нотариусов Кафы конца XIII в., упоминающие кафинских армян-ремесленников (скорняков); судя по тем же актам, в среде тамошних армян уже в то время выделялись богатые торговцы хлебом и рыбой, ростовщики.⁵ В начале XIV в. (1316 г.) армянам, наряду с греками и другими христианами-негенуэзцами, была выделена местность вне городских стен⁶ — вероятно, район нынешнего Карантина (с южной стороны города), о чем позволяют догадываться

ром Кучук-Иоаннесов прочел дату, соответствующую 1027 г., на самом деле относится к 1327 г. (см.: И. И. Бабков. Очерки по исторической и культурной географии Крыма. II. Древнейшая армянская надпись Феодосийского музея; к вопросу о времени появления армян в Тавриде. Изв. Гос. Геогр. общ., т. 71, вып. 9, 1939, стр. 1985).

¹ Ф. Брун. Черноморье, II. Одесса, 1880, стр. 139.

² А. Л. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, вып. 17, Л., 1950, гл. I.

³ Н. Я. Марр. Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе. ИАК, вып. 10, 1904, стр. 107.

⁴ ЗОО, V, 1863, стр. 598 (№ 14 — 1283 г. об убийстве Самата, т. е., очевидно, Самбата-Смбата, ср. № 46), стр. 603 (№ 46 от 1306 г. о смерти „Ерничу, жены Самата армянина“; № 47 от 1242 г. — о смерти Давида, сына Сумбата), стр. 609 (№ 88 от 1292 г. о дне празднования армянами Пасхи). Ср.: В. Г. Васильевский, Труды, III, 1915, стр. CLXXXVIII.

⁵ G. I. Bratianu. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIII-e siècle. Paris, 1929, стр. 228.

⁶ Officium Gazariae. Monumenta Historiae Patriae, II, 1838, стр. 407.

сохранившиеся там армянские храмы XIV в. В начале XIV в. армянский епископ Кафы соорудил городской водопровод, которым долгое время пользовался весь город. В XIV же веке кафинские армяне активно участвовали в строительстве крепостных стен города, о чем сообщают генуэзский и армянский источники.¹ О большой иммиграции армян в Крым в XIV в. сообщает заметка в одной поздней армянской Четьи-Минее (XVII в.), хранившейся в Нахичевани на Дону. В заметке говорится, что масса армян после монгольского нашествия и разгрома Ани (40-е годы XIII в.) бежала на Волгу — в Ак-Сарай; однако притеснения татар заставили армян в 1299 г. обратиться к генуэзцам за разрешением переселиться в Кафу. „Они поселились в Феодосии, Газарате, Сурхате и их окрестностях. Это случилось в 779 г. армянского летоисчисления“ (т. е. в 1330 г.).² О массовом переселении армян в самую Кафу и в район между Карасубазаром (ныне Белогорском) и Судаком, а также о том, что армянские купцы и ремесленники поселились в Старом Крыму, который они якобы называли Казаратом, — сообщает Сестренцевич-Богуш.³ Источником этих сведений послужила ему Записка архиепископа армянских церквей в России кн. Долгорукова-Аргутинского, поданная им кн. Потемкину в 1789 г.⁴

Однако в сообщении названных армянских источников следует внести существенные коррективы. Во-первых, в самой Кафе, как сказано, армянская община образовалась еще во второй половине XIII в. Во-вторых, что касается Газарата и Сурхата, расположенных на расстоянии дневного перехода от Кафы, к востоку от нее (ныне г. Старый Крым, в 25 км от Феодосии), то и тут армянское поселение возникло, несомненно, еще в XIII в.: в начале XIV в. здесь, у подножия горы, уже существовало большое армянское селение, основанное в местности Казарат (название это, очевидно, существовало до прихода армян и связано с пребыванием здесь некогда хазар), а самая гора (ныне Агармыш) получила имя св. Креста (Сурбхач), как она названа в приписке к армянскому евангелию 1347 г., написанному в Сурхате.⁵

Уже давно выдвинуто очень правдоподобное предположение, что самое название Сурхата—Солхата, как он обычно именуется в генуэзских и мусульманских источниках XIII—XIV вв.,⁶ представляет собой измененное генуэзцами армянское название горы Сурб-Хач, у подножия которой находилось указанное армянское селение, возникшее, вероятно, еще до прихода татар; только позднее, во второй половине XIII в.,

¹ Судя по более позднему письму протекторов Банка св. Георгия армянскому епископу Кафы (Atti, VII, 1875, стр. 277), а также заметке в армянской Четьи-Минее XVII в. (см. ЭО, VI, 1867, стр. 552), передающей, хотя и в утрированном виде, сведения из какого-то более древнего источника.

² Г. Айвазовский. Заметка о происхождении новороссийских армян. ЭО, VI, 1867, стр. 552.

³ S. Siestrenczewicz de Bohusz. Histoire du royaume de la Chersonèse Taurique. 2-е изд., СПб., 1824, стр. 320 (русск. перевод: История царства Херсонеса Таврийского, т. II, СПб., 1806, стр. 176—177).

⁴ Факт этот, но без надлежащей критики, постоянно повторяется в литературе по истории Крыма (см., например: В. Юргевич, ЭО, V, 1863, стр. 828; Ф. Брун. Черноморье, II, стр. 138; F. Macler. Arménie et Crimée. Сб. L'art byzantin chez les Slaves. Recueil, dédié à la mémoire de Th. Uspenskij, 2-me partie, Paris, 1930, стр. 359).

⁵ В. Д. Смирнов. Археологическая экскурсия в Крым летом 1896 г. ЭВРАО, I, 1887, стр. 287.

⁶ Géographie d'Abulféda, trad. par. Reinaud, Paris, 1848, стр. 320; В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 287; П. Кенпен. О древностях южного берега Крыма. СПб., 1837, стр. 344—345.

татары, захватившие эти места и начавшие там обосновываться,¹ дали селению название Крым,² распространившееся затем на весь полуостров. Таким образом, наиболее вероятно, что возникновение Солхата, ныне Старого Крыма, разросшегося в XIV в. и ставшего, по отзывам современников, большим и красивым городом,³ было связано именно армянам.⁴

Армянское население полуострова в XIV—XV вв. столь разрослось, что в умах многих современников — армянских писателей того времени — появилось даже представление о Крыме как о „приморской Армении“ (*Armenia maritima*); термин этот, повидимому, прочно вошел в армянскую историческую традицию XVIII—XIX вв.⁵

2

При таком значительном удельном весе армянского населения в Крыму, притом сосредоточившегося в городах, следовало ожидать обилия памятников материальной культуры, начиная с XIII в. — если не массового вещественного материала (его, в сущности, нет, так как ни в Кафе, ни в Солхате раскопки почти не производились), то монументального, т. е. архитектурного.

В действительности и этот материал крайне ограничен. Известно, что армянские общины имели в Крыму свою церковную организацию во главе с епископом, свои церкви и несколько монастырей, из которых особенно славился и почитался монастырь Сурб-Хач, находящийся близ Солхата, в лесной чаще на склоне гор.

Наиболее ранние сведения о существовавших в Кафе армянских церквях, в количестве трех, содержатся в старом генуэзском уставе Кафы (*Officium Gasariae*) 1316 г.⁶ В последующее время кафинские церкви, в том числе и армянские, перечисляет Статут Кафы 1449 г. В нем указаны все христианские церкви города, которых всего было тогда 19,⁷ из них собственно генуэзских католических — не менее 9.

Остальные церкви, как можно думать, были греческие и армянские — всего 10, причем к греческим можно с большей или меньшей уверенностью отнести 7 церквей, а к армянским 3 (Иоанна Предтечи, Михаила Архангела и св. Креста), т. е., что любопытно, то же количество, что и в начале 1316 г.

¹ Именно начавшие, хотя уже в 60-х годах XIII в. там сидел золотоордынский наместник (см.: В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, 1884, стр. 63). Правильнее говорить о захвате города татарами, об их политическом господстве там, а не о татарском заселении, которое произошло позднее, в XIV в. Что это так, показывает хотя бы статистика татарских надгробий, из которых к XIII в., и то лишь к последним его десятилетиям, относится всего два из числа известных, в то время как надгробия XIV в. составляют там 75% их. См.: Н. Бороздин. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму. М., 1927, стр. 18.

² В. Г. Тизенгаузен, ук. соч., например стр. 63 — *Géographie d'Abulféda*, стр. 320.

³ В. Г. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 280 (Ибн-Батута). — В новое время эти сообщения приобрели легендарный характер, см.: П. Кеппен, ук. соч., стр. 340 (по Jos. de Guignes).

⁴ Еще в начале XIX в. армяне составляли основную часть населения г. Старый Крым.

⁵ J. Saint-Martin, *Analyse d'une tragédie arménienne*. *Journal Asiatique*, II, 1823, стр. 24. — W. Heyd, ук. соч., русск. пер., ИТУАК, в. 52, 1915, стр. 87.

⁶ *Mónumenta Historiae Patriae*, II, 1838, стр. 407.

⁷ Atti, VII, 2, 1879; ЗОО, V, 1863, стр. 704—707 и прим. В. Юргевича на стр. 827. — См. также: Л. Колли. Кафа в период владения ею Банком св. Георгия (1454—1475). ИТУАК, 47, 1912, стр. 86—87.

В следующие века, с ростом армянской общины, число армянских церквей, вероятно, возросло. По словам доминиканца Дортелли д'Асколи, префекта Кафы, Татарии и пр., в 1634 г. „Кафа очень бойкий торговый город, куда съезжаются купцы из Константинополя, Азии и Персии. Город населен турками, греками, армянами и евреями. Турки имеют там до 70 мечетей, греки до 15 церквей и митрополита, у армян до 28 церквей и епископ, у евреев две синагоги.“¹ Из генуэзских же церквей уцелела лишь одна и та „сохранилась по милости и на средства армянского населения“, была им восстановлена, но приход ее оставался ничтожным.²

По сведениям Боплана (его сочинение об Украине и Крыме вышло в 1650 г.), не бывавшего в Кафе и пользовавшегося рассказами, в ней было в то время всего 45 церквей, из них 12 греческих, 32 армянских и 1 католическая,³ а по словам Пейсонеля (приезжавшего в Кафу в 1775 г.) там насчитывалось 24 армянских церкви.⁴

Однако эти сообщения о множестве армянских церквей в XVII и XVIII вв. вызывают серьезные сомнения.⁵

Во-первых, сомнение возбуждается „описанием Крыма“ Мартина Броневского (1578 г.),⁶ сообщающего о больших разрушениях в Кафе, учиненных там турками при захвате города в 1475 г.: „Римские христианские церкви уничтожены, дома разрушены... Только две католические церкви и армянские остались целы“.⁷ Надо полагать, что несколько десятков армянских церквей обратили бы на себя большее внимание такого внимательного наблюдателя, каким показал себя Броневский. Во-вторых, сомнение в том, что армянских церквей в Кафе было столь много, усиливается планом Кафы, составленным русскими в 1784 г.,⁸ т. е. через несколько лет после Пейсонеля. По этому плану, в Кафе в то время было не более 7 армянских церквей.⁹

Так или иначе, армянских церквей в Кафе было несколько; они существовали там начиная с конца XIII в. или наверняка с начала XIV в., а затем, в XVI—XVII вв., число их увеличилось.

Далеко не все эти здания сохранились. В том или ином виде дошло до нас 5 армянских церквей. Из них две внутри города: 1) церковь Сергия, построенная, вероятно, во второй половине XV в.;¹⁰ она представляет простую прямоугольную капеллу с выступающей апсидой и перекрыта полуциркульным сводом под двускатной кровлей; в архитектурном отношении здание мало выразительно, к тому же сильно искажено позднейшими перестройками и пристройками, относящимися ко

¹ ЗОО, XXIV, 1902, Материалы, стр. 118.

² Там же, стр. 119.

³ Описание Украины. Соч. Боплана (пер. с франц.), СПб., 1832, стр. 38.

⁴ Ch. de Peyssonel. Traité sur le commerce de la mer Noire, 1787, или Die Verfassung des Handels auf dem Schwarzen Meere. Leipzig, 1788, стр. 67.

⁵ Сомнение это высказал еще В. Х. Кондараки (Универсальное описание Крыма, ч. 14, 1875, стр. 128, повторено в его же книге: В память столетия Крыма. История и археология Тавриды. М., 1883, стр. 113).

⁶ Посол Стефана Батория к крымскому хану, оставивший очень правдивый рассказ о виденном им в Крыму: Tartariae descriptio (русск. пер. — ЗОО, VI, 1867).

⁷ ЗОО, VI, стр. 348.

⁸ Издан в ЗОО, VIII, 1872, табл. IV.

⁹ Церкви Михаила и Гавриила, Сергия, „церковь с рельефами во олтаре“ (очевидно Иоанна Предтечи), Параскевы, Стефана 1491 г. и Георгия. Из них ц. Стефана была, вероятно, греческой, на что указывают греческие надписи ее фресок (описание их см. в статье Д. Маркова. Древнегреческая церковь в Феодосийском карантине, ИТУАК, 48, 1912, стр. 184—195).

¹⁰ В Статуте Кафы 1449 г. церковь не упоминается; следовательно, надо думать, она тогда еще не существовала.

времени не ранее XVIII в. (имею в виду колокольню); 2) церковь Михаила и Гавриила, 1408 г., о которой речь ниже. В округе города расположены: 3) церковь Георгиевского монастыря, что к северу от городских стен; однако здание, построенное не ранее второй половины XV в.,¹ сильно переделано, что затрудняет привлечение его к исследованию армянской средневековой архитектуры в Крыму; 4) церковь Иоанна Предтечи, купольная, 1348 г., о которой также речь впереди; 5) церковь Иоанна Богослова (тоже, вероятно, XIV в.), расположенная почти рядом с предыдущей, к югу от городских стен, на территории, называемой ныне Карантином.² По архитектуре своей здание без каких-либо существенных отклонений повторяет тип церкви Сергия.

Монументальные постройки армян вне Кафы дошли до нас в еще меньшем количестве. Выдающееся место среди них занимает упомянутый монастырь Сурб-Хач близ Старого Крыма с церковью 1338 г. В самом Старом Крыму армянских построек не сохранилось. Кроме того, известна небольшая церковь в сел. Топлы, вероятно XVI—XVII в., так же однонефная, с двускатной кровлей, с выступающей полукруглой апсидой³ и однородная с феодосийскими; известны также развалины церкви армянского монастыря близ Феодосии в Двужкорной бухте, того же типа, относящейся к XV в., и, наконец, развалины такой же простейшей церковки близ Коктебеля, еще XIV в., так как в 1401 г. ее, согласно надписи, возобновляли.⁴ Другие армянские церкви вне Кафы не известны.

Но дело не только в количестве армянских церквей. В XIV в. хищное папство стремилось заключить унию католической и григорианской церквей. В связи с этим на протяжении XIV и, особенно, XV в. шла упорная и длительная борьба между верхушкой армянского общества, его богатым купечеством, сблизившимся по своим интересам с генуэзцами, и зависимыми от тех и других армянскими епископами — с одной стороны, а с другой — массой армянского населения города, составлявшего его подавляющее большинство. Эта религиозная оболочка скрывала, по существу, классовую борьбу, то затихавшую, то обострявшуюся (особенно в XV в.) до открытых выступлений.⁵

Католическая пропаганда среди местного населения — татар, греков и армян — с самого начала установления господства генуэзцев выступала как одна из важнейших политических задач их в Крыму, никогда, вплоть до прихода турок в 1475 г., не утрачивавшая актуальности и с течением времени даже усилившаяся.

Отдельные армяне-католики из числа, несомненно, богатых купцов, появились в генуэзских городах Крыма уже в начале XIV в.⁶ В 1321 г.

¹ В Статуте Кафы 1449 г. монастырь также не упомянут.

² См. план Феодосии с указанием расположения этих памятников в брошюре: Н. Барсамов и А. Заболоцкий. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. Феодосия, 1927.

³ Х. Кучук-Иоаннесов, ук. соч., рис. 16 (к стр. 72); даты постройки нет; возобновлена в начале XVIII в. (там же, стр. 74—75).

⁴ ЗОО, VI, стр. 330.

⁵ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. Исторические записки, 7, 1940, стр. 24—26.

⁶ Об этом позволяет судить послание папы Иоанна XXII к архиепископу Кафы от 28 марта 1318 г., где говорится об армянах, обратившихся к папе относительно некоторых обрядов; очевидно, речь шла об армянах-католиках (см., например: F. Macler, ук. соч., стр. 354, прим.). Возможно, что таковыми были и те „потерявшиеся“ армяне в Судакe, о которых упоминает одна из приписок к Сурожскому синаксарю под 1292 г. (ЗОО, V, 1863, стр. 609, № 88. — Ф. Брун. Черноморье, II, стр. 140).

был учрежден и орден для пропаганды унии армянской и римско-католической церкви („Fratrii praedicatorum uniti“),¹ существовавший вплоть до 1475 г.² и зависимый от доминиканцев.

Об одном богатом армянине, вероятно католике, дает знать фрагмент мраморной плиты конца XIV в. из Кафы с остатками армянской надписи о построении родника (т. е. его архитектурного оформления). На плите сверху помещен герб Генуи, рядом — агнец с лабарумом (заключенные в круг), далее видна часть герба — возможно, герба генуэзского дожа конца XIV в. Антониотто Адорно.³ Наличие герба Генуи указывает на то, что армянин, ктитор постройки, был из числа „генуэзцев“ (cives januenses), т. е. принадлежал к правящей верхушке Кафы⁴ и, судя по его социальному положению, равноправному с генуэзцами, являлся католиком.

Однако основная масса армян Кафы с огромным упорством противилась политике латинизации, отстаивая самостоятельность и независимость своей общины. Неудивительно поэтому, что политика генуэзцев и папства потерпела полный крах. И в середине XV в. она не привела к цели: действия генуэзского епископа Кампоры (1441—1458 гг.), направленные к приобщению массы армян и греков к папской церкви, встречали их энергичное противодействие и вызвали волнения в городе. Волнения эти вылились в общий социальный протест, который усиливался вместе с углублением социального расслоения и обеднением массы горожан (а среди них, как говорилось, большинство составляли армяне), о чем свидетельствовали и сами кафинские власти.⁵ Так продолжалось и в дальнейшем, притом еще в более открытой и резкой форме, и снова под флагом церковной борьбы.⁶

Лишь богатая верхушка армянского общества Кафы в лице своих епископов вела предательскую политику. Они были тесно связаны с крупным купечеством, как армянским, так и генуэзским (связаны даже родством),⁷ и выражали, таким образом, интересы господствующего купечества Кафы, являясь его прямыми ставленниками.⁸ Вполне понятно поэтому, что армянские епископы Кафы шли полностью в русле генуэзской политики, фактически осуществляя ее. В 1438 г. ими окончательно была принята уния армянской церкви с римско-католической, о чем было объявлено на Ферраро-Флорентийском церковном соборе 1438—1439 гг.,⁹ созванном для заключения унии между папской и византийской церквами. Однако армянский народ отверг эту унию.

В других городах восточного Крыма, где влияние генуэзцев сказывалось значительно слабее, католическая пропаганда была совершенно безуспешной: по крайней мере о ней нет никаких сведений в источниках. В таком городе, как Солхат (Крым), населенном в XIV в. преимуще-

¹ Ф. Брун, ук. соч., II, стр. 153.

² Л. Колли. Падение Кафы. ИТУАК, 54, 1918, стр. 167.

³ Л. М. Меликсет-Беков. Старинные армянские надписи в Музее Общества истории и древностей в Одессе. Тифлис, 1912, стр. 16 и сл.

⁴ И. А. Гольдшмидт. Кафа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV вв. Автореферат, М., 1952, стр. 10.

⁵ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ук. соч., стр. 19 и сл.; Колли, ИТУАК, 47, 1912, стр. 88—89.

⁶ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ук. соч., стр. 25—26; Л. Колли, ИТУАК, 55, 1918, стр. 164.

⁷ См.: Л. Колли. ИТУАК, 54, 1918, стр. 164—165.

⁸ W. Heud, пер., ИТУАК, 52, стр. 88.

⁹ Даже самый выбор армянских епископов в XV в. происходил под контролем генуэзского консула в Кафе и направлялся им (Л. Колли, ИТУАК, 54, стр. 165; 55, стр. 163—164).

ственно армянами и татарами, и где гегуэзский элемент вообще не ощущался, унию совсем не признавали.¹

Эта вековая борьба за самостоятельность и независимость армянской общины в Кафе, направленная, по существу, против гегуэзцев и сомкнувшейся с ней армянской же торговой и денежной аристократии, иначе говоря, борьба классовая, хотя нередко и выступавшая под церковным покровом, нашла свое определенное и даже непосредственное отражение и в самой архитектуре армянских храмов XIV—XV вв. В формах их ясно сказались две резко выраженные тенденции: демократическое направление с его тяготением к формам родного армянского искусства и другое, противоположное, выразившееся в нарочитом подражании западной латинской архитектуре.

К этим архитектурным памятникам мы и перейдем.

3

Из всех указанных выше армянских церквей мы остановим внимание на трех, наиболее интересных: на церкви 1338 г. монастыря Сурб-Хач, близ Старого Крыма, и двух феодосийских купольных церквях — Иоанна Предтечи 1348 г. и ц. Михаила и Гавриила 1408 г.² Остальные названные постройки, в том или ином виде сохранившиеся, воспроизводят простейшую форму прямоугольника с апсидой, мало выразительную. Памятники эти интересны и важны фактом своего наличия, а не как историко-художественный материал.

Начнем с армянского монастыря Сурб-Хач, церковь которого — древнейшая среди сохранившихся армянских построек Крыма.

Монастырь, как сказано, находится поблизости (4—5 км) от Старого Крыма в лесистых горах. Он представляет целый комплекс связанных между собой, но разновременных построек (рис. 1):³ 1) церковь с притвором (гавитом) 1338 г., 2) жилое двухэтажное здание с внутренним двориком, расположенным с южной стороны гавита и 3) два больших сводчатых помещения с внутренними столбами, находящиеся к западу от церкви, от которой они отделены внутренним двором монастыря.

¹ Рассуждение В. Х. Кандараки (Универсальное описание Крыма, ч. 9, СПб., 1875, стр. 65) о том, что не принявшие католичества кафинские армяне „решили выселиться в окрестности Кафы, основав там свои поселения“ и что это „подтверждается развалинами храмов их и основанием в Старом Крыму обширного монастыря“ (т. е. монастыря Сурб-Хач) и т. д. — ни на чем не основано и произвольно, ибо монастырь этот возник еще в начале XIV в., т. е. за столетие до уни армянской и папской церковей, да и самое селение армян в Солхате (Старом Крыму) не менее древнее. Упоминаю об этом потому, что в новейшей работе Е. С. Зевакина и Н. А. Пенчко (ук. соч., стр. 25) эти домыслы В. Х. Кандараки возведены по-человечески в степень свидетельства и притом достоверного.

² Специальных работ, посвященных архитектуре этих памятников, нет, если не считать статью В. Лаврова (По античному и средневековому Крыму. Архитектура СССР, 1940, № 9, стр. 63—72). Научного значения эта статья не имеет, ибо она переполнена грубейшими ошибками.

³ Архитектурные памятники монастыря до сих пор не изданы: упоминания о его постройках встречаются попутно, например в путеводителях, но они мало что дают и здесь не приводятся. Древние надписи монастыря изданы: ЗОО, VI, 1867, стр. 325; X, 1877, стр. 447—450 (перевод части труда Миния Медичи — Минаса Бжешкьяна „Путешествие по Польше и другим местам, обитаемым армянами“. Венеция, 1830). Некоторые замечания о постройках монастыря см.: В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 286—287, с соответствующими ссылками на старое описание начала XIX в. у армянского писателя Бжешкьяна. Публикуемые здесь планы армянских храмов в Крыму выполнены по обмеру автора, разрезы — по любезно предоставленным обмерам А. Л. Ротача, которому приношу большую благодарность.

В стене между этим корпусом и жилыми постройками находится проходное помещение, через которое ведет вход вовнутрь монастыря, в его двор.

Жилое здание с 16 кельями построено в 1719 г., о чем говорит надпись над входом во внутренний дворик здания со стороны монастырского двора. Надпись гласит: „С помощью божией, сия стена со всеми ее постройками, с этими прекрасными верхними и нижними кельями сооружены во славу св. Креста в 1171 г. армянского летосчисления (Р. X. 1719). Пусть это будет памятью архиепископа Акопа...“¹ Здание состоит из восьми небольших помещений в нижнем этаже и столько же в верхнем, куда ведет каменная лестница, начинающаяся от монастырского двора, рядом с входом во дворик этого жилого корпуса, и проходящая над нишей водоема. Вдоль западной и северной линии этих помещений идет галерея на деревянных столбах.² На южную сторону, в сторону сильного склона, здание выходит сплошной глухой стеной, возведенной, как и все остальные стены, из крупного бутового камня на извести с подтеской лицевой поверхности и с прокладкой деревянных лежней для придания кладке эластичности.

Западную часть монастырского комплекса занимают, как сказано, два больших помещения. Первое из них (8.93 × 9.07 м), угловое, перекрыто цилиндрическими сводами на семи подпружных арках, которые опираются на два симметрично расположенных массивных столба. Вход находится в юго-восточном углу, в западной стене — глубокая ниша каминная.

Соседнее помещение (6.82 × 7.90 м), соединенное с первым проходом, также перекрыто цилиндрическими кирпичными сводами на четырех подпружных арках, которые опираются на массивный столб, стоящий не посередине, а ближе к южной стене помещения, что вызвано было расположением входа в помещение с того же двора. Оба помещения освещаются каждое тремя окнами, выходящими на запад, в сторону глубокого склона. Окна расположены в верхней части высокой и почти глухой стены, также сложенной из крупного бутового камня, но с чередованием полос камня и плоского кирпича (по 4 ряда) и широкими контрфорсами. Во втором помещении сохранилась надпись: „Я, Саркисповар, племянник вардапета Киракоса, служил св. Кресту 4 года, ради спасения души своей, года 1211“, т. е. 1762.³ Уже сама надпись косвенно указывает на то, что эти сводчатые помещения со столбами, являвшиеся наиболее вместительными в монастыре, были кухней и трапезной, что как раз и засвидетельствовано старым путешественником (Бжешкьяном).⁴

Следующее к югу помещение — глухое (в нем обычно держали скот); оно соединено лишь с упомянутым проходным помещением, также перекрытым полуциркульным сводом. Еще в начале XIX в. здесь находилась датирующая надпись: „Дверь эта устроена на память магдеси Саркиса года 1135 г.“ (т. е. 1686).⁵ Вряд ли это помещение, а по связи с ним и описанные сводчатые помещения построены намного раньше, хотя ничего определенного утверждать в этом отношении невозможно.

С северной стороны монастырский двор замыкается каменным забором, построенным, очевидно, еще позже (разрушен немецко-фашист-

¹ ЗОО, X, 1877, стр. 449.

² Во время второй мировой войны это здание сгорело.

³ ЗОО, X, стр. 449.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 447.

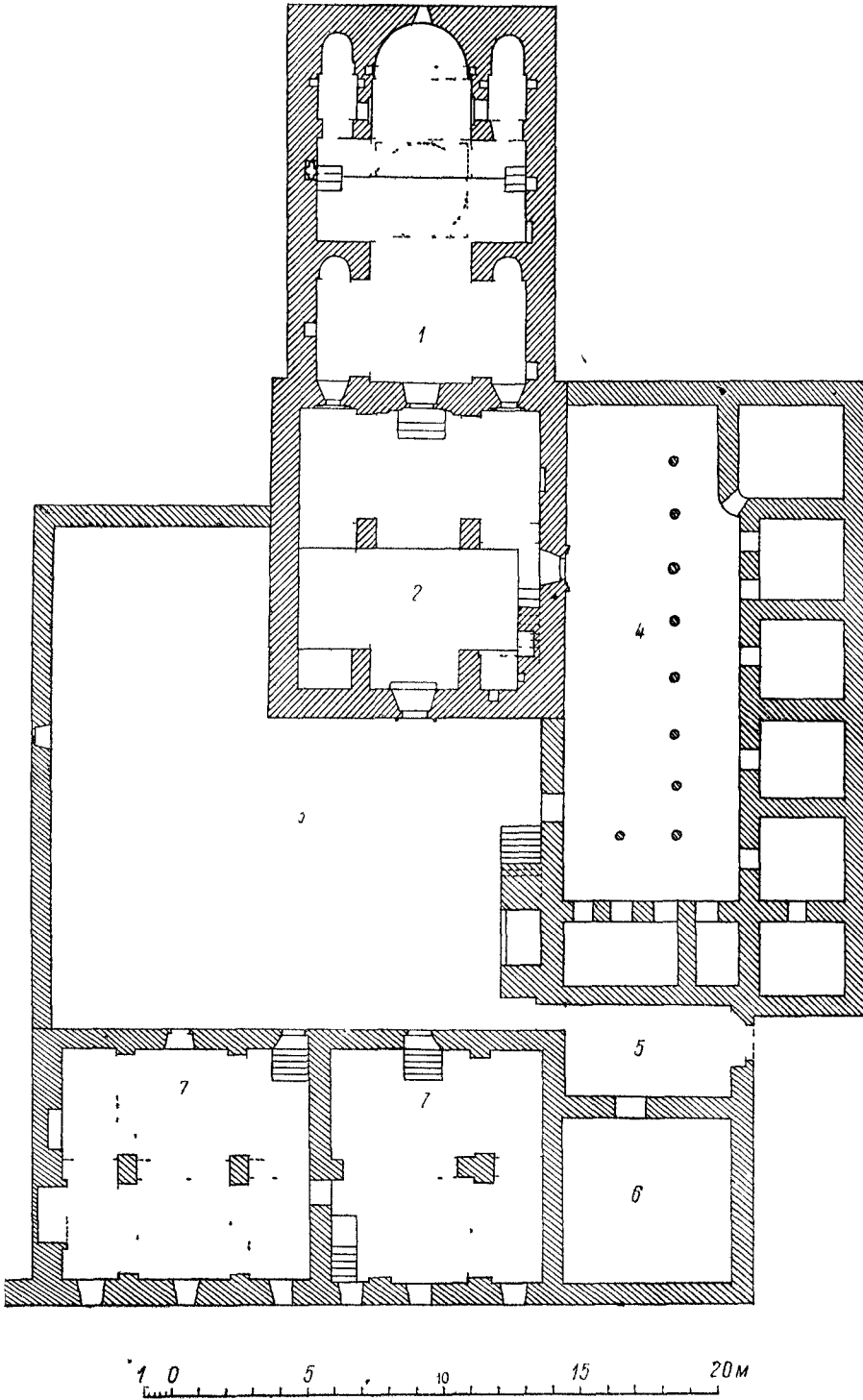

Рис 1. Монастырь Сурб-Хач Общий план монастырского комплекса

1 — церковь 1338 г, 2 — гавит, 3 — монастырский двор, 4 — внутренний дворик с галереей на деревянных столбах и жилыми помещениями (1719 г), 5 — проходное помещение (XVII в), 6 — помещение для скота (XVII в), 7 — кухня и трансепс (XVII—XVIII вв)

скими оккупантами). К забору, с внешней стороны, примыкало еще какое-то помещение, от которого уцелела лишь одна стена.

Наибольший интерес представляет центральная постройка монастыря — его храм св. Креста и примыкающий к нему с западной стороны гавит. Здание датировано надписью (в стихах), опоясывающей

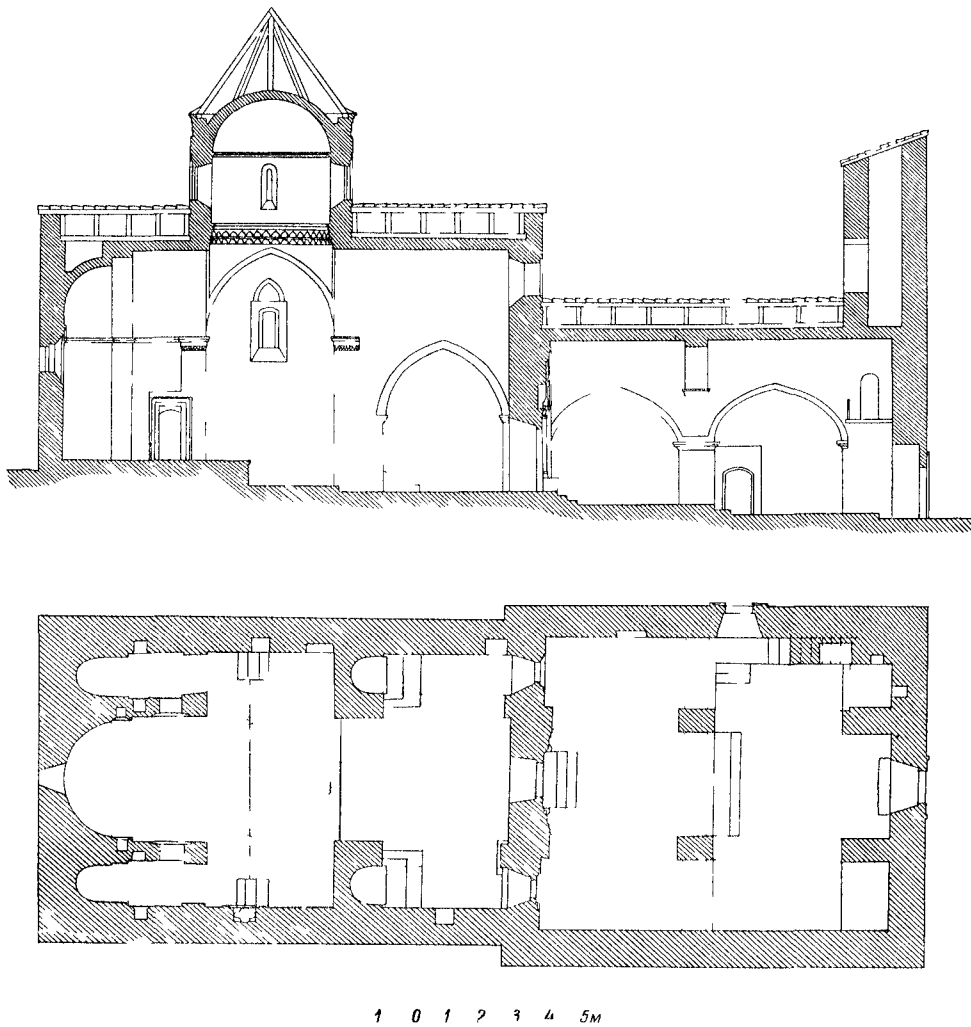

Рис 2. Монастырь Сурб-Хач План и разрез церкви и гавита.

барaban церкви над его окнами (под карнизом): „Сей божественный храм славы, на земле — рай древа жизни; он — подобие горнего неба и обиталища [св.] Троицы. От рождения во плоти Христа в тысяча триста тридцать восьмом году начав, воздвигнут во имя св. Знамения усердием служителя его Ованнеса инокa и родных братьев его и по духу сынов . . .“¹

¹ Перевод Хр Кучук-Иоаннесова (ук. соч, стр 72), проверенный и исправленный академиком И А Орбели. Старые переводы (ЗОО, VI, стр. 325 и X, стр. 448) существенно отличаются. В упомянутом „Путешествии“ Минаса Медичи (Бжешкьяна) 1820 г., изданном в 1830 г., говорится о том, что „в одном армянском описании жития мучеников, сохранившемся и поныне в Маджарах, сказано, что два брата Ованнес и Геворк были строителями этого монастыря“ (ЗОО, X, стр. 448).

Рис. 3. Монастырь Сурб-Хач. Восточная часть церкви внутри.

Рис. 4. Монастырь Сурб-Хач. Общий вид церкви и гавита с ю.-в. стороны.

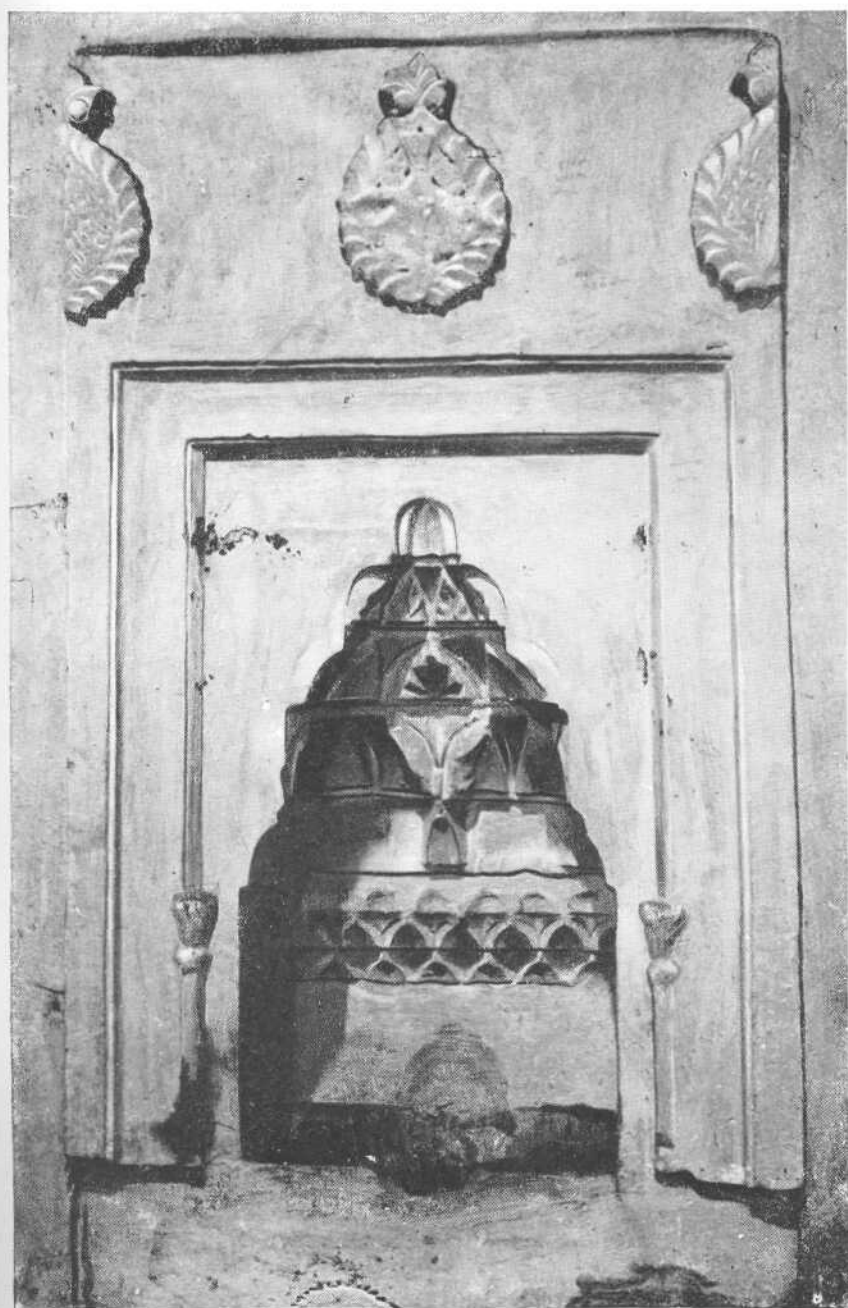

Рис. 5. Монастырь Сурб-Хач. Ниша с купелью в северной стене церкви.

Рис. 6. Монастырь Сурб-Хач.-Западный портал; деталь.

Здание самого храма воспроизводит крестовокупольную композицию с удлиненной восточной и короткими южной и северной ветвями креста, бемой и полукруглой апсидой, скрытой в толще стены и не выступающей наружу (рис. 2). Угловые секции заняты четырьмя хоранами с полукруглыми апсидами; из них два западных удлиненные, соответственно удлиненности западной ветви креста, куда они открываются широкими пролетами высоких стрельчатых арок. Восточные хораны короткие, с низкими проходами в бему и высокими до основания сводов проходами в южную и северную ветви креста (и также со стрельчатыми арочками, рис. 3). Таким образом, 4 основных подкупольных устоя не являются свободно стоящими (западная пара соединена с северной и южной стенами, а восточная — с восточной стеной, с низким проходом в ней) в противоположность обычному приему в византийской архитектуре XIII—XIV в., как столичной, так и провинциальной.

Ветви креста, как обычно, завершены полуциркульными сводами слегка стрельчатого контура, несущими круглый внутри и 12-гранный снаружи барабан, прорезанный четырьмя щелевидными окнами и увенчанный сферическим куполом.

Снаружи (рис. 4) здание представляет собой слабо расчлененный массив с редкими окнами (по одному на каждом фасаде, исключая западный, закрытый гавитом), нерасчлененными фасадами и очень слабо выделенными ветвями креста, завершенными плоскими, почти не выступающими щипцами. Угловые секции ничем не выделены: западная и восточная части здания подведены под общую плоскую двухскатную кровлю, прерываемую упомянутыми щипцами. Все это придает наружному облику здания характер монолитного однообразного массива, сложенного из того же бутового камня и лишенного, к тому же, какой-либо декорировки.

Контрастом выглядит 12-гранный купол, возвышающийся в средокрестье. В противоположность основной части здания, он облицован гладко тесаными небольшими плитами, положенными правильными рядами, и довольно сложно разработан: на каждой грани — по двойной (одна в другой) филенке с полуциркульным верхом, контур которых обегает тонкий жгут-полувалик, опирающийся на тонкие полуколонки по граням, а в верхней части арок он сплетен с горизонтальным карнизом в виде такого же полувалика, опоясывающим барабан. Над карнизом идет полоса с упомянутой надписью. Барабан венчается пирамидальным покрытием.

Декорировка внутри очень скромна: капители пилонов, как и соответствующих им настенных пилястров, украшены рядом мелких сталактитов; в основании барабана — мелкие арочки, наподобие сталактитов; ниша с купелью для крещения на северной стене обработана в виде наличника со сталактитовым верхом и обрамлена слабо профилированной рамой, над которой в центре помещен рельефный круг в виде венка (?) с неразборчивой фигурой внутри (густо замазана мелом) и с пальметкой наверху, а по бокам две половинки таких же кругов с полупальметками (рис. 5). Совершенно подобные же фигуры помещены на соответствующих местах на михрабе мечети Узбека 1314 г. в Старом Крыму.

На фоне этой скромной декорировки выделяется западный портал храма, выходящий в гавит (рис. 6). Проем входа заключен в профилированный наличник, по сторонам которого поставлены тонкие полуколонки с двухъярусными капителями, украшенными сплетенными лилиями. Такого рода капители обычны в архитектуре Крыма XIV—начала XV в.,

как в армянской и греческой, так и в татарской архитектуре,¹ и представляют собой воспроизведение капители, обычной в сельджукском зодчестве XIII—XIV вв. в Малой Азии, где этот мотив в основе, несомненно, армянского происхождения. Среди всех известных в Крыму зданий с такого рода капителями Сурб-Хач дает один из наиболее ранних образцов.

Над этим наличником входа с колонками помещена глубокая ниша со стрельчатым верхом и с фреской, изображающей Богоматерь с младенцем. Нишу фланкируют два отрезка широкого карниза, как бы прерванного нишею и состоящего внизу из резных плиток с полукруглым верхом, над которым протянут ряд сталактитов и орнаментальный пояс. Нишу сверху огибает бровка в виде рельефной „сельджукской деди“.

Вся эта композиция наличника входа с нишей заключена в высокую и широкую профилированную (в виде трех плоских уступов) раму со стрельчатым верхом, тимпан которой и занимает ниша с фреской. Между ней и верхом рамы вставлен посредине рельефный круг с агнцем (голова в нимбе, повернута назад), за ним лабарум — знамя с крестом на длинном древке; все это — на фоне растительных побегов. Такой же круг с агнцем и лабарумом помещен в вершине купола самого храма. Этот образ агнца, как символ Христа, запрещенный в X в. Труальским собором и тогда же отвергнутый восточно-христианской церковью, но удержанный латинским Западом,² известен и в Кафе среди генуэзских памятников: такой же круг с агнцем и лабарумом, но без окружающей его орнаментально-растительной резьбы, помещен между двумя гербами на плите с генуэзской строительной надписью 1363 г. о постройке латинской церкви св. Франциска в Кафе³ и на упомянутой армянской строительной надписи конца XIV в. в таком же сочетании с гербом.⁴ Однако в данном случае важнее тот факт, что такие же изображения агнца с лабарумом, иконографически тождественные, чеканились на монетах одного из Рубенидов — царя Киликийской Армении Леона III (1198—1219 гг.).⁵

По сторонам описанного круга с агнцем — на портале помещены две сильно выступающие шишки, украшенные мелким плетением, обычным в армянской и сельджукской архитектурной декорировке XIII—XIV вв.

Этот довольно сложный портал состоит, как видим, из набора мотивов, ставших обычными в архитектуре Крыма XIV и XV вв., одинаково — и в греческой, и армянской, и татарской. Мотивы эти непосредственно связаны с сельджукской архитектурой Малой Азии XIII—XIV вв.,

¹ Кроме описываемого портала, совершенно такие же капители украшают михраб и портал мечети и портал медресе Узбека в Старом Крыму 1314 г. (В. Д. Смирнов, ук. соч., табл. I; А. С. Башкиров. Сельджукизм в древнетатарском искусстве. Крым, № 2, 1926, стр. 118); портал дворца греческих владетелей Феодоро (Мангуп), 1425 г. (из раскопок 1938 г.; см. МИА, в. 34, 1953, стр. 417); портал мавзолея Ненеке-джан ханым в Чуфут-кале, 1437 г. Мотив этот доживает до XVI в.: такие же капители видим на портале мавзолея Хаджи-Гирея 1501 г. в Салачике, близ Бахчисарая.

² F. Cabrol. Dictionnaire d'archéologie chrétienne, вып. I, 1. 1903, s. v. Agneau (стр. 836).

³ В. Юргевич, ук. соч., ЭОО, VII, 1868, стр. 276, № II, табл. VI, 4; E. Skrzinska. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. (Отгяск из „Atti della Società Ligure di storia patria“, т. LVI, 1928), стр. 47.

⁴ А. М. Меликсет-Беков, ук. соч., стр. 17.

⁵ С. А. Гамалов-Чураев. Классификация рубенидских монет. Труды Нумизматической комиссии РАИМК, IV, Петербург, 1923, стр. 5, табл. I, 10; ср. табл. I, 1, 9, 17 (монеты царя Этума I—1226—1270 гг.).

в основе которой, как можно утверждать, лежит именно армянское искусство.¹ Портал храма Сурб-Хач, скомпонованный из привнесенных с юга декоративных мотивов, интересен своеобразной переработкой и сочетанием этих элементов, хотя и не во всем оправданным (ничего не несущие капители, прерванный нишей сталактитовый ряд), и обилием их: мастер словно стремился отобразить в своем произведении все популярные декоративные мотивы своего времени, но не сумел объединить их в стройную и логичную систему. Композиция портала носит постому провинциальный характер, как и все здание в целом.

Гавит, пристроенный в притык к храму, очень прост по своей композиции и представляет просторную трехнефную залу (10.31 × 8.82 м), построенную из того же крупного бутового камня с подтеской лицевой поверхности; внутри она оштукатурена. Зала перекрыта тремя продольно ориентированными полуциркульными сводами, разделенными арками, опирающимися на два прямоугольных столба в центре; с западной стороны арки упираются на сильные выступы (короткие стенки). Входов два — с южной и западной стороны; оба имеют простой наличник в виде профилированной рамы. Гавит освещается высоко расположенными двумя окнами с южной стороны и одним с западной стороны. Перекрытие гавита плоское двускатное.² В юго-западном углу гавита начинается каменная лестница, ведущая четырьмя маршами³ в надстройку над юго-западным углом гавита в виде прямоугольного помещения, перекрытого цилиндрическим сводом (ось его юг—север). Помещение, возможно, предназначалось под колокольню, как об этом говорится в описании Бжешкьяна 1820 г.⁴, но затем, очевидно, было перестроено и превращено, вероятно, в служебное помещение. Следует подчеркнуть ближайшее сходство гавита с описанной выше трапезной, также двухстолбной, и с совершенно подобным гавитом ц. Иоанна Предтечи в Карантине в Феодосии XIV в. (см. ниже). Возможно, что к этому же времени относится и гавит Сурб-Хача, хотя настаивать на такой сравнительно ранней дате нельзя, ибо планировка эта была, повидимому, очень устойчивой.

Наибольший интерес представляет, как сказано, центральная постройка монастыря — его храм 1338 г. Если отвлечься от его декоративного наряда, в целом довольно скромного, и обратиться к самой его архитектуре, то нетрудно убедиться, что зодчий здания имел перед собой совершенно определенную задачу: воспроизвести композицию, обычную для его времени в культовой архитектуре самой Армении. Именно там единственно принятой в то время была система размещения хоранов (приделов) во всех угловых секциях, а не только по сторонам алтарной апсиды; именно там обязательно и обычно было соединение подкупольных устоев со смежными стенами, что устраняло дробление пространства такими устойчивыми и придавало ему единство, составляющее

¹ И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. А., 1939.

² Здание сильно пострадало, как и весь монастырь, во время фашистской оккупации. В гавите плиты пола большей частью были взломаны и лежали навалом, и, кроме того, в полу вырыты ямы. В храме был полный развал, плиты алтарного возвышения также были взломаны, покрытие купола отсутствовало. Жилой корпус, как сказано, сгорел, остальные здания лишились кровли.

³ Первый марш идет вдоль южной стены, далее лестница поворачивает и 2 марша идут вдоль западной стены (лестница сначала идет в северную сторону и выходит на хоры, затем поворачивает на южную сторону) и, наконец, снова вдоль южной стены.

⁴ ЗОО, X, стр. 448.

одну из самых характерных особенностей армянской средневековой архитектуры вообще. Наоборот, в византийской архитектуре (и в столичной и в греческой провинциальной) и в архитектуре греческих центров в Малой Азии (Трапезунт),¹ как и в архитектуре Грузии (в противоположность соседней Армении), — свободно стоящие устои обычны и обязательны. Даже в Херсоне (Херсонесе), в XIII в. уже разобщенном с Византией, но где византийское влияние в культовой феодальной архитектуре еще по традиции сказывалось, эта особенность присуща всем его храмам того времени.² Наконец, характерна и такая черта, как сплошной, в виде глухой стены, восточный фасад, на котором алтарные полукружия совершенно не выделены и не выступают. Такая система была единственной принятой в Армении, в противоположность опять-таки византийской архитектуре, где восточные полукружия снаружи всегда объемны. В подтверждение сказанного можно сослаться на множество памятников армянской культовой архитектуры XII—XIII вв., хотя бы на изданные, где все отмеченные черты наблюдаются постоянно.³

Храм Сурб-Хач имеет вместе с тем и отличия, свои особенности. Так, обработка многогранного барабана, расчлененного по граням на вставленные одна в другую филенки, не встречается в Армении и, наоборот, типична именно для византийской архитектуры; именно там принцип глубоко расчлененного фасада, лишенного монолитности и трактованного как система устоев, соединенных тонкими перегородками и как бы уведенных на задний план, являлся руководящим, начиная, по крайней мере, с XI в.⁴ Однако расчленение это в Сурб-Хаче, во-первых, плоскостное, во-вторых, — применено только на барабане (стены храма совершенно плоскостны и монолитны); о последовательном применении византийского художественного приема во всем здании повтому не может быть и речи: это лишь слабый отзвук определенной системы, к тому же отраженной в Крыму не только в Сурб-Хаче. Ту же расчлененность, притом столь же плоскостную, мы наблюдаем в храме близ сел. Лака (в 12 км от Бахчисарая) XIII в. и в некоторых храмах Херсонеса того же времени.⁵ Это была местная переработка некогда модных столичных архитектурно-художественных приемов, оставшихся чуждыми зодчим Крыма и воспринятых ими чисто внешне. К началу XIV в. указанная черта уже успела, повидимому, приобрести местный крымский облик.

Эта особенность, уже утратившая черты собственно византийской системы, сочетается в Сурб-Хаче с местной техникой всего здания, построенного из бутового камня. Уже одно это с несомненностью указывает, что строителями храма были местные артели каменщиков, имевшие задание воспроизвести армянскую архитектурную композицию, что они полностью, без отступлений и выполнили в привычной для них технике. Наконец, местный колорит зданию придает и его декорировка: использовав заморские (малоазийские) декоративные мотивы, сельджук-

¹ G. Millet. *L'école grecque dans l'architecture byzantine*. Paris, 1916, стр. 62—63, 84 сл.

² А. А. Якобсон. Средневековый Херсонес. МИА, вып. 17, 1950, стр. 231 сл.

³ См. хотя бы МАК, XIII, чертежи памятников XIII в. на стр. 3, 54, 67, 106, 124, 162. — Н. М. Токарский. *Архитектура древней Армении*. Ереван, 1946, стр. 170, 180—182, 187, 267.

⁴ Н. И. Брунов. *Архитектура Константинополя IX—XII вв.* Виз. вр., т. II (XXVII), 1949, стр. 199, 208—209.

⁵ А. А. Якобсон, ук. соч., стр. 238, 242, 248.

ские по непосредственному источнику и армянские по происхождению, они их передали опять-таки в своей редакции — пусть провинциальной и упрощенной, но местной, точнее сказать — ставшей уже местной.

В целом, храм в монастыре Сурб-Хач — это армянская архитектура в специфически крымском провинциальном предомлении, в местной традиционной технике и со скромным декоративным убранством, уже отошедшим от собственно армянского, которое строителям, вероятно, и не было знакомо. Повидимому, требования ктиторов храма, желавших видеть у себя в монастыре именно армянский храм, не шли дальше основы собственно архитектурной композиции.

В связи со сказанным естественно предположить, что ктиторы монастыря Сурб-Хач еще не были униатами и, наоборот, придерживались родной григорианской церкви.

Такому заключению не может противоречить и изображение агнца с лабарумом на портале храма и его куполе, известное, правда, на надписи XIV в. в одной из латинских церквей Кафы, но еще до того встречающееся, как сказано, на монетах царей Киликийской Армении конца XII—начала XIII в. Таким образом, достоверным указанием на католическую принадлежность храма Сурб-Хач, построенного еще в первой половине XIV в., это изображение агнца с лабарумом служить, полагаем, не может.

До некоторой степени такое заключение может получить подтверждение, хотя и косвенное, в надписи того же монастыря, правда поздней — середины XVIII в. (1751 г.), но отражающей, надо думать, очень старую традицию, связанную вообще с этим монастырем и передававшуюся из поколения в поколение. В этой надписи, вставленной в стену, отделяющую монастырский двор от внутреннего дворика жилого корпуса, поблизости входа в него и рядом с гавитом, сказано следующее: „Милостью божьей монастырь Сурб-Хач вторично возобновлен великолепно, а также храм и наружные дворы с окружающими [их] стенами: Он — престол всего нашего народа григорианского вероисповедания на острове (в Крыму, — А. Я.), т. е. жителей Кафы, Карасу, Бахчисарая, Геозлу (Евпатория, — А. Я.), всех сел с Каушанами [и] притом с Румелией, коих мужи и жены... содействовали сему (возобновлению монастыря, — А. Я.) во времена епархиального начальника острова архиепископа Адама... Он был радетелем и виновником перестройки... Год спасителя нашего 1751, лета армянской эры 1200“.¹

Эта надпись говорит о принадлежности монастыря григорианской церкви, правда в позднее время, т. е. о том же, о чем свидетельствуют для XIV в. самые формы храма — родные армянские. А все вместе взятое убеждает в том, что монастырь Сурб-Хач XIV в. принадлежал именно григорианской церкви, а не католической.

Менее наглядно, но все же достаточно отчетливо черты собственно армянской архитектуры можно наблюдать и на другом армянском храме — в самой Кафе, расположенном вне древнего города, за его крепостными стенами, в местности нынешнего Карантина — возможно на территории старого армянского посада, возникшего, вероятно, еще в период массового переселения армян в Крым (см. выше, стр. 167). Это церковь Иоанна Предтечи, построенная в 1348 г.

¹ Хр. Кучук-Иоаннесов, ук. соч., стр. 73—74.

Небольшое по размеру (снаружи — 5.0×3.5 м) прямоугольное здание, сложенное из бутового камня на известке, разделено на две части выступами северной и южной стен (рис. 7). На эти выступы опираются 4 арки, идущие вдоль указанных стен; в западной секции между ними

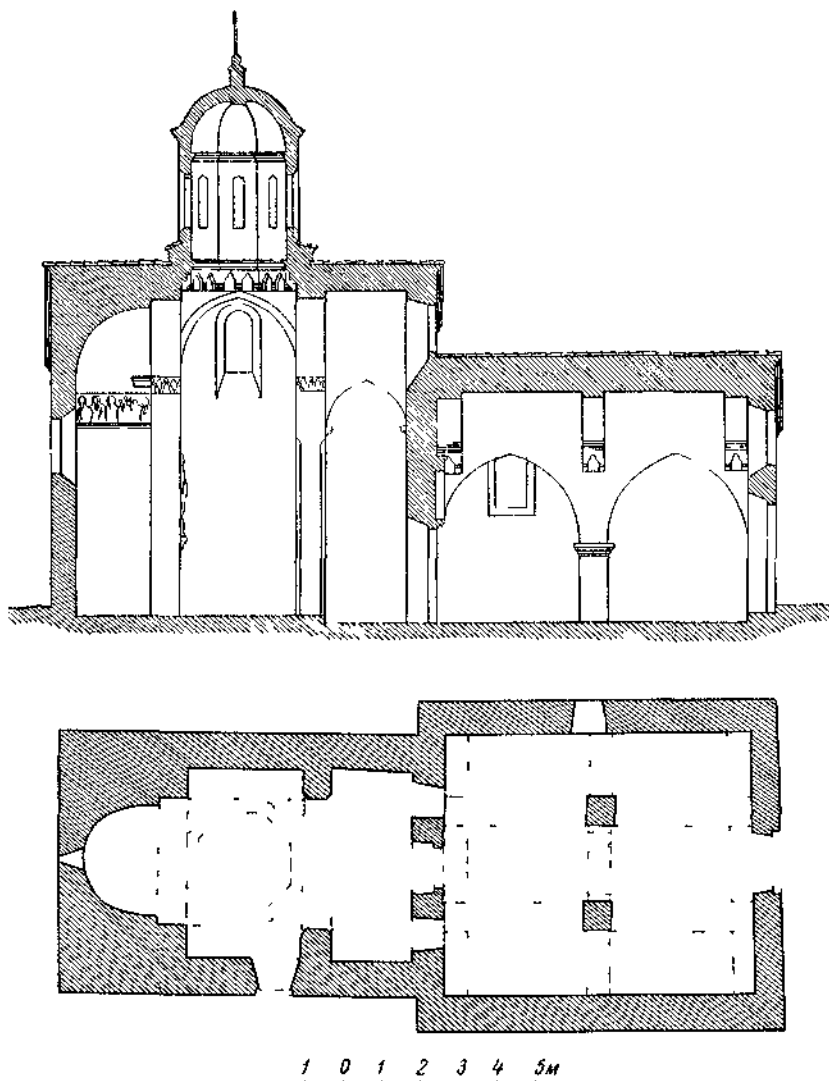

Рис 7 Церковь Иоанна Предтечи. План и разрез.

зажат полуцилиндрический свод; в следующей части (центральной) на них опирается ребристый барабан, завершенный куполом. С восточной стороны к этой части примыкает полукруглая апсида с узкой бемой, завершенная конхой с высоко поднятым окном. Снаружи — тот же совершенно нерасчлененный массив с гладкими стенами из бутового камня под общей двухскатной кровлей; лишь центральная часть выделена небольшими щипцами на южном и северном фасаде (рис. 8).

Западный вход, выходящий в гавит, имеет довольно богатый прямоугольный наличник¹ (рис. 9), состоящий из „сельджукской цепи“ и обрамляющего его пояса, заполненного резным орнаментом: он заключает в себе уже знакомые нам пальметки, соединенные между собой стебельками и окруженные широкими листьями с „глазком“; этот орнаментальный элемент чередуется с плетенкой. Стилистически тождественный орнамент — на портале мечети Узбека 1314 г. в Старом Крыму, близкий ему — на дюрбе Ненеке-джан-ханым 1437 г. в Чуфут-Кале. Что касается „сельджукской цепи“, то она в качестве мотива архитектурной декорировки была в Крыму XIV—XV вв. очень популярной и встречается повсеместно и в самой Кафе (армянская ц. Михаила 1408 г. и еврейская синагога XIV—XV вв., ныне разрушенная), в греческой архитектуре Мангуна (дворец 1425 г. и базилика, возобновленная, вероятно, тогда же) и в татарской архитектуре Бахчисарая и его окрестностей (дюрбе в Чуфут-Кале и Хаджи-Гирея 1501 г.). Выступающие из стены пилоны и выступы по сторонам апсиды завершены капителями в виде ряда сталактитов — мотивом, столь же популярным в зодчестве Крыма той поры — и армянском, и греческом, и татарском.

Но наиболее интересны рельефы в восточной части здания. Здесь две фигуры святых фланкируют алтарное полукружие: с южной стороны помещена фронтально поставленная бородатая фигура Иоанна Крестителя в рост, в омофоре (рис. 10а); с северной стороны — бородатая фигура Георгия, также в нимбе, представленная в легком повороте налево (ноги в профиль), с поднятой левой рукой и согнутой правой, в хитоне с развевающимися нижними концами (рис. 10б).

По верху апсиды над простым карнизом, который обегает ее, помещены в ряд, вплотную друг к другу, прерываясь лишь окном, погрудные рельефы двенадцати апостолов (рис. 11), представленные фронтально, в омофорах; головы (с нимбом) слегка повернуты вправо или влево. Над окном — также погрудное изображение Христа; изображение выветрилось, детали утрачены, как и у двух соседних (с южной стороны) фигур. В целом рельефы изображают сцену евхаристии, обычную в византийской и древнерусской живописи после XI в., но передача ее в рельефе, насколько знаю, беспремерна — ни в византийской архитектуре вообще, ни в древнерусской, ни в Крыму такие рельефы не встречаются. Зато изображение евангельских сцен, а также всей сцены евхаристии в рельефе известны в Армении, хотя и там чаще встречаются отдельные рельефы святителей, Христа и Богородицы, помещенные над входом в церковь или на хачкарах, а также ктиторийские группы, относящиеся преимущественно как раз к XIII и началу XIV в., притом переданные в той же несколько обобщенной манере, стилистически очень близкой к той, в какой выполнены рельефы армянской церкви Кафы.

Приведем некоторые опубликованные примеры. Прежде всего упомянем сцену евхаристии, высеченную в рельефе на фоне мелких растительных разводов и помещенную в тимпане портала храма Оганнованка (Аштаракского района Армянской ССР) 1217 г.²

Фигуры представлены в рост и в движении, изображение их не проработано соответственно малому масштабу рельефа. Особенно

¹ Верх его частично срезан, так как проем в позднейшее время повышен и завершен полукружием.

² А. А. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. Л., 1950, стр. 147; К. Кафадарян. Оганнаванк и его надписи. Ереван, 1948, рис. 20—21. (На арм. яз.).

близко к нашему рельефное изображение в рост апостолов Петра и Павла по сторонам входа в церковь конца XIII в. в монастыре Сурб-Степанос (близ Гегарда, Котайкского района);¹ как и апостолы по сторонам апсиды в кафской церкви, они изображены в тех же позах: один из них — фронтально, другой — с небольшим поворотом, как бы в движении; там и здесь видим близкий характер одежды с развевающимися концами.

Далее можно привести целый ряд рельефных изображений, выполненных в столь же обобщенных формах, также напоминающих фигуры апостолов в Кафинской церкви. Таков рельеф XIII в. в монастыре Имирзик, где представлена фигура в рост с воздетыми руками и в омофоре.² Аналогичны фигуры Богоматери и парона Буртела в ктиторской группе на колонне ротонды храма-усыпальницы в Нораванке 1339 г.³

Известно довольно большое количество погрудных изображений Вседержителя и Богоматери с младенцем, относящихся к тому же времени (XIII—первой половине XIV в.); они помещались обычно на западном фасаде храма или гавита — в тимпане портала и окна над ним или в тимпане входа в верхнюю церковь, если здание двухэтажное. Таковы рельефы в церкви 1339 г. монастыря Аствацацин в Даралагезе⁴ или на западном фасаде гавита 1261 г. в Нораванке;⁵ та же композиция представлена в Нораванке на западном фасаде упомянутой двухэтажной церкви-усыпальницы парона Буртела 1339 г.,⁶ причем в тимпане входа в верхнюю церковь Христос изображен погрудно, как в кафинской церкви; рельеф трактован в общей форме, без проработки деталей, как и два предстоящих на том же рельефе, изображенные в рост. Упомянем аналогичное изображение на фоне растительных разводов над западным входом ц. Спитакавор Аствацацин в монастыре Иоанна Предтечи (Карапета) 70—80-х годов XIII в.⁷

Последние два изображения особенно близки к рельефам церкви в Кафе — по всему своему облику коренастых статичных фигур, переданных общей массой, с плоскостной проработкой деталей, что придает фигурам характер скульптурного примитива; вместе с тем это придает им и монолитность, хорошо вяжущуюся с монолитностью архитектурных форм самого здания.

Еще многочисленнее рельефные изображения Христа и предстоящих на армянских крестных камнях (хачкарах) XIII—начала XIV в., стилистически не выпадающие из всей группы перечисленных рельефов. Некоторые из них изданы.⁸

Все это показывает, что не только в выборе самого способа изображения евангельского сюжета каменным рельефом, а не фреской (которую не признавала армянская антихалкедонитская церковь), что совершенно чуждо было византийскому и греко-восточному искусству, но и по всему стилю своему эти рельефы ближайшим образом связаны

¹ МАК, XIII, 1916, стр. 61 и табл. XVI, 36.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, рис. 101, 104—105 (стр. 188—189). В своде того же храма помещены рельефы Христа с ангелами по сторонам (там же, стр. 188).

⁴ Там же, стр. 121 и табл. XXXI, 65 (Аствацацин-ванк, 1339 г.).

⁵ Там же, стр. 168 и табл. XXXVI, 80 и XXXVII, 81.

⁶ Там же, табл. XL, 88, 89.

⁷ Г. Овсебян. Потомство Тарсаича Орбелиана. Христ. Восток, т. II, вып. 2, 1914, табл. XXX.

⁸ МАК, XIII, табл. V, 10; XXXVIII, 84; Гарегин Овсебян. Аменаприкч монастыря Хавуцгара и одноименные памятники армянского искусства. Иерусалим, 1937, стр. 63, 75, 77, 85. (На арм. языке).

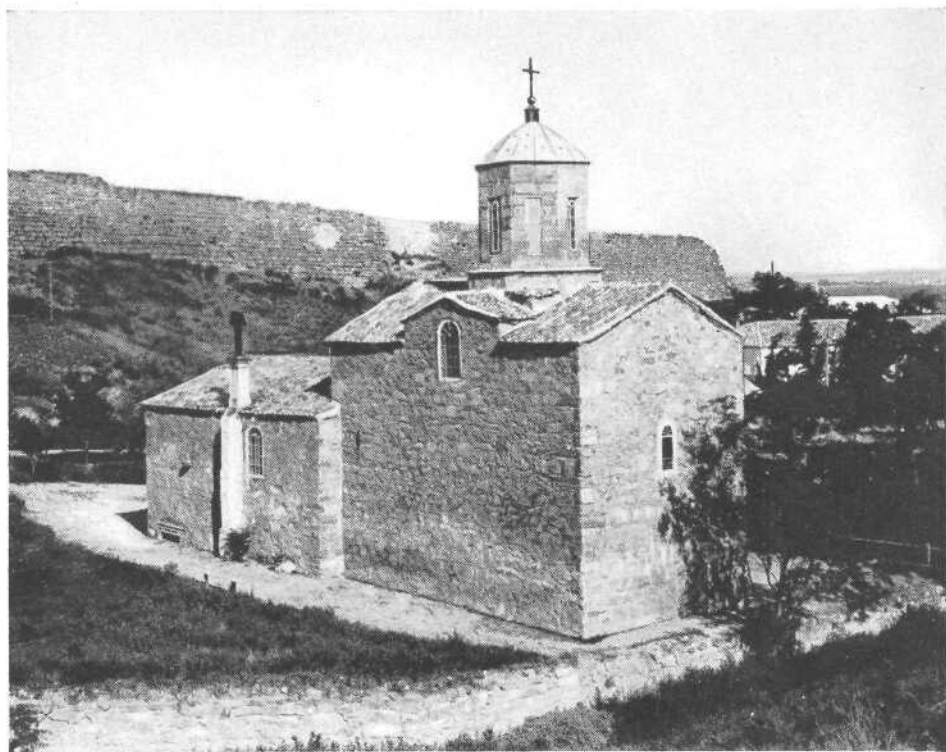

Рис. 8. Церковь Иоанна Предтечи. Общий вид с юго-восточной стороны.

Рис. 9. Церковь Иоанна Предтечи. Наличник западного входа.

Рис. 10а. Церковь Иоанна Предтечи. Рельеф на южной части восточной стены.

Рис. 10б. Церковь Иоанна Предтечи. Рельеф на северной части восточной стены.

Рис. 11. Церковь Иоанна Предтечи. Рельефы апостолов на стене апсиды (северная сторона).

с армянской монументальной пластикой того же времени — XIII и первой половины XIV в.

То же в полной мере относится и к собственно архитектуре церкви Иоанна в Кафе. Как и храм Сурб-Хач, она воспроизводит в упрощенном виде типичную для Армении в XIII—начале XIV в. архитектурную композицию небольших церквей, в которых соответственно их маленькому, иногда ничтожному размеру до предела была упрощена известная композиция купольных зал, где широко расставленные устои были соединены с южной и северной стенами.¹ Примеры таких поздних армянских церквей, в основе своей совершенно тождественных с церковью Иоанна в Кафе, опять-таки многочисленны и повсеместны.² Зато в византийской архитектуре, столичной или на периферии, греческой архитектуре Малой Азии и самого Крыма такого рода композиция абсолютно не встречается.

Гавит церкви, пристроенный к ней позднее (точная дата, ввиду отсутствия надписи, не известна), представляет собой прямоугольное помещение (внутри 4.05×3.45 м), более широкое, чем церковь, с двумя внутренними квадратными в сечении столбами, на которые опираются две пары высоких, стрельчатого контура, арок, перекинутых вдоль здания с запада на восток и делящих здание на три нефа. С северной и южной стеной и между собой столбы также соединены короткими арками, составляющими подпруги трех полуциркульных сводов, которые перекрывают три нефа гавита. По своей планировке он совершенно тождествен гавиту ц. Сурб-Хач и также находит себе точные параллели в позднесредневековой архитектуре Армении.³

Таковы два сохранившиеся памятника культовой архитектуры армян в Крыму XIV в. Оба они, как видим, ясно следуют армянской архитектурной традиции, широко представленной на родине ктиторов этих церквей. Оба здания носят, вместе с тем, специфически местный характер, что сказывается не только в обычной для местных каменщиков строительной технике зданий (бутовый камень, лишь местами с облицовкой тесаными плитами), но и в провинциальном упрощении армянских образцов и, наконец, в их декорировке, представляющей собой определенную переработку малоазийских декоративных композиций (порталы и их отдельные элементы), армянских лишь по своему происхождению.

4

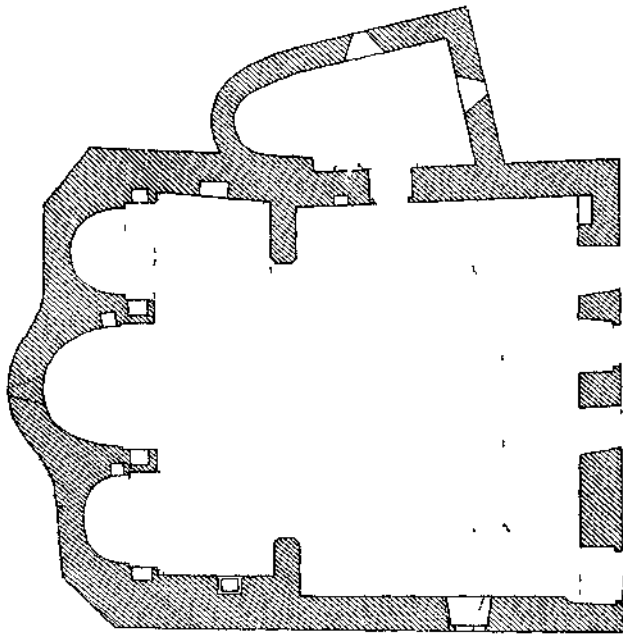
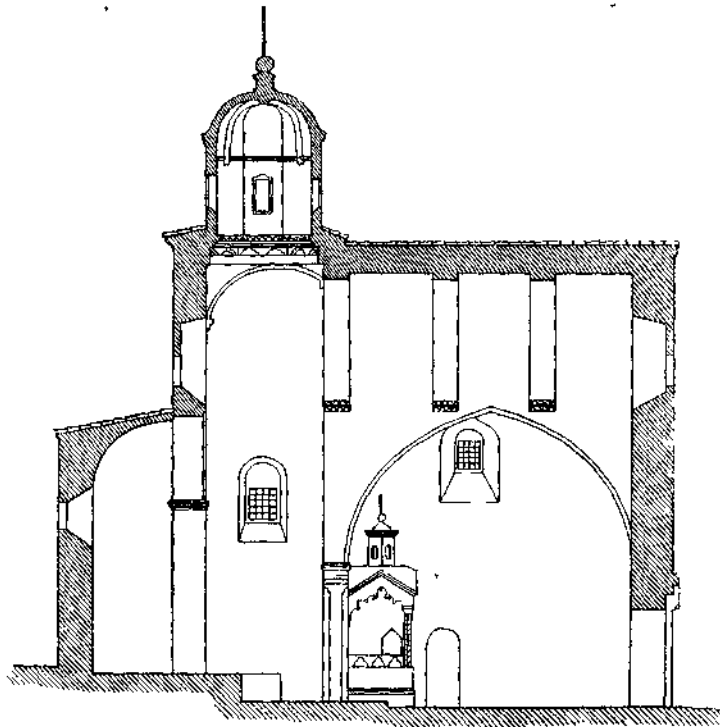
Контрастом, в сравнении с этими зданиями, выглядит третий памятник армянской архитектуры в Крыму — церковь Гавриила и Михаила в Кафе же, построенная близ городских стен внутри города; место постройки, полагаем, также не лишено значения при осмыслении форм этого здания.

Дата здания содержится в сохранившейся строительной надписи „Сей храм построен во имя небесных воинов Гавриила и Михаила служителей бога-слова, на праведные средства Астватцатура, супруги

¹ О происхождении и развитии этого типа см.: Н. М. Токарский, ук. соч., стр. 68—71; А. Л. Якобсон, Очерк истории армянского зодчества. Л., 1950, стр. 45—47.

² См., например, МАК, XIII, чертежи на стр. 44, 75, 85, 101 (рис. 46), 120. Здесь опубликованы памятники лишь Даралагеза, но подобные постройки многочисленны и в других районах Армении, например в Цахкадзоре, но большей частью они не изданы.

³ МАК, XIII, стр. 44, 84, 160.

1 0 1 2 3 4 5м

Рис. 12 Церковь Михаила и Гавриила. План и разрез.

Ахут-Хатун, родителей Садата и Хатун, детей Хачатура, Леона, Иоаннеса, магдуси Мелика. Лета 857¹ (=1408 г.).¹

Плановая (рис. 12) и пространственная композиция здания состоит из двух частей: западной, большей части, представляющей собой широкий неф, и восточной части, являющейся трансептом.

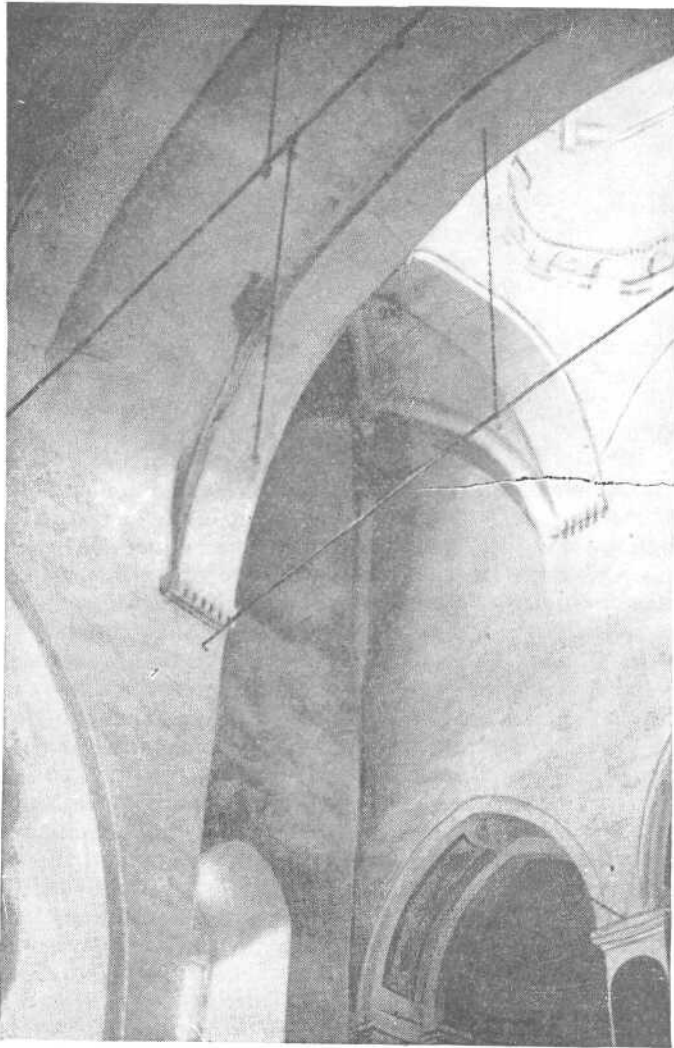

Рис. 13. Церковь Михаила и Гавриила.
Вид внутри: западный неф и трансепт.

Неф (ширина 3.5 м) ограничен широкими арками слегка стрельчатого контура, перекинутыми с западной стены на выступы, имеющиеся на северной и южной стенах и отделяющие неф от трансепта. На эти арки опирается высокий полуциркульный свод собственно нефа (ориентирован с запада на восток) с двумя подпружными арками также стрельчатого контура.

¹ Текст и перевод: Х. Кучук-Иоаннесов, ук. соч., стр. 69.

Довольно узкий (ширина 1.5 м) трансепт (рис. 13) сильно возвышается над нефом и отделен от него аркой, опирающейся на упомянутые выступы северной и южной стен. Трансепт членится на три квадратные части высоко поднятыми арками; две крайние (северная и южная) части перекрыты крестовыми сводами с сильными гуртами, а над средней возвышается 8-гранный световой барабан с четырьмя узкими окнами, завершенный куполом на четырех гуртах. В основании барабана — слегка нависающий карниз, состоящий из сильно профилированных кронштейнов (по два с каждой стороны), соединенных арочками трехлопастного очертания; карниз явно имитирует пояс машикулей, подобных тем, которые венчают башни генуэзской крепости Кафы.

К трансепту примыкает резко пониженная апсидальная часть, состоящая из трех полукружий, из которых средняя выступает на Восток немного больше, чем боковые. Апсиды перекрыты конхами; триумфальная арка имеет также слегка стрельчатый контур.

Внутренние объемы хорошо выражены в наружных массах здания, которые столь же отчетливо членятся на две основные части — неф и трансепт (рис. 14). Пониженные боковые арки нефа обусловили трехчастность его наружного объема, благодаря чему наружная композиция западной части здания приобрела форму трехнефной базилики с обычной двухскатной кровлей средней части и односкатными боковых. Стремление придать зданию облик трехнефной базилики, верней создать иллюзию ее, составляя, надо полагать, одну из задач строителя.

Сильно возвышающийся трансепт, доминирующий в общей композиции здания, выступает на восток сплошной стеной (рис. 15), прорезанной лишь одним окном в средней части (над апсидой) и так же, как внутри, ясно членится на три объема, из которых средний немного возвышается над боковыми, составляя основание восьмигранного барабана со сферическим покрытием. Пониженные апсидальные полукружия выступают за пределы основного массива здания, причем округлые очертания снаружи имеет только среднее полукружие; линии боковых апсид выпрямлены, а с краев они имеют грани, сливающие их с южной и северной стеной. Здание выстроено в обычной для того времени технике — из бутового камня на извести; своды и углы выложены из тесаного камня. Не только внутри, но и снаружи здание полностью оштукатурено. Обращает внимание небрежность планировки храма: южная стена идет не совсем параллельно западной (неф как бы сужается); та же неправильность замечается в южной части трансепта.

С южной стороны к зданию примыкает более поздняя, но все же древняя пристройка — капелла в виде удлиненной неправильной формы камеры с глубоким апсидальным полукружием (без окна) и перекрытая полуцилиндрическим сводом на трех подпружных арках с простыми профилированными кронштейнами. Вход в капеллу — из самой церкви; освещают ее два окна — на западной и южной стенах. Кровля пристройки односкатная.

Вход в здание первоначально имелся лишь в западной стене; ныне их четыре, причем центральный расположен не посередине;¹ остальные

¹ У этого входа были поставлены замечательные деревянные резные двери (рис. 16) с надписью, содержащей дату их — 1371 г. (Х. Кучук-Иоаннесов, ук. соч., стр. 69 и рис. 15). Двери эти первоначально, как явствует из надписи, принадлежали армянской же церкви Сергия и только значительно позднее перенесены в церковь Михаила. Ныне хранятся в Государственном Эрмитаже. Двери представляют выдающийся интерес и достойны специального исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

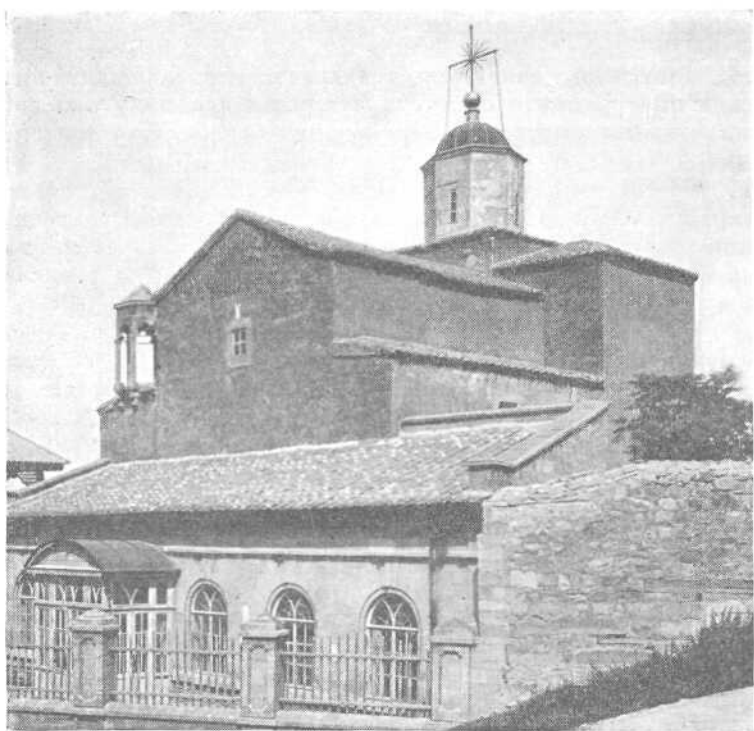

Рис. 14. Церковь Михаила и Гавриила. Общий вид с юго-западной стороны.

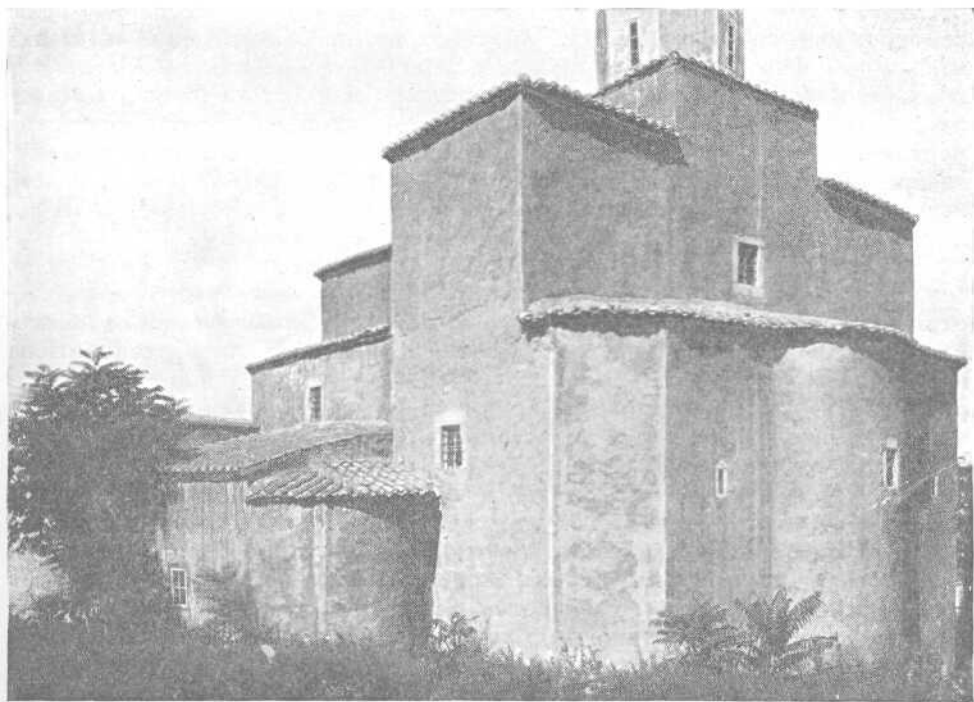

Рис. 15. Церковь Михаила и Гавриила. Общий вид с юго-восточной стороны.

три входа, возможно, являются результатом позднейших переделок. Декорировка внутри почти отсутствует: кроме упомянутого декоративного карниза в виде машикуль в основании барабана, украшения (мелкими зубчиками) имеют лишь кронштейны у основания всех подпружных арок. Кроме того, декоративным наличником с „сельджукской цепью“ украшена ниша, устроенная в северной стене транспта. Снаружи здание совершенно лишено декоративного убранства. Украшена лишь миниатюрная 4-колонная ротонда-колокольня, поставленная над западным краем северного „нефа“.

Здание в целом производит впечатление монолитного массива, состоящего из нескольких простых, резко выделенных и контрастирующих друг с другом объемов. Впечатление это усиливается тем, что стены почти лишены проемов (они почти глухие) и какой-либо декорировки.

С первого же взгляда на здание становится ясно, что с архитектурой самой Армении оно не имеет ни малейшей связи, ни единой точки соприкосновения. В этой армянской церкви нет ни одной армянской черты. Ктитору храма Гавриила и Михаила явно избегали родное искусство. Они теперь ориентировались на совсем иную культуру.

Прежние задачи, ясно выраженные в более ранних армянских постройках, нами рассмотренных, — возможно полнее отразить формы архитектуры Армении — в дальнейшем, в начале XV в., уже утратили, как видно, актуальность и отпали. Теперь встала иная, диаметрально противоположная задача — воспроизвести формы латинской архитектуры. Это, в меру своих сил и умения, и выполнили строители церкви Гавриила и Михаила, взявшие за образец типичные формы западноевропейской, точнее говоря, итальянской архитектуры своего времени.

Вряд ли такое совпадение форм случайно, как и то, что ктитору и строители сочли необходимым обратиться именно к итальянской архитектуре, как своему образцу. Конечно, не непосредственно в Италию черпал эти формы зодчий армянской церкви в Кафе начала XV в. Эти образцы находились, надо думать, рядом, под боком — в самой Кафе, где, судя по Статуту Кафы 1449 г., существовало много генуэзских церквей. Отсутствие их самих, совершенно не сохранившихся (ибо генуэзские церкви, повидимому, были сплошь разрушены турками, о чем, еще по живым воспоминаниям, говорит Мартин Броневский, 1578 г.), лишает нас возможности подтвердить это предположение.

Но остается факт: армянская церковь Гавриила и Михаила 1408 г. без отступлений воспроизводит архитектуру генуэзцев. Это католическая церковь армянского прихода с соответствующими этому ее новому качеству формами. Не случайно, может быть, и то, что расположена она не за городом, а в пределах его, что как бы косвенно отражало — по крайней мере, фактически, а не официально — равноправное положение армянской церкви в генуэзском городе.

Смена архитектурных форм — это смена архитектурных и, следовательно, идейных задач. Теперь, в начале XV в., эти новые формы призваны были отразить новое положение армянской церкви как организации в Кафе — положение, хотя официально еще и не установившееся (это произошло на тридцать лет позже), и новое положение ктиторов ее — верхушки армянского общества Кафы. Архитектура церкви свидетельствует об их латинской, конкретно — генуэзской политической ориентации.

Выше уже говорилось о консолидации армянской денежной и торговой аристократии Кафы и ее ставленников, армянских епископов.

Рис. 16. Церковь Михаила и Гавриила. Деревянные двери
1371 г.

с генуэзцами в XV в. В сфере церковной это привело к унии армянской церкви и католической, о чем было официально объявлено в 1438 г. в Киликии, но уния не была принята народом ни там, ни в самой Армении, и поэтому не осуществилась.

Но акт этот подготавливался, конечно, в течение долгого времени. Союз армянской буржуазии (по отношению к армянам Кафы XV в. мы можем сказать именно так) с генуэзцами, политически господствовавшими в Кафе, установился, можно думать, еще до церковной унии, предрешив ее.

В этом, в сущности, и находят себе объяснение латинские формы церкви Гавриила и Михаила. Не менее ясен архитектурный язык армянских церквей XIV в. в Солхате и Кафе, еще армянский, свидетельствующий о времени самостоятельности и независимости армянской церкви, жившей традициями своей родины и еще не объединившейся с генуэзской.

Резкая смена архитектурных форм непосредственно отразила перемены в политической жизни Кафы. В этом интерес и значение исследованных выше памятников армянской архитектуры в Крыму.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

ГРЕЧЕСКИЕ СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РУКОПИСИ В ЛЕНИНГРАДЕ

Греческие рукописи, средневековые и новогреческие, хранятся в ряде собраний разных городов Советского Союза: Москвы, Ленинграда, Пскова, Киева, Казани, Харькова, Тбилиси, Еревана.

Наиболее богатыми собраниями являются, естественно, собрания Москвы и Ленинграда. Но в то время как собрания Москвы получили более или менее полное освещение в печати,¹ собрания Ленинграда, несмотря на наличие печатных описаний, известны в гораздо меньшей степени. Это объясняется в первую очередь тем обстоятельством, что сведения о собраниях греческих рукописей Ленинграда помещались в малораспространенных и труднодоступных изданиях (например „Отчеты Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина“ за разные годы, „Отчеты о деятельности Русского археологического института в Константинополе“, печатавшиеся за ряд лет в „Известиях“ Института, и т. п.). Вследствие плохой информации, многие ценные рукописи ленинградских собраний лежат втуне, не привлекаются советскими византистами для исследования, не используются при изучении истории Византии, истории византийской культуры, истории Греции в новое время, истории греческого языка и т. д.

Ниже дается общая характеристика средневековых греческих рукописей, хранящихся в Ленинграде. Статья не касается собраний папирусов, рукописей на новогреческом языке, астрологических рукописей, описанных М. А. Шангиным,² и нотных богослужебных рукописей.³

В Ленинграде греческие рукописи находятся в следующих хранилищах:

1) Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ, около 1000 единиц).

¹ Рукописи Государственного Исторического музея см.: Владимир, арх. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной библиотеки, ч. I, Рукописи греческие, М., 1894; О рукописях Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина. см.: А. П. Каждан. Греческие рукописи Библиотеки им. В. И. Ленина. Вопросы истории, 1946, № 10, стр. 107—108.

² *Catalogus codicum astrologorum graecorum*, t. XII. *Codices Rossicos descripsit* M. A. Sängin. Bruxellis, 1936.

³ О греческих рукописях ГПБ., важных для истории византийской музыки, см.: J. Thibaut. *Monuments de la notation ekphonétique et hagiopolite de l'église grecque. Exposé documentaire des manuscrits de Jérusalem, du Sinai et de l'Athos conservés à la Bibliothèque Imp. de St.-Petersbourg*. St.-Petersbourg, 1913.

2) Рукописное отделение Библиотеки Академии Наук СССР (БАН, около 280 единиц).

3) Архив Института истории Академии Наук СССР¹ (около 70 единиц, собрание Н. П. Лихачева).

4) Государственный Эрмитаж (2 единицы).

5) Архив Института русской литературы Академии Наук СССР (собрание В. Н. Перетца, отрывок Евангелия XIII в.).

6) Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ).²

В трех последних из перечисленных хранилищ имеются лишь случайные единичные рукописи, поэтому ниже речь будет о греческих рукописях первых трех хранилищ, а преимущественно — о собраниях ГПБ и Рукописного отделения БАН.

Собрание греческих рукописей ГПБ складывалось в течение XIX—XX вв. как путем приобретения Библиотекой цельных коллекций, принадлежавших частным лицам, так и путем покупки отдельных рукописей. Среди коллекций частных лиц укажу наиболее замечательные: 1) Собрание П. П. Дубровского, в составе которого имеются рукописи, некогда находившиеся в знаменитой библиотеке канцлера Сегье, а позднее в Сен-Жерменском аббатстве;³ 2) Собрание К. Тишендорфа;⁴ 3) Собрание известного слависта А. Ф. Гильфердинга;⁵ 4) Собрание архиепископа Порфирия Успенского;⁶ 5) Собрание архимандрита Антонина Капустина;⁷ 6) Собрание А. И. Пападопуло-Керамевса.⁸

После Великой Октябрьской социалистической революции в Отдел рукописей ГПБ поступили греческие рукописи библиотеки бывшей Санкт-Петербургской духовной академии, Общества любителей древней письменности и некоторые другие, небольшие и незначительные по содержанию, собрания.⁹

Греческие рукописи, принадлежащие Рукописному отделению БАН, делятся на три группы: 1) греческие рукописи, хранящиеся в составе так называемого „Собрания иностранных рукописей“, сложившегося из

¹ Главным образом отрывки рукописей. Некоторые из них были описаны М. А. Шангиным. См., например: Доклады Академии Наук СССР, Серия В, 1927, №№ 7 и 9; Доклады Академии Наук СССР, Серия В, 1928, № 11; Известия Академии Наук СССР, Отд. гуманитарных наук, 1930, № 5. См. также: А. Παλαδόπουλος-Κεραμής, *Διάφορα ἑλληνικά γραμμάτια ἐκ τοῦ ἐν Πετροῦπόλει μουσείου τῆς ἁ. ἑ. τοῦ κυρίου Nikolai Likhatcheff. Ἐν Πετροῦπόλει, 1907.*

² См.: Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего Синода, т. II, вып. II, СПб., 1910. Имеются только рукописи богословского содержания XVII—XIX вв. и отрывок грамматики XVII—XVIII вв.

³ E. Muralt. *Catalogue des Manuscrits Grecs de la Bibliothèque Imp. Publique de St-Petersbourg, 1864*; греческие рукописи собрания П. П. Дубровского были описаны в начале XVIII в. Монфоконом, см.: V. de Montfaucon. *Bibliotheca Coisliniana olim Segueriana. Parisiis, 1715.* О собрании П. П. Дубровского см.: Т. В. Луизова. Собрание рукописей П. П. Дубровского в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Вопросы истории, 1952, № 8, стр. 150—154; А. Д. Люблинская. Западные рукописи в Ленинградской Публичной библиотеке. Советская наука, 1940, № 9, стр. 101—105.

⁴ См. указанный каталог Муральта; K. Tischendorf. *Anecdota sacra et profana ex Oriente et Occidente delata. Lipsiae, 1861*; он же. *Notitia editionis codicis Bibliorum Sinaïtici. Lipsiae, 1860.*

⁵ Отчет ПБ за 1873 г., стр. 9—12.

⁶ Отчет ПБ за 1883 г., стр. 11—163 и приложение.

⁷ Отчет ПБ за 1899 г., стр. 8—29.

⁸ Отчет ПБ за 1911 г., стр. 35—79; Краткий отчет Отдела рукописей ГПБ за 1914—1938 гг., Л., 1940, стр. 239.

⁹ Краткий отчет Отдела рукописей ГПБ за 1914—1938 гг., Л., 1940, стр. 239—241.

самых разнообразных небольших собраний и отдельных приобретений;¹ 2) Рукописи, поступившие в Рукописное отделение БАН в 1931 г., из собрания бывшего Русского археологического института в Константинополе; 3) Небольшое собрание известного литургиста А. А. Дмитриевского, поступившее в Рукописное отделение БАН после смерти владельца в 1929 г.

Как в большинстве существующих собраний греческих рукописей, в перечисленных выше ленинградских собраниях хранятся не только пергаменные и бумажные кодексы византийского времени, но и немалое число рукописей более поздних, написанных уже после падения империи, датируемых XVI—XIX вв. Среди этих рукописей имеются некоторые, могущие представить интерес для изучения истории греческого народа под властью турок и освободительной борьбы греков против турецкого владычества,² истории новогреческой литературы и новогреческого языка.

Состав ленинградских собраний греческих рукописей в значительной мере определяется происхождением этих собраний. Так, Порфирий Успенский подбирал образцы греческих и славяно-русских рукописей таким образом, чтобы по этим образцам можно было параллельно изучать греческую и славяно-русскую палеографию.³

Такие собрания, как собрание А. И. Пападопуло-Керамевса (ГПБ) Русского археологического института в Константинополе (Рук. отд. БАН), складывались в конце XIX—начале XX в., т. е. тогда, когда в руках местного греческого населения оставалось уже незначительное число средневековых рукописей; поэтому коллекционерам этого периода приходилось довольствоваться тем, что случайно оказалось не вывезенным в Западную Европу и не включенным в собрания местных греческих библиотек и музеев. Этими причинами объясняется, например, то, что в собрании Русского археологического института в БАН имеется немало учебных тетрадей XVIII в., содержащих переписанные студентами (по всей вероятности, разных духовных семинарий) тексты древнегреческих и византийских авторов. Эти тексты, как правило, списаны с печатных изданий, а владельцами использовались в качестве учебных пособий.

В собраниях Порфирия Успенского и Антонина Капустина (ГПБ) подавляющее большинство составляют различные богослужебные тексты (евангелия, псалтыри, минеи, триоди, октоихи и т. д.); преобладание текстов подобного рода характерно не только для данных собраний — богослужебные тексты составляют громадное большинство всех собраний средневековых рукописей, как греческих, так и славяно-русских

¹ Некоторые рукописи этого собрания были описаны Е. Мураальтом: E. Muralt. Beschreibung von Handschriften des Gregorius von Nazianz, Glykas, Aristoteles und seiner Erklärer nebst Notizen aus der spätgriechischen Litteratur. Bulletin de la Classe Histor.-Philologique de l'Académie Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, t. III, 1847.

² См., например: Описание бумаг С. Ю. Дестуниса. Отчет ПБ за 1895 г., СПб., 1898, стр. 87—128.

³ См. о нем и его собраниях: И. И. Срезневский. Собрания Порфирия Успенского. Записки Академии Наук, т. XII, СПб., 1867; он же. Палеографические наблюдения по памятникам греческого письма. СПб., 1876; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 11—163 и приложение. СПб., 1885; П. Сырку. Описание бумаг епископа Порфирия Успенского, пожертвованных им в Академию Наук по завещанию. СПб., 1891, приложение к т. LXIV „Записок Академии Наук“, № 9. О собраниях рукописей в XIX в. см., например: F. Milkau. Handbuch der Bibliothekswissenschaft, Bd. I, Leipzig, 1931, стр. 258—262; V. N. Bénéchévitch. Les manuscrits grecs du Mont Sinaï et le monde savant de l'Europe depuis le XVII-e siècle jusqu'à 1927. Athen, 1937 (Texte und Forschungen zur byzantinisch-neugriechischen Philologie, № 21).

и латинских. Большое число богослужебных текстов в указанных собраниях объясняется также и специальными интересами владельцев.

Перейдем к составу собраний.

Как известно, произведения классической литературы Греции наиболее богато представлены в библиотеках Италии и Франции, что объясняется усиленной деятельностью гуманистов по приобретению и переписке памятников античной литературы. Однако немало замечательных памятников хранится и в собраниях Советского Союза.

На первом месте следует поставить так называемые „Порфириевские отрывки“ из комедий Менандра.¹ Эти отрывки представляют собой три небольших, в ладонь размером, обрывка пергамента, написанных унциалом IV в. и содержащих отрывки из двух комедий Менандра „Третейский суд“ и „Фасма“. Эти отрывки были, как известно, исследованы и опубликованы одним из лучших представителей классической филологии в России академиком В. К. Эрнштедтом в его докторской диссертации, имеющей первостепенное значение для изучения творчества Менандра².

Рукопись XV в., содержащая „Олимпиаки“ Пиндара и две трагедии Эсхила („Прометей Прикованный“ и „Семь против Фив“), принадлежала известному слависту А. Ф. Гильфердингу.³ Рукопись сохранилась не полностью, утрачены отдельные листы в начале, в конце и в середине. Между строками имеются схолии, которые почти не читаются, так как написаны красной краской, ныне сильно выцветшей.

По мнению А. Наука,⁴ включенный в рукопись текст трагедий Эсхила заслуживает внимания, но, насколько удалось установить, не подвергался еще тщательному исследованию.

На рукописи имеются многочисленные пометы на сербском языке XVI в.⁵

Рукопись, содержащая трагедии Софокла,⁶ датируемая XV в., интересна своей историей; по этой рукописи трагедии Софокла впервые были напечатаны знаменитым венецианским типографом Альдо Мануцием. В рукописи имеется немало поправок к основному тексту, собственные имена помечены крестиками; все эти поправки и дополнения к основному тексту рукописи перенесены в печатное издание, а отмеченные крестиками собственные имена набраны капитальными буквами.

Помимо вышеуказанных произведений классической греческой литературы, можно указать также рукописи, содержащие *Βατραχουμομαχία*,⁷ „Олимпиаки“ Пиндара,⁸ некоторые трагедии Софокла,⁹ *Ἀλιευτικά* Оппиана,¹⁰

¹ ГПБ, греч. № 288.

² В. К. Эрнштедт. Порфириевские отрывки из аттической комедии. Палеографические и филологические этюды. Записки Ист.-филол. фак. Санкт-Петерб. унив., ч. XXVI, СПб., 1891.

³ Рук. отд. БАН, Собр. иностр. рукописей Q № 2.

⁴ A. Nauck. Ueber eine dem Herrn A. Hilferding gehörende griechische Handschrift. Mélanges Gréco-Romains tirés du Bulletin de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg, t. III, 5, 1859—1860, стр. 487—518.

⁵ Об этих пометах см.: П. Г. Васенко. Сербские записи на греческой рукописи XV века, принадлежащей Библиотеке Академии Наук. Изв. Академии Наук СССР, Отд. гуман. наук, 1928, № 1, стр. 27—44.

⁶ ГПБ, греч. 731. См. *Σοφοκλέους τραγωδίαὶ ἐπτὰ μετ' ἐξηγήσεων*. Sophoclis tragoediae septem cum commentariis. Venetiae, 1502; W. Beneschewitsch. Das Original der Ausgabe „Sophoclis tragoediae septem“, 1502, von Aldus Manutius. Philolog. Wochenschrift, 1926, № 41/42, стр. 1145—1152.

⁷ ГПБ, греч. № 748, отрывок XV в.

⁸ ГПБ, греч. № 699, отрывок XV в. См.: Отчет ПБ за 1911 г., стр. 68—69.

⁹ ГПБ, греч. № 698, отрывок XIV в. См. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 69.

¹⁰ ГПБ, греч. № 700, сборник XV—XVI в. В этом же сборнике помещено сочинение Доксипатра о риторике. См. Отчет ПБ за 1911 г., стр. 70.

„Историю Пелопоннесских войн“ Фукидида в позднем списке XVIII в.¹ и др.

Что касается памятников византийской литературы, то среди них также имеется несколько заслуживающих внимания.²

Так, Хроника Михаила Глики в списке XIII в. любопытна с точки зрения имеющихся в тексте разночтений по сравнению с текстом Боннского корпуса.³ Список этот неполон, доведен до 1059 г., т. е. до начала царствования Константина Дуки. Краткое сообщение об особенностях этого списка было помещено в труднодоступном издании и потому мало известно советским византинистам.⁴

Две рукописи содержат „Хронику“ Георгия Франдзи⁵. Один список полон, датируется серединой XVIII в.; другой — отрывок XVI—XVII вв., содержащий конец 2-й книги „Хроники“ и начало третьей книги.

Также в позднем списке, XVII—XVIII вв., имеется „Хроника“ патриарха александрийского Евтихия, арабское имя которого было Саид бен ал-Битрик;⁶ „Хроника“ Йахьи Антиохийского есть продолжение „Хроники“ Евтихия, приходившегося сродни Йахье.

Всемирная хроника Евтихия доведена до 30-х годов X в. Насколько можно было выяснить, греческий текст этой хроники неизвестен. Желательно было бы определить ценность греческого текста путем сличения его с арабским.⁷

Кроме того, в ленинградских собраниях имеется целый ряд хроник в отрывках и довольно полных списках; многие из этих отрывков подлежат определению, а один из них представляет собой отрывок из Церковной истории Феодорита Кирского в списке X в.⁸

Кроме сочинений исторического содержания, имеются и другие произведения византийской письменности.

Большая часть произведений, содержащихся в сборнике писем Навпактского митрополита Иоанна Апокавка и других документов XIII в., издана; все же изданы не все тексты; некоторые напечатаны в редко встречающихся изданиях и потому остаются неизвестными. Полное описание содержания этого ценного сборника дано было, как известно, В. Г. Васильевским.⁹

Имеется также несколько словарей и грамматических сочинений, например грамматика Феодора Газы XV в.¹⁰

¹ Рук. отд. БАН, Собр. Русск. археол. инст. в Константинополе, № 188.

² Напоминаю, что о поздних списках, встречающихся в учебных тетрадах XVIII—XIX вв., я не сообщаю.

³ Рук. отд. БАН, Собр. иностр. рукописей Q № 7.

⁴ F. Vater. Zur Kunde griechischer Handschriften in Russland. Jahns Jahrbücher, Supplementband 9. (Archiv für Philologie und Pädagogik), 1843, стр. 5—16.

⁵ ГПБ, греч. 703 и греч. 479 (отрывок).

⁶ Рук. отд. БАН, Собр. Русск. археол. инст. в Константинополе, № 151.

⁷ См.: MPG, III, стр. 889, где помещен латинский перевод хроники Евтихия; C. Brockelmann. Geschichte der arabischen Litteratur, Bd. I. Weimar, 1898, стр. 148, также: I, Supplband, 1. Lief. Leiden, 1936, стр. 228.

⁸ ГПБ, греч. 715. См.: L. Parmentier. Theodoret. Kirchengeschichte. Leipzig, 1911, стр. XIV; 2 листа этой же рукописи приложены к Парижской рукописи Suppl. Gr. № 1248.

⁹ ГПБ, греч. № 250. Библиография рукописи очень велика, указывая лишь некоторые работы: В. Г. Васильевский. Описание Порфириевского сборника византийских документов. СПб., 1885 (Приложение к Отчету ПБ за 1883 г.); он же. Epirotica saeculi XIII. Из переписки Иоанна Навпактского. Виз. вр., т. III, 1896, стр. 236—299; А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae. Записки Классич. отд. Русск. археол. общ., т. VII, СПб., 1912.

¹⁰ ГПБ, греч. № 636; см.: Отчет ПБ за 1864 г., стр. 57.

В ГПБ хранится словарь Свиды в исправном списке XIII в.¹

Другой полностью сохранившийся словарь XIV—XV в. начинается со следующего заголовка: „Ἀρχὴ σὺν θ(ε)ῶ ἀγίω τοῦ λεξικοῦ κατὰ στοιχείου περιέχον τὴν τε παλαιᾶς καὶ νέας γραφῆς λέξιν. Ἐτι δὲ καὶ κατὰ μέρος τῶν ἐξ ἰάμβων κανόνων λέξεως σαφηνείαν.“²

В конце помещены разъяснения еврейских личных имен, встречающихся в тексте Ветхого и Нового Завета.

Также в ГПБ (греч. № 114) находится отрывок толкового словаря, известного под названием „Etymologicum Gudianum“.³ Отрывок писан на пергамене книжным курсивом XIII в., изобилующим сокращениями. Начальные буквы отдельных слов, как то было принято для облегчения розысков слов, выделены кинварью. В отрывке содержатся слова от α (ἀμαζόνες, ἀμαζών) и до δ (δαρθεῖν). Имеются некоторые расхождения с печатным текстом указанного издания.

Три других словаря, также сохранившихся не полностью, определить не удалось. Эти три бумажные рукописи датируются XV—XVI веками, писаны также книжным курсивом; наибольший интерес из них представляет, повидимому, словарь, хранящийся в Рукописном отделении БАН и содержащий довольно много этнографического и географического материала.⁴

Произведения народной литературы имеются в нескольких списках. Наибольший интерес представляет рукопись XVI в. — сборник среднегреческих текстов, среди которых находятся следующие произведения:⁵

- 1) Διήγησις παιδιόφροτος τῶν τετραπύδων ζώων. Начало утрачено.⁶
- 2) „Πρὸς τὸν ἀνεψιὸν αὐτοῦ ὁ κυρ Σπανίας παραγγέλι τοῦ με πόθον εἰς τὰ ξένα“. Этот текст определить и найти где-либо в изданиях не удалось.
- 3) Περὶ τῆς ἀναλώσεως καὶ τῆς αἰχμαλωσίας ἢ γέγονεν ὑπὸ τῶν Περσῶν εἰς Ἀττικὴν Ἀθήνα. Издано с комментариями Г. С. Дестунисом.⁷
- 4) Ὁ Πουλολόγος. Этот список несколько отличается от текста, напечатанного Вагнером по Венскому списку.⁸
- 5) Τοῦ Ἀρμούρι. Издано по этому списку Г. С. Дестунисом, с комментариями.⁹
- 6) „Ἄ β συναχτικὴ περὶ πεδεύσεως ἀν(θρώπ)ου.“ Видимо, это произведение представляет собой неисправную и несколько измененную редакцию

¹ ГПБ, греч. № 125. Насколько удалось установить, эта рукопись не была исследована. В издании Свиды 1928 г. кодекс ПБ не упомянут. (Suidae Lexicon, ed. Ada Adler. Lexicographi Graeci recogniti et apparatus critico instructi, v. 1, Lipsiae, 1928).

² ГПБ, греч. № 256.

³ При сравнении этого отрывка с изданием „Etymologicum Graecae Linguae Gudianum“ (ed. F. Sturzium. Lipsiae, 1818) было установлено, что он соответствует 41—134 страницам этого издания.

⁴ Собр. Русск. археол. инст. в Константинополе, № 187; см. рис. 1; два других словаря хранятся в ГПБ., греч. № 186 и № 732.

⁵ ГПБ, греч. № 202.

⁶ Этот текст был изучен В. С. Шандровской в ее исследовании: „Византийский басинный эпос XIV в. (Шуточный рассказ о четвероногих)“. См. также: G. Wagner. Carmina Graeca Medii Aevi. Lipsiae, 1854, стр. 141—178.

⁷ Записки Ист.-филол. фак. Санкт-Петерб. унив., т. VI, СПб., 1881, Приложения.

⁸ G. Wagner, ук. соч., стр. 179—198.

⁹ Г. Дестунис. Об Армуре. Греческая былина византийской эпохи. Издал, перевел и объяснил Г. Дестунис. СПб., 1877. См. также: Г. Дестунис. Разыскания о греческих богатырских былинах средневекового периода. СПб., 1883, стр. 101—114. (В Сборнике ОРЯС, т. XXXIV, № 1 и отдельно). В этом издании греческого текста нет, имеются перевод былины и комментарии. Здесь же помещено краткое описание всей рукописи.

текста, напечатанного в уже указанном издании Вагнера под названием „Αλφάβητος κατηχητικός καὶ ψυχοφελής περὶ τοῦ ματαίου κόσμου τούτου“.

7) Διήγησις τοῦ Πωρικολόγου. Без заглавия, только начало. Текст отождествлен по уже указанному изданию Вагнера, где соответствует страницам 199—200.¹

Остальные произведения, помещенные в описываемом сборнике, сохранились не полностью, в отрывках, и определить их не удалось.

В списке XV в. имеется отрывок сочинения Эммануила Георгиллы (Εμμανουὴλ Γεωργιλῆ) Ῥημάδα περὶ Βελισαρίου с небольшими отклонениями от текста, напечатанного Вагнером.²

К числу сочинений народной греческой литературы можно отнести также „Всемирную хронику“ Псевдо-Дорофея, митрополита Монемвасийского; на самом деле имя автора этой „Хроники“ было Иерофей. Хроника Иерофея относится к числу так называемых „вульгарных греческих хроник“³ и была, по словам Сафы, излюбленным историческим чтением греческого народа с конца XVI в. и до XIX в.

Интересно напомнить, что автор „Хроники“, о которой идет речь, митрополит монемвасийский Иерофей приезжал в последней четверти XVI в. в Москву вместе с патриархом константинопольским Иеремией II по поводу учреждения патриаршества в России.

Ленинградский список „Хроники“ Иерофея хранится в Рукописном отделении БАН и датируется, согласно приписке писца Стилиана из Янины, 1622 годом.⁴

В целом ряде рукописей имеются также различной величины отрывки хронографов и исторических сочинений, житий святых, бесед и поучений, а также цельные сочинения подобного рода, подлежащие исследованию. Многие из этих текстов, несомненно, могут быть использованы для изучения новогреческого языка.

Сочинений отцов церкви и средневековых духовных писателей, как и в других собраниях греческих рукописей, в Ленинграде имеется целый ряд в списках разного времени. Также имеется немало агиографических текстов, которые, видимо, почти не исследованы. Среди них можно указать следующие: рукопись XI—XII вв., содержащую несколько житий из сборника Симеона Метафраста,⁵ апокрифическое житие Андрея Юродивого XIII в.,⁶ некоторые синаксарии,⁷ из которых особо следует отметить так называемый Петров синаксарий, в списке 1249 г.,

¹ В Отделе рукописей ГПБ имеется еще один отрывок из этого же текста, хранящийся под шифром греч. № 488. Этот отрывок издан А. И. Пападопуло-Керамевсом: Α. Παπαδοπούλου-Κεραμεισ. Ο Πωρικολόγος Πετροπολέως. ВЗ, т. XX, 1911, стр. 137—139.

² G. Wagner, ук. соч., стр. 362—376. Экземпляр этого издания, принадлежащий ГПБ, принадлежал А. И. Пападопуло-Керамевсу; на многих страницах имеются карандашные пометы А. И. Пападопуло-Керамевса, нередко представляющие интерес. Так, на полях страниц, содержащих Διήγησις παιδείφρατος τῶν τετραπύδων ζῶων, даны разночтения из рукописи, хранящейся на острове Лесбосе.

³ K. Krumphacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. Auflage 2. München, 1897, стр. 399—400; É. Legrand. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiés par les Grecs aux dix-septième siècle, t. I. Paris, 1894, стр. 290—299; C. Sathas. Bibliotheca Graeca Medii Aevi, t. III, Paris, 1872, стр. 15—18.

⁴ Рук. отд. БАН, Собр. иностр. рукописей № 240.

⁵ Рук. отд. БАН, Собр. иностр. рукописей F № 4.

⁶ ГПБ, греч. № 692, начало рукописи утрачено; текст этой рукописи отличается от текста, изданного Минне (MPG, 111, стр. 628—888).

⁷ ГПБ, греч. № 707, XIV в. См.: Отчет ПБ за 1911 г., стр. 55—57; греч. № 231, см.: Отчет ПБ за 1883 г., стр. 90, и др. Некоторые синаксарии, прологи и минеи описаны у Сергия: Полный месяцеслов Востока, т. I, изд. 2-е, Владимир, 1901.

ἰχθῶνα ἄσπιτῶσα. ἰχθὺς κίχτις ἰχθὺς τῆρι
γαῖ ζηπί. **Τ**ὸ ἰ μέγατον ψ.
Ι ψ. ὄσκα ἔλκε, καὶ κίχτις γαί πός. ἰψασ ἔβλαψασ
ἰψασ δὲ αὐτὸ τοῦ ἰ κελου θησα δ ψ.

Τὸ ἰ μέγατον ω.
Ι ω γρ. οἵπερὶ τῶν ἀσίων. ἰω ἀγῆνης θεωρῆσα
ταπιζήτος ἢ αὐ ταπιζήτος ἀπαρθεγίας καὶ κί
θαρότινος. ἐρμιωδὲς δὲ χαρῆς. θύρωρος. φύ
λαβ. ἰωχιμος. ὁ θός ὕβος. ἰωψ. ἰχθὺς ποιος.
ἰωχαβ. ἰωδ. ἰωδελαιός μὴ οὐτα κηλοίμενος.
παραῖουδαίοις κατῆμαδόμενος. καὶ ἐρμιωδόμενος
ἀφθόμιος μὲν. ἰατέορδὲ ὅτι τὸ ἀργὸν ἔπος κηλα
τιώ ἔπαιε τῶν ἰω γρ. το παραῖουδαίοις. ὁμοίως τῆς
ἐυδομασῆς ἡμερας. ἰωκῆ. ἰωκῆ δὲ ἰωκῆς. ἰωκῆ
πρόβιτα. ἰωδ. πηροῖ. ἰωκῆς ὄρμας δὲ ἰωκῆς.
ἰωγῆς. ἰωδρα. ἰωγῆ. ἡ τῶν ἰω γρ. πρῶσιον. ὡς
κακρῆ γωγῆ καὶ ἰωδρα. ἰωκῆ πατω. τὸ ποσῶ
δόνειον. ἰω. τῶν ἰωκῆ καὶ τῶν φάρμακα ἰωθι. ἰω
λεωθι. ἰωμεν. ἰωδρα.

Τὸ κ' μέγατον α αροῦς.
Κ αθηῶν τῶν ἀθροῦστος. καθῶρος. κεκμηκος. κακο
λαίμων. διατίχης. κακῆτος. ὀλέωνηκος.
κατηφῆς. σῆγρος. κατῆλπος. ἀρμὸς ἰωκῆ κα
παπρωγῶν. ἡ τοῖ κατω φόδων. Κατῆλος.

Рис. 1. Словарь XV—XVI вв.

содержащий памяти на все дни года, за исключением нескольких дней, утраченных вследствие потери листов.¹

Юридических памятников имеется немного; как известно, документов византийского времени сохранилось вообще небольшое число, по сравнению с богатейшими, некогда несомненно существовавшими архивами.

Одним из наиболее ценных памятников является сборник документов, известный под названием „Вазелонских актов“; в этом сборнике содержатся документы, касающиеся земельных владений монастыря Иоанна Предтечи Вазелон или Завулон, расположенного неподалеку от Трапезунта. Целиком сборник издан и подробно исследован.²

Два подлинных документа хранятся в Отделе рукописей Гос. Публичной библиотеки. Один из них — купчая на участок земли, датированная 1246 г.,³ несмотря на то, что документ печатался в снимках и в транскрипции, текст, насколько известно, исследованию не подвергался. Другой документ еще менее известен; это — межевая запись XIV в. на какой-то земельный участок;⁴ пергамен был использован в качестве переплета, поэтому документ пострадал; текст изобилует сокращениями.

Помимо вышеуказанных документов, имеются памятники канонического права, а также небольшой отрывок из сборника новелл византийских императоров в списке XV в.⁵

Заслуживает внимания рукопись в двух томах, представляющая копию двух греческих рукописей Венской придворной библиотеки (*Codices theologici Graeci*, №№ 47 и 48), озаглавленная *Acta Patriarchatus Constantinopolitani e codicibus manuscriptis Bibliothecae Palatinae Vindobonensis*.⁶ Эта рукопись в 50-х годах прошлого века была переписана для Н. И. Надеждина Иосифом Мюллером,⁷ позднее издававшим вместе с Францем Миклошичем „*Acta et Diplomata Graeca Medii Aevi*“. Рукопись Венской библиотеки № 47 (греч. № 508, т. I) соответствует первому тому указанного издания, а рукопись Венской библиотеки № 48 (греч. № 508, т. II) — второму тому. В печатном издании некоторые документы лишь вкратце изложены на латинском языке с добавлением отдельных выдержек из греческого текста этих документов. В описываемой же копии Мюллера текст всех документов дан полностью.⁸

¹ См.: Сергий, ук. соч., стр. 232—240.

² ГПБ, греч. № 743; см.: Ф. И. Успенский и В. Н. Бенешевич. Вазелонские акты. Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков. Л., 1927, Ф. И. Успенский. Монастырские акты Иоанна Предтечи Вазелон. Изв. Росийск. Акад. Наук. 1919, стр. 1007—1022.

³ ГПБ, греч. № 389. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 143: G. Sereteli et S. Sobolevski. *Exempla codicum Graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum. Codices Petropolitani*. 1913, табл. XXXV, Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III. М.—Л., 1948, стр. 480—481 (с ошибочным указанием, что документ воспроизводится впервые).

⁴ ГПБ, греч. № 122. Краткое описание см.: E. Muralt. *Catalogue des Manuscrits Grecs de la Bibliothèque Publique de St.-Petersbourg*, 1864, стр. 70; см. рис. 2.

⁵ ГПБ, греч. № 701; имеющиеся в этом сборнике новеллы напечатаны K. Zachariae von Lingenthal. *Ius Graeco-Romanum*, T. III, Lipsiae, 1857, см.: Отчет ПБ за 1911 г., стр. 70—74, где указано, что несколько текстов не издано. Текст, озаглавленный „*τοι μαρίστρου Κοσμά φήφος περί παροίκων*“, издан Ф. И. Успенским и В. Н. Бенешевичем, см.: Вазелонские акты, стр. XXXV—XXXVI.

⁶ ГПБ, греч. № 508, тт. I и II.

⁷ См. греч. № 508, т. II, л. 141 об. и последние листы обоих томов, где имеются подписи Иосифа Мюллера.

⁸ Отчет ПБ за 1890 г., стр. 112—113.

Рис. 2. Межевая запись XIV в.

ω ι ο ω με λι τ η σ φ α σ σ ο υ σ κ
 λ η λ ο σ ι α σ · κ α ι λ α τ α ζ ι ω σ ο ρ α ι
 τ ο ι ο τ ο υ λ ο υ τ ρ ο υ τ η σ π α λ ι
 γ ο ρ β ι α σ τ η σ α φ ε ρ α σ τ ω ρ
 α μ α ρ τ ι ω ρ κ α ι τ ο υ ε ρ δ ο υ μ ο
 τ η σ α φ θ α ρ σ ι α σ · ε ι σ β α π τ η
 σ τ ρ ο σ ο υ τ ο υ α μ η θ ι ρ ο υ θ υ η μ ω
 κ α ι α χ τ ο ι σ τ η η μ η ν λ ο ζ α
 ζ ω σ ι τ ο π α ν τ ι μ ο ν κ με γ α λ ο
 π ρ ε π ε σ ο ν ο μ α τ ο υ π ρ ε σ τ ο υ
 υ ο υ κ α ι τ α π η σ η κ δ ε ι ξ ε ι τ ο
 τ ε ν ε π ι τ π ρ ο α φ ω τ ι ε ν τ ρ ε π τ ο μ ο
 ω ι φ α ρ ο μ δ α σ ο τ α τ ο π ρ ο σ ο
 σ ο ρ σ ο υ β α ι τ ο ι ο π ρ ο σ τ ο φ ο
 φ ω τ ι σ μ α α τ ρ ε π ι β ο λ η σ ο υ
 α δ ε λ φ ο ι ο κ ι μ ε σ ρ ε β α π τ ο
 θ ο ω τ α σ τ ο ρ τ η σ α μ α ρ τ ι α σ
 μ ο λ ο σ μ ο ρ α σ ο τ ι ρ α ζ α σ θ α ι
 κ α τ α υ γ α σ ο ρ α ι τ ω ρ τ η μ ω δ α
 μ ο ι α φ · ι ε ι α ι ω σ ο ρ α ι τ ο ι ο ε ρ
 τ η ω ι φ ε ι · φ η ρ ι ζ ο ρ ε ρ ε λ π ι
 ρ ι ο σ τ η σ

ο σ ο ι κ α τ η χ ο υ μ ο
 π ρ ο ε ρ ο ρ α ι ο ι α
 τ η χ ο υ ο ι π ο ρ ο ρ ο
 ο σ ο ι κ α τ η χ ο υ ο ι α
 ο ε ρ ο ρ α ι ο ι α

κ
 φ

ο σ ο ι κ α τ η χ ο υ μ ο
 π ρ ο ε ρ ο ρ α ι ο ι α

ο σ ο ι κ α τ η χ ο υ μ ο

Рис. 3. Евангелист Лука. Миниатюра из свитка XII в.

В Ленинграде хранится целый ряд широко известных ценных памятников византийского искусства, как, например, Трапезунтское евангелие X в.,¹ Евангелие третьей четверти XIII в. из селения Карахиссар,² Псалтырь, написанная около 1080 г. для Константина Порфирородного, сына императора Михаила VII Дуки;³ эта псалтырь украшена не только миниатюрами, но также прекрасной работы инициалами, заставками и концовками.

Менее известны некоторые другие рукописи с миниатюрами, как, например, Евангелие XII в.,⁴ по всей вероятности провинциального происхождения, на что указывают несколько грубоватый характер миниатюр и замена золота желтой краской. Некоторые особенности орнамента и дополнительные на полях основной миниатюры украшения (например лампы, светильники, птички) заставляют предполагать малоазийское происхождение рукописи. В начале имеются, как обычно, каноны Евсевия, заключенные в довольно простые арки, и четыре миниатюры, изображающие евангелистов; над евангелистами помещены медальоны с погрудными изображениями Христа и апостолов.

Совсем не использовано для истории византийской живописи Евангелие XI в.,⁵ написанное, вероятно, для кого-либо из членов императорской фамилии. Эта рукопись принадлежит к числу кодексов, написанных несомненно в императорском скриптории, на что указывают как прекрасной работы миниатюры, так и то обстоятельство, что некоторые листы окрашены пурпуром (лл. 124—125, 201—202), а на листах 3, 80, 124, 201 (где имеются заставки и инициалы, рисованные золотом и красками) текст писан золотом.

Также константинопольского происхождения литургический пергаменный свиток XII в. с миниатюрами, тщательно исследованный и подробно описанный Б. В. Фармаковским;⁶ насколько известно, после поступления этого свитка в Собрании Русского археологического института в Константинополе в БАН, эта замечательная рукопись не привлекала к себе внимания.

Нет необходимости здесь перечислять все иллюминированные рукописи, многие из которых достаточно хорошо известны и неоднократно описывались.⁷ Менее исследованы некоторые рукописи, замечательные своим орнаментом и письмом.

¹ ГПБ, греч. № 21 и № 21а; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М.—Л., 1948, стр. 47, 301; т. II, табл. 436, 66—68.

² ГПБ, греч. № 105; В. Н. Лазарев, ук. соч., т. I, стр. 161, 163—164, 340; E. Colwell and H. Willoughby. The Four Gospels of Karahissar, v. 1—2. Chicago, 1936.

³ ГПБ, греч. № 214; В. Н. Лазарев, ук. соч., т. I, стр. 109, 113, 313, т. II, табл. 136—137; он же. Царьградская лицевая псалтырь XI в. Виз. вр., т. III, 1950, стр. 211—217.

⁴ ГПБ, греч. № 98; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 319.

⁵ ГПБ, греч. № 801; рукопись поступила в ГПБ в 1929 г. из Музея города. Где она хранилась раньше — установить не удалось. На рис. 3 воспроизведена миниатюра (евангелист Лука) из свитка XII в., хранящегося в ГПБ (греч. № 672). Всего в этом свитке 8 миниатюр; см.: Отчет ПБ за 1911 г., стр. 46.

⁶ Рук. отд. БАН, Собр. Русск. археол. инст. в Константинополе, № 1; см.: Б. В. Фармаковский. Византийский пергаменный рукописный свиток с миниатюрами, принадлежащий Русскому археологическому институту в Константинополе. ИРАИК, т. IV, вып. 2.

⁷ Так, например, в указанном выше труде В. Н. Лазарева использованы следующие греческие рукописи ГПБ.: 21, 53, 67, 72, 98, 101, 105, 118, 214, 220, 265, 266, 269, 274, 291, 296, 305, 321, 334, 373, 382, 537. Греческих рукописей БАН В. Н. Лазарев не использовал. Рукописей с миниатюрами, кроме указанного уже свитка, в Рук. отд. БАН почти нет.

Евангелие — апракос X в.¹ — принадлежит к числу шедевров византийского книжного искусства. Эта рукопись, первый лист которой пострадал, а последние листы утрачены, написана на прекрасном пергамене в три столбца, что представляет редкое явление для X в. Миниатюр нет, заставок имеется немного, но зато рукопись изобилует инициалами, рисованными золотом и красками, чрезвычайно тонкой работы. На л. 1 об. помещены ямбические стихи, писанные золотом, характерным для X в. литургическим унциалом. Текст рукописи писан изящным полуунциалом; это письмо не часто встречается в византийских рукописях.²

Несколько рукописей, интересных своим орнаментом и письмом, имеется в Рукописном отделении БАН.³

Уместно указать здесь рукопись русского происхождения, продолжающую традиции византийской миниатюры. Это — Псалтирь, написанная в Киеве в 1397 г.; на полях рукописи имеется множество миниатюр так называемой „монашеской редакции“. Миниатюры эти, видимо, были скопированы с греческих образцов, так как во многих случаях снабжены надписями на греческом языке.⁴

Однако инициалы рукописи и некоторые миниатюры (например на л. 297, где иллюстрируется известная притча из „Повести о Варлааме и Иоасафе“ о житии человеческого) указывают на русского мастера.

Что касается памятников палеографии, разнообразных образцов средневекового греческого письма, то ими ленинградские собрания изобилуют. Порфирий Успенский ставил себе целью подобрать образцы византийского письма и, видимо, этой цели достиг, так как уже при поступлении собрания Порфирия в ГПБ В. К. Ернштедт писал об этом собрании: „Ценность Порфириевского собрания греческих рукописей заключается преимущественно в его богатстве рукописями определенных лет (датированными). Нет столетия, начиная с IX, ни даже подстолетия, а начиная с середины X века, нет четверти столетия, из которой в Порфириевском собрании не было бы датированных образчиков письма. В это собрание входят две древнейшие из всех известных пока датированных греческих рукописи: Четвероевангелие 835 года и Псалтирь 862 года. Таким образом, Порфириевское собрание является драгоценным, незаменимым никакими «*Exempla codicum graecorum*», пособием для наших молодых валинистов и византинистов, начинающих знакомиться с греческими рукописями и желающих приобрести навык как в чтении таковых, так и в определении века рукописей без даты; но, кроме того, собрание это представляет весьма важный и почти еще не початый материал для новых палеографических наблюдений и разысканий“.⁵

¹ ГПБ, греч. № 55; см.: K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, стр. 27.

² Краткое описание этой рукописи см.: E. Murali. Catalogue des Manuscrits Grecs de la Bibliothèque Imp. Publique de St-Petersbourg. 1864, стр. 31.

³ См., например, рукописи Собр. Русск. археол. инст. в Константинополе, №№ 71, 77, 63, 76, 88.

⁴ ГПБ, Собр. Общ. любит. древней письменности, F № 6; А. Н. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950, стр. 21—22. Два листа этой рукописи воспроизведены в „Описании русских и славянских пергаменных рукописей“ (Труды Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, Л., 1953, табл. 1—2). Литографированное издание этой Псалтири, напечатанное в 1890 г., настолько недоброкачественно, что им не следует пользоваться.

⁵ В. К. Ернштедт. Список датированных греческих рукописей Порфириевского собрания. Приложение к „Отчету ПБ за 1883 г.“, СПб., 1885, стр. 1—2.

Эта исчерпывающая характеристика собрания Порфирия Успенского с точки зрения его ценности для истории греческого письма в средние века с полным основанием может быть отнесена ко всем греческим рукописям Ленинграда, во многом дополняющим палеографическое богатство собрания Порфирия.

Два наиболее замечательных кодекса упомянуты в вышеприведенных словах В. К. Ериштедта. Первый из них — Порфириевское Четвероевангелие 835 г., написанное в Студийском монастыре ближайшим учеником и соратником Феодора Студита — Николаем Исповедником.¹ Эта рукопись представляет собой древнейший датированный и, возможно, лучший образец византийского минускула, т. е. того самого письма, которым написано подавляющее большинство всех греческих средневековых рукописей, сохранившихся до наших дней.

В Рукописном отделении БАН хранится еще одна очень древняя минускульная рукопись — это Четвероевангелие 891 г.,² написанное писцом Василием. В издании американских палеографов К. и С. Лейк, специально посвященном датированным минускульным рукописям до 1200 г.,³ учтено всего девять рукописей IX в., таким образом, Евангелие № 74 оказывается десятым по счету и занимает восьмое место по времени написания.

Вторая замечательная рукопись Порфириевского собрания, о которой упомянуто выше, это знаменитая Псалтирь 862 г. Византийских унциальных рукописей вообще сохранилось очень мало, многие сохранились лишь в виде небольших отрывков, поэтому эта Псалтирь и представляет интерес как один из древнейших сохранившихся полностью образцов византийской рукописной книги.⁴

Среди рукописей палеографического значения необходимо отметить такие памятники, как знаменитый „Пурпурный кодекс“ VI в., писанный на пурпурном пергамене золотом и серебром и содержащий Четвероевангелие.⁵ Рукопись не имеет никаких украшений, ее роскошное оформление состоит в цвете пергамена, употреблении серебра и золота вместо обычных для VI в. коричневатых чернил и прекрасном письме — унциале.

¹ ГПБ, греч. № 219; библиография Четвероевангелия 835 г. очень велика: Б. М. Меллиоранский. Перечень византийских грамот и актов. СПб., 1899; Г. Ф. Церетели. Где писано Порфириевское евангелие 835 г.? ВЗ, IX, 1900, стр. 649; T. W. Allen. The Origin of the Greek Minuscule Hand. Journal of Hellenic Studies, v. XL, 1920, стр. 1—12; G. Cereteli et S. Sobolevski. Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum annorumque notis instructorum. Codices Petropolitani, 1913, табл. I, V; и др.

² Собр. Русск. археол. инст. в Константинополе, № 74.

³ Kirsopp and Silva Lake. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the year 1200. Monumenta Palaeographica Vetera, I—X. Boston, 1934—1939; указатели к этому изданию, 1945.

⁴ ГПБ, греч. № 216. Библиография рукописи велика, см.: арх. Амфилохий. Описание греческой Псалтрьи 862 г. Чтения в Моск. общ. любит. духовн. просвещ., М., 1873, октябрь; В. К. Ериштедт. Порфириевские отрывки из аттической комедии. Записки Ист.-фил. фак. Санкт-Петерб. унив., ч. XXVI, СПб., 1891, приложение II, стр. 253—258; работа В. К. Ериштедта посвящена припискам, имеющимся на рукописи; V. Gardthausen. Griechische Paläographie, II. Bd. 2. Aufl. Leipzig, 1913, стр. 143, 147—148, 199—200.

⁵ ГПБ, греч. № 537. Известен также как Codex N. См.: Ф. И. Успенский. Вновь найденный пурпурный кодекс Евангелия. ИРАИК, I, 1896, стр. 138—172, табл. 2; рукопись издана: H. S. Cronin. Codex Purpureus Petropolitanus. The Text of Codex N of the Gospels ed. with an introduction and an appendice. Cambridge, 1899; W. Hatch. The Principal Uncial Manuscripts of the New Testament. Chicago, 1939, табл. XXIX.

Не менее „Пурпурного евангелия“ известна двуязычная рукопись Посланий апостола Павла VII—VIII вв., содержащая параллельные греческий и латинский тексты. Рукопись эта находилась некогда в Сен-Жерменском аббатстве и поступила в Публичную библиотеку в составе собрания П. П. Дубровского.¹

Вряд ли есть необходимость останавливаться на дальнейшем перечислении отдельных кодексов. Здесь уместно напомнить, что ценность рукописей, подобных вышеперечисленным, заключается не только в том, что они являются прекрасными образцами того или иного типа письма. Особый интерес в средневековых рукописях (особенно в датированных) представляют имеющиеся в них приписки писцов или владельцев, а также позднейшие пометы. С этой стороны византийские рукописи не только ленинградских, но и вообще советских собраний изучены чрезвычайно поверхностно.

Из палимпсестов наиболее замечательны несколько небольших листов, приплетенных к Псалтири XIV в.² Вся эта Псалтирь представляет собой палимпсест; но большая часть листов содержит смытый текст богослужебного содержания. Первые же шесть листов этой рукописи, покрытые текстом XIV в. лишь частично, содержат отрывок из 16-й книги медицинского трактата VI в., автором которого был врач Авций из Амиды. 16-я книга трактата Авция посвящена гинекологии.

Текст палимпсеста имеет некоторые отличия по сравнению с изданным; эти отличия заключаются в добавлениях, касающихся рецептуры и симптоматики болезней.³

Письмо рукописи указывает на начало XI в.; никаких других данных для датировки, кроме особенностей письма, рукопись не дает. Рукопись написана беглым минускулом курсивного характера, изобличающим опытную руку. Писец свободно применяет сокращения, не только употребляя обычные знаки для отдельных слогов (как, например, -αις, -ου, -ας, и т. п.), но и пользуясь особыми знаками для обозначения специальных медицинских терминов (например: καρδια, χιαζος, υτρον, αλον и т. п.). Знание особых знаков для обозначения специальных терминов вряд ли можно допустить у писца-профессионала, которому приходилось переписывать тексты самого разнообразного содержания. Следует предположить, что подобные знаки были в употреблении у ученых или студентов, изучавших ту или иную науку. В данном случае перед нами листки, написанные врачом или лицом, изучавшим медицину, лицом, готовящимся к профессии врача. Что рукопись написана не писцом-профессионалом, доказывается еще и наличием большого числа ошибок именно в тех словах, в которых обычно писцы не ошибаются (например вместо τῆς писец пишет ταις, вместо ἡ—ί, вместо οί—ὀ, вместо ἰα—ἰα, вместо εἰς—εἰς, вместо ὄστε—ὄστα и т. д.).

Итализмы вовсе не редкость в средневековых рукописях, но, повторяю, они почти не встречаются в членах и предлогах; правописание членов и предлогов писцам-профессионалам было во всяком случае хорошо известно; наоборот, специальные термины, которые вряд ли мог

¹ ГПБ, греч. № 20. Описывалась неоднократно, см.: О. А. Добняш-Рождественская. История письма в средние века. 2-е изд., М.—Л., 1936, стр. 74—75; B. de Montfaucon. Palaeographia Graeca. Parisiis, 1708, стр. 217 сл.

² ГПБ, греч. № 115.

³ Текст палимпсеста был сравнен со следующим изданием 16-й книги всего трактата: Aetii sermo sextus-decimus et ultimus. Erstens aus Handschriften veröffentlicht mit Abbildungen, Bemerkungen und Erklärungen von Dr. Skevos Zervos. Leipzig, 1901.

Cu difficultate quae sita multo graui inueniatur. ^{Sapientia boni}
 homine moniacantē. sed lamentareo face, ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 E Η. uisus t apu
^{una} A mia 1. alpha
^{duo: duo} B dia. ii. Beta
^{trīs: trīs} Γ. dia. iii. Gamma
 Δ. tetra. iiii. Delta
 Ε. penta. v. Obvuis
^{heri elica sed. us in am or} Σ. hex. vi. Ensinon
 Ζ. hept. vii. Zeta
 Η. octo. viii. Heca
 Θ. ennea. viii. theta
 Ι. deca. x. Iota
 Κ. lcosi. xx. kappa
 Λ. trīacōnia. xxx. laura
 Μ. tetraacōnea. xl. moy
 Ν. exicōnta. lx. xi.
 Ο. obdoicōnta. lxx. obvuis.
 Π. sōdoicōnta. lxxx. py.
^{non loto} Ϟ. ennonimta. xc. cofe.
 Ϟ. okaton. c. ro
 Ϟ. diaeōsia. cc. summa
 Τ. triacōsia. ccc. tau.
 Υ. tetra cōsia. cccc. y.
^{quā} Φ. penta cōsia. d. fi
^{q. ch} Χ. hexacōsia. dc. chi
 Ψ. heptacōsia. dcc. psi
 Ω. octacōsia. dccc. ω
^{non elica} Ϟ. enna cōsia. dcccc. enīacōsif
 Θ. iha. i. mille

Anagnosistis. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ} ^{ΤΑΡΗΝΜΟ}
 chari paulu tu apoteu u ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 Ο. adolth. ai au kea ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 alla in poluo ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 domi honos. epikothemelo. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 kop phron; Omasakrogo niliu letu is adm
 ta. en spata ico. domi sin. armo logomeni au
 ex: nion agion en hano Enokca misin ico
 domitcol hāi ky dionī. tuchou en pronaa
 pikomen abouismeamon. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 marafu.
 Anagnosistis. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 r. doxahome. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 tro. A. lola. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 machin on wa pa. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 = mat. phylol. amicus. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 u. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 apaoym. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 rano enat. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 b. as epc. ratio. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 R. thec kharitay. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 ciu. uter. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 ci. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 truccianū. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 ba. ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}
 manes, ^{ΕΥΡΕΘΕΝ}

Рис. 4. Греческий алфавит и греческий текст из латинской рукописи IX в.

хорошо знать тот, кто не изучал медицину, в рукописи написаны большей частью вполне правильно.

Большое число итализмов, особенно часто встречающихся в предлогах и членах, заставляет предполагать, что рукопись была написана под диктовку, со слуха.

Таким образом, особенности рассматриваемых шести листов смытого текста приводят к следующим выводам: 1) текст написан не писцом-профессионалом, а лицом, сведущим в медицине, скорее всего изучавшим медицину; 2) писец записал текст не для того, чтобы получить плату за переписку, но для того, чтобы иметь в своем личном распоряжении именно этот медицинский трактат; 3) рукопись была записана на слух.

Известно, что в средневековых университетах нужные для изучения тексты записывались в аудитории за преподавателем, нередко комментированным читаемым текст. В дальнейшем списки записанных на слух текстов размножались слушателями.¹ Однако учебных тетрадей византийских студентов почти не сохранилось, и наши шесть листов представляют собой редкий образец такой тетради, в которой студент-медик записывал лекции по изучаемому им предмету.

В заключение остановимся на сравнительно небольшой, но почти неисследованной группе рукописей, представляющей несомненную ценность для истории культурных взаимоотношений Византии с другими народами и для истории распространения греческого языка.

Речь идет о древнерусских и латинских рукописях, имеющих глоссы на греческом языке или записи греческих текстов, а также пользующихся греческими буквами как тайнописью. Некоторые из этих помет и записей, видимо, были сделаны в процессе изучения греческого языка.

Наибольший интерес из числа этих рукописей представляет сборник XV—XVI в., находившийся ранее в Новгородской Софийской библиотеке и заключающий в себе, среди других статей, „Речь тонкословия греческого“.

„Речь тонкословия“ — древнерусское руководство для обучения разговорному новогреческому языку, где греческие слова записаны русскими буквами по слуху. Исследовавший и издавший „Речь тонкословия“ акад. Н. К. Никольский пришел к выводу, что она была „как бы справочной книжкой для путешественника, имевшего необходимость вести переговоры с греками“.²

В русской рукописи евангельских чтений XIII—XIV в. записана русскими буквами молитва на греческом языке, с переводом греческих слов на русский.³

В пергаменном кодексе XI—XII в., содержащем беседы Иоанна Златоуста на греческом языке, на многих листах имеются многочисленные латинские пометы XII в., представляющие собой перевод на латинский язык отдельных греческих слов.⁴

¹ См., например: Du Cange, *Glossarium ad Scriptores mediae et infimae Graecitatis*, под словами: *φωνή, ἀπό φωνῆς—ἀπό φωνῆς Κωνσταντος Μερόπιτου ἱατροῦ, ἀπό φωνῆς Παύλου ἱατροῦ* и т. д.

² ГПБ, соф. № 1474; Н. К. Никольский. *Речь тонкословия греческого. Русско-греческие разговоры XV—XVI веков*. Изд. Общ. любит. древн. письм., СПб., 1896. (Памятники древней письменности, № 114); M. Vasmer. *Ein russisch-byzantinisches Gesprächbuch*. (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig, Bd. 2). Leipzig, 1922.

³ ГПБ, Ф н I № 57, л. 3. об.

⁴ Рук. отд. БАН, Собр. Русск. археол. инст. в Константинополе, № 112.

В латинской рукописи IX в.,¹ содержащей медицинский трактат, на последних листах написан греческий алфавит с латинской транскрипцией числового значения отдельных букв, с соответствующими римскими цифрами и с записанными опять-таки латиницей греческими названиями этих букв. Далее помещен образец греческого текста, записанного латинскими буквами.

В „Сакраментарии“ 836 г.² также латиницей записан греческий гимн, а в соседнем столбце помещен латинский перевод этого гимна.

XIII—XIV веком датируется небольшой словарь, занимающий первые два листа рукописи смешанного содержания;³ греческие слова в словарики написаны латиницей, рядом дается перевод этих слов на латинский язык; в рукописи записаны слова только на буквы *a—e*.

В древнерусской рукописи, известной под названием Благовещенского кондакаря,⁴ XI—XII вв., на многих листах есть греческие тексты богослужебного содержания, записанные кириллицей. Как известно, некоторые песнопения во время богослужения исполнялись на греческом языке.

Наконец, писцы русских рукописей пользовались греческими буквами в качестве тайнописи. В прологе 1431—1434 гг. имеется приписка на л. 255, датированная 1456 г.; эта приписка написана греческими буквами, тайнописью и глаголицей.⁵

В статье перечислены лишь отдельные, случайно подобранные рукописи с записями или пометами греческими буквами. Желательно было бы составить список подобных памятников с кратким их описанием.

Сверх перечисленных рукописей имеются рукописи, касающиеся взаимоотношений греческого духовенства в XVII—XVIII вв. с русской церковью и русским правительством,⁶ рукописи, касающиеся истории Молдавии и Валахий,⁷ а также автографы гуманистов и некоторых греческих деятелей XVII—XIX вв.⁸ Но настоящая статья и не имела целью дать исчерпывающую характеристику греческих рукописей ленинградских собраний. Задачей настоящей статьи было привлечь внимание советских византистов к изучению средневековых греческих рукописей в Ленинграде, особенно тех, которые еще остаются недостаточно изученными.

¹ ГПБ, лат. F v VI № 3, лл. 41—42; рукопись принадлежала Сен-Жерменскому аббатству; см.: A. Staerk. La prononciation du grec en Occident au VIIIe siècle. Виз. вр., т. XI, 1908, стр. 189—193. См. рис. 4.

² ГПБ, лат. Q v I № 41, л. 10 об.

³ ГПБ, лат. O v XVI № 2, лл. 1—2. Эта рукопись — из собрания Сухтелена.

⁴ ГПБ, Q п I № 32.

⁵ ГПБ, F п I № 48. См. также рукопись ГПБ, собрание М. П. Погодина № 42, где на л. 159 имеется запись кириллицей молитвы на греческом языке XV в. Описание этих двух рукописей см. в „Описании русских и славянских пергаменных рукописей“ (Труды Отдела рукописей Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде, Л., 1953, стр. 18, 63—64).

⁶ См., например, греч. № 253, описана в „Отчете ПБ за 1883 г.“, стр. 115—117.

⁷ См., например, Рук. отд. БАН, О № 185 (в рукописи содержатся письма молдавских и валашских воевод к различным духовным лицам XVIII в.). Некоторые тексты, касающиеся Молдавии и Валахий, были изданы А. И. Пападопуло-Керамевсом; см., например: Documenta privitoare la Istoria Romanilor. Vol. XIII. 'Ελληνικά χειμένα, χρήσιμα τῆ ἱστορίας τῆς Ρομανίας, συλλεγόμενα καὶ ἐκδιδόμενα μετὰ προλογου καὶ πίνακος συμμαθητικοῦ ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμεύς. Ἐν Βουκουρεστίῳ, 1909.

⁸ См., например: Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Διάφορα Ἑλληνικά γράμματα ἐκ τοῦ ἐν Πετρούπολει μουσείου τῆς ἀ. ἑ. τοῦ κυρίου Nikolas Likhatcheff. Ἐν Πετρούπολει, 1907.

А. М. МЕЛИКСЕТ-БЕК

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПСЕВДО-ИСААКОВЫХ ПАМФЛЕТОВ В ГРЕКО-ВИЗАНТИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

После потери Аршакидской Арменией политической самостоятельности (с конца IV—начала V в.) территория Армении, как известно, разделена была между двумя соседними государствами: сначала между сасанидским Ираном и Восточно-Римской империей—Византией (V—VII вв.), а затем между арабским халифатом и Византией (VII—IX вв.).

В этих условиях восточная Армения, включавшая большую часть армянских земель под владычеством последовательно Ирана и халифата, испытывала гнет режима сасанидских марзпанов и арабских эмиров, западная же Армения, в составе I и II Армении до Юстиниана I и Малой Армении (I—IV) в целом после Юстиниана, находилась под гнетом режима византийских правителей. Не говорим уже о том, что Армения служила вообще плацдармом военных действий между восточными и западными державами.

Политика Ирана и халифата, с одной стороны, и Восточно-Римской империи и Византии, с другой, по отношению к Армении в основном направлена была на полное — и военно-политическое, и экономическое — порабощение ее, со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до полной ассимиляции армянского населения с иранцами и затем арабами на востоке и с греками (византийцами) на западе.

Армянская крестьянская масса, изнывавшая под тяжестью налогового бремени оккупантов одинаково в обеих частях Армении и страдавшая притом от гнета „собственных“ нахараров — феодалов, не раз выступала против своих угнетателей.

Иногда восстания носили характер народно-освободительных движений, в которых с целью использования их принимали участие недовольные тою или иною державой нахарары. Более того: движения, направленные против Ирана или халифата, нередко возникали и развивались не без поддержки Восточно-Римской империи или Византии; и, наоборот, движения против Рима или Византии находили поддержку со стороны Ирана или халифата.

Касаясь, в частности, положения Армении в эпоху арабского владычества в VII—IX вв., покойный акад. Я. А. Манандян совершенно справедливо указывал, что это владычество „было для Армении губительным“, причем „во время периодически повторявшихся войн между Византией и халифатом Армения неоднократно меняла свою ориентацию, беспощадно опустошаясь и той, и другой стороною“. Мало того: „Если она

оставалась верна халифату, жестоко наказывали ее греки; если же она переходила на сторону Византии, мстили ей арабы".¹

Известны мероприятия сасанидского Ирана и затем халифата по удержанию армян от влияния греко-византийцев и их идеологии — религии мелькитов, т. е. халкедонитства с ее диофизитскою христологиею, и, наоборот, политика Византии по вовлечению тех же армян в систему „римских“ юридических и обычаевых институтов, с навязыванием им идеологии (христологии) халкедонитства — диофизитизма.

Вспомним свидетельство грузинского писателя IX в. Арсения Сафарского о том, как Пероз Сасанид (457—484), вызвав к себе армянских вельмож, предложил им: „Выбирайте любую из религий сирийцев, кроме [религии] мелькитов, которые по религии [те же] греки, или же покиньте страну свою и удалитесь от нас“.²

Вспомним мероприятия Юстиниана I, направленные на инкорпорацию Византией Малой Армении, с установкой постепенного слияния армянского населения с имперским, равно как агрессивную политику преемников Юстиниана I (Маврикия, Фоки, Ираклия, Юстиниана II и др.) по отношению к Армении вообще.

Агрессивный характер восточной политики Византии всплывает, между прочим, в полемической литературе, особенно с IX в., каковы: переписка между константинопольским патриархом Фотием и армянским великим князем Ашотом (861—885);³ переписка между васпураканским армянским царем Гагиком (920—944) и византийским императором Романом I, между армянским католикосом Хачиком (973—992) и мелитинским греческим митрополитом Феодором и др.⁴

Агрессивная политика Византии по отношению к Армении и армянам вообще находила свое выражение в литературе, особенно в памфлетах, которые сочинялись греко-византийскими деятелями по поводу любого случая и для большего авторитета приписывались представителям армянской церковной иерархии вплоть до католикоса — патриарха, другими словами говоря, пускались в обращение под вымышленными именами авторов.

Предлагаемая ниже вниманию читателя статья представляет собою попытку датировки одного из самых распространенных в греко-византийской литературе полемических трактатов памфлетного жанра, над которой (датировкой) на протяжении почти трех столетий (1658—1950) тщетно ломали головы представители западноевропейского (отчасти и русского дореволюционного) византиноведения, подходившие к разрешению этой проблемы без учета богатейшей литературы народов Советского Союза, в частности армян и грузин, притом зашедшие в тупик благодаря негодности их приемов исследования.

В статье показано, как памятник древнегрузинской литературы, безусловно IX в., может послужить надежным ключом для разрешения

проблем армяно-византийских отношений с перенесением центра тяжести спорного на протяжении 300 лет вопроса из рамок XI—XII вв. в IX век.

¹ Я. А. Манандян. Народные восстания в Армении против арабского владычества. Ереван, 1939, стр. 6; он же. Краткий обзор истории древней Армении. М.—Л., 1943, стр. 28.

² Ф. Д. Жордания. Хроники, I. Тбилиси, 1893, стр. 315—316. (На груз. яз.).

³ Ответ Ашота на послание Фотия писан, по повелению Ашота, армянским варадпетом Сааком (Исааком).

⁴ См.: Книга посланий. Тифлис, 1901, стр. 279—294, 295—301, 302—322. (На арм. яз.); Православный палестинский сборник, т. XI, вып. I, СПб., 1892, стр. 179—279.

В издании Миня¹ помещено несколько трактатов догматико-полюемического характера под общим заглавием: „Anno Domini MCXLV. Isaacus Magnae Armeniae Catholicus“ — Notitia, которые известны были в печати и раньше, но в разрозненном виде, по публикациям Комбифиса² и А. Галланда.³ Эти трактаты следующие:

1) „Oratio invectiva adversus Armenios“ („Λόγος στηλιτευτικός κατὰ Ἀρμενίων“),⁴

2) „Oratio invectiva adversus male sentientes ac haereticos Armenios“ („Λόγος στηλιτευτικός περί τῶν κακοδοξῶν Ἀρμενίων καί αἰρετικῶν“);⁵

3) „Narratio de rebus Armeniae“, состоящая из двух разделов: „Narratio a sancti Gregorii tempore“ („Διγγελσις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου“) и „Catholici Armeniae“ („Καθολικοὶ τῆς Ἀρμενίας“), с добавлением под общим заглавием: „Quomodo recipiendi sunt Armenii haeretici“, включающим в себя один раздел — „Renuntiatio haereticorum Armeniorum“ („Ἀποταξίς τῶν αἰρετικῶν“).⁶

Трактаты эти, в особенности первые два, представляя интерес и для литературоведения, поскольку они, по справедливому замечанию И. Троицкого, „составляют квинтэссенцию того, что было сказано и написано в православной полемической литературе против армянской церкви самого ядовитого и обидного для армян“; причем „все последующие памфлеты — и греческие и русские — возводятся к этим произведениям, как к своим первоисточникам и прототипам, у которых заимствуют не только содержание, но и манеру изложения“, поскольку „многие из них буквально переписывают отсюда целые тирады, другие позволяют себе несколько варьировать раскрытые здесь темы, третьи, наконец, поднимаются до свободного творчества, удерживая лишь общую почву вымысла со своими образцами“, а „коллекция этих памфлетов довольно богата и разнообразна“.⁷

Хотя у Миня трактаты эти помещены под 1145 г., чем, очевидно, предпрещена датировка их первой половиной XII в., однако издатель, не ограничиваясь перепечаткой их по А. Галланду, снабжает свое издание заметкой из предисловия последнего, где отмечается сомнение, высказанное Фабрицием⁸ относительно данной датировки, взамен которой предлагается вторая половина того же XII в.

К. I алан, касаясь первых двух трактатов, именно „Λόγος στηλιτευτικός κατὰ Ἀρμενίων“, согласно изданию Комбифиса, оспаривает принадлежность их католику Исааку, жившему, по мнению греков, в XII в., на следующих основаниях: 1) между армянскими католиками этого века не было ни одного, который носил бы это имя; 2) склад речи этого сочинения совершенно греческий; 3) в нем излагаются специально греческие пункты обвинений против армян.⁹

Тем не менее тот же К. I алан, как это ни странно, под рубрикой „Armeniorum pseudomagistri, quorum haeresis in hoc opere refutantur“, или же „Armeniorum pseudomagistri, qui fidem Catholicam oppugnarunt“, между годами правления католиков Григория и Захаря и Григория

¹ MPG, 132.

² Combefis. Auctarium novum, t. II.

³ A. Galland. Veterum patrum Bibliotheca, t. XIV.

⁴ MPG, 132, стр. 1155—1218.

⁵ Там же, стр. 1217—1238.

⁶ Там же, стр. 1237—1266.

⁷ И. Троицкий. Изложение веры церкви армянская. СПб., 1875, стр. 248.

⁸ Bibliotheca graeca, t. X, стр. 175, прим. XX.

⁹ Cl. Galanus. Consolationes ecclesiae Armenae cum Romana ex ipsis armenorum patrum et doctorum testimoniis, t. I₂, Romae, 1658, стр. 9—10.

и Нерсеса Клайского помещает Исаака: „Isaac dictus a graecis Magnae Armeniae Catholicus“, — т. е. в XII в.¹

Вот слова К. Галана и перифраз их в „Готовом ответе“ (Мзаметквелеба) грузинского ученого — католикоса XVIII в. Антония I.²

По К. Галану

По Антонию

Isaac, dictus a Graecis Magnae Armeniae Catholicus. A popularibus haereticis, quorum insanias repellebat, internicina insectatione exagitatus est, quare Constantinopolim sub Graecorum patrocinio se recipiens, ibi Orationem investivam adversus Armeniorum religionem composuit, in qua tamen ultra quam satis erat, in suae nationis vituperatione. . .³

Исаак, который был назван греками католикосом великия Армении, из-за проповеди православия был отвергнут еретиками и отправился в Константинополь, где написал книгу об армянском ритуале, полную обвинений и злословия.⁴

Касаясь разноречивых мнений по вопросу о датировке „Λόγος στυλι-τευτλοῖ κλητῆ Ἀρμενίων“, И. Троицкий заявляет, что он не берется „защищать ни того, ни другого мнения“, а лишь констатирует, что „автор этого сочинения, кто бы он ни был, жил не позже XII века, так как самое сочинение встречается уже в рукописных греческих сборниках XII века“.⁵

Троицкий отмечает, что „оно находится между прочим в рукописном греческом сборнике Моск. Синод. библ. за № X in 8°, написанном на пергамене и относимом профессором Маттэи к XII веку“, причем „от начала до конца оно совершенно тождественно с напечатанным у Комбефиза, с тем лишь различием, что в оглавлении нет имени католикоса Исаака“. Потому-то Троицкий совершенно резонно задает вопрос: „Не служит ли и это к подтверждению мнения Галана?“⁶

Одновременно с этим, не соглашаясь с мнением большинства ученых, которые „относят это произведение к XII веку“, притом приписывая такое „небывалому католикосу Исааку“, И. Троицкий полагает „вернее отнести его к XI веку и именно к первой его половине“, „так как автор довольно часто ссылается на авторитет римской церкви и вообще говорит об этой церкви таким языком, каким православные греческие богословы говорили лишь до разделения церквей при Михаиле Керулла; ии в 1054 году“.⁷

Мы тут не касаемся мнений, высказанных по данному вопросу такими деятелями из самих греков, как Евфимий Зигабен, Каллистос, Никита, омиат и другие, а только отметим, что в противовес датировке Фабриция, Галана и прочих мы замечаем у И. Мансветова тенденцию отодвинуть упомянутого Исаака „по крайней мере на столетие раньше“, именно потому, что „на него, только под именем Иоанна митрополита лийкийского, ссылается Никон Черногорец в своих рассуждениях о посте Успенском“. При этом Мансветов высказывает такого рода предположение: „Вероятно, Исаак, католикос, перешедший в православие, был принят в состав греческой иерархии и получил кафедру

¹ С. I. Galanus, ук. соч., стр. 23—24.

² Л. Меликсет-Бекоев. Латинско-армянские источники „Готового ответа“ Антония I. Труды Тбилисс. Гос. ун-в. им. И. В. Сталина, т. XXX—XXXI, 1947, стр. 97—112. (На груз. яз. с русск. резюме).

³ С. I. Galanus, ук. соч., стр. 23—24.

⁴ Мзаметквелеба, Тбилиси, 1892, стр. 15. (На груз. яз.).

⁵ И. Троицкий, ук. соч., стр. 182, прим. 3.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 248 и прим. 1.

митрополита никейского“ и „под этим именем он и цитируется у Никона, тогда как сочинение его, для большей убедительности в глазах армян, удержало имя католикоса Исаака“.¹

Видный историк Армении, член Венецианской конгрегации мхитаристов, Михаил Чамчян, еще в конце XVIII в. высказывал сомнение относительно подлинности трактатов с именем „католикоса великия Армении Исаака, якобы, XI века“, поскольку „в это время никакого католикоса Исаака не было“.²

Таковы же приблизительно высказывания исследователей XX в.: Б. Саргисяна,³ Г. Тер-Саакяна,⁴ С. Вебера⁵ и других, по мнению которых „Исаак католикос великия Армении“ — это фикция, за которую скрывается некий иерей Исаак, перешедший в халкедонитство.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом об авторстве и датировке третьего трактата, в частности его первого раздела, дошедшего до нас под заглавием „*Διγύψος ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“, относительно которого еще К. Крумбахер высказал положение „об идентичности его в большей части с трактатом Димитрия Кизикского“⁶ — положение, оказавшееся приемлемым для венецианских мхитаристов Л. Алишана и Б. Саргисяна.⁷

Кроме того, нашлись исследователи (например абба Martin), которые отнесли редакцию этого последнего трактата к VII в.⁸ Другие же установили связь с ним одного из посланий патриарха Фотия к армянам. При этом попутно высказано было положение о восхождении этого послания к армянскому подлиннику, ввиду наличия в греческой редакции множества следов армянского правописания, в частности при упоминании лиц и мест, равно как в перепутанной орфографии собственных и нарицательных имен и формообразовании.

Член же венской конгрегации мхитаристов Нерсес Акинян первоначально (1910)⁹ признавал этот трактат за „анонимное сочинение, относимое ко 2-й половине VII века“, а затем (1935)¹⁰ — как сочинение анонима первой четверти VIII в., который имел под рукой писания иерея Езника¹¹ и первый раздел „Истории“ Лазаря Парбского.¹² При этом Акинян, независимо от венецианцев, полагает, что трактат этот некогда должен был существовать и на армянском языке.¹³

¹ И. Мансвентов. О постах православной восточной церкви. М., 1886, стр. 11 ср.: А. Меликсет-Бек. Грузинский извод сказания о посте „араджавор“. Христианский Восток, т. V, Пгр., 1916, стр. 79—80.

² М. Чамчян. История Армении, т. II. Венеция, 1785, стр. 1026. (На арм. яз.).

³ Б. Саргисян. Григорий — архидиакон, писатель VI века... „Базмавен“ (Polyhistor), 1904, стр. 122—123. (На арм. яз.).

⁴ G. Ter-Sahagian. Un fragment grec d'Histoire ecclésiastique de l'Arménie. BZ, Bd. XIX, H. 1—2, 1910, стр. 43—45.

⁵ Simon Weber. Ueber die Versuche den Verfasser der Invektiven gegen die Armenier (MPG, 132, p. 1154 sq.). „Huschardzan“, Festschrift, Wien, 1911, стр. 175—180.

⁶ Karl Krumbacher. Geschichte d. byzantinischen Litteratur. 2. Auflage, München, 1897, стр. 89.

⁷ Б. Саргисян, ук. соч., стр. 122.

⁸ Там же.

⁹ Нерсес Акинян. Кирион, католикос Грузии. Вена, 1910, стр. 99, прим. 1. (На арм. яз.).

¹⁰ N. Akinian. Die historischen Quellen zur Periode 380—450 n. Chr. „Handes Amsorga“, 1935, № 10—12, стр. 459—460. (На арм. яз.).

¹¹ Изданы в качестве приложения к „Истории“ Самуила Анийского. Вагаршапат, 1893, стр. 266—268. (На арм. яз.).

¹² История Армении Лазаря Парбского. Критическое издание, Вагаршапат—Тифлис, 1903. (На арм. яз.).

¹³ Н. Акинян. Кирион, католикос Грузии, стр. 290.

Данная статья была уже написана, когда появилась заметка Г. Жерара,¹ с которой, однако, мы не имели возможности ознакомиться.

Вопрос о датировке антиармянских полемических трактатов греко-византийской литературы, по нашему мнению, опирается в два момента из области арменистики и грузиноведения: первый момент — это вопрос о католикосе Исааке, для разрешения которого требуется экскурс в область армянской церковной истории; и второй — это вопрос о степени использования означенных трактатов в древнегрузинской литературе, с установлением *terminus post quem* по соответствующих перифразов и переводов, что, в свою очередь, может оказать определенную услугу для установления исходных суждений о существовании греческих подлинников или прототипов.

В анналах армянской церкви известно трое католикосов (патриархов) по имени Саак или Исаак: первый — Саак Парфянин (Партев) по прозвищу „Великий“, в 387—439 гг., второй — Саак Улкуц (Улкеди), в 534—539 гг., и, наконец, третий — Саак Дзорапорец (Дзорапореци), в 677—703 гг.² Последнего из них Иоани Одауец (Ованнес Одзници), бывший католикосом в 717—728 гг., в своем известном трактате „По поводу соборов, бывших в Армении“, внесенном в „*Liber epistolarum*“,³ причисляет к категории тех армянских патриархов, которые отличались своей приверженностью к халкедонитству. „Они, покорные исповеданию проклятого Халкедонского [собора]“, — так характеризует он своих предшественников по престолу св. Григория Просветителя, начиная от Ездры и кончая Ильюю, как то: Ездру I (630—641), Нерсеса III (641—652, 658—661), Анастасия I (661—667), Исраеля I (667—677), Саака III (677—703) и Ильюю I (703—717).

Между тем разыскания Е. Тер-Минасяна с достаточной вескостью установили, что в Сааке Дзорапорце не только нельзя видеть халкедонита того или иного толка, как это изображено у Кл. Галана,⁴ а, наоборот, необходимо усмотреть противника халкедонитства — диофизитизма.⁵ Апологетом монофизитизма и антихалкедонитом признает С. Дзорапорца и М. Орманян.⁶

Древнеармянские историки, как, например, Иоани Драсханакертц (X в.), Стефан Таронц по прозвищу Асохик (X—XI вв.), псевдо-Шапук Багратид (?) и другие, вообще не скупаются в сообщении подробных сведений о различных моментах жизни Саака Дзорапорца как достойного ученика Федора Кртенавора, лучшего ритора (кердога), прославившегося своими выступлениями против арабов (тачиков) и умершего в ссылке в Харране.

¹ Garitte G é r a r d. Les écrits anti-arméniens dit du Catholicos Isaac. Louvain, 1950 (extrait de la Revue d'histoire ecclésiastique, 45, 1945, № 3—4, стр. 711—715).

² Хронология армянских католикосов-патриархов здесь и ниже приводится согласно М. Орманяну (M. O r m a n i a n. L'église arménienne, son histoire, sa doctrine, son régime, sa discipline, sa liturgie, sa littérature, son présent. Paris, 1910; The Church of Armenia, her history, doctrine, rule, discipline, liturgy, literature and existing condition. London, 1912; Армянская церковь, ее история, учение, управление, внутренняя история, литургия, литература, ее настоящее. М., 1913).

³ Изд. на арм. яз. Тифлис, 1901, стр. 222.

⁴ Cl. Galanus, ук. соч., t. I. Romae, 1690, стр. 258—259.

⁵ Erwand Ter-Minassianz. Die armenische Kirche in ihren Beziehungen zu den syrischen Kirchen bis zum Ende des 13. Jahrhunderts. Nach den armenischen und syrischen Quellen. Leipzig, 1904, стр. 136 u passim.

⁶ М. Орманян. Азгпатум, т. I. Константинополь, 1913, §§ 519, 520, 354. (На арм. яз.).

Анонимный же автор краткой хронографии под заглавием „Патриархи армянские, святые и нечестивые, православные и хулители“,¹ доведенной до 1193 г., про него пишет: „Саак диофизит [патриаршествовал] 17 лет;² он по заслугам был пленен Абдуллаем, и отправлен в Дамаск, и скончался в Харране“.

В истории древнеармянской литературы Саак Дзорапорец известен как гимнолог³ и автор, по крайней мере, двух трактатов, из коих один церковно-канонического, а другой — догматико-полемического характера.

Первый трактат, внесенный в „Corpus juris canonici“⁴ армянской церкви, — это „Канонические ответы на вопросы Иоанна Стилита, епископа Сюнийского“, в 15 титулах, которые обычно называются „Каноном Саака Последнего“.

Второй трактат, внесенный в „Liber epistolarum“, — это „Изъяснение против диофизитов-несториан“,⁵ сказанное святым варданетом Сааком, католикосом армянским и великим переводчиком, согласно богословскому исповеданию исполненных духом святых отцов и установленных апостолами преданий, а равно истинному и православному исповеданию церкви армянской“.⁶

Тут сам собой напрашивается вопрос: из чего, собственно говоря, видно, что „Изъяснение против диофизитов — несториан“ принадлежит перу именно Саака Дзорапореца, а не какого-либо другого Саака, в частности Саака Улкеца? Что автором этого трактата, именуемым „святым варданетом Сааком, католикосом армянским и великим переводчиком“, не может быть Саак Парфянин, — говорит Е. Тер-Минасян, — очевидно, поскольку в нем упоминается Филоксен Маббогский, известный поборник монофизитизма V—VI вв. Остаются двое других католикосов по имени Саак: один из них, часто упоминаемый, является предшественником католикоса Христофора I и патриаршествовал 5 лет (в 30-х годах VI в.), а другой — это Саак Дзорапорец, бывший католикосом ранее предшественника Иоанна Одзунца, католикоса Ильи, следовательно в конце VII в., а быть может, даже в начале VIII в. Но „так как оппозиция против Халкедонского собора в эпоху Саака II не была так сильна, как это видно до данного трактата, то, — по мнению того же исследователя, — можно с большей вероятностью предположить, что Саак III как раз и является его автором“. „А если это так, то следо-

¹ См. рукопись новой коллекции б. эчмиздинского собрания, по старой нумерации № 929, стр. 440 (ныне в Матенадаране, т. е. Институте рукописей при Совете Министров Армянской ССР).

² Должно быть: 26 лет (677—703).

³ Н. Эмиш. Шаракан—Богослужбные каноны и песни Армянской восточной церкви. 2-е изд. М., 1914, стр. 452.

⁴ Канонагирк (Книга канонов), изд. А. Клитчяна. Тифлис, 1914, стр. 131—135. (На арм. яз.); Anq. Maius. Scriptorum veterum nova collectio e Vaticanis codicibus edita, t. X, p. 2. Roma, 1838, стр. 300—312. Ср.: А. Меликсет-Бек. Об источниках древнеармянского права. Изв. Кавк. Ист.-Археол. инст., т. II, Л., 1927, стр. 161.

⁵ Окрещивание приверженцев Халкедонского собора 451 г., наравне с эпитетом „диофизит“, также „несториане“, — обычное явление в древнеармянской литературе. См.: Е. Тер-Минасян. Несториане в Армении. Литер. разыскания, изд. Института литературы имени М. Абебяна Акад. Наук Армянской ССР, кн. I, Ереван, 1946, стр. 175—242. (На арм. яз.).

⁶ Гирк тхтоц (Книга посланий). Тифлис, 1901, стр. 413—482. (На арм. яз.). Ср.: А. Меликсет-Бек. Новый вариант армянской „Книги посланий“ и ученик Петра Ивера Иоани Майумский. Вестник Гос. Музея Грузии, т. XI, 1941, стр. 51—53. (На груз. яз. с русск. резюме).

вательно пред нами налицо убежденный антихалкедонит-католикос до Ильи".¹

Ввиду изложенного Е. Тер-Минасян и полагает, что заключающееся в трактате Иоанна Одзунца сведение о том, что все бывшие между Ездрой и Ильей католикосы являлись приверженцами халкедонизма, подлежит еще пересмотру.

Говоря о достижениях армянской литературы в X в., Н.Г. Адонц замечает: „К этому периоду относится и пространное слово против диофизитов, неверно приписываемое католикосу Сааку („Книга писем“, 413)".²

Вопрос о симпатиях Саака Дзораторца к халкедонитству находится в тесной связи с вопросом о пребывании этого Саака в Константинополе, о чем вскользь говорится во „Всеобщей истории“ Стефана Таронца (X—XI вв.). Отметив, как в начале 4-го года царствования своего, т. е. в 690 г., император Юстиниан II во главе многочисленного войска пошел походом на Армению и у горы, называемой Арартаком (Араратом? — Л. М.-Б.), разделив свою армию на три отряда, направил их в Армению, Иверию и Алванию, а затем вызвал к себе правителей этих стран, которые вынуждены были против собственной воли явиться к нему, Ст. Таронец замечает: „Одних из этих князей он (Юстиниан) взял с собой, а у других вытребовал их сыновей в заложники, с ними армянского католикоса Саака вместе с 5 епископами, [которых] удержал у себя в заключении, ...сам же вернулся в Константинополь".³

Учитывая то обстоятельство, что увод Саака в византийскую столицу лишь вскользь упоминается у Ст. Таронца, между тем как другие древнеармянские историки совершенно умалчивают об этом факте, М. Орманян замечает, что даже тот, „который упоминает об этом событии, не дает никакого объяснения насчет того, сколько времени продолжалось пребывание Саака в Константинополе и чем оно кончилось".⁴ В отношении Саака, в противовес Ездры и Нерсесу, „не было вообще оказано никаких почестей"; вдобавок еще этот самый Саак „содержался при императоре как заключенный и вместе с взятыми в заложники князьями и княжичами [трех стран] и пятью [армянскими] епископами был отправлен ссыльным в Константинополь",⁵ причем получил он, Саак, возможность выйти на свободу лишь с низложением с престола императора Юстиниана II.⁶ На этом основании М. Орманян считает что Саак этот „не подвергся бы таким стеснениям, если бы он был исполнителем воли императора",⁷ другими словами говоря, если бы он отличался своими симпатиями к халкедонитству. Отсюда следует логический вывод о том, что Саак Дзораторец не только не был истым халкедонитом, но нет даже ни малейших оснований заподозрить его в какой-либо причастности к халкедонитству вообще.

¹ Erwand Ter-Minassiantz, ук. соч., стр. 136 и passim. Также: Des heiligen Irenäus Schrift zum Erweise der apostolischen Verkündigung, herausgegeben von Karapet Ter-Mekerttschian und Erwand Ter-Minassiantz. Leipzig, 1907, стр. V; Timotheus Älurus des Patriarchen von Alexandrien, Widerlegung der auf der Synode zu Chalcedon festgesetzten Lehre. Armenischer Text von Karapet Ter-Mekerttschian und Erwand Ter-Minassiantz. Leipzig, 1908, стр. XX, прим.

² Н. Адонц. Армянская литература. Новый энциклопедический словарь, изд. Брокгауза—Ефрона, т. III, стр. 650.

³ Изд. С. Малхасяна, Спб., 1885, стр. 101; Степаноса Таронского, Асохика по прозванию, Всеобщая история, пер. Н. О. Эмина. М., 1864, стр. 12.

⁴ М. Орманян. Азганатум, т. I, § 520. (На арм. яз.).

⁵ Там же, § 519.

⁶ Там же, § 520.

⁷ Там же.

Не в таком, однако, свете выставляют Саака (Исаака) III Дзорапорца халкедонитские — греко-византийские и грузинские источники: с одной стороны — греч. *Διήγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου* (в составе „*Narratio de rebus Armeniae*“) и с другой — груз. „*Рассказ из Истории*“, где читаем:

В греческой версии

Οἱ δὲ μαθηταὶ αὐτοῦ πληθύνοντες, πάντες ἐξέκλιναν ἀπὸ τῆς ἀληθείας· καὶ διεπάρη ἡ αἵρεσις αὐτῆ ἐν τῇ χώρᾳ ἐκείνῃ, ἕως Ἰουστίνου Καίσαρος τῷ ε' ἔτει, ἐν ᾧ καιρῷ καλέσας τὸν Ἰσαάκ τὸν καθολικὸν σὺν τοῖς ἐπισκόποις εἰς Κωνσταντινουπόλιν, ἤνωσεν αὐτοὺς τοῖς ὁμολογοῦσι τὰς δύο φύσεις τοῦ Χριστοῦ καὶ Θεοῦ ἡμῶν, τῆς θεότητος καὶ τῆς ἀνθρωπότητος, ἐν μιᾷ ὑποστάσει, ἀφύρτως, ἀδιαιρέτως· καὶ διὰ τοῦτο ἐγγράφως ὤμοσαν, τοῦ μηκέτι γενέσθαι εἰς αὐτοὺς ἀντιλογίαν. Πάλιν δὲ, υποστρεφάντων αὐτῶν, οἱ καταλειφθέντες ἐν τῇ Ἀρμενίᾳ, ἐδυσχέρανον τῇ τούτων ἐπιτασίᾳ, ὡς ὁμοφρονησάντων μετὰ τῶν Ῥωμαίων. Καὶ λοιπὸν στάσεις καὶ συζητήσεις ἐποιοῦν μετὰ τοῦ Ἰσαάκ καὶ τῶν συναπελθόντων αὐτῷ, λέγοντες· ὅτι «Ἐὰν μὴ στραφήτε καὶ ἀναθεματίζετε αὐτοὺς, οὐ δεχόμεθα ὑμᾶς εἰς τόπον ἡμῶν». Αὐτοὶ δὲ ἀγαπήσαντες τὴν δόξαν τῶν ἀνθρώπων, ἢ τὴν δόξαν τοῦ Θεοῦ, πάλιν ἀνεθεματίζαν πρῶτον ἑαυτοὺς, ὡς κοινωνήσαντας τοῖς Ῥωμαίοις. Ευρέθησαν δὲ ἀνάτοι ἐν ταῖς κακίαις.¹

Это же самое указание греческого источника у К. Галана (XVII в.) и у зависящего от этого источника грузинского католикоса Антония I (XVIII в.) получило следующую формулировку:

В латинской версии

Isaac Patriarcha. Una cum subjectis episcopis, juniore imperante Justiniano, Byzantium petiit, ubi fidei vestigia perscrutati, duas Christi naturas, voluntates et operationes, jurejurando professi sunt.³

Не задаваясь вовсе целью заняться критическим разбором полемических трактатов в греко-византийской литературе, приписываемых католикосу Исааку, а только желая выснить отношение таковых к католикосу Сааку III Дзорапорцу, М. Орманян находит, что „никакого иного армянского католикоса по имени Саак, кроме Дзорапорца, указать нельзя, поскольку Саак IV Гарниец оказался лишь сопрестольником в 1624 году, а Саак Дужий, хотя и был избран в 1755 году,

В грузинской версии
(в нашем переводе)

[Император Юстиниан] призвал католикоса Исаака с епископами в Константинополь и воссоединил их с исповедующими два естества в госпде нашем Иисусе Христе — божественное и человеческое, в одном лице, неслиянно и нераздельно; вследствие этого они письменно поклялись, дабы с их стороны по этому поводу отныне не было оказано сопротивления. Когда же они вернулись к себе на родину, в Армению, оставшиеся в Армении были опечалены тем, что они примкнули к грекам и, оказывая Исааку сильное противодействие расследованием дел его и иже с ними, говорили: „если вы не вернетесь к нам и не проклянете греков, не примем вас на ваши места“. Однако они, будучи тверды в себе, как согласные с греками, вновь прокляли предпочитающих величать людей, а не бога.²

В грузинской версии
(в нашем переводе)

Исаак, католикос армянский, совместно со своими епископами, по повелению императора Юстиниана Малого, отправился в царственный град Константинополь, и здесь они начали спор о святой вере и исповедали воплотившегося Логоса после соединения двух естеств и двух действий.⁴

¹ MPG, 132, стр. 1253.

² Ф. Жордания. Хроники, I, стр. 341. Ср.: А. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I. Ереван, 1934, стр. 80, 81, 83—84.

³ Cl. Galanus, ук. соч., стр. 21.

⁴ Мзаметквелеба, стр. 15.

однако, не получив помазания, так и не был интронизован"; „в 1145 году же, — продолжает тот же автор, — на католикосском престоле восседал Григорий III Пахлавуни“, и „следовательно, католикосом Сааком, автором упомянутых трактатов, должен быть признан лишь Дзорпорец“. Но так как трактаты эти приурочиваются к 1145 г., между тем как Саак Дзорпорец патриаршествовал в VII—VIII вв., то потому М. Орманиян и полагает, что в данном случае имеет место некоторого рода подлог, выражающийся в том, что некий анонимный автор, писавший в 1145 г., умышленно приписал свои собственные произведения Сааку Дзорпорцу.¹ Мало того. Этот автор вложил в уста Саака исповедь в том, что он, Саак, будучи рожден и воспитан среди еретиков и нечестивцев, милостью божьею познал истину и начал таковую проповедовать армянам, но последние, несколько раз созвав собор, решили умертвить его, Саака, почему он и вынужден был бежать и найти убежище в святой столице.² В другом месте указывается, что католикос Саак, отправившись при императоре Юстиниане Малом в Константинополь, вместе со своими епископами принял, мол, учение диофизитов; однако, когда он пустился в обратный путь в Армению, армяне пригрозили ему отлучением, и тогда он вновь вернулся [в лоно родной церкви и проклял халкедонитство. „И как же, зная все обстоятельства, — спрашивает М. Орманиян, — греки могли придать сочинениям католикоса Саака надписание «святого отца нашего»“.³

И вот в силу всех этих соображений, а также того обстоятельства, что у католикоса Исаака столица империи названа „святой столицей“, М. Орманиян и полагает, что в наличии фикции в признании авторства означенных трактатов за католикосом Исааком не может быть никакого сомнения.

Что же касается вопроса о том, что именно могло послужить поводом к учинению подобного литературного подлога, то насчет этого М. Орманиян высказывает следующие свои соображения: „Память о пребывании Саака в Константинополе подала повод пустить о нем ложные сведения и составить его именем ложные сочинения, и это, по всей вероятности, в то время, когда греки в XII столетии старались вынудить армян воссоединиться с ними“. Посему тот же автор утверждает, что „все эти сведения и сочинения лишены всякой достоверности, и самое то повествование о приобщении Саака к халкедонитству в бытность его в Константинополе легендарно“; „да и, если бы это было так, какое, — спрашивает он, — значение может иметь вынужденное заявление находящегося в ссылке или заточении католикоса“;⁴ каковое заявление содержится в приписываемом последнему „Обличительном слове на армян“.

Этот вывод М. Орманияна очень близок к тому, к которому, почти одновременно с ним и независимо от него, пришел С. Вебер, который, отрицая существование какого бы то ни было „Исаака, католикоса великия Армении“, как в XII, так и в VIII в. отвергает всякую возможность идентификации этого Исаака с Сааком III Дзорпорцем.⁵

К сожалению, однако, ни М. Орманияном, ни С. Вебером не учтены высказывания по данному вопросу Б. Саргисяна и Г. Тер-Саакяна, сводящиеся к тому, что в греческой рукописи парижской Национальной

¹ М. Орманиян. Азгпатум, т. I, § 520.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ S. Weber. Ueber die Versuche den Verfasser der Invectiven gegen die Armenier. . . „Huschardzan“, Festschrift, Wien, 1911, стр. 110.

библиотеки за № 900 (стр. 144—149) аналогичный догматико-полемический трактат значится как коллективный труд четырех авторов: Филиппа-Монаха, Димитрия Кизикского, Исаака из Армении и Григория Дякона.¹ Более того. Один из списков коллективного труда этих именно четырех авторов опубликован у Миня.² И вот, сопоставляя этот коллективный труд четырех авторов *Διήγησις ἀπο τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*³ и признав этих авторов за деятелей, живших позже VIII в., Г. Тер-Саакян специально останавливается на личности Исаака и находит, что „он был простым пресвитером“ („il était simple prêtre“) и что „греки-переписчики с целью придать его полемическим трактатам больший авторитет представили его как католикоса Армении“ („les copistes grecs, pour donner plus d'autorité à sa polémique, le présentent comme catholicos d'Arménie“). Но что курьезнее всего — это то, что те же „греки-переписчики“ упустили из виду, что этот патриарх умер в Персии („le copiste grec ignorait que ce patriarche est mort en Perse“).⁴

Несмотря на все вышесказанное, нам все же кажется, что ключ к разрешению спорного по сей день вопроса об авторстве и датировке полемических трактатов, связанных с именем католикоса Исаака, нужно искать не в греко-византийской или древнеармянской литературе, а в родственной им обеим древнегрузинской письменности, являющейся в данном случае более надежным критерием для ряда исходных положений и заключений.

Касаясь известного в древнегрузинской литературе полемического трактата Арсения, католикоса мхетского, родом из Самцхийской Сафары, об отделении армян от грузин, согласно изданию Ф. Жордания (Хроники, I, Тифлис, 1893, стр. 313—332, на груз. яз.), еще Н. Goussen высказал положение, что этот трактат во многом имеет точки соприкосновения с изданною Комбефисом „Historia haeresis Monothelitarum“⁵, равно как с опубликованною Шабо сирийской Хроникой Михаила Великого.⁶ Вслед за ним и венский мхитарист Н. Акинян высказал мнение, что „Арсений вообще основывается... на Narratio de rebus Armeniae, которая в настоящее время хотя и предлежит (только) на греческом языке, однако некогда таковая должна была существовать и на армянском языке“.⁷

В изданном автором настоящей статьи в 1934 г. томе I „Грузинских источников об Армении и армянах“ (на армянском языке) были помещены в V и VI главах соответствующие материалы из сокровищницы древнегрузинской письменности, восходящие к древнегреческим первоисточникам или прототипам. Таковы, согласно нашему исследованию, трактат грузинского католикоса Арсения под заглавием „О разделении Грузии и Армении“, имеющий точки соприкосновения с „*Διήγησις ἀπο τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“, и сочинение анонимного компилятора под заглавием „Рассказ из Истории“, восходящее в первой своей части к „*Καθολικὸς τῆς Ἀρμενίας*“, а во второй — к „*Διήγησις ἀπο τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“.

¹ G. Ter-Sahagian. Un fragment grec d'histoire ecclésiastique de l'Arménie. BZ, Bd. XIX, N. 1—2, 1910, стр. 43—44.

² M¹G, 127.

³ M¹G, 132.

⁴ G. Ter-Sahagian, ук. соч., там же.

⁵ Nov. Auct. r, II, стр. 272 сл.

⁶ H. Goussen. Die georgische Bibelübersetzung. Oriens Christianus, VI. Jahrgang (1—2 Heft), Rom. 1906, стр. 315.

⁷ Н. Акинян. Кирион, католикос Грузии, стр. 289—290.

Это положение нами было выяснено и иллюстрировано путем сличения соответствующих — грузинских (в нашем переводе на армянский язык) и греческих — текстов.¹

Но древнегрузинские письменные источники, восходящие к „*Διήγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“ и „*Καθολικὸὶ τῆς Ἀρμενίας*“, могут быть привлечены и использованы в качестве критерия для установления terminus post quem по времени возникновения названных памятников греко-византийской литературы в их подлинниках, предпосылкой чему является более или менее точная датировка грузинских филиалей.

Тут прежде всего следовало бы остановиться на трактате, дошедшем до нас под пространным заглавием „Слово святого отца нашего Арсения, учителя, католикоса мцхетского, родом из окрестностей Самцхийской Сафары, о разделении Грузии и Армении“, автора которого, католикоса Арсения, относили то к VII,² то к VIII,³ то к X⁴ и даже к XIV⁵ в. Но в настоящее время среди грузиноведов по этому вопросу как будто царит полное единодушие: как нашими разысканиями,⁶ так равно исследованиями И. А. Джавахишвили⁷ и К. С. Кекелидзе⁸ окончательно установлено, что Арсений, католикос мцхетский, „родом из окрестностей Самцхийской Сафары“, — это автор второй половины IX в., ученик Григория Хандзтийского, „строителя Хандзты и Шатберда“, „Житие“ которого (в уникальном рукописном экземпляре) было открыто Н. Я. Марром в Иерусалиме.⁹

Прямое указание на то, что под автором трактата „О разделении Грузии и Армении“ католикосом Арсением, бывшим „родом из окрестностей Самцхийской Сафары“, следует разуметь именно ученика Григория Хандзтийского — Арсения, содержится в „Житии Григория Хандзтийского“ (на груз. яз.).

Говоря о добрых друзьях Григория Хандзтийского — Феодоре и Христофоре, „Житие“ указывает, что „прибыв в Самцхию, божью

¹ А. Меликсет-Бекоев. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 34—70, 77—86.

² С. Какабадзе. Разыскания по истории. Тифлис, 1924, стр. 55. (На груз. яз.).

³ П. Ингорюкв. „Краткий очерк истории грузинской литературы. „Мнатоби“, 1939, № 10—11, стр. 221—222, 263—268. (На груз. яз.).

⁴ Ф. Жордания. Хроники, т. I, стр. 311.

⁵ Franz Nikolaus Finck, Die georgische Literatur. Die Kultur der Gegenwart, I, 7 (Sonderabdruck), Berlin und Leipzig, 1906, стр. 306.

⁶ О нашем докладе „Трактат грузинского католикоса Арсения (IX века) о разделении Грузии и Армении как памятник армяно-грузинских церковных отношений“, читанном в Тифлисе в Закавказском университете (1920) и Кавк. отд. Моск. археол. общ. (1921), см.: Известия Кавк. отд. Моск. археол. общ.; вып. VI, под ред. А. М. Меликсет-Бекоева и Д. П. Гордеева, Тифлис, 1921, стр. 55. А. М. Меликсет-Бекоев. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 27, 70.

⁷ И. Джавахишвили. Древнегрузинская историческая литература (V—XVIII вв.). 2-е изд., Тифлис, 1921, стр. 60—63; то же, 3-е изд., Тифлис, 1945, стр. 83—86. (На груз. яз.). В первом издании 1916 г. глава об Арсении отсутствует.

⁸ К. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I. 1-е изд., Тифлис, 1924, стр. 134—135. (На груз. яз.); то же, 2-е изд., Тбилиси, 1941, стр. 124—125; то же, 3-е изд., Тбилиси, 1950, стр. 121—122.

⁹ Георгий Мерчул. Житие св. Григория Хандзтийского, грузинский текст, введение, издание, перевод Н. Марра, Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, VII, СПб., 1911; С. Кубанейшвили. Хрестоматия по древнегрузинской литературе, т. I. Тбилиси, 1946, стр. 98—156. (На груз. яз.); Георгий Мерчул. Житие Григория Хандзтийского и его друзей и учеников. Подлинник восстановил и исследованием снабдил П. Ингорюкв, I, Восстановленный подлинник, Тбилиси, 1949. В дальнейшем ссылки даны у нас по изданию 1911. Ср.: А. Меликсет-Бекоев. Публикации письменных источников по истории Грузии, Каталог, I, Тбилиси, 1949, стр. 38—39. (На груз. яз.).

волею они взяли себе в ученики сына великого Миреана, азнаура, по имени Арсения, прозванного достойно Арсением великим, впоследствии католикосом Грузии, неуядаемым венцом мцхетского престола.¹ Но про Арсения то же „Житие“ способно сообщить нам более подробные сведения. Так, Арсений, будучи сыном великого самцхийского азнаура Миреана, до посвящения своего в католикосы состоял епископом на Адкурской кафедре в Самцхии; „впоследствии же, — как говорит „Житие“, — великий Арсений сделался католикосом Грузии в соборной церкви во Мцхете, обители христового хитона“.² Но этого мало. То же самое „Житие“ сообщает нам самые подробные сведения о том, при каких обстоятельствах протекло посвящение Арсения в католикосы, как были кассированы первые выборы его, проведенные насильственно его отцом — Миреаном, вопреки желанию картайских епископов и государя своего Гуарама, великого мампала, лишь при содействии сильного самцхийского воинства и в присутствии немногих епископов, и как поэтому оказалась необходимость в созыве специального собора при участии законного числа епископов, каковой собор, действительно созванный названным Гуарамом, после страстной речи Григория Хандзтийского санкционировал первоначальное избрание Арсения.³ Сообщая, что „католикос Арсений есть волею божьею католикос“,⁴ „Житие“ далее указывает, что этот Арсений „навел радость на все церкви Грузии“, ибо он „украсил патриарший престол и сам украсился благодатью“.⁵ При этом то же „Житие“ добавляет: „Он (Арсений) был католикосом двадцать семь лет и затем, представившись из этого мира, радостно явился ко Христу“.⁶

Все эти сведения из грузинского „Жития Григория Хандзтийского“ мы, конечно, привели с единственной целью — доказать идентичность Арсения, сына самцхийского азнаура (дворянина) Миреана и ученика Григория Хандзтийского, впоследствии католикоса мцхетского, с автором трактата „О разделении Грузии и Армении“ — Арсением, учителем, католикосом мцхетским, бывшим родом из „окрестностей Самцхийской Сафары“. Имея в виду, что Сафара, бывшая одно время знаменитой лаврой, расположена в Самцхии, в нескольких километрах от гор. Ахалцихе, данный вопрос мы и разрешаем в положительном смысле.

Что же касается вопроса о том, к какому времени должно быть приурочено время жизни и деятельности автора данного полемического трактата, то таковой разрешается очень просто: раз Григорий Хандзтийский жил с 759 по 861 г., а про Арсения сказано, что он в год смерти Ашота Куропалата (826) в шестилетнем возрасте вступил в монастырь, следовательно Арсений должен был родиться в 820 г. Сказано также, что он патриаршествовал 27 лет, причем, будучи католикосом, принимал участие в освящении старой церкви Хандзты еще при жизни своего учителя Григория; кроме того, он присутствовал на похоронах последнего, скончавшегося в 861 г. Католикосом он мог стать, согласно церковным канонам, не ранее достижения им 35-летнего возраста, т. е. приблизительно около 855 г., и ясно, что период католикосства Арсения должен быть определен 855—882 гг. Отсюда вывод, что трактат „О разделении Грузии и Армении“ должен был быть написан, во всяком

¹ Глава XIX, русск. пер., стр. 100.

² Глава XLII, русск. пер., стр. 119.

³ Там же, стр. 119—123.

⁴ Там же, стр. 121.

⁵ Глава XVII, русск. пер., стр. 123.

⁶ Там же.

случае, не позже 882 г., при *terminus a quo* 862 г., как полагает К. С. Кекелидзе.¹

Сличение трактата католикоса Арсения „О разделении Грузии и Армении“, как произведения второй половины IX в., с соответствующими местами из „*Διηγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“, первого раздела так называемой „*Narratio de rebus Armeniae*“, давно привело нас к выводу о зависимости произведения Арсения от греческого первоисточника, связанного с именем „Исаака, католикоса великия Армении“;² иначе говоря, греческий первоисточник должен был существовать не позже середины IX в.

Здесь мы, конечно, далеки от мысли заняться повторением того, что нами уже высказано печатно в 1934 г., и потому ограничиваемся сравнением одного лишь наиболее характерного пассажа из „*Διηγησις ἀπὸ τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*“ и грузинского трактата „О разделении Грузии и Армении“.

В греческой версии

„*Ἀτινα γνωρίσας Νερσαπῶ ἐπίσκοπος τῆς Ναρσέση τῷ καθολικῷ τῶ ὄντι ἀπὸ Ἀσταράξ, καὶ τοῖς Ἀζάτοις ἐδήλωσεν. Ὁρίσαν δὲ μεγάλην συνόδον ἐν πελαί Τιβήν, τῷ κδ' ἔτει τοῦ αὐτοῦ καθολικοῦ Ναρσέση, καὶ τῷ ιβ' ἔτει Ἰουστίνου Καίσαρος, καὶ τῷ κδ' τοῦ Χοσρόη τῶν Περσῶν βασιλέως, καὶ τῷ ἐνικοτῷ ᾧ ἐμαρτυρήσα Νεττιποστί, καὶ ἐν ἀρχῇ τοῦ ἀριθμοῦ τῶν Ἀρμενίων ὅτε καὶ τὴν ἁγίαν σύνοδον τὴν ἐν Χαλκηδόνι ἀνεθεμάτισαν ὡς Νεστοριανήν, κατὰ τὸν λόγον Ἀπτισῶ, ὅτι αὐτῷ χρόνῳ τὰς Γραφὰς ἐρήμηνευσαν, τὰς ἐνεχθείσας ἀπὸ τοῦ Ἀπτισῶ, τὰς προμνημονευθείσας, τὰς γραφείσας παρὰ Τιμοθέου καὶ Φιλίκου τῶν Συρων, κατὰ τῆς συνόδου τῆς ἐν Χαλκηδόνι, καὶ κατὰ τῶν ομολογούντων δύο φύσεις ἐπὶ Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν, καὶ ἐναντίαν σύνοδον ἐδογματίσασιν, λέγοντες, μίαν φύσιν τοῦ Θεοῦ Λόγου καὶ τῆς σαρκὸς καὶ τῆ ἀθανάτω φύσει αὐτὸν ἐτταυρώσασιν καὶ τεθνήσκειν ὄθεν καὶ τὸ Ὁ σταυρωθεὶς, προσέθησαν εἰς τὸ Ἅγιος, ὁ Θεός, κατὰ Πέτρον Κναφία, τὸν παθόντα τὰ Σαβελλίου. Ὁρίσαν μετὰ τοῦ ἀναθηματισμοῦ ἀποστῆναι τῆς κοινωνίας Ἰερουσαλήμ...³*

В грузинской версии (в нашем переводе)

И епископ Нершапо уведомил католикоса Нерсеса, который был из Аштарак [в груз. тексте: Ашхаракли sic] и злостный еретик, и некоего Петра Кердола, а также прочих епископов и азнауров, и приказали [созвать] второй великий собор в том же Двине, в лето второе [патриаршества] того же Нерсеса, в четырнадцатое — правления императора Юстиниана и во второе — царствования персидского царя Хосроя (в подлиннике: Хуасро), в тот [самый] год, когда замучен был святой Изид-Бозид. И вновь прокляли тот святой собор Халкедонский, который назвали несторианским, согласно безбожному Абдишо (в подлиннике: Абдибо). И в тот же год выявили книги, переведенные еретиками — Тимофеем [Элауром] и Филоксеном [Мабогским], которые были сирийцами и которые оказались первыми, написавшими против Халкедонского собора и двух естеств во Христе бже, и сделались покорными писаниям [Тимофея] Элура для того, чтобы похоронить себя самих, и сказали: „Единая природа слова божьего и телес“, и проповедали Христа распятым и умершим бессмертной природой, то есть прибавили „крест“ в „святой, бже“, которое есть „хачецар“ (распяты за нас), согласно слову Петра Антиохийского (Валяльщика), который заражен был пороком Сабелия. И анафемой отвергли отступников от правой веры.⁴

¹ К. Кекелидзе. История грузинской литературы, т. I. 3-е изд., Тбилиси, 1951, стр. 122. (На груз. яз.).

² Л. Меликсет-Беков. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 34—70.

³ MPG, 132, стр. 1244—1245; Ср.: Л. Меликсет-Беков. Грузинские источники об Армении и армянах, т. I, стр. 60.

⁴ Ф. Жордания. Хроника, т. I, стр. 324—325. Ср.: Л. Меликсет-Беков, ук. соч., стр. 40.

В такой же плоскости и в таком же аспекте разрешается вопрос об отношении древнегрузинского „Рассказа из Истории“ анонимного автора (IX в. ?) к трактату „Καθολικοί τῆς Ἀρμενίας“, составляющему собой II раздел так называемой „Narratio de rebus Armeniae“, где зависимость грузинского текста от греческого, как это также установлено нами, еще более очевидна и абсолютно неоспорима.¹ И поскольку „Рассказ из Истории“ представляется нам продолжением или дополнением трактата Арсения „О разделении Грузии и Армении“, проработанным поч. и одновременно или чуть позже после написания последнего, то и в данном случае необходимо прийти к выводу, что греческий прототип должен был существовать в IX в. И это — тем более, если им в том же IX в. пользовался патриарх Фотий в переписке с армянами.²

Коротко говоря, „Narratio de rebus Armeniae“ в обоих разделах — как *Διγῆσις ἀπο τοῦ ἁγίου Γρηγορίου*, так и *Καθολικοί τῆς Ἀρμενίας* — должно было существовать в греческом подлиннике не позже IX в.

После всего сказанного, возвращаясь к вопросу об авторстве антиармянских полемических трактатов в греко-византийской литературе, приписываемых армянскому католику Исааку („Исааку католикусу великия Армении“), мы должны признать:

1. Никакого Исаака или Саака, „католикоса великия Армении“, не было после Саака III Дзорапорца, который патриаршествовал в 677—703 гг. и которого ни в какой мере нельзя признать причастным к халкедонитству и, следовательно, способным написать антиармянские полемические трактаты вроде тех, которые собраны и изданы (переизданы) Минем.³

2. Опубликованные Минем трактаты никак не могут быть датированы 1145 г. н. э., поскольку некоторые из них уже существовали на греческом языке в IX в., будучи в том же IX в. использованы в древнегрузинской литературе.

3. Поскольку авторство католикоса Исаака по отношению к этим трактатам, естественно, устраняется, сам собой встает вопрос о признании их автором некоего пресвитера Исаака, армянина-отщепенца, жившего не позже IX в., или же анонимного автора — грека, использовавшего имя армянского вардапета Саака (Исаака), который фигурирует в переписке армянского великого князя Ашота (861—885) с константинопольским патриархом Фотием; имя Саака было намеренно сопровождено вымышленной титулатурой: „католикос великия Армении“.

¹ Л. Меликсет-Бек. Грузинские источники об Армении армянах, т. I, стр. 77—86.

² Православный палестинский сборник, т. XI, вып. 1, СПб., 1892, стр. 179—279.

³ MPG, 132.

ПУБЛИКАЦИИ И ИССЛЕДОВАНИЯ ИСТОЧНИКОВ

Г. Ч. СКРЖИНСКАЯ

„ИСТОРИЯ“ ОЛИМПИДОРА

ОЛИМПИДОР. „ИСТОРИЯ“

(В ЗАПИСЯХ И ВЫБОРКАХ ФОТЯ)

(Перевод)

§ 1. Прочтены двадцать две книги историй Олимпиодора.¹ Он начинает свой рассказ с седьмого консульства римского императора Гонория и второго консульства Феодосия² и доводит этот рассказ до того времени, когда Валентиниан, сын Плацидии и Констанция, был провозглашен римским императором.³

Писатель этот — фиванец, родом из египетских Фив;⁴ по занятию — сочинитель⁵ (как говорит он сам), по религии — эллин.⁶ Язык у него ясный, но невыразительный и лишенный силы, причем автор склонен к избитому просторечию. Писание его не заслуживает того, чтобы считаться сочинением.⁷ Он и сам, повидимому, понимал это, так как настоятельно утверждал, что у него написано не сочинение, а лишь собран материал⁸ для сочинения: таким некрасивым и невидным казался ему стиль его прозы. Действительно, произведение ничем не украшено; состязаться с ним можно только в бесхитростности. Но, пожалуй, придется отказать даже в ней: со своим низменным слогом автор просто впадает в простонародную речь.⁹ Этот материал для истории — так он сам называет его — он делит на книги и пытается украсить их предисловиями. Историю¹⁰ свою он посвящает императору Феодосию,¹¹ сыну Аркадия и племяннику Гонория и Плацидии.

§ 2. Он рассказывает о том, какой властью был облечен Стилихон,¹² которого сам Феодосий Великий¹³ поставил опекуном над своими сыновьями, Аркадием и Гонорием;¹⁴ о том, как он вступил в брак с Сереною,¹⁵ которую сосватал ему опять-таки Феодосий; как после этого Стилихон выдал свою дочь Фермандию за императора Гонория, ставшего, таким образом, ему зятем;¹⁶ как он вознесся на самую вершину власти и счастливо вел за римлян множество войн с разными племенами¹⁷ и как Олимпий,¹⁸ которого сам Стилихон приблизил к императору, в своем кровавом и бесчеловечном усердии убил его мечом.¹⁹

§ 3. Аларих,²⁰ предводитель готов, которого Стилихон пригласил охранять для Гонория Иллирик²¹ (это была область, назначенная Гонорием отцом его Феодосием), узнав об убийстве Стилихона²² и не получив обещанной ему платы,²³ осадил и разрушил Рим.²⁴ Он увез оттуда неисчислимое количество денег и взял в плен сестру Гонория, Плацидию,²⁵ находившуюся тогда в Риме. Еще до взятия Рима один

из знатных людей, по имени Аттал, бывший тогда епархом,²⁶ провозглашен был императором.²⁷ Произошло это и вследствие выше поименованных причин и потому, что римляне взяли себе в союзники ненавистного Алариху Сара,²⁸ тоже гота, командовавшего небольшим отрядом (численность его простиралась до двухсот-трехсот человек), но храбреца и непобедимого в боях. Вражда их²⁹ к Алариху была непримиримой.

§ 4. Во время осады Рима дошло до того, что среди населения возникло людоедство.³⁰

§ 5. Аларих, еще при жизни Стилихона, получил в качестве платы за выступление в поход³¹ сорок кентинариев.³²

§ 6. После смерти Стилихона погибла и жена его, Серена,³³ будучи удушена, так как ее считали виновницей нападения Алариха на Рим. Еще раньше, после гибели Стилихона, убит был его сын от Серены, Евхерий.³⁴

§ 7. Во времена Гонория прозвище „букелларий“³⁵ относилось не только к римским солдатам, но и к некоторым из готов. Точно так же беспорядочная и смешанная толпа получила наименование федератов.³⁶

§ 8. Олимпий,³⁷ погубивший Стилихона, стал магистром официий.³⁸ Затем он лишился этой должности, опять получил ее, опять ее лишился и был, по приказу Констанция,³⁹ женившегося на Пладиции, забит до смерти дубинами. Перед этим ему отрезали уши. Правда не оставила преступника до конца безнаказанным.

§ 9. У готов, пришедших с Родогайсом,⁴⁰ командиры⁴¹ назывались оптиматами.⁴² Число их простиралось до двенадцати тысяч, и Стилихон, победив Родогайса, включил их в свою гвардию.⁴³

§ 10. Аларих скончался от болезни,⁴⁴ и преемником ему был Атаульф,⁴⁵ брат его жены.

§ 11. Писатель этот говорит, что сухой хлеб назывался βουκελλῆτων,⁴⁶ посмеиваясь над прозвищем солдат, будто бы по этой причине называвшихся „букеллариями“.⁴⁷

§ 12. Константин,⁴⁸ возвысившись до тиранической власти, посылает послов к Гонорию и, говоря в свою защиту, что солдаты заставили его против воли принять власть, просит прощения и предлагает соучастие в императорской власти.⁴⁹ Император, вследствие возникших затруднений, согласился на соправительство; Константин был объявлен императором в Британии и получил эту власть вследствие солдатского мятежа. В этой же самой Британии еще до того, как Гонорий стал консулом в седьмой раз, возмутилось тамошнее войско и объявило автократором некоего Марка. Когда Марк был убит этими же солдатами, на его место был ими поставлен Грациан.⁵⁰ За четыре месяца он надоел им, его умертвили, и Константин поднялся до имени автократора. Он поставил военачальниками Юстина и Необигаста и, покинув Британию, направился вместе со своими людьми в Бононию,⁵¹ приморский город, первый, находящийся на границе Галлий.⁵² Остановившись там, он привлек на свою сторону всех галльских и аквитанских солдат⁵³ и подчинил себе все области Галатии⁵⁴ вплоть до Альп, лежащих между Италией и Галатией. У него [у Константина] было двое сыновей, Констант и Юлиан. Константа он объявляет цезарем,⁵⁵ а потом в эти же дни дает Юлиану титул нобилиссима.⁵⁶

§ 13. Аттал,⁵⁷ утвердившийся в своей власти против Гонория, выступил с войском по направлению к Равенне.⁵⁸ К нему было отправлено посольство, — будто от императора Гонория к императору же.⁵⁹ Его составляли Иовиан — епарх⁶⁰ и патрикий,⁶¹ Валент — магистр обеих мили-

ций,⁶² Потамий — квестор,⁶³ и Юлиан — примикирий нотариев.⁶⁴ Они объявили Атталу, что присланы Гонорием для переговоров о совместном правлении. Аттал ответил отказом и сказал, что Гонорий может беспечно жить либо на острове, либо в другом каком-нибудь месте, где он пожелает. Иовиан весело ответил, что императора Гонория уже ограбили на одну часть царства. Аттал выбрал Иовиана: если император добровольно отказывается от своей власти, то это никак не значит, что его грабят. Иовиан многократно ходил послом, ничего не добился и остался у Аттала, получив от него звание патриция. В Равенне же господствующее влияние перешло к препозиту⁶⁵ Евсевию. Спустя некоторое время, согласно желанию народа и по злобности Алловиха,⁶⁶ он был забит до смерти дубинами на глазах императора. А через несколько времени и Аттал, не послушавшийся Алариха,⁶⁷ а главным образом стараниями Иовиана, изменившего Гонорию, лишен был власти. Он остался жить на положении частного человека у Алариха. Затем, спустя некоторое время, он опять получил власть и снова был ее лишен. Когда после этого он прибыл в Равенну, ему обрубили пальцы на правой руке и отправили его в изгнание.

§ 14. Аллових вскоре был убит в присутствии императора и по его распоряжению в наказание за его суд над препозитом Евсевием. Узурпатор Константин, узнав о смерти Алловиха, направился в Равенну, чтобы заключить союз с Гонорием, но напугался и повернул обратно.⁶⁸

§ 15. Есть в Бруттии город Регий,⁶⁹ откуда, по словам историка, Аларих хотел переправиться в Сицилию,⁷⁰ но был остановлен: священная статуя, поставленная там, помешала этому переезду.⁷¹ Он рассказывает, что статуя эта была поставлена по обету еще в древности в ограждение от огня Этны и в отвращение морского набега варваров. В одной ноге у нее был неугасимый огонь; в другой — неиссякающая вода. Впоследствии, когда эта статуя погибла, Сицилия претерпела опустошения и от огня Этны, и от варваров.⁷² Низверг же статую Асклепий, когда его назначили в Сицилию управляющим именами Констанция и Плацидия.⁷³

§ 16. Узурпатор Константин⁷⁴ и сын его Констант, которого он назначил сперва цезарем,⁷⁵ а затем императором, были побеждены и обращены в бегство. Стратиг Геронтий охотно заключил мир с варварами и провозгласил императором своего сына Максима, числившегося в рядах domestikов.⁷⁶ Затем он занялся погоней за Константином и убил его и, идя по следам, стал преследовать и отца его, Константина. Пока это происходило, Гонорий выслал против Константина Констанция и Вульфилу. Дойдя до Арелаты,⁷⁷ где Константин проживал вместе с сыном своим Юлианом, они начали ее осаждать. Константин бросился в храм и был рукоположен в священники, причем ему клятвенно обещали спасение. Ворота города распахнулись перед осаждавшими. Константина вместе с сыном отправили к Гонорию. Он же, памятуя о своих племянниках, которых Константин убил, приказал, вопреки клятвам, убить их в тридцати милях от Равенны.⁷⁸ Геронтий при появлении Вульфилы и Констанция бежал, и его схватили собственные люди, устроившие ему ловушку. Он жестоко управляя своим войском, они подожгли его дом. Он упорно оборонялся против нападающих, и ему помогал только один Алан, числившийся в его рабах.⁷⁹ В конце концов Геронтий убил, по их собственному настоянию, Алана и свою жену и закололся сам. Максим, сын его, узнав об этом, бежал к союзным варварам.

§ 17. Иовин⁸⁰ был провозглашен тиранном в Мундиаке, во Второй Германии, стараниями Алана Гоара⁸¹ и Гунтиария, который был предводителем бургундионов. Аттал⁸² уговорил Атаульфа⁸³ придти к Гунтиарию, и тот пришел вместе с войском. Присутствие Атаульфа раздражало Иовина,⁸⁴ и он загадками выражал свое неудовольствие Атталу по поводу прихода Атаульфа. Сар⁸⁵ также собирался явиться к Иовину. Атаульф, узнав об этом, собрал десять тысяч воинов и пошел на встречу Сару, с которым было только восемнадцать или двадцать человек. Сар совершил героические подвиги, достойные удивления, и его с трудом взяли в плен, зажав между щитами, а потом убили. Сар покинул Гонория, потому что, когда был убит Беллерид, его domestик,⁸⁶ император не обратил никакого внимания на это убийство и не повелел произвести расследования.

§ 18. Он рассказывает о Донате, о гуннах,⁸⁷ о замечательном искустве, с которым риксы⁸⁸ их стреляли из лука, и о том, как он, историк, был отправлен послом⁸⁹ к ним и к Донату; пишет о своих трагических скитаниях по морю и об опасностях,⁹⁰ и о том, как Донат, коварно обманутый клятвой, был преступно умерщвлен. Также о том, как Харатон,⁹¹ первый из [гуннских] риксов, распалился гневом за это убийство и как императорские дары умягчили и успокоили его. Таково содержание первых десяти книг его истории.⁹²

§ 19. Второе десятикнижие начинается так: Иовин⁹³ поставил, вопреки желанию Атаульфа, императором своего брата Себастиана и навлек на себя вражду Атаульфа.⁹⁴ Атаульф отправил к Гонорию послов, обещая ему головы узурпаторов и мир. Когда послы вернулись обратно и принесли ему клятвенные заверения, он отправил императору голову Себастиана. Иовин, осажденный Атаульфом, сдался ему и был отправлен к императору; эпарх⁹⁵ Дардан собственноручно убил его. Обе головы были выставлены за стенами Равенны, в том месте, где раньше были обезглавлены Константин и Юлиан,⁹⁶ Максим⁹⁷ и Евгений,⁹⁸ которые, посягнув на власть при Феодосии Великом, таким же образом закончили свою жизнь.

§ 20. Атаульфа просили вернуть Плацидию — главным образом благодаря мольбам Констанция, который впоследствии и женился на ней. Так как обещания, данные Атаульфу, особенно касающиеся присылки хлеба, не были выполнены, то он не отдал ее и собирался разорвать мир войной.⁹⁹

§ 21. Атаульф, у которого требовали Плацидию, ответил требованием хлеба, ему назначенного. У обещавших не было возможности его дать, но они тем не менее соглашались предоставить его, если получат Плацидию.¹⁰⁰ Варвар ответил им примерно так же и отправился к городу, называемому Массалией, надеясь захватить его обманом. Там он получил рану от руки знатнейшего мужа, Бонифация,¹⁰¹ и, едва избегнув смерти, удалился под родной кров, оставив в ликовании город, превозносивший Бонифация.

§ 22. Атаульф задумал жениться на Плацидии,¹⁰² а так как Констанций требовал ее, то он предъявил еще более тяжелые притязания, рассчитывая при невыполнении этих требований на благовидный предлог для ее удержания.

§ 23. Констанций, давно уже дезигнированный,¹⁰³ став консулом, отправился в Равенну; одновременно с ним в Константинополе консулом был Констант.¹⁰⁴ Деньги на консульские расходы в соответственном и достаточном количестве были найдены у Гераклиана,¹⁰⁵ который покушался на власть и был убит. Найдено было, впрочем,

не столько, на сколько рассчитывали. Золота не нашлось и двадцати кентинариев;¹⁰⁶ вся же [стоимость] его недвижимого имущества доходила до двух тысяч ливров.¹⁰⁷ Все это имение Констанций просто по просьбе своей получил от Гонория.¹⁰⁸ Констанций, когда выступал в процессиях, имел вид угрюмый и мрачный; пучеглазый, с толстым ватылком и плоской головой, он ехал, навалившись всем телом на шею своей верховой лошади, и смотрел искоса то в одну, то в другую сторону. Всем казалось, по поговорке, что у него „вид достойный тирана“. На обедах и пирах он был приятен и вежлив и часто состязался с мимами, игравшими перед столом.¹⁰⁹

§ 24. Стараниями Атаульфа¹¹⁰ и по совету Кандидиана¹¹¹ брак Плацидии был совершен в месяце январе,¹¹² в городе Нарбонне,¹¹³ в доме некоего Ингенция,¹¹⁴ первого человека в городе. Плацидия сидела в украшенном по-римски атрии,¹¹⁵ в царском уборе; рядом с ней сидел Атаульф, облаченный в хланиду и другие римские одеяния.¹¹⁶ Среди прочих свадебных даров Атаульф подарил пятьдесят красивых юношей, одетых в шелковые одежды; каждый из них держал на руках по два больших блюда, полных одно золотом, а другое ценными, вернее бесценными камнями, которые были похищены в Риме после взятия города готами.¹¹⁷ Затем сказаны были эпиталиями,¹¹⁸ сначала Атталом,¹¹⁹ а затем Рультием и Фивадием. Брак был совершен при общем весельи и радости и варваров, и находившихся среди них римлян.¹²⁰

§ 25. После взятия готами Рима¹²¹ Альбин, префект города,¹²² написал, когда город был опять восстановлен, что части, предоставленной народу,¹²³ не хватает, так как народонаселение очень увеличилось. Он писал, что за один день народилось детей счетом четырнадцать тысяч.

§ 26. Атаульф, когда у него родился от Плацидии сын (ему дано было имя Феодосий),¹²⁴ стал особенно привержен к дружбе с римлянами. Констанций же и его сторонники действовали против Атаульфа, и потому это стремление его и Плацидии осталось втуне. Когда ребенок умер, они очень горевали о нем и похоронили его в серебряном гробу¹²⁵ в одной обители около Барделлоны.¹²⁶ Затем был убит и Атаульф в то время, как он, по своему обыкновению, находился в конюшне, наблюдая за своими лошадьми. Убил его один из его приближенных готов,¹²⁷ именем Дувий, поджидавший в своей старинной вражде этого часа: его прежний господин, вождь, принадлежавший к готской части,¹²⁸ был убит Атаульфом, который и взял с того времени Дувия в свою дружину,¹²⁹ тот же, служа первому господину, погубил второго. Атаульф, умирая, приказал своему брату отдать Плацидию и, если они смогут, сохранить дружбу с римлянами.¹³⁰ Преемником же его стал брат Сара, Сингерих — скорее своими стараниями и силой, чем по наследованию и по закону. Он истребил детей Атаульфа от первой жены, вырвав их силой из объятий епископа Сигесара, императрицу же Плацидию велел, в издевку над Атаульфом, заставить итти перед [своей] лошадью¹³¹ вместе с прочими пленницами, а расстояние, на которое они должны были его провожать, тянулось до двенадцатой миль от города. Он правил семь дней и был убит. Владыкой готов стал Валяя.

§ 27. Историк рассказывает о том, что он слышал от некоего Валерия,¹³² человека знаменитого, о серебряных статуях, некогда примененных в качестве талисмана во ограждение от варваров.¹³³

Во время императора Констанция,¹³⁴ когда Валерий управлял Франкней,¹³⁵ донесли, что нашелся клад.¹³⁶ Валерий, прибыв туда, узнал от

окрестных жителей, что место это свято¹³⁷ и что здесь есть изваяния, освященные по древнему обряду. Он доложил об этом императору и получил грамоту с поручением извлечь все, о чем сообщалось.

И вот, когда это место раскопали, то нашли три статуи,¹³⁸ сделанные целиком из серебра; они лежали во всем своем варварском облике¹³⁹ с заведенными за спину обеими руками,¹⁴⁰ одетые в причудливо украшенную варварскую одежду,¹⁴¹ с длинными волосами, обращенные на север, т. е. в сторону варварской земли.¹⁴²

После того как эти статуи были вынуты [из земли], тотчас же, через несколько дней, сначала племя готов прошло через всю Фракию, а вскоре затем не замедлили и набеги гуннов и сарматов¹⁴³ на Иллирик и на ту же Фракию: ведь как раз между самой Фракией и Иллириком¹⁴⁴ и лежали заговоренные [изображения], и было похоже, что число статуй — три — закидало от всех варварских племен.¹⁴⁵

§ 28. Историк рассказывает о множестве бедствий и неудач, которые он претерпел во время собственного плавания.¹⁴⁶ Он говорит, что прибыл в Афины; его стараниями и рвением кафедру философии занял Леонтий,¹⁴⁷ отнюдь этого не желавший. Он рассказывает также, что в Афинах никому, особенно иностранцу, не разрешалось носить трибон.¹⁴⁸ Для ношения его требовалось постановление софистов, и по законам софистов разрешение это надлежало подтвердить определенными обрядами. Обряды эти таковы. Прежде всего новичков, будь то мальчики или взрослые, ведут в общественную баню. В числе их находятся и люди, которые по возрасту своему могут носить трибон. Школяры, приведшие [новичков], выталкивают их в середину. Затем одни выбегают вперед и не пускают, другие же гонят их и удерживают; при этом все не пускающие кричат: „Стой, стой! Он не моется“. Победившей считается та сторона, которая отогнала противников ради приведенного школяра. Этот последний долго стоит, пока идет обычная перебранка с теми, кто его привел, а затем его уводят в жаркое помещение, где и моют. Одеваясь, он получает право носить трибон; в трибоне он выходит из бани, сопровождаемый торжественной процессией, и уплачивает значительную сумму организаторам этой забавы, которых называют акромитами.¹⁴⁹

§ 29. Вандалы называют готов трулами,¹⁵⁰ потому что однажды в голод они купили у вандалов миску зерна¹⁵¹ за один золотой,¹⁵² в миске же не было и третьей части ксеста.¹⁵³

§ 30. Вандалы вторглись в Испанию;¹⁵⁴ римляне бежали в укрепленные города, и там начался такой голод,¹⁵⁵ что люди вынуждены были есть людей. Женщина, имевшая четырех детей, съела их всех. Убийство каждого она оправдывала необходимостью спасти и накормить остальных; когда она покончила с последним, народ побил ее камнями.

§ 31. Евплаутий магистриан¹⁵⁶ был отправлен к Валин, правителю готов,¹⁵⁷ чтобы заключить с ним мир и взять Плацидию.¹⁵⁸ Он принял его охотно, и когда ему прислали шестьсот тысяч [кентинариев] хлеба,¹⁵⁹ освободил Плацидию и передал ее через Евплаутия Гонорию, родному ее брату.

§ 32. В Афинах возник вопрос о том, как склеивать книжные листы.¹⁶⁰ Производились изыскания о составе клея, и Филтатий, друг историка, хорошо знавший литературу, указал, каким он должен быть. Граждане поставили в честь его статую.¹⁶¹

§ 33. Писатель рассказывает много удивительного об Оазисе,¹⁶² о его прекрасном климате, о том, что там не только нет больных

падучей, но что больные, приезжая туда из других мест, излечиваются от этой болезни вследствие благорастворения воздуха. Говорит он о множестве песка в этом месте, о вырытых колодцах, которые роют на глубину в двести, триста, а то и пятьсот локтей. Из этих колодцев бьет вверх струя, и земледельцы, вместе рывшие колодець, поочередно берут оттуда воду, чтобы напоить ею свои нивы. Деревья там дают плоды круглый год. Тамошняя пшеница превосходит всякую другую и белее снега; ячмень иногда сеется дважды в год, а просо всегда трижды. Нивы свои они орошают летом через два дня на третьей, и зимой на шестой, чем и объясняются их урожаи. Небо там никогда не затягивается облаками. Рассказывает он и о часах,¹⁶³ там изготовляемых. По его словам, Оазис был когда-то островом, оторвавшимся от суши, и его-то Геродот¹⁶⁴ и называет островами блаженных. Геродот¹⁶⁵ же в своей „Истории Орфея и Мусея“ называет его Феакидой. Он доказывает,¹⁶⁶ что место это было островом, так как на горе между Фиваидой¹⁶⁷ и Оазисом можно найти морские раковины и окаменевших устриц и так как там всегда насыпается много песку, наполняющего три Оазиса. Он тоже говорит, что Оазисов три: два больших — один внешний, другой внутренний, причем они лежат один против другого, а пространство между ними простирается на сто миль. Есть и третий, маленький, отделенный от этих двух большим расстоянием. В подтверждение того, что это был остров, он говорит еще, что часто случается видеть, как птицы несут рыб, а иногда встречаются и рыбные объедки. Отсюда можно заключить, что невдалеке находится море. Он же говорит, что Гомер¹⁶⁸ был родом из окрестностей Фиваиды.

§ 34. Когда император Гогорий получил консульство в одиннадцатый раз, а Констанций во второй,¹⁶⁹ они порешили дело с браком Плацидии. Она упорно не соглашалась на него и возбудила против Констанция всех своих слуг. Тем не менее в день вступления своего в консульство¹⁷⁰ император Гогорий, ее брат, насильно взял ее за руку и вручил Констанцию. Брак был отпразднован роскошным образом. Затем у них родилась дочь, которую они назвали Гонорией,¹⁷¹ а потом сын, которому дали имя Валентиниана.¹⁷² Он при жизни Гонория получил титул нобилиссима;¹⁷³ Плацидия принудила к этому брата.¹⁷⁴ После же смерти императора и свержения узурпатора Иоанна,¹⁷⁵ он объявлен был римским императором.¹⁷⁶ Констанций был соправителем Гонория, давшего ему этот титул, но почти против воли.¹⁷⁷ Плацидия была названа августой:¹⁷⁸ сделала это ее собственный брат и собственный ее муж. Затем послали к Феодосию,¹⁷⁹ племяннику Гонория, императору восточной половины (империи) с объявлением о провозглашении императором Констанция, но оно осталось непризнанным. С Констанцием приключилась болезнь, и императорская власть ему опротивела, потому что он не мог больше по своей воле, как прежде, уходить, куда хотелось, и возвращаться, когда хотелось, и ему, императору, нельзя было забавляться тем, чем он привык забавляться. Подарствовав семь месяцев (как и было ему предсказано во сне: „шесть уже исполнилось, а царствуют семь“), он скончался от болезни легких, а вместе с ним кончились и гневные планы похода на Восток, которым он был обижен, так как там не признали его власти.¹⁸⁰

§ 35. После смерти предводителя Валии власть принял Теодерих.¹⁸¹

§ 36. Писатель, много претерпев на море, едва спасся.¹⁸² Тут он рассказывает чудеса об одной звезде,¹⁸³ обрушившейся на мачту: все думали, что они уже тонут. Явление это называется у моряков ура-

нией. — Он рассказывает о попугае, который жил у него двадцать лет, что он подражал почти всем человеческим действиям: он плясал, пел, называл всех по имени и вообще проделывал подобные вещи.¹⁸⁴

§ 37. Историк рассказывает, что, когда он жил в Фивах¹⁸⁵ и в Сиене¹⁸⁶ ради своей исторической работы, вожди и прорицатели варваров, живущих у Талмиса,¹⁸⁷ т. е. блеммиев,¹⁸⁸ захотели с ним встретиться: к этому побудила их его слава. „Меня довели, — рассказывает он, — до самого Талмина, чтобы я рассказал в своей истории и об этих землях, отстоящих от Фил¹⁸⁹ на пять дней пути. Я дошел до города, по имени Прима:¹⁹⁰ в древности это был первый город в Фиваиде,¹⁹¹ считая от варварской земли. Поэтому римляне и называли его на своем языке Прима, т. е. «Первый»“. И теперь он называется так же, хотя давно уже варварами населены еще четыре города: Финикон,¹⁹² Хирис,¹⁹³ Фапис,¹⁹⁴ Талмис.¹⁹⁵ Он узнал, что в этих местах находятся смарагдовые копи,¹⁹⁶ откуда цари Египта и получали в таком количестве смарагды. Варварские прорицатели, рассказывает он, побуждали меня осмотреть эти копи, но без императорского разрешения¹⁹⁷ это оказалось невозможно.

§ 38. Он рассказывает чудеса о некоем Ливании, родом из Азии, который явился в Равенну в правление Гонория и Констанция.¹⁹⁸ Он был великим чудотворцем и обещал без войска разбить варваров. Вскоре он показал образец своей силы; молва о нем дошла до императрицы Платидии, и чудотворец был убит. Платидия, говорит автор, даже угрожала Констанцию разводом, если Ливаний, этот подозрительный обманщик, останется в живых.¹⁹⁹

§ 39. Констанций, иллириец родом,²⁰⁰ из дакийского города Наисса²⁰¹ совершил много походов со времени Феодосия Великого²⁰² и, наконец, как было сказано,²⁰³ стал императором. Он заслуживал похвал и в прочем, не говоря уже о его щедрости, однако до брачного союза с Платидией. Когда же он на ней женился, то впал в сребролюбие,²⁰⁴ и после его смерти в Равенну со всех сторон стали стекаться жалобы от людей, которых он обидел, отобрав от них деньги. Но легкомысленные Гонория, говорит он, и родство с ним Платидии оставили все эти жалобы втуне и показали, какое значение имеет правда.

§ 40. Расположение Гонория к собственной сестре после смерти ее мужа Констанция стало таково, что их безмерная любовь и частые поцелуи в уста внушили многим постыдные подозрения. Такая же затем родилась у них вражда друг к другу стараниями Спандусы и Елпидии (она была кормилицей Платидии), которым она многое предоставила. Этим женщинам помогал и куратор Платидии Леонтий, так что в Равенне начались частые раздоры (Платидию окружало множество варваров, что получилось из-за ее союза с Атаульфом и брака с Констанцием), сопровождавшиеся побоищем обеих сторон.²⁰⁵ В конце концов эта самая вражда и ненависть, равная прежней любви, привели к тому, что Платидия, осиленная братом, была сослана вместе со своими детьми в Византию.²⁰⁶ Один Бонифаций²⁰⁷ сохранил ей верность: посылал, как мог, из Африки, которой управлял, деньги и старался услужить ей и в остальном. Впоследствии же он всячески старался вернуть ей власть.

§ 41. Гонорий заболел водянкой и скончался за шесть дней до сентябрьских календ.²⁰⁸ На Восток были отправлены письма с известием о смерти императора. Пока они шли, некий Иоанн захватил власть. Когда его провозглашали императором, сказано было словно

некое пророческое слово: „Падает, не стоит!“. И толпа, словно отвечая на это слово, закричала: „Стоит, не падает!“.²⁰⁹

§ 42. Бонифаций²¹⁰ был героем, отличившимся во многих сражениях со многими варварскими племенами. Иногда он нападал на малый отряд, иногда на большое войско, иногда вступал в единоборство.

Коротко говоря, он всяческими способами изгнал из Африки множество разных варварских племен. Он был поклонником справедливости и отличался щедростью. Совершенно было им и такое дело. Некий селянин, жена которого была во цвете лет, претерпел обиду от одного из варваров-федератов. Он пришел с просьбой к Бонифацию, жалуясь на оскорбление. Бонифаций спросил, как далеко отстоит и как называется селение, где случилось прелюбодеяние, и затем отослал просителя, велев ему притти на следующий день. Ночью, тайком ото всех, он поехал в эту деревню, отстоящую в семидесяти стадиях, и, найдя варвара вместе с прелюбодейкой, отрубил ему голову и в ту же ночь вернулся обратно. Когда утром явился к нему по приказу муж, он подал ему голову варвара с вопросом, узнает ли он ее. Тот был сначала потрясен и приведен в замешательство, но затем узнал голову и, воздав горячую благодарность за оказанную справедливость, с радостью пошел обратно.

§ 43. Каждый из больших домов в Риме,²¹¹ говорит он, включает в себя все, что может иметь средних размеров город.²¹² Гипподром, форумы, храмы, фонтаны и всевозможные бани. Поэтому писатель и восклицает:

„Дом — это город: в столице же тысячи городов“.

Есть там и огромные общественные бани. Так называемые Антониновы [термы] имеют для нужд моющихся тысячу шестьсот сидений из полированного мрамора, а Диоклетиановы — почти вдвое больше.²¹³ Стена вокруг Рима, измеренная геометром Аммоном²¹⁴ перед первым нападением готов,²¹⁵ простиралась на двадцать одну милю.²¹⁶

§ 44. Многие римские дома получали от своих владений²¹⁷ по сорок кентинариев золотом²¹⁸ ежегодно, кроме хлеба, вина и прочих продуктов, стоимость которых, если бы их продать, равнялась трети вносимого золота. Доход же второстепенных домов в Риме равняется пятнадцати или десяти кентинариям.

Проб, сын Олимпия, в пору своей претуры,²¹⁹ которую он нес при Иоанне узурпаторе,²²⁰ истратил двенадцать кентинариев золотом.²²¹ А Симмах логограф,²²² сенатор со средним достатком, когда его сын, еще до взятия Рима,²²³ нес претуру, истратил двадцать кентинариев. Максим же, один из богачей, выбросил на претуру сына сорок кентинариев. Ведь преторы справляют празднества в течение семи дней.

§ 45. Писатель говорит, что Одиссей во время своих странствий доехал не до Сицилии, а до пределов Италии; в Аид он спустился возле Океана, по которому много скитался. Он пытался доказать это многими доводами. Мы читали много и других писателей, инакомыслящих, но в этом вопросе согласных с ним.²²⁴

§ 46. Феодосий²²⁵ послал из Константинополя Пладию²²⁶ вместе с детьми против узурпатора.²²⁷ Она опять приняла титул августи,²²⁸ а Валентиниан²²⁹ — нобилиссима.²³⁰ С ними отправлено было и войско, магистр обеих милиций²³¹ Ардавурий²³¹ вместе с сыном Аспаром; третьим с ними был Кандидиан.²³³ В Фессалонике²³⁴ Гелион, магистр официий,²³⁵ присланный Феодосием, облачил Валентиниана в одежду кесаря,²³⁶ когда ему шел пятый год. Во время пути Ардавурий был захвачен войсками узурпатора и отправлен к нему; он вошел с ним

в дружбу. Сын же Ардавурия вместе с Плацидией были в печали и растерянности. Кандидиан взял много городов, очень прославился, разогнал их печаль и вернул им мужество. Затем узурпатор Иоанн был убит, и Плацидия вместе с сыном кесарем вступила в Равенну. Геллон же, магистр и патриций,²³⁷ захватил Рим и, когда все собрались там, облек в императорскую одежду семилетнего Валентиниана.²³⁸ На этом и конец истории.²³⁹

ОЛИМПИОДОР И ЕГО СОЧИНЕНИЕ

Оригинал сочинения Олимпиодора, писавшего в первые десятилетия V в., до нас не дошел. Его трудом, который состоял из 22 книг и, быть может, был уже редкостью через три столетия после его написания, заинтересовался крупнейший книжник своего времени, знаменитый патриарх Фотий (ок. 820—891 г.), который и передал нам произведение Олимпиодора в виде тщательно сделанных своих записей (вернее — выборок, *eslogae*). Известно, что Фотию принадлежит своеобразный труд, так называемая „Библиотека“ или „*Muriobiblon*“, т. е. „Многочитниче“, представляющий собой солидное собрание выписок из 280 книг (*codices*) различных греческих авторов.¹ Известно также, что эти выборки Фотия приобрели к нашему времени огромную ценность по той причине, что многие из трудов, которые он в виде выдержек внес в свой „*Мириобиблон*“, для нас утеряны. Фотий, образованнейший человек не только в пределах своего века, но и в широких рамках того, что принято называть византийской культурой, обладал глубоким опытом обращения с книгами, тонким искусством их изучения или общего ознакомления с ними. Он умел читать и умел сообщать о прочитанном. Собирая около себя образованных и любознательных людей, интересовавшихся литературой самого разнообразного содержания — грамматикой и риторикой, естествознанием и медициной, историей, богословием, агнографией, — Фотий ввел обычай докладывать участникам своего кружка о прочитанных им произведениях и вызывать их на дискуссии. Отсюда и родилась, вероятно, работа Фотия над его „Библиотекой“. Записи, ее составляющие, сделанные в форме либо выдержек из оригинала, либо сокращенного обзора, очень часто — в важнейших, по крайней мере, случаях — подчеркивают мысль автора или передают характерные черты его изложения; таким образом, через эти свои выборки Фотий сохранил как для современников, так, тем более, для далеких потомков, подлинный облик произведений ряда писателей.

Несмотря на то, что мы получили труд Олимпиодора сквозь сокращенные эскизы Фотия, надо признать, что отрывки большого, исчезнувшего ныне, произведения, которыми мы располагаем, не так уже скудны и плохи. Фотий сделал свою работу умело, с достаточной близостью к тексту оригинала, что подтверждается наличием в его записях мест, почти дословно повторяющихся вслед за Олимпиодором у писателей Зосима и Созомена в их „Историях“ (например: Олимпиодор, § 12; Зосим, VI, 2; Созомен, IX, 9). Несомненно, что большинство частей сочинения Олимпиодора Фотий резюмировал, многие сократил,

¹ „Библиотека“ Фотия сохранилась в ряде рукописей. Древнейшая из них в Венеции относится к X в. (*Venet.-Marc.*, 450); другие — к XII в. (*Venet.-Marc.*, 451), к XV в. (*Paris.*, 1226). См.: E. Martini. *Textgeschichte der Bibliothek des Patriarchen Photios*. Leipzig, 1911. Все труды Фотия изданы: MPG, tt. 101—104.

некоторые, надо думать, даже пропустил, но тем не менее он довел до нас не свой конспект, а какую-то обработку оригинального текста V в., причем сумел в ней отразить некоторые соображения автора и оттенить его общие политические взгляды, а также показать крайнее разнообразие содержания его труда, который вместил в себя и сообщения о крупных исторических событиях, и заметки путешественника, и наблюдения человека, прикосновенного к школе и к книге, и впечатления от улицы, появляющихся на ней видных лиц, наполняющей ее толпы,носящихся по ней слухов. Отсутствие в большинстве случаев четкой хронологической связи между разными частями записей Фотия можно объяснить, вероятнее всего, плохим соблюдением этой связи у самого Олимпиодора. Перед тем как перейти к содержанию экскерпированной книги, Фотий имел обыкновенные давать если не облик, то некоторые сведения о писателях, которых, очевидно, ощущал как живых людей. Иногда проявлял он и свое отношение к обрабатываемому им материалу чужих книг: кое-где в выборках слышен его голос, вносящий сдержанные критические замечания.

Работе над сочинением Олимпиодора Фотий предпослал некоторое введение. Он сообщает, что прочел 22 книги „историй“ (*ιστορικῶν λόγων*) этого автора и что в них охвачен период от 407 до 425 г.; годы Фотий называет, как это полагалось в отношении хронологии V в., по консульствам. Он не говорит подробнее о величине труда Олимпиодора, но вполне можно предположить, что ученый византиец делал выписки не для того, чтобы дать представление о маленькой книжке; вероятно, произведение Олимпиодора было объемистым, так как „книгами“ обычно называли крупные части или отделы литературного труда. Если обратиться к примерам, то убедительной аналогией может служить „История“ Аммиана Марцеллина в виде дошедших до нас 18 книг (с 14-й по 31-ю); они описывают только 25 лет (с 353 по 378 г.), но занимают в наших изданиях около сорока печатных листов.

Указав, что Олимпиодор происходил из египетских Фив и был по религии язычник („эллини“), а по профессии сочинитель („поэт“), Фотий проявляет полную неудовлетворенность своим автором как писателем. Он считает, что язык и стиль Олимпиодора не заслуживают высокой оценки, что хотя обороты его речи и ясны (*σαφής μὲν τὴν φράσιν*), но невыразительны, бесстрастны (словом *ἕτονος* подчеркнуто, что язык скучен, лишен ударений и контрастов), а потому не сильны, даже расслаблены (*ἐκλελυμένος*). Наряду с монотонностью писательской речи Фотий порицает склонность Олимпиодора к банальным, плоским выражениям; этого не терпел сам критик, отличавшийся как изысканным, так и ярким, а порой и сильным слогом. Поэтому он обвиняет Олимпиодора в „избитом просторечии“ (*πεπατημένην χυδαίολογίαν*), в привычке писать чрезмерно обыкновенным стилем и впадать даже „в простонародный говор“ (*εἰς ἰδιωτισμὸν*). Не имея в руках подлинного сочинения Олимпиодора, трудно заключить, прав ли Фотий в подобной критике, был ли стиль Олимпиодора действительно скучен, банален и невыразителен, хотя, быть может, гладок и понятен, или, наоборот, будучи ярким в своей простонародности, в близости к разговорной речи масс, он был неприемлем лишь для высокообразованных людей, говоривших и писавших, по моде своего времени, торжественным, несколько искусственным и подражающим древним авторам слогом. Недаром критик отмечает, что сочинение Олимпиодора ничем „не украшено“. Во всяком случае, хотя и ставя это в связь только с дурным стилем и с простонародным словарем, Фотий делает еще один, весьма серьезный, упрек

Олимпиодору. Он считает, что его произведение не может рассматриваться как сочинение (*συγγραφή*) и добавляет, что и сам автор понимал это, так как „настоятельно утверждал, что у него написано не сочинение, а лишь собран материал для сочинения (*ὄλη τῆς συγγραφῆς*): таким некрасивым и невидным казался ему стиль его прозы“ (§ 1; ср. прим. 7, 8 и 9).

Суждения Фотия о „народном“, так сказать, стиле труда Олимпиодора не лишены основания. Олимпиодор писал в то время, когда светская историография среди грекоязычных авторов Восточной империи начала оскудевать. Если писатели этого периода (например Евнапий в начале V в.) еще сохраняли — в их дни уже ставшую искусственной — старую традицию подражания древним, то тогда же нарождавшаяся новая „народная“ манера изложения. „Истории“, написанные в этом новом, „низменном“ по мнению приверженцев старой традиции, стиле, не дошли до нас, но о нем можно заключить, например, по хронике Иоанна Малалы (*Μαλάλας*), огреченного сирийца, писавшего, как думают, в VI или в начале VII в. Эта хроника подражала более ранним „народным“ образцам исторических сочинений, написанным на греческом языке городских масс, предшественнике средневекового и новогреческого языка.

Несмотря на недостатки творения Олимпиодора, отмеченные Фотием и, как он говорит, признававшиеся самим автором, его скромный труд — его „материал для истории“ (*ὄλη... ιστορίης*) — был приведен в законченный вид. Подобно крупным законченным произведениям он делился на части или книги, которым предшествовали особые предисловия, и был, по сообщению Фотия, посвящен императору Восточной империи, известному любителю книг, Феодосию II (408—450).

Олимпиодор является (хронологически) продолжателем Евнапия. Евнапий, питомец афинской школы (в 361—366 гг.), философ-язычник и врач, поклонник императора Юлиана и противник христианства, тем более — монашества, написал „Истории“ (или „Историка *ἱστορικῶν*“, „Заметки по истории“) в 14 книгах, которые продолжают — также лишь хронологически — труд Дексиппа (III в.). Над своим сочинением Евнапий трудился еще в 414 г.; он описал время с 270 г. — конец правления императора Клавдия II, до 404 г. — почти конец правления императора Аркадия. По стилю Олимпиодор сильно отличен от своего хронологического предшественника: Евнапий писал напыщенно, прибегая нередко к тяжеловесным метафорам, и был склонен подражать древним образцам исторической литературы.

Кроме того, Олимпиодор является несомненным, хотя и не единственным, источником таких значительных — и дошедших до нашего времени — произведений, как „Новая история“ Зосима, доведенная до 410 г., и „Церковная история“ Созомена, доведенная до 30-х годов V в.¹

Хотя Фотий и высказал ряд критических замечаний о труде Олимпиодора, тем не менее он, по всей вероятности, оценил в положительном смысле содержание его произведения; он уделил большое внимание

¹ О сходстве некоторых мест в трудах этих авторов с текстом Олимпиодора см. статью: J. Rosenstein. Kritische Untersuchungen über das Verhältniss zwischen Olympiodor, Zosimus und Solomenus. Forsch. zur deutsch. Geschichte, т. I, 1862, стр. 167—204. Первый из указанных авторов, Зосим, прямо называет Олимпиодора: „ὡς Ὀλυμπιόδωρος ο ἠθελῆτος φησι“, т. е. „как говорит фиванец Олимпиодор“ (V, 27, 1 — об основании Равенны); рассказ о событиях в Италии и в Галлии Зосим, несомненно, заимствовал из труда Олимпиодора. См. еще: L. Jepp. Philostorgios und Olympiodoros, Jahrbücher für class. Philologie. Suppl. 14, 1885.

всему тому „материалу для истории“, который, не считая немногих, повидимому, отступлений, пересказал в своих выписках с достаточной последовательностью. Автора этого „материала“ он в дальнейшем называет то „историком“ („ὁ ἱστορικός“), то „писателем“, вернее — „списателем“ („ὁ συγγραφεύς“), а его труд — „историей“ („ἡ ἱστορία“).

Что же составило содержание этой „Истории“, написанной непосредственным современником? Оно, как было указано выше, довольно разнообразно, но относится только к короткому периоду в восемнадцать лет (с 407 по 425 гг.); преобладающее число событий и эпизодов, отраженных или затронутых Олимпиодором, касается Италии и Галлии, кое-что посвящено Египту, менее — областям Восточной империи. Однако в „Истории“, несомненно, есть и нечто общее для всего того времени (IV—V — начало VI в.), которое суммарно и условно определяется нами как время „переселения народов“. В сочинении Олимпиодора отражена грандиозная эпоха вторжений варварских¹ племен не только на территорию империи, обеих ее все еще громадных частей, но и в самое нутро, в сердце ее сложного, одряхлевшего, но еще сопротивлявшегося падению организма. В нем отражена напряженная и длительная борьба так называемого варварского мира за свое утверждение и дальнейшее развитие на основе мира греко-римского, который всем ходом исторических явлений, как экономических, так и социальных, принужден был к отступлению. Несмотря на отрывочность текста, через него оживает время, насыщенное страхом перед варварами, против которых чаще всего бессильны войска и стены городов и для спасения от которых прибегали, как к последнему средству, к заговору и заклятию (ср. § 27). Олимпиодор ценен тем, что зафиксировал некоторые моменты интереснейшей и не преизобилующей источниками эпохи кризиса рабовладельческой империи накануне рождения феодализма. Конечно, автор не нарисовал очень широкой картины, каковую удалось создать Аммиану Марцеллину и отчасти Орозью, отчасти также Иордану (вернее — его образу, Кассиодору). Тем не менее ему удалось, показав лишь некоторую группу событий эпохи — а он рассматривает весьма бурные годы между Аларихом и Аттилой, — дать почувствовать ряд ее характерных черт, которые могли быть отмечены именно современником происходившего и только при детальном его изображении.

Фотий делит все сочинение Олимпиодора на два десятикнижия, но по книгам (которых было 22) материал не распределяет, как не группирует его по темам. В силу этого, для того чтобы представить себе в подробностях содержание труда Олимпиодора, приходится объединить параграфы, близкие друг другу по теме, и выделить те, которые являются лишь отрывочными отступлениями.

Первое десятикнижие предваряется вводным словом составителя выборок Фотия, характеризующим писателя и его сочинение. Несмотря на то, что книга написана по-гречески, посвящена восточному императору и, быть может, создавалась в Египте (см. § 37), она изображает

¹ Здесь и ниже, как в статье, так и в примечаниях, употребляются термины „варвары“, „варварский“ в применении к племенам не-римлян, чаще — к объединениям различных племен (гунны, готы, аланы, вандалы и др.), в состав которых могли частично входить и другие племена, как славяне (не упоминаемые Олимпиодором), как сарматы (упоминаемые Олимпиодором, очевидно, аланы, иногда же, быть может, язвыги). Это определение в дальнейшем будет употребляться без кавычек. Олимпиодор часто употребляет слово „варвары“, противопоставляя их „римлянам“ (см. §§ 15, 16, 21, 24, 27, 37, 38, 40).

преимущественно события, происходившие в Западной империи, в годы правления Гонория. Автор отметил крупную фигуру Стилихона, который заслонил собой бледную фигуру императора. В связи со Стилихоном говорится о Радагайсе, об Аларихе (о взятии Рима и захвате в плен сестры императора, Галлы Плацидии), о федератах, о соперничестве Стилихона и Олимпия, о гибели первого.

Тут же дана картина, столь характерная для поздней Западной империи: отпадение отдельных, главным образом периферийных ее частей, появление и, в большинстве случаев, быстрое исчезновение узурпаторов. Так, в Британии и Галлии указаны Марк, Грациан, Константин с сыновьями Константином и Юлианом (гибель их вместе с отцом описана даже с подробностями); упомянута неудачная попытка стратига Геронтия довести своего сына Максима до провозглашения его императором (§§ 2—11, 12—14, 16—17).

Отступлениями в первой части сочинения Олимпиодора являются: а) рассказ о статуе около Регия (§ 15; вероятно, в связи с продвижением Алариха к югу от Рима) и б) малопонятное, к сожалению, упоминание о гуннах (§ 18), их „риксах“ (имя главного среди них — Харатон), о посольстве к ним, в котором участвовал автор, о каком-то гуннском предводителе Донате и его умерщвлении, о гневе Харатона и об унижении его императорскими подарками. Это отступление о гуннах содержит в себе одно из наиболее ранних сообщений о них.

Во втором десятикнижии (начиная с § 19) значительное внимание уделено государству везегов, складывавшемуся под управлением Атаульфа и его преемников; рассказано об отношениях между молодым варварским государственным образованием и все еще импонирующей ему империей. Одним из главных действующих лиц автора является дочь Феодосия I, Галла Плацидия, которая, будучи сама не лишенной способности разбираться в политике, неоднократно оказывалась в центре событий: как жена Атаульфа она влияла на союз везегов с Римом; Гонорий требовал сестру обратно в Равенну, чтобы развязать себе руки в отношении везегов; Галла Плацидия привела за собой группу варваров, которые представляли известную силу при императорском дворе и через вдову своего государя считали себя причастными к судьбам империи; она была как-то связана с Бонифацием, правителем Африки, и с опорой на него добивалась императорского трона для своего сына; она вырвала этот трон из рук узурпатора Иоанна, найдя помощь в Константинополе, сумев заинтересовать в этом деле племянника своего, императора Феодосия II. Штрихи жизни и политической роли этой женщины сквозят в рассказе Олимпиодора даже через сжатую запись Фотия. Рядом с Галлой Плацидией портретно выведен образ полководца и неудачного карьериста, ее мужа — императора Констанция III, кратковременного соправителя Гонория в 421 г. (§§ 19—23, 24, 26, 31, 34—35, 38—42, 46).

Кроме этой связанной и, повидимому, очень подробно написанной (в оригинале) истории событий, развертывавшихся на глазах автора, вне связи с главной темой есть ряд вставок и отступлений.

Пребывая на родине, в Фивах, где он, вероятно, писал свою книгу, автор попутно рассказал об африканских Оазах и о племенах на верхнем течении Нила (§§ 33, 37). По связи с Бонифацием, управлявшим „Африкой“ (территорией бывшей римской провинциальной Африки, ныне — Тунис), автор кратко упомянул о вандалах, действия которых в отношении Италии еще не получили своего развития в те годы, на которых Олимпиодор закончил свой труд (§§ 29—30). Особенно при-

мечательно отступление о серебряных статуях, откопанных случайно во Фракии и будто бы служивших оберегом от нашествий варваров на Восточную империю (§ 27). Культурные склонности автора обнаруживаются в отступлениях по поводу афинской школы (§§ 28, 32) и в его рассуждениях о странствиях Одиссея (§ 45). Автор занес в свою книгу впечатления о Риме, где он побывал, повидимому, проездом; он рассказывает о росте населения в городе, о домах — их величине и доходах с их усадеб, — о банях, о городских стенах, о тратах, сопряженных с получением претуры (§§ 25, 43—44). В связи с морскими странствиями, о которых автор пишет неоднократно, он вспоминает о загадочном явлении звезды на мачте в бурю (§ 36).

Таково содержание произведения Олимпиодора, донесенного до нас несомненно краткими и, быть может, не исчерпавшими всей книги выписками Фотия.

Но исчез ли окончательно крупный труд Олимпиодора? Такое утверждение было бы преждевременным, так как сохранились некоторые следы существования его книги до XI в. Быть может, она предстанет перед нами во всем своем внушительном, вероятно, объеме через армянский перевод основного греческого текста, потому что такой перевод имел у себя под рукой армянский писатель и ученый XI в. Григорий Магистр, о чем он упомянул в одном из своих писем. В XVIII в. историк Армении Михаил Чамчян с сожалением заметил, что рукопись с армянским переводом труда Олимпиодора утеряна, хотя ею еще пользовался Григорий Магистр. Не лежит ли до сих пор текст Олимпиодора в недрах какого-либо из богатейших собраний армянских средневековых рукописей?

Относительно того, что произведение Олимпиодора, причем, очевидно, во всем его объеме, могло быть переведено с греческого на армянский язык еще во времена, близкие к годам жизни автора, свидетельствуют упоминания его имени в труде известного раннесредневекового армянского писателя Моисея Хоренского, составителя „Истории Армении“. Судя по новейшим исследованиям, он жил в V и не позднее VI в.¹ Моисей Хоренский прекрасно знал греческий язык, греческую философию, христианскую литературу. Не будучи сторонником византийской политики в Армении, он тем не менее был поклонником греческой науки и литературы, стремился знакомить армян с лучшими сочинениями в этой области и делал их переводы. В основном труде Моисея Хоренского имя Олимпиодора упомянуто в связи с указанием на ценность устной традиции, освещающей прошлое Армении: „... совершеннейший между этими [греческими мудрецами] муж, по имени Олимпиодор, сказал следующее: «Расскажу вам устные сказания, дошедшие до нас по преданию, которые до сих пор рассказывают поселяне»“. Далее приводится легенда о Клисифре и его сыновьях, Симе и Тарбане, прибывших в Армению. „Чаще всего старцы... поют все это на память во время представлений... в сопровождении звука бамбирна“.² И еще: „... я приведу рассказ дивного старца (повидимому, св. Саака Парфянина, учителя Моисея Хоренского, — Е. С.), который говорил: «Я получил от предков привычку собирать предания, перехо-

¹ Манук Абегиан. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948. О Моисее Хоренском — стр. 198—241. В указанной книге сообщается, что Моисей родился около 410—415 г., а в 435 г. ездил учиться в Александрию, побывал в Риме, в Афинах, в Константинополе.

² Моисей Хоренский, кн. I, гл. 6, перевод Н. О. Эмина, стр. 12.

дящие от отца к сыну, как, например, сказания Олимпиодора о Гароне и о горе, назвавшейся Симом".¹

Олимпиодору одному из первых в значительной степени принадлежит констатирование варваризации войск империи, сопровождавшейся либо активно враждебным, либо соглашательским, либо сочувствующим отношением со стороны „римлян“ к этому неизбежному факту.

Олимпиодор же неоднократно подчеркивает и другой факт той же природы, факт наблюдавшейся им борьбы партий, которые названы им как раз этим самым словом — „τὸ μέρος, τὰ μέρη“. Условно их можно было бы именовать партиями „римской“ и „проварварской“, если они определяются в империи (в Равенне, в окружении Гонория) и действуют за или против в отношении крупных фигур варваров и варварских армий, служивших империи и готовых распорядиться ее судьбами: так было, например, при Стилихоне. Эти же партии, равным образом условно, можно было бы именовать „варварской“ и „прогимской“, если они определяются в молодом варварском королевстве (у везеготов, в окружении Атаульфа или Валии) и направлены за или против в отношении политики дружбы или борьбы с империей.

Олимпиодор отметил и такое весьма серьезное жизненное обстоятельство, как губительный недостаток продовольствия в областях, захваченных и осваивавшихся варварскими племенами. Получение или неполучение хлеба от империи, с разрешения императора, фактически же — с разрешения правителя Африки (например сильнейшего среди них в V в. — Бонифация), определяло направленность и развитие политики между антагонистами, как это показано автором на конкретном примере дипломатии между Равенной и везеготами.

Олимпиодор, да еще сквозь записи Фотия, не вполне ясен в своих политических симпатиях и антипатиях, однако никак нельзя признать его бесстрастным, аполитичным наблюдателем. Он, несомненно, „римлянин“ по своим убеждениям, т. е. он смотрит на мир не иначе, как на сферу того или иного влияния империи, а на варварство, как на крупное, но в меру сил одолеваемое империей зло. Вместе с тем он уверен, что без участия варваров империя не в состоянии победить варварство. Поэтому он должен был разделять взгляды той партии, которая выше условно названа „проварварской“ (хотя и не удается определить те социальные круги, где она могла находить опору); он враждебным тоном пишет, например, об Олимпии, вошедшем в доверие к Гонорию и погубившем Стилихона. В другом случае он утверждает, что „римлянин“ Констанций, полководец Гонория, сменивший Стилихона, был силен армией, укомплектованной варварами и именно в меру опоры своей на них заставил Гонория признать его, Констанция (II), соправителем, при всем этом оставаясь защитником той же империи и Гонория от варварства.

Одним словом, сочинение Олимпиодора дает ряд примеров из истории эпохи борьбы варварского, молодого и самоутверждавшегося мира со старым, пришедшим в упадок миром римской империи и тем самым иллюстрирует неслыханное общее положение И. В. Сталина о неримлянах, варварах, объединенными силами опрокинувших Рим. Приведем и здесь знакомые каждому историку слова: „Известно, что старый Рим точно так же смотрел на предков нынешних германцев и француз-

¹ Моисей Хоренский, кн. II, гл. 4, стр. 120. — За указание на упоминаемые здесь в связи с Олимпиодором армянские источники — Моисея Хоренского и Григория Магистра, а также Михаила Чамчяна — приношу благодарность И. К. Кусикьяну.

зов, как смотрят теперь представители «высшей расы» на славянские племена. Известно, что старый Рим третировал их «низшей расой», «варварами», призванными быть в вечном подчинении «высшей расе», «великому Риму», причем, — между нами будь сказано, — старый Рим имел для этого некоторое основание, чего нельзя сказать о представителях нынешней «высшей расы». А что из этого вышло? Вышло то, что не-римляне, т. е. все «варвары», объединились против общего врага и с громом ополчились на Рим».¹

На основе собственного сочинения Олимпиодора конкретно о нем можно предположить следующее. Начав свою деятельность „поэта“, т. е. сочинителя или историка, еще на родине, в Египте, побывав в Афинах, тогда еще блиставших культурой (рассказывается об афинской школе, упоминается об известном ораторе и преподавателе Леонтии, говорится об изобретенной в Афинах технике изготовления — склеивания листов — кодексов), автор вошел в круг людей, близких варварским элементам в Западной империи. Он, повидимому, преклонился перед Стихионом; он наблюдал деятельность его преемника по высшему командованию армией, Констанция; он знал и другого видного римского начальника варварских отрядов, полунезависимого правителя Африки Бонифация. Находясь в окружении того или другого, а быть может, последовательно и того и другого, он вошел в соприкосновение с везеготами в южной Галлии, где находилась как пленница дочь Феодосия и сестра Гонория и Аркадия, Галла Платидия, ставшая впоследствии женой везеготского короля Атаульфа. Торжество бракосочетания описано Олимпиодором как очевидцем (§ 24), и им же отчетливо отмечен поворот политики Атаульфа в сторону дружбы с империей. В дальнейшем Олимпиодор, снова как очевидец и даже участник (?), с полным пониманием политической ситуации указывает (§ 40) на действия сильной варварской группы, окружавшей — уже в Равенне — Галлу Платидию и ее второго мужа, императора Констанция III. Можно допустить, что Олимпиодор закончил² свое сочинение в Константинополе, где мог встретиться с бежавшей из Италии (и опиравшейся на помощь со стороны Бонифация) Галлой Платидией в 423 г. Там он посвятил свой труд Феодосию II, который тогда уже содействовал своей тетке в деле возведения на западный престол ее сына, Валентиниана III. В Константинополе же, повидимому, Олимпиодор имел случай познакомиться с отношением к варварской угрозе в Восточной империи. В корне оно было одинаковым с отношением к варварам в империи Западной. В связь с пребыванием автора в восточной столице можно поставить и его интереснейший рассказ о трех серебряных статуях, которые служили заклятием против нашествия варваров из-за Дуная (§ 27, переданный Фотием, судя по стилю дошедшей до нас записи, либо буквально, либо очень близко к оригиналу). Осень 425 г., когда был провозглашен императором Валентиниан III, является хронологическим пределом сочинения Олимпиодора. Его герои — Галла Платидия, Бонифаций — продолжали еще жить и действовать, но „История“ уже не отразила этих лет. Не прервался ли труд Олимпиодора, сам по себе доведенный до некоторой, хотя и внешней, грани, смертью автора? Об этом никаких ни известий, ни намеков нет.

¹ И. В. Сталин. Вопросы ленинизма. 11-е издание, 1952, стр. 468.

² Писал же он его, надо думать, в Африке, так как сообщает (в § 37) о своем пребывании в Фивах и Сиене ради работы над „историей“ („ιστορίας βιβλα“).

„История“ Олимпиодора в выборках Фотия была издана трижды: 1) Б. Г. Нибуром в одном из томов так называемого „Боннского корпуса“;¹ 2) К. Мюллером в сборнике „Fragmenta historicorum graecorum“;² 3) А. Диндорфом в сборнике „Historici graeci minores“.³ Первые два издания снабжены, как обычно, параллельным греческому тексту латинским переводом; лучшим изданием по праву считается издание Диндорфа. По боннскому, худшему изданию, был сделан почти сто лет тому назад русский перевод, теперь уже устаревший (Византийские историки, Дексипп и др. Перевел с греч. С. Дестунис. СПб., 1860).

Академик В. В. Латышев, составляя свой сборник „Scythica et Caucasica“, включил в него § 27 из „Истории“ Олимпиодора в русском переводе,⁴ но понимание Латышевым этого отрывка вызывает некоторые сомнения (см. комментарий к § 27 в примечаниях 132—145).

Перевод греческого текста Олимпиодора не представлялся чрезмерно трудным ни по словарю, ни по синтаксису, но оказался все же не легким из-за необходимости особенно тщательно передать смысл, скрытый как благодаря недостаточно выработанному стилю автора (что отметил Фотий), так и благодаря факту вторичной передачи через выписки IX в. Наибольшие трудности в указанном отношении возникли при переводе весьма характерного по сюжету и замысловатого по выражениям § 27; о том, как разрешались эти трудности в понимании языка и выраженных на нем образов, можно судить по ряду разъяснений к этому параграфу (прим. 132, 138, особенно 139, 142, 144), изобилующему не совсем ясными и потому спорными местами.

Перевод сопровождается примечаниями. Их значительное число (239) и довольно развернутое содержание обусловлено стремлением оживить интересный, но лаконичный памятник, прокомментировав его слово за словом. В некоторых примечаниях приведены цитаты или отдельные слова оригинального текста для того, чтобы в наиболее характерных или интересных местах показать произведение Олимпиодора в том виде, который для нас ныне является основным, а также для того, чтобы привлечь читателя к работе над текстом и к проверке усилий переводчика и комментатора.

Объяснение текста Олимпиодора в примечаниях часто опирается на свидетельства других, современных или хронологически близких ему авторов, причем приводятся либо цитаты из их сочинений, либо ссылки на них. К некоторым примечаниям подобраны иллюстрации.

К переводу составлены указатели — имен, географических названий, этнических названий и терминов; к примечаниям — указатель упоминаемых в них древних авторов и изданий их текстов, а также переводов на русский язык в тех случаях, если такие переводы есть.

Эпоха, события которой описывает Олимпиодор, изображена и освещена в ряде и русских и иностранных трудов по истории позднеримской империи.⁵

¹ Corpus scriptorum historiae byzantinae. Bonn, 1829, стр. 447—471.

² T. IV, Paris, 1851, стр. 57—68.

³ Bd. I, Leipzig, 1870, стр. 450—472.

⁴ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I, 1893, стр. 786—787. То же ВДИ, т. 3, 1948, стр. 301—302.

⁵ Таковы: Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. I. СПб., 1913; Ю. А. Кулаковский. История Византии, т. I. 2-е изд., Киев, 1913; В. С. Сергеев. Очерки по истории древнего Рима, ч. II „Империя“. М., 1938; С. И. Ковалев. История Рима. Л., 1948; Н. А. Машкин. История древнего

При работе над текстом Олимпиодора автор перевода и комментария неоднократно пользовался советами знатоков греческого языка и истории позднеримской империи, доктора филологических наук М. Е. Сергеевко и члена-корреспондента Академии Наук СССР П. В. Ершштедта, за что выражает им свою признательность. Глубокой благодарностью автор обязан ныне покойному академику И. Ю. Крачковскому за общий просмотр рукописи и ценные замечания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Фотий начинает свои выборки из сочинения Олимпиодора указанием, что прочтенный им труд этого автора состоит из 22 книг. Заглавия не приводятся, потому что таковым нельзя признать общее определение, что эти „книги“ (*λόγοι*) были „исторические“ (*ἱστορικοί*), т. е. исторического содержания. Произведение, распадающееся на 22 книги (т. е. крупные главы или отделы, части), должно было быть достаточно большим. До сих пор среди рукописных богатств разных архивов никаких следов подлинного сочинения Олимпиодора не обнаружено. Ср. выше стр. 237.

² Официальной системой римского летоисчисления был счет годов по именам консулов. Для позднего периода, о котором пишет Олимпиодор, характерно, что должность консула давно уже перестала быть выборной и не связывалась с функциями высшей власти (военной и гражданской), как это было в эпоху римской республики. Консулы поздней империи назначались императорами и стали носителями лишь пышного и почетного титула. Нередко, причем неоднократно, консулами бывали сами императоры. После смерти Феодосия I (ум. в 395 г.) обычно назначался один консул для Востока (*per Orientem*), другой для Запада (*per Occidentem*). В списках консулов поздней империи встречаются имена многих видных государственных деятелей варварского происхождения, как, например, Стихий, Аспар и Ардавур (или Ардавурий), король остготов Теодерих и др. Фотий совершенно точно и по способу своего времени указывает хронологическую дату, начиная с которой ведет рассказ Олимпиодор — это год седьмого консульства императора Западной империи Гонория (395—423) и второго консульства будущего императора Восточной империи Феодосия II (408—450). Оба эти консульства по нашему летоисчислению приходятся на 407 г.

³ Валентиниан III (425—455) был провозглашен императором Западной империи 23 октября 425 г. Валентиниан был сыном Галлы Платидии, следовательно — внуком Феодосия I (379—395). Отец Валентиниана, Констанций, полководец императора Западной империи Гонория, женившийся на Галле Платидии, сестре последнего, стал императором-соправителем (Констанций III) в 421 г., после чего вскоре умер. См. ниже текст Олимпиодора §§ 23 и 34.

⁴ Фивы (Φῑβαι) — знаменитые „столичные Фивы“, столица древнего Египта. Фотий отмечает, что родиной Олимпиодора были Фивы египетские, чтобы не возникло путаницы с городом в Греции (в Бэотии), носившим то же название.

⁵ По-гречески сказано „ποιητής“ — „поэт“. В самом общем значении это слово значит „делатель“, откуда — „составитель“ и по отношению к литературному труду „сочинитель“, „писатель“.

⁶ Словом „эллини“, уже с IV в., обозначали не только принадлежность к греческому народу, но и религию, а именно — язычество (чаще не варварское, а греко-римское). Позднее (в VI в.) Прокопий объяснил, что в его время „старое учение“, „старую веру“ принято называть „эллинизмом“ (Bell. Pers., I, 25).

Рима. М., 1950; O. Seeck. Geschichte des Untergangs der antiken Welt, I—II. Stuttgart, 1921; E. Stein. Geschichte des spätrömischen Reiches, I—II. Wien, 1928; F. Lot. La fin du monde antique et le début du Moyen âge. Paris, 1927; он же. Les invasions germaniques. La pénétration mutuelle du monde barbare et du monde romain. Paris, 1935; H. Stuart Jones. The Roman Empire [29 г. до н. э. — 476 г. н. э.]. 3 ed., London, 1916; L. M. Hartmann. Der Untergang der antiken Welt, I—III. Gotha, 1921—1923; J. B. Bury. History of the Later Roman Empire. From the Death of Theodosius I to the Death of Justinian, I—II. London, 1923; также главы из последнего тома „The Cambridge Ancient History“ (т. XII, доведенный до 324 г.) и из первого тома „The Cambridge Medieval History“ (т. I, доведенный до 476 г.). Подробный материал с тщательным указанием источников дают значительные по размерам статьи в „Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft“ (Pauly-Wissowa), а именно „Honorius“ (O. Seeck), „Placidia“ (W. Ensslin), „Olympiodoros“ (W. Haedicke) и др.

⁷ „ὡς τε μὴδ' ἄξιός ἐστι συγγραφὴν ἀναγράφειναι ο λόγος“. В данном случае слово „συγγραφὴ“ означает именно „сочинение“, т. е. связано написанный текст на определенную тему, с проведением какой-либо мысли через все изложение. Последовательно построенное повествование о событиях обычно называется „συγγραφὴ“, поэтому нередко этот термин переводится как „история“. В том значении, в котором применено слово „συγγραφὴ“ Фотием, оно вполне соответствует древнерусскому слову 'списание'. Последнее и употреблялось в смысле „сочинения“, являясь переводом греческих „συγραμια“ и „συγγραφή“. „Списать“ значило написать, переписать и особенно составить, сочинить. „Списатель“ — переписчик, но также повествователь, сочинитель (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. I, вып. II).

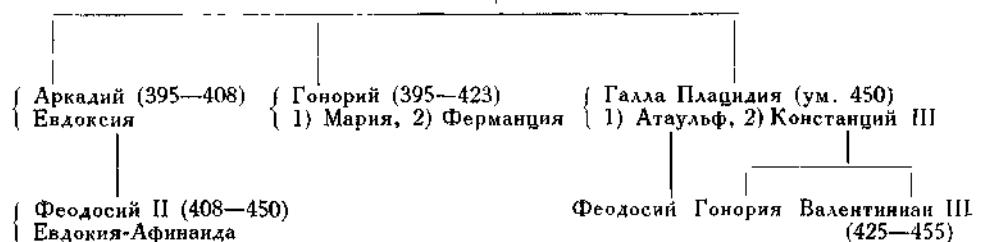
⁸ „ὅλη συγγραφὴς“. Слово „ὅλη“ — материя, материал — подчеркивает значение слова „συγγραφὴ“ — сочинение. Автор противопоставляет собранный им и еще не оформленный „материал“ „сочинению“, которое представляет себе, как имеющее четкую литературную и логическую форму. Ниже сказано, что материал Олимпиодора является материалом для истории („ὅλη . . . ἱστορίας“).

⁹ „Ἐἰς ἰδιωτισμὸν ὅπως ὑλετηχεται“.

¹⁰ Объяснив, какими чертами отличается труд Олимпиодора, оставившего материал для истории, но не законченное сочинение по истории, Фотий в дальнейшем называет произведение Олимпиодора „Историей“ („ἱστορία“; ср. заключительные слова в § 46), а его самого то „писателем“ („ὁ συγγραφεύς“, §§ 1, 11, 33, 36, 43, 45), то „историком“ („ὁ ἱστορικός“, §§ 18, 27, 28, 32, 37).

¹¹ Олимпиодор, по свидетельству Фотия, посвятил свой труд императору Восточной империи Феодосию II, хотя его правлением он в своей истории и не занимался. Очевидно, посвящение связано с тем моментом, на котором заканчивается произведение Олимпиодора: Феодосий II оказал помощь в трудной обстановке, осложнившейся воцарением Валентиниана III, и тем самым способствовал сохранению императорской власти в обеих частях Римской империи в руках представителей династии Феодосия I, своего деда.

Феодосий I (379—395)

¹² Стиликхон (ок. 365—408) — один из наиболее крупных полководцев поздней империи. Вандал по происхождению, он начал карьеру при императоре Феодосии I (379—395) и достиг полного расцвета своего военного таланта при императоре Гонории, опекуном (ἐπίτροπος) которого был назначен в 395 г. Стиликхон был деятельным защитником слабеющей и внутренне распадавшейся Западной империи от внешних врагов — от нашествий Алариха, от разрушительного нападения Радагайса. В большинстве источников, отразивших события конца IV — начала V в., отмечается деятельность Стиликхона как военачальника и искусного стратега (отпор Алариху в битвах при Полленции и под Вероной; уничтожение полчищ Радагайса под Флоренцией) и как политика (грандиозные планы объединения обеих частей империи путем решительного вмешательства в дела Восточной империи: борьба с Руфином, затем с Евтропием, фактически управлявшим государством вместо Аркадия; намерение возвести на императорский престол своего сына Евзерия; стремление усилить Западную империю — попытка отнять префектуру Иллирика от Восточной империи и включить ее в состав Западной; постоянное давление на Гонория и через это — сильное влияние на управление Италией; в связи с последним — укрепление варварского элемента в Италии как при дворе, так особенно в войсках). Против Стиликхона поднялось недовольство в среде местной знати и „римской“ части командования армии, настроенных враждебно к фактам возвышения варваров, не-римлян. Гонорий подался уверениям относительно изменнических намерений своего всесильного полководца и приказал казнить его. Недоказанным остается обвинение Стиликхона в том,

что он призвал вандалов и аланов к переходу через Рейн и вторжению в Галлию в конце 406 г. Казнь Стилихона совершилась в Равенне 23 августа 408 г.

¹³ Феодосий Великий — император Феодосий I (379—395).

¹⁴ Аркадий, старший сын Феодосия I, родился в 377 г., в 383 был провозглашен августом и несколько раз назначаем консулом; 17 лет, после смерти Феодосия (17 января 395 г.), Аркадий стал императором Восточной империи (395—408). Гонорий, младший брат Аркадия, родился в 384 г., в 393 он был провозглашен августом и дважды до смерти отца назначался консулом; 11 лет, после смерти отца, стал императором Западной империи (395—423). Стилихон как надежнейший и способнейший руководитель военными силами империи был оставлен опекуном (ἐπίτροπος) обоих молодых, причем слабозрелых и не отличавшихся никакими талантами, императоров. Привилегию опекуинства в отношении Аркадия оспаривал у Стилихона сначала префект претория Руфин, а после его гибели всесильный евнух и патрикий Евтропий.

¹⁵ Серена (Σερήνη) — племянница императора Феодосия, которая, по свидетельству источников, была особенно им любима. Он выдал ее ок. 384 г. замуж за Стилихона.

¹⁶ Гонорий был дважды зятем Стилихона, так как Стилихон выдал за него сначала свою старшую дочь Марию (в 398 г.), а после ее смерти, незадолго до своей гибели, и младшую дочь Терманцию, или Ферманцию (в 408 г.).

¹⁷ πολλὰ τῶν ἐθνῶν — имеются в виду многие варварские племена, нападавшие на Западную империю (особенно Италию) под предводительством Алариха (неоднократно) и Радагайса (в 406 г.). Стилихон победоносно отразил натиск как первого, так и второго.

¹⁸ Олимпий (Ὀλύμπιος) — приближенный императора Гонория и противник Стилихона, возвысившийся на почве борьбы двух партий: одной, которая считала себя „римской“, т. е. восставала против влияния Стилихона, как главы могущественных варварских сил в войсках империи, и другой, которая группировалась вокруг Стилихона и состояла преимущественно из варваров, как командного, так и рядового состава армии. Эта борьба противников усиливавшегося проникновения варваров в военный и отчасти гражданский организм империи, особенно сильно вспыхнувшая на Западе при слабозрелом преемнике Феодосия I, его сыне Гонории, продолжалась до „конца“ Западной империи в 476 г. На Востоке она проявилась в событиях 400 г., связанных с именем Гайны и избиением готов в Константинополе, затем обострилась в период могущества Аспара и Ардавура, и т. д. Эта борьба сказалась и в варварских королевствах: у везеготов были короли римской ориентации (Атаульф, Сигерих) и короли варварской, т. е. везеготской ориентации (Валия); у остготов уравниловное положение при Теодерихе нарушилось после его смерти борьбой между сторонниками империи — хотя и далекой, византийской, — и приверженцами укрепления готского владения, утвержденного Теодерихом. Олимпий, повидимому, не представлял собой ничего выдающегося по сравнению со Стилихоном; послужив орудием „римской“ партии и уничтожив Стилихона, он в дальнейшем уже не играл заметной роли, хотя и получил высокую должность магистра служб или официум (magister officiorum). Его цеплянье за власть и вскоре постигшая его насильственная смерть отмечены Олимпиодором в § 8. Симпатии автора, судя по его последним (в этом параграфе) словам о том, что справедливость (ἡ δίκη) восторжествовала и убийца Стилихона не избежал кары, были не на стороне Олимпия.

¹⁹ Стилихон был казнен в Равенне 23 августа 408 г.

²⁰ Аларих (Ἀλάριχος ὁ τῶν Γοτῶν φύλαρχος) — знаменитый вождь крупного объединения различных варварских племен, среди которых преобладали готы (преемник Алариха, Атаульф, уйдя из Италии в южную Галлию, положил начало королевству везеготов). Аларих выдвинулся на службе (в качестве предводителя федератов, см. прим. 36) императору Феодосию I; после же смерти последнего (в 395 г.) он был провозглашен следовавшими за ним племенами их „королем“ („риксом“) и начал самостоятельную завоевательную деятельность в годы правления императоров Гонория на Западе и Аркадия на Востоке. Проведя войну в Македонии и Фессалии и совершив походы вплоть до Пелопоннеса, Аларих направился в Италию (пробывание там прервалось возвращением на несколько лет в Илирик; см. прим. 23 и 31), причем его целью, выясняющейся на основании последнего маршрута на юг Апеннинского полуострова, был захват Рима как древней столицы и почитаемого центра империи и открытие через это свободного пути на Сицилию и в Африку, куда Аларих стремился провести следовавшее за ним войско как в мирную страну, богатую хлебом (Иордан говорит, что Аларих намеревался „перейти в Африку, спокойную страну“ — „ad Africam quietam patriam transire disponens“. Get., 157). Аларих совершил два похода в Италию (в 401—403 и в 408—410 гг.) и во время второго похода, уже после смерти главного своего противника, Стилихона (см. прим. 12), три раза осаждал Рим (в 408, 409 и 410 гг.); последняя осада закончилась вхождением готов в Рим в августе 410 г. Приближение Алариха к Риму, голод в городе и безнадежность положения поднимали социальные движения среди населения, метавшегося

между бессильным сенатом, далеким и маловлиятельным императором и несшим, казалось, какое-то освобождение варварским вождем. Рабы массами переходили на сторону Алариха. Так было при первой осаде, когда, как сообщается в „Новой истории“ Зосима (VI, 3, 5—6), множество рабов бежало из Рима и присоединилось к войску Алариха. Вероятнее всего, именно рабы открыли Саларийские ворота перед Аларихом при третьей осаде города, хотя легенда называет благочестивую Пробу, которая, желая прекратить голод, приказала открыть ворота и тем самым ускорить победу осаждавших (см. у Прокопия — *Bell. Vand.*, I, 2). Движение Алариха на юг не привело к переправе ни на Сицилию, ни в Африку, так как он умер в этом походе (в конце 410 г.) и был похоронен в русле реки или ручья Бузент, около города Козенцы. Подробный рассказ о погребении вождя принадлежит Иордану (*Get.*, §§ 157—158).

²¹ Иллирик (τὸ Ἰλλυρικό) — префектура Иллирик, в состав которой входили провинции: Верхняя Мезия, обе Дакии (Средиземная и Прибрежная), Дардания, Превалитана, обе Македонии, Фессалия, оба Эпира, Ахайя с Критом. Один только Олимпиодор говорит о том, что Иллирик — префектура, охватывавшая все области по восточному побережью Адриатического моря и на севере достигавшая Дуная, — был назначен или выделен (ἐκχωρηθέντος) императором Феодосием для Западной империи, для Гонория. На этом ли основании, или же по другой причине, Стилихон задумал окончательно включить Иллирик в число территорий Западной империи, т. е. вывести его из подчинения Аркадию, императору Восточной империи. Еще в 396 г. Стилихон, направленный на борьбу с Аларихом в греческие провинции и имевший возможность нанести ему поражение, дважды не довел свои походы в Фессалию до разгрома варварского вождя. Повидимому, это было сделано намеренно, и в этих действиях Стилихона можно усмотреть цель, состоявшую в том, чтобы обратить Алариха в орудие борьбы с Константинополем. Быть может, подтверждением этого факта является получение Аларихом тогда же звания магистра армии в Иллирике, дарованного ему именно Аркадием, который стремился предупредить союз Алариха со Стилихоном. Вторично Стилихон обратился к осуществлению старого плана относительно префектуры Иллирика уже после серьезных столкновений с Аларихом в Италии (под Поллентией и под Вероной в 402 г.). Аларих ушел за Альпы и перебрался на юг, в Эпир, где ждал соединения с войсками Стилихона, находившимися на восточном побережье Италии. Аларих получил, теперь уже от Гонория, звание магистра армии, что обеспечивало ему не только положение в империи, но и содержание его войск. Однако военные действия не начались ни в 404, ни в 405 гг.; затем Стилихон был отвлечен опаснейшим для Италии вторжением Радагайса (конец 405—406 г.); с Рейна прилетела весть о переходе реки вандалами и аланами (декабрь 406 г.); в Галлии появлялись один за другим узурпаторы (Марк, Грациан) и укрепился наиболее удаливший из них, Константин (с 407 г.). Изменившееся отношение к Стилихону в связи с усилением той партии при дворе Гонория, которая боролась против возросшего могущества варварского элемента в войске, среди командиров и солдат, привело к казни Стилихона (23 августа 408 г.). С его смертью закончились попытки обезопасить Алариха путем договора с ним об общих военных действиях и, в частности, о захвате Иллирика его силами.

²² Стилихон был, действительно, единственным полководцем, который внушал страх Алариху и при котором тот, потерпев два серьезных поражения с 402 г., не решался нападать на Италию. Действия Алариха в отношении Италии резко изменились после казни Стилихона, т. е. после 408 г.

²³ Еще при жизни Стилихона Аларих, простоявший длительный срок (403—408) в Иллирике и прекрасно понимавший, насколько он нужен Стилихону именно там — как ради отторжения Иллирика от Восточной империи, так и ради ненападения на Италию — потребовал от Гонория уплаты ему крупной суммы денег. Стилихон воздействовал на сенат, и Алариху были выплачены 4 тысячи ливров золотом. Об этом Олимпиодор говорит ниже, в § 5. Эпизод же с невыплаченной суммой денег, требовавшихся Аларихом, относится к первой осаде им Рима, когда сенат обещал ему неслабленную контрибуцию, которая так и осталась не переданной Алариху.

²⁴ Аларих трижды подходил к Риму (все три раза непосредственно после смерти Стилихона): в конце 408 г., в 409 и в 410 гг. Только во время третьей осады ворота города были, по преданию, открыты изнутри, и войско Алариха вошло в Рим (24 августа 410 г.). Ср. рассказ об этом у Прокопия (*Bell. Vand.*, I, 2).

²⁵ Взятие в плен Галлы Плацидии, сестры императоров Гонория и Аркадия и дочери Феодосия I, давало в руки Алариха особенную, чрезвычайно ценную добычу и было унизительно для императорского двора.

²⁶ Об эпархе или префекте города (т. е. столицы) см. прим. 60.

²⁷ Не следует связывать провозглашения Атгала императором с третьим, последним, походом Алариха на Рим. Аларих принудил сенат провозгласить Атгала (бывшего в то время префектом города, или эпархом) императором при второй осаде Рима, в 409 г. Об Атгале см. прим. 57.

²⁸ Сар (Σάρος, Sargus) — начальник готского отряда, привлеченный Стилихоном в войска империи в момент острой опасности, когда в пределы Италии вторгся Радагайс (в 406 г.). Орозий, так же как и Олимпиодор, современник войны Стилихона с Радагайсом, сообщает, что на помощь римскому войску прибыли Ульдия и Сар, вожди гуннов и готов (Hunorum [так!] et Gothorum duces, VII, 37, 12). Иордан, следуя, быть может, Орозию, упомянул имя Сара равным образом вместе с именем Ульдиа, назвав их „королями“ готов и гуннов (Huldin et Sargus Hunnorum Gothorumque reges. Rom., § 321). Вероятно, оба варварских предводителя незадолго до того пришли со своими отрядами из придунайских областей (Ульдия, например, был где-то на левом берегу Дуная в 400 г., так как там он задержал бежавшего за Дунай Гайну, обезглавил его и, в знак своей преданности империи, послал императору Аркадию голову его магистра обеих миллиций). Сар с конницей, которую он водил за собой, примыкал к разным войскам и воевал в разных странах. После поражения Радагайса он был послан в Галлию против узурпатора Константина, но так как им не руководил Стилихон, единственный начальник, которому он повиновался, то он, хотя и углубился в Пиренеи, не закончил войны и поселился в Италии, отягченный награбленной добычей; однако в горных ущельях на перевалах через Альпы он был вынужден отдать захваченные им богатства заградившим ему путь повстанцам грандиозного галльского восстания так называемых багаудов (см. Зосим, VI, 3, 5—6). Сар враждовал с Аларихом и потому помогал Стилихону; но когда положение последнего пошатнулось, Сар не задумался напасть на его гуннские отряды и перебить их во время ночевки с целью овладения их оружием. К концу своей беспокойной жизни Сар еще раз бросился в Галлию, переметнувшись к узурпатору Иовину, но по дороге был схвачен давним своим врагом, преемником Алариха, Атаульфом, и убит. На фоне событий V в. Сар представляет собой типичную фигуру непростительно передвигающегося предводителя небольшого варварского отряда (не племени) из тех, которые воевали и на Дунае, и в Галлии, и в Испании, и в Италии, кормились войной и грабежом и не ставили перед собой никаких определенных политических целей. Так как Сар питал непримиримую ненависть к Алариху и несколько раз служил Гонорию, Олимпиодор дает ему положительную оценку.

²⁹ В данном случае местоимение „их“ относится не к римлянам, а к приверженцам Сара.

³⁰ Известно, о которой в точности осаде Аларихом Рима идет речь. Их было три: в 408, 409 и 410 гг. Последняя осада, закончившаяся 24 августа 410 г. взятием Рима, сопровождалась особенно страшным голодом, о котором, по всей вероятности, и говорит Олимпиодор, употребляя слово „ἀλλήλοφαγία“ — „взаимное поедание“. О злободневстве во время этой осады передают и Филосторгий (XII, 3), и Прокопий (Bell. Vand., I, 2).

³¹ Под походом (ἐκστρατεία) подразумевается предполагавшаяся военная кампания в Иллирике, где Аларих, поговору со Стилихоном, стоял несколько лет со всем своим войском, готовый выступить на завоевание спорной префектуры (см. прим. 21 и 23). В сопровождавшей этот замысел сложной дипломатической игре противостояли друг другу интересы обеих империй, а действующими лицами выступали два выдающихся варвара эпохи — Стилихон (ум. в 408 г.), служивший империи (Западной), и Аларих (ум. в 410 г.), громивший империю. Магистр армии Стилихон полновластно распоряжался всеми военными силами Запада при слабовольном Гонории и имел намерение двинуть их на окраины империи не менее слабовольного Аркадия. Ближайшей целью полководца, которого в дальнейшем подозревали в стремлении возвести на константинопольский престол сына своего Евхерия, было отторжение от Восточной империи всей префектуры Иллирика и присоединение ее полностью к Западной империи. Префектура (не диоцез! о чем см. ниже) Иллирика охватывала, по данным из Notitia dignitatum („Список должностей“, начала V в.), всю Грецию вместе с областями к северу до Дуная, а именно — префектуру Иллирика составляли два диоцеза (Македония и Дакия) или одиннадцать провинций (Ахейя с Критом, оба Эпира, Фессалия, обе Македонии и обе Дакии, Средиземная и Прибрежная, Дардания, Превалитана и Верхняя Мезия). Префектура Иллирика соседствовала, но отнюдь не совпадала с диоцезом Иллирика, который был, во-первых, частью Западной империи и, во-вторых, заключал в себе провинции Далмацию, Савию, обе Паннонии, оба Норика. Еще в 396 г. Стилихон, будучи направлен на борьбу с Аларихом в греческие провинции и имея возможность нанести ему поражение, дважды не довел свои походы в Фессалию до разгрома варварского вождя. Многие говорят за то, что это было сделано намеренно, что в действиях Стилихона сквозила цель, враждебная Аркадию и заключавшаяся в том, чтобы сделать Алариха орудием против Константинополя. Подобный план Стилихона, быть может, подтверждается фактом дарования Алариху тогда же титула магистра армии в Иллирике от восточного императора (фактически — от временщика евнуха Евтропия, патрикия и консула в 399 г.) для того, чтобы нарушить союз Алариха со Стилихоном. Позднее Стилихон снова приступил к осуществлению ста-

рого плана относительно префектуры Иллирика после первого похода Алариха в Италию, когда Аларих ушел на Балканский полуостров, потерпев крупные поражения в Италии. В 406 г. Стилихон успешно отразил нашествие варварских племен, докатившихся под предводительством Радагайса (см. прим. 40) до Флоренции, и умножил свои войска, — еще до битвы при Фьезоле усиленные гуннами, готами и аланами, — также варварами, перешедшими к нему от его разбитого противника. Олимпиодор (в § 9) сообщает, что последних было 12 тысяч человек (цифра, вероятно, преувеличенная, но говорит о значительном количестве людей), причем это были отборные воины, „оптиматы“ (см. прим. 41 и 42). Стилихон собрал всю армию близ Равенны и начал (продолжил?) переговоры с Аларихом, стоявшим в Иллирике (в диоцезе Иллирика) и снова готовым угрожать Италии. Ставка его передвинулась на север, к городу Эмоне, ныне Любляне на р. Саве, т. е. находилась на подступах к провинции Венеций и ее центру — Аквиле. Как сообщает Олимпиодор, за ним Зосим (V, 29, 9), Аларих выставил требование, поддержанное Стилихоном, о выплате ему громадной суммы за подготовку к походу на завоевание Иллирика (и, собственно говоря, за воздержание от похода на Италию). Римский сенат был вынужден удовлетворить это требование, и Алариху выплатили сорок кентинариев золотом или, что то же, четыре тысячи золотых ливров. Таким образом, было на некоторое время куплено ненападение его на Италию, а занятые им „иллирийские города“ можно было, по выражению Зосима (V, 27, 2 по всей вероятности, вслед за Олимпиодором), пытаться „оттягать“ („παρηλατῶσθαι“) от Восточной империи Аркадия и „присвоить“ („περιποιῆσαι“ или „περιποιῶσθαι“) их Западной империи Гонория. Этим планам не было суждено осуществиться, так как карьера Стилихона резко оборвалась его казнью в 408 г. (ср. прим. 12 и 19).

³² „Сорок кентинариев“ („и кεντηνάρια). Стилихон принудил сенат санкционировать выплату этой суммы Алариху, о чем красочно рассказал Зосим (V, 29, 9, 5), подчеркив возмущение сенаторов таким унижительным для Рима согласием с требованием варварского вождя. Этот же историк в иных терминах определяет, по существу, ту же сумму; он говорит о „четыре тысячи золотых литров“, за которые был куплен мир с Аларихом: „χρυσῶν τετρακισχίλιας ὑπὲρ τῆς εἰρήνης Ἀλαρίχῳ δεδωδαι λίτρας“ (там же). Кентинарием называли совокупность золотых монет весом в 100 ливров (греч. „литров“) или римских фунтов. В переводе на современный вес кентинарий = ок. 32,7 кг. В латинском обозначении кентинарий (centenarium) соответствовал сложному термину „centumrodium“, т. е. нечто, весящее 100 ливров или фунтов. У Прокопия ясно сказано: „кентинарий весит (тянет — ἔλκει) сто литров, отсюда и его название; ведь ромен словом «кентон» называют «сто»“ (Bell. Pers., I, 22 § 4). — Кентинарий золота представляла собой крупную сумму. Известно, например, что императрица Евдокия, жена Аркадия, в 401 г. пожертвовала на построение одной церкви два кентинария, и этот дар считался очень щедрым. Император Лев I (457—474) истратил на снаряжение флота против вандалов огромную сумму — 1300 кентинариев (τρεῖς καὶ χίλια κεντηνάρια; Bell. Vand., I, 6, § 2) или, следовательно, 130 тысяч литров (ливров, фунтов) золота. По тексту Олимпиодора видно, что большие суммы определялись либо кентинариями золота (§ 5 — „τεσσαράκοντα κεντηνάρια“ 40 кентинариев; § 23 — „χρυσῶν... μέγροι κεντηνάρια ἑκατό“, „золото... в количестве около 20 кентинариев“; § 44 — „ἀνὰ τεσσαράκοντα χρυσῶν κεντηνάρια“ или „πεντηκίδεκα καὶ δέκα κεντηνάρια“ 40 кентинариев золота или 15 и 10 кентинариев; там же — „δωδεκά κεντηνάρια χρυσῶν“, „ἑξήκοντα κεντηνάρια“, „τεσσαράκοντα κεντηνάρια“ 12 кентинариев золота, 20 кентинариев, 40 кентинариев), либо литрами (§ 23 — „δισχίλια λίτρα“ 2 тысячи литров). Как выше сказано, историк Зосим записал сумму, которую требовал Аларих, в „литрах“ — 4 тысячи литров золота, а Олимпиодор назвал ее же в „кентинариях“ — сорок кентинариев. Счета по реальным золотым монетам в тексте Олимпиодора нет; он не упоминает о золотых солидах или номисмах, которые употреблялись со времен императора Константина, причем каждый золотой (aureus solidus, χρυσῶν νομισμάτων)

должен был весить $\frac{1}{72}$ фунта или литры; в IV же веке солида бывал и счетной единицей, так как предпочитали не монеты (они могли быть не полновесны), а слитки, отмеченные государственным штампом. „Золотому“ (номисме, солиду) соответствовали 12 серебряных монет — милиарисиев (см., например: P.-J. Sabatier. Description générale des monnaies byzantines. Paris, 1862).

³³ Жена Стилихона, Серена, связывала его, вандала по происхождению, с императорским домом, так как была племянницей Феодосия I, который и выдал ее замуж за своего талантливого военачальника, будущего опекуна его младшего сына Гонория (ср. § 2, прим. 15).

³⁴ Евхерий, сын Стилихона, должен был, по замыслу отца, занять престол Восточной империи после смерти императора Аркадия (ум. 1 мая 408 г.).

³⁵ Букеллари (βουκελλάριοι, bucellarii) — термин, появившийся, по видимому, в конце IV или в V в. при Гонории и Аркадии, что и отмечено Олимпиодором. До этого

времени более распространенным был термин „*comites*“, т. е. спутники, „дружинники“. Букелларии были исключительно конниками, легкой кавалерией и набирались преимущественно из гуннов и готов. Они составляли отборные отряды личной охраны крупных военачальников (как Сталхон, как Велисарий, имевший около себя 7 тысяч человек телохранителей) или же в виде большей или меньшей группы вооруженных людей служили отдельным магнатам в их укрепленных поместьях. Букелларии всецело зависели от своего покровителя, который снабжал их продовольствием, конями, быть может, и оружием, направлял их в военные экспедиции и располагал правом как награждать, так и карать их. Счасть членов подобных отрядов простыми наемниками невозможно: их „брали в товарищи“ (это отражено в глаголе „*ἐταίριζεσθαι*“); они приносили присягу своему господину и в присяге упоминали имя императора; в сражении они не отходили от своего повелителя и защищали его до последней капли крови, а в случае, если он был предательски убит вне боя, мстили за его смерть. Так отомстил за смерть Аэция его букелларий Оптила, убив императора Валентиниана III (в 455 г.). Ср. рассказ об этом в „Истории Франков“ Григория Турского (II, VII, 8). Говоря об этом же событии, Иордан называет „сателлитов“ (*satellites* — „спутники“, „телохранители“) Аэция Оптилу и Травстилу (Rom., § 334). Служба магнатов, букелларии исполняли роль, которая определялась окружающей социальной обстановкой, так как при их помощи крупные землевладельцы подавляли революционные движения, возникавшие в среде рабов и колонов. Олимпиодор писал о букеллариях наряду с федератами; одинаковая природа тех и других (варварские по составу войска и такие же отдельные отряды) подчеркнута и в эвхеристе Фотия словами „*ὡς δ' αὖτως*“ „точно так же“. Хотя Олимпиодор указывает, что наименование „букелларий“ относится и к римским солдатам, но ясно, что автор делает ударение на „готах“, обращая внимание на варварский состав отрядов букеллариев; из слов Олимпиодора также следует, что он считает букеллариев — испытанных и лучших воинов — „солдатами“ (*στρατιῶται*), тогда как в федератах видит „беспорядочную и смешанную толпу“, временно присоединяющуюся к армии империи. См. прим. 46.

³⁶ Федераты (*τῶ φοιδεράτων*) — подразумевается *ὄνομα* „наименование“. Из известных нам писателей Олимпиодор первый привел в своем сочинении термин „федераты“; в более ранних источниках он не встречается. С достаточной определенностью Олимпиодор противопоставляет „федератов“ „солдатам“ („*στρατιῶται*“). Первое название относится им „к беспорядочной и смешанной толпе“ („*κατὰ διαφόρων καὶ συμμιγυῶς ἐφέροτο κληῖδος*“). Действительно, в IV и в начале V в. федераты отнюдь не являлись войсками в римском понимании этого слова. Это было вооруженное своим оружием, готовое к нападению или обороне, целое племя, боеспособная мужская часть которого в большинстве случаев составляла конные отряды. Существенно то обстоятельство, что федераты не были покоренным или поработенным племенем: они соглашались служить империи на основе договора (*foedus*), по которому император обязывался выплачивать таким союзникам ежегодное жалованье то деньгами (*munera, stipendia*), то продовольствием (*annonaе, victualia*), они же, со своей стороны, обязывались защищать границы римского государства. Федераты подчинялись своим вождям и, даже если размещались на территории империи, не платили налогов и сохраняли свои обычаи. В числе федератов империи были различные варварские племена, достигавшие иногда значительной численности (готы, гунны, гепиды, герулы, вандалы). О федератах и о смысле этого термина сообщает Прокопий, участник грандиозных походов и войн при Юстиниане (Bell. Vand., I, 11, §§ 2—4; Bell. Goth., IV, 5, §§ 12—14; III, 33, §§ 13—14). Параллельно с Прокопием источником для выяснения сущности федератов является и произведение Иордана, в котором он несколько раз затрагивает эту тему (Get., §§ 89, 112, 145, 176). Федераты представляли собой характернейшее явление в истории поздней империи. В нем ярко отразилась одна из форм сильнейшего нажима на римское государство — как на готовую рухнуть его западную часть, так и на более крепкую восточную — бурно передвигавшихся по Европе варварских племен. Не менее выразительно сказалась в этом явлении безвыходность империи в деле создания надежной армии, способной сдерживать напор варваров: императоры и их советники были вынуждены допускать на территорию империи федератов с их вождями и в ряде случаев разрешать военные конфликты преимущественно их силами. Варварская среда дала империи некоторых выдающихся полководцев и ряд командиров отдельных отрядов, уже не связанных с определенным племенем. Наконец, наличие и роль федератов подчеркивают разрозненность варварских племен, их неспаянность (даже внутри племенного союза), их бурлящее, неспокойное, неопределившееся состояние, когда они, вторгшись в пределы римских провинций, продолжали свое поддерживаемое войнами и грабежами существование. Не менее характерно при этом и ярко выраженное стремление в Африку в поисках богатой хлебом страны (незавершенный поход Адариха и самый захват им Рима, как необходимое условие для продвижения на юг Италии; перемещение везеготов в Испанию; переход вандалов через Гибралтар). Империя, привлекая на свою сторону одни племена, выставляла

их в качестве федератов против других племен и с успехом осуществляла как на первых, так и на вторых политику натравливания.

³⁸ Олимпий, см. выше, прим. 18.

³⁸ Магистр оффиций (*magister τῶν ὀφφικίων*, взятое с латинского *magister officiorum*) — титул одного из высших сановников поздней империи (должность установлена при императоре Константине). Наряду с префектами претория, префектом города, квестором и комитетами финансов магистр оффиций или служб осуществлял гражданское управление государством. Военная же власть, по реформе Диоклетиана решительно отделенная от гражданских функций, была сосредоточена в руках магистров милиции или армии. Будучи ближайшим лицом к императору во всех делах гражданского порядка, магистр оффиций был начальником дворца и полков (*scholae, scholae*) личной охраны императора. В его распоряжении находились особые агенты (*agentes in rebus*), которые должны были доносить ему о политических умонастроениях в провинциях. В то же время магистр оффиций был и министром иностранных дел: он принимал посольства, наблюдал за дипломатической перепиской, следил за международным положением. В связи с его деятельностью ему подчинялись императорские канцелярии и государственная почта.

³⁹ Констанций III, кратковременный соправитель Гонория, муж его сестры Галлы Плацидии и отец Валентиниана III, был императором в 421 г. См. о нем прим. 109.

⁴⁰ Радагайс (у Олимпиодора — Родогайс) — вождь, гетх („рикс“) значительной группы варварских племен, преимущественно готов, частично аламаннов, которые в конце 405 г. вторглись в Италию, продвинувшись с востока, с Дуная, и проникнув за Альпы, повидимому, через Бреннер. Самого Радагайса современники его появления источник — Орозий (VII, 37, 5) — изображает особенно яростным и необузданным, сравнивая его с угрожавшим Италии в те же годы Аларихом. Радагайс, по характеристике Орозия, „язычник, варвар и сущий скиф“ (*paganus, barbarus et vere Scythae*), тогда как Аларих — христианин и по поведению гораздо ближе к римлянину: Аларих „мягок [т. е. сдержан, спокоен] — из страха божия — в убийстве“ (!), Радагайс же стремился „не столько к славе или к добыче“, что в глазах Орозия оправдывает войну, „сколько с ненасытной жестокостью в убийстве любил само убийство“. Итак, Радагайс — язычник, Аларих — христианин, Радагайс — варвар, Аларих — приближается к римлянину, Радагайс в войне любит убийство ради убийства, Аларих преследует в войне славу и добычу.

Опасность, надвигавшаяся на Западную империю в связи с нашествием Радагайса, была очень велика. Его полчища, разделившись на три части — все войско вместе не могло прокормиться, а разделенное, грабило население в трех разных областях, — двигались на Рим. Защита Италии зависела от военного таланта, возможностей и удачи Стихихона, от настроения и искусства его армии. Судя по данным Орозия и Зосима, с Радагайсом шло 200 тыс. (или даже 400 тыс.) человек, что, конечно, преувеличено, но вместе с тем свидетельствует о громадном нашествии. По окончании войны, по данным из Олимпиодора, Стихихон передал для продажи массу пленников, и только „оптиматов“, т. е. командиров отрядов (см. прим. 41 и 42), которых набралось, по Олимпиодору, 12 тысяч человек, он включил в свое войско. Империя, державшая тогда основные военные силы в Галлии, принуждена была спешно создать армию для отражения Радагайса. Стихихон приложил максимальные усилия к быстрейшему набору новых солдат, причем брали даже рабов, давая им освобождение (о крайней опасности и о привлечении рабов в армию говорит статья в кодексе Феодосия, изданная весной 406 г.; *Cod. Theod.*, VII, 13, 16—17). Для усиления этого наскоро набранного войска Стихихон привлек конницы гуннского „рика“ Ульдиана и готского предводителя Сара. Радагайсу удалось пройти в среднюю Италию, где он обложил войсками Флоренцию. Здесь с ним встретился Стихихон, окружил его и отогнал от города к высотам Фьезоле. Изнуренные голодом воины Радагайса сдались, несмотря на свою многочисленность. Их вождь был схвачен и обезглавлен в августе 406 г. Стихихон пресек поход варваров на Рим, который, однако, спустя четыре года, сдался Алариху, но уже после смерти Стихихона.

⁴¹ Олимпиодор употребил общепонятное слово „*κεφαλαιῶται*“, букв. „возглавители“, „капитаны“ (от *κεφαλή* „голова“), разумея под этим рядовых командиров, многочисленных в огромном войске, которое привел Радагайс в Италию.

⁴² Оптиматы (*ὀπτιμάτοι*). Это слово, в данном случае, далеко от своего обычного общепринятого в римском мире значения, когда *optimates* — лучшие, знатнейшие, аристократы — противопоставлялись сторонникам народной партии, *populares*. Здесь этим словом определяются командиры отрядов в войске Радагайса, которых никак нельзя считать знатнейшими, так как родовитая знать не могла исчисляться десятками тысяч. Стихихон оставил при себе этих „оптиматов“ как лучших, испытанных солдат.

⁴³ Олимпиодор говорит „*προσθηταίους*“, т. е. взял в состав приближенных ему отрядов, в отборную гвардию.

⁴⁴ Аларих умер вскоре после занятия им Рима (24 августа 410 г.), где он пробыл всего три дня, после чего двинулся к югу с намерением препроводить свое войско на богатое хлебом африканское побережье. В Мессинском проливе погибла большая часть судов Алариха; тогда он повернул к северу, имея, повидимому, целью поход в Галлию. Смертельная болезнь постигла его близ города Консентии (нын. Козенца). Подробный рассказ о движении Алариха, к югу после взятия Рима, о буре, потопившей суда, приготовленные для переправы на остров Сицилию и затем в Африку, о смерти близ города Козенцы и о погребении в русле реки Бузента имеется в сочинении Иордана (Get., §§ 156—158).

⁴⁵ Атаульф — король везеготов (410—415), выведший их из Италии в южную Галлию. Атаульф женился на Галле Плацидии, дочери императора Феодосия I и сестре императора Гонория, положив этим начало дружественным отношениям между везеготами в Галлии и Западной империей. Бракосочетание было совершено в городе Нарбонне (в провинции Галлии Нарбоннской, к северу от Пиренейских гор). Торжество подробно описано Олимпиодором ниже, в § 24.

⁴⁶ Βυκελλῆτον (от латинского слова „bucella“ или „bucellus“) означает 'сухой', 'подсушенный, поджаристый хлеб', ξηρὸς ἄρτος, причем особой формы, в виде круглой баранки или кренделя, т. е. с дыркой посредине. Вообще же название бучеллариев, т. е. телохранителей у частных лиц, собственного вооруженного отряда, объяснялось тем, что эта „дружина“ присутствовала при трапезах своего господина и могла есть пшеничный хлеб более вкусный и менее грубый, чем хлеб, отпускаемый для питания простых солдат в армии.

⁴⁷ См. прим. 35.

⁴⁸ Константин III, захвативший власть во время правления Гонория, считался его соправителем в Британии и в Галлии в 407—411 гг.

⁴⁹ „Τὴν τῆς βασιλείας αἰῶν χωρῶν“. Подразумевается предложение разделить сферы влияния императорской власти в Западной империи и считаться соправителями.

⁵⁰ Здесь автор поясняет, что до возвышения Константина III, а именно — до седьмого консульства Гонория (т. е. до 407 г.) в Британии неоднократно провозглашались императорами разные лица; он называет неизвестного ему „некоего“ Марка, за ним — пользовавшегося признанием солдат всего только четыре месяца Грациана.

⁵¹ Бонония (Βονονία) — древний Гезориах или Бонония, ныне город Булонь на французском берегу пролива Па де Кале.

⁵² Разумеется северо-восточная часть Галлии, именовавшаяся Бельгийской Галлией.

⁵³ „ὅλον τὸν Ἰάλλον καὶ Ἀκουτανὸν στρατιώτην“. Этими словами автор хотел сказать, что Константин повиновался все войска империи, расположенные от берегов Ламанша до Пиренеев и Альп. Аквитания (Аквитания Первая, Вторая и Septemproulana) охватывала земли от Пиренеев до р. Дуары. Константин мог объединить эти области под своей властью на весьма краткий срок, потому что в последний день 406 г. вандалы и аланы пересекли Рейн и совершили опустошительный переход через Галлию и Аквитанию в Испанию.

⁵⁴ Под словом „Галатия“ надо понимать „Галлию“.

⁵⁵ Цезарь, или кесарь (caesar, ο καίσαρ), — титул, который со времени императора Адриана (117—138) давался наследникам престола. Обычно цезари были соправителями императоров, особенно в III в. н. э. По системе Диоклетиана (284—305) империей управляли два августа и два цезаря; последние были ближайшими помощниками и по большей части преемниками августов. В данном случае надо понимать, что Константин III (407—411), когда назвал своего сына Константа цезарем, имел в виду сделать его соправителем и наследником. О том же говорится в § 16. Ниже, в § 46, Олимпиодор говорит как о цезаре, о Валентиниане, сыне Галлы Плацидии, наследнике престола Западной империи после императора Гонория (ум. в 423 г.).

⁵⁶ Нобилиссим (nobilissimus, νοβελίσσιμος) — титул членов императорской семьи, установленный при Константине I (306—337) и считавшийся следующим после титула цезаря, которым отмечали наследника престола. Часто титул нобилиссима давался малолетним и несовершеннолетним сыновьям императора (nobilissimus puer, т. е. мальчик, отрок). Так величался старший сын императора Феодосия I, Аркадий, затем тот же титул получил и младший сын Гонорий. В данном случае Олимпиодор совершенно ясно указывает на то, что император Константин III (407—411) дал титул цезаря старшему сыну своему, Константу, наследнику престола, а титул нобилиссима — младшему сыну, Юлиану, как возможному следующему наследнику. Ниже, в § 34, показано, что бездетный император Гонорий был принужден дать титул нобилиссима своему племяннику по сестре (Галле Плацидии) Валентиниану. Когда Галле Плацидии с детьми пришлось бежать в Константинополь, то Феодосий II, император Восточной империи, не признал за Валентинианом титула нобилиссима, и последний снова принял этот титул (§ 46), связанный с правами наследования престола, лишь тогда,

когда отправился в Италию с войсками, чтобы изгнать узурпатора Иоанна (423—425) и вступить на престол Западной империи.

⁵⁷ Аттал (Ἄτταλος, Attalus) — один из многочисленных узурпаторов императорской власти при Гонории (395—423). Недаром Орозий, современник Олимпиодора, замечает, что Гонорий был лишен возможности бороться с варварами из-за «чрезмерного количества сопротивлявшихся ему тиранов» („tot oppositis tyrannis...“, VII, 42), и пишет о целом перечне — „каталоге явных тиранов и непослушных военачальников“ (catalogus manifestorum tyrannorum vel inobedientium ducum, там же), которые отвлекли войска и нарушали мирную жизнь. Таковы были узурпаторы Константин, убитый Геронтием в Вienne, Максим, бежавший впоследствии в Испанию, Иовин в Галлии и брат его Себастиан, оба уничтоженные везеготским королем Атаульфом, и, наконец, Аттал. Последнего Орозий описывает как марионетку в руках Алариха: когда Аларих сделал его императором, причем „то наущал его, то возвышал, то бросал“ („imperatore facto infecto, refecto ac defecto“, там же), он эти самые действия „издевался над ним как над мимом и лицезред в нем посмешище империи“ („mimum risit et ludum spectavit imperii“, там же). Таким образом, Аттал был, по выражению того же писателя, „пустой видностью империи“ („inane simulacrum imperii“, там же) и не более, как ее „тенью“ („umbram gestaret imperii“, там же). Аттал пошел на унизительную роль „императора“ при Аларихе, надеясь обмануть своего покровителя. Будучи видным магистратом в Риме и поднявшись до положения префекта города, Аттал принадлежал к еще значительной группе римского общества — представителям отмиравшего класса рабовладельцев, которая боролась за восстановление язычества против крепнувшего христианства. К этой же группе последних защитников язычества принадлежал и известнейший оратор того времени Квинт Аврелий Симмах (ум. в 402 г.). В лице Аттала и его единомышленников выступал умирающий языческий мир в ожесточенной схватке с устанавливавшейся государственной религией. Аларих же, выдвинувший Аттала против Гонория (Олимпиодор говорит, что узурпатор „императорствовал против Гонория“, „βασιλεύσας κατὰ Ὀυωρίου“) и принявший от марионеточного императора титул „магистра обеих милиций“, — чего не мог добиться от Гонория, — поддерживал Аттала в своих интересах. Он намеревался, сломя власть Гонория, пуститься на захват провинции Африки, которая была необходима для предводителей постоянных им племен: здесь они могли бы расселиться надолго, не тревожимые постоянной заботой о хлебе. Когда Аларих, приведя с собой Аттала, начал осаду Равенны, Гонорий был готов признать последнего соправителем, но Аттал или, вернее, его повелитель, требовал отречения императора. Стихихон, неоднократно победитель Алариха и неизменный защитник постоянно угрожаемого трона Гонория, был недавно казнен; положение императора казалось безвыходным: по словам Олимпиодора, Аттал советовал Гонорию отправиться в изгнание на какой-либо остров (местом ссылки была, например, Липара на острове того же имени в группе Липарских островов к северу от Сицилии). Облегчение для Гонория наступило лишь тогда, когда верный ему Гераклиан, правитель провинции Африки, задержал отправку зерна в Рим и вызвал там голод. Начало голода и войско Алариха. Осада Равенны была снята, и летом 410 г., перед окончательным походом на Рим, Аларих разрешил переставшего быть ему необходимым Аттала, вступив в переговоры с Гонорием. Как известно, Аларих умер вскоре после захвата им Рима, и тогда Аттал перебежал к королю везеготов, преемнику Алариха, Атаульфу. Олимпиодор в § 24 сообщал, что на торжестве бракосочетания Атаульфа и Галлы Плауции в Нарбонне Аттал, бывший „император“, произносил „эпитамию“, т. е. свадебное приветствие. В дальнейшем в Галлии его еще раз провозгласили императором, но вскоре он был схвачен комитом Констанцием, доставлен к Гонорию в Равенну и после пыток сослан в Липару, на тот самый остров, куда за несколько лет до того предлагал заточить Гонория. Судьба Аттала, его авантюра с использованием покровительства Алариха, его марионеточная роль императора и прислужничество варварскому вождю — характерная страница в истории погибшей Западной империи.

⁵⁸ Равенна (Ραβέννα; у Прокопия Ραβέννη), город в провинции Эм依лии, стада ко времени событий, описываемых Олимпиодором, столицей Западной империи, так как император Гонорий, в страхе перед движением Алариха на Италию, покинул Милан и перенес двор в Равенну (в 404 г.). Подробное описание Равенны дал в середине VI в. Иордан (Get., §§ 148—151), подчеркивающий как особенность города его исключительно защищенное положение: с запада он охватывался непроходимыми болотами, — через них пролегла лишь узкая полоса дороги или, быть может, малозаметной тропы, — с севера его отделял проток, названный „Рвом Аскона“, с юга — канал, проведенный Августом. С восточной стороны в V в. еще была недалеко отодвинувшаяся ныне лагуна Адриатического моря. Не менее детально описал положение Равенны и Прокопий (Bell. Goth., I, 1, §§ 16—22). К Равенне, в конце 408 г., подошел собственно не Аттал, а Аларих, приведший с собой „своего императора“ Аттала (см. прим. 57).

⁵⁹ Гонорий, засевавший в Равенне, не надеялся выдержать осаду и потому выслал к Аттау посольство с предложением соправительства (*κοινωνία τῆς βασιλείας*), этим самым уже признавая его императором.

⁶⁰ Эпарх — греческий термин, соответствовавший латинскому *praefectus urbis* (или *urbi*) префект города (подразумевается столицы). Должность префекта города, одна из древнейших в Риме (учреждена по преданию Ромулом), всегда была весьма почетной и нередко очень ответственной (префекты города могли заменять царей, консулов и, позднее, императоров в их отсутствие). Эта должность непрерывно существовала вплоть до падения Западной империи, а в Константинополе эпархи действовали и в последующие века. В поздней империи звание префекта города стало пожизненным, ввиду же того, что императоры почти не бывали в старой столице, префекты располагали неограниченными (сенат редко осуществлял какое-либо влияние) полномочиями в областях политической, финансовой и хозяйственной, а также юридической: в связи с постоянными войнами и дипломатическими трудностями, в связи со снабжением Рима хлебом, с делами по благоустройству города, по массовым правонарушениям, имевшим большое значение в смысле воздействия на население; наконец, в связи со всеми видами судопроизводства, и т. п. Не следует смешивать префекта города с префектом претория (*praefectus praetorio*), высшей гражданской должностью поздней империи, которая имела обыкновенно четыре префекта претория, соответственно четырем префектурам, на которые было разделено все государство (префектуры Италии, Галлии, Иллирика, Востока).

⁶¹ Патриций, или патрикий (*patricius*, *πατρίκιος*), — почетное звание, установленное императором Константином в 315 г. и дававшееся в эпоху поздней Римской империи особо заслуженным людям, причем исключительно персонально, без права передачи по наследству. Кроме полководцев и государственных деятелей греко-римского происхождения императоры награждали званием патриция военачальников из варваров и варварских королей. Источники отмечают большое число лиц, удостоенных сана патриция. Наиболее известные среди них в V в.: опекуны обоих сыновей Феодосия I, Аркадия и Гонория, — властный правитель Восточной империи в начале царствования Аркадия, префект претория Руфин и талантливый из полководцев-варваров, спасавший Западную империю и Гонория от Алариха и Радагайса, Стилихон; полководец Гонория Констанций, успешно боровшийся с рядом узурпаторов в Галлии и с везеготскими королями и провозглашенный императором в 421 г. под именем Констанция III; знаменитый соперник Аттилы в Каталаунской битве 451 г., Аэций; Аспар — всемогущий магистр армии аланского (или готского) происхождения, фактически управлявший делами Восточной империи при Феодосии II, Маркиане и Льве I, а также сын его Ардавурий. В VI в. можно назвать ряд общеизвестных лиц, носивших звание патрицев: это король остготов Теодерих, получивший этот сан от императора Зинона, и король франков Хлодвиг — от императора Анастасия. Имели звание патриция славнейший из полководцев Юстиниана I Велисарий и молодой военачальник Герман, родственник императора, отражавший наступление антов и славянов на Балканском полуострове.

⁶² Магистр обеих милиций (*στρατηγὸς ἐκατέρωθι δυνάμεως*, *magister utriusque militiae*) — высшая военная должность в поздней империи. При Константине (306—337) было, как известно, произведено разделение гражданских и военных должностей. Соответственно четырем частям (префектурам) империи во главе гражданского управления стали четыре префекта претория, а военное дело было сосредоточено в ведении магистров армии: магистра конницы (*magister equitum*) и магистра пехоты (*magister peditum*). Если одно лицо объединяло командование обоими родами войск, то оно именовалось „магистром обеих милиций“. Сохраняя тот же принцип сосредоточения военных полномочий в руках крупнейших военных чинов империи, не касавшихся никаких гражданских функций, император Феодосий I (379—395) установил одно общее звание „магистра армии“ или „милиции“ (*magister militum*). Магистры армии — их в империи могло быть несколько — командовали войсками и следили за охраной границ по крупным территориям („по Востоку“, „по Фракиям“, „по Иллирику“). В поздней империи, когда преобладающую часть войск составляли варвары, входившие либо в императорскую армию (*milites romani*), либо во вспомогательные отряды (*auxilarii*, *auxilium ferentes*) из так называемых „Федератов“ (ср. § 7 у Олимпиодора) Римской империи, т. е. варварских ополчений, служивших за ежегодную стипендию, магистрами армии часто бывали люди варварского происхождения. Таковы Гайна, Стилихон, Рикимер, Аспар, Теодерих, сын Триария, и Теодерих Амал и др. Магистрами армии были и не варвары, как Аэций, Орест, Велисарий. Судя по имени, римлянином мог быть и Валент, называемый Олимпиодором среди членов посольства Гонория.

⁶³ Квестор (*κρίστηρ*, *quaestor*) — так назывались еще в римской республике магистраты, ведавшие денежными операциями, связанными со сбором налогов в Риме и в провинциях, а также с военными контрибуциями; это общеизвестные функции

римских квесторов, выбравшихся народным собранием. Во время империи обязанности квесторов ограничались, так как во многих провинциях сборы производились прокураторами. Квестура была первой ступенью (с 27 лет) в карьере римского должностного лица; так было даже в VI в., когда, например, Кассиодор начал свою службу квестором. Однако в данном случае, когда Олимпиодор перечисляет ряд важных лиц, составлявших посольство Гонория к Атталу, под квестором надо понимать высокую должность, учрежденную уже в послеконстантиновской империи; названный Олимпиодором Потакий был, несомненно, не молодым начинающим служить чиновником, а носителем титула „квестора дворца“ (*quaestor palatii*), в обязанности которого входило составление императорских рескриптов и законов, с подготовкой их к утверждению.

⁶⁴ Примицерий (или примикирий) нотариус (*πριμικέρριος τῶν κιστρίων*) — титул, относившийся (также в поздней империи) к канцлеру, начальнику государственной канцелярии, в которой акты составлялись нотариями (в смысле соблюдения строго установленных формул в тексте) и переписывались квалифицированными писцами (*scribae*).

⁶⁵ Препозит (*praepositus*, *πραιπόσιτος*) — начальник военного отряда (части легиона); однако вероятнее, что препозит Евсевий носил придворный титул препозита *castris subiculis*, что соответствует русскому термину „спальник“ (*cubiculum* — очоцивальня).

⁶⁶ Аллових (*Ἀλλόβιχος*). По сведениям, сообщаемым историком Зосимом (*Hist. nova*, V, 47), писавшим несколько позднее Олимпиодора, Аллових был начальником конницы, который вместе с префектом Иовинном поднял в войсках возмущение против ряда могущественных приближенных Гонория. Это, повидному, и отразил Олимпиодор в сообщении о гибели препозита Евсевия, о котором он говорит, что он был убит благодаря враждебности к нему Алловиха и „соответственно желанию народа“ (*ὑποθήκῃ δημοσίου*). В § 14 Олимпиодор рассказывает, что Аллових вскоре погиб и сам в наказание за расправу с препозитом Евсевием, а возможно и за то, что вступил в переговоры с узурпатором Константином, который, захватив власть в Галлии, двинулся в Италию; узнав, что соучествовавший ему Аллових убит, он вернулся обратно в Галлию. Упомянутые события происходили в 409 или в начале 410 г.

⁶⁷ См. прим. 57.

⁶⁸ Не дойдя до Равенны, узурпатор Константин вернулся обратно в Галлию (в § 16 сказано, что Константин, незадолго до своего конца, проживал вместе с сыном своим Юлианом в городе Арелате, ныне Арль близ устья р. Роны).

⁶⁹ Регий (*μητρόπολις Ῥήγιον*, *Rhegium*) — ныне город Реджо ди Калабрия в Италии, на берегу Мессинского пролива. Отсюда и по настоящее время переправляются на берега Сицилии. Бруттии (*Bruttii* или *Ager Bruttius*) — древнее наименование нынешнего полуострова Калабрии. У Олимпиодора — не Бруттии, а „Бреттии“.

⁷⁰ Аларих, вторгаясь в Италию и совершая походы на Рим (в 408, 409 и 410 гг.), имел дальнейшей целью переправу на остров Сицилию, а оттуда на северное побережье Африки, так как надеялся найти там много земли, богатой хлебом, для племен, которые он вел.

⁷¹ „ἄγαλμα γὰρ φησὶ τετελεσμένον ἰστέμενον ἐχώλησε τὴν παραστάτην“. Ср. § 27, где речь идет также о статуях, служивших равным образом для ограждения от набегов варваров. В § 15 для понятия статуи, изваянная, употреблено слово *ἄγαλμα* (вероятно, это было изображение бога или богини); в § 27 статуи, изображавшие людей — варваров, названы *ἀδριάντες*.

⁷² Ввиду того, что говорится об опустошениях, произведенных варварами в Сицилии, ясно, что нашествие, от которого должна была ограждать статуя, ожидалось с севера, из Италии, где неоднократно появлялись значительные для того времени группы варваров (с Аларихом, с Радагайсом), несомненно стремившиеся к югу, к переправе на сицилийский берег и дальше, в Африку.

⁷³ Следует предположить, что сгержение статуи и, как верили многие, открытие пути для варваров через Мессинский пролив произошло в 421 г., потому что только в этом году можно говорить о Галле Плавидии в сочетании с Константином III, который был императором в течение 7 месяцев в 421 г.

⁷⁴ Олимпиодор называет Константина „тираном“. О Константине III (407—411), провозглашенном императором в Галлии и Британии, см. прим. 48 и 53.

⁷⁵ О титуле цезаря см. прим. 55.

⁷⁶ Доместик (*δομῆστικος*) — приближенное и доверенное лицо, состоявшее при крупном сановнике или военачальнике. Доместики бывали при префектах претория, при префектах города, при магистрах служб, при магистрах армии. Кроме того, в поздней империи доместиками (чаще в соединении со словом „протекторы“, т. е. доместиками-протекторами) назывались офицеры в отрядах телохранителей императоров или в так называемых „схолах“. Начальником над такими доместиками-протекторами был *comes domesticorum*. Возможно, что Максим, которого отец провозгласил императором, был молодым офицером из императорской лейб-гвардии.

⁷⁷ Арелата — ныне город Арль (Arles) на юге Франции.

⁷⁸ „Πρὸ τριάκοντα τῆς Ραβέννης μιλίων“.

⁷⁹ „Ἐνα συναγωνιστὴν ἔχων Ἀλανὸν τὸ γένος εἰς δούλους αὐτοῦ ἀρτιμοῦμενον“. Неудача постигла Геронтия уже после того как был схвачен Константин III, т. е. в 411 г. Как известно, вандалы и аланы перешли Рейн в конце 406 г., рассеялись отчасти по Галлии, но основной массой передвинулись в 409 г. уже за Пиренеи. Из числа пришедших в южную Францию и в северную Испанию аланов и мог быть раб Геронтия, родом алан.

⁸⁰ Иовин (Ιοβίνος) — знатный галл, провозглашенный в 411 г. императором в Мундиаке (Μουδιαικῆ) во Второй, или Нижней, Германии, при поддержке двух варварских вождей: аланского — Гоара и бургундионского — Гунтгария. Определить место выше названного Мундиака представляется затруднительным. Автор нашел нужным указать, что событие произошло „в Мундиаке Германии Второй“; повидимому, подобное уточнение требовалось потому, что без него было бы непонятно, где находится это малоизвестное место. В связи с таким соображением и, главное, с упоминанием именно Второй, т. е. Нижней Германии, невозможно предполагать, что Мундиак есть Мосунтиак-Майнц, который, будучи крупным и широко известным городским центром, находился в пределах Первой, или Верхней, Германии. По мнению бельгийского ученого J. Vannérus Мундиак Олимпиодора соответствует местечку Монтзен (Montzen) в Бельгии, к северу от Лимбурга, на территории епископства Льежского (ср. Byzantion, т. IX, 1934, стр. 27—28). Власть Иовина распространилась на Британию и на южную Галлию, но узурпатор стремился в Италию, откуда еще не вышли везеготы под предводительством преемника Алариха, Атаульфа. У Иовина был расчет на его содействие в борьбе против Гонория. Однако Атаульф не задержался в Италии и привел везеготов к Нарбонне, а в отношении Иовина проявил себя резко враждебно. Ожидая от империи помощи хлебом, так как везеготам, переселившимся на новую территорию, не хватало продовольствия, Атаульф помог империи совладать с Иовином, чтобы снискать симпатии Гонория. Вскоре после того, как Иовин объявил соправителем своего брата Себастиана, Атаульф захватил последнего и обезглавил, а затем осадил Валенсию, куда бежал сам Иовин. Когда город сдался, Иовина перевезли в Нарбонну и казнили (в 413 г.). Вместе с ним были казнены и его приближенные — префект Децимий Рустак, примицерий нотариев Агрөций и др. Следует отметить, что имя узурпатора разными источниками передается разное: то Иовин (у Олимпиодора), то Иовий (у Созомена и Зосима), то Иовиан (у Олимпиодора же, в § 13).

⁸¹ Гоар (Γοάρ) — вождь аланов, не последовавший вместе с вандалами и аланами в Галлию и Испанию, но оставшийся с частью своих соплеменников где-то около Рейна.

⁸² См. прим. 57.

⁸³ См. прим. 45.

⁸⁴ Атаульф, принужденный просить Гонория о доставке хлеба везеготам, перешел на дружественные отношения с императором и потому стал врагом узурпатора Иовина.

⁸⁵ См. прим. 28.

⁸⁶ См. прим. 76.

⁸⁷ Сведения, заключающиеся в § 18 (Dindorf, I, стр. 457), принадлежат к самым ранним сообщениям о гуннах в Центральной Европе. К сожалению, десяток строк, в которые Фотий сжал свой конспект этой части труда Олимпиодора, представляет собой особенно неясное место текста. На его основании все же можно приблизительно установить и объединить следующие данные. Автор отправился (предположительно это случилось в 412 г.) во главе посольства (из Равенны? из Константинополя?) к гуннам. По всей вероятности, это были гуннские племена на левобережье Дуная, неясно — ближе ли к Тиссе, ближе ли к северо-западному Причерноморью. Посольство двигалось морским путем: либо по Черному морю, чтобы войти в Дунай, либо через Адриатическое море, чтобы от далматских берегов идти на север. Несомненно, что совокупность гуннских племен составляла союз, во главе которого стоял „первый [главный] из королей [риков]“ — ὁ τῶν ριγῶν πρῶτος — по имени Харатон, Χαρῆτων. Предводителем одного из племен был Донат, Δονατος. В связи ли с посольством Олимпиодора или раньше него, но дипломаты империи вмешивались в судьбы гуннских племен, переманивали одних на свою сторону, натравливали других на своих врагов и т. п. Такое вмешательство со стороны империи в гуннские дела можно усмотреть в краткой записи Фотия. Он отметил, что Донат был убит, „коварно обманутый клатвой“ (ὄρχη ἀπατηθεῖς), и его смерть вызвала гнев вождя всего союза племен, Харатона, которого тут же успокоили императорскими дарами. Надо думать, что убийство предводителя гуннского племени совершалось не без замысла дипломатов империи и участия их агентов, иначе зачем было умерять и, повидимому, отворачивать гнев главного гуннского вождя дарами от императора? И в Равенне и особенно в Константинополе, конечно, пытались, хотя бы временно, уменьшить грозное давление гуннских племен на северных границах империи.

⁸⁸ В применении к предводителям варварских племен (иногда даже только военных отрядов) уместен по-русски термин „рикс“, когда данное лицо не является, насколько можно судить по краткому тексту, правителем, тем более — политическим деятелем. Условны, конечно, оба термина: и „рикс“ (*ὁ ρίξ*), и „король“.

⁸⁹ *ὁ ἱστορικὸς ἐπράβησε*. Ввиду отрывочности данного места и неясности сообщения о Донате, гуннате и посольстве к ним, иногда предполагают, что слово „историк“ относится здесь не к Олимпиодору, а к некоему другому историку, служившему ему источником. Однако Фотий в своих выписках, надо думать, отметил бы это обстоятельство.

⁹⁰ Фотий трижды отмечает какое-то морское плавание Олимпиодора, неизменно во всех трех случаях подчеркивая сопутствовавшие ему опасности. В § 18 плавание связывается с посольством к гуннам, в § 28 — с прибытием в Афины, в § 36 — с явлением „падения“ звезды на мачту корабля.

⁹¹ *Χαράτων* — имя вождя гуннского племенного союза, упоминаемое только Олимпиодором. Есть мнение, что это имя сложено из тюркских слов *Qara* — *top* (так у A. Vambégy. *Der Ursprung der Magyaren*. Leipzig, 1882, стр. 45).

⁹² *ἐν οἷς καὶ ἡ πρώτη τῆς ἱστορίας δεκάλογος*. Здесь Фотий отметил конец своих выписок из „первого десятикнижия“ или „первой декады“ в сочинении Олимпиодора. Так как весь труд Олимпиодора состоял из 22 книг, то видно, что Фотий несколько более подробно обработал вторую половину олимпиодоровых историй, на которую приходится большая часть текста его записей. Первая декада посвящена событиям, развернувшимся исключительно в Западной империи с 407 по 411 г.; отступлениями в ней являются упоминания: о статуе в городе Регии (на Мессинском проливе, в нынешней Калабрии); о „букеллариях“ и происхождении этого слова; о гуннах, об их стрельбе из лука и о посольстве к ним, сопровождавшемся плаванием по морю.

⁹³ Иовин служил сначала Гонорию, затем пытался возвыситься при ставленнике Алариха, марноноточном императоре Атале и, наконец, уйдя из Италии, добился в 413 г. провозглашения императором в Муниаке (см. прим. 80). При этом он опирался на предводителя аланов Гоара и на бургундионов. Через некоторое время Иовин заставил провозгласить императором и брата своего Себастиана.

⁹⁴ Атаульф, приведя везеготов из Италии в Галлию и держа в плену сестру Гонория, Галлу Платидию, имел намерение склонить императора к миру и к обязательству регулярно предоставлять везеготам необходимое им количество зерна (шедшего из Африки). Поэтому Атаульф, несмотря на то, что вначале и собирался поддержать Иовина, теперь уже оставил это намерение и враждебно принял известие о том, что узурпатор создал себе соправителя в лице своего брата Себастиана. Чтобы ускорить союз с империей, жизненно необходимый для везеготов, остро нуждавшихся в хлебе, Атаульф вступил в борьбу с обоими узурпаторами. Первым был убит Себастиан, позднее схвачен и казнен Иовин. Головы обоих, в знак преданности императору, были отправлены Атаульфом в Равенну, где их выставили насаженными на копья для всеобщего обозрения за стенами города.

⁹⁵ См. прим. 60.

⁹⁶ О Константине и Юлиане см. §§ 12 и 16. В тексте сказано, что головы Себастиана и Иовина были выставлены за стенами „Карфагена“, по естественно предположить, что это была „Равенна“, так как автор сравнивает описываемое здесь событие с другим, происшедшим, по его же словам (в § 16), именно около Равенны.

⁹⁷ Максим был провозглашен императором войсками в Британии в конце правления императора Западной империи Грациана (375—383). Двинувшись в Галлию, Максим сразился с Грацианом близ г. Лиона, обратил в бегство его войско, захватил в плен не успевшего скрыться императора и приказал казнить его (25 августа 383 г.). Феодосий I, занятый сложными политическими отношениями на Востоке, почти признал Максима своим соправителем на Западе, несмотря на то, что в Италию, в тогдашней столице западной части империи Медиолане (нын. Милан), сидел император Валентиниан II (383—392). Однако, когда в 386 г. Максим изгнал последнего, чтобы стать полновластным правителем Запада, Феодосий низложил узурпатора (в 388 г.) и восстановил Валентиниана II.

⁹⁸ Евгений был провозглашен в 392 г. императором войсками франка Арбогаста, магистра армии Валентиниана II (383—392). Арбогаст долгое время был верен Валентиниану II, продолжая служить ему так же, как служил его старшему брату, императору Грациану (375—383): укрепляя своего повелителя на троне Западной империи, он убил Виктора, сына узурпатора Максима (см. прим. 97). Но когда Валентиниан II попытался избавиться от всевластного командира своих войск и многочисленных варварских полков, Арбогаст убил императора и возвел на трон сенатора Евгения. Через два года, в 394 г., император Феодосий явился на запад, победил Евгения в битве при реке „Холодной“ (*Frigidus flumen*), недалеко от г. Аквилейн, и казнил его. Арбогаст бежал и лишил себя жизни. Феодосий после этого пришел в столицу Западной империи, Медиолан, где и умер 17 января 395 г.

⁹⁹ Из этого параграфа с ясностью выступает причина, по которой Атаульф решил жениться на сестре Гонория, Галле Плацидии. Везеготы, придя в новую страну и нарушив труд местного земледельческого населения, оказались перед угрозой не только недостатка в хлебе, но настоящего голодания. Несмотря на то, что Атаульф помог Гонорию избавиться от узурпаторов Иовина и Себастиана, он не получил хлеба, хотя имел „клятвенные заверения“ (§ 19) со стороны императора. Тогда король везеготов ответил отказом на требование освободить Галлу Плацидию и вскоре женился на ней (см. §§ 22 и 24).

¹⁰⁰ Очевидно, Олимпиодор очень тщательно разобрал в своем сочинении связь и зависимость друг от друга событий, сопровождавших заключение союза между Атаульфом и империей. Здесь он вновь противопоставляет требование Гонория освободить Галлу Плацидию требованию Атаульфа снабдить везеготов хлебом. Добавлением является сообщение о том, что император был в тот период лишен возможности прислать зерно в южную Галлию, но что он тем не менее продолжал обманным образом обещать предоставить продовольствие. Нажим со стороны Атаульфа выразился в его попытке захватить важный порт Массалию—Массилию (нын. Марсель), от которого его отогнал преданный Галле Плацидии Бонифаций (быть может, он намеревался попробовать здесь вырвать ее из рук Атаульфа). Бонифаций уже обосновывал свое полунезависимое положение в Африке (см. §§ 40, 42 и прим.), и свободное пользование прекрасным портом, соединявшим Средиземное море с внутренними районами Галлии, было для него в высшей степени важно. Через Массалию же пошел бы африканский хлеб везеготам, если бы империя послала его им.

¹⁰¹ О Бонифации см. прим. 207 и 238. Выражением „под родной кров“ (куда возвратился король везеготов Атаульф) переданы слова Олимпиодора: „εἰς τὰς οἰκίας οἰκῶν“.

¹⁰² Здесь показано — конечно, лишь в размере выписок Фотия — дальнейшее развитие политики Атаульфа в отношении империи (см. прим. 100). Король везеготов, поняв, что Гонорий (повидимому, из-за сопротивления Бонифация, распоряжавшегося хлеботорговой Африкой) не в состоянии выполнить обещание о присылке зерна в южную Галлию, решил жениться на своей пленнице, Галле Плацидии. Этим актом он вступал в родство с императором, и на основе этого родства мог надеяться на поддержку хлебом для своего народа. Кроме того, браком с Плацидией он хотел причинить неудовольствие своему врагу, полководцу Гонория, Констанцию, давно претендовавшему на руку сестры императора, и обезоружить его в его вражде к везеготам.

¹⁰³ Дезигнированный (designatus, διατιθέμενος) — заранее намеченный, назначенный к какой-либо должности до вступления еще в нее. В данном случае говорится о том, что Констанций был назначен к званию консула (консул) на какой-то ближайший год.

¹⁰⁴ Консульство Констанция на Западе и Константа на Востоке приходится на 414 г. Это было первое консульство Констанция; второе, вместе с одиннадцатым консульством императора Гонория, было в 417 г.; третье, вместе с девятым консульством императора Феодосия II — в 420 г.

¹⁰⁵ Гераклиан был правителем Африки после того, как, являясь приверженцем Олимпия, главы партии, слотнившейся вокруг Гонория для борьбы со Сталихоном, совершил казнь над последним 23 августа 408 г. Гераклиан, управляя Африкой и, соблюдая верность Гонорию, не допускал доставки хлеба и Италию и тем самым окончательно ослабил Алариха во время его походов на Рим. В 413 г., пользуясь политическими трудностями, возникшими в связи с появлением узурпаторов (Иовин, Себастиан) и враждебными действиями везеготов, Гераклиан с флотом отправился из Африки на захват Рима. Эта экспедиция не удалась; флот Гераклиана был разбит, сам он бежал в Карфаген и вскоре погиб.

¹⁰⁶ См. прим. 32.

¹⁰⁷ Две тысячи мивров (δισχίλια λίτρα) равны (см. также прим. 32) 20 кентинариям, т. е. здесь названа та же сумма, которая упомянута несколько выше, в отношении золота, оставшегося после смерти Гераклиана.

¹⁰⁸ Констанций, пользовавшийся силой и влиянием при дворе Гонория по причине своих военных заслуг в Галии, просто вынудил императора отдать ему имущество погибшего Гераклиана, неудачно покусившегося на власть. Вступление в консульство требовало чрезвычайных расходов: надо было пышно обставить первый публичный выезд, устроить игры для народа, не жалея бросать золотые монеты в толпу и раздавать подарки друзьям (обычно преподносились так называемые диптихи, т. е. двусторонние складки из слоновой кости с резным изображением консула в праздничных одеждах, с атрибутами его сана).

¹⁰⁹ Констанций (Flavius Constantius) — магистр армии, трижды консул и патриций, был (под именем Констанция III) соправителем Гонория в течение семи месяцев, с 8 февраля по 2 сентября 421 г. Как император он ничем себя не проявил, но играл в империи крупную роль как военачальник, начиная с 411 г. На него легла нелегкая

обязанность защищать престиж ничтожного на троне Гонория против энергичных узурпаторов, возникших преимущественно в Галлии, и разрешать конфликты с крепившим государством везеготов. Гонорий, спасенный неоднократно Стилихоном от Алариха и от Радагайса, допустил казнь своего спасителя (в 408 г.) под давлением партии противников возвышения варварских вождей в войсках империи. Вскоре после гибели Стилихона императору пришлось пережить ужас нашествия Алариха с осадой Рима и Равенны и небывалое событие — взятие варварами древней столицы (в 410 г.). Слабый и неумный император лихорадочно искал нового полководца, который мог бы служить опорой его престола среди окружающих опасностей: множились провозглашаемые войсками местные „императоры“, сильно угрожали варвары. К этому времени (в 411 г.) и выдвинулся комит, затем магистр армии Констанций, „муж, обладавший военным искусством и прославивший себя во многих сражениях“ (Иордан, *Get.*, § 164). По рассказу Олимпиодора (§ 39) Констанций был родом иллириец, из города Нанеса (нын. Ниш), и начал военную службу еще при отце Гонория, императоре Феодосии I. Что особенно привлекало в Констанции лиц антиварварской ориентации, так это его „римское“ происхождение; он не был „варваром“, следовательно — едва ли мог стать вторым Стилихоном. Предполагалось, что „римлянин“ защитит империю, не видя выгоды специально для варварских частей своего войска. Орозий отчетливо отметил удовлетворение возможностью передать высшее командование вооруженными силами государства именно „римлянину“: „Констанцию комиту поручена была вся эта война (имеется в виду борьба с „тиранами“, т. е. узурпаторами, и с „варварами“, т. е. главным образом с везеготами, — *E. C.*); государство почувствовало и то, какое благо, наконец, обрело оно в лице римского вождя, и то, какую опасность до сих пор переживало оно, подчиняясь столь долгое время комитам из варваров“ (Орозий, VII, 42, 2). Фигура Констанция особенно занимает Олимпиодора; он несколько раз возвращается к нему в разных частях своего сочинения (§§ 15, 16, 20, 22, 23, 26, 34, 39), являясь, таким образом, основным источником сведений о Констанции; он даже рисует портрет своего героя. Не говорит ли последнее за то, что Олимпиодор сам наблюдал, а может быть и лично знал Констанция? Он рассказывает, как выглядел Констанций, „когда выступал в процессиях“ („*ὅν μὲν τῆς προόδου*“, § 23); эти слова вызывают впечатление, что автор как бы оживляет перед глазами виденную когда-то картину публичных празднеств, движущихся по улицам города торжественных процессий в одного из участников, едущего во главе военных отрядов полководца. „Имел [он] вид угрюмый и мрачный; лучезарный, с толстым затылком и плоской головой, он ехал, навалившись всем телом на шею своей верховой лошади, и смотрел искоса то в одну, то в другую сторону. Всем казалось, по поговорке, что у него „вид, достойный тирана““. Тем не менее, добавляет автор, в свободной атмосфере пиров, он был „приятен и вежлив и часто состязался с мимами, игравшими перед столом“ (§ 23). В дальнейшем, сложный церемониал двора и этикет, подчиняться которому должен был император, настолько сильно тяготили его, что „императорская власть ему опротивела“; пользовавшийся много лет неограниченной властью военачальник тосковал по свободной походной жизни; болезнь прервала его жизнь после семи месяцев сопровительства с Гонорием. Характеризуя Констанция, Олимпиодор отмечает его щедрость до брака с Галлой Платидией и проявившееся в нем позднее сребролюбие. Карьера Констанция стоила огромных денег. Они нужны были для задаривания его приближенных, для популярности в войсках. Большой затрат требовало вступление в консульство, а Констанций удостоился этой высшей чести в империи три раза. В 414 г. он стал консулом после победы над узурпаторами Константином и Юлианом и над магистром армии Геронтием, провозгласившим императором своего сына Максима; на расходы по этому консульству Констанцию было даровано состояние покушавшегося на власть, но не успевшего в своих намерениях правителя Африки Гераклиана (§ 23). Вторичное консульство выпало на 417 г. и было связано, по видимому, с тем, что Констанций закрыл подвоз хлеба везеготам и принудил их отойти за Пиренеи, а затем, совершив поход в Испанию, пленил одного из крупных вандалских вождей и послал его Гонорию. До этого Констанцию удалось захватить долго беспокоившего Равенну Атала. Могущество Констанция, почтенного уже званием патриция, заставило Гонория отдать ему в жены сестру свою, Галлу Платидию, вдову Атаульфа, возвращенную королем Валией в Равенну. Женившись на Платидии и породнившись, таким образом, с императорским домом, Констанций мог мечтать об императорском троне. В эти годы (после 417 г.), как отметил Олимпиодор, Констанций стал жаден до денег, которые он собирал для того, чтобы богато обставить сначала свое третье консульство в 420 г., а затем, в 421 г., и вступление на престол. Опираясь на армию, женатый на женщине, которая среди ближайших родственников уже насчитывала семь императоров (по материнской линии ее дед — Валентиниан I и ее дяди — Грациан и Валентиниан II; Феодосий I — ее отец, Аркадий и Гонорий — ее братья, Феодосий II — ее племянник), Констанций принудил Гонория сделать его своим соправителем и

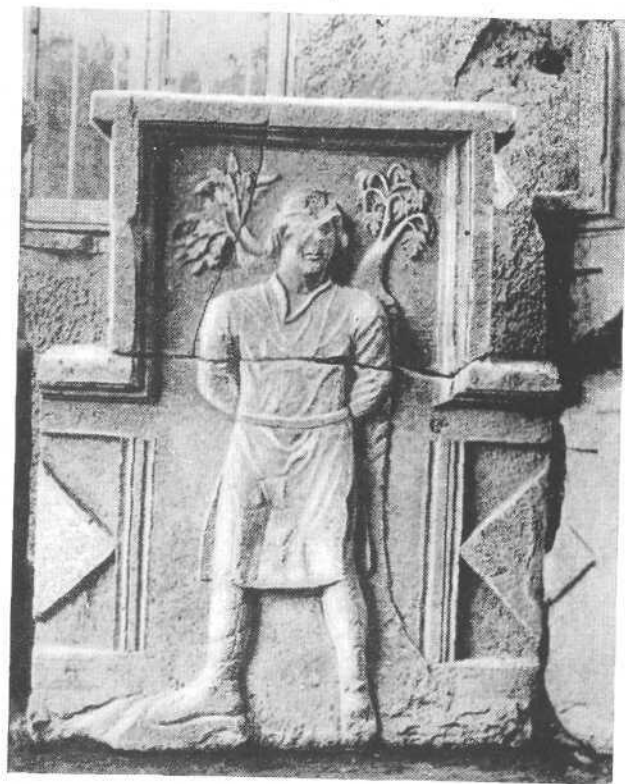

Рис. 1 и 2. Каменные плиты с рельефными изображениями варваров-пленников, привязанных к дереву.
„Трофей Траяна“ в Малой Скифии.
Румыния, Добруджа, сел. Адамклисен.

Рис. 3. Каменная плита с рельефным изображением варвара-пленника, привязанного к дереву. „Трофей Траяна“ в Малой Скифии. Румыния, Добруджа, сел. Адамкланси.

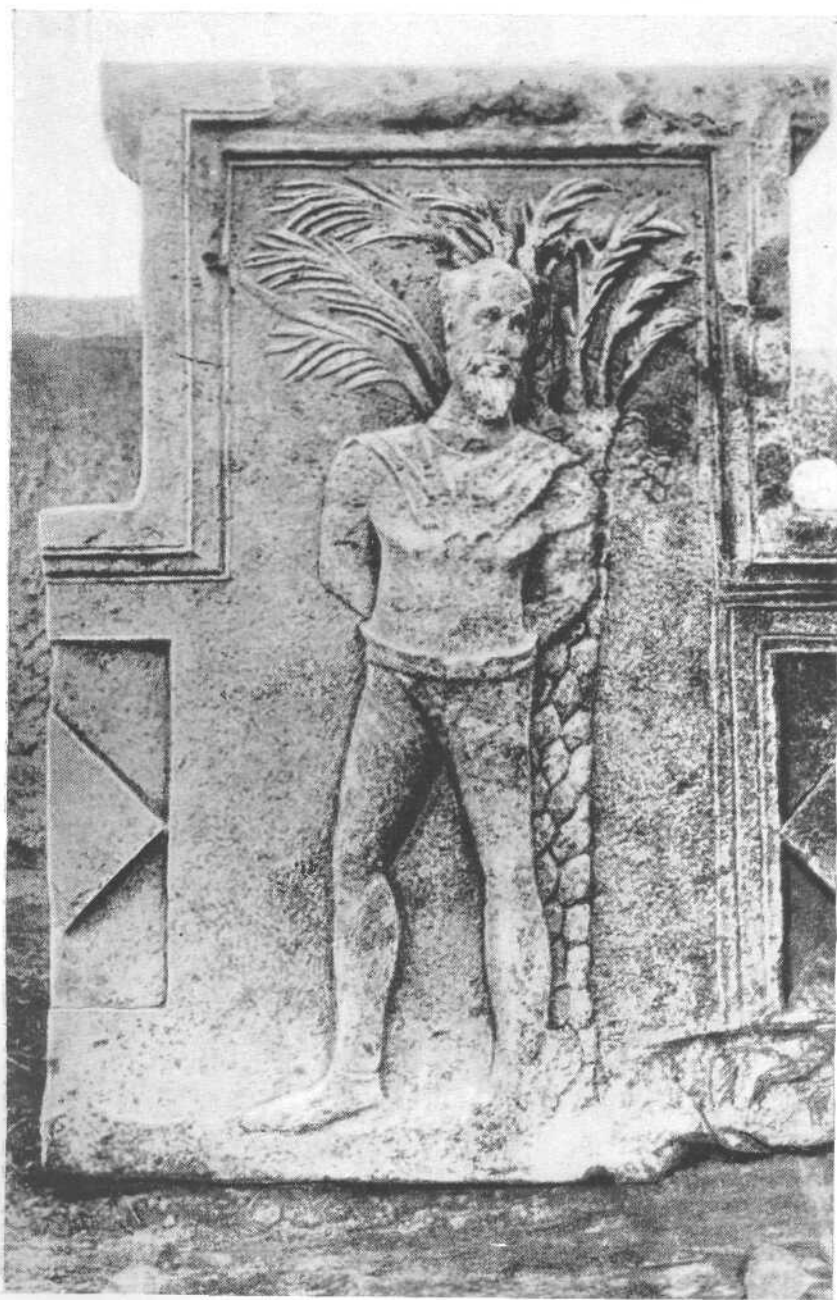

Рис. 4. Каменная плита с рельефным изображением варвара-пленника, привязанного к дереву. „Трофей Траяна“ в Малой Скифии. Румыния, Добруджа, сел. Адамкисси.

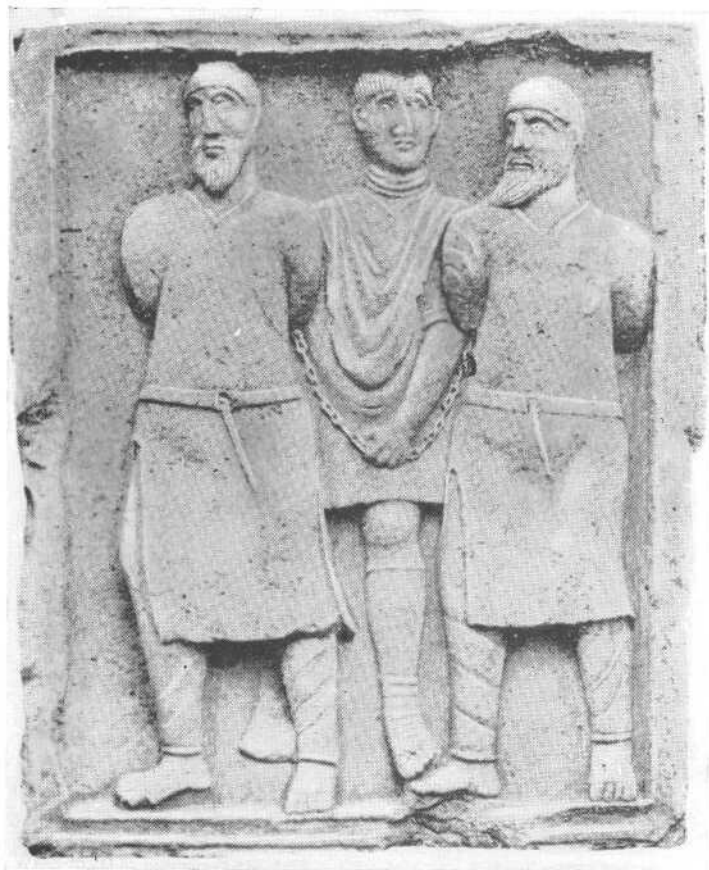

Рис. 5 и 6. Каменные плиты с рельефными изображениями пленных варваров, закованных в цепи и сопровождаемых римскими солдатами. „Трофей Траяна“ в Малой Скифии.
Румыния, Добруджа, сел. Адамклицси.

тот исполнил это, „почти против воли“ дав ему титул августа, не признанный, впрочем, в Константинополе. Констанций недолго был императором; то, чего больше всего боялся Гонорий и его окружение в Равенне, — сила и влияние в руках варварских частей войска, объединившихся вокруг вдовы Констанция, Галлы Плацидии, — сохранилось и после его смерти. Западная империя была пронизана варварским элементом, а к нему тяготела угнетенная часть общества угнетавшего рабовладельческого государства (вспомним переход многочисленных рабов из Рима в войска Алариха, о чем писал историк-современник Зосим, VI, 3, 5—6).

¹¹⁰ Выше Олимпиодор рассказав, как Атаульф сначала обещал отпустить Галлу Плацидию в Равенну к ее брату, императору Гонорию, ставя условием непременною присылку зерна в южную Галлию, так как везеготы испытывали острую нужду в продовольствии; в дальнейшем Атаульф решил закрепить союз с империей — и в силу его получить хлеб для своего народа — браком на представительнице императорской семьи, дочери Феодосия I, сестре двух императоров, Гонория и Аркадия (ум. в 408 г.) и тетке императора Восточной империи, Феодосия II.

¹¹¹ См. прим. 233.

¹¹² Бракосочетание Галлы Плацидии с Атаульфом совершилось 1 января 414 г. Это событие стало широко известным. Его отметили в своих сочинениях многие близкие ему по времени писатели: Идакий, Орозий, Филосторгий, Проспер, Марцеллин Комит.

¹¹³ Город Нарбонна (древн. Narbo, важный военный и торговый пункт римлян близ южного побережья Галлии) был главным городом провинции Галлии Нарбоннской. В начале V в. Нарбонна уже ускользала из-под власти империи, но, будучи древним галло-римским городом, была избрана для свадебных торжеств, которые знаменовали союз варваров с римлянами. Иордан, упоминая об этом браке, который он неправильно связывает с одним из италийских городов в провинции Эмилиа, добавляет, что „народы, узнав об этом союзе, должны были еще больше бояться империи, которая оказалась как бы присоединенной к готам“ („ut gentes, hac societate conperta, quasi adunatam Gothis rem publicam efficacius terrentur“. Get., § 160).

¹¹⁴ Этот знатный в Нарбонне человек, по имени Ингений, описан, надо думать, у Орозия. Современник событий начала V в. (он закончил свое сочинение „История против язычников“ к 417 г.), Орозий внес в свой труд интересную запись (кн. VII, гл. 43, § 4—7) о беседе с одним жителем города Нарбонны (имени его он не сообщает), ездившим в Палестину для свидания с ерцковным писателем Иеронимом (ум. в 420 г.). Этот нарбоннец — „набожный, степенный и серьезный“ — рассказал Орозию, что он был очень близок („familiarissimum“) с королем везеготов Атаульфом, когда последний находился в Нарбонне. Нарбоннец передавал о следующих мыслях Атаульфа, которые тот не раз высказывал: он (Атаульф) „вначале горел желанием стереть самое имя Римское (obliterato Romano nomine), а всю землю Римскую (Romanum omne solum) превратить в империю готов и назвать ее таковою (Gothorum imperium et faceret et vocaret), чтобы стала, по тростку говоря, Готия из того, что некогда было Романией (essetque, ut vulgariter loquar, Gothia quod Romania fuisset), Атаульф же стал бы теперь тем, чем был когда-то Цезарь Август. Однако после того как большой опыт (multa experientia) доказал, что готы никак не способны повиноваться законам вследствие необузданного своего варварства (propter effrenatam barbariem), а государству нельзя существовать без законов, ибо без них государство не есть государство (sine quibus res publica non est res publica), он [Атаульф] избрал для себя [путь]: искать славы в полном восстановлении и увеличении Римского имени силами готов; таким образом, он смог бы считаться у потомков виновником [создателем, „автором“] восстановления Римской империи, если уже ему не удалось изменить ее (habereturque apud posteros Romanae restitutionis auctor, postquam esse non potuerat immutator). Поэтому он был склонен как воздерживаться от войны [с Римом], так и стремиться к миру...“. В передаче Орозия этой выразительной беседы сказана точка зрения римлянина, истолковывающего на свой лад рассуждения и намерения варварского короля, который больше всего стремился, хотя бы путем союза с империей, обеспечить свое государство хлебом из богатых африканских житниц империи, но едва ли строил теории восстановления последней, да еще в силу „необузданного варварства“ (так именно у Орозия) народа, к которому принадлежал сам и которым управлял не без успеха.

¹¹⁵ „εὐκταστὸς τῆς Ῥωμαϊκῆς ἐσθλασμένη“. Не совсем ясно — какое помещение автор называет словом „ἡ κταστῶς“ (иначе „ὁ κταστῶς“). Оно значит либо портик, либо атрий, либо, наконец, брачный чертог.

¹¹⁶ В этом описании заметно подчеркивание автором римского характера торжества: невесту поместили в „украшенный по-римски атрий“, подчеркнули ее царственное состояние „царским убором“ („τῆς βασιλικῆς“); жениха облекли в „хланиду“ („ἐνδεδυμένος χλανίδα“) и „другие римские одеяния“ („καὶ τὴν ἄλλην Ῥωμαίων ἐσθῆτα“).

¹¹⁷ Атаульф обладал сочрвищами, захваченными войском Алариха во время трех-

длеяного разграбления Рима, взятого 24 августа и оставленного Аларихом 27 августа 410 г.

¹¹⁸ Эпиталамии (ἐπιτάλαια) — род стихотворной свадебной речи, содержащей (в позднеримское время) восхваление жениха и невесты, их родителей и предков.

¹¹⁹ См. прим. 57. — В 414 г. Аттал, уже сыгравший унижительную роль марионетки-императора при Аларихе, искал милости и возвышения при дворе его зятя, Атаульфа.

¹²⁰ Автор подчеркнул своеобразное объединение „варваров“ и вошедших в их среду „римлян“, примыкавших к кругу лиц около Галлы П्लाцидии.

¹²¹ Имеется в виду кратковременный захват Рима Аларихом в августе 410 г.

¹²² О префекте города, или эпархе, см. прим. 60.

¹²³ Народ определен словом „ἄθλιος“.

¹²⁴ Несомненно, что имя Феодосия было дано сыну Атаульфа и Галлы П्लाцидии в честь знаменитого деда, Феодосия I (379—395). Этим подчеркивалась „римская“ (а не „готская“, варварская) ориентация Атаульфа. См. прим. 127 и 128 о „готской части“, „готской партии“ — „μοίρα Γοτθική“.

¹²⁵ „ἐν λάρνακι ὀρυζῆ“ (ἡ λάρναξ 'кошеч', 'ящик', 'гроб'). Слово „обитель“ условно передает выражение „εὐκτήριον“ букв. 'благочестивое имение'. Смерть наследника Атаульфа предвещала крушение политический идеалов „римской“ партии среди везеготов. ¹²⁶ Барцеллона (Βαρκελών, в лат. форме Barcino) — Барселона, город в Каталонии, на берегу Средиземного моря.

¹²⁷ Под „одним из приближенных готов“ (в тексте „домашних“, „ἐς τῶν οἰκείων Γότθων“) надо подразумевать не простого слугу из состава домашней челяди, а вена вроде дружинника, члена личной охраны. Несмотря на службу Атаульфу, соблюдавшему союз с Римом, „дружинник“ Дувий, взятый Атаульфом из отряда убитого им политического противника, представителя „готской партии“ (μοίρας Γοτθικῆς ῥῆξ), был сторонником крепнувшей в готской среде политики самостоятельности и прямой вражды в отношении империи. Убийство Атаульфа — месть за смерть предыдущего господина (δεσπότης) — было вместе с тем и актом более глубокого социально-политического значения. После смерти Атаульфа, его детей и его непосредственного преемника Сигериха (убитого, вероятно, еще борющимися приверженцами Атаульфа) владыкой (ἡγεμόν) везеготов стал враг Рима, Валия.

¹²⁸ „μοίρας Γοτθικῆς ῥῆξ“ 'вождь готской части'. Выражением „готская часть“ „готская партия“ автор определяет ту группу готского общества, как верхушки, так и низов, которая боролась против союза с империей и особенно против известного ей подчинения (вероятно, даже в области культуры и быта) за преобладание независимой „готской“ политики и за рост своего, „готского“, государства. В общих чертах автор этими словами подчеркнул противодействие (политическое и активно-военное) варварства рабовладельческому миру в его последних попытках сопротивления неизбежной гибели. — Слово „ῥῆξ“ (rex) еще не установилось в позднейшем значении „короля“; для обозначения 'собственно королей везеготов Олимпиодор употребляет термины „φύλαρχος“ или „ἡγεμόν“. „Ῥῆξ“ в его употреблении значит предводитель племени или крупного отряда. Ср. прим. 88.

¹²⁹ Глаголом „οἰκείων“ („φιλώτατο“) показано, что названный здесь гот Дувий, убийца Атаульфа, был им взят в число „дружинников“, членов ближайшего к королю отряда его телохранителей и военных слугников (как бы в состав его „familiae“).

¹³⁰ „Τὴν Ρωμαίων φίλον“. Атаульф пытался обеспечить и после своей смерти проримскую политику в государстве везеготов.

¹³¹ Унижение Галлы П्लाцидии, вдовы Атаульфа, подчеркивает общее недовольство его политической союза и дружбы с империей.

¹³² Про Валерия автор сообщает, что он, во-первых, был из числа людей знатных или отмеченных знатностью („τῶν ἐπίσημων“) и, во-вторых, управляя Фракией („ἐν τῇ Θράκη... ἄρχοντας“). В позднеримской империи Фракией называлась и провинция, и целый диоцез, состоявший из шести провинций. Вероятнее, что Олимпиодор, говоря о Фракии, разумел более широкую область, т. е. диоцез. Управление диоцезом осуществлял викарий, который соответственно своему рангу, носил титул „vir spectabilis“. Этот титул был вторым в порядке титулов высших должностных лиц в послеконстантиновское время (viri illustres, viri spectabiles, viri clarissimi). В связи с этой титулатурой, быть может, допустимо предположение, что Олимпиодор словом „ἐπίσημοι“ определял именно лиц, отмеченных упомянутыми титулами, и указал, что Валерий относился к одной из трех групп, в данном случае как викарий, к группе „viri spectabiles“. Таким образом, данное место источника позволяет видеть в Валерии викария диоцеза Фракии с титулом „vir spectabilis“. В списке должностей („Notitia dignitatum“), составленном к началу V в., отмечено, что к числу viri spec-

tabiles относится „викарий диоцеза Фракий“ („vicarius dioeceseos Thraciarum“, or. XXVI, 9).

¹³³ „περὶ ἀνδριάντων ἀργυρῶν τετελεσμένων εἰς βαρβάρων ἀποκάλυψιν“. В отношении этих статуй автор употребил причастие (participium perfecti passivi) от глагола „τελέω“. Обыкновенно этот глагол значит 'совершать', 'оканчивать'; при подобном понимании следовало бы дать перевод: некогда созданных, или сделанных, изготовленных, во ограждение от варваров. Однако глагол „τελέω“ имеет и другое значение — применять в качестве оберега, предохранения от опасности; причастие „τετελεσμένος“ примененный как предохранение относится у писателя Малалы (VI в.) к „χαλκούρτιδα“ статуя из меди Посейдона, который должен был оберегать город от землетрясения. Отглагольное существительное „τὸ τέλεσμα“ в результате сирийско-арабских связей дало арабское слово „tilasm(un)“ и персидское „telesm“; через арабов это видоизмененное греческое слово проникло в Западную Европу или непосредственно в Россию и дало слово „талисман“. Принимая все сказанное во внимание, следует дать перевод: „некогда примененные в качестве талисмана во ограждение от варваров“.

¹³⁴ В своем сочинении Олимпиодор много говорит о Констанции III, который был императором только семь месяцев в 421 г. Поэтому проще всего предположить, что и в данном месте он имеет в виду именно Констанция III и, следовательно, относит описываемое им нахождение трех статуй точно к 421 г. Трудно, однако, определить, какое именно нашествие готов разумеет автор, говоря, что оно случилось „через несколько дней“ после того, как были вынуты из земли заговоренные изваяния“. Первые десятилетия V в. изобилуют передвижениями отрядов германских племен (готов) по Балканскому полуострову, а с начала V в. особенно грозными становятся набеги гуннов. Известно их опустошительное нападение на Фракию и Иллирию в 415 г. — Если допустить, что Валерий в своем рассказе Олимпиодору не был точен в сроках, т. е. что набеги готов, а за ними и других враждебных племен совершились не сразу после извлечения из земли трех священных статуй, не через „несколько дней“, а через несколько лет, то в императоре Констанции, упоминаемом Олимпиодором, можно было бы видеть Констанция II. По всей вероятности, Валерий был человеком зрелых лет, когда управлял Фракией (предположим, что это было к концу царствования Констанция II, умершего в 361 г.), и потому стариком мог еще беседовать с Олимпиодором о событиях после 378 г., т. е. после битвы при Адрианополе, и также отметить ранние набеги гуннов в самом конце IV и в начале V в.

¹³⁵ См. прим. 144.

¹³⁶ „ἄς θησαυρός ευρεθείη“.

¹³⁷ „ἱερὸν εἶναι τὸν τόπον“.

¹³⁸ Приводим в оригинале весь этот интереснейший отрывок с описанием трех статуй: „ἀνορύχθεντος (ἀνορύσσω 'копать', 'выкапывать') τοῖνον τοῦ τόπου εὐρίσχονταί τρεῖς ἀνδριάντες διόλου ἐξ ἀργύρου πεποιημένοι, ἐν σχήματι βαρβαρικῶ κατακείμενοι καὶ ἐξηκωνισμένοι κατ' ἀμφοῖν ταῖν χερσῶν, ἐνδεδυμένοι δὲ βάρβαρον πεποικιλμένην ἐσθῆτα, καὶ κομῶντες τὰς κεφαλὰς, νεύοντες ἐπὶ τὸ ἀρχαῖον μέρος, ταῦτά τε κατὰ τοῦ βαρβαρικοῦ χόρου“.

¹³⁹ „ἐν σχήματι βαρβαρικῶ“. Едва ли можно согласиться с переводом В. В. Латышева: „лежащие по варварскому обычаю“ (Изв., т. I, стр. 786), что дает представление о каком-то варварском приеме укладки, захоронения этих статуй. Автор же хотел сказать, что с виду, по обличью, эти статуи представляли варваров, и далее, в подкрепление своих слов, привел несколько черт, свойственных изображениям именно варваров (положение рук, убранство одежды, длина волос). Поэтому мы предлагаем следующий перевод этого места текста: „они лежали во всем своем варварском обличье“, т. е. имея все признаки варварского состояния.

¹⁴⁰ καὶ ἐξηκωνισμένοι κατ' ἀμφοῖν ταῖν χερσῶν. В. В. Латышев (Изв., т. I, стр. 786) перевел эти слова так: „они лежали по варварскому обычаю, подбоченившись обеими руками“. Однако представляется более правильным другое понимание: „они лежали во всем своем варварском обличье) с заведенными за спину обеими руками“, и вот на каком основании: глагол „ἐξαγκωνίζω“ содержит слово „ὀ ἄγκων“ 'локоть' или вообще 'изгиб', 'излом'. Поэтому значение этого глагола содержит в себе представление о согнутых локтях. В связи с этим „ἐξαγκωνίζω“ значит либо 'подбочениваться', 'подпирать руки в боки', либо 'заводить руки назад, за спину' и, отсюда, 'связывать руки за спиной'. Пассивная форма причастия „ἐξηκωνισμένοι“ заставляет принять второе значение глагола „ἐξαγκωνίζω“ 'заводить руки назад', 'связывать руки за спиной'; к тому же склоняет и предлог κατὰ, употребляемый с родительным падежом (в значении винительного) и показывающий отношение к „обеим рукам“ как к объекту

воздействия (вроде „связан по рукам и по ногам“). Наиболее крупные словари как древнего, так и позднейшего греческого языка, объясняя транзитивную форму глагола „ἔδουλον“¹, дают одичаковое значение: „связывать кому-нибудь руки за спиной“ (Passow, Liddell-Scott, „Μεγά Λεξικὸν τῆς Ἑλληνικῆς Γλώσσης“, Sophocles и др.). При этом часто приводится пример употребления причастия „ἔδουλονισμέναι“ (того самого, которое употребил и Олимпиодор) в „Истории“ Диодора Сицилийского (конец I в. до н. э.), где это слово звучит вполне понятно в своем контексте: „ἄνδρες δ' ἔδουλονισμένους ἐν ἀσκήμονι καὶ ταπεινῇ προσέφευ τῶν τῆς αἰχμαλωσίας οἰκτρῶν πλεῖροισι“² „ныне же, со связанными за спиной руками, в опозоренном и униженном виде, испытывал он всю горечь пленения“ (XIII, 27). — В тексте сказано, что статуи были зарыты обращенными на север, в сторону того края, откуда появлялись опасные для империи варвары. Сказано также, что изваяния были освящены по древнему обряду и потому действовали как оберег во ограждение от варварских набегов, место же, где они лежали, считалось у окрестных жителей (несомненно — оседлых земледельцев) священным. Все это говорит за то, что статуи были, так сказать, „истолкованы“ обитателями территории империи: ведь от статуй ожидалась „помощь“ именно римлянам, которые стремились обереечь свои владения от варваров. Поэтому естественна мысль, что изваяния могли изображать варваров с римской точки зрения. А римляне, как это видно на ряде памятников, нередко изображали варваров в виде пленников. См., например, рельефы на базах колонн арки Септимия Севера на форуме в Риме: римские солдаты ведут варваров-пленников, скрутив им руки за спиной (E. S. Strong, *La Scultura Romana*, II, стр. 303 сл.); или рельефы на стенках порфицевого саркофага Елены (матери императора Константина) в Ватиканском музее в Риме: римские всадники и побежденные варвары на коленях, со связанными за спиной руками (G. Lippold, *Die Sculpturen des vatikanischen Museums*, III, 1, № 589). Особенно выразительны в этом отношении пленники-варвары, высеченные в камне на многочисленных рельефах с полуразрушенного монумента, условно называемого „Трофеем Траяна“ (*Trophaeum Traiani*). Развалины этого грандиозного сооружения стоят до сего дня в южной части Добруджи, восточнее Силистрии и западнее Констанцы (древних Том), неподалеку от селения Адамклисси. Впервые этот памятник был издан в Вене в 1895 г. Точлеско и Бенндорфом (*Toscilescowenndorf*, *Das Monument von Adamklissi — Trophaeum Traiani*, Wien, 1895), причем второй из авторов истолковал сооружение как памятник Траяновых побед над даками и отнес его постройку к 109 г. н. э. Иное мнение, а именно — о памятнике победы Лициния Красса в 29 г. до н. э. над бастарнами, было вскоре выдвинуто А. Фуртвенглером (A. Furtwängler, *Das Trophaeum von Adamklissi und provinziäl-römische Kunst*, *Abhandl. d. philos.-philol. Kl. der Bayer. Akad. d. Wiss.*, 22, Abt. 3, München, 1905). Оба толкования монумента Адамклисси породили один из самых крупных споров в античной археологии (см. статью: Fr. Drexel, *Altes und Neues vom Trophaeum Traiani*, *Neue Jahrb. f. das klass. Altertum*, . . . Bd. 49, 1922, стр. 330—344), который и после смерти Фуртвенглера остался неразрешенным. Но реконструкция памятника, сделанная еще для издания Бенндорфа архитектором Георгом Ниманом, принята большинством исследователей вопроса. По этой реконструкции круглое в плане массивнейшее сооружение — основание для высоко поднимающегося трофея, отмеченного плитой с надписью (о восстановлении постройки императором Траяном) — было опоясано рядом метоф (числом 54) с рельефами на тему эпизодов из войны римлян с варварами и увенчано по краю зубцами (числом 36), равным образом с рельефами, которые содержат по одной фигуре варвара, стоящего во весь рост на фоне дерева (см. рис. 1, 2, 3 и 4: рельефы из Адамклисси). Вот эти-то, полные экспрессии, изображения варваров, как тех из них, которых, со связанными за спиной руками, ведут на цепи римские войны (метофы 29, 33, 18, 45, 46, 47 по изданию Бенндорфа), так и тех, которые стоят с руками, заведенными назад и прикрученными к древесным стволам (рис. 116, 117, 119, 120, 121, 122, 114, 115, 118 по тому же изданию), подтверждают мысль об образе варвара в римском представлении, да еще на самом месте острых конфликтов и кровопролитных боев между варварскими племенами и империей. Для римлянина желателен тип варвара-пленника, с явным признаком его захвата в плен, т. е. со связанными за спиной руками, которые спереди дают впечатление рук, согнутых в локтях (ἔδουλονισμένους). — Сближение данных текста Олимпиодора (§ 27) с изображениями на рельефах „Трофея Траяна“ (см. рис. 5 и 6) отнюдь не преследует цели слишком элементарного объяснения остающегося все же несколько загадочным известия этого автора. Было бы излишним упрощением считать, что во Фракии были зарыты какие-то скульптуры из камня (Олимпиодор говорит о серебре), похожие на варваров из Адамклисси; нет также оснований считать, что люди наткнулись на беспорядочное разрушение какого-то сложного архитектурного памятника, залывшее землей, и, заметив там какие-то изображения, создали легенду о ритуальном захоронении каких-то загово-

ренных фигур, оберегавших край от варваров. Сближение это имеет целью показать, что „статуи“ (*ἀνδριάντες*) Олимпиодора, будучи оберегом „римлян“ от варваров (а это с полной ясностью вытекает из текста) и, следовательно, будучи — надо думать — положены в землю „римлянами“, должны были воспроизводить „римское“ представление о варварах. А такое представление как раз и дают изображения варваров на рельефах Адамклассы. Кроме того, названные рельефы — и это существенно — самым конкретным образом помогают разъяснению причастия (*participium perfecti passivi*) „ἐξήχωνισμένοι“, которое, несомненно, подчеркивает заведение рук за спину для того, чтобы их связать, скрутить цепью или веревкой, и тем самым свидетельствует, что „статуи“ Олимпиодора имели при всем своем варварском облике („*σχημα βαρβαρικόν*“) и вид варваров-пленников, — вид, в котором представляли себе и изображали варваров именно „римляне“. Допустив, что статуи были римскими по замыслу и изготовлению, следует далее предположить, что они были зарыты когда-то очень давно; повидимому, на них натолкнулись случайно и находка произвела впечатление: ее назвали „кладом“ („*θησαυρός*“) и оповестили о ней правителя провинции. Таким образом, хотя среди жителей и сохранилось предание о святости места и о каких-то изваяниях, причем освященных, заговоренных, — зарытые в землю статуи были обнаружены как бы вновь. Трудно сказать, позднейшая ли легенда, быть может, родившаяся вместе с появлением статуй из земли при Валерии, или живое предание содержало с давних времен известие о каком-то обряде, который был совершен над статуями и благодаря которому они будто бы получили силу оберегать ту область, где лежали, от нападений варваров. Официальная религия империи таких обрядов не знала, но едва ли в подобных случаях действовала именно официальная религия. В связи с обрядом находится и специальная ориентация захороненных человеческих фигур — на север, откуда „римляне“ ждали вражеских нашествий. — Высказанное выше предположение о том, что статуи, изображавшие варваров, были римскими и что захоронены они были римлянами, нельзя все же считать единственно возможным, хотя оно и вероятно. Олимпиодор отметил, что найденные фигуры были сделаны „целиком из серебра“ („*διόλου ἐξ ἀργύρου*“) и что одежда их была „причудливо (пестро?) украшена“ („*πλοκιδιμένη ἱσθίς*“). Обнаруженные статуи представляли собой „клад“, повидимому, из-за ценности материала. Все это наводит на мысль о варварской принадлежности серебряных кумиров (едва ли амулетов, так как определение „*ἀνδριάντες*“ говорит за большие размеры статуй; автор не сказал ни „*ἀνδριαντίον*“, ни „*ἀνδριαντίσχος*“ 'статуэтка', 'фигурка', 'человечек'). В таком случае иное содержание приобретают слова и о „варварском облике“ (уже не в „римской“ трактовке варвара, как пленника, с присущим, конечно, ему костюмом и прической), и о „причудливо (пестро?) украшенной одежде“, и даже о „заведенных за спину обеих руках“ (о „согнутых в локтях руках“, однако — не о позе „подбоченившегося“, чему, впрочем, мешает пассивная форма причастия „*ἐξήχωνισμένοι*“). Все части этого описания могут быть, хотя и отдаленно, иллюстрированы примером литых серебряных с позолотой фигурок (высота их только 10 см) безбородых усатых мужчин с длинными волосами, принадлежащих (вместе с другими вещами, византийскими VI в. и местными) к кладу, найденному в Мартыновке, в бассейне р. Роси. Эти человечки, несомненно изготовленные в варварской среде, бесспорно отличаются „варварским (не „римским“) обликом“; их одежда „причудливо (пестро?) украшена“, так как рубахи их имеют позолоченные нарукавники и также позолоченную широкую, как бы вышитую, вставку на груди (волосы и усы фигурок равным образом позолочены). Что же касается рук, то хотя глаголом „*ἐξήχωνισμένοι*“ в пассивной форме Олимпиодор и указал на закрученные за спину руки пленников, тем не менее не могло ли быть положение рук у статуй истолковано так только „римлянином“, который и хотел видеть, и изображал варвара именно со связанными за спиной руками? На самом же деле на варварском, а не римском издании они могли быть уперты либо в бока, либо в бедра, как это действительно и видно на мартыновских статуэтках (рис. 7 и 8): их руки согнуты в локтях, образуя резкий угол, и уперты кистями (видны пальцы) в верхние части бедер при том, что ноги расставлены и согнуты в коленях не то в позе танца, не то в позе верховой посадки, но без лошади под всадником. Итак, изваяния, свидетельство о которых дошло до нас через Олимпиодора, могли быть и варварскими, но в таком случае едва ли их зарыли в землю римляне; представляется более понятным, что крупные и тяжелые серебряные (или посеребренные) кумиры какого-то варварского святилища, в момент опасности и отхода племени в отдаленные места, были для сохранности закопаны в землю своими почитателями; в последующих поколениях удержалось воспоминание о святости места и создавалась легенда о том, что в земле содержится „талисман“; в глазах обитателей римской стороны он охранял их от варваров. Таковы два возможных варианта толкования § 27 Олимпиодора.

¹⁴¹ Одежда варваров, будь это звериные шкуры германца или штаны кочевника, всегда останавливала внимание представителей греко-римской культуры; обычно внешний вид варвара в „римском“ описании характеризовался одеждой и прической. См. прим. 139.

¹⁴² Ниже указывается место, где были зарыты статуи. Общее представление о землях, откуда могли появиться варвары, относилось к левому побережью Дуная.

¹⁴³ Автор, передав рассказ об откопанных статуях, сообщает и о последствиях их извлечения из земли: о набегах варваров на империю. Приводимые им сведения, повидимому, соответствовали ходу исторических событий: сначала готы прошли опустошительным походом через всю Фракию, за ними не замедлили явиться гунны, часто — как свидетельствуют письменные источники — вместе с аланами. Как известно, значительная часть готов, уходя от гуннов, вторгшихся в южнорусские степи из-за

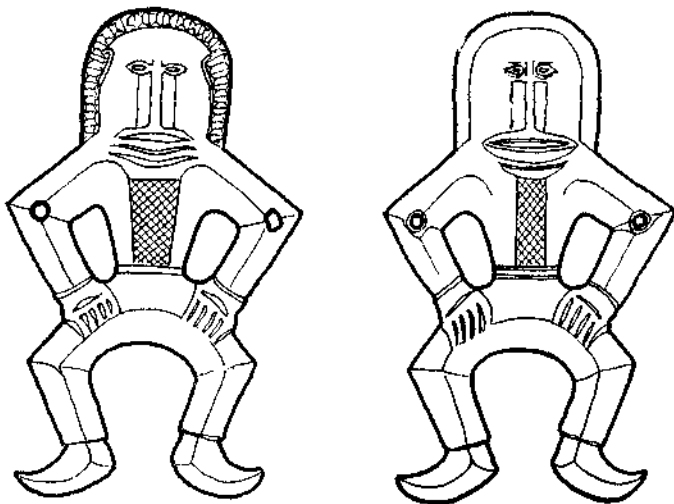

Рис. 7 и 8. Литые серебряные фигурки из так называемого „Мартыновского клада“, найденного близ с. Мартыновки в Поднепровье (бассейн р. Роси).

По рисунку Г. Ф. Корзухиной с оригиналов, хранящихся в Киевском историческом музее.

Дона, перешла Дунай и, по разрешению императора Валента (364—378), осела в Мезии и Фракии (так, например, у Иордана, *Get.* §§ 131—133: Валент, приняв готов в Мезию, „поставил как бы стену государству своему против остальных варварских народов“). После плачевной для империи битвы 378 г. под Адрианополем, готы (везеготы) „расселились в обеих Фракиях и в Дакии Прибрежной, владея ими, как родной землей“ (*Get.*, § 138). При Феодосии I (379—395) готы — федераты империи (ср. прим. 36) — еще более прочно обосновались во Фракии, но уже во время правления Аркадия (395—408) покинули, следуя за Аларихом, придунайские провинции и двинулись в Италию, откуда через несколько лет (в 412—413 гг.) перешли в южную Галлию. Сообщение Олимпиодора относится к позднему времени; следовательно, тот крупный набег готов на Фракию, о котором он говорит, был совершен не везеготами, а остроготами, которые были связаны с Балканским полуостровом и с Дунаем дольше, чем везеготы. В первые годы V в. остроготы были, вероятно, в области Карпат, так как их предводитель Торисмуд воевал с гепидами. После него (как рассказывает Иордан, подробно передающий историю этих веков и этих районов), в течение сорока лет остроготы не имели королей (*Get.*, §§ 250—251); этот период падает приблизительно на 405—445 гг., по хронологии, установленной Моммсеном в его издании произведений Иордана (*MGH, Auctores antiquissimi, t. V, pars I, стр. XXI*). Рассказ Олимпиодора о внезапном набеге готов, прорвавшихся во Фракию будто бы через несколько дней после кощунственного извлечения заговоренных статуй из земли, и относится ко времени „междоусобия“, наступившего у остроготов после смерти их короля Торисмуда, до возглавления их его

племянниками, тремя братьями — Валамиром, Тиудимиром и Видимиром (они участвовали в Каталаунской битве 451 г. на староне Аттилы; ср. Иордан, *Get.*, § 199). В эти годы (405—445) остроготы находились где-то на Дунае, совершая грабительские набеги на провинции южнее его, в том числе на Фракию, быть может — на весь диоцез Фракии, состоявший из провинций Скифии, Мезии Второй, Гемимонта, Фракии, Родопы, Европы.

Гунны, второе племя (фактически это был крупнейший союз племен, возглавляемый гуннами) из трех названных Олимпиодором, уже кочевал на Дунае в самом начале V в. Например в конце 400 г. на северном берегу Дуная находился гуннский предводитель Ульдин, так как известно, что он захватил в плен начальника готских отрядов Гайну, бежавшего из Константинополя (см. хроника Марцеллина комита под 400 г., сочинения Сократа, VI, 6 и Зосима, V, 22), убил его и послал его голову в дар императору Аркадию. В первые же годы V в. гунны совершали страшные нападения на земли империи, а в 415 г. произвели особенно губительный набег на Фракию и Иллирик. Ко времени рассказа Олимпиодора гунны — во всяком случае, их большая часть — подчинялись преемникам Ульдина, Октару и за ним — Руа; последний особенно известен успешным расширением подвластных, или плативших ему дань, территорий: первые фрагменты записок Приска говорят о давлении со стороны Руа (или Руаса) на Восточную империю, принужденную, в конце концов, удвоить выплачивавшуюся гуннам дань.

Что же касается сарматов — третьего племени, названного Олимпиодором в связи с нарушением неприкосновенности трех священных изваяний, то вероятно, что под ними автор разумел аланов, в ряде источников объединяемых с гуннами. Едва ли это были сарматы-языги, подробно описанные Аммианом Марцеллином (кн. 17, гл. 12) и обитавшие по Тиссе и Дунаю, в той его части, где он течет на юг после крутого поворота почти под прямым углом. Не только Олимпиодор называет наиболее резко и отчетливо воспринимавшиеся в Европе группы варварских племен — гуннов, готов, аланов. У Орозия, например, говорится о победе, одержанной Феодосием I „над величайшими скифскими племенами, а именно — над аланами, гуннами и готами“ (VII, 34, 5). То же у Марцеллина комита под 379 г.

¹⁴⁴ Указание на то, что Фракия (ἡ Θράκη) граничила с Иллириком, правильно, но требует пояснения. Иллирик в данном случае может означать только префектуру (а не диоцез) Иллирика, входившую в состав Восточной империи наряду с префектурой Востока. Фракия же означает либо диоцез Фракии (т. е. европейскую часть префектуры Востока), либо провинцию Фракию в этом самом одноименном с ней диоцезе. Границей между диоцезом Фракии и префектурой Иллирика была линия, идущая к югу от Дуная, вверх по его правому притоку Эску (Oescus, ныне река Искер), через Балканы, немного восточнее города Сердики (Serдика, ныне София), а затем вдоль по р. Несту (Nestus, ныне Места), впадающей в Эгейское море против острова Фасоса. Где-то во Фракии, т. е. восточнее вышеуказанной линии, были найдены три статуи, о которых рассказывает Олимпиодор. Если предположить, что собеседник его, Валерий, был правителем не всего диоцеза Фракии, а лишь одной из составлявших его провинций (именно — провинции Фракии с главным городом Филиппополем, ныне Пловдив), то место находки статуй уточняется: оно оказывается также восточнее названной линии, но не по всей ее длине, а лишь в пределах между Балканами и Родопой, где провинция Фракия соседит с Македонией и Дарданием (провинциями диоцезов Македонии и Дакии в префектуре Иллирика).

¹⁴⁵ Три „племени“ (τὰ ἔθνη) — готы, гунны, сарматы, которым соответствовали три статуи, обладавшие силой предотвращать их нападения, являются на самом деле (глазным образом готы и гунны) крупнейшими союзами племен, не однородных этнически. Более однородными были сарматы — аланы. Интересно отметить, что художник, высекавший рельефы для римского памятника-трофея около Адамклясси (ср. прим. 140, стр. 260), изобразил варваров как раз трех типов, которые отчетливо выделяются как по одежде, так и по „прическам“. К одной группе изображений следует отнести фигуры пленников в узких штанах до щиколоток и в рубахах до колен; эта одежда перетянута поясом или ремнем с пряжкой, имеет разрезы по бокам (для свободы движения ног) и широкий вырез на шее (для надевания через голову). Один из этих пленников — молодой, безбородый, с довольно длинными, спускающимися на уши, волосами; другие пленники этой же группы — бородатые и имеют круглую (войлочную?) шапку на голове (рис. 1, 2 и 5). Ко второй группе относятся фигуры также в штанах и в довольно длинных кафтанах, застегнутых у шеи, с распахивающимися спереди полами. Лица пленников этой группы бородатые, волосы у них падают спутанными прядями на лоб, на уши и шею (рис. 3). К последней группе принадлежат фигуры, одетые в длинные, не то спускающиеся, не то складчатые штаны, стяннутые на талии поясом. На плечах этих пленников отчетливо виден большой „воротник“, свисающий острым концом на грудь и на верхнюю часть живота. Воротник имеет несколько слоев или складок. Лица варваров этой группы

бородаты, волосы на голове приглажены набок и как будто стянуты в узел над правым ухом (Тацит в трактате о Германии, в главе 38, сообщает о подобной прическе, принятой у племени свебов: „они закладывают волосы набок и завязывают их узлом“, nodus). (Рис. 4 и 6). Едва ли можно говорить о каком-либо определенном приурочении трех типов варваров-пленников с рельефов на монументе Адамклесса, памятнике времени около рубежа нашей эры, к трем группам племен, названных в V в. Олимпиодором (готы, гунны, сарматы). Пожалуй, только прическа „швабским узлом“ указывает на германца. Кроме свидетельства Тацита, она подтверждается материалом раскопок: в болоте около Остерби (Osterby, северная Германия, Шлезвиг) найден отдельный, без скелета, мужской череп с сохранившимися волосами, заложёнными над правым виском в узел вроде восьмерки. Череп был завернут в шкуру. Погребение относится к рубежу н. в. (Amer. Journ. of Archaeology, vol. 55, № 4, Oct., 1951, стр. 377, табл. 46).

¹⁴⁶ Можно предположить, что Олимпиодор пересек Средиземное море, отправляясь из Александрии (родом он был из Фив в Египте, см. § 1) в Грецию. Впрочем, он настолько осведомлен в событиях, происходивших в Западной империи, что, быть может, он покинул Египет в молодости, а в дальнейшем жил в Италии и оттуда совершал „свое“ или „собственное“ (он говорит περὶ τοῦ αἰχέλου... διάπλου) плавание с намерением посетить Афины.

¹⁴⁷ Леонтий (Λεωντίος). Не был ли Леонтий, упоминаемый здесь в связи с занятием им кафедры философии в афинской школе, отцом знаменитой своей образованностью и литературным талантом Афинаиды, ставшей в 421 г. императрицей Евдокией, женой Феодосия II?

¹⁴⁸ Трибон (ὁ τρίβων) — плащ из грубой шерсти. В данном случае возможно, что трибон на плечах „школяра“ (σπουδαστικός) считался знаком принадлежности его к школе философов или софистов. Обычай, предоставлявший право ношения трибона как одеяния философа, вероятно записан Олимпиодором в результате собственных наблюдений.

¹⁴⁹ Акромиты (ὁ ἀκρωμίτης; от слова „ἡ ὠμία“ „плечо“, т. е. „носящий трибон на плече“) — лицо, занимающее начальственное, видное положение в школе. Так как Олимпиодор был продолжателем Евнапия (середина IV — начало V в.), то интересно отметить, что последний, сам бывший учеником афинской школы, писал о ней в своей „Истории“ и давал характеристики современных ему ораторов и преподавателей в „Жизнеописаниях ученых“. Такова, например, характеристика Либапия (314—393).

¹⁵⁰ „τὸς Γότθους Τρούλους καλοῦσι“. Прозвище „трулы“ произошло от слова „трула“ (ἡ τρούλα), что значит миска или чашка, употреблявшаяся как мера для зерна.

¹⁵¹ Миска зерна — τρούλα σίτου.

¹⁵² „ἐνός уρισίνου“.

¹⁵³ Ксест (ξέστης, лат. секстарий, sextarius) — римская мера сыпучих тел, применявшаяся затем и в средние века (франц. sétier). Обычной более крупной единицей измерения зерна был модий (modius), объемом равный примерно 8,8 литра; секстарий составлял $\frac{1}{16}$ модия, следовательно, секстарий = несколько более 0,5 литра.

Вообще же меры в столь позднюю эпоху были крайне неустойчивы, что наблюдалось и в средние века, когда одна и та же мера (длины, площади и др.) менялась в зависимости от места и времени.

¹⁵⁴ Вандалы вместе с аланами в стремительном движении из Паннонии на запад перешли Рейн в последний день 406 г. и рассеялись по Галлии, причем часть аланов отстала от тех племен, которые все еще в значительном количестве проникли через Пиренеи и в 409 г. уже были в Испании.

¹⁵⁵ Фотий неоднократно подчеркивает факты острых голодовок варварских племен и тяжелого голодания во время осад (§§ 4, 29, 30).

¹⁵⁶ Магистриан (ὁ μαγιστριανός). Так назывались сотрудники магистра служб или официев (magister officiorum); в этом их наименовании звучит только подчиненность их начальнику, но не содержание их обязанностей. Так же неопределенно их другое название — agentes in rebus, т. е. агенты по (разным) делам. Действительно, магистрианы, хотя и составлявшие некоторый объединявший их корпус (schola) служащих, отчасти военных, отчасти придворных, несли самые разнообразные функции и исполняли особые специальные поручения. Прежде всего они были посланцами своего начальства и в связи с этим разъезжали по провинциям. Они развозили императорские послания и приказы; им вменялось в обязанность следить за работой государственной почты; они посещали провинции и привозили в центр управления донесения об их экономическом и политическом состоянии, причем в эти донесения включались и секретные сведения о подозрительных лицах или группах лиц; некоторым магистрианам, как, например, Евплутию, о котором пишет Олимпиодор, поручались дела международного характера, вплоть до возглавления посольств по специальным вопро-

сам (в данном случае — по вопросу о возвращении в Италию Галлы Плацидии и об удовлетворении везеготов хлебом). В некоторых греческих источниках магистрианы называются „ἀγγελοφόροι“ ‘носители посланий’.

¹⁵⁷ Валия, король везеготов (415—419) назван у Олимпиодора словом „φύλαρχος“, а выше, в § 26, того же Валию автор определяет словом „ἡγεμών“.

¹⁵⁸ Галла Плацидия, ставшая женой Атаульфа (см. §§ 20, 21, 22, 24, 26), оставалась у везеготов как бы заложницей, так как еще муж ее, Атаульф, требовал у Гонория значительного количества хлеба и только при выполнении этого условия соглашался вернуть в Италию сестру императора (ср. § 20).

¹⁵⁹ В тексте не названа мера зерна, а сказано лишь „шестьсот тысяч хлеба“ или „зерна“ („ἑν ἑξακτῶν ἑξήκοντα“); подразумевается „кентинариев“, т. е. центнеров.

¹⁶⁰ Это сведение о склеивании книжных листов (речь идет, несомненно, о листах папируса) относится к ряду заметок Олимпиодора об Афинах, где он, судя по его рассказам (ср. § 28), принимал участие в школьной жизни города.

¹⁶¹ Для понятия „статуи“ Олимпиодор употребляет либо слово „ἄγαλμα“ (в § 15), либо слово „ἄνδριάς“ (в § 27); здесь же он говорит об изображении („εἰκών“), вероятно в виде статуи.

¹⁶² Оазис (ἡ Ὀασις). Олимпиодор рассказывает об известных крупных оазисах Ливийской пустыни, пересекавшихся всеми главнейшими караванными путями. По Олимпиодору было три оазиса, причем большой северный оазис, называвшийся древними авторами либо „Великим“ („Ὀασις μεγάλη“, Птолемаей, IV, 5, 15), либо „Первым“ („ἡ πρώτη Ὀασις“, Страбон, XVIII, 791, 813), он делит на „Внешний“ и „Внутренний“. Кроме того, он отмечает третий оазис, называя его „Малым“. Кроме указания на прекрасный климат оазисов и на обильные урожаи пшеницы, ячменя и фруктов, автор сообщает об изготовлявшихся там солнечных часах.

¹⁶³ Часы (ὄρολόγιον) — не водяные ли часы? Ср. Institutiones Кассиодора, I, 30, 5 (изд. R. A. В. Mynors, Oxford, 1937, стр. 77).

¹⁶⁴ Геродот (ум. ок. 425 г. до н. в.), как известно, много путешествовал; он побывал и в Египте вплоть до Элефантины, и в скифском Причерноморье, где посетил город Ольвию в устье Буга, и в ряде других мест, что и отразилось в его произведении, содержащем множество географических и этнологических сведений.

¹⁶⁵ Геродор (Ἡρόδορος) — писатель, о котором ничего определенного не установлено. Про одного Геродора известно, что он написал труд об Аргонаутах, про другого, что он вместе с Аппоном составил комментарий к Гомеру, про третьего (упоминаемого Фотием—Олимпиодором), что он автор „Истории Орфея и Мусея“. Может быть, что все три Геродора — одно лицо. Время его жизни не намечается даже приблизительно. С известным Геродором из Гераклеи Понтийской Геродор, называемый Олимпиодором, не связывается.

¹⁶⁶ Здесь едва ли можно видеть изложение сведений из Геродора. Повидимому, Фотий возвращается к своему пересказу мыслей Олимпиодора; следовательно, к Олимпиодору надо отнести „τεχνικροί“.

¹⁶⁷ См. прим. 191.

¹⁶⁸ Гомер упоминают здесь по ассоциации с Фиваидой. Родина Гомера неизвестна; ему приписывается — разными авторами — происхождение то из Смирны, то из Кум, то с острова Хиоса.

¹⁶⁹ Одиннадцатое консульство императора Гонория и второе — Констанция приходится на 417 г.

¹⁷⁰ День вступления в консульство („τῆς ὑπατείας ἡμέρα“) — 1 января 417 г.

¹⁷¹ Гонория, Justa Grata Honoriana, дочь Галлы Плацидии и Констанция, вошла в историю (у Приска, fr. 16; у Иордана, Get., §§ 223—224 и Rom., § 328) в связи с легендой, будто бы она, томясь в заточении по приказу брата, императора Валентиниана III, покаравшего ее за нарушение целомудрия, тайно послала обручальное кольцо Аттиле и тем самым побудила его направить поход на Италию, как бы для завоевания невесты и ее приданого.

¹⁷² Будущий император Западной империи Валентиниан III (425—455); он родился 2 июля 419 г. в Равенне и получил имя Плацидий Валентиниан (Placidus Valentinianus).

¹⁷³ О титуле „нобилиссима“ см. прим. 56.

¹⁷⁴ Олимпиодор отмечает (ниже, в этом же § 34), что Гонорий нехотя, почти против воли („δέχων, ἄκων“) признал Констанция своим соправителем. В этом сказались проявлявшийся уже при Стиликхоне страх перед могуществом армии, состоявшей в большей части из варваров. Хотя в Равенне и были удовлетворены, что Констанций, успешно воевавший с рядом узурпаторов и угрожавший везеготским королям, был „римлянином“, а не „варваром“, тем не менее он был главой варварской по составу армии и был окружен той варварской средой, которая не отошла и от его жены, Галлы Плацидии, вдовы везеготского короля Атаульфа. Повидимому, Гонорий

был принужден выдать за Констанция свою сестру, несмотря на нежелание последней (см. здесь же, в § 33), однако он противился, будучи бездетным, признать своим наследником сына Констанция, Валентиниана, и сделал это лишь под давлением со стороны Галлы Плацилии и ее варварского окружения.

¹⁷⁵ Между смертью Гонория (15 августа 423 г.) и провозглашением Валентиниана (23 октября 425 г.) престол Западной империи был занят узурпатором Иоанном.

¹⁷⁶ Валентиниан III был провозглашен императором в Риме 23 октября 425 г. См. § 46.

¹⁷⁷ О нежелании Гонория объявить Констанция своим соправителем см. прим. 174.

¹⁷⁸ Титул августы носили преимущественно императрицы; иногда и другие женщины — члены императорской семьи.

¹⁷⁹ Феодосий II, император Восточной империи (408—450), сын Аркадия (395—408), брата Гонория.

¹⁸⁰ О Констанции III см. §§ 15, 16, 20, 22, 23, 26, 34 и 39, а также прим. 109.

¹⁸¹ Преемником Валии (415—419) ошибочно назван Теодерих; Валии наследовал Теодорид I (419—451).

¹⁸² О морских плаваниях Олимпиодора, о которых пишется трижды (§§ 18, 28 и 36), см. прим. 90 и 146.

¹⁸³ „περι ἀστέρων τιμῶν“. Словом „ὁ ἀστὴρ“ обычно обозначали отдельную звезду („τὸ ἀστὴρ“, мн. ч. „τὰ ἀστῆρα“ — вообще ‘звезды’ или ‘звезды, составляющие целое созвездие’). Иногда „ὁ ἀστὴρ“ значит ‘метеор’, ‘падающая звезда’ или просто ‘огонь’, ‘пламя’. Об огнях на мачтах писал и Плиний в своем всеобъемлющем труде: „... и на мачтах, а также на других частях кораблей, садятся они с каким-то певучим звуком, меняя места, подобно птицам. [Эти звезды] опасны, когда они являются в одиночку, — тогда они топят корабли; если они упадут вниз, в трюм, то причиняют пожар; если же они появляются парно, то они благоприятны и предвещают удачный переход. Говорят, что их появление заставляет исчезнуть ту зловещую и грозную звезду, которую зовут «Еленой». Им дают имя Кастора и Поллукса; потому последних призывают как богов во время морских странствий. Иногда в вечерние часы наблюдается, как окружены сиянием человеческие головы, в знак великого предзнаменования. Все это не поддается уяснению и сокрыто в величии природы“ (Nat. hist., II, § 101). Огни на корабельных мачтах, появляющиеся в связи с грозой, привлекали, как известно, внимание М. В. Ломоносова. В „Слове о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих“ он писал о „шипящем свете, который из завостреватых металлов выходит“, и об „огнях Кастор и Поллукс называемых, которые на корабельных раяхх после грозы, по сказанию многих, с шипением являются“ (М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 3, 1952, стр. 57). В „Изъяснениях, надлежащих к Слову о электрических воздушных явлениях“ М. В. Ломоносов снова упомянул об этих огнях, которые моряками называются огнями св. Эльма, или св. Петра, или св. Николая; в объяснение этого явления М. В. Ломоносов добавил: „Завостреватых гвоздей на концах раях довольно сыскать можно, из которых шипящий электрический огонь... во время сильной грозы произойти может“ (там же, стр. 111).

¹⁸⁴ В этом месте Фотий совершенно не связал своих записей ни с предыдущим, ни с последующим текстом. Упоминания о звезде во время плавания и об ученом попуае остались отрывочными.

¹⁸⁵ О Фивах см. прим. 4. Пребывание в Фивах и в Сиене автор связывает с работой над „Историей“ („ἱστορίας βιβλῶν“).

¹⁸⁶ Сиена, или Соена (Σύνη) — древний город в южном Египте на правом берегу Нила близ первого его порога, крупная пристань на узле торговых путей, связывавших Нил с побережьем Красного моря. В окрестностях Соены находились знаменитые ломки прекрасного по качеству гранита; с городом были связаны и известные изумрудные копи (σμαράγδου μέταλλα), разработка которых составляла монополию империи. Олимпиодор передает название драгоценного камня словом „смарагад“, которое в дальнейшем через арабское слово „зумуррад“ превратилось в „изумруд“. О „Смарагдовой горе“ в Египте говорит Птолемей (IV, 5, 8); есть указание на египетские смарагды у Плиния (37, §§ 18—19). Изумрудные копи находились к востоку от Нила в горах Джебель Эсбара. Древней Соене соответствует нынешний Асуан.

¹⁸⁷ Талмис (Τάλμις) — город на левом берегу Нила, в Нубии. При Диоклетиане (ум. в 305 г.) из всей области Додекасини были выведены римские войска, и город остался во власти племени блеммиев, став центром их владений.

¹⁸⁸ Блеммий (Βλέμμυες) — кочевое племя в Нубии, преимущественно к востоку от Нила, владеющее со времени Диоклетиана областями южнее Соены (см. прим. 186) с пятью городами, перечисленными Олимпиодором: Талмис, Прима, Финикон, Хрис, Фапис. Блеммий была обычно враждебны населению южного Египта, но на примере Олимпиодора видно, что они вступали в дружеские связи с выдающимися людьми

соседнего — греко-египетского — мира и интересовались возможностью отразить сведения о своей стране в сочинениях писателей. О племени блеммиев неподалеку от нильских порогов упоминает Аммиан Марцеллин (кн. 14, 4, 3; кн. 22, 15, 24) и Прокопий (Bell. Pers., I, 19).

¹⁸⁸ Фиаы (Φῖλαι) — остров на Ниле близ южного предела Египта, входивший в V в. в состав владений племени блеммиев.

¹⁹⁰ Прима (Πρίμα) — как объясняет сам Олимпиодор, первый (лат. prima, подразумевается prima urbs или prima civitas) с юга египетский город в Верхнем Египте или Фиваиде (см. прим. 191).

¹⁹¹ Фиваида (Θήβαις) — южная часть Египта. В I в. н. э. Египет подразделялся на три части: Нижний Египет, или „Дельта“, Средний Египет, или „Геттаномида“, и Верхний Египет, или „Фиваида“ (по названию древней столицы Египта, Фивам).

¹⁹² Финикон (Φινίκων) — один из городов в Нубии, принадлежавший в V в. племени блеммиев.

¹⁹³ Хирис (Χίρις) — один из городов в Нубии, принадлежавших в V в. племени блеммиев.

¹⁹⁴ Фапис (Θύπις или Taphis) — город в Нубии, на левом берегу Нила, причисляемый Олимпиодором к владениям племени блеммиев.

¹⁹⁵ См. прим. 187.

¹⁹⁶ „σμαραγδῶν μέταλλα“ — см. прим. 186 о Сиене.

¹⁹⁷ Упоминание об императорском разрешении („βασιλικὴ πρόσταξις“), необходимым для посещения „смарагдовых копей“, указывает на монополию императоров в добыче изумрудов.

¹⁹⁸ Правление Гонория вместе с Констанцием III относится только к 421 г.

¹⁹⁹ Это сообщение Олимпиодора передано Фотием настолько неясно, что невозможно судить о том, каковы были действия названного „чуждодея“ („τέλειτος“ или „τελειτός“), обещавшего без помощи солдат одолеть варваров. Однако ясно, что именно своей проповедью, выражавшей враждебное отношение к варварскому элементу в армии и при дворе (среди придворных соправителя, т. е. Констанция и Галлы Плацидии), он возбудил неудовольствие „варварской“ партии в Равенне, будучи, очевидно, одним из глашатаев противоположной партии, „римской“. См. еще прим. 18, 128, 205, в которых затронут вопрос о двух борющихся друг с другом партиях или группах в Западной империи, главным образом в Равенне, вокруг императора:

²⁰⁰ Иллирийцем Констанций назван потому, что город Наисс (нын. Ниш), в котором он родился, находился в диоцезе Дакия, входившем, наряду с диоцезом Македонией, в состав префектуры Иллирика.

²⁰¹ Город Наисс (нын. Ниш) назван „дакийским“ потому, что он был центром провинции Дакия „Средиземной“ или „Внутренней“ (Dacia Mediterranea или Interior), которая вместе с Дакийей Прибрежной и другими провинциями входила в состав диоцеза Дакия.

²⁰² Феодосий I (379—395), отец Гонория, императора Западной империи; последнему Констанций служил с 410—411 г.; затем он стал его соправителем в 421 г. (см. прим. 109).

²⁰³ См. § 34.

²⁰⁴ После того как Констанций женился на Галле Плацидии (в 414 г., см. § 34), он начал всеми способами концентрировать в своих руках богатства, необходимые ему для того, чтобы, укрепляя свое влияние в армии, добиться трона. Повидимому, он стал обладателем больших поместий (например в § 15 упомянуто об „управляющем именьями Констанция и Плацидии“ в Сицилии), а также крупного недвижимого имущества (домов, дворцов) и значительных денежных сумм (например в § 23 упомянуто о передаче Констанцию всего состояния Гераклиана, убитого за покушение на власть; ниже, в § 39, говорится о насильственном отбирании денег Констанцием у ряда лиц, которые после его смерти пытались жаловаться Гонорию).

²⁰⁵ В этом месте Фотий, повидимому, суммировал мысли, разбросанные в разных частях произведения Олимпиодора, о взаимоотношениях между борющимися в Равенне сторонами, или „партиями“ (он определяет их словом „τὰ μέρη“ „части“): приверженцами Гонория и сторонниками Галлы Плацидии и Констанция. Первые держались „римской“ ориентации, т. е. сопротивлялись усилению влияния варварского элемента в армии, а через это и вообще в управлении государством. Эта партия в 408 г. добилась казни Стилихона. Вторые были связаны с варварами в армии и при дворе; Констанций опирался на войска, состоявшие в значительной мере из солдат, офицеров и даже высших командиров варварского происхождения, а Галла Плацидия имела среди приближенных (δερξίλους) многочисленных соратников своего первого мужа, везеготского короля Атаульфа. Западная империя, накануне падения, судорожно сопротивлялась варварскому миру, который расшатывал ее и неудержимо

толкал к гибели. В Равенне, как рассказывает Олимпиодор, вспыхивали волнения, раздоры („στάσεις“), „сопровождавшиеся побойшем обеих сторон“ („πλήυς δὲ . . . ἔξ ἑατέρου μέρους“). Тут же кратко поясняется, почему возникали эти волнения: потому что Галлу Пладидию „окружало множество варваров, что получилось из-за ее союза с Атаульфом и брака с Констанцием“. Интересно, что в отношении варвара Атаульфа автор употребил слово „συνάφεια“ — союз или, в его разумении, сожительство; в отношении римлянина Констанция он говорит о браке, супружестве, „σύζυγία“. Обоими браками Олимпиодор объясняет причину, благодаря которой около Галлы Пладиции группировались варвары. Они были связаны с ней, как с бывшей королевой везеготов и как с женой полководца, повелевавшего армией империи, а эта армия, как известно, была укомплектована в наиболее ответственных частях солдатами и офицерами из варваров.

²⁰⁶ Βυζάντιον. Автор употребил не умершее еще в его дни старое название города, на месте которого с 30-х годов IV в. начала расти новая столица Восточной Римской империи, Константинополь. Это последнее название употреблено автором также в §§ 23 и 46. Когда Галла Пладиция, вследствие не разрешившегося конфликта между „римской“ партией, группировавшейся вокруг Гонория, и партией „варварской“, центром которой была она сама (а до 421 г. и ее муж, Констанций III), принуждена была покинуть Равенну, то путь ее лежал в Рим, откуда она на корабле отправилась к племяннику своему, императору Феодосию II, в Константинополь, увозя с собой и обоих детей — дочь Гонорию и сына Валентиниана, вероятного наследника престола Западной империи.

²⁰⁷ Бонифаций — римский военачальник; упоминается Олимпиодором (§ 21) в связи с тем, что в 413 г. отразил нападение везеготов на город Массилию и ранил при этом их короля, Атаульфа, державшего в плену Галлу Пладицию. Не имел ли Бонифаций в виду освободить сестру императора? В дальнейшем он всегда был ей верен, стоял на ее стороне во время ее изгнания из Равенны в Константинополь и, в конце жизни, по желанию Пладиции боролся с негодным ей Аэцием, в битве с которым и был смертельно ранен. Деятельность Бонифация связана с Африкой, где он отражал набеги местных племен на владения империи, еще будучи молодым военным в невысоком чине трибуна. Став комитом (comes), он уклонился от борьбы с вандалами в Испании и ушел в Африку раньше их прихода туда. В Африке Бонифаций возглавил отряды местных федератов империи, создал себе полусамостоятельное положение и приобрел популярность среди населения (это подтверждается § 42 Олимпиодора). Все это вызвало беспокойство в Риме, и когда Бонифаций не явился в Италию по приказу Валентиниана III (вернее — Галлы Пладиции, правившей за малолетнего сына), то против него были посланы войска. Это обстоятельство будто бы вызвало со стороны Бонифация изменнический в отношении империи шаг: в 429 г. он призвал в Африку вандалов с их королем Гизерихом. Иордан писал об этом, якобы решающем, моменте, который определил движение вандалов через Гибралтар: „Провинция Африка была передана вандалам Бонифацием комитом и отошла из-под владычества империи по той причине, что Бонифаций, попав в немилость у Валентиниана, решил отомстить путем нанесения вреда государству и пригласил из Испании Гизериха, короля вандалов. Таким образом, он родил коварство, которое давно таил в себе“ (Rom., §§ 330—331). Однако союза с вандалами Бонифаций не заключил (да и призывал ли он их в свою провинцию? Движение варваров на африканское побережье намечалось до вандалов дважды: на Сицилию и в Африку собирался переплыть Аларих (ум. в 410 г.), в Африку же имел намерение переправиться и Валия (415—419) — первый из Италии, второй из Испании. И тот, и другой стремились поселить следовавшие за ними отряды варваров в стране, богатой хлебом). Наоборот, он вступил с ними в жестокую борьбу и вынес крайне тяжелую осаду в укреплениях города Гиппона (Hippo regius, ныне Бон на тунисском побережье) в 430—431 г. В следующем году Бонифаций умер от раны, полученной в сражении под городом Арминном (нын. Римини, на западном берегу Адриатического моря), когда, вернувшись по призыву Галлы Пладиции в Италию и получив высокое звание магистра армии, вступил в борьбу с Аэцием, своим давним соперником (см. об отношениях между Бонифацием и Аэцием у Прокопия, Bell. Vand., I, 3).

²⁰⁸ Обычно считается, что Гонорий умер 15 августа 423 г. (так у авторов V в. — Сократа и Филострия, у Феофана, IX в. и у Зонары, XII в.). Но это число, по римскому счету, соответствует 18 сентябрьским календам. Дата же, указавшая Олимпиодором — 6 сентябрьские календы — соответствует 27 августа.

²⁰⁹ Хотя положение Иоанна, получившего власть в декабре 423 г., в отсутствие единственного прямого наследника, внука Феодосия I, малолетнего Валентиниана, и было шатким — это выразилось в высказанном тогда же „пророчестве“: „Падает, не стоит!“ — однако он был поддержан „толпой“, которая, надо полагать, состояла из противников „варварской“ партии Галлы Пладиции и желала, чтобы ее избранник

„стоял“, а не „падал“. Иоани занимал почти эфемерный престол Западной империи в течение двух лет (423—425). По отзыву Прокопия (Bell. Vand., I, 3, §§ 5—9), это был спокойный, разумный, справедливый человек, хотя он и являлся узурпатором, „тираном“ (см. прим. 227).

²¹⁰ См. прим. 207 и 238.

²¹¹ Здесь, несомненно, отражены впечатления и наблюдения человека, побывавшего в Риме. Хорошая осведомленность автора о событиях, связанных с Западной империей, с Гонорием и особенно с Констанцием III дает возможность предположить, что Олимпиодор посетил Италию, осмотрел Рим, дворцы богачей, выдающиеся публичные здания, оборонительные сооружения (крупнейшие общественные бани, мощную крепостную стену). Пребывание Олимпиодора в Италии следует отнести к годам деятельности Констанция, который трижды получал почетное звание консула (в 414, 417 и 420 гг) и в 421 г. стал императором—соправителем Гонория. Констанций умер 2 сентября 421 г.

²¹² Под „большими домами“ (οἱ μεγάλοι οἶκοι), каждый из которых напоминает ему „средних размеров город“ (πλὴς πόλις), автор разумеет роскошные жилища богачей, окруженные собственными храмами, внутренними ипподромами, термами и всевозможными водопроводными затеями — фонтанами, бассейнами и т. п. В дальнейшем (§ 44) Олимпиодор сообщает, какое количество денег поглощает подобный дворец. Кварталам, занятым огромными постройками сенаторов и высших магистратов, представителем римской аристократии, противопоставлены кварталы, населенные трудящимся людом, „народом“ (ср. в § 25: „часть города, предоставленная народу“ — „τὸ ὑπερῷον μέρος τῆς πόλεως“).

²¹³ Общественные бани в Риме были знамениты. Крупнейшие из них — Антониновы (οἱ Ἀντωνίαναι — подразумевается *Thermae Antoninianae*, *thermae Antoninianae*), Диоклетиановы (οἱ Διοκλητιανίαναι, *thermae Diocletianae*) и Константиановы (*thermae Constantinianae*). Олимпиодор упоминает о первых двух. Антониновы термы, или термы Каракаалы, монументальные развалины которых (кирпичные стены) стоят до наших дней, были сооружены императором Марком Аврелием Севером Антонием (211—217), носившим общеизвестное прозвище Каракаалы. Диоклетиановы термы остались в Риме памятником правления императора Диоклетиана (284—305), будучи построены им в начале IV в. Эти бани являются самым грандиозным сооружением подобного рода; они располагались на площади, равной 130 тыс. кв. м, их бассейн занимал 3600 кв. м, а тепидарий — огромный средний зал — был настолько велик, что много веков позднее Микель Анджело поместил в него целое здание церкви „св. Марии с ангелами“. Императоры возводили эти огромные сооружения как памятники себе, не жалея средств на их постройку, украшая их ценными материалами — мрамором, порфиром, яшмой — и произведениями искусства — мозаиками, рельефами, вазами, статуями. Олимпиодор видел — это ясно из его слов, даже в передаче Фотия — эти продолжавшие и в его время действовать излюбленные учреждения античности. Для большей наглядности, чтобы подчеркнуть их колоссальные размеры, он приводит (едва ли преувеличенные) цифры относительно количества сидений для посетителей бань: в Антониновых термах он насчитывает 1600 мраморных сидалищ (*καθέδρα*) из гладкого мрамора, в Диоклетиановых — еще больше.

²¹⁴ Гометр Аммон известен только по сообщению Олимпиодора. Есть мнение, что Аммон мог произвести измерение длины римских оборонительных стен в 403 г., когда они, судя по сохранившимся надписям (CIL, VI, 1188—1190), были подвергнуты тщательному ремонту именно ввиду возможности нападения готов. Олимпиодор мог с основанием считать 403 г. временем, предшествующим первому нападению Алариха на Рим (в 408 г.).

²¹⁵ Первым нападением или набегом („ἐπιδρομή“) готов на Рим была первая осада города Аларихом в 408 г., за которой последовала в следующем году вторая. В августе 410 г. Аларих ворвался в Рим.

²¹⁶ Речь идет об окружавшей Рим мощной оборонительной стене, сооруженной при императоре Аврелиане (270—275) и в начале правления императора Проба (276—282). При Гонории, когда Рим ждал грозной осады массами варваров, следовавших за Аларихом, Аврелиановы стены были восстановлены во всех частях и снова могли противостоять врагу. Об этих обновленных стенах Рима и говорит Олимпиодор, вероятно видевший внушительный укрепленный пояс с его 380 башнями и 14 городскими воротами, от которых разбегались во все части Италии знаменитые римские дороги (Аппиева, Фламиниева, Тибуртинская, Остийская и др.). Охват римских стен — 21 римская миля, что равно примерно 31 км, — Олимпиодором преувеличен. Длина этих стен равна 18 837,5 м; значительные их части сохранились до наших дней.

²¹⁷ Подобно § 43 и здесь речь идет о домах богачей, связанных с пригородными поместьями, которые названы словом „κτήματα“ — владения (землевладения). Столичный дом сенатора или видного магистрата существовал на деньги и продукты, которые

доставлялись ему из имений, где рабы и колоны обрабатывали поля (в тексте назван хлеб, т. е. пшеница) и виноградники (названо вино), возделывали огороды и разводили домашний скот и птицу (названы прочие продукты).

²¹⁸ О кентинариях см. прим. 32. Автор сообщает о годовом доходе, притекавшем в дома римской знати с ее поместий и, вероятно, поглощавшемся в значительной мере содержанием роскошного жилища богача. Быть может, эти данные следует связать с данными о крупных расходах представителей этой знати (сенаторских фамилий) на различные поручаемые ей магистратуры, в частности на претуру, которая обеспечивала огромными суммами столичные увеселения в цирках и на ипподромах.

²¹⁹ Претура — одна из древнейших римских магистратур. При республике должность преторов была связана с судебными функциями; при императорах круг их обязанностей сузился и с эпохой позднеримской империи выражался лишь в несении повинности по устройству увеселений, так называемых игр, *ludi*, для населения Рима и Константинополя. Республика отпускала на столичные игры большие суммы из казны государства; когда их стало недостаточно, то магистраты, ища симпатий народа, стали вносить суммы из личных средств и, наконец, в поздней империи расходы на игры в столицах превратились в обязанность той категории магистратов, которые назывались преторами. Видные сенаторские семьи, с одной стороны, истощали свои состояния, устраивая игры, а с другой — щедро платили друг перед другом размерами истраченных на игры средств. В отрывке, выписанном Фотием, Олимпиодор перечисляет несколько претур, доставшихся сыновьям из сенаторских семейств разного достатка, указывает величину истраченных ими сумм и замечает, что праздника, поглощавшие эти деньги, длились в течение семи дней.

²²⁰ Иоанин (узурпатор) занимал престол Западной империи в 423—425 гг., после смерти Гонория и до воцарения Валентиниана III.

²²¹ О кентинариях см. прим. 32.

²²² Логограф (*λογογράφος*) — чиновник финансового ведомства. Едва ли в данном случае логограф означает «оратор», «составитель речей», хотя лицо, названное логографом, было сенатором (*συγκλητικός*).

²²³ Имеется в виду взятие Рима Аларихом 24 августа 410 г.

²²⁴ Это замечание принадлежит составителю выписок, т. е. Фотию, который при упоминании об Одиссее сообщает, что в затронутом вопросе точка зрения Олимпиодора сходится с мнением других авторов, в иных вопросах расходящихся с ним. Известно, что Фотий обладал чрезвычайной начитанностью.

²²⁵ Феодосий II (408—450), император Восточной империи, сын Аркадия (395—408) и, следовательно, племянник Галлы П्लाцидии, принял последнюю в Константинополе после того, как она с детьми (Гонорией и Валентинианом) была принуждена покинуть двор своего брата Гонория в Равенне. О причине отъезда П्लाцидии в Константинополь см. прим. 205, 206.

²²⁶ Галла П्लाцидия, принятая в Константинополе племянником своим, Феодосием II, пробыла там около двух лет (423—425). Хотя Гонорий умер через несколько недель после ее отъезда из Равенны (император Гонорий умер в августе 423 г.), но она вернулась в Италию лишь после того, как войска Ардавурия и Аспара и отряды Кандидиана овладели Равенной и взяли в плен узурпатора Иоанна.

²²⁷ Иоанин был канцлером («примикрием», или «примидерием», нотариев, т. е. главной императорской канцелярии) равеннского двора. При помощи войск и «толпы» («τὸ πλῆθος», см. § 41 и прим. 209) он был провозглашен императором непосредственно после смерти Гонория и в отсутствие единственного законного наследника — Валентиниана, малолетнего сына Галлы П्लाцидии. Войско, преданное Иоанну, возглавляя Авдий, который хорошо знал гуннов, так как в отрочестве был у них заложником и сохранил дружеские связи с их начальниками. Авдий ездил в Паннонию к гуннам просить их помочь в борьбе против сторонников Галлы П्लाцидии и Валентиниана.

²²⁸ Титул «августы» Галла П्लाцидия получила тогда, когда муж ее, полководец Констанций, стал соправителем ее брата, императора Гонория (в 421 г.). «Августами» величались (со времени императора Домициана без исключения) супруги императоров и иногда другие представительницы императорской семьи (сестры, матери). Повидимому, титул «августы» был снят с Галлы П्लाцидии в результате ее ссоры с братом и вынужденного отъезда из Италии в Константинополь. Возобновлением этого титула Феодосий II хотел подчеркнуть, что он посылает Галлу П्लाцидию в Западную империю, как вдовствующую императрицу, мать наследника престола, противопоставляемого узурпатору Иоанну, одним словом, как представительницу династии.

²²⁹ Валентиниан, сын Галлы П्लाцидии и Констанция III, имевший в 425 г., когда он был провозглашен императором, около семи лет от роду.

²³⁰ См. прим. 56.

²³¹ Магистр обеих милиций (*magister utriusque militiae*, *στρατοπεδάρχης ἐκστέρας δυνάμεως*) — высший военный чин поздней империи. О нем см. прим. 62.

²³² Ардавурий, магистр обеих милиций при императоре Феодосии II, был первым упоминаемым в источниках (впервые под 421 г.) представителем могущественного варварского (аланского или готского) рода Аспаров-Ардавуриев, который в течение ряда десятилетий (до 471 г.) пользовался почти неограниченным влиянием в Восточной империи. Особенно был знаменит Аспар, сын Ардавурия старшего (которого называет здесь Олимпиодор). Непререкаемый повелитель императорской армии, преимущественно варварской по составу, влиятельный среди федератов и их вождей (каким был, например, Теодерих, сын Триария), Аспар проявлял власть как в делах внутренней и внешней политики государства, так и в вопросах замещения трона: императоры Маркиан и Лев I были провозглашены по выбору Аспара и при поддержке армии, в те годы всецело повиновавшейся ему. Оба эти императора, первый, венчанный на царство в августе 450 г., и второй — 7 февраля 457 г., исполняли, каждый в течение ряда лет, должность domestikov при Аспаре, т. е. командовали ближайшими к нему полками, так называемой „*sikéia*“. Таким образом, в эти именно годы, падающие на конец царствования Феодосия II и простирающиеся почти до конца царствования Льва I (ум. в 474 г., Аспар пал в 471 г.) осуществлялась громадная власть и влияние Аспара в жизни Восточной империи. Сам он не занял императорского престола будто бы лишь по той причине, что был убежденным арианцем (таково объяснение Зонары, историка XII в.), но сын его Ардавурий (младший) получил по требованию отца сан кесаря, что свидетельствовало о намерении сделать его в дальнейшем августом. Все три названные лица были назначаемы консулами: Ардавурий старший в 427 г., Аспар в 434 г., Ардавурий младший в 447 г. После падения (в 471 г.) Аспара и его сыновей пало и достигшее небывалого значения влияние варварского элемента — главным образом через войска, их командиров и их высших начальников, магистров армии, — на судьбы империи. Олимпиодор упоминает о ранних выступлениях в серьезных военно-политических предприяттиях Ардавурия-отца и Аспара-сына, которым Феодосий II поручил в 423—425 гг. навести порядок в делах Западной империи: одолеть узурпатора и водворить на троне внука Феодосия Великого, Валентиниана. Поход был направлен к далматинскому побережью Адриатического моря; в Салоне пехота Ардавурия и действовавшего вместе с ним Кандидиана погрузилась на корабли, которые двинулись к Аквилейе; а конница Аспара из Салонь пошла по берегу туда же. Параллельно с этим в Фессалонике произошло торжественное облачение Валентиниана в одежды кесаря, т. е. он был официально объявлен наследником престола. Корабли с войсками Ардавурия из-за неблагоприятного ветра не дошли до цели и были захвачены отрядами узурпатора Иоанна. Плениение Ардавурия не ослабило, однако, наступавших сил: Кандидиан взял Аквилейю, Аспар вошел в Равенну и захватил Иоанна, который и был вскоре (в мае—июне 425 г.) казнен в Аквилейе, куда прибыла Галла Плацидия с сыном. Через короткое время, по взятии Рима, Валентиниан был провозглашен там императором. Церемонию облачения мальчика в императорский пурпур провел, выступая как представитель императора Феодосия II, магистр оффиций Гелион.

²³³ Кандидиан — полководец в войсках Западной империи, долго воевавший в Галлии. Его имя сохранилось в названии какого-то важного в стратегическом отношении моста на подступах к Равенне. У Иордана, в рассказе о движении Алариха в Италию, говорится, что он подошел к „мосту Кандидиана“, стоящему от Равенны на третьей миле (Get., §§ 147—148). Тот же мост упомянут Кассиодором в его хронике под 491 г., где повествуется о победе Теодериха над вышедшим навстречу ему из Равенны Одоакром, причем сражение произошло „у Кандидианова моста“ (ad portem Candidiani).

²³⁴ Фессалоника, славянская Соловь, ныне Салоники, была одним из крупнейших городов Восточной империи после Константинополя.

²³⁵ См. прим. 38.

²³⁶ О титуле кесаря см. прим. 55. Валентиниан был объявлен кесарем 23 октября 424 г.

²³⁷ См. прим. 61.

²³⁸ Валентиниан III был провозглашен императором 23 октября 425 г. Он был убит 16 марта 455 г. Его мать, Галла Плацидия, умерла 27 ноября 450 г. в Риме.

Как известно, в Равенне существует так называемый „мавзолей Галлы Плацидии“, один из наиболее замечательных памятников города. По преданию, эта небольшая крестообразная в плане капелла является усыпальницей Галлы Плацидии, ее супруга Констанция III и ее сына Валентиниана III. Однако ни на стенах здания, покрытых мозаиками, ни на массивных мраморных саркофагах нет ни надписей, ни изображений, которые свидетельствовали бы о погребенных лицах. Источники не донесли до нас даже известия, что прах Галлы Плацидии был перенесен в Равенну из Рима, где она скончалась, судя по записям Проспера, Прокопия и др. Естественно предположить, что на диптихе (33 × 16 см) из слоновой кости, хранящемся в ризнице собора

в Монце (северная Италия), изображена Галла Плацидия, сыгравшая столь заметную роль в событиях первой половины V в. Для этого времени не было более значительного и известного женского образа. Высокая техника исполнения, благородный стиль фигур и ряд других признаков определяют эту художественную резьбу как произведение константинопольских мастеров времени не позднее половины V в. (см. издания: J. Labarte. Histoire des arts industriels au Moyen âge et à l'époque de la renaissance. Album I, Paris, 1864, табл. II; R. Delbrück. Die Consulardiptychen. Berlin—Leipzig, 1927, табл. 63).

На одной из створок диптиха представлена женщина в рост, в длинной тунике (tunica talaris), стянутой поясом с пряжкой, и в мягком плаще, спускающемся с левого плеча, обернутом вокруг стана и перекинутом через левую руку. Этой рукой женщина сжимает конец плаща, а в правой держит двумя пальцами цветок. Шею ее украшает ожерелье из двух рядов крупных жемчугов (?), в ушах — серьги в виде подвесок из таких же жемчужин. Голова увенчана своеобразной прической: волосы уложены массивным валиком над лбом; за валиком — пышно, как шапка, лежащие волосы. Замечательно лицо женщины: круглое, с огромными, широко открытыми глазами, прямым удлинненным носом, маленьким изящным ртом. Рядом с ней, под ее правой поднятой рукой, стоит мальчик с пухлым детским лицом и спадающими на лоб волосами; глаза его малы и прищурены. Он одет в короткую тунику и в тогу, скрепленную на правом плече особой фибулой, торчащей вверх. Правой руке мальчика придан жест благословения, левой рукой он поддерживает закрытый диптих. На соответственной второй створке диптиха дано изображение бородастого мужчины зрелых лет с подстриженными над ушами и на лбу волосами; он облачен в тунику до колен и в плащ, скрепленный на правом плече фибулой, торчащей вверх; к поясу прикреплен короткий меч у левого бедра. Поднятой правой рукой он поддерживает стоящее копье, левую положил на щит; поверхность щита покрыта чешуйчатыми выпуклостями, между которыми помещен медальон с двумя бюстами (два императора — западный и восточный). Понятно, что относительно изображений на диптихе есть разногласия. Последний издатель его Р. Дельбрюк (Die Consulardiptychen. Berlin—Leipzig, 1927, табл. 63) датирует диптих почему-то вполне точно — 395 г. (в этом году консулами были Аниций Гермогениан Олибрий и Аниций Пробин) и считает, что мужская фигура изображает Стилихона. Следовательно, женщина — жена Стилихона Серена, а мальчик — их сын Евхерий, которого отец прочил на императорский престол. Если все это верно, то, пожалуй, лучше бы остановиться на 400-м или же на 405 г., так как в оба эти года Флавий Стилихон был консулом. Однако изображенный на диптихе полководец не облачен в консульские одежды и не имеет в руках диптиха, который находится в руках у мальчика. Поэтому не лишено основания предположение о том, что мальчик-консул скорее всего малолетний Валентиниан (род. в 419 г.), который имел консулат в 425 г., будучи еще наследником, „цезарем“, и в 426 г., будучи уже императором, „августом“. Если в мальчке видеть Валентиниана, то стоящую рядом с ним женщину нельзя не признать Галлой Плацидией. Труднее решить вопрос о мужской фигуре. В годы детства Валентиниана, точнее — в годы его воцарения, сопряженного с разными трудностями, как то описал Олимпиодор и другие историки, около Галлы Плацидии стояло несколько могущественных и влиятельных военачальников. Прежде всего надо назвать Бонифация, давнего ее сторонника, всемогущего в Африке, но не получившего к этому времени высшего военного чина магистра армии и имевшего злейшего врага в лице полководца Аэция. Стояли около Галлы и Ардавурий, посланный Феодосием II вернуть тетку и двоюродного брата в их царственное положение в Западной империи в 425 г., и влиятельный Кандидиан, весьма видное лицо в Равенне. Отличались на полях сражений, защищая империю в борьбе с варварами на Дунае и в Галлии и Кастин, и Феликс, и, конечно, наиболее выдающийся из магистров армии тех времен — Аэций. Кто-то из них — любимец ли Галлы Бонифаций, ненавистный ли ей Аэций, или другой полководец, явившийся в тот момент опорой империи в глазах могущественной женщины (или в глазах Феодосия II, поддерживавшего свою династию на Западе), изображен на створке диптиха из Монцы. Пока это остается неясным. — Быть может, портретом Галлы Плацидии допустимо считать то профильное изображение женской головки в уборе императрицы с диадемой на высокой прическе, которое украшает золотой медальон-подвеску. По кругу надписи: D[omi]na N[ost]ra Galla Placidia P[ro]f[er]at F[el]ix Aug[usta]. Медальон хранится в Париже, в Кабинете медалей. Неясные очертания головы Галлы Плацидии имеются на монетах (R. Delbrück. Spätantike Kaiserporträts, табл. 25).

239 „ἐν οἷς καὶ τὰ τῆς ἱστορίας“. Этими словами Фотий отметил конец сочинения Олимпиодора и завершение своих выписок из его труда. Несмотря на все оговорки (см. § 1), Фотий называет его „Историей“, проникшись, быть может, к концу своей работы, почтением к автору, который с большим, повидному, старанием и точностью осветил предмет своих наблюдений — события с 407 по 425 гг.

I. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Адаульф**, см. Атаульф (общепринятая форма имени в русской транскрипции).
Аларих 3, 5, 6, 10, 13, 15
Алових 13, 14
Альбин 25
Аммон геометр 43
Антонин (Антонинны термы) 43
Ардавурий 46
Аркадий 1, 2
Асклепий 15
Аспар 46
Атаульф 10, 17, 19—22, 24, 26, 40
Аттал 3, 13, 17, 24

Беллерид 17
Бонифаций 21, 40, 42

Валент 13
Валентиниан III 1, 34, 46
Валерий 27
Валия 26, 31, 35
Вульфила 16

Гелион 46
Гераклиан 23
Геродор 33
Геродот 33
Геронтий 16
Гоар 17
Гомер 33
Гонорий 1—3, 7, 12—14, 16, 17, 19, 23, 31, 34, 38—41
Гонория 34
Грациан 12
Гунтиарий 17

Дардан 19
Диоклетиан (Диоклетиановы термы) § 43
Донат 18
Дувий 26

Евгений 19
Евплутий 31
Евсевий 13, 14
Евхерий 6
Елпидия 40

Игений 24
Иоани 34, 41, 44, 46
Иовиан 13
Иовин 17, 19

Кандидиан 24, 46
Констант 23

Констант, сын Константина III 12, 16
Константин III 12, 14, 16, 19
Констанций III 1, 8, 15, 16, 20, 22, 23, 26, 27, 34, 38—40

Леонтий куратор 40
Леонтий философ 28
Ливаний 38

Максим 44
Максим (Магн Максим) 19
Максим, сын Геронтия 16
Марк 12
Мусей 33

Необигаст 12

Одиссей 45
Олимпий 2, 8, 44
Орфей 33

Плацидия (Плакидия) 1, 3, 8, 15, 20—22, 24, 26, 31, 34, 38—40, 46
Потамий 13
Проб 44

Радагайс (Родогайс) 9
Рустикий 24

Сар 17
Себастиан 19
Серена 2, 6
Сигесар 26
Сяммах 44
Сингерих 26
Спадуса 40
Стилихон 2, 3, 5, 6, 8, 9

Теодерих 35

Феодосий I 2, 3, 19, 39
Феодосий II 1, 34, 46
Феодосий, сын Атаульфа и Плацидии 26
Ферманция (Германция) 2
Фивадий 24
Филтатий 32

Харатон 18

Юлиан, сын Константина III 12, 16, 19
Юлиан, примицерий (примикирий) нотари-ев 13
Юстин 12

II. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Азия** 38
Альпы 12
Арелата, город 16
Афины, город 28, 32
Африка 40, 42

Барселлона, город 26
Бонония, город 12
Бригантия 12
Бруттии 15

Византий, город 40

¹ Цифры в указателях I, II, III, и IV соответствуют параграфам „Истории“; в указателе V — прямые цифры соответствуют параграфам, курсивные — примечаниям.

Галатия 12
 Галлия 12
 Германия Вторая 17

Египет 37

Иллирик 3, 27
 Испания 30
 Италия 12, 45

Константинополь, город 23, 46

Массалия, город 21
 Муидиах, город 17

Навсс, город 39
 Нарбонна, город 24

Оазис 33
 Океан 45

Прима, город 37

Равенна, город 13, 14, 16, 19, 23, 38—
 40, 46

Регий, город 15
 Рим, город 4, 6, 24, 25, 43, 44, 46

Сиена (или Соена), город 37
 Сицилия 15, 45

Талмис (Талмид), город 37

Фапис (Фапид), город 37
 Феакида 33

Фессалоника, город 46
 Феваида 33, 37

Фивы, город 1, 37
 Филы, город 37

Финикон, город 37
 Фракия 27

Хирис (Хирид), город 37

Этна 15

III. УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

Алан 16 (алан, раб Геронтия), 17 (Гоар алан, предводитель группы аланов, оставшихся в Галлии)

Блеммий 37
 Бургундионы 17

Вандалы 29, 30

Готы (только так, без употребления названий остготовов и везеготов) — 3, 7, 9, 24—27 (племя готов, ὁ τῶν Γοτθῶν ἔθνος), 29, 31, 43

Гунны 18, 27

Иллириец 39 (Ἰλλυριός ο Конгандия III
 Сарматы 27

IV. УКАЗАТЕЛЬ ТЕРМИНОВ

Августа 34, 46
 Автократор 12
 Акромиты 28

Букеллари 7, 11

Дезигнированный (консул) 23
 Доместик 16, 17

Календы 41
 Квестор 13
 Кентинарий 5, 23, 31, 44
 Кесарь, см. цезарь
 Консул 12, 23
 Консулат, консульство 1, 34
 Ксест 29

Локоть, мера длины 33

Магистр обеих милиций 13, 46; ср. стра-
 тиг

Магистр оффиций, или служб 8, 46
 Магистриан 31

Милиция, слово в составе военного чина
 магистра или начальника обеих мили-
 ций 13, 46

Мим 23

Нобилиссим 12, 34, 46
 Нотарий 13

Оптиматы 9

Патриций (патрикий) 13, 46
 Препозит 14
 Претор 44
 Претура 44
 Примичерий (примикирий) нотариев 13

Сенатор 44
 Стратиг 12, 13, 16; ср. магистр

Трибон 28

Федераты 7, 42

Хланида 24

Цезарь (кесарь) 12, 16, 46

Эпарх, префект города 3, 13, 19, 25
 Эпиталамий 24

¹ При этом же указателе отметим: а) „варвары“ в противоположении „римлянам“ — §§ 16, 21 (ὁ βαρβαρος — Атаульф), 24, 27, 38, 40, 42; б) „римляне“ (ромей) в противоположении „варварам“ — §§ 24, 26; в) „трулы“ (прозвище готов) — § 29.

V. УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

- Аммиан Марцеллин** — Ammianus Marcellinus (писал в конце IV в., сохранившиеся книги 14—31 охватывают 353—378 гг.). *Rerum gestarum libri qui supersunt*. — Изд.: V. Gardthausen, I—II, Leipzig, 1874—1875. — Русский перевод: Ю. А. Кулаковский, вып. 1, 2, 3, Киев, 1906, 1907, 1908. — Латышев,¹ II, стр. 323—345. — 143, 188.
- Геродор**. Сочинения не сохранились. — 33, 165.
- Геродот**. История, в 9 книгах, написана в середине V в. до н. э. — Изд.: Н. Stein, I—II, Berlin, 1869—1871, и мн. др. — Русский перевод: Ф. Г. Мащенко, I—II, М., 1885; 2-е изд., 1888. — Латышев, I, стр. 4—57. — 33, 164.
- Гомер**. Изд.: D. V. Monro and T. W. Allen, Oxford, 1931 и мн. др. — 33, 168.
- Григорий Турский** — Gregorius Turonensis (ум. в 594 г.). *Historia Francorum*, 10 книг (доведены до 591 г.). — Изд.: W. Arndt. MGH, *Scriptores rerum Merovingicarum*, I, 1885, стр. 31—450; Н. Omont et G. Collon, Paris, 1913. — 35.
- Диодор Сицилийский** — Διόδωρος (I в. до н. э.). *Bibliotheca*, Βιβλιοθήκη, 40 книг (сохранились I—5 и 11—20 и части других книг в выборках, например, Фотия). — Изд.: F. Vogel, I—III, Leipzig, 1888—1893; L. Dindorf, Leipzig, 1866—1868. — Латышев, I, стр. 457—479. — 140.
- Евнаний** — Εὐνάντιος (писал в начале V в.). *Χρονική ιστορία* (доведена до 414 г.). — Изд.: Imm. Bekker u. B. G. Niebuhr. CSHB (вместе с Дексиппом, Петром Патрицием, Приском, Малхом и Менаандром), 1829; L. Dindorf. *Historici graeci minores*, I, 1870, стр. 204—274. — Латышев, I, стр. 725—731. — 148.
- Зосим** — Ζώσιμος (ум. во второй половине V в.). *Historia nova*, Ἱστορία νέα, 6 книг (подробно 270—410 гг.). — Изд.: Imm. Bekker. CSHB, 1837; L. Mendelssohn, Leipzig, 1887. — Латышев, т. I, стр. 787—810. — 28, 32, 40, 66, 80, 109, 143.
- Идаций**. — Idacius, Hydatus. *Chronicon* (охватывает 379—468 гг.). — Изд.: MPL, 51, 74; Th. Mommsen. *Chronica minora*, II, MGH, *Auctores antiquissimi*, XI, стр. 13—36. — 112.
- Иордан**. — Iordanis (писал в середине VI в.). 1) *De summa temporum vel origine actibusque gentis Romanorum*, сокращенно „Romana“. 2) *De origine actibusque Getarum*, сокращенно „Getica“. — Изд.: Th. Mommsen. MGH, *Auctores antiquissimi*, V, 1, Berlin, 1882. — 20, 35, 36, 44, 109, 113, 143, 171, 207, 233.
- Малада** — Μαλάδας (писал в VI в., по мнению некоторых — в VII—VIII вв.). *Historia chronica* или *Chronographia*, Χρονογραφία, 18 книг (доведены до 563 г.). — Изд.: L. Dindorf, CSHB, 1831. — 133.
- Марцеллин Аммиан**, см. Аммиан Марцеллин.
- Марцеллин комит** — Marcellinus comes (писал в первой половине VI в.). *Chronicon, quod rerum orientalium historiam Eusebii et Hieronymi usque ad Justiniani tempora prosequitur* (охватывает 379—518 гг.). — Изд.: Th. Mommsen. *Chronica minora*, II, MGH, *Auctores antiquissimi*, XI, стр. 60—104. — 112, 143.
- Орозий** — Orosius (Paulus) (писал между 414 и 417 гг.). *Historiae adversum paganos*, 7 книг (доведены до 417 г.). Изд.: C. Zangemeister. Leipzig, 1889. — Латышев, II, стр. 393—406. — 28, 40, 57, 109, 112, 114, 143.
- Плиний (Старший)** — C. Plinius Secundus (ум. в 79 г. н. э.). *Naturalis historia*, 37 книг. — Изд.: D. Dettlefsen, I—VI, Berlin, 1866—1882; C. Mayhoff, Leipzig, 1892—1909. — Латышев, II, стр. 167—200. — 183, 186.
- Приск** — Πρίσκος Πανίτιος (писал во второй половине V в.). Сохранились фрагменты Византийской и Готской историй. — Изд.: Imm. Bekker u. B. G. Niebuhr, CSHB (вместе с Дексиппом, Евнанием, Петром Патрицием, Малхом и Менаандром), 1829; L. Dindorf. *Historici graeci minores*, I, Leipzig, 1870, стр. 275—352. — Русский перевод: С. Дестунис, *Ученые записки 2-го отделения Академии Наук*, кн. VII, вып. 1, 1861. — Латышев, I, стр. 810—847. — 143, 171.
- Прокорий** — Προκόριος (ум. ок. 562 г.). О войнах — Персидской (*De bello Persico*), Вандальской (*De bello Vandalico*), Готской (*De bello Gothico*) — всего 8 книг (охватывают 395—559 гг.). — Изд.: W. Dindorf, CSHB, I—III, 1833—1838; J. Hau-

¹ В сборнике, составленном акад. В. В. Латышевым, „Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе“ [*Scythica et Caucasica*, т. I, Греческие писатели (1893—1900), т. II, Латинские писатели (1904—1906)] приведены отрывки текстов и русский их перевод. При каждом авторе в настоящем указателе отмечены страницы сборника Латышева, на которых помещен отрывок в переводе из данного автора. Русские переводы отрывков из „*Scythica et Caucasica*“ Латышева перепечатаны в приложениях к „Вестнику древней истории“ [начиная с т. I (19) за 1947 г. по т. 4(30) за 1949 г.].

- ру, I—II, Leipzig, 1905. — Русский перевод: С. Ю. Дестунис. Записки Историко-филологического факультета С.-Петербургского Университета, ч. I, 1876; ч. 6, 1880 — „История войн римлян с персами“; ч. 28, 1891 — „История войн римлян с вандалами“; С. П. Кондратьев (вступительная статья Э. В. Удальцовой). Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. — б. 39, 32, 36, 58, 188, 207, 209.
- Пр о с п е р** — Prosper Aquitanus (ум. ок. 463 г.). Chronicon (доведена до 455 г.). — Изд.: MPL, 51; Th. Mommsen. Chronica minora, I, MGH, Auctores antiquissimi, IX, стр. 385—485. — 112.
- П т о л е м е й** — Claudius Ptolemaeus, Πτολεμαῖος (II в. н. э.). Γεωγραφικὴ υφήγησις, или σύνταξις (руководство по географии, или изложение географии), 8 книг. — Изд.: C. Müller — С. T. Fischer, I—II, Paris, 1883—1901; старое издание С. F. A. Nobbe, I—II, Leipzig, 1843. — Латышев, I, стр. 228—247. — 162, 186.
- С о з о м е н** — Hermias Sozomenus, Σοζόμενος (V в.). Historia ecclesiastica, Ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ, 9 книг (охватывают 324—439 гг., но сохранились лишь до 421 г.). — Изд.: R. Hussey, I—III, Oxford, 1859—1860. — Латышев, I, стр. 756—772. — 80.
- С о к р а т** — Socrates scholasticus, Σοκράτης (V в.). Historia ecclesiastica, Ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ, 7 книг (охватывают 306—439 гг.). — Изд.: R. Hussey, I—III, Oxford, 1853; W. Bright, Oxford, 1878. — Латышев, I, стр. 745—756. — 143, 208.
- С т р а б о н** — Στράβων, Geographia, Γεωγραφικά (написана не позднее 18 г. н. э.), 17 книг. — Изд.: C. Müller, Paris, 1858; A. Meineke, Leipzig, 1866—1877. — Русский перевод: Ф. Г. Мищенко, М., 1879. — Латышев, I, стр. 91—171. — 162.
- Т а ц и т** — P. Cornelius Tacitus (ок. 55—120). Из его многочисленных произведений здесь упомянут трактат „Germania“ (написан в 98 г. н. э., полное название — „De origine, situ, moribus ac populis Germanorum“), 46 глав. — Изд. в собрании сочинений Тацита: G. Halm, 5-е изд., Leipzig, 1916; отдельно „Германия“ издана: H. Furneaux, 4-е изд., Leipzig, 1884; W. Reeb und H. Klenk, Leipzig—Berlin, 1930. — Русский перевод: В. И. Модестов, Пб., 1886—1887; С. П. Моравский, в сборнике „Древние германцы“, М., 1937, стр. 55—82. — Латышев, II, стр. 231—251. — 145.
- Ф и л о с т о р г и й** — Philostorgius, Φιλοτόργιος (V в.). Historia ecclesiastica, Ἱστορία ἐκκλησιαστικὴ, 12 книг (охватывают 300—423 гг., сохранились только в выписках Фотия). — Изд.: MPG, 65; J. Bidez. Griechische christliche Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte, 21, 1913. — Русский перевод: Христианское чтение, 1854. — Латышев, I, стр. 739—743. — 30, 112, 208.

С. В. ПОЛЯКОВА и И. В. ФЕЛЕНКОВСКАЯ

**АНОНИМНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ „ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ
ВСЕЛЕННОЙ И НАРОДОВ“**

**НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ФИЛОСОФА ЮНИОРА, В КОТОРОЙ СОДЕРЖИТСЯ
ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ ВСЕЛЕННОЙ¹**

(Перевод)

1. После тех наставлений, которые я преподавал тебе относительно устройства жизни, я желаю, дражайший сын мой, принявшись за писание, поведать теперь множество достойных удивления вещей; некоторых из них я был очевидцем, другие слышал из уст людей образованных, часть почерпнул из книг. Удерживая их в памяти, ты не только узнаешь много полезного, но и обретешь возможность благодаря их многообразию украсить свой ум.

2. Приступая к своему сочинению, я прежде всего расскажу о том, как мир был создан богом, затем о том, какие народы населяли его пределы от востока до запада; затем перечислю все племена варваров и все подвластные римлянам земли, назову провинции Рима во всем мире и скажу, какие из них в расцвете и силе, а также, какие города расположены в отдельных областях и что замечательного в каждой провинции и каждом городе. Труд этот мнится мне полезным и плодотворным.

3. Итак, кого мне упомянуть в начале, как не Моисея?² Ведь все, кто раньше пытался писать об этом предмете, могли сообщить немного, только Моисей, исполненный святого духа иудейский пророк, рассказал нечто достоверное. Вслед за ним страны и события описал Бероз,³ халдейский философ, чьему сочинению следовали египетский пророк Манефон⁴ и философ Аполлоний,⁵ его соплеменник; Иосиф,⁶ человек мудрый и наставлявший свой народ, также написал в римском плену „Историю иудейской войны“. Кроме того, подобного рода книги оставили Менандр из Эфеса,⁷ Геродот и Фукидид; они, правда, не касались древнейших времен. Такие сочинения они [написали]. Я, со своей стороны, попытаюсь коротко изложить тебе все, о чем повествовали упомянутые мужи.

4. Говорят, что племена камаринов⁸ обитают в восточных пределах, описанных Моисеем под именем Эдема;⁹ отсюда же берет начало величайшая река, разделяющаяся затем на четыре русла, имена которым Геон, Фисон, Тигр и Евфрат.¹⁰ Люди, которые населяют упомянутую землю, весьма благочестивы и кротки; им чужды всякие пороки как телесные, так и душевные. Если ты желаешь знать о них более по-

дробно, скажу со слов людей ученых, что камарины не питаются хлебом и другой подобной пищей, как все народы, не разводят, как мы, огня, но, как они сами утверждают, получают ежедневно хлеб, дождем падающий с неба, и питаются диким медом и перцем.¹¹ Солнечный зной у них настолько силен, что людям грозила бы опасность быть спаленными, как только он начинает изливаться на землю, если бы все не бросались с поспешностью в реку, где они остаются, пока раскаленное солнце не скроется снова.

5. ... Камарины не знают государственной власти и сами управляют собой. Пищи, обычной всем народам, они не употребляют. Вероятно, поэтому их племена незнакомы свойственные нам телесные напасти, у них не найти ни блох, ни вшей, ни клопов, ни гнид, и тело их отличается крепостью. Камарины не носят также принятой у всех народов одежды; их платье таково, что никогда не загрязняется.¹² А если это случится, они полагаются на то, что одежда очистится мечом огня;¹³ ведь ткань, прокаляясь, становится чище.

6. Камарины не сеют и не жнут, ведь у них множество всевозможных ценных вещей, как, например, благородные камни: смарагды, жемчужины, гиацинты, карбункул и сафир, встречающиеся в горах.¹⁴ В руки человека они попадают следующим путем: в горах берет свое начало река, которая течет здесь дено и ночью,¹⁵ особенно продолжительное время задерживаясь на вершинах, и размывает их избытком своих вод. Сообразительность живущих по ее течению камаринов нашла способ добывать то, что намывает вода. Они ставят сети в узких местах реки и таким образом собирают все, что приносится с гор.¹⁶

7. Живя в таком благоденствии, они не трудятся и не испытывают телесных страданий, но подвержены смерти и наперед знают ее день. Доживают камарины до 118 или 120 лет; старшие не видят смерти младших, родители — кончины детей.¹⁷ Каждому [камарины] заранее известен его смертный час, и он prepares себе саркофаг из благовонного дерева, различные породы которого растут там в изобилии;¹⁸ легши в него, камарин ожидает своего срока. Когда он близок, камарин всех приветствует, со всеми прощается и, не испытывая страха, отдает дань природе. Я описал лишь небольшую часть благ, которыми обладает это племя; хотя о них можно сообщить значительно больше, я обошел остальное молчанием. Земля камаринов простирается на 70 переходов.

8. Какой же народ живет за камаринами? Если двигаться к западу, там обитают брахманы,¹⁹ они также поддерживают порядок без государственной власти и обладают свойственной камаринам кротостью. Протяженность их земли составляет пять переходов.

9. За ним лежит страна эвильтов;²⁰ они не знают государственной власти, а образом жизни почти равны богам. Страна их простирается на 32 перехода.

10. Далее живет еще одно племя, имя которому эмер.²¹ Государственной власти нет и у него, но строй жизни упорядочен; это племя населяет землю протяженностью в 47 переходов.

11. За ними лежит страна, которая зовется Неб;²² там заметны начала тиранической власти; она управляется старейшинами (a maioribus) и занимает пространство в 60 переходов.

12. Здесь [впервые появляются] посевы и жатва; ведь ранее упомянутые народы питаются плодами, перцем и медом;²³ камарины же получают хлеб насыщенный с неба. Все эти народы не знают гнева

и не нуждаются в судах; им чужды раздоры, алчность, коварство и другие подобные пороки.

13. К земле Неб примыкает область Дисаф,²⁴ обитателями которой, как и соседним племенем, с тщанием управляют [старейшины]. Это племя населяет пространство в 240 переходов.

14. Далее лежат пределы так называемых ионеев,²⁵ которые, по их собственному мнению, живут тем же укладом, что соседи, и считают, его счастливым; образ жизни не отличает их от последних. Земля которой они владеют, тянется на 120 переходов.

15. Таким же образом управляется старейшинами и Дива,²⁶ страна, занимающая пространство протяженностью в 210 переходов.

16. За нею лежит Великая Индия,²⁷ откуда, как известно, приходит пшеница²⁸ и другие необходимые продукты. Ее население, живя сходным с соседями образом, ведет счастливое существование и занимает обширную и плодородную землю, простирающуюся на 210 переходов.

17. С ней граничит Эксимия,²⁹ отличающаяся, по общему суждению, отважными, ревностными в делах войны, а также искусными во всем мужами. Поэтому, когда персы пошли войной на Малую Индию,³⁰ она обратилась сюда за помощью. Эта страна изобилует всем и занимает пространство в 150 переходов.

18. За этой страной лежит Малая Индия; ее народом правят старейшины. Тут неисчислимое множество слонов, и, вследствие этого, персы получают их отсюда. Жители Малой Индии населяют пространство в 15 переходов.

19. За Малой Индией живут персы, соседящие с римлянами; сведущие люди сообщают о них как о народе весьма неустрашимом во всяческих злых делах и в войне. Говорят также, что они совершают величайшие нечестия: презирая законы природы, словно неразумные твари, разделяют ложе с матерями и сестрами и творят святотатство по отношению к создавшему их творцу. Известно, что персы всем располагают в изобилии. Соседние народы, обретая возможность вести торговлю с этой страной,³¹ также имеют избыток во всем.

20. Бок о бок с ними живет племя сарацинов,³² полагающее свое жизненное благополучие в грабежах. Ими, как говорят, правят женщины.

21. Вот что рассказывает историк об упомянутых племенах. Вследствие необходимости описать и наши, римские земли, я попытаюсь сделать это таким образом, чтобы доставить читающим полезные сведения. Итак, приступим к этому труду. Выше уже было сказано, со слов тех, кто писал об этом, сколькими переходами измеряется персидская земля, а также и то, что персы, нечестивые и вероломные, не соблюдают соглашений, касаясь они войны или чего-нибудь иного.

22. За персидскими землями расположены наши, ибо тут лежат Месопотамия и Осдрона. Месопотамия насчитывает множество разнообразных городов; те из них, которые наиболее замечательны, я хочу назвать. Это прежде всего Нисибис и Эдесса, которые славятся отменными во всяком деле мужами весьма опытными в торговле, очень..., несметно богатыми, украшенными всеми достоинствами. Получая товары от персов, они торгуют ими по всем областям Римской империи, а затем, вновь закупая здесь, везут в Персию все, кроме меди и железа, ибо ни то, ни другое не полагается продавать врагам.³³ Оба эти города существуют благодаря мудрости богов и императора; обладая крепкими стенами, они в случаях войны неизменно сокрушали воинскую доблесть персов³⁴ и, ведя оживленную торговлю, жили в согласии со всеми остальными провинциями. За этими городами рас-

положена Эдесса Осдроевская.³⁵ И этот город весьма блистателен.

23. Сирия, начиная отсюда, разделяется на три части: Сирию Пуническую, Палестинскую и Келе-Сирию.³⁶ Каждая из них обладает множеством превосходных больших городов; упоминаем хотя бы некоторых из них я хочу усладить слушателей. Первый из этих городов — царственная, всем выдающаяся Антиохия,³⁷ где пребывает властелин мира; город этот блистателен, знаменит своими постройками, принимает и удерживает в своих стенах великое множество народов и исполнен всевозможных жизненных благ.

24. Затем [следует назвать] другие города, как, например, Тир; ведя оживленную торговлю всеми товарами, он удивительно процветает (пожалуй, ни один из городов Востока не имеет столь бойкой торговли) и населен людьми богатыми и влиятельными.

25. Первое место после Тира принадлежит Бериту, городу преисполненному всяческой приятности³⁸ и обладающему юридической школой,³⁹ которая направляет римское судопроизводство. Ведь к должностным лицам повсюду приставлены ученые из беритской школы; будучи сведущи в законах, они стоят на страже провинций, куда рассылаются законоопределения.

26. [Далее заслуживает упоминания] Кесария, город столь же великолепный, богатый и весьма выдающийся своим устройством: его тетрапилон славится всюду как единственное в своем роде и невиданное зрелище.

27. Затем уже следуют остальные города; о каждом из них нужно говорить отдельно, потому что каждый чем-нибудь примечателен. Самым выдающимся из них является Лаодикия; она торгует всевозможными товарами, благоденствует и процветает, снабжая ими Антихию.

28. Подобно упомянутым городам, изобильна также и Селевкия; она вывозит в Антихию все товары, казенные и частные, которые сама получает. Властитель мира, император Констанций, понимая, сколь великую пользу приносит этот город ему и римской армии, срыл высокую гору, дав морю доступ в самый город, и построил большую и удобную гавань,⁴⁰ где приплывающие корабли находили бы безопасную стоянку, а казенный груз не подвергался бы опасности.

29. Далее [следует назвать] Аскалон и Газу, весьма выдающиеся города с оживленной торговлей, изобилующие всем; они снабжают Сирию и Египет превосходным вином.⁴¹

30. Неаполь — также блистательный и славный город. Триполь, Скифополь и Библ занимаются ремеслом,⁴² Гелиополь, лежащий у подножия горы Ливан, славится прекрасными женщинами, которых повсюду называют ливантянками; они оказывают величайший почет Венере, и утверждают даже, что сама богиня обитает в Гелиополе и сообщает его жителям изящество и прелесть.⁴³ Есть еще и другие сирийские города: Сидон, Сарепта, Птолемида, Элевтерополь и прекрасный город Дамаск.

31. Поскольку мы по отдельности назвали и рассказали о каждом из этих городов... Производством полотна занимаются Скифополь, Лаодикия, Библ, Тир и Берит, которые снабжают им весь мир и процветают во всяческом изобилии. Подобно этому Сарепта, Кесария, Неаполь, а также Лидда всему миру поставляют ткани, окрашенные настоящим пурпуром. Все названные города славны и изобильны хлебом, вином, оливковым маслом и другими плодами земли. Ты найдешь в Палестине, в месте, имя которому Иерихон, финиковую пальму, назы-

ваемую именем Николая,⁴⁴ а также дамаскскую пальму; эти края изобилуют и другими пальмами, меньшими по размеру, фисташковыми деревьями и всевозможными сортами яблонь.

32. Поскольку следует описывать отдельно всякую местность, нужно упомянуть и о том, что в каждом из городов может доставить усладу. Вот, например, Антиохия, славная всевозможными увеселениями, в особенности цирковыми играми. Почему же она славится этим? Благодаря тому, что Антиохия — резиденция императора, городу необходимы все эти улады. Подобно Антиохии, славятся своим цирком Лаодикия, Тир, Берит и Кесария, только Лаодикия дарит все города отличными возницами, Тир и Берит — актерами, Кесария — танцовщиками, жители Гелиополя — певцами, ибо музы с горы Ливан вдохнули в них божественное сладкогласие. Газа богата прекрасными певцами, а также славится борцами, искусными во всех видах борьбы, Аскалон — атлетами, Кастабетия⁴⁵ — канатоходцами.

33. Все эти города занимаются торговлей и населены людьми, выдающимися всем: красноречием, энергией и нравом; климат в этих местах умеренный. Это — лишь часть сведений о Сирии. Мы опустили многое, дабы не казалось, что мы без нужды растягиваем свое повествование, и чтобы описать также другие области и провинции империи.

34. С левой стороны к Сирии примыкают некоторые части Египта и Александрия,⁴⁶ а также вся Фиваида, области, на которых необходимо остановиться. Египет целиком омывается рекою, носящей имя Нила, которая своим разливом поит всю землю и в изобилии выращает всяческие плоды, кроме оливок,⁴⁷ и пшеницу, и ячмень, и стручковые и виноград, а в равной мере и мужей благородных и ревностно почитающих богов. Нигде таинства в честь богов не блюдутся так свято, как они блюдутся в Египте с древности вплоть до настоящего времени; одна эта страна заповедала почитание богов чуть ли не всему остальному миру. Правда, утверждают, что халдеи еще более благочестивы, однако мы весьма дивились египтянам, которых видели, и отдаем первенство им. Нам известно также, что в этой стране некогда обитали и теперь продолжают обитать боги. Одни говорят, что египтяне изобрели и письмо, другие приписывают его открытие халдеям, третьи — пунийцам; есть и такие, которым угодно считать изобретателем букв Меркурия, и так как разные люди утверждают разное, никто не знает истины, и никому нельзя верить. Во всяком случае, Египет преимущественно перед другими странами богат мужами, сведущими в науках. Ведь в его главном городе Александрии ты найдешь философов любого племени и любой школы. Когда между египтянами и греками возник спор о первенстве, египтяне, призванные более глупокими и совершенными в мудрости, победили, и первенство было присуждено им.⁴⁸ И действительно, невозможно найти ни в одной области знания сведущего человека — не египтянина родом. Поэтому Египет всегда привлекал философов и мужей науки, которые отличались исключительной мудростью. Ведь они чужды какого бы то ни было шарлатанства; каждый из них доподлинно знает то, о чем говорит, и поэтому никто не берется за все, но каждый исполняет свое дело, украшая его ученостью.

35. В остальном Александрия — город весьма обширный, исключительный по своему устройству,⁴⁹ изобилующий всеми благами, богатый снедью; она ведь питается [всеми] тремя видами рыбы, которыми не располагает ни одна провинция: речной, озерной и морской. Здесь есть в изобилии все благовония и все прочие предметы торговли с варва-

рами; ведь сразу за Фиваидой живут индийские племена,⁵⁰ и Александрия, получая все [из их страны], блистает перед всеми. Боги в этом городе окружены необыкновенным почетом, и там есть храм Сераписа, единственное в своем роде и в целом мире неповторимое зрелище. Нигде на земле не сыщется храма, подобного этому красотой постройки или пышностью ритуала — повсюду, кажется, ему принадлежит первое место.

36. Александрия, наряду с разными другими благами, обладает одним, не встречающимся решительно нигде, кроме этого города и всей этой провинции, какового... не могут вестись ни судопроизводство, ни частные сделки, и о котором можно сказать, что едва ли не им одним держится род человеческий. Что же это за благо, что мы возносим ему такие хвалы? Папирус, который Александрия изготавливает; она снабжает им весь мир и учит другие народы пользоваться этим полезным материалом; одна, в отличие от других городов и провинций владея папирусом, она, однако, не скупясь, уделает от своих благ [другим] и получает от щедрот Нила также больше, чем весь остальной Египет. Эта река в летнюю пору разливается, орошает всю землю и приготавливает ее к посеву; засевающие эту землю щедро вознаграждаются великой благодатью [урожаем] — ведь одна мера зерна дает сто и сто двадцать мер. Земля, ежегодно приносящая такие урожаи, кормит также и другие провинции. Так, например, Константинополь во Фракии в большой степени зависит от египетских урожаев, также и восточные провинции,⁵¹ в особенности из-за нужд императорского войска и из-за войны с персами; поэтому никакая провинция, кроме божественного Египта, не в состоянии удовлетворить всем этим потребностям. Прославляя этот край, я полагаю, что он всем обязан богам, ибо люди здесь, как мы уже сказали, свято чтут их и тем самым заставляют о себе говорить.⁵² Все святыни и храмы Египта пышно убраны, полны храмовых сторожей, жрецов, служек, гадателей, молящихся и пророков; все в них совершается в строгом порядке: ты найдешь здесь алтари, непрестанно пламенеющие огнем, окутанные благовонием жертвоприношений, священные повязки и курильницы, полные ароматов, источающие дивное благоухание.

37. Ты увидишь также, что город управляется должностными лицами со всей справедливостью, и только александрийский плебс с пренебрежением относится к ним.⁵³ Они вступают в город со страхом и трепетом, опасаясь самосудов; ведь здесь для несправедливых правителей всегда готовы огонь и камни.⁵⁴ Чего ни коснись, во всем Александрия и прилежащая к ней область несравненны; этот город, едва ли не единственный в целом мире, исполнен воистину философии — в нем можно найти представителей всех философских направлений. И Эскулапий также пожелал одарить Александрию медицинскими познаниями и удостоил того, чтобы она повсеместно славилась искуснейшими врачами; и действительно, этот город возвращает людям здоровье.⁵⁵ Вот неполные сведения о Египте и Александрии: у нас недостало бы возможности описать все. Климат Египет имеет весьма умеренный.

38. К югу, по правую руку от той же Сирии, ты увидишь Аравию; самый крупный ее город Бостра ведет, как говорят, оживленную торговлю и расположен неподалеку от границ персов и сарацин. Достопримечательностью Бостры является ее тетрапилон.

39. Далее лежит Киликия. Она в изобилии производит вино, услаждая им и другие провинции, и обладает большим и процветающим городом, имя которому Тарс.

40. За Киликией, в верхней части [полуострова] расположена Каппадокия; она славна благородными мужами⁵⁶ и обширнейшим городом Кесарией. В Каппадокии, говорят, такая стужа, что непривычный к этой местности человек не может здесь жить, не прибегая к предосторожностям. Известно также, что эта провинция повсюду ведет торговлю отменными товарами: одеждой из заячьих шкур, вавилонскими одеждами⁵⁷ и знаменитыми каппадокийскими конями⁵⁸.

41. Далее следует богатая провинция Галатия. Она полностью снабжает себя всем необходимым, а торгует по преимуществу одеждой. В некоторых случаях она поставляет императорам превосходных воинов. Галатия обладает весьма крупным городом, который именуется Анкирой. Передают, что [ее жители] едят великолепный, ни с чем не сравнимый хлеб.

42. За Галатией лежит Фригия, область столь же изобильная; она, по свидетельствам древних поэтов, описавших войну фригийцев с греками, Гомера, Вергилия и других, также славится доблестными мужами. Самым крупным городом этой провинции считают Лаодикию; отсюда вывозится превосходная, во всем мире знаменитая одежда, которая так и называется по имени этого города.⁵⁹

43. За Фригией — Малая Армения;⁶⁰ она, говорят, поставляет незаменимых на войне всадников и лучников.

44. Далее — Пафлагония и Понт, где обитают мужи богатые и, подобно каппадокийцам и галатам, одаренные ученостью⁶¹ и другими высокими качествами. Славятся эти места и красивыми женщинами. История сообщает, что они прекрасны и особенно белы лицом, так что кажутся богинями. Названные провинции, т. е. Понт, Пафлагония, Галатия и Каппадокия, населены людьми в высшей степени порядочными. Если тебе угодно удостовериться в этом, взгляни на дворы восточной и западной частей империи. Там ты найдешь больше понтийцев, пафлагонцев, каппадокийцев и галатов, чем в других городах и провинциях. Считают, что именно поэтому им по велению императоров вверены государственные дела.⁶² Ведь эти люди отличаются исключительной честностью и от природы обладают... Уже в силу этого они вынуждены быть полезными... Здесь мы кончаем говорить о жителях этих областей и переходим к следующему.

45. Все упомянутые области находятся в глубине материка, а поскольку мы взялись описать также и провинции, расположенные на побережье, [нам следует сказать] о лежащей за Киликией Исаврии, богатой, как сообщают, доблестными мужами. Исаврийцы предавались от времени до времени разбою и, более того, стремились поднять оружие против Рима, но оказались не в силах победить его необоримую славу.⁶³ За пределами Исаврии лежит Памфилия, цветущая область, полностью обеспечивающая себя всем; оливковое масло она производит в таком количестве, что щедро снабжает им другие части империи. В Памфилии два прекрасных города — Перга и Сиде.

46. Далее раскинулась Ликия; она целиком обеспечивает свои нужды. Эту область венчает высокая гора, носящая имя Кавказ,⁶⁴ говорят, что выше не сыскать горы во всем мире.

47. За Ликией следует Кария; затем провинция Азия,⁶⁵ весьма обширная, выдающаяся среди всех других и имеющая несчетное множество городов, обширных размером, из которых многие расположены у моря. Назвать из них следует два: Эфес, обладающий, как говорят, замечательной гаванью, и блистательную Смирну. Провинция Азия обширна и богата всем — разнообразными винами, оливковым маслом,

ячменем, великолепными тканями, окрашенными настоящим пурпуром, полбой — и настолько прекрасна, что трудно воздать ей подобающую хвалу.

48. Далее лежит Геллеспонт,⁶⁶ плодородный край, изобилующий злаками, вином и оливковым маслом. Он обладает знаменитыми с древности городами, Троей и Илионом, а также превосходящим их по величине городом Кизиком. Последний благодаря своему положению, обширности, красоте и убранству превосходит всяческие похвалы. Богиня Венера, вооружившись стрелами Купидона, одарила его женщин красотой.⁶⁷

49. За Геллеспонтом ты увидишь прекрасную Вифинию, обширную, плодородную, производящую всевозможные плоды. Городов в этой провинции множество, но наиболее примечательны Никея и Никомидия; нигде не найти другого такого города, как Никея; ее соразмерность и красота заставляют каждого подумать, что Никея выстроена по единому плану. Все ее улицы равно украшены и великолепны.⁶⁸ Никомидия тоже выдающийся, достойный восхищения город, исполненный всяческих благ и славный прекрасным зданием — старинной базиликой. Рассказывают, что эта постройка была совершенно уничтожена небесным пламенем, но впоследствии вновь отстроена Константином. В Никомидии есть также прекрасное здание цирка; игры, в нем происходящие, вызывают огромный интерес.

50. За Вифинией следует провинция Фракия; она весьма богата зерном⁶⁹ и населена рослыми и отважными в битвах людьми, так что отсюда обычно вербуют воинов.⁷⁰ Фракия имеет блистательные города Константинополь и Гераклею. Константинополь некогда назывался Византием, но император Константин, отстроив город, дал ему свое имя. Гераклея славится выдающимися постройками — театром и императорским дворцом, однако благодаря императору Константину первенство во всем принадлежит Константинополю; даже цирковые игры отличаются здесь особенной жестокостью.⁷¹

51. Вблизи Фракии ты увидишь Македонию, всем изобилующую и ведущую торговлю железом, свинцом, а иногда еще солонинной и дарданским сыром, ибо Дардания к ней примыкает. Македония имеет прекрасный город Фессалонику, принадлежащий к числу самых замечательных городов [мира].

52. За Македонией лежит Фессалия; земля здесь приносит богатые урожаи, и область эта, как говорят, снабжает и другие провинции. Там возвышается гора Олимп, которую Гомер называет обиталищем богов.⁷² Далее следуют Ахайя, Греция и Лаконика;⁷³ край этот может обеспечить тем, что имеет, преимущественно себя, но не другие области. Ведь он необширен и горист, так что не может быть очень плодородным. Он производит немного оливкового масла и аттический мед, но главная его слава скорее, чем в чем-либо другом, заключается в блеске наук и риторского искусства. [Крупнейшие] города здесь — Коринф и Афины; Коринф играет видную роль в торговле и знаменит великолепным зданием амфитеатра, Афины же — древними преданиями и достойным восхищения акрополем, где многочисленные статуи живо воскрешают перед зрителем великие битвы древних.⁷⁴ Лаконика, как считают, богата только крокинским камнем, который носит еще название лаконского.⁷⁵

53. За Ахайей ты найдешь эпирские земли и город Эфиру; всю же провинцию некоторые зовут Эпиром, а другие Этолией. Ее город Никополь до такой степени изобилует морской рыбой, что один вид ее вну-

шает здесь отвращение. Далее, несколько выше, расположена Далмация, ведущая, как сообщают, оживленную торговлю. Она вывозит сыр,⁷⁶ строительный лес и железо — три необходимых рода товаров, которыми богата. Она обладает блистательным городом — Солонами; Диррахий же по божьей воле исчез с лица земли из-за порочности, как справедливо говорят, своих жителей и не возродился более.⁷⁷ Затем по порядку следуют: Калабрия, которая благодаря плодородным землям изобилует всеми благами; Бруттий, тоже изобильная область, вывозящая одежду грубого тканья⁷⁸ и большое количество отменного вина; за Бруттием лежит богатая Лукания, все имеющая в избытке и ведущая большую торговлю солониной, так как ее горы дают животным разнообразный корм.

54. За Луканией расположена Кампания, не очень обширная, но населенная богатыми людьми, вполне удовлетворяющая своим потребностям, кормилица императорского Рима.⁷⁹

55. За Кампанией лежит Италия.⁸⁰ Самое упоминание этого имени уже говорит о славе. Она обладает множеством различных городов, исполнена всяческих благ и управляется провидением.⁸¹ В Италии ты найдешь вино множества сортов: и пиценское, и сабинское, и тибуртинское, и тускское.⁸² Вель Туския, о прелести которой я расскажу несколько ниже, примыкает к провинции Италии. Италия ни в чем не знает недостатка и, сверх того, обладает еще одним великим благом — обширнейшим, прославленным и царственным городом, самое имя которого означает мощь⁸³ и который зовется Римом. Его, согласно преданию, еще отроком основал Ромул. Рим огромен и украшен великолепными постройками. Ведь все почившие императоры, равно как те, что правят ныне, стремились возводить в Риме постройки,⁸⁴ и многие оставили памятники своего правления. Обратись хотя бы ко времени Антонина,⁸⁵ и ты увидишь несчетное множество зданий, например так называемый Форум Траяна⁸⁶ со знаменитой и замечательной по красоте базиликой.⁸⁷ Есть в Риме и великолепное здание для цирковых игр,⁸⁸ щедро убранный бронзой. В этом городе живут семь знатных дев из славнейших домов, которые, следуя обычаю древних, совершают во благо Рима священное служение богам; девы эти зовутся весталками. По улицам Рима течет многим известная река Тибр, которая приносит римлянам великую пользу; ведь, протекая через город, Тибр впадает в море, и все товары, что привозятся из чужих краев, поднимаются 18 миль вверх по его течению; благодаря этому Рим изобилует решительно всем. Здесь заседает великий сенат, состоящий из знатнейших мужей. Если тебе будет угодно больше узнать о сенаторах, ты убедишься, что все это — магистраты, либо уже вступившие в должность, либо намеревающиеся вступить; есть и такие, которые имеют все права на это, но не желают ими пользоваться,⁸⁹ так как стремятся в покое наслаждаться своим достатком. Римляне до сих пор почитают некоторых богов,⁹⁰ в особенности Юпитера и Солнце; сообщают, что они справляют также обряды в честь Матери богов, и хорошо известно, что у них есть гаруспики.⁹¹ Таков Рим.

56. По соседству расположена Туския. Среди множества других благ она получила от богов и свое славное имя.⁹² Ведь передают, что здесь впервые зародилось гадание по внутренностям жертвенных животных и что его как милость даровали боги. Туския изобилует всеми благами, а сверх того обладает одним исключительным — способностью прорицания; известно, что тускам действительно присущ этот дар. Вот что можно сказать о Риме и Тускии. В Италии есть еще прекрасные города — Аквилея и Медиолан.

57. Закончив об Италии, я возвращаюсь к областям, которые прежде пропустил, к провинциям Мезии и Дакии; они полностью обеспечивают свои потребности и отличаются суровым климатом. Самым значительным городом этих провинций считается Наисс. Далее лежит Паннония — земля, славящаяся равно всем: хлебом, вьючным скотом, торговлей, а также рабами. Здесь — постоянное местопребывание императоров.⁹³ В Паннонии есть также большие города, Сирмий и Норик,⁹⁴ из которого, говорят, вывозятся знаменитые одежды.⁹⁵ Такова эта провинция. С нею соседит живущее по другую сторону Давуния варварское племя сарматов.

58. За Паннонией лежат галльские земли; вследствие своей обширности они нуждаются в императорской власти и имеют своего императора.⁹⁶ Благодаря близости моря⁹⁷ в Галлии есть решительно все, цены, однако, весьма высоки. Сообщают, что значительнейший город Галлии — тот, что зовется Триверис и служит местопребыванием императора;⁹⁸ расположен он в глубине страны. Есть в Галлии и другой [крупный] город, Арелат, лежащий у моря и во всем поддерживающий Триверис; Арелат снабжает его товарами, которые получает со всех концов света. Провинция населена мужами отважными и славными, поэтому во время войны галлы выставляют наиболее многочисленные и бесстрашные отряды.⁹⁹ Галлия — провинция, во всех смыслах достойная прославления. По соседству с ней живет варварское племя готов.¹⁰⁰

59. К галльским землям примыкает Испания. Эта область велика, обширна, богата людьми и учеными¹⁰¹ и ... в торговле всевозможными товарами. О некоторых из них мы расскажем. Вывоза оливковое масло, рыбный соус,¹⁰² различную одежду, солонину и вьючный скот, Испания снабжает этими товарами весь мир. Эта провинция всем обладает в избытке и во всем выдается;¹⁰³ кроме того, она доставляет другим странам альфу,¹⁰⁴ в которой многие нуждаются, так как она необходима в мореходном деле. В испанской торговле альфа занимает весьма значительное место; в других странах она не бывает столь хорошего качества. Далее, как рассказывают, раскинулся Океан; никто не способен рассказать о его пределах. В самом деле, что может там быть? Ведь эти места необитаемы, и тут, по мнению многих, край земли.¹⁰⁵

60. Далее к югу ты найдешь Мавританию. Жители ее, варвары по обычаям и образу жизни, подчинены, однако, Риму. Эта провинция торгует одеждой и рабами, изобилует зерном¹⁰⁶ и обладает городом Кесарией. За Мавританией лежит Нумидия, богатая хлебом и всем себя обеспечивающая; она торгует всевозможного рода одеждой и прекрасными конями.¹⁰⁷

61. За Нумидией лежит Африка,¹⁰⁸ обладательница всевозможных богатств. Она изобилует всем — хлебом и вьючным скотом, и одна снабжает оливковым маслом едва ли не все народы.¹⁰⁹ Среди многих различных городов, которыми она обладает, один занимает особое место и в высокой степени заслуживает удивления, это — Карфаген.¹¹⁰ Его основала тириянка Дидона; она, как рассказывает Вергилий, попав в Ливию, приобрела там клочок земли, носящий имя Бирсы, который могла прикрыть бычья кожа. Город Карфаген замечателен своим устройством, живописно расположен близ озера...¹¹¹ и богат оливковым маслом. Его прямые улицы усажены рядами деревьев, а гавань превосходит все где-либо виданное, и, кажется, дарует бесстрашным кораблям всегда спокойное море, настолько сама она полна покоя.¹¹² Ты найдешь здесь и достойную всяческого удивления постройку — ряды менял. Что касается зрелищ, карфагеняне с увлечением предаются одному един-

ственному — гладиаторским боям.¹¹³ Провинция Африка весьма обширна, богата и изобильна, жители же ее не достойны своей родины, ибо земля и велика и прекрасна, а люди далеко не таковы; рассказывают, что они в большинстве своем коварны и, говоря одно, делают совершенно другое. Нелегко встретить там человека порядочного, хотя среди многих немногие и могут оказаться достойными.¹¹⁴

62. За пределами Африки, примыкая к ней с юга, лежат обширные, необитаемые земли.¹¹⁵ Меньшая их часть населена, как рассказывают, немногочисленным варварским племенем мазиков и эфиопов.¹¹⁶ Еще дальше ты увидишь область Пентаполитану;¹¹⁷ она невелика по размеру, но богата хлебом и вьючным скотом и обладает двумя древними городами — Птолемаидой и Киреной, которые, по словам людей сведущих, были некогда весьма могущественны. За Пентаполитаной лежит Ливия,¹¹⁸ граничащая на западе с Александрией; там совершенно не выпадают дожди. Население Ливии немногочисленно, но люди это добрые, благочестивые и честные. Полагаю, что это благо дано им исключительно за почитание бога. Далее ты снова увидишь Александрию. Вот что я мог рассказать о мире, о землях как варварских, так и римских. Я не имел возможности дать полные сведения обо всем, однако, если в нашей книге есть пробелы, они, мы надеемся, весьма незначительны.

63. Чтобы не оказалось, что я совсем забыл об островах, я упомяну о тех, что лежат в открытом море, и этим завершу свой рассказ. Идя с востока, ты увидишь их в следующем порядке; прежде всего — самый обширный остров Кипр, занятый постройкой кораблей; говорят, что для этого Кипр не нуждается ни в каких привозных товарах; ведь здесь есть все необходимое — корабельный лес, медь, железо, смола — все, вплоть до материала для парусов и канатов.¹¹⁹ Известно также, что жители Кипра богаты и многим другим. Далее, как говорят, лежит весьма знаменитый остров Евбея, а затем так называемые Киклады, пятьдесят три острова; они все имеют одного правителя. Некоторые из них достойны особого упоминания, в первую очередь остров Родос¹²⁰ с крупным городом того же названия, которому, как предрекла Сивилла, суждено погибнуть из-за божьего гнева.¹²¹ В этом городе есть невиданное по величине изваяние, которое все зовут Колоссом; по словам той же Сивиллы, изваяние это таило в себе нечто гибельное.¹²² Следует также назвать посвященный Аполлону Тенедос; за ним ты увидишь Имброс, ведущий большую торговлю одеждой из заячьих шкур, которых там множество; этот остров вообще богат животными, в остальном же удовлетворяет только своим потребностям; вина Имброс, однако, производит очень много и вывозит его в Македонию и Фракию.¹²³

64. Затем ты увидишь Крит, украшенный ста городами, всем богатый и всем замечательный. Самый значительный город Крита — Гортина; здесь, как сообщают, происходят ристания и живет много богатых и ученых людей. Затем следуют Кифера, Закинф и Кефаллония, острова, изобилующие всяческими благами.

65. После всех этих островов [следует назвать] прекраснейшую и обширнейшую Сицилию, отличающуюся [от всех остальных островов] твердостью почвы. Сицилия производит великое множество всего и во все концы земли¹²⁴ вывозит в изобилии самые необходимые товары, большое количество шерсти и вьючный скот. Остров этот отличается мужами богатыми и причастными как греческой, так и латинской образованности. Сицилию украшают блистательные города — Сиракузы и Катана; они славятся пышными конскими ристаниями. Располагая пре-

красными конями, жители наслаждаются их быстротой.¹²⁰ На этом острове высится гора, называемая Этной. Если этому можно верить, Этне присуща сверхъестественная сила, так как вершина ее пылает и днем и ночью, и к небу непрерывно поднимаются клубы дыма. Сплошь покрытая виноградниками, гора эта дает превосходное вино.

66. Затем [следует] Коссора; за нею другой остров, который называется Сардинией, чрезвычайно богатый и зерном, и вьючным скотом и весьма прекрасный.

67. Еще дальше — остров Британния, по словам тех, кто его посетил, очень обширный и всем выдающийся.

Здесь кончается описание всего мира и народов.

АНОНИМНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТРАКТАТ „ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ ВСЕЛЕННОЙ И НАРОДОВ“

Трактат „Полное описание вселенной и народов“ — один из интереснейших источников, проливающих свет на экономическую, политическую и культурную жизнь поздней Римской империи. Задуманный главным образом как систематическое описание находящихся под римским владычеством земель, он преимущественно освещает хозяйственную жизнь и дает богатейший материал для экономической истории римских провинций, всякий раз подробно сообщая об их сельскохозяйственных и ремесленно-торговых ресурсах. Пристальный интерес к экономическим вопросам, при общей скудости материалов в этой области, ставит „Полное описание вселенной“ в ряд источников первостепенной важности, позволяющих новыми глазами взглянуть на характер экономической жизни IV в., интенсивной и еще в достаточной мере полнокровной, особенно на востоке империи. Хотя, как уже говорилось, автор трактата главным образом останавливается на вопросах, связанных с хозяйственными особенностями отдельных областей римского мира, в его книге разбросано множество интересных сообщений, характеризующих культуру этой сложной переходной эпохи. Мы узнаем в равной мере и о строительстве, и о культурных достопримечательностях и быте отдельных городов, знакомимся с еще продолжающими свою жизнь языческими культурами и, наконец, получаем, правда, глупые сведения о классовой борьбе. Последняя особенность нашего памятника не была отмечена многочисленными исследователями „Полного описания“. Между тем, несмотря на крайнюю лапидарность и провинциальную ориентацию трактата, в нескольких местах можно уловить намеки на настроения эксплуатируемых масс или народов, испытывающих тяжесть римского гнета, обнаруживающие оборотную сторону рисуемой картины благополучия и процветания и позволяющие догадываться о брожении в ряде входящих в состав империи областей. Так, из главы 37 можно установить, что александрийский плебс, испытывая на себе административные притеснения, жестоко расправлялся с наиболее беззащитными правителями. „Они [правители] вступают в город со страхом и трепетом, опасаясь самосудов; ведь здесь для лицепрятных правителей всегда готовы огонь и камни“. В другом месте, в главе 45, сообщается о волнениях в Исаврии: „Исаврийцы предавались от времени до времени разбою и, более того, стремились поднять оружие против Рима, но оказались не в силах победить его необоримую славу“. Нам представляется также, что резко отрицательная оценка жителей проконсульской Африки (к чему автор вообще не привержен) появ-

ляется в трактате как реакция на постоянную в IV в. „неблагонадежность“ этой провинции. В главе 61 читаем: „Провинция Африка весьма обширна, богата и изобильна, жители же ее недостойны своей родины, ибо земля и велика и прекрасна, а люди далеко не таковы; рассказывают, что они в большинстве своем коварны и, говоря одно, делают совершенно другое“.

Особенности господствующей точки зрения на происхождение нашего трактата, т. е. уверенность в том, что сильно грецизированный текст „Описания“ представляет собою позднейший латинский перевод не дошедшего до нас греческого оригинала,¹ привела к появлению двух датировок — предполагаемого греческого оригинала и его древнейшей латинской версии — и лишила исследователей возможности использовать в целях датировки языковой материал, так как дошедший до нас латинский текст (иметь ли в виду непременно письменный оригинал или предполагать, что автор переводил, так сказать, в уме с греческого языка на латинский) не столько отражает господствующие закономерности латинского языка, характерные для определенного исторического периода, сколько греческий строй речи в латинском облици, настолько он грецизирован и настолько нарушает нормы корректной латыни. Оставляя в стороне датировки латинских версий, мы в дальнейшем будем иметь в виду только датировку постулируемого греческого оригинала, т. е. хронологическое определение отраженной в латинском тексте картины политического и хозяйственного положения империи. Путем сопоставления упоминаемых в древнейшей латинской версии „Описания“ фактов, большинство авторов при различии точек зрения на первоначальное обличие памятника, согласно признают, что в нем отражена картина жизни второй половины IV в., и спорным представляется лишь отрезок времени длительностью около десятилетия.²

Опорными для определения хронологии первоначальной версии трактата являются два упоминаемые в нем события — разрушение Диррахии в результате землетрясения 346 г. (глава 53) и постройка Константином севеликской гавани, имевшая место в 347 г. (глава 28).³ Таким образом, мы получаем 347 год как *terminus post quem*. В качестве *terminus ante quem* выдвигались различные даты, а в последнее время (1936 г.) А. А. Васильев предложил 350 год, и его точка зрения была поддержана в 1951 г. уже упоминавшейся работой Н. В. Пигулевской.

¹ Исключение составляют: Н. В. Пигулевская. Византия на путях в Индию. М.—Л., 1951, стр. 38—40; Th. Sinko. Die Descriptio orbis terrae. Archiv f. lat. Lexikographie u. Gramm., XIII, 1904, стр. 532 сл.

² Датой возникновения памятника в его первоначальном виде считают 350 г. (А. Васильев. Expositio totius mundi. 1936, стр. 35 сл.; Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр. 35 сл.), промежуток времени между 350 и 353 гг. (С. Müller, Geographi Graeci Minores, v. II. 1861, стр. L; A. Riese. Geographi Latini Minores. 1878, стр. XXX; Z. Avalichvili. Géographie et légende dans un récit apocryphe de S. Basile. Rev. de l'Orient Chrétien, série 3, v. VI (XXVI), 1927—1928, стр. 284, 2), 347—348 гг. (Gothofredus по изд. С. Müller, ук. соч., стр. XLIX), 345—348 гг. (L. Hahn. Die Sprache der sogenannten Expositio totius mundi et gentium. Diss. Bayreuth, 1898, стр. 13—14), около 350 г. (E. Stein. Geschichte d. spätrömischen Reiches, Bd. I. 1928, стр. 25; A. Klotz. Über die Expositio totius mundi et gentium. Philologus, 65, N. F., 19, 1906, стр. 106; E. Wölfflin. Bemerkungen zur Descriptio orbis. Archiv f. lat. Lexikogr. u. Gramm., XIII, 1904, стр. 573), до 358 г. (G. Lombroso. Expositio totius mundi et gentium. Roma, 1903, стр. 63), середина IV в. (М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. 1907, стр. 418).

³ Обе даты предложил еще в XVII в. Готофред (Gothofredus, настоящая фамилия — Denis Godefroy), и из них исходят все исследователи.

Эта новейшая датировка представляется нам недостаточно убедительной, и мы попытаемся аргументировать свое предпочтение старой датировке, определявшей *terminus ante quem* 348 годом.¹ Подобное уточнение, хотя расхождение между обеими датировками незначительно, и трактат дает весьма общую картину позднеримской империи, представляется необходимым, исходя из возможностей дальнейших находок письменных памятников, которые могут пролить свет на авторов и историю возникновения обеих версий трактата, до сих пор еще недостаточно отчетливо вырисовывающуюся. Васильев, придавая исключительное значение титулатуре Констанция в главах 23 и 28 трактата („*Dominus orbis terrarum* и *Dominus orbis terrarum imperator Constantius*“), утверждает, что „Описание“ возникло после убийства Константа (январь 350 г.), в момент, когда Констанций был единственным императором. Но этому, с нашей точки зрения, противоречат следующие соображения.

1) В тексте неоднократно упоминается о наличии двух императоров (глава 41 — *milites bonos dominis praestat*, глава 44 — „*aspice in duo comitata Orientis quoque et Occidentis*“ и „*iussione imperatorum*, глава 55 — „*imperatores qui nunc sunt*“, глава 57 — „*Et semper habitatio imperatorum est*“), что заставляет отказаться, во всяком случае, от убеждения, что трактат целиком написан в период единовластия Констанция. В лучшем случае можно было бы думать, что в период самостоятельного правления Констанция были написаны отдельные главы „Описания“, что, однако, представляется мало вероятным, если принять во внимание небольшой объем сочинения.

2) Ссылаясь на титулование автором императора Констанция, Васильев, разделяя мнение о восточном происхождении автора,² упускает из виду как то, что он, естественно, ощущал себя подданным, в первую очередь, Констанция, который для него лично и был *dominus orbis terrarum*, так и то, что из самого памятника, в большей своей части посвященного восточным провинциям империи, видно, что *orbis terrarum*, по существу, ограничивался для автора трактата провинциями или, еще точнее, восточными провинциями Римской империи, т. е. границами владений Констанция.³ Помимо этого, следует еще раз указать как на характер памятника,⁴ так и на специфическую атмосферу лести

¹ L. Hahn, ук. соч., стр. 13; Gothofredus по изд. C. Müller, ук. соч., стр. XLIX.

² A. Vasiliev, ук. соч., стр. 32.

³ Следует отметить, что Готофред в приложенном к его изданию трактата „*Vetus orbis Descriptio, graeci scriptoris, sub Const. et Constante...*“ (Genevae, MDCXXVIII, index notarum s. v. *dominus orbis terrarum*), считая, что „Описание“ составлено в период совместного правления Констанция и Константа, пишет: „*hac formula designatur praesentis temporis imperator*“. Вследствие нечеткости пагинации этого издания, мы в дальнейшем цитируем Готофреда по изданию Мюллера, где перепечатана вводная статья Готофреда к „*Expositio*“, а его индексы и комментарий — по старому женеvскому изданию.

⁴ Как показывает неофициальная титулатура римских императоров, как она отражена в художественной и научной литературе на латинском и греческом языках, здесь можно было наблюдать самые различные эпитеты, на основании которых было бы весьма рискованно делать исторические выводы, подобные тем, которые сделал Васильев. См., например, эпитеты „*εργυροειδης της σικουμενης*“, „*invictus*“, „*хорошохранятор*“, „*liberator orbis*“, „*pacator orbis*“, „*victoriosus semper (ubique)*“, рассмотренные Берлингером (L. Berlinger. Beiträge zur inoffiziellen Titulatur der Römischen Kaiser. Diss. Breslau, 1935), эпитеты „*praeses mundi*“ и другие у Зайтера (F. Sauter. Der römische Kaiserkult bei Martial und Statius. Diss. Stuttgart, 1932), „*mundi servator*“, „*totius orbis terrarum praeses*“, „*caput orbis*“, „*spes hominum*“ в диссертации Финке (A. Finke. De appellationibus Caesarum. Diss. Königsberg, 1867).

и угодничества, царившую при дворе Констанция.¹ Вряд ли уместно поэтому с пригличивой строгостью рассматривать титулатуру императора не в официальном документе, а в научном сочинении, самый жанр которого давал лояльно настроенному и ограниченно мыслящему автору полный простор для комплиментарно-льстивого титулования своего правителя.

Отправляясь от своей не бесспорной посылки, Васильев строит следующую цепь рассуждений: в главе 32 упоминается пребывание императора в Антиохии. Констанций резидировал здесь с весны 349 г. (сохранился декрет, датированный 1 апреля 349 г.) не дольше, чем до сентября 350 г., ибо известно, что уже в декабре 350 г. он был на Балканах. Но так как император неоднократно посещал Антиохию, то приурочение упоминаемого в главе 32 пребывания Констанция в этом городе к данному хронологическому периоду базируется Васильевым на общепризнанных данных *termini post quem* в сочетании с проанализированными выше показаниями глав 23 и 28, из которых делается вывод, что речь идет о том времени, когда Констанций после гибели брата в январе 350 г. являлся единственным императором. Эти соображения дают Васильеву возможность считать сентябрь 350 г. *terminus ante quem*. Однако и интерпретация свидетельства главы 32 не представляется нам в достаточной степени убедительной; фразу *Quoniam ibi imperator sedet, necesse est omnia propter eum* Васильев понимает так: „Поскольку там (в Антиохии, — С. П.) находится (подразумевается сейчас, — С. П.) император, всё (все увеселения, — С. П.) необходимо из-за него“. В действительности глагол *sedet* следует, как нам кажется, понимать здесь в смысле „резидирует“, разумея при этом, что император бывает от времени до времени в Антиохии, но не находится там ни безвыездно, ни в момент создания древнейшего варианта трактата. Пышность антиохийских увеселений и цирковых игр объясняется, с точки зрения автора трактата, тем, что там часто бывает император, точно так же, как в главе 50 пышность и первенство, которые во всем принадлежат Константинополю, объясняются тем, что там при жизни резидировал Константин („*Constantinopolis... omnia praecipua habere potest propter Constantinum*“), а не продолжает резидировать в момент создания трактата, когда он, во всяком случае, был уже мертв; глагол „*potest*“, таким образом, никак не может относиться к эпохе жизни Константина. В связи со всем этим мнение Васильева о том, что речь идет об Антиохии 349—350 гг., на которые падает исторически засвидетельствованное пребывание Констанция в Антиохии, не кажется убедительным тем более, что Констанций (что также засвидетельствовано документами)² неоднократно жил там и до и после 350 г. Недостаточная прочность аргументации *terminus ante quem* у Васильева заставляет нас из осторожности остановиться на *argumentum ex silentio*, приведенном еще Готофредом,³ а именно, на соображении, что в „Описании“ ни словом не упомянуто о землетрясении 348 г. в Берите,

¹ Аммиан Марцеллин неоднократно подчеркивает процветавшую при Констанции лень и поощряемое императором лицемерное угодничество придворных (Амм., 14, 5, 4; 15, 1, 3; 16, 12, 68; 17, 4, 12; 19, 11, 7; 19, 12, 16; 21, 16, 16). Подобная черта характера императора была, конечно, известна далеко за пределами дворца, и автор трактата, по своей профессии широко общавшийся с людьми самых различных слоев общества, не мог о ней не знать, а зная — не сделать из этого своих выводов.

² *Gothofredus* — примечание к соответствующей главе; *A. Vasiliev*, ук. соч., стр. 35.

³ Его точку зрения разделял впоследствии также и Ган (*L. Hahn*, ук. соч., стр. 13).

хотя автор с интересом регистрирует аналогичные события; Берит рисуется еще как цветущий город (главы 25 и 31), следовательно, автор ничего не знает об этом бедствии. Это позволяет предположить, что трактат написан в промежутке между 347 и 348 гг. Принимая этот *terminus ante quem*, мы, в отличие от Готофреда и Гана, не считаем его временем возникновения постулируемого греческого оригинала, а полагаем, что между 347 и 348 гг. возникла древнейшая латинская версия трактата (их всего две) в том виде, в каком она дошла до нас, а ее своеобразный грецизированный язык не свидетельствует о наличии письменного греческого оригинала. Однако к какой бы точке зрения ни склоняться, возникновение трактата в его первоначальном виде (будь он на греческом языке или на латинском) около второй половины IV в. остается неоспоримым. Как выше было сказано, причиной, заставившей исследователей конструировать не дошедший до нас греческий оригинал „Описания“ явились языковые особенности латинского текста. Еще первый издатель и исследователь „Описания“ Готофред обратил внимание на грецизмы, во множестве встречающиеся в нем,¹ что даже побудило его произвести курьезный и характерный для филолога-гуманиста труд по восстановлению греческого оригинала, т. е. обратный перевод с латинского на греческий язык. Наблюдения Готофреда оказались тем не менее плодотворными, и после ряда специальных работ² исследователи пришли к выводу, что „Описание“ представляет собой позднейший перевод соответствующего греческого текста, возникшего в IV в.³ Нам представляется, что нет необходимости непременно постулировать некий письменный греческий источник, с которого был затем сделан перевод. Не исключена возможность, что автор трактата, не имея перед собой греческого оригинала, писал по-латыни, но, будучи греком по языку и недостаточно свободно владея латынью, думал по-гречески и переносил в свой текст свойственные родному языку конструкции, словоупотребление и лексику. Аналогичное явление можно наблюдать и у другого автора этого периода, грека Аммиана Марцеллина, писавшего по-латыни. Его в значительной мере грецизированный текст не вызывал, однако, ни у кого предположений о наличии греческого оригинала книги. В пользу нашего предположения как будто говорит и то обстоятельство, что очень близкое первой части нашего трактата (до главы 21) анонимное греческое сочинение, в котором хотели видеть оригинал соответствующих глав „Описания“,⁴ не-

¹ Gothofredus по изд.: C. Müller, ук. соч., стр. XI vj сл.

² L. Hahn, ук. соч.; A. Klotz, *Die Expositio totius mundi et gentium*. Philologus, 65, N. F., 19 (1906).

³ Точку зрения, наиболее подробно мотивированную Ганом и Клоцем, разделяет большинство исследователей: A. Vasiliev, ук. соч., стр. 34; A. Riese, ук. соч., предисловие к „Expositio“; C. Müller, ук. соч., стр. XLV; Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 284; J. B. Bury, *History of the Later Roman Empire*, v. II, 1923, стр. 316, 3; F. Bücheler, *Conjectanea. Rhein. Mus.*, XXVII, 1872, стр. 476. Th. Sinko, (ук. соч., стр. 539) на основании знакомства автора с Плинием и Вергилием предполагает, что трактат был написан на латинском языке. Наличие в тексте грецизмов не получает объяснения.

⁴ Перевод этого текста см. в „Приложении“; A. Vasiliev, ук. соч., стр. 29—30. Н. В. Пигулевская (ук. соч.) высказывается на этот счет противоречиво; на стр. 38—39: „но все же он смог использовать текст *Ὀδοσπορίη* и перевести его на латинский язык“, на стр. 115—116: „... исследователи стали утверждать, что нашелся письменный источник на греческом языке, использованный автором «Описания»“. Между тем это не вполне правильно, так как греческий и грузинский тексты *Ὀδοσπορία* — „дорожника“ не совпадают полностью, и ни тот ни другой не покрывают содержания соответствующих параграфов „Описания“ (A. Klotz, *Ὀδοσπορία ἀπὸ Ἐδερν*. *Rheinisches Museum*, N. F., 65, 1910, стр. 616).

смотря на эту близость, не является, однако, им в полном смысле слова. В последнее время в советской науке была выдвинута новая точка зрения на происхождение латинской версии „Описания“ — первая часть трактата, т. е. главы до 21, признается переводом с греческого, остальные же считаются написанными на латинском языке думавшим по-сирийски автором.¹ В отличие от Готофреда, впервые обратившего внимание на единичные сиризмы в основном лексического характера,² но полагавшего, что автор переводил греческий оригинал на латинский язык и что следов этого перевода сохранилось множество,³ Н. В. Пигулевская видит во второй части трактата латынь, полную калек с сирийского. Если отмеченные Готофредом отдельные сиризмы удовлетворительно объясняются при учете восточного происхождения автора трактата и, вероятно, неоднократных посещений им Сирии, то мнение Н. В. Пигулевской, в подкрепление которого исследователем приведены, к сожалению, только три примера, не получает, думается, достаточного обоснования. При такой точке зрения не находит себе объяснения прежде всего наличие в тексте нескольких сот зарегистрированных грецизмов, а, кроме того, указанные Н. В. Пигулевской в качестве калек с сирийского места не показывают, как нам кажется, сколько-нибудь резких расхождений с обычным греческим и латинским словоупотреблением; они особенно понятны, если учесть постоянный контакт автора с говорящим по-сирийски населением.⁴ Грек по языку, анонимный автор „Описания“, как показывает его большая осведомленность об условиях жизни провинций восточной части империи сравнительно с западной, скорее всего был родом с Востока. В этом смысле показательно подробное и точное описание Сирии (главы 22—33) и Египта (главы 34—37), рассказ о Риме, несомненно с точки зрения иностранца (главы 55 и 58), и, наконец, самый порядок перечисления двух дворов империи (*Orientis quoque et Occidentis*, глава 44). Однако утверждать, что он родом из Сирии или Египта⁵ представляется рискованным, ибо подробное описание и хорошее знакомство с этими областями безоговорочно не свидетельствуют о сирийском или египетском происхождении самого автора и скорее всего связаны с преимущественной ролью сирийских и египетских городов в торговле восточной части империи, с которыми он по роду своих занятий (см. ниже) должен был преимущественно соприкасаться. То, что Сирия избрана отправной точкой при рассмотрении остальных частей империи (Египет определяется как лежащий по левую, а Аравия и Персия по правую руку

¹ Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр. 38—40.

² *Cothofredus* по изд. С. Müller, стр. XLVIII.

³ Там же, стр. XLVIII.

⁴ Примеры, приведенные Н. В. Пигулевской, не нарушают обычных норм греческого и латинского языков, хотя такие, как „*deinde iam*“ глава 38 и „*deinde iterum*“ глава 39 действительно несколько чужды обычному классическому словоупотреблению; фраза же из главы 22 „*Sunt egro Nisibis et Edessa, quae in omnibus viros habent optimos et in negotio valde acutos et bene nantes et praecipuae divites et omnibus bonis ornati sunt*“, за исключением испорченного „*bene nantes*“, представляет собой обычный аваколуф, а фраза главы 23 „*ubi et dominus orbis terrarum sedet*“ тоже не может вызвать безусловного сомнения, ибо глагол „*sedeo*“ и, в особенности, глагол „*хадэґсма*“ могут означать „пробывать“, „находиться“. Но даже если признать эти примеры кальками с сирийского, концепция Н. В. Пигулевской не приобретет большей достоверности.

⁵ Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр. 34—35; А. Vasiliev, ук. соч., стр. 32; Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 284, 2; *Gothofredus* по изд. С. Müller, стр. XLVIII; L. Hahn, ук. соч., стр. 12—13; E. Wölfflin, ук. соч., стр. 578, и другие исследователи.

от Сирии), свидетельствует скорее о том, что трактат писался на сирийской почве, и, обращаясь к карте (об этом ниже), автор исходил из того географического пункта, где находился в момент работы над „Описанием“. Специфичность интересов сочинения, пристальное внимание к вопросам импорта и экспорта товаров, позволяет предположить, что автор — купец,¹ преимущественно, если не исключительно, бывавший в восточных центрах торговли того времени и потому особенно хорошо знакомый с процветающими торговыми городами восточной части империи. Несмотря на то, что автор видит мир трезвыми глазами делового человека, он не лишен любознательности и охотно сообщает о культурных и религиозных достопримечательностях областей, о которых рассказывает (главы 25, 26, 28, 32, 34—36, 38, 49, 50, 52, 55, 56, 61—65). Его кругозор, однако, узок, и характер сообщений, как и стиль повествования, изобличает в нем человека, не получившего достаточного образования и вышедшего, вероятно, из низов, что, впрочем, не мешает ему быть весьма лояльно настроенным (главы 22, 23, 25, 28, 44, 45, 55). Автор — язычник (главы 22, 34—37, 56), но его религиозные представления уже в значительной мере пропитаны христианством (главы 19, 53, 55, 62, 65) и слиты в причудливую амальгаму из элементов язычества и христианства (глава 63).

Жанр, в котором написан памятник, определялся разными учеными по-разному. Готофред, Синко и Клод² считают „Описание“ риторской декламацией, причем последний полагает, что впоследствии речь была переделана с расчетом не на слушателя, а на читателя. Бюхелер³ признает в „Описании“ итинерарий, а Ризе⁴ справедливо усматривает в первой части сходство с итинерарием, а во второй периегесами. Нам думается, что „Описание“ представляет собой систематический трактат, стилистически неоднородный в связи с использованием автором для разных частей повествования различных источников — итинерариев для первой и периегес'ов — для второй (это предположение не означает, что автор использовал источники только названного типа); это использование не носило в достаточной мере органичного и критического характера, так что следы компиляторской работы отчетливо сказываются и подтверждают предположение о различном происхождении обеих частей трактата — глав 1—21 и 22—67. Уже давно было обращено внимание на то, что он распадается на две неравноценные в смысле исторической достоверности и тематики части.⁵ Первая из них описывает восточные страны, не входящие в состав империи, и сообщает мало достоверные, а подчас и прямо легендарные сведения. Вероятно, для этого раздела своего труда автор пользовался какими-нибудь несомненными источниками, среди которых сочинения типа публикуемого ниже итинерария занимали не последнее место. В главе 2 содержится свидетельство того, что автор опирался на целый ряд источников — *dixerunt qui conscripserunt*, в том числе и на исторические труды — *historicus ait*. Сопоставление этой части „Описания“ с итинерарием,

¹ A. Vasiliev, ук. соч., стр. 33; Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр. 16; F. Bücheler, ук. соч., стр. 476; L. Hahn, ук. соч., стр. 12.

² Th. Sinko, ук. соч., стр. 543; A. Klotz, 'Ἰστορία ἀπὸ Ἑβραίων, Rhein Mus., N. F., 65, 1910, стр. 606; Gothofredus по изд. C. Müller, ук. соч., стр. XLVII; A. Klotz. Expositio, стр. 111.

³ F. Bücheler, ук. соч., стр. 476; эту точку зрения разделяет также Н. В. Пигулевская (ук. соч., стр. 125).

⁴ A. Riese, ук. соч., стр. XXXI.

⁵ L. Hahn, ук. соч., стр. 8; A. Klotz. 'Ἰστορία, стр. 611 и др.

а также упоминание автором ряда использованных им источников не позволяет, как нам кажется, считать первую часть трактата переводом греческого дорожника. Несомненно только, что этот текст либо был использован автором „Описания“, либо, в свою очередь, базировался на источнике, из которого он черпал. Напротив, вторая часть трактата (главы 22—67) дает точные и ценные сведения по экономике империи и частично основана на аутопсии (глава 34 и, вероятно, главы 22—37 и 52),¹ частично на достоверных устных и письменных свидетельствах (глава 68—narrant, главы 55, 58, 63, 64—dicunt, главы 32, 38, 41, 42, 45, 47, 56—58—dicitur, dicuntur, главы 40, 43, 46, 56, 59—aiunt). Думается, что нет нужды считать источниками „Описания“ только устные сообщения и сведения, заимствованные автором из личного опыта,² ибо употребляемые им глаголы, особенно глаголы „dico“ и „nargo“ широко используются латинскими писателями при ссылаках на письменные источники. То, что автор „Описания“ не является в этом смысле исключением, можно увидеть из следующих примеров: „Homerus ait“ (глава 52), „Vergilius ait“ (глава 62), „historicus ait“ и „dixerunt, qui conscripserunt“ (глава 21), где речь несомненно идет о письменных источниках. Последний пример, как нам кажется, вполне убедительно свидетельствует о том, что глагол „dico“ может относиться и к письменной речи, так что связывать риторическое происхождение трактата с употреблением *verba dicendi* едва ли основательно.³ В соображении с этим автор, имея в виду свое сочинение, преимущественно употребляет глагол „dico“: „diximus“ (главы 21, 31), „dicere“ (глава 32), „praeterdiximus“ (глава 36), „dicere“ (глава 44), „dicamus“ (глава 57), „potuimus dicere“ (глава 62).⁴ Представляется вполне вероятным, что порядок следования отдельных стран и провинций определяется автором, подобно так называемому *Geographus Ravennas*, по карте,⁵ что послужило для него способом организации в единое целое компилируемого из разных источников материала. Как выше уже было отмечено, при рассмотрении отдельных стран и областей Сирия избирается исходным пунктом, поэтому Египет располагается по левую

¹ Это предположение об аутопсии подсказано любопытной особенностью указанных глав трактата, лишенных, несмотря на значительность своего объема, сигнализирующих об использовании устных и письменных свидетельств, глаголов, „dico“, „aiō“, „nargo“, которые буквально испещряют остальные части трактата. Исключением в этом смысле являются только два места (в главах 22—37), характер которых, однако, не опровергает нашего мнения о том, что описание Сирии и Египта, по всей вероятности, основывается на аутопсии: „Они (жительницы города Гелиополя, — С. П.) оказывают величайший почет Венере, и утверждают даже, что сама богиня обитает в Гелиополе и сообщает его жительницам изящество и прелесть“ (глава 30) и „Одни говорят, что египтяне изобрели письмо, другие приписывают его открытие халдеям, третьи — пунийцам“ (глава 34).

² А. Васильев, ук. соч., стр. 38; Л. Нанн, ук. соч., стр. 8; Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр. 38.

³ Правда, следует напомнить, что исследователи, выдвигавшие эту точку зрения (Готофред, Синко, Клоц) исходили не из того, что автор употребляет, говоря о себе, глагол „dico“, а из украшений, свойственных жанру риторической речи, и ссылок, на слушателей — „delectabo audientes“ (глава 23) и авторского определения жанра его сочинения, как „oratio“ (глава 33).

⁴ Синко, сторонник риторической природы „Описания“ (Th. Sinko, ук. соч., стр. 535), в подтверждение того, что глагол „dico“ не определяет риторического происхождения „Описания“, ссылается на Мелу, обозначавшего свою деятельность глаголом „dicere“.

⁵ Ган (L. Nann, ук. соч., стр. 8 и 95 сл.), высказывая и аргументируя эту точку зрения, приходит к неправильному выводу о самостоятельном, не основанном на использовании письменных источников, происхождении второй части трактата, ибо ориентация на карту не предполагает непременно работы из головы.

сторону от нее, а Аравия и Персия — по правую. Автор касается затем Киликии и провинций, лежащих к северу от Средиземного моря, в порядке с востока на запад до Испании; далее, миновав Геракловы Столпы, он, начиная с Мавритании, рассказывает об областях, располагающихся к югу от Средиземного моря, идя с запада на восток, пока вторично не доходит до Александрии. Точно так же автор поступает, перечисляя острова: описание начинается с Кипра и кончается островами Средиземного моря — Сицилией, Коссорой и Сардинией. Однако не только из этого отчетливого плана рассказа об отдельных областях можно заключить, что автор „Описания“ пользовался картой: в начале главы обычно определяется географическое положение каждой описываемой области или провинции (*supra caput habens Thebaidis Indorum genus* — глава 35, *deinde huius supra Armenia Minor* — глава 43) и постоянно поясняется положение того или иного пункта при помощи слов „post“, „deinde“, „item iuxta“, „invenies“, „habes“ и т. д.

„Описание“ дошло до нас в двух латинских версиях: первая, менее корректная в смысле языка, „*Expositio totius mundi et gentium*“, представлена одной фрагментарной и до сего дня не обнаруженной рукописью, копия с которой была издана в XVII в. Готифредом, вторая — составлена на более правильной латыни и сохранилась полностью под заглавием „*Liber Junioris philosophi in quo continetur totius orbis descriptio*“ в двух рукописных списках. Сравнение обеих версий между собой привело исследователей к заключению, что менее корректная в языковом отношении версия послужила второй материей для переработки; в процессе этой переработки все неясности были старательно обойдены, а содержание приспособлено (в смысле удаления всего, что успело уже устареть) к существующему в момент ее возникновения политическому и культурному положению вещей, что сказалось главным образом на устранении языческого элемента.¹ Не разделяя господствующей точки зрения на латинский текст как на перевод не дошедшего до нас греческого оригинала, мы не будем останавливаться на гипотезах происхождения обеих его версий и на попытках их датировки, признав, однако, одновременность их происхождения — сравнительную с корректной версией древность некорректной.

Приведенные соображения побуждают, несмотря на значительную неясность древнейшей версии Готифреда, положить ее в основу перевода, привлекая в ряде мест чтения ее позднейшей переработки; вторая версия использована также там, где первая лакунарна, и из нее целиком заимствованы первые четыре главы, носящие ярко выраженный христианский характер. Текст переводился по изданию Мюллера „*Geographi Graeci Minores*“ (т. II, 1861), обозначившего текст Готифреда литерой В, а публикуемый им позднейший его парафраз литерой А. Исходя из обозначений Мюллера, первые четыре главы даны по версии А, а главы 5—67 — по версии В.

Предпочтение старого издания более новым (А. Riese, 1878; G. Lumbroso, 1903; Th. Sinko, 1904) объясняется тем, что все последующие издатели не располагали сравнительно с Мюллером дополнительным материалом рукописей или папирусов и базировались, как и он, на публикации Готифреда, вводя в свой текст отдельные конъектуры или чтения позднейшей версии.

С. Полякова

¹ А. Klotz. *Expositio*, стр. 100; L. Hahn, ук. соч., стр. 82; С. Müller, ук. соч., стр. XLV—XLVI; А. Riese, ук. соч., стр. XXXII.

ПРИМЕЧАНИЯ

При работе над составлением примечаний были использованы все существующие комментарии (Готофреда, Мюллера, Ризе, Синко, Ломброзо), а также специальные работы, посвященные трактату; сведения, встречающиеся во всех комментариях, помещены без ссылки на источники. Испорченные места текста отмечены многоточием.

¹ Заглавие и первые четыре главы переведены по позднейшей нефрагментарной версии А и носят поэтому ярко выраженный христианский характер. Как указывалось в статье, версия В, в основном язычески окрашенная, в иных местах обнаруживает следы христианского влияния или подчас объединяет те и другие представления, что как нельзя более характерно для поздней античности. Начиная с главы 5 текст переводится по древнейшей версии, носящей название „*Expositio totius mundi et gentium*“.

² Имеется в виду библейское пятикнижие (Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие), сочинение которого приписывалось Моисею.

³ Бероз — вавилонский ученый, современник Антиоха Сотера (280—262/61 гг. до н. э.), написал наряду с астрономическими сочинениями историю Вавилоны на греческом языке.

⁴ Манефон — египетский ученый; в эпоху Птолемея Филадельфа (285—246 гг. до н. э.) написал на греческом языке историю Египта.

⁵ Автор, вероятно, подразумевает греческого историка III в. до н. э., автора „*Картика*“, египтянина родом.

⁶ Иосиф Флавий — знаменитый иудейский историк I в. н. э., написавший на греческом языке „*Иудейскую войну*“, „*Иудейские древности*“, „*Автобиографию*“ и др.

⁷ Менаандр из Эфеса — греческий историк; время жизни неизвестно, упоминается Иосифом Флавием.

⁸ Мифическое счастливое племя — *дахарио*; греческого анонимного сочинения (см. „*Приложение*“), населяющее блаженную страну.

⁹ Эдем — мифическая страна блаженства, библейский рай (Gen., 2, 8).

¹⁰ Автор здесь ориентируется на библейское представление о райской реке, разделяющейся на четыре рукава (Gen., 2, 10—14).

¹¹ Согласно обычному комплексу представлений о странах блаженства, его жители наделены высокими этическими качествами и не должны трудом добывать себе пропитание. См.: A. Doren. *Wunschräume u. Wunschzeiten. Vort. d. Bibl. Warburg, 1924—1925*, изд. 1927 г. — В связи с локализацией в Индии описываемых трактатом восточных стран блаженства следует особо отметить, что камарины питаются перцем, пряностью, постоянно ассоциируемой с Индией (Plin., 12, 26 сл., см. также 19, 58).

¹² Приведенные особенности социального строя и жизни камаринов являются в своих главных чертах обычными для жителей блаженных стран (A. Doren, ук. соч.). Многие античные свидетельства об Индии, долгое время, как все отдаленные страны, рисовавшейся страной блаженства, в деталях (одежда, пища, незнание ремесла, государственной властью, долголетие, здоровье и т. д.) совпадают с изображением в трактате камаринов и других жителей восточных областей (брахманы, эвильты, жители Эмер и др.). Это в сочетании с топонимикой дало комментаторам возможность предполагать, что в этих описаниях мы имеем дело со смутными и легендарными представлениями об Индии, которой вопреки исторической правде приписывался ряд не свойственных ей особенностей, в том числе и примитивный общественный строй, хотя в IV в. эта страна знала уже развитые формы государственности. Эта точка зрения наиболее отчетливо сформулирована Авалишвили (Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 299 сл.).

¹³ Необычайное для прозы выражение „*gladium ignis*“ — ‘меч огня’, которому в позднейшей версии текста соответствует более понятное „*ignis solis*“ — ‘солнечный свет’, по справедливому мнению Готофреда, объясняется недостаточным знакомством с латинским языком автора, переводившего буквально идиом родного языка „*ἔϊφος τοῦ πυρός*“ — ‘меч (острие) огня’. Речь, вероятно, идет не о выбеливании ткани на солнце, как думает составитель позднейшей версии, а о легендарной способности одежды жителей Индии не страдать от огня (Hierocl. *Syr. apud Steph. Byz.*, s. v. *Βραχμῆνες*); об одежде жителей Индии Плиний (Plin., 19, 19) рассказывает то, что автор „*Описание*“ сообщает об одежде камаринов.

¹⁴ Упоминание драгоценных камней, вывозившихся из Индии (Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 287, 3), служит доказательством в пользу отождествления страны камаринов и Индии.

¹⁵ Текст в этом месте не ясен. Мы понимаем его так же, как Васильев.

¹⁶ По мнению древних, драгоценные камни находятся в реках (Mela, 3, 6, 51).

¹⁷ Античные писатели приписывали жителям Индии исключительное долголетие. Ср.: Plin., 7, 28; Solin., 53, 11.

- ¹⁸ Очевидно, тоже отголосок представлений об Индии.
- ¹⁹ Брахманы, согласно Geographus Ravennas, 2, 1, — жители сирийской Индии, ибо их страна лежит к югу от Эвильтов.
- ²⁰ Эвильты — жители легендарной библейской страны Evilat (Gen., 2, 11), ср. Ев-лѣт так называемого „Дорожника“, локализовавшейся позднейшей традицией в Индии, например Geographus Ravennas, 2, 1; Елифаный (Eriphan. Expos. fid. cath., 12) помещает землю брахманов и Эвилат рядом.
- ²¹ Авалишвили (Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 301) локализует и этот легендарный народ в Индии.
- ²² Страна Неб — легендарная страна, где, очевидно, начинает выделяться правящая верхушка. Готофред предполагает, что автор имеет в виду аристократическую форму правления и что слово „παῖδες“ означает у него не старейшина, а аристократическую прослойку; ср. также главы 13 и 18 „Описания“.
- ²³ Рукописное чтение „singre Samarina“ исправлено в издании Мюллера на „sine Samarinis“ „исключая камаринов“. Ган (L. Hanl, ук. соч., стр. 88) отмечает, что эта конъектура приводит содержание главы 12 в противоречие с содержанием главы 4, где рассказывается, что камарины питаются диким медом и перцем. Из этих соображений мы в переводе слова „sine Samarinis“ исключили. См. также прим. 11.
- ²⁴ Легендарная страна.
- ²⁵ Племя Ioneum в новейшей версии Choneum, Χῶνα или ἔδος Χωνίων „Дорожника“ сопоставляется Авалишвили (Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 290) с Khounia грузинской версии итинерария и с Χωνοί (вариант Οὐνωί) и локализуется в областях, расположенных севернее Индии, т. е. в Центральной Азии.
- ²⁶ Страна Дива отождествляется большинством исследователей с Цейлоном.
- ²⁷ Великая Индия отождествляется либо с собственно Индией (Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр. 121), либо с Нубией (A. Klotz, Ὀδοπορία, стр. 616).
- ²⁸ В новейшей версии вместо „пшеница“ читаем „шелк“. Синко (Th. Sínko, ук. соч.) отмечает, что другие источники не дают сведений ни о том, ни о другом товаре как предмете экспорта из Индии; то, что Индии приписывается торговля драгоценным и редкостным товаром, шелком, по его мнению, связано с общим представлением об этой стране как стране чудес. Н. В. Пигулевская (ук. соч., стр. 122) предполагает, что трактат имеет в виду посредническую торговлю китайским шелком, которой Индия занималась.
- ²⁹ Echimia regio — в древнейшем варианте, в новейшем — foris una regio, т. е. калька греческого ἔσω μία? Сопоставление echimia regio с Ἀζορία дорожника позволило Авалишвили (Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 290) предположить, что речь идет об Аксуме в центральной Эфиопии.
- ³⁰ Малая Индия идентифицируется с южной Аравией. На основании упоминания войны между персами и Малой Индией, т. е. Южной Аравией, имевшей место в 526 г. Клоц (A. Klotz, Ὀδοπορία, стр. 616) предлагает в качестве terminus post quem греческого оригинала 526 г. Нам по ряду причин, изложенных в статье, эта датировка представляется не выдерживающей критики; для объяснения этого места следует либо считать его позднейшей интерполяцией, либо исходить из предположения, что автор говорит о столкновениях между Персией и Южной Аравией, имевших место раньше (Н. В. Пигулевская, ук. соч., стр., 122).
- ³¹ Речь идет о торговле Персии с Месопотамией и Сирией, центром которой была Персеполь.
- ³² Сарацины — бедуины-кочевники (A. Klotz, Ὀδοπορία, стр. 616, 4).
- ³³ О таком запрете сообщают и другие источники, например: Constit. imp. Marciani, lex 2.
- ³⁴ Нисибин пал лишь в 362 г.
- ³⁵ Представление о двух Эдессах, Месопотамской и Осдроевской — заблуждение. Возможно, что, говоря о Месопотамии, автор имел в виду Амиду, а не Эдессу; последняя — город Осдроев (ср. Konrad Miller. Die ältesten Weltkarten, 1898, H. V, стр. 70; H. VI, стр. 113).
- ³⁶ Деление Сирии на три части отражает административное деление этого времени.
- ³⁷ Антиохия, как и Рим (глава 55), названы царственными, т. е. наиболее блестящими городами, так как прилагательное „regalis“ — синоним прилагательного „optimus“ (см. G. Lumbroso).
- ³⁸ Картина беритской жизни, нарисованная здесь, позволяет предположить, что текст написан до 348 г., когда город был разрушен землетрясением.
- ³⁹ Школа права в Берите сыграла важнейшую роль в возникновении знаменитых памятников права позднеантичного и византийского периодов (Кодекс Феодосия и Гермогена, сирийский Законник и частично юстиниановское законодательство).
- ⁴⁰ Гавань была выстроена в 347 г., как сообщает под этим годом хроника Иеронима (Chron. Hieron.).

⁴¹ Вино, производимое этими городами, пользовалось широкой известностью.

⁴² Как показывает глава 31, сообщающая о производстве полотна, выражение „in industria positae“ можно понимать более конкретно как 'заниматься ремеслом'; такое понимание не вступает в противоречие с другим, более широким толкованием смысла этой фразы — 'исполненные кипучей деятельности'.

⁴³ Подразумевается культ диванской Афродиты, о котором сообщает и Лукриан (Luc. Adv. ind., 3); его адептами были преимущественно женщины. Так как восточные Афродиты считались особыми покровительницами гетер, возможно под красивыми жительницами Гелиополя следует в первую очередь иметь в виду их.

⁴⁴ Финиковая пальма носит имя историка и философа Николая из Дамаска, так как он подарил Августу плоды этого дерева.

⁴⁵ В позднейшей версии вместо Кастабетии, города Пунической Сирии, фигурирует Кастабала, киликийский или фригийский город.

⁴⁶ Обычно столица отдельной области или провинции выделялась в историческом повествовании подобным образом (Готофред).

⁴⁷ То обстоятельство, что автор специально останавливается на бедности Египта оливковыми деревьями, хотя весьма скупое говорит об его сельскохозяйственных богатствах, позволяет, может быть, считать это лишним доказательством его греческого происхождения, так как оливы — привычная для грека пища. Характерно в этом смысле, что Ксенофонт Афинский в лапидарных заметках „Анабасиса“ о тех странах и областях, которые проходили греки на возвратном пути на родину, дважды обращает внимание на отсутствие оливковых плантаций (VI, 6, 1 и VI, 4, 6).

⁴⁸ Синко (Th. Sinko, ук. соч., стр. 541) предполагает, что это странное место трактата о состязании греков и египтян в мудрости связано с искажением смысла использованных его автором мест Плиния (Plin., 35, 10 и 13, 70), где слово „certamen“ означает не 'состязание', а культурное соперничество пергамских и египетских правителей, которое привело к учреждению библиотеки александрийского Мусея.

⁴⁹ Может быть, имеются в виду прямые улицы Александрии (Bell. Alex., 2).

⁵⁰ Очевидно, речь идет об эфиопах.

⁵¹ Имеется в виду Месопотамия и Сирия, в городах которых стояли войска.

⁵² „Historiae maxime offerunt“ — все комментаторы признают это место темным и по-разному его толкуют. Последний перевод, принадлежащий Васильеву, „делают в историю вклад гораздо больший (чем остальные народы)“, не представляется удовлетворительным. Слово „historia“ не означает здесь 'история', а связано с греческим глаголом „ἱστορέω“ в смысле 'повествовать', 'рассказывать', 'сообщать'; на этом Готофред основывает свое остроумное толкование, которое мы отразили в переводе.

⁵³ „In contemptu solus populus Alexandriae“ — эта фраза означает 'быть в презрении', т. е. либо 'быть презираемым', либо 'презирать'. В соответствии с возможностью понимать этот текст двояко, одни исследователи полагают, что речь идет о презрительном отношении плебея к должностным лицам, другие — о том, что презрению подвергается плебе. Исходя из отмеченных в статье долейных настроений автора трактата, полагаем, что указанная фраза означает 'только александрийский плебе с пренебрежением относится к должностным лицам', ибо автор едва ли стал бы упрекать магистратов во враждебном отношении к жителям Александрии.

⁵⁴ Этот рассказ является яркой иллюстрацией классовой борьбы — притеснений правителей и реакции на них народных масс Александрии. Выступление александрийского плебея и его неблагонадежность в период империи широко известны из ряда источников.

⁵⁵ Развитие в Египте медицины связано еще с отдаленными временами, когда при храмах зарождались первые ее начатки, религиозное врачевание. В период, описываемый в трактате, Александрия славилась своими врачами. Аммиан Марцелин (22, 16, 18) сообщает даже, что достаточной рекомендацией для врача была ссылка на полученное им в Александрии медицинское образование.

⁵⁶ Синко указывает на то, что лестная характеристика каппадокийцев встречается только у автора „Описания“.

⁵⁷ Готофред полагает, что имеется в виду простая обувь из шкур.

⁵⁸ Словом „знаменитый“ мы передаем прилагательное „divinus“, обозначавшее в это время 'императорский', т. е. 'отменный', 'царский'.

⁵⁹ Речь идет о шерстяной одежде.

⁶⁰ Возможно, что автор опускает Великую Армению, так как она не являлась провинцией империи и управлялась самостоятельно.

⁶¹ Об этом согласно сообщают многие источники: см. материал в любом из комментариев к „Описанию“.

⁶² Negotia — означает в данном контексте не торговые, а государственные дела; каппадокийцы, понтийцы, панфлагонцы и галаты занимали в эту эпоху разнообразные должности в государственном аппарате. Далее, до конца пассажа текст испорчен лакуной, а фраза „sic maioribus et melioribus proficere urgentur“ настолько

темна, что ни один комментатор не объясняет ее сколько-нибудь удовлетворительно, и не представляется возможным дать ее перевод.

⁶³ Судя по Аммиану (Amm., XIV, 2, 1 сл.), брожение в Исаврии было постоянным и спустя несколько лет после составлений „Описания“ выдилось в 353—354 гг. в настоящую войну. Термин „latrocinium“, которым оно обозначено в нашем трактате, разъяснен Дмитриевым (Соднальные движения в Римской империи в связи с вторжениями варваров. Автореферат докторской диссертации, 1950, стр. 10). Нет оснований предполагать, что автор трактата имеет в виду этот описанный Аммианом взрыв, так как фраза „adversarii Romanorum esse voluerunt“ может относиться к любому из не прекращающихся в этот период столкновений исаврийцев с регулярными войсками.

⁶⁴ По другим источникам не известна.

⁶⁵ Имеется в виду проконсульская Азия.

⁶⁶ Геллеспонт тоже находился во власти проконсула провинции Азии. Дальше идет речь, с одной стороны, об архаической Трое, с другой — об Илионе, городе, возникшем на месте Трои еще в VII в. до н. э.

⁶⁷ Кизик славился культом Афродиты. Образ Венеры, вооруженной стрелами, известен по Лукрецию (Luc., IV, 1278).

⁶⁸ Интересно отметить, что автору-язычнику были настолько чужды христианские интересы, что, говоря о Никее, он не упоминает состоявшегося в ней в 325 г. собора, на котором была принята догма христианского учения.

⁶⁹ Готофред справедливо предполагает, что „fructus“ означает не „плод“, а „злаки“, „хлеб“; это слово так же понимается нами и в главах 57, 60, 62.

⁷⁰ Об этом же сообщает Аммиан, 20, 8, 1.

⁷¹ Судя по этому описанию Константинополя, во время составления трактата, т. е. около второй половины IV в., он не был еще особенно значительным городом. Замечание автора относительно жестокого характера константинопольских цирковых развлечений, вероятно иронический намек язычника на увеселения в городе императора, официально признавшего христианство государственной религией.

⁷² Not. II, VIII, 456; Not. Od., VI, 43.

⁷³ Лаконика выделена из провинции Ахайи, как и в „Tabula Theodosiana“ — Achaia, Arcadia, Laconica.

⁷⁴ Речь идет о статуях, воздвигнутых Атталом (Paus., I, 25, 2) у южной стены Акрополя и изображающих эпизоды гигантомахии, битвы с амазонками, марафонского сражения и борьбы с галатами.

⁷⁵ Крокийский камень — скорее всего высоко ценившийся сорт мрамора. Готофред полагает, что наряду с мрамором автор мог подразумевать также и крокийские смарагды.

⁷⁶ Экспорт сыра из Далмации отмечается и другими источниками.

⁷⁷ Автор говорит о землетрясении 346 г. (Chron. Hieron. ad an., 346).

⁷⁸ Готофред полагает, что речь идет об одежде из канузинской шерсти, которой славился город Канузий в Апулии. Ср. Синко.

⁷⁹ Кампания снабжала Рим зерном и мясом (Синко, Готофред).

⁸⁰ Автор, как это было принято в IV в. (Cod. Theod., lex VI de ann. et trib.), выделяет Италию (Калабрия, Бруттий и Лукания как бы не являются ее частями) и называет этим именем область, которая тянется от Рима до Альп.

⁸¹ Этот автор хочет сказать, что Италия взыскана особыми милостями бога или богов; об этом же говорит Плиний (Plin., III, 39 и III, 138).

⁸² Итальянские вина составляли важную статью в торговле Рима на Востоке (ср.: Edict. Diocl., 2; Peripl. maris Erythr., 6, 49).

⁸³ Этимологическая игра, к которой прибегает автор, выдает в нем человека, думавшего по-гречески, ибо ἰσχυρὸν Рим представляется ему стоящим в связи с ῥωμαϊκὴν сила, мощь.

⁸⁴ Здесь автор имеет в виду Констанция и Константа; относительно их строительства в Риме ничего не известно, за исключением рассказа Аммиана (Amm., 17, 4, 12 сл.) о перевозке и водружении египетского обелиска в Большом цирке в Риме, которое было осуществлено Константином спустя семь лет после создания текста „Описания“.

⁸⁵ Antoninus — имя целого ряда императоров, так что трудно решить, кого из них имеет в виду автор трактата, тем более, что строительство Форума Траяна, начатое при Домициане, было закончено при Траяне и, таким образом, специально не связано ни с одним из императоров, носивших это имя.

⁸⁶ Форум Траяна вызывал у людей IV в. чрезвычайное восхищение; между прочим, сам император Констанций, увидев его, был, по словам Аммиана, ошеломлен, а историк называет его единственным в целом мире сооружением, достойным удивления богов (Amm., XVI, 10, 15).

⁸⁷ Речь идет о Basilica Ulpica.

⁸⁸ Большой цирк, Circus Maximus.

⁸⁰ Под магистратами (*iudices*) имеются в виду сенаторы, которым вверяется управление провинциями. Очевидно, намек на намечающуюся в этот период тенденцию сословия сенаторов отходить от общественной жизни.

⁸¹ „*Colunt autem et deos ex parte, Jovem et Solem*“ выражение может быть понято двояко: римляне чтут отдельных богов или некоторые римляне чтут’.

⁸² В 357 г. Константин издал декрет, запрещающий гаруспции.

Как это отмечалось комментаторами и исследователями нашего трактата, этимология слова „Туский“ понятна только, если исходить из греческого языка и связывать ее с греческим словом „*θυσκόβου*“, передаваемым здесь как „*thuscopia*“. *Dion. Hal. Ant. Rom.*, 1, 30, 3, основываясь на этом, пишет: „*πρότερον δ' ἀφίβουτες τοῦτοια ὄψληρ Ἑλλήες θυσκόβους ἐλάου*“.

⁸³ В Паннии неоднократно жили императоры Констанций и Константин. Точка зрения Ризе (*Riese*, ук. соч., стр. XXX), что здесь говорится о Паннии как родине императоров Аврелиана, Проба, Кара, представляется неубедительной, ибо наш автор пишет: „*semper habitatio imperatorum est*“; „*habitatio*“ не значит „родина“, а биографические данные о подавляющем большинстве императоров не согласуются со значением наречия „*semper*“.

⁸⁴ Неясно, почему автор называет область Норик городом; Норик включается им в Паннию, вероятно, потому, что эта область административно подчинялась правителю Паннии.

⁸⁵ *Edict. Diocl.*, 19, 43; 19, 34; 19, 47.

⁸⁶ „*imperatorem semper creat... hunc ex se habet*“ ошибочно понимается Мюллером как: „Галлия из своей среды имела императора“. Принятое нами толкование было предложено Васильевым (*A. Vasiliev*, ук. соч., стр. 36); оно согласуется с тем, что до своей гибели в 350 г. Константин правил в Галлии. Толкование этого места Мюллером позволило ему датировать возникновение трактата 350—353 гг., т. е. временем после убийства Константа, так как он считал, что под „императором“ автор разумеет варвара Магнентия, отложившегося от Константа в январе 350 г. и продержавшегося до 353 г. Кроме ряда причин, не согласующихся с такой датировкой, о которых говорилось во вступительной статье, необходимо в этой связи упомянуть еще одно соображение, выдвинутое Васильевым (*A. Vasiliev*, ук. соч., стр. 36), и на наш взгляд лишаящее датировку Мюллера достоверности; вряд ли патриот Римской империи, каким являлся наш автор, мог бы в тоне уважения говорить об узурпаторе и называть его императором.

⁸⁷ Перевод этого места сделан по конъектуре Готофреда, предложившего вместо „*propter maioris praesentiam*“ — „*propter maris praesentiam*“. Трудно допустить, чтобы словом „*maior*“, встречающимся в единственном числе только в этом месте трактата, автор обозначил правителя, только что названного „*imperator*“.

⁸⁸ Трир служил резиденцией императоров западной части империи, сначала Константина II, а затем, в 343 г., — Константа.

⁸⁹ Об этом же читаем у Аммиана (*Amm.*, 15, 12, 3).

¹⁰⁰ Это сообщение заставляет Готофреда предположить, что автор трактата проясляет здесь невежество. Ризе (*A. Riese*, ук. соч., XXXI) на основании данного места делает далеко идущие выводы, считая, что латинская версия трактата возникла после 412 г., когда готы действительно оказались соседями галлов. Скорее всего автор обозначает словом „готы“ германские племена вообще (см.: *L. Hahn*, ук. соч., стр. 93).

¹⁰¹ Это отмечают и другие источники IV в. (см.: *Gothofredus*).

¹⁰² Ср.: *Edict. Diocl.*, 3, 6, 7.

¹⁰³ Плиний (*Plin.*, 37, 233) сообщает, что Испания наряду с названными товарами богата также металлами, лошадьми, вином и плодами земли.

¹⁰⁴ Альфа — особый вид травы, которая шла на изготовление канатов.

¹⁰⁵ Здесь автор трактата опирается на традиционные для своего времени примитивные географические представления.

¹⁰⁶ О богатстве Мавритании сельскохозяйственными продуктами сообщает также Плиний (*Plin.*, 5, 6).

¹⁰⁷ Подразумевается, вероятно, главным образом торговля с Римом. Нумидийский город Куалу славился изготовлением пурпурных тканей, не уступавших сирийским. В тексте вместо „*equi*“ — „*animalia*“; последнее слово употребляется автором трактата в смысле „*equi*“ также в главах 40 и 65.

¹⁰⁸ Речь идет об Африке проконсульской.

¹⁰⁹ О перечисленных товарах см.: *Cod. Theod.*, lex 3, 29, 2, а также: *Plin.* 15, 8.

¹¹⁰ В это время Карфаген был одним из самых цветущих городов империи; характерно, что он описан поэтом Авсонием (*Ordo nobilium urbium*) в числе первых трех городов Римской державы.

¹¹¹ Предшествующая лакуне фраза ввиду неясности текста передана в переводе неточно; автор, вероятно, следует Вергилию (*Verg. Aen.*, 1, 441, „*lucus in urbe fuit*“).

¹¹² Снова вергилианская реминисценция (Verg. Aen., I, 159—170).

¹¹³ Жадность карфагенян до зрелищ была настолько велика, что Тертуллиан обрушился на нее в своем „*Libellus de spectaculis*“.

¹¹⁴ Представляется, что подобного рода суждение в устах обычно весьма доброжелательно относящегося ко всем народам, входящим в состав империи, автора вызвано его лояльной политической позицией, ибо Африка — очаг антиримского брожения, т. е. донатистских войн, сопротивления местной аристократии римским колонизаторам и народного движения циркумцеллионов (см. рукопись докторск. диссерт. А. Д. Дмитриева „Социальное движение в Римской империи в связи с вторжением варваров“, 1950, стр. 232—285; A. Schulten. *Das Römische Africa*. 1889, стр. 89 сл. и 46). Едва ли можно предполагать, что автор трактата основывает свое отрицательное отношение к пунийцам на традиционных представлениях старой латинской поэзии об их вероломстве — *punica fides*.

¹¹⁵ Здесь автор проявляет ограниченность своих географических познаний, так как в его время сведения об этой части Африки уже имелись (ср.: Амт., XXIX, 5 сл.).

¹¹⁶ Эфиопами назывались многие народы, населявшие южные и экваториальные области Африки.

¹¹⁷ Провинция Египетской диоцезы, она же *Lybia superior* или Киренаика.

¹¹⁸ Плиний (Plin., 5, 39) называет ее *Mareotis Lybia*.

¹¹⁹ Об этом же пишет Аммиан (Амт., XIV, 8, 14).

¹²⁰ Метрополия Кикладских островов.

¹²¹ Место не совсем ясное. Из него явствует, что пророчество Сивиллы еще не сбылось; между тем Павсаний (2, 7, 1), также сообщая о сивиллином пророчестве, связывает с ним большое землетрясение, от которого город пострадал при Антонине Пие, а Кедрен в своей хронике дает сведения о землетрясении 344 г. на Родосе; возможно, что наш автор толкует пророчество как абсолютную гибель острова и потому не считает оба упомянутых землетрясения его исполнением. Текст пророчества Сивиллы приводит Синко (Th. Sinko, ук. соч., стр. 570).

¹²² Из других источников мы ничего не знаем относительно „*dolus*“, заключенного в Колоссе, поэтому мы нескольковольно вынуждены передать это слово русским „нечто гибельное“.

¹²³ Фраза „*Macedoniae mittit et Thraciae regioni*“ заимствуется из позднейшей версии трактата, так как чтение используемой нами версии неудовлетворительно — „*Macedoniae et Thraciae regioni similans*“; сходяству в этом отношении с Македонией и Фракией, ибо в главах 50 и 51, посвященных названным областям, трактат не говорит о производстве вина во Фракии и Македонии.

¹²⁴ В Рим Сицилия вывозила свое зерно.

¹²⁵ Речь идет о знаменитых сицилийских конях, о которых упоминает также Орр. Сулг., I, 170.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ¹

Азия 47	Британия 67
Аквиды 56	Бруттий 53
Александрия 34—37, 62	Венера 30, 48
Анкара 41	Вергилий 42, 61
Антиохия 23, 27, 28, 32	Византий 50
Антонин 55	Вифиния 49, 50
Аполлон 63	Газа 29, 32
Аполлоний 3	Галатия 41, 42, 44
Аравия 38	Галаты 44
Арелат 58	Галлия 58, 59
Армения Малая 43	Галлы 58
Аскалон 29, 32	Геллополь 30, 32
Афины 52	Геллеспонт 48, 49
Африка 61, 62	Геон 4
Ахайя 52, 53	Гераклея 50
Берит 25, 31, 32	Геродот 3
Бероз 3	Гомер 42, 52
Биба 30, 31	Гортина 64
Бирса 61	Готы 58
Бостра 38	Греки 34, 42
Брахманы 8	Греция 52

¹ Цифры указателя соответствуют параграфам текста трактата

Дакция 57
 Далмация 53
 Дамаск 30
 Данувий 57
 Дардания 51
 Дява 15
 Дидона 61
 Диррахий 53
 Дисаф 13

Евбея 63
 Евфрат 4
 Египет 29, 34, 36, 37
 Египтяне 34

Закивф 64

Иерихон 31
 Илион 48
 Имброс 63
 Индийские племена 35
 Индия Великая 16
 Индия Малая 17—19
 Иовей 14
 Иосиф Флавий 3
 Исаврийцы 45
 Исаврия 45
 Испания 59
 Италия 55—57

Кавказ 46
 Калабрия 53
 Камарины 4—8, 12
 Кампания 54, 55
 Каппадокийцы 44
 Каппадокия 40, 44
 Кария 47
 Карфаген 61
 Карфагеняне 61
 Кастабетия 32
 Катана 65
 Кесария Каппадокийская 40
 Кесария Мавританская 60
 Кесария Сирийская 26, 31, 32
 Кефаллония 64
 Кизик 48
 Киклады 63
 Киликия 39, 40, 45
 Кипр 63
 Кирена 62
 Кифера 64
 Константин 49, 50
 Константинополь 36, 50
 Констанций 28
 Коринф 52
 Коссора 66
 Крит 64
 Купидон 48

Лаконика 52
 Лаодикия Сирийская 27, 31, 32
 Лаодикия Фригийская 42
 Ливан 30, 32
 Ливия 61, 62
 Лидда 31

Ликия 46, 47
 Лукавия 53, 54
 Мавритания 60
 Мазики 62
 Македония 51, 52, 63
 Манефон 3
 Матерь богов 55
 Медиолан 56
 Мезия 57
 Менандр из Эфеса 3
 Меркурий 34
 Месопотамия 22
 Моисей 3, 4
 Музы 32

Наксос 57
 Неаполь Сирийский 30, 31
 Неб 11, 13
 Никея 49
 Николай из Дамаска 31
 Никомидия 49
 Никополь 53
 Нил 34, 36
 Нисибин 22
 Норик 57
 Нумидия 60, 61
 Олимп 52
 Океан 59
 Осдрона 22

Палестина 31
 Памфилия 45
 Паннония 57, 58
 Пафлагония 44
 Пафлагонцы 44
 Пентаполитана 62
 Перга 45
 Персия 22
 Персы 17—19, 21, 22, 36, 38
 Понт 44
 Понтийцы 44
 Птолемаида Пентаполитанская 62
 Птолемаида Сирийская 30
 Пунийцы 34

Рим 2, 45, 54—56, 60
 Римляне 2, 19, 55
 Родос 63
 Ромул 55

Сарадины 20, 38
 Сардиния 66
 Сарепта 30, 31
 Сарматы 57
 Селевкия 28
 Серапис 35
 Сивилла 63
 Сида 45
 Сидон 30
 Сиракузы 65
 Сирия 23, 29, 33, 34, 38
 Сирия Келе 23
 Сирия Палестинская 23
 Сирия Пуническая 23
 Сирмий 57
 Сицилия 65

Скифополь 30, 31	Фригийцы 42
Смирна 47	Фригия 42, 43
Солнце (божество) 55	Фукидид 3
Солоны 53	
Тарс 39	Халдеи 34
Тенедос 63	
Тибр 55	Эвильты 9
Тигр 4	Эдем 4
Тир 24, 25, 31, 32	Эдесса 22
Тирийцы 61	Эксимия 17
Траян 55	Элевтерополь 30
Триверис 58	Эмер 10
Триполь 30	Эпир 53
Троя 48	Эскулапий 37
Туски 56	Этна 65
Туския 55, 56	Этолия 53
Фессалия 52	Эфес 47
Фессалоника 51	Эфиопы 62
Фиваида 34, 35	Эфира 53
Фисон 4	
Фракия 36, 50, 51, 63	Юннор 1
	Юпитер 55

ПРИЛОЖЕНИЕ

АНОНИМНЫЙ ГРЕЧЕСКИЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ

ОПИСАНИЕ МАКАРИНОВ

В Эдеме¹ у макаринов один храм — гора из цельного рубина длиной в семь и шириной в три миля. В храме семь алтарей, и в него ведет лестница, насчитывающая семьдесят две ступени.² У подножия горы протекает райская река и разделяется здесь на четыре потока: Геон и Фисон текут к югу, а Тигр и Евфрат — на север.³ Пища тамошних людей — плоды, дикий мед, весенняя пшеница и манна. Манна падает с неба семь дней, начиная с великой субботы. Из рая, словно туман, исходит также и пшеница, и ими люди живут всегда и вовеки. Здесь они не снимают урожай, не сеют и не жнут, а только славословят творца.

РАССТОЯНИЕ ОТ ЭДЕМА РАЙСКОГО ДО РИМСКИХ ЗЕМЕЛЬ

От Эдема до Драхмы⁴ двести переходов. Путь — вдоль реки, называемой Фисоном. От Драхмы до Эвилата⁵ семьдесят переходов. Там и сеют, и жнут, люди всем владеют сообща и никакого имущества не делают. Населяют эту землю христиане. От Эвилата до Иемера⁶ сорок переходов, от Иемера до неков⁷ тридцать два; от неков до диссиманов⁸ — два перехода. Все эти земли и местности до сих пор не имеют твердых границ. Поит их река Фисон. Идолов здесь не было ни до Христа, ни с его рождением, а люди сплошь богобоязненны и правдивы. От диссиманов [начинается] племя, носящее имя хоны.⁹ Оно населяет обширную землю протяженностью в восемь месяцев пути. Все ее жители — христианской веры. От хонаев четыре месяца пути до Диаба,¹⁰ куда дошел Александр, царь македонян, построивший там сокровищницы и поставивший статую. Тамошние жители тоже христиане. В стране их лежит безводная пустыня протяженностью в двадцать девять месяцев пути. Плавя вдоль берега от пределов Диаба, Александр через семь месяцев достигает Великой Индии.¹¹ Там обитают и христиане, и язычники. Из Индии он приходит в Аксомию¹² через семь дней морского пути. Эту область населяют и христиане, и язычники. Из Аксомии Александр плывет по Красному морю и через пять месяцев достигает Малой Индии.¹³ Там обитают и христиане, и язычники. Из Индии он плывет до Персиды три месяца. Здешние люди — беззаконные маги и отравители. Из Персиды до земли сарацинов¹⁴ — два перехода. Александр из этой страны плывет в Эвилат¹⁵ по Красному морю в гавань Персиды Индийской. От Египта до Эвилата семь переходов. Эти места населены и язычниками, и христианами. От Эвилата до Эламы¹⁶ девять переходов, от Эламы до Антиохии — двадцать, от Антиохии до Константинополя — тридцать два, а от Константинополя до Рима — восемьдесят шесть переходов. Путь от Рима до Галлии составляет двадцать семь переходов. Всего тысяча четыреста двадцать пять переходов; каждый равен шестидесяти милям. Расстояние от Эдема райского до римских земель составляет 630 900 миль.¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемый анонимный греческий географический текст известен в науке под неточным названием „Дорожник от Эдема“. Использованная версия текста представляет собой не только итинерарий, составляющий лишь его вторую часть, но также новое, условно говоря, этнографическое сочинение о блаженном народе макаринов, озаглавленное „О макаривах“, и поэтому не исключена возможность, что перед нами фрагмент какого-то более обширного сочинения географо-этнографического характера, частью которого является итинерарий. Анонимный греческий географический текст представляет собой сочинение, очень близкое и по содержанию и по форме первой части латинского трактата „Полное описание вселенной и народов“ и в значительной мере облегчающее его понимание. От „Описания“ греческий текст отличается своей предельной лапидарностью и ярко выраженной христианской тенденцией; благодаря последней, библейская традиция и христианская мифология почти совершенно вытеснили реальные географические и этнографические представления, так что самостоятельный исторический интерес, вне „Описания“, этого памятника весьма ограничен. Культурный багаж автора греческого текста незначителен и едва ли не единственным достоинством его учености, далекой от трезвого практицизма и любознательности много постранствовавшего автора „Описания“, оказываются примитивные христианские легенды. Его картина мира, не питающаяся ни мореходным опытом, ни систематической образованностью, очевидно, не пошла дальше птолемеевского представления о том, что Индийский океан граничит на юге с какой-то неизвестной землей, иначе трудно понять, как автор представлял себе дорогу из рая, локализуемого на востоке, в Нубию (А. Klotz. *Ἰδοιτορία*, стр. 616). Составленный им сухой перечень стоянок не разнообразится сообщением хотя бы самых кратких сведений об отдельных странах и городах, исключение делается только для упоминания каких-нибудь деталей, заимствованных из легенды. Язык памятника, как и характер его содержания, позволяют заключить, что автор вышел из народной среды, не получил образования и адресовал свой труд широким слоям невысоких христианских читателей. Так называемые „Дорожники“ сохранились в трех рукописях: Британского музея, дрезденской и ленинградской. Располагая двумя первыми, Клоц опубликовал „Дорожники“ (А. Klotz, ук. соч., стр. 608 сл.) и ввел в научный оборот. Недавно неизвестная ранее ленинградская рукопись была опубликована и переведена Н. В. Пигулевской (ук. соч., стр. 408 сл.). Так как напечатанный Н. В. Пигулевской вариант „Дорожника“ значительно отличается от не появлявшейся в переводе на европейские языки публикации Клоца, основанной на рукописи Британского музея, мы решили, ввиду ее важности для комментирования „Описания“, дать „Дорожники“ в качестве приложения к переводу этого памятника.

¹ Легендарная область блаженных макаринов, локализуемая, как видно из последующего, на границе рая.

² Все данные о храме макаринов соотнесены со священными числами семь и три.

³ См. прим. 10 к „Описанию“.

⁴ Βραχμανί „Описания“, см. прим. 19 к трактату.

⁵ Regio Eviltarum „Описания“, см. прим. 20 к трактату.

⁶ Emer „Описания“, см. прим. 21 к трактату.

⁷ Nebus² „Описания“, см. прим. 22 к трактату.

⁸ Disaph² „Описания“, см. прим. 24 к трактату.

⁹ Gens Choneum или Ioneum „Описания“, см. прим. 25 к трактату; греческий текст транскрибирует имя этого народа: „Χώναι“ и „Χωνάτοι“.

¹⁰ Diva² „Описания“, см. прим. 26 к трактату.

¹¹ India Maior „Описания“, см. прим. 27 к трактату.

¹² Eximia „Описания“, см. прим. 29 к трактату.

¹³ India Minor „Описания“, см. прим. 30 к трактату.

¹⁴ Gens Saracenoim „Описания“, см. прим. 32 к трактату.

¹⁵ Отождествляется Авалишвили (Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 291) с Эла Айланой, портом на Красном море, ныне Акабой.

¹⁶ Местность в Южной Месопотамии — см. Z. Avalichvili, ук. соч., стр. 291.

¹⁷ Клоц (А. Klotz. *Ἰδοιτορία*, стр. 615) замечает, что в связи с тем, что заглавие итинерария предполагает конечным пунктом пути Рим, а не Галлию, последняя фраза текста представляет собой позднейшую интерполяцию. Расчет автора интерполяции 630 900 миль Клоц считает неверным, исходя из данных обеих рукописей итинерария и латинского текста „Описания“ и исчисляя количество переходов предположительно в 1065. В связи с этим он полагает, что слово „χιλις“ значит не 10 000, а 1000.

А. Т. ГЮЗАЛЬЯН

НЕИЗДАННЫЕ НАДПИСИ БАЙБУРТСКОЙ ЦИТАДЕЛИ

Недавно акад. И. А. Орбели передал мне тринадцать фотографий средневековой цитадели в городе Байбурте, находящемся на пути между Трапезунтом и Эрзерумом. Несколько фотографий дают представление об общем виде цитадели, на восьми сняты части стен и башен с надписями.

Возвышающаяся над современным Байбуртом обширная цитадель была построена как резиденция местной ветви сельджукских правителей, город же в целом, как в более раннее, так и в последующее время, являлся первой значительной стоянкой на исторической торговой магистрали, связывавшей Трапезунт через Эрзерум и Ван с Тебризом и с более отдаленными пунктами, расположенными на юг и на восток от последнего.

Фотографии относятся к 1911 г., когда И. А. Орбели, тогда молодой еще ученый, остановился на пути в район города Ван в Байбурте для осмотра цитадели. Результатом осмотра, помимо фотографий, явилось также описание последней, послужившее ему материалом для специального доклада о ней, прочитанного им в том же году, по возвращении из поездки. Ознакомление с рукописью этого доклада, остающегося неизданным, разъяснило целый ряд обстоятельств, связанных с публикуемыми надписями.

К сожалению, как выяснится ниже, одной из надписей, имевшихся на цитадели, не оказалось на фотографиях; то ли она осталась незамеченной, то ли снимок не удался или не сохранился. По словам И. А. Орбели, им были сфотографированы все встретившиеся ему надписи, увеличенные отпечатки которых он передал по возвращении из поездки акад. В. В. Бартольду.

Это увеличение было вызвано тем, что надписи на фотографиях получились очень мелкими, в сильном ракурсе и не всегда прямо, что объясняется не только высотой стен цитадели и высоким расположением на них надписей, но также и трудностью подхода к некоторым из них. Как видно на рис. 1 и как сообщает в своем докладе И. А. Орбели, перед стеной цитадели, там, где она возведена непосредственно на скале, иногда нельзя даже повернуться. При увеличении снимков надписи не потеряли своей четкости и читаются свободно. Неясно снятой оказалась лишь одна из них, которая, к счастью, как будет показано ниже, полностью повторяет другую.

Еще в 1907 г. четыре надписи Байбуртской цитадели были изданы по фотографиям К. Ф. Леманна-Хаупта и Леопольда Фавре Максом ван Бершемом в его статье „Арабские надписи из Армении и Дияр-

бекра", вошедшей в „Материалы по древней истории Армении и Месопотамии“ К. Ф. Леманна-Хаупта.¹ Вероятно, этим обстоятельством и следует объяснить, что В. В. Бартольд, обычно равно внимательный ко всякого рода историческим материалам, не проявил особого интереса к полученным им от И. А. Орбели фотографиям, тем более, что незаданная часть надписей мало что добавляет к содержанию изданных.

Вторично надписи Байбуртской цитадели были опубликованы в историко-археологическом описании Эрзерума и его области, составленном на турецком языке эрзерумским преподавателем Абдуррахимом Шерифом Бейгу и вышедшем под названием „Эрзурум“ в 1936 г. в Стамбуле.² А. Ш. Бейгу издал шесть надписей, в том числе и четыре, изданные М. ван Бершемом, одна из которых воспроизведена им полнее, чем у последнего. На статью М. ван Бершема А. Ш. Бейгу не ссылается и можно подумать, что он не имеет о ней представления.

Надписи, изданные М. ван Бершемом и А. Ш. Бейгу, были включены в вышедший в 1939 г. 10-й том „Хронологического свода арабской эпиграфики“ под номерами 3735—3739 и 3993.³ При этом надпись № 3738 издана в виде свода двух чтений, в надписях же № 3736 и 3739, изданных только А. Ш. Бейгу, встречаются мелкие дополнения, внесенные редактором этого тома.

Этим, повидимому, исчерпывается литература о надписях Байбуртской цитадели, и, вместе с тем, выясняется, что не все надписи, сфотографированные в 1911 г. И. А. Орбели, изданы. А. Ш. Бейгу признается, что он приводит не все надписи цитадели и что на ее стенах сохранились и другие, подход к которым, однако, связан с трудностями.

За время, истекшее после посещения Байбурта И. А. Орбели, в сохранности цитадели не могли не произойти изменения. Ближайшие из последующих лет, включая годы первой мировой войны, не отразились на ее состоянии. По свидетельству Ф. М. Морозова, бывшего в ту войну уполномоченным Археологической комиссии по охране памятников прифронтовой полосы на Кавказе и посетившего Байбурт в 1916 г., на территории цитадели не было заметно следов свежих разрушений, военные же действия не коснулись ее. Однако в последующие годы разрушения имели место. Об этом свидетельствует А. Ш. Бейгу, сетуя на то, что этот выдающийся, по его словам, памятник сельджукского зодчества не изучается и не сохраняется, а, напротив, растаскивается местными жителями на строительство. Ко времени выхода в свет его книги одна надпись была уже разрушена и издана им в фрагментированном виде. Поскольку, по свидетельству А. Ш. Бейгу, им издан не весь эпиграфический материал, не исключена возможность, что разрушения могли коснуться и других надписей. Между тем едва ли в последующие годы этот памятник

¹ C. F. Lehmann-Haupt. Materialien zur älteren Geschichte Armentens und Mesopotamiens. Max van Berchem, Arabische Inschriften aus Armenien und Diyarbekr. Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philolog.-Histor. Klasse, N. F., IX, 3, 1907.

² Abdurrahim Serif Beygu. Erzurum (Tarihi, Anitlari, Kitabeleri). Istanbul, 1936, стр. 241—243.

³ Répertoire chronologique d'épigraphie arabe, t. X. Caire, 1939. Для упрощения, в дальнейшем эти надписи будут приводиться только под номерами указанного издания, само же оно будет называться сокращенно „Répertoire“.

мог привлечь к себе внимание археологов или стать объектом заботы и попечения. Возможно, что некоторые из фотографий И. А. Орбели являются единственными фиксациями не существующих уже надписей, к тому же остающихся неизданными. Поэтому представилось не лишним опубликовать их и тем заполнить, пусть даже и не особенно существенный, но тем не менее досадный пробел.

М. ван Бершем не останавливается на общей характеристике надписей и на описании непосредственного их окружения. Преследуя чисто эпиграфические цели, он ограничивается сообщением лишь кратких сведений об изданных им четырех надписях и воспроизводит из них на таблице только две — №№ 3735 и 3993. Поскольку одной из изданных им надписей, № 3738, нет на наших фотографиях, проверке по последним может быть подвергнута лишь остающаяся из них — № 3737.

А. Ш. Бейгу, который, задавшись целью дать описание археологии местного края, должен был, казалось бы, более подробно остановиться на Байбуртской цитадели и ее надписях, уделяет ей в общей сложности две с небольшим страницы. Хотя в его книге имеется немало иллюстраций, ни одна из изданных им надписей Байбуртской цитадели не документирована фотографией. Нет также в его книге хотя бы кратких описаний надписей, и все сводится лишь к перечню их с воспроизведением текстов. К сожалению, и само это воспроизведение неудовлетворительное, некритическое и не отвечает требованиям, предъявляемым к трудам по эпиграфике. Особенно сказывается это в надписях, впервые им опубликованных. В них обнаруживаются, с одной стороны, неполнота воспроизведенных текстов, с другой — неточности. Поэтому опознание их по нашим фотографиям требует тщательного разбора и аргументации.

— — —

Надписи Байбуртской цитадели — арабские по своему языку, за исключением одной, сообщают об одном и том же строительстве, но форма этого сообщения различна. Есть между этими надписями и другие расхождения, которые будут выявляться по мере их рассмотрения. Тем не менее в совокупности эти надписи составляют одно целое. Не принадлежит к ним надпись № 3993. Она сообщает о другом строительном факте, относится к несколько более позднему времени и резко отличается своим внешним видом и техникой исполнения. Тем самым отпадает необходимость привлечения ее при рассмотрении остальных надписей.

По фотографиям прослеживается, что в местах, где имеются надписи, стена цитадели образует ломаные линии с частыми мелкими гранями. Надписи находятся либо на крайних гранях каких-то участков стены, либо на крайних же гранях угловых башен. И в том, и в другом случае они смещены от центра граней в сторону их наружных углов, где линия стен образует резкие изломы.

В большинстве случаев надписи занимают по две плиты и большая из них, с титулом и именем правителя, помещается над меньшей — с титулом и именем придворного лица. За исключением двух случаев, о которых речь будет особо, плиты соприкасаются, но в расположении их нет единообразия. В одном случае нижняя плита находится на одной оси с верхней, в двух случаях она смещена вправо от этой мыслимой оси, еще в одном случае обе плиты выравнены по правому краю, наконец еще в одном случае нижняя плита выступает своим левым краем за левый край верхней плиты.

Вырезались надписи на специально обработанных плитах с углубленным полем и выступающими рамками. Поскольку, как будет видно из дальнейшего, содержание надписей заранее было известно и выполнение их происходило, повидимому, одновременно, нет основания предполагать, что текст наносился на плиту после того, как она была вставлена в стену. Было значительно проще и легче вырезать надпись, пока плита находилась на земле, и потом уже в готовом виде вставить ее в стену. При укладке рамка плиты пригонялась к плоскости стены и надпись оказывалась в углублении. Если эта мера была вызвана заботой о более надежном сохранении надписей, то в некоторых случаях она привела к противоположному результату. Плиты, более подверженные по своему местоположению атмосферным явлениям, быстрее поддавались действию затекающих дождевых вод и завихряющихся ветров. Разрушению плит способствовало и то, что выступающие края их рамок не выдерживали, повидимому, даже небольшой деформации в кладке стены и, в случае таковой, легко обламывались. Особенно наглядно прослеживается это явление на верхних краях рамок, где поддавались разрушению места под стыками лежащих на них камней.

По краям плит с надписями, в облицовочных камнях кладки встречаются прямоугольные и круглые гнезда, в которых, как сообщает И. А. Орбели, находились фаянсовые вставки: либо плитки, либо сосуды в виде блюдец, тарелок и мисок. Такие вставки встречаются и в ближайших к надписям рядах кладки. Попадают отдельные камни с тремя круглыми гнездами, расположенными по треугольнику, либо такой же треугольник образуют три камня, имеющие круглое или квадратное гнездо. В размещении этих вставок как по сторонам надписей, так и на стенах вообще симметрии не наблюдается. К 1911 г. все они были растасканы с целью продажи, и на месте оставалось лишь два-три обломка темного зеленовато-голубого цвета.

Судя по этим остаткам, технические и художественные достоинства керамических вставок были невысоки. Между тем они служили средством украшения и, что очень показательно, гнезд для этих вставок встречается больше в тех частях цитадели, где отеска камней более грубая и кладка стены менее удовлетворительная. Невольно возникает подозрение, что в этой попытке придать более нарядный вид цитадели скрыто желание смягчить впечатление от ее недостатков. Последних искать не приходится. Отмеченная выше несимметричность в размещении плит с надписями, да и самих керамических вставок, это лишь деталь. Как сообщает в своем докладе И. А. Орбели, строители цитадели проявили мало заботы о том, чтобы сохранить общий характер постройки. Башни цитадели, имеющие в плане вид треугольников, прямоугольников, полукругов и неполных кругов, в большинстве своем неправильной формы. Встречаются также башни совершенно несообразной формы, что вовсе не обусловлено характером местности. Поэтому при всем том, что благодаря своей величине и недоступности цитадель имеет очень внушительный вид, в чисто архитектурном отношении она оставляет желать многого. Все это свидетельствует о том, что в строительстве цитадели не принимал участия подлинный архитектор и что работа велась ремесленными мастерами. Если вспомнить, что к числу такого же типа сооружений того времени относятся стены города Ани с их исключительно высокой строительной техникой и высокими внешними достоинствами, свидетельствующими как о квалифицированных мастерах, так и о вкусе и такте архитектора, невольно Байбуртская цитадель представится провинциальной постройкой.

К сожалению, подробная аннотация фотографий И. А. Орбели не сохранилась и не во всех случаях оказывается возможным установить точное местоположение надписей. Относительно большинства их имеются соответствующие указания М. ван Бершема и А. Ш. Бейгу, не всегда совпадающие. В то время как первый относит изданные им надписи к южной стене цитадели, А. Ш. Бейгу, говоря о тех же надписях и о двух других, упоминает кроме южной стены также и западную. Однако указания А. Ш. Бейгу не всегда конкретны и, по видимому, не всегда точны. Так, надпись № 3735, которую М. ван Бершем, на основании двух независимых друг от друга указаний, отнес к южной стене, он относит к западной. Упомянув о труднодоступных надписях, А. Ш. Бейгу не указывает их местоположения и вопрос о них остается открытым.

По ходу изложения материала нам придется не только детально останавливаться на текстах, опубликованных впервые А. Ш. Бейгу, но также постоянно обращаться к изданным ранее надписям, которые повторно воспроизведены им. Из числа последних детального рассмотрения требует также надпись № 3738, воспроизведенная у А. Ш. Бейгу в более полном виде, чем у М. ван Бершема. Поскольку, как уже указывалось, надпись № 3993 нами не привлекается, остаются только две надписи, не требующие нашего рассмотрения — №№ 3735 и 3737.

Первой из них во всех трех изданиях отведено первое место. Объявляется это тем, что она относится к числу полностью сохранившихся надписей, содержит наиболее полную титулатуру правителя и единственная из изданных имеет дату, которая вполне основательно распространена и на остальные опубликованные надписи. Вторая, хоть и очень близкая к одной из издающихся ниже надписей, содержит тем не менее индивидуальные отличия, пополняющие материал надписей в целом. Поскольку, вместе с этим, нам придется останавливаться и на внешней стороне надписей, а из всех привлекаемых в настоящей статье воспроизведена фотографическим путем одна лишь надпись № 3735, при этом в издании, давно уже ставшем библиографической редкостью, то для облегчения пользования ими как в отношении текста, так и в отношении внешнего их вида, представилось целесообразным до изложения нового материала воспроизвести их заново, сохранив порядок, в котором они были изданы у М. ван Бершема.

Надпись № 3735 (рис. 2) занимает две плиты, рамки которых повреждены под воздействием незаметных для глаза сдвигов в кладке стены. Исполнена надпись простым и грубым письмом, без особой заботы об ее внешнем виде. Последнее особенно сказывается в знаках с прямыми стержнями, стоящими то прямо, то с наклоном вправо или влево. Текст не был заранее размечен и наносился по мере исполнения, в результате чего на обеих плитах первые две строки заполнены нормально, последующие же сильно насыщены, что отразилось и на величине знаков, более крупных в начальных строках и значительно уменьшающихся в завершающих словах последних строк. Поскольку текст надписи известен, не представилось необходимым заключить в восстановительные скобки невидимую на нашей фотографии часть 5-й строки верхней плиты.

[1] اتفقنت هذه العمارة المباركة الميمونة في عهد

[2] ايام الدولة الملك المعظم العالم العادل المويد

[3] المظفر المنصور المجاهد المرابط مغيث الدنيا و الدين معز الاسلام

[4] و المسلمين سيد الملوك و السلاطين كمال ال سلجوق ملك بلاد الروم

- [5] والارمن ابو الحارث طغرل بن قلع ارسلان بن مسعود بن قلع ارسلان بن سليمان ناصر امير المؤمنين
 [1] الملكى المغيشى
 [2] على يد العبد الضعيف
 [3] المحتاج الى رحمة الله تعالى¹
 [4] لولو فى منتصف ربيع الاخر سنة عشر ستمائة

Перевод

Верхняя плита:

[1] Это благословенное благополучное строительство совпало с периодом

[2] дней владычества аль-Мелика аль-Муаззама (в переводе: царя великого), ученого, справедливого, поддерживаемого свыше,

[3] победоносного, вспомоществуемого свыше на победу, борца за веру, охранителя границ, Мугис ад-дунья ва-д-дин, прославляющего ислам

[4] и мусульман, сейда (т. е. главы) царей и султанов, совершенства рода Сельджука, царя стран Рума (т. е. Малой Азии)

[5] и Армении, Абу-ль Хариса (в переводе: Льва) Тогрула, сына Килич-Арслана, сына Мас'уда, сына Килич-Арслана, сына Сулеймана, пособника эмира правоверных.

Нижняя плита:²

[2] При посредстве немощного раба,

[3] нуждающегося в милости всевышнего Аллаха,

[1] слуги аль-Мелика [аль-Муаззама] Мугис ад-дина, —

[4] Лулу, в срединное (т. е. 15-е число месяца) Раби Второго, шестьсот десятого года (соответствует 3 сентября 1213 г.).

Надпись № 3737 (рис. 3) также занимает две плиты, рамки которых повреждены в результате распада швов и сдвига в кладке слева. Рамки на соприкасающихся краях плит разрушены и на месте их соприкосновения видна ямочка, происшедшая, повидимому, от попадания пули. Такие же ямочки видны на расположенных справа камнях облицовки. Кроме указанных повреждений, на верхней плите имеется выщербина, повредившая начало 3-й строки. Исполнена надпись таким же письмом, как и предыдущая, более мелким на верхней плите и более крупным на нижней. Надпись на верхней плите более ровная, чем это наблюдалось на верхней плите надписи № 3735, но и здесь текст не был предварительно размечен и неуместившиеся в последней строке два слова вынесены на нижнее поле.

[1] ابتدأى عمارة برج المبارك بايام الملك العالم العادل

[2] المويد المنصور المظفر المجاهد المرباط مغيش الدنيا و الدين

[3] معلى الاسلام والمسلمين قانع الكفرة و المشركين ملك بلاد

[4] الروم والارمن ابو الحارث طغرل بن قلع ارسلان بن مسعود بن قلع ارسلان

ناصر امير المؤمنين

¹ У М. ван Бершема и в „Répertoire“ — под титлом: نَع.

² Конструкция фразы на нижней плите требует перестановки строк в переводе. Такая перестановка будет встречаться и дальше.

[1] الملكى المغيشى

[2] عامر هذه العمارة

[3] العبد الضعيف استناد الدار لولو

М. ван Бершем и А. Ш. Бейгу читают в начале надписи: *ابتدا و عمارة*. Ссылаясь на четкость нашей фотографии, можно настаивать на нашем чтении, тем более, что ни одно из начертаний знака , в надписи не похоже на последний знак первого слова. Кроме того, и сама фраза при нашем чтении получает более ясный смысл: не 'начало и построение', а 'начало строительства'. То обстоятельство, что при нашем чтении первое слово приобретает *изафет* и оборот становится персидским, не может служить доводом против этого чтения, так как в следующей надписи мы встретимся с целой персидской фразой.

Перевод

Верхняя плита:

[1] Начало строительства благословенной башни — в дни царя ученого, справедливого,

[2] поддерживаемого свыше, вспомоществуемого свыше на победу, победоносного, борца за веру, охранителя границ, Мугис ад-дунья ва-д-дин,

[3] прославляющего ислам и мусульман, покорителя неверия и многобожников, царя стран

[4] Рума и Армении, Абу-ль-Хариса Тогрула, сына Килич-Арслана, сына Мас'уда, сына Килич-Арслана, пособника эмира правоверных.

Нижняя плита:

[2] Строитель этого строительства, —

[1] слуга аль-Мелика [аль-Муаззама] Мугис ад-дина, —

[3] немогущий раб, уstad ад-дар (т. е. управитель двора) Лулу.

Надпись № 1. Дата в надписи № 3735, которая могла считаться до сего времени единственной в надписях Байбуртской цитадели, на самом деле не единична. Она повторяется в еще более подробном виде в одной из неизданных надписей, к сожалению не полностью сохранившейся. Непоностью сохранилась и дата этой надписи, которая тем не менее целиком восстанавливается. Недостающие в ней места могли бы быть восполнены и сами по себе, но при наличии известной уже даты это восполнение производится значительно проще. Надпись, о которой идет речь, помещена близ угла стены, возведенной на скале. Фотография стены (рис. 4) показывает на переднем плане перед нею выступы скалы, стоя на которых можно было бы и прочитать и сфотографировать надпись. Поэтому отсутствие последней в книге А. Ш. Бейгу не может быть объяснено ее труднодоступностью. Однако она наиболее поврежденная из числа сфотографированных И. А. Орбели надписей. Как видно по фотографии (рис. 5), разрушения, которым она подверглась, явились результатом как незаметных сдвигов, происшедших в кладке стены, так и действия атмосферных явлений. Из двух занимаемых ею плит сильнее пострадала верхняя, значительная часть поверхности которой выветрилась. Текст надписи, как и в других случаях, арабский, но дата составлена на персидском языке. Это не согласуется с обычной практикой, так как, напротив,

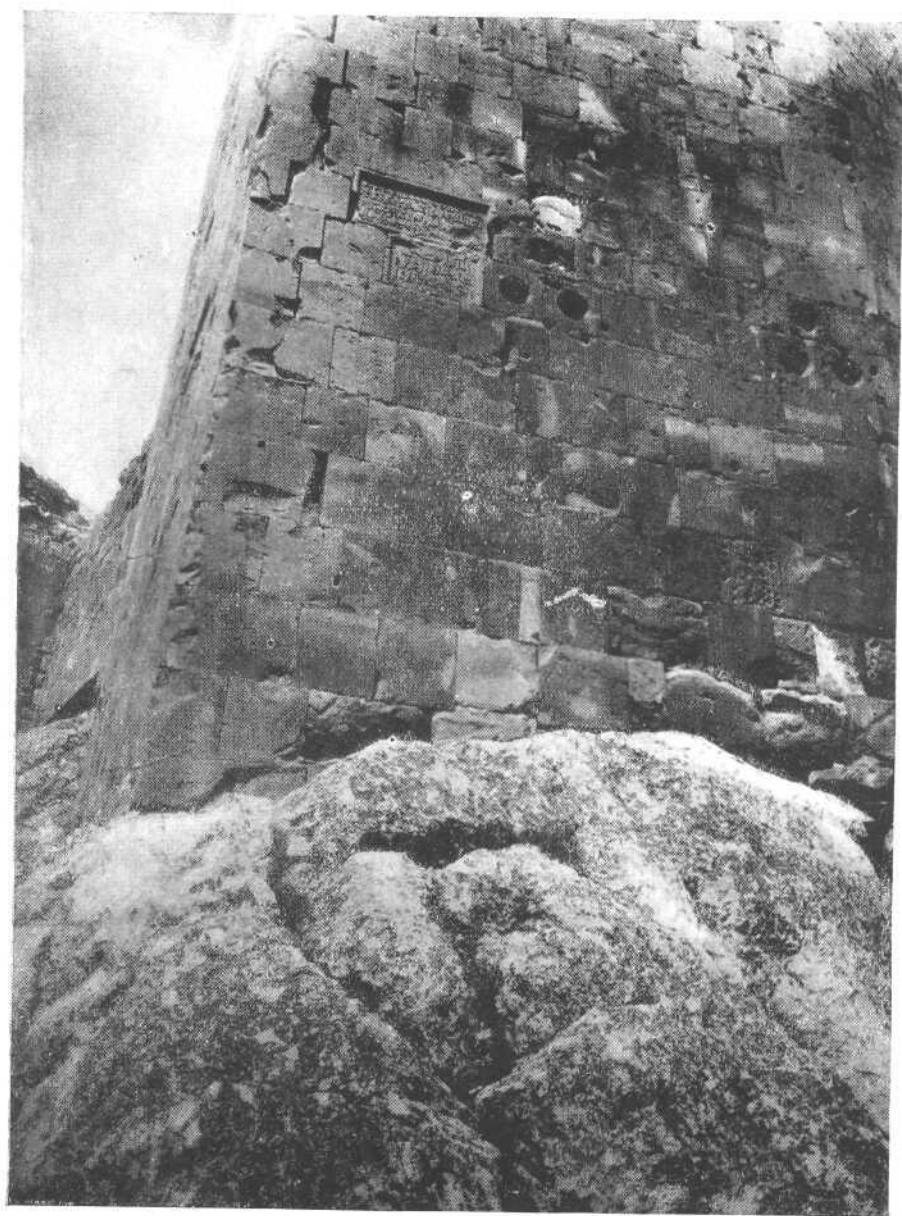

Рис. 1. Один из участков стены цитадели, возведенных на скале.
Угол с надписью № 3737.

Рис. 2. Надпись № 3735.

Рис. 3. Надпись № 3737.

Рис. 4. Угол башни с надписью № 1.

даже при персидских надписях по преимуществу употреблялась дата на арабском языке. При том же характере письма, который наблюдался в двух предыдущих надписях, настоящая начертанием знаков больше похожа на первую, а постановкою их — на вторую. Насколько можно судить по сохранившейся части надписи, в ней можно усмотреть даже некоторую стройность. Однако неравномерность в размещении текста здесь та же и так же, как в надписи № 3737, окончание его на верхней плите вынесено на нижнее поле. Ниже в чтении надписи восстанавливаются лишь те места, которые могут считаться бесспорными. Тем самым отпадает необходимость приводить по поводу их пояснения. Исключение в этом отношении составляют дата и слово *الاحل* в начале 3-й строки нижней плиты. При чтении этого слова нужно учесть, что, хотя подстрочная часть его последнего знака вследствие поврежденности и не оттенена в достаточной степени на фотографии, тем не менее при внимательном взглядывании она прослеживается без труда.

- [1] عمارة [هذا المبرج المبرك] [بايام الدولة ملكن؟]
 [2] العالم العادل المويذ المظفر المنصور المجاهد
 [3] المرابط مغيبث الدنيا و الدين [معز الاسلام و المسلمين]
 [4] ابو الحارث طغول بن قلع ارسلان بن [مسعود بن قلع ارسلان]
 [5] ناصر امير المؤمنين بتاريخ روز سه شنبه بانژد [هم ربيع [الاخر] سنة عشرة
 ستمائة]

- [1] [الملكى المغيبثى]
 [2] عامر هذه العمارة الامير
 [3] [الاحل] [1 слово?] ضيا الدين استاد الدار لولو

От даты в надписи сохранились: название третьего дня недели, число месяца, которое может быть прочитано и как одиннадцатое и как пятнадцатое, затем окончание названия месяца Раби, но без указания первый он или второй, и, наконец, от года — неполный указатель десятков, который может оказаться и десятью и двадцатью, но которому не предшествуют единицы. Приняв предположительно по близкому сходству знакомую нам дату и убедившись в том, что это действительно был третий день недели, или по нашему вторник, мы легко приходим к заключению, что здесь повторена та же дата и исключается всякая другая, так как повторное сочетание всех перечисленных элементов в календаре невозможно.

Лулу, который в приведенных выше надписях называется только немощным рабом и управителем двора Тогрула, выступает теперь в качестве *الامير الاحل* 'прославленный эмир'. Первый член этого звания *الامير* 'эмир' встречается и в других, еще не рассмотренных нами надписях, в сочетании *الامير صفهسلار* 'эмир-сипахсалар', т. е. 'эмир-военачальник'. Что же касается второго члена — *الاحل* 'прославленный', то из всех доступных нам надписей Байбуртской цитадели он содержится только в рассматриваемой. Этот эпитет, как можно судить по другим надписям того же времени, встречается в титулах великих эмиров (*الامير الكبير*), преимущественно сипахсаларов, т. е. великих эмиров-военачальников в сочетании *الاحل الاسفهسلار الكبير* или в несколько ином порядке тех же слов.¹ Принимая во внимание однотипность рас-

¹ Répertoire, X, №№ 3658, 3703, 3720, 3744, 3775, 3788, 3804, 3825, 3925, 3977, 3981.

пространенных в то время титулов, в силу чего правители мелких областей и их придворные величались немногим скромнее, чем правители и их придворные в больших государственных образованиях, не исключена возможность, что в титуле Лулу, наряду со званиями *الامير الاجل* 'прославленный эмир' и *الامير صفهسلار* 'эмир-сипахсалар' сохранился также эпитет *الكبير* 'великий'. В нашей надписи над словом *الاجل* и над следующим за ним словом *ضيا* видна длинная наклонная черта, достигающая верхним своим концом полосы 2-й строки, и под нею мелкие черточки и точки, в которых, однако, трудно признать слово. Вопрос о последнем оставлен открытым в нашем чтении. Но если бы даже тут имелось слово, то этим могло бы быть разве только *كبير* 'великий', и то без определенного члена, но уж, во всяком случае, не *صفهسلار* 'сипахсалар'. И в том, и в другом случае, благодаря отсутствию в надписи слова 'сипахсалар', как звание 'прославленный эмир', так и титул Лулу в целом остаются неполными, так как в них не упоминается конкретная должность эмира.

В таком, частью восполненном виде надпись приобретает следующее содержание.

Верхняя плита:

[1] Строительство [этой] благословенной башни — [в дни владычества царя?]

[2] ученого, справедливого, поддерживаемого свыше, победоносного, [вспомоществуемого свыше на победу, борца за веру],

[3] охранителя границ, Мугис ад-дунья ва-д-дин, [прославляющего ислам и мусульман],

[4] Абу-ль Хариса Тогрула, сына Килич-Арслана, сына [Мас'уда, сына Килич-Арслана],

[5] пособника эмира правоверных, в летосчисление третьего дня недели, пятнадцатого Раби [Второго, шестьсот] десятого года.

Нижняя плита:

[2] Строитель этого строительства, —

[1] слуга аль-Мелика [аль-Муаззама] Мугис ад-дина, —

[3] прославленный эмир [1 слово?] Зия-ад-дин, уstad ад-дар Лулу.

Надпись № 2 находится на плите с небольшой, немного выветрившейся полосой в правой части поля и с поврежденной рамкой, верхний край которой наглядно подтверждает, что в этой части отломы происходили под стыками лежащих на них камней (рис. 6). Характер письма тот же, что и в предыдущих надписях, но более близкий к № 3735. При наблюдающейся и в данной надписи неравномерности в насыщенности строк здесь более свободно прослеживается изменяющаяся величина письма, более крупного в двух первых строках и в начале 3-й и постепенно уменьшающегося к концу 4-й строки.

Ниже в тексте, наряду с восполнением частью выветрившихся слов, восстанавливается пропущенный резчиком первый знак в последнем слове 3-й строки.

[1] اتفقت هذه العمارة المباركة المبسوطة في عهد الايام

[2] الدولة الملك المعظم العالم العادل المويد

[3] المظفر المخلص اور [المجاهد المرباط معيث الدنيا و الدين معز] [الاسلام

[4] و المسلمين سيد [الم] [و] [ك] و السلاطين كمال ال سلجوق طغرل بن قنچ ارسلان

ناصر امير المؤمنين

Перевод

[1] Это благословенное благополучное строительство совпало с периодом дней

[2] владычества аль-Мелика аль-Муаззама, ученого, справедливого, поддерживаемого свыше,

[3] победоносного, вспомоществуемого свыше на победу, борца за веру, охранителя границ, Мугис ад-дунья ва-д-дин, прославляющего ислам

[4] и мусульман, сейида [царей] и султанов, совершенства рода Сельджука, Тогрула, сына Килич-Арслана, пособника эмира правоверных.

Между этой надписью и надписью № 3736, изданной впервые А. Ш. Бейгу, обнаруживается очень близкое сходство. Если не считать разночтения в первом слове надписи, которое у А. Ш. Бейгу имеет форму اتفق, то в остальном первые две строки надписей в точности совпадают. Подобное же совпадение прослеживается и в 3-й строке, с той оговоркой, что у А. Ш. Бейгу она прочитана неполностью; место, соответствующее эпитетам المرابط المجاهد المنصور, помечено у него точками, отсутствующее же у него слово معزز восстановлено в круглых скобках в последующем издании редактором. Более существенное расхождение обнаруживается в 4-й строке, однако и оно сводится к тому, что у А. Ш. Бейгу строка короче; в ней нет четырех начальных слов — والمسلمين سيد الملوك و السلاطين и трех заключительных слов — ناصر امير المومنين нашей надписи.

Не было бы ничего странного в том, если бы на стенах Байбуртской цитадели находились две столь близкие по тексту надписи. Напротив, это было бы в порядке вещей, так как надписи этой цитадели, как указывалось, связаны между собой общим содержанием. Более того, указывалось еще и то, что среди неизданных надписей есть две полностью совпадающие. И тем не менее в данном случае мы не можем ограничиться одним лишь перечислением сходств и расхождений между двумя надписями. Близость между последними сопровождается обстоятельствами, требующими более внимательного их сличения. К сожалению, некритически изданный А. Ш. Бейгу текст не только не способствует этому сличению, но и сам вызывает вопросы, требующие разъяснения. К этим вопросам и следует обратиться прежде всего.

Глагольная форма اتفق, которую читает в начале надписи А. Ш. Бейгу, не согласуется в грамматическом роде с последующим именем действия, что, однако, не оговаривается ни самим А. Ш. Бейгу, ни редактором вторичного издания. Это лишает нас возможности выяснить, кем допущена здесь ошибка: резчиком ли надписи, или А. Ш. Бейгу. Если даже допустить, что ошибся резчик, то ошибка должна была быть либо отмечена, либо исправлена с оговоркой. Иначе мы вправе рассматривать это как вкравшуюся в первое издание и не исправленную во втором опечатку, тем более, что в нашей надписи и надписи № 3735, имеющими такое же начало, употреблена правильная форма глагола اتفقت. При таком грамматически правильном чтении этого слова, между нашей надписью и надписью А. Ш. Бейгу в пределах двух первых строк не остается никаких расхождений.

В 3-й строке, как уже указывалось, на месте не прочитанных у А. Ш. Бейгу и показанных им точками слов, в нашей надписи читаются эпитеты المنصور المجاهد المرابط. Первые два из них находятся

в выветрившейся полосе плиты и частью повреждены. Третий эпитет сохранился хорошо, но может вызвать неуверенность в чтении начертанием своей последней лигатуры. Между тем сличение с остальными имевшимися в распоряжении А. Ш. Бейгу надписями — №№ 3735, 3737 и 3739, показало бы, что других эпитетов на этом месте и не могло быть и что вопрос лишь в порядке их последовательности, в чем эти надписи не сходятся между собой. Тем не менее первая из них сходится в этом отношении с нашей надписью.

Второе расхождение между нашей надписью и надписью А. Ш. Бейгу в 3-й строке относится к ее окончанию. Последнее у А. Ш. Бейгу имеет вид *الاسلام*, в „Répertoire“, с поправкою редактора — *معز الاسلام*, в нашей надписи — *معز الاسلام*. Слово *معز*, которое совершенно отчетливо видно на нашей фотографии и которое чисто теоретически и вполне основательно восстанавливает редактор „Répertoire“, может при разглядывании его на расстоянии или при неудовлетворительной фотографии подать повод к неправильному чтению. Оно настолько стеснено между двумя соседними словами, что первый знак его может быть принят за точку расположенного ниже *нуна*, остальное же — за нижнюю часть начального *алифа* следующего слова. Этот алиф, как уже указывалось, отсутствует в надписи и восстановлен в нашем чтении. Таким образом, начертание данного места при недостаточном его различении могло дать повод для чтения А. Ш. Бейгу.

Восстановление, внесенное в надпись редактором „Répertoire“, оказалось неполным. В большинстве надписей Байбуртской цитадели повторяется широко распространенный в царских титулах того времени сложный эпитет *معز الاسلام والمسلمين* „прославляющий ислам и мусульман“, вторая часть которого *والمسلمين*, отсутствующая в надписи А. Ш. Бейгу, находится в начале 4-й строки нашей надписи. В таком неполном виде, каким он оказался у А. Ш. Бейгу, этот эпитет не встречается и не может встретиться, так как он — и формой своего образования, и рифмой — связан с другими, столь же распространенными вообще и, в частности, в надписях Байбуртской цитадели эпитетами. Поэтому, если в надписи, изданной А. Ш. Бейгу, окончание этого эпитета действительно отсутствовало, то либо это должно было быть отмечено, либо отсутствующая часть должна была быть восстановлена с соответствующим объяснением. Поскольку ни того, ни другого нет, начало строки не внушает доверия. В случае же, если бы эпитет был восполнен, начало этой строки совпало бы с началом соответствующей строки нашей надписи.

Вслед за этим эпитетом в нашей надписи следует другой сложный и рифмующийся с ним эпитет *سيد الملوك و السلاطين* „сейид царей и султанов“, также отсутствующий в надписи А. Ш. Бейгу. Нелишне отметить, что этот эпитет расположен под теми тремя эпитетами 3-й строки, которые остались непрочитанными в надписи А. Ш. Бейгу, и что он также, подобно им, находится в выветрившейся полосе, в результате чего от его среднего слова сохранился различимым только знак *و*.

Если вспомнить, что в надписи А. Ш. Бейгу отсутствует также и завершающий сложный эпитет нашей надписи *ناصر امير المومنين* „пособник эмира правоверных“, то окажется, что при полном совпадении в сличаемых надписях первых трех строк как в смысле состава, так и в смысле расстановки в них слов, резкое расхождение, обнаруживаемое

в 4-й строке, относится не только к составу слов, но и к степени насыщенности ее ими. В нашей надписи эта строка содержит 14 слов и среди них такие длинные, как *المسلمين* и *السلطيين*, в надписи же у А. Ш. Бейгу в ней всего 7 слов, и все, как на подбор, короткие.

Выше мы не раз отмечали свойственное надписям Байбуртской цитадели явление, согласно которому слова свободно располагаются в начальных строках плит, в противоположность стеснению их в конечных строках, особенно в последней. Дальше мы убедимся в том, что это явление свойственно всем надписям Байбуртской цитадели, объединяемым тем характером письма, которым начертаны рассмотренные нами надписи и которым не может не быть начертана, по варианту своего текста, надпись, изданная А. Ш. Бейгу. Между тем в ней выявляется совершенно противоположная картина, так как при обычной насыщенности трех первых строк последняя ее строка оказывается наиболее разряженной. Эта картина, возможность существования которой, в виде исключения, быть может и можно было бы допустить, не представляется тем не менее убедительной. Более вероятно, что эта последняя строка воспроизведена не полностью.

На основании изложенных соображений мы приходим к заключению, что текст, изданный А. Ш. Бейгу и повторенный под № 3736 в „Répertoire,“ не может рассматриваться как воспроизведение какой-то отсутствующей на наших фотографиях надписи, но что на самом деле он является всего лишь неполным воспроизведением нашей надписи. Иначе придется допустить сосуществование на стенах цитадели двух надписей, в которых совпадают не только текст, его размещение и неразборчивые в нем места, но и повреждения в камнях. Между тем теперь для нас совершенно ясно, что из четырех слов, опущенных А. Ш. Бейгу в 3-й строке, два не прочитаны вследствие недостаточно разборчивого их начертания, другие же два — вследствие поврежденности плиты от выветривания. Этой последней причиной, пожалуй, следовало бы объяснить и отсутствие в чтении А. Ш. Бейгу четырех начальных слов последней строки. А. Ш. Бейгу, как указывалось, не оговаривает их отсутствия. Не оговаривает он также отсутствия последних трех слов этой строки. Вопрос об отсутствии этих слов — единственный, для объяснения которого мы не находим оснований в самой надписи. Между тем, достаточно было бы точек в начале и в конце 4-й строки текста А. Ш. Бейгу, чтобы все наши рассуждения оказались излишними и вопрос об единстве двух сличаемых надписей разрешился значительно более просто. Выше, говоря о начале этой строки, мы отмечали необходимость либо восстановления недостающего окончания сложного титульного эпитета, либо замены его точками. Отсутствие как одного, так и другого может быть объяснено только упущением. Поскольку мы отмечали и другие упущения в тексте, изданном А. Ш. Бейгу, мы вправе отнести к их числу также и отсутствие точек, заменяющих последние три слова надписи.

Надпись № 3 расположена на плите с выветрившейся правой стороной поля и почти полностью отвалившимся нижним краем рамки, что делает ее в отношении сохранности довольно близкой к предыдущей плите (рис. 7). Однако в другом отношении рассматриваемая плита не похожа ни на одну из плит с надписями Байбуртской цитадели, которые в своих внешних очертаниях сохраняют правильную прямоугольную форму. Эта же плита при укладке ее в стену была пригнана к неровной линии камней расположенного под ней ряда, для

чего небольшой кусок ее нижнего края у левого угла был подтесан. Не исключена возможность, что это обстоятельство, еще больше ослабившее в данном месте и без того слабую рамку, способствовало отлому всего ее нижнего края.

По характеру письма надпись не отличается от предыдущих, однако по сравнению с ними она более равномерно размещена, и несоразмерности знаков в ней не обнаруживаются. Повреждения, причиненные выветриванием камня, требуют, помимо обычного восполнения пострадавших мест, также восстановления двух неясно различимых слов в начале надписи. В 3-й строке восстанавливается пропущенное слово.

- [1] [الملك العالم] العادل المويد المظفر المنصور المرابط المجاهد
 [2] [مغيث الدنيا و الدين] معزز الاسلام و المسلمين قاصع الكفرة و المشركين
 [3] [سييد] الملوك و السلاطين [ملك] بلاد الروم و الارمن ابو العارث
 [4] طغرل بن قلع ارسلان بن مسعود بن قلع ارسلان بن سليمان ناصر امير المؤمنين

Перевод

[1] [Царь ученый], справедливый, поддерживаемый свыше, победоносный, вспомоществуемый свыше на победу, охранитель границ, борец за веру,

[2] [Мугис ад-дунья ва-д-дин], прославляющий ислам и мусульман, покоритель неверия и многобожников,

[3] [сейид] царей и султанов, [царь] стран Рума и Армении, Абу-ль-Харис

[4] Тогрул, сын Килич-Арслана, сына Мас'уда, сына Килич-Арслана, сына Сулеймана, пособник эмира правоверных.

В отличие от остальных надписей Байбуртской цитадели, сообщающих в той или иной форме о строительстве последней, рассматриваемая надпись состоит из одной лишь титулатуры правителя, без какого-либо упоминания о том, по какому поводу она была вырезана. В таком виде надпись не закончена и вызывает предположение, что она не ограничивалась этим и имела, подобно большинству надписей цитадели, продолжение на второй плите. Камень, на котором в таком случае должна была бы продолжаться надпись, виден на фотографии. Он находится на одной оси с большой плитой и хотя сильно выкрошился как с лицевой стороны, так и с торцов, нетрудно убедиться, что первоначально он примыкал к ней. Этим предположением и ограничивался бы разговор о рассматриваемой надписи, если бы надпись № 3739 не давала основания продолжить его. Это вторая из двух надписей, изданных впервые А. Ш. Бейгу. Она воспроизведена неполностью. От верхней плиты, как сообщает А. Ш. Бейгу, сохранилась только одна строка, от нижней — первые три. Текст ее в „Répertoire“ следующий:

..... (A) الملك العالم العادل المويد المظفر المنصور المرابط المجاهد.....
 B — الملكى المغيثى
 على يد العبد الضعيف
 المحتاج الى رحمة الله تع.....

У А. Ш. Бейгу текст был издан без точек, отмечающих пропуски, и без литер, нумерующих плиты, первая из которых к тому же заключена редактором „Répertoire“ в круглые скобки. Ни А. Ш. Бейгу, ни редактор этого издания не дают понять, какой по порядку они считают

строку, сохранившуюся от верхней плиты. Между тем по другим надписям Байбуртской цитадели легко убедиться в том, что эта строка может быть не иначе как только 1-й или 2-й; 1-й в том случае, если надпись была близка к рассматриваемой нами надписи, 2-й — если она больше приближалась к двум предыдущим. Поэтому хотел ли этого редактор „Répertoire“ или нет, но, предпослав тексту точки, он признал ее за 2-ю строку. Между тем она очень близка к 1-й строке нашей надписи, и расхождения ее с последней не внушают доверия.

Вслед за первым словом الملك 'царь', которое совпадает с нашим восстановлением, А. Ш. Бейгу читает эпитет العالم 'деятельный', что вызывает решительное возражение. Этот эпитет, довольно часто встречающийся в царских титулах более позднего времени, особенно в титулах мамлюкских султанов Египта и их наместников в Сирии, не встречается в царских титулах рассматриваемого времени и, согласно X тому „Répertoire“, за всю первую четверть VII в. хиджры (1203—1229 н. э.) зафиксирован единственный раз в надписи на могильной плите одного шейха в Конии (№ 3871). Не содержится он и в других надписях Байбуртской цитадели. Поэтому лишено было бы всякого основания предположение, что этот эпитет мог появиться совершенно независимо в сплошь заимствованной титулатуре одного из второстепенных сельджукских правителей, при этом в одной из нескольких одновременных надписей, задолго до своего распространения в иных условиях, в наиболее передовых тогда странах Переднего Востока. Напротив того, имеется достаточно оснований считать чтение العالم неправильным. Что же могло быть на месте этого слова?

В рассмотренных выше надписях № 3735 и № 2 титулатура правителя начинается с его царского звания — аль-Мелик аль-Муаззам (в переводе 'царь великий'), за которым следуют обычные эпитеты с начальными العالم العادل 'ученый, справедливый' во главе. Однако в надписи № 3737 царское звание правителя опущено и эти эпитеты следуют непосредственно за словом الملك 'царь'. Повидимому, такой же порядок слов существовал и во вновь изданной выше надписи № 1. Расчет места показывает, что слово المعظم 'великий', образующее звание правителя, едва ли могло уместиться с другими, обязательными по контексту словами в выветрившейся части 1-й строки этой надписи. Поэтому отсутствие в надписи № 3737 звания правителя не должно рассматриваться как исключение, в связи с чем и в строке у А. Ш. Бейгу не следует искать непременно полного варианта начала титула.

Этот полный вариант и не может быть в данном случае получен, так как даже если заменить оспариваемое العالم словом المعظم, то все равно, согласно чтению А. Ш. Бейгу, титул остается без второго эпитета — العدل. Но, помимо этого, и сама эта замена не была бы убедительной, поскольку трудно представить, чтобы ошибочно принятым за العالم могло быть المعظم, а не другое слово, более близкое к первому по своему начертанию. Такое слово оказывается на месте, если здесь предположить сокращенный вариант титула, без звания правителя. Однако и при этом варианте, следуя чтению А. Ш. Бейгу, приходится допустить, что первые два эпитета в надписи переставлены и что ошибочно прочитанным оказывается отсутствующий в чтении А. Ш. Бейгу второй эпитет — العدل 'справедливый', а не первый — العالم 'ученый', который имеется в чтении А. Ш. Бейгу и следует за оспариваемым словом. Между тем осмотр фотографий разобранных выше надписей не оставляет сомнений в том, что насколько при данном характере письма вероятно, чтобы принятым за

العامل был эпитет العالم, настолько мало вероятно, чтобы принятым за то же слово мог оказаться эпитет العادل. Таким образом, ни полный вариант начала титула правителя, ни его сокращенный вариант не могут быть восстановлены, если придерживаться порядка слов в чтении А. Ш. Бейгу. Каков же этот порядок в других надписях?

Как будет видно из дальнейшего, не во всех надписях Байбуртской цитадели титул правителя содержит обычные для царских титулов того времени простые эпитеты. В трех надписях, составляющих в этом отношении особую группу, последние вовсе отсутствуют. Но во всех остальных надписях, которые выше рассмотрены и которые объединяются общим характером письма, все эти эпитеты неизменно содержатся.

Как известно, традиция, выработавшая определенный набор этих общеупотребительных эпитетов, выработала также определенный порядок их последовательности. Если этот порядок не всегда и не полностью соблюдался, то, во всяком случае, для начальных эпитетов он редко нарушался. Это общее явление наблюдается и в надписях Байбуртской цитадели. В них обнаруживается два случая нарушения этого порядка, причем в обоих случаях оказываются взаимно переставленными два соседних эпитета. Однако в пределах первых четырех эпитетов, следующих за словом الملك 'царь', этот порядок ни разу не нарушен. Чтение А. Ш. Бейгу, в котором, наряду с неупотребительным в то время в царских титулах словом العامل 'деятельный', содержится единственно могущий быть принятым за это слово эпитет العالم 'ученый', является, таким образом, совершенно исключительным отклонением от нормы, вызывающим основательные сомнения. Представляется более вероятным, что начало титула получило такой неправдоподобный вид вследствие ошибки, допущенной либо при чтении строки, либо при ее воспроизведении, либо, наконец, при том и при другом, и что на самом деле это начало имело обычный вид краткого варианта, т. е. ... الملك العالم العادل 'царь ученый, справедливый...'. С таким началом изданная у А. Ш. Бейгу строка в точности совпадает с первой строкой нашей надписи. При этом обнаруживаются следующие обстоятельства: 1) недостаточно ясно различимому на нашей фотографии началу надписи соответствует в исправленном виде ошибочно прочитанное и ошибочно воспроизведенное начало у А. Ш. Бейгу; 2) порядок последовательности титулов الحرابط المجاهد 'охранитель границ, борец за веру', являющийся отклонением от нормы, имеется как в нашей надписи, так и в строке у А. Ш. Бейгу. Между тем такие нарушения носят индивидуальный характер. Второе подобное же нарушение с перестановкой двух других эпитетов наблюдается в надписи № 3737, очень близкой к нашей надписи и содержащей такое же начало титула, какое содержит и она. Поскольку при наличии таких совпадений, как приведенные, элемент случайности вовсе исключается, мы вправе прийти к заключению, что изданная у А. Ш. Бейгу строка не только может оказаться, подобно 1-й строке нашей надписи, начальной, но, более того, она может оказаться этой же 1-й строкой нашей надписи.

Есть еще одно обстоятельство, которое может косвенным образом свидетельствовать в пользу последнего предположения. Как видно по фотографиям, из всех надписей Байбуртской цитадели под непосредственной угрозой находилась одна лишь рассматриваемая. Все остальные продолжали плотно сидеть в своих гнездах и были защищены надежно сохранившейся кладкой окружающих их камней облицовки. При таких условиях, близко подошедшие к надписям № 3735 и № 2

Рис. 5. Надпись № 1.

Рис. 6. Надпись № 2.

Рис. 7. Надпись № 3.

Рис. 8. Часть башни с надписью № 3.

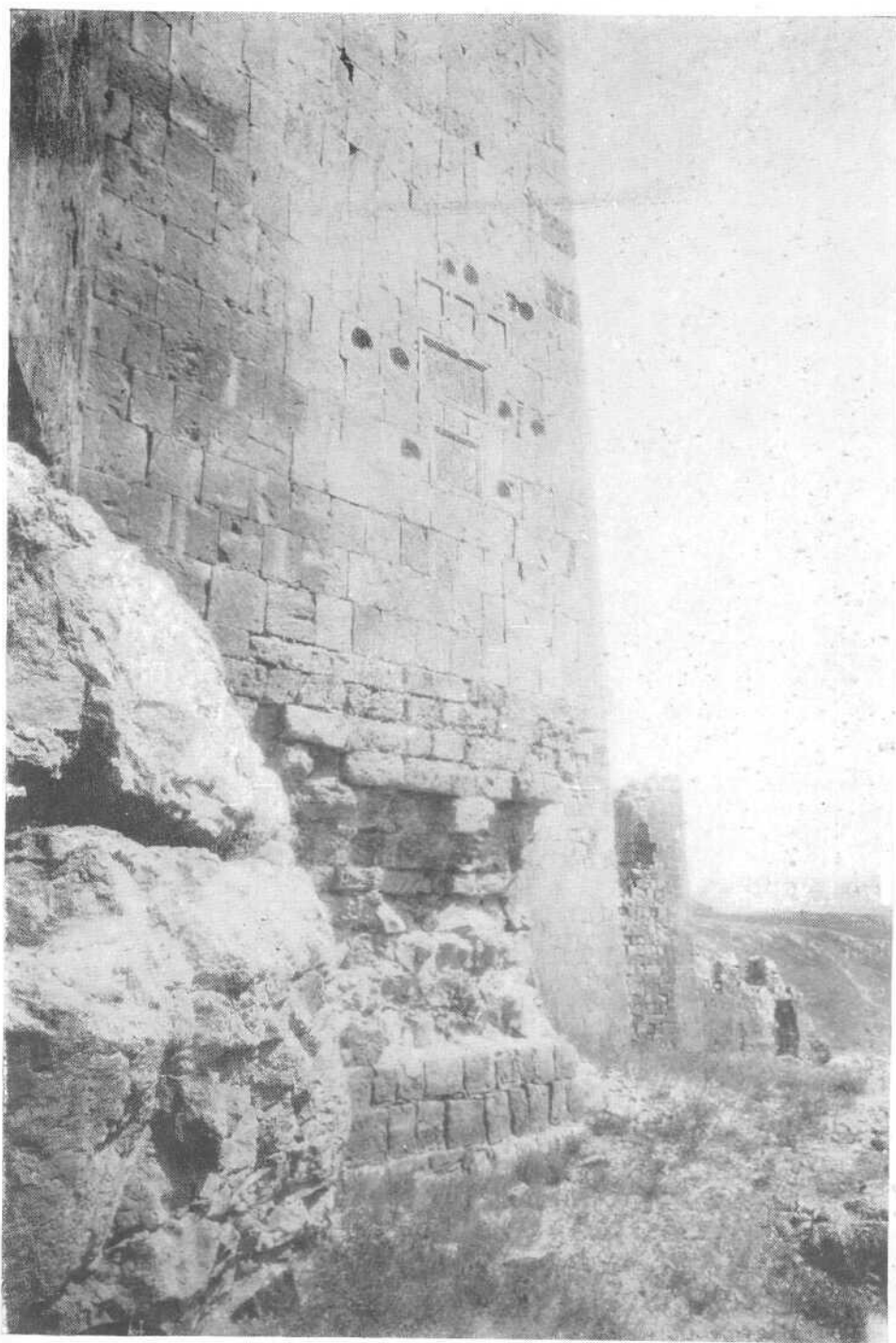

Рис. 9. Угол стены или башни с надписью № 4.

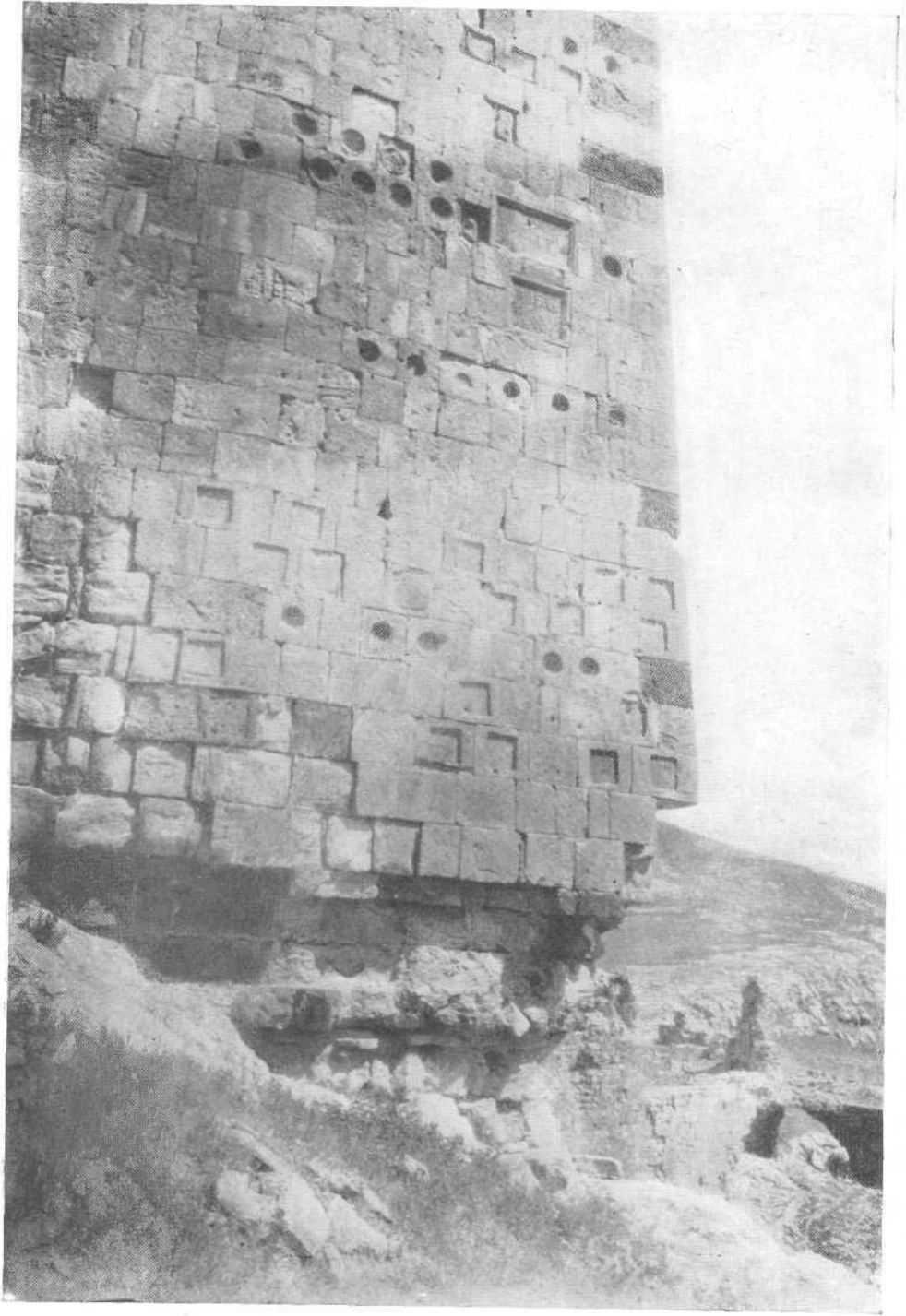

Рис. 10. Угол башни с надписью № 5.

Рис. 11. Надпись № 4

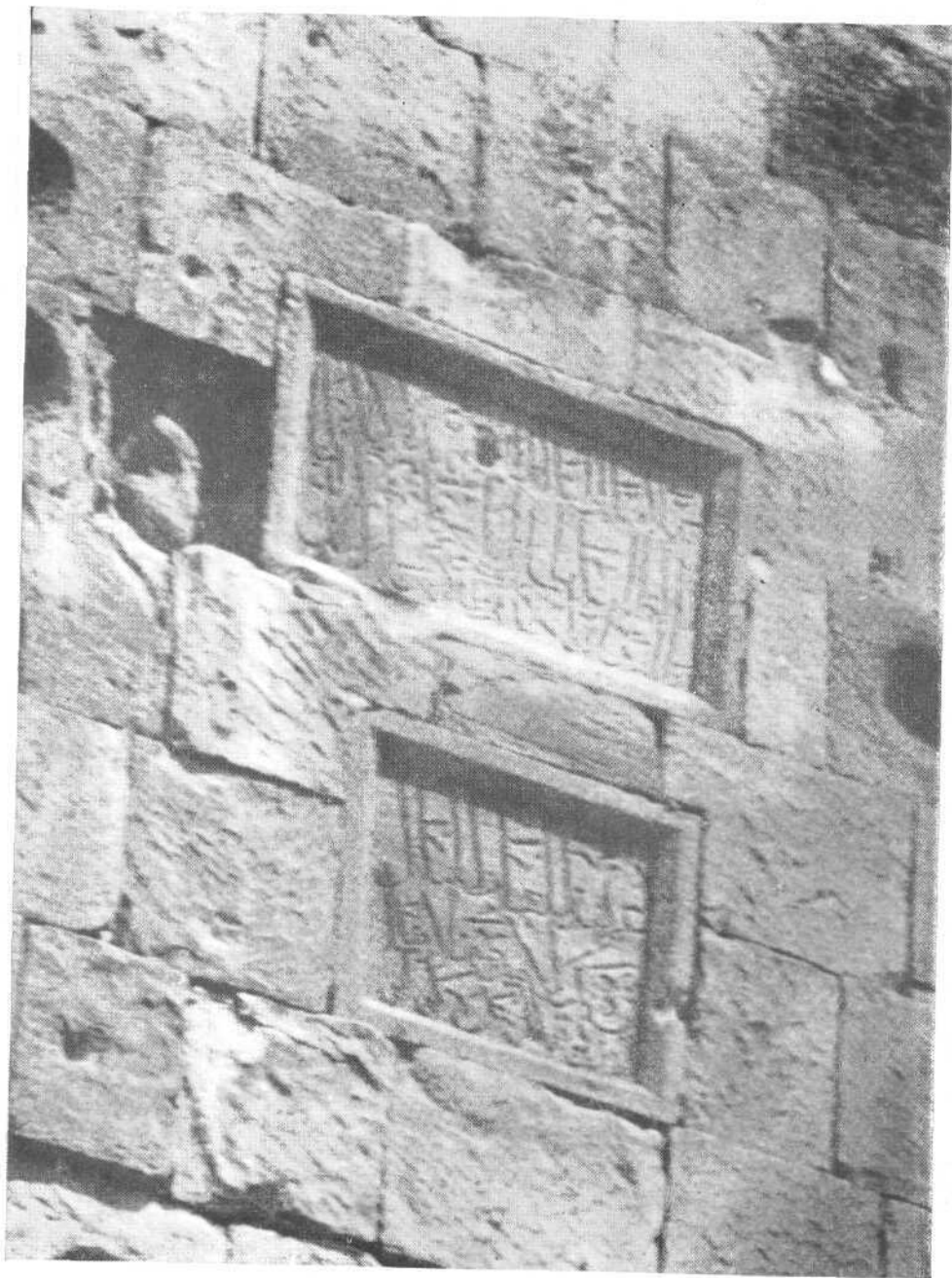

Рис. 12. Надпись № 5.

разрушения не могли составить для них прямой угрозы. Не была подвержена последней также и надпись № 1, обе плиты которой, в отличие от других, были сильно повреждены. Если бы даже примыкающие к ним справа поврежденные два камня с круглыми гнездами для фаянсовых сосудов и подверглись большому разрушению, то это не вызвало бы выпадения плит, так как окружающая их кладка сохранилась хорошо (см. рис. 4). Не так обстояло дело с рассматриваемой надписью. Как видно на рис. 8, надпись помещалась на выступающей грани угловой башни, нижние ряды облицовки которой почти полностью отвалились. Сохранившиеся же верхние ряды состоят большей частью из выветрившихся камней, швы между которыми разошлись и связь между которыми нарушилась. При отсутствии поддержки снизу обвал этих камней мог произойти сравнительно легко. Также легко вместе с камнями облицовки могла свалиться и плита с надписью, которая левым своим концом еще держалась в кладке, правым же только опиралась на невидимый на фотографии и скрытый в глубине шва верхний край расположенного под ней выветрившегося камня. Таким образом, с 1-й строкой наиболее подверженной разрушению надписи оказывается сходной единственно изданная у А. Ш. Бейгу сохранившаяся строка разрушившейся надписи. Это обстоятельство также должно служить доводом в пользу того, что строка А. Ш. Бейгу является, по видимому, 1-й строкой нашей надписи.

У А. Ш. Бейгу строка сопровождается надписью на нижней плите. Если это, с одной стороны, подтверждает высказанное выше предположение о том, что надпись, к которой мы эту строку относим, не ограничивалась одной плитой и имела продолжение на второй, то, с другой стороны, возбуждает вопрос о том, каким образом надпись на нижней плите, появившаяся в печати в 1936 г., отсутствует на фотографии 1911 г., где на ее месте имеется со всех видимых сторон выкрошившийся камень без каких-либо следов прежней надписи.

Основанием для нашего предположения о том, что надпись не ограничивалась верхней плитой, служит то обстоятельство, что в таком виде она остается незаконченной. Если наши рассуждения относительно того, что изданная у А. Ш. Бейгу строка является 1-й строкой нашей надписи, справедливы, то сопровождающая эту строку надпись на второй плите могла бы лишь дополнить ее, но ни в коем случае не закончить. Эта сама по себе неполная надпись нижней плиты в точности повторяет текст первых трех строк второй плиты надписи № 3735, которая имеет еще завершающую 4-ю строку. Последняя содержит только имя и дату и по конструкции первых трех строк иных данных и не может содержать. Перевод первых трех строк следующий:

[2] при посредстве немощного раба,

[3] нуждающегося в милости Аллаха,

[1] слуги аль-Мелика [аль-Муаззама] Мугис ад-дина...

Приставив эти строки к четырем строкам нашей надписи, мы будем продолжать оставаться в неведении относительно того события, ради сообщения о котором была составлена надпись. Поэтому только в результате какого-нибудь недоразумения могли бы оказаться эти плиты одна над другой на стене цитадели. Наша надпись несомненно должна была иметь продолжение на второй плите, но это продолжение должно было быть другим, которое, судя по состоянию камня под нашей плитой, давно уже исчезло.

Сомнения, внушаемые нам приведенным у А. Ш. Бейгу текстом трех строк нижней плиты, определяются не только несоответствием его тексту нашей надписи. Сомнительным является также и то, что этот текст, с одной стороны, не зафиксирован ни на одной из наших фотографий, а с другой, что, будучи явно второй частью надписи, он не может быть приставленным ни к одной из надписей цитадели, не имеющих этой второй части. И поскольку он представляет точное повторение первых трех строк нижней плиты надписи № 3735, нам остается предположить, что он и на самом деле является всего лишь повторением этих строк, ошибочно принятым за неполную копию якобы другого, в точности совпадающего текста.

Эти три строки нижней плиты могли бы приобрести убедительность в том случае, если бы имелось основание рассматривать предшествующую им строку верхней плиты не как начальную, а как вторую. Между тем приведенные выше соображения с большей убедительностью склоняют к противоположному заключению. Есть, конечно, еще одна возможность. Можно предположить, что вопреки нашей попытке показать, будто в части верхней плиты надпись № 3739 является неполным воспроизведением нашей надписи, на самом деле в целом она представляет очень близкую к последней, но отдельную надпись. Если стать на такую точку зрения, то с наименьшим основанием можно допустить, что сходные выше и признанные нами за одно единое надписи №№ 2 и 3736 также являются только лишь очень близкими между собой, но на самом деле разными надписями. Однако в таком случае придется признать, что ни одна из сфотографированных в 1911 г. И. А. Орбели и ранее не опубликованных надписей не вошла в изданный в 1936 г. труд А. Ш. Бейгу и что, напротив, впервые опубликованные в этом труде две надписи оказались именно теми, которые по странному совпадению оказались не сфотографированными И. А. Орбели. Признать это придется при всем том, что, как выше было установлено, обе эти впервые опубликованные А. Ш. Бейгу надписи, исключая сомнительную для нас нижнюю плиту второй из них, обнаружили крайнее сходство с двумя сфотографированными И. А. Орбели надписями, выразившееся не только в тексте, но и в поврежденных в камне местах. Думается, что изложенный выше ход рассуждений привел нас к более приемлемому и более убедительному заключению о том, какие именно две надписи Байбуртской цитадели оказались впервые изданными в книге А. Ш. Бейгу.

Надписи №№ 4 и 5. С двумя оставшимися фотографиями мы оказываемся в районе цитадели, обращенном, повидимому, в сторону от города (рис. 9 и 10). Отдаленность этого района и послужила, вероятно, причиной того, что ни К. Ф. Леманн-Хаупт, не интересовавшийся средневековыми памятниками, ни тем более Леопольд Фавре, не имевший вообще археологических интересов, не добрались до находящихся здесь надписей. Поскольку нет никаких оснований отнести последние к числу труднодоступных и поскольку не оказалась труднодоступной также отсутствующая у А. Ш. Бейгу надпись № 1, возникает два недоуменных вопроса: 1) как мог А. Ш. Бейгу упустить из виду этот район с его надписями и 2) какие другие надписи мог иметь в виду А. Ш. Бейгу, говоря об их труднодоступности? Прослеживаемые на обеих фотографиях сходные черты свидетельствуют о том, что обе надписи находятся в одном и том же строительном участке цитадели, значительно отличающемся от тех, в которых расположены рассмотренные уже надписи. Здесь прежде всего обращают на себя вни-

манье способ обработки облицовочных камней кладки и вид последней. Во всех предшествующих случаях можно было наблюдать тщательную отеску камней и очень тесную пригонку их друг к другу. Здесь же отеска камней неровная, с крупными грубыми рубцами, лежащими в разных направлениях, чаще всего под углом, приближающимся к прямому, образуя подобие рисунка „елочек“. Между камнями в кладке значительные зазоры, объясняемые, повидимому, столь же нетщательной отеской камней с торцов. Отличия наблюдаются также и в гнездах для цветных керамических вставок. Здесь они встречаются только по одному в камне, последние же расположены горизонтальными рядами. Таким образом, здесь не получается, как наблюдалось выше, треугольных фигур. Квадратные же гнезда, которые встречались поставленными на угол, здесь стоят на ребре. Отличаются от рассмотренных, наконец, и сами надписи (рис. 11 и 12) прежде всего размерами и формой своих плит и их расстановкой; верхние плиты значительно короче предыдущих верхних плит, нижние же почти квадратные и отстоят от верхних на половину высоты облицовочных камней стены. Расстановка их в обоих случаях одна и та же; правый край нижней плиты чуть отодвинут от соответствующего края верхней плиты к середине. В отличие от простого и безыскусного письма предыдущих надписей здесь надписи исполнены вышколенным, выработавшимся в выдержанный эпиграфический стиль письмом, характеризующимся округлыми очертаниями знаков, в большинстве своем пунктированных, и довольно частыми огласовками. Последние, как правило, имеют вид *фатхи*, поддерживаемой „птичкой“, но над именем Лулу имеют вид *даммы*. Говорить о несоразмерности знаков или о неравномерном заполнении строк здесь не приходится. Но все же следует отметить, что в отличие от рассмотренных надписей с их характером письма, здесь, пожалуй, первая строка насыщена более, чем последняя. Письмо крупное, и при достаточной высоте плит на каждой из них уместилось всего лишь по три строки.

Надписи настолько похожи одна на другую, что не остается сомнения в том, что они исполнены одной и той же рукой. Одна из них (№ 4) видна на фотографии совершенно отчетливо, другая (№ 5) оказалась не в фокусе и разбирается с трудом. Однако тщательное рассмотрение приводит к заключению, что у них общий текст и настолько сходное воспроизведение, что между ними обнаруживается лишь одно незначительное расхождение, ниже отмечаемое. В надписях совпадает даже такой необычный перенос из строки в строку имени, как *ضما الدين*. При такой повторности представилось достаточным ограничиться приведением текста одной лишь надписи № 4, тем более, что на рис. 11 и 12 воспроизводятся фотографии обеих надписей, сравнение которых способствует более точному установлению чтения двух соседних слов *المعظم* и *مغيث* во 2-й строке верхних плит.

[1] هذه العمارة المباركة الميمونة في عهد الايام

[2] الدولة السلطان المعظم مغيث الدنيا و

[3] الدين ابو الحارث طغول بن قلع ارسلان

[1] عمر هذه العمارة المباركة

[2] في يد الامير صفهسلار ضيا ا

[3] لدين كوتوال بك لولو

Союз „, завершающий на верхней плите 2-ю строку, находится в надписи № 5 в начале 3-й строки.

Перевод

Верхняя плита:

[1] Это благословенное благополучное строительство — в период дней

[2] владычества великого султана Мугис-ад-дунья

[3] ва-д-дин, Абу-ль Хариса Тогрула, сына Килич-Арслана.

Нижняя плита:

[1] Осуществлено это благословенное строительство

[2] при посредстве эмира-сипахсадара Зия-

[3] ад-дина кутвал-бека Лулу.

Выше упоминалось о трех надписях, в которых титул правителя не имеет начальных простых эпитетов и которые по этому признаку были выделены в особую группу. Подразумевались при этом рассматриваемые две надписи и не привлеченная еще нами надпись № 3738. За отсутствием у нас фотографии последней судить о ней приходится по существующим изданиям, в которых она выглядит по-разному. Опубликовавший ее впервые, на основании единственной фотографии Леопольда Фавре, М. ван Бершем сообщает о ней следующее: занимаемые ею плиты расположены по одной оси и верхняя, содержащая 4 строки, вдвое больше нижней, содержащей 3 строки; исполнена надпись тщательно выведенным письмом такого же характера, как в надписях №№ 3735 и 3737, с более крупными выделяющимися знаками, помеченными отдельными точками и огласовками. Сегует М. ван Бершем на трудность чтения, проистекающую как от слишком мелкого масштаба надписи на фотографии, так и вследствие выветренности плит.

Таким образом, надпись № 3738 ни соотношением своих плит как в отношении размера их, так и расположения, ни характером письма не похожа на надписи №№ 4 и 5 и похожа в последнем отношении на надписи рассмотренной выше группы, от которых ее отличает тщательность исполнения. Не так просто решается вопрос о тексте этой надписи. М. ван Бершем читал ее с большой осторожностью, пропуская неясные места и восстанавливая некоторые слова под вопросительным знаком. Ни 4-я строка верхней плиты, ни 3-я строка нижней им не воспроизведены, первая — потому что не читается, вторая — потому что большей частью выветрилась. А. Ш. Бейгу действует более решительно, воспроизводит надпись в более полном виде и даже восстанавливает начальные два слова 3-й строки нижней плиты. Редактор „Répertoire“, как указывалось выше, свел оба чтения воедино, отдавая совершенно основательно предпочтение первому из них, так как в чтении А. Ш. Бейгу не все в достаточной степени убедительно. В этом последнем издании надпись приобрела следующий вид:

[1] — A — هذه العمارة في عهد دولت السلطان المعظم
 [2] شهنشاه الاعظم مغيث الدنيا و الدين معز الاسلام والمسلمين ابو الحارث (?)
 [3] طغرل شاه بن قلیج ارسلان بن مسعود ناصر امير المؤمنين [два слова]
 [4]

[1] — B — على يد الامير سيبهسالار العادل
 [2] ضيا الدين لولو
 [3] معمار الامير

Перевод

Верхняя плита:

- [1] Это строительство — в период владычества великого султана,
 [2] величайшего шахиншаха Мугис-ад-дунья ва-д-дин, прославляю-
 щего ислам и мусульман, Абу-ль-Хариса (?)
 [3] Тогрул-шаха, сына Килич-Арслана, сына Мас'уда, пособника
 эмира правоверных
 [4]

Нижняя плита:

- [1] При посредстве эмира-сипахсалара справедливого
 [2] Зия-ад-дина Лулу,
 [3] строителя эмира . . .

Несмотря на специально подчеркнутую М. ван Бершем тщательность исполнения надписи, в ней нашло место свойственное для данного характера письма неравномерное размещение слов, вследствие чего первая строка оказалась более разряженной, чем последующие, постепенно все более и более насыщенные. Поскольку в большинстве надписей дитадели верхняя плита оканчивается сложным эпитетом *ناصر امير المومنين* 'пособник эмира правоверных', на котором обрывается чтение текста на верхней плите данной надписи, а составляющая в этом отношении единственное исключение надпись № 1 имеет продолжение в виде даты, то есть достаточно оснований предполагать такое же окончание и здесь. По отдельным строкам надписи можно высказать следующие замечания.

Верхняя плита. М. ван Бершем, не прочитавший начала надписи, отмечает, что им опущено два или три слова в начале 1-й строки и одно в конце ее. Таким образом, хотя восстановленные А. Ш. Бейгу начальные два слова и согласуются с начальными словами надписей №№ 4 и 5, тем не менее не исключается возможность, что восстановление это не полное и что тут недостает либо глагольной формы *اتفقت* 'совпало', как в надписях №№ 3735 и 2, либо причастной формы *المنارة المباركة* 'благословенное', как в надписях №№ 4 и 5. Если это остается под вопросом, то едва ли может быть подвергнуто сомнению то, что в конце 1-й строки, вслед за словом *المعظم*, имелось еще одно слово. Между тем А. Ш. Бейгу последнего не восстанавливает и не отмечает. В то же время в начале 2-й строки он восстанавливает два слова *شهبان شاه اعظم* (в „Répertoire“ исправлено на *شهبان شاه الاعظم*) 'величайший шахиншах', хотя М. ван Бершем усмотрел тут отсутствие лишь одного слова. Было более убедительным, если бы первое из этих слов было восстановлено в конце 1-й строки, а второе — в начале 2-й. В связи с восстановлением в чтении А. Ш. Бейгу не прочитанного М. ван Бершем второго слова 3-й строки, имя правителя обнаруживается в форме *طغرل شاه* — Тогрул-шах, в каковой оно в других прижизненных надписях не встречается. Последние два слова 3-й строки, так же как и выветрившаяся 4-я строка, остались непрочитанными у А. Ш. Бейгу, который, как и в других указанных случаях, не счел нужным оговорить это.

Нижняя плита. М. ван Бершем прочитал начало *على يد*, отметил за ним три неразборчивых слова и поставил в конце 1-й строки под вопросом *الحاكم*. А. Ш. Бейгу восполнил пропуск словами *الامير سيبانسالار*, но заменил последнее слово строки словом *العادل*. Расхождение между восполнением А. Ш. Бейгу и количеством слов, опущенных М. ван Бер-

шемом, возможно, быть может, объяснить тем, что второе из восстановленных слов своим размером и своим начертанием могло быть при неразборчивости принято за два слова. Что касается завершающего слова строки, то сомнение М. ван Бершема в чтении *الحاكم* вполне закономерно, по поводу же прочитанного А. Ш. Бейгу *العادل* 'справедливый' следует заметить, что, хотя этот эпитет и встречается изредка в титулах великих эмиров-сипахсаларов, о которых говорилось выше,¹ все же было бы неосновательным не считаться с опытным глазом и осторожностью в чтении М. ван Бершема. В надписи № 1 при слове *الامير* 'эмир' мы встретились с эпитетом *الاجل* 'прославленный'. Начертание этого эпитета с расположенными над ним чертами, от признания в которых отдельного слова мы воздержались, могло бы при неясном различении дать повод для чтения *الحاكم* (см. рис. 5). Поэтому не исключена возможность, что в надписи № 3738 повторяется тот же эпитет *الاجل* в сходном начертании, что подтверждалось бы близостью письма, которыми исполнены эти надписи. Нахождение эпитета *الاجل* после слова *سپهسالار* 'сипахсалар', как воспроизводит его А. Ш. Бейгу, а не после слова *الامير* 'эмир', как в надписи № 1, более естественно, так как при конструкции *الاجل سپهسالار* следовало бы ожидать еще одного эпитета, для чего надпись не дает основания. Если передача слова *سپهسالار* 'сипахсалар' у А. Ш. Бейгу правильна, то это редкий случай такого написания. В подавляющем большинстве надписей, современных надписям Байбуртской цитадели, это слово пишется не через *پ* или *ب*, а через *ف*, как в наших надписях №№ 4 и 5, что же касается первого *алифа*, то он встречается единственный раз в надписи „Répertoire“ № 3703.

Вторая строка в последнем издании надписи сведена не полностью. М. ван Бершем прочитал начальное *ضيا الدين*, отметив за ним три неразборчивых слова. А. Ш. Бейгу восполнил недостающее, заключив в прямые скобки явно сомнительную часть своего чтения, в результате чего у него получилось *لولو [كوتوالدين]*. Располагая теперь надписями №№ 4 и 5, мы можем без колебаний утверждать, что здесь повторяется употребленная в них форма и что строка в целом должна читаться: *لولو ضيا الدين كوتوال بك لولو* 'Зия ад-дин кутвал-бек Лулу'.

Восстановленные в чтении А. Ш. Бейгу в начале 3-й строки два слова приходится принимать с большой осторожностью. Вполне возможно, что упомянутый в надписи Зия ад-дин Лулу, пользуясь другими придворными званиями и должностями, мог называться также *معمار* 'строитель', 'архитектор'. Достаточным основанием для этого может служить хотя бы то, что, как видно по надписям, он являлся фактическим руководителем постройки цитадели. Пожалуй, в этой роли он больше был известен работавшим на этом строительстве ремесленникам, чем в роли управляющего двором или военачальника. Однако все же было бы непонятным, почему Лулу, судя по чтению А. Ш. Бейгу, должен был носить это звание не при особе своего правителя, а при особе остающегося неизвестным для нас эмира, особенно принимая во внимание то, что словом эмир в надписях Байбуртской цитадели называются либо халиф, либо сам же Зия ад-дин Лулу, последний, в частности, и в данной надписи, двумя строками выше.

В рассмотренных нами последних трех надписях к известным уже званиям Лулу прибавилось еще одно — *كوتوال بك* 'кутвал-бек', т. е.

¹ Répertoire, X, №№ 3703 и 3775.

‘главный кутвал’. Слово кутвал, сохранившееся и по сей день в Индии в значении сельского старосты, имело в течение своего существования, в зависимости от времени и места своего употребления, разные значения, начиная от привратника замка и кончая градоправителем. В применении к Лулу, в сочетании со словом بك ‘бек’, т. е. ‘глава’ или ‘начальник’, оно должно означать звание администратора двора. Нам известно другое близкое по значению звание Лулу — استاد الدار ‘устанд ад-дар’, т. е. ‘управитель двора’. Поскольку, сверх того, мы встретились с употреблением либо первого, либо второго из них, мы вправе рассматривать их в данном случае равнозначными.

Этим заканчивается рассмотрение доступных нам надписей Байбуртской цитадели, и вопрос о том, исчерпаны ли нами все ее сохранявшиеся до 1911 г. надписи, остается открытым в той мере, в какой заслуживают доверия сведения о труднодоступных надписях, сообщаемые А. Ш. Бейгу. Что же касается издания им надписей в целом, то к тому, что было отмечено, можно прибавить следующее.

В установлении текста надписи № 3737 А. Ш. Бейгу не расходится с М. ван Бершемом, читая вслед за ним неточно первое слово надписи и не заключая, подобно ему, в восстановительные скобки два слова, которые, как показывает наша фотография, были повреждены к 1911 г. образовавшейся на поверхности плиты выщербиной. В статье М. ван Бершема фотография этой надписи не воспроизведена. Тем не менее, зная исключительную пунктуальность М. ван Бершема в опубликовании текстов, мы вправе заключить, что в то время, когда была сделана фотография, которой он пользовался, этого повреждения на плите еще не было.

Из этого обстоятельства мы вправе вывести заключение, что статья М. ван Бершема не была неизвестна А. Ш. Бейгу. Поэтому отсутствие в книге последнего ссылок на нее не представляется заслуживающим доверия. Что же касается отсутствия в этой книге фотографического воспроизведения изданных в ней надписей Байбуртской цитадели, то высказанное по этому поводу в начале настоящей статьи сожаление было бы справедливее обратить теперь в упрек.

Подводя итог текстологическому разбору привлеченных выше надписей, мы приходим к следующему заключению.

Надпись № 3735, как правильно изданная, не требует пересмотра.

Надпись № 3736, представляющая неточное и неполное воспроизведение нашей надписи № 2, должна быть заменена последней.

В надписи № 3737 требуется исправить чтение двух первых слов.

В надписи № 3738 требуется восполнить чтение второй строки нижней плиты.

Надпись № 3739, представляющая первую строку нашей надписи № 3 и три строки нижней плиты, существование которой вызывает основательные сомнения, должна быть заменена нашей надписью № 3.

Наши надписи №№ 1, 4 и 5 публикуются впервые.

Таким образом, с непривлеченной нами надписью № 3993 общее число известных теперь надписей Байбуртской цитадели достигает десяти.

При всей бедности содержания рассмотренных нами надписей из них можно извлечь некоторые выводы.

Выше уже говорилось, что дата надписи № 3735 была совершенно основательно распространена на остальные известные надписи цитадели,

исключая не относящуюся к ним надпись № 3993. Основательность этого распространения находит подтверждение в дате надписи № 1, и к этой же дате мы вправе отнести и остальные вновь изданные, но не датированные надписи. Мы вправе также предполагать, что в выветрившейся части надписи № 3738 содержалась та же дата, которая была столь же подробной, судя по тому, что она занимала окончание 4-й строки и всю 5-ю. Подробность даты указывает на то, что она относится не к окончанию работ и не к какому-то их этапу, а к их началу. Об этом можно судить и по положению надписей на стене, находящихся на средней ее высоте. Но если бы даже по этому поводу могли возникнуть сомнения, то начало надписи № 3737 — ابتدای عمارة 'начало строительства', как мы читаем его в отличие от М. ван Бершема и А. Ш. Бейгу, указывает именно на начало работ. То обстоятельство, что в этой надписи говорится не о строительстве вообще, а о строительстве башни, не меняет дела, так как о строительстве башни говорится и в датированной надписи № 1. Наконец, о том, что дата относится к началу работ, можно судить и по размерам цитадели. Как сообщает в своем докладе И. А. Орбели, внутренний периметр цитадели равняется приблизительно 910 метрам. Не трудно представить, что строительство цитадели могло быть начато одновременно в разных местах, но окончено быть одновременно во всех местах оно не могло. Расположение надписей в разных местах цитадели, а не только на ее более „парадной“ части, обращенной в сторону нынешнего города, подтверждает, что строительство шло одновременно на разных участках стены.

Строительство такой цитадели не могло не потребовать значительного количества ремесленников, которые должны были быть привлечены из разных мест. На последнее обстоятельство указывают два разных способа обработки камня и укладки стен, которые удалось проследить выше. Однако то же заключение можно извлечь и из самих надписей.

Надписи составлены разными людьми, которые по-разному сообщают о строительстве цитадели или отдельных ее башен, по-разному величают правителя и его придворного и обнаруживают разную степень знакомства с арабским языком. Строй арабской фразы сохранен только в надписях №№ 3735 и 2, начинающихся с глагола, что наблюдается также и в повторяющихся одна другую надписях №№ 4 и 5, но только во второй их части, на нижних плитах. Во всех остальных надписях глагол вовсе отсутствует, что и вызвало необходимость, для сохранения этой детали в переводе, прибегать к помощи *тире*. Встречаются в надписях и пропуски, которые могли произойти не только при нанесении текста на плиту, как в случае со словом ملك в 3-й строке надписи № 3, но и при составлении его, как в случае с указательным местоимением هنا перед словом برج в 1-й строке надписи № 3737.

На прослеживаемой в надписях пестроте в титуловании Тогрула мы уже останавливались. К сказанному можно прибавить, что, хотя по количеству содержащихся в них эпитетов Тогрула надписи № 3737, №№ 2 и 3 мало чем уступают надписи № 3735, все же в двух из них, в №№ 3737 и 3, обнаруживается сложный эпитет قامع الكفرة و المشركين 'покоритель неверия и многобожников', отсутствующий как в надписи № 3735, так и во всех остальных надписях цитадели. Еще один эпитет Тогрула — شهنشاہ الاعظم 'величайший шахиншах' — содержится единственный раз, согласно чтению А. Ш. Бейгу, в надписи № 3738. Мы отмечали также пестроту в титуловании Лулу. Если бы не было такого

же явления в отношении титулования Тогрула, имелось бы, пожалуй, основание предположить, что, пока шло строительство цитадели, Лулу как руководитель работ был повышен в звании в награду за свою деятельность. В таком случае мы должны были бы допустить также некоторую одновременность в датах надписей. Однако вопрос об одновременности их для нас не составляет сомнения и причину пестроты в титуловании правителя и управителя его двора нужно искать в другом. Мы уже имели повод убедиться в том, что Лулу как управитель двора Тогрула называется в одних надписях *استاد الدار* 'устанд ад-дар', в других — *كوتوال بك* 'кутвал-бек'. До этого мы встретились с персидским началом надписи № 3737 и с составленной на персидском языке датой в надписи № 1. В надписях же №№ 4 и 5 употреблено выражение *في يد* 'при посредстве', которое составлено из арабских слов, но совершенно неупотребительно в арабском языке. Это выражение явно переводное и может идти только из армянского языка, в котором, наряду с выражением *ձեռքը*, соответствующим употребленному в надписях №№ 3735 и 3738 арабскому *على يد*, имеется выражение *ի ձեռն*, точным соответствием которого является выражение *في يد*. Эти примеры свидетельствуют о том, что в составлении текста надписей принимали участие представители разных народов, для которых арабский язык не был родным и которые при переводе этих надписей на арабский, оставили в них следы своих языков или языков, на которых они привыкли составлять подобные надписи. Этим же объясняется и то обстоятельство, что надписи Байбуртской цитадели, арабские по своему языку, в подавляющем своем большинстве грешат против полноты арабской фразы. Принимая же во внимание также пестроту в титуловании правителя и его эмира, можно прийти к заключению, что надписи составлялись по общему указанию, но независимо одна от другой, каждая на своем строительном участке, причем, как показывают надписи №№ 4 и 5, один и тот же текст мог быть повторен в пределах своего участка. Поэтому не исключена возможность, что первоначально надписей было больше и что часть их погибла вследствие разрушения стен.

Возвращаясь к титулу Тогрула, следует отметить, что помимо того, что он составлен на арабском языке, в нем сельджукскими являются только его собственное имя, имя Килич-Арслан, принадлежавшее его отцу и его прадеду и, наконец, эпитет „Совершенство рода Сельджука“, свидетельствующий о принадлежности к этому роду Тогрула. Все остальное в его титуле, как уже указывалось, является заимствованием, в котором, наряду с преобладающим арабским элементом, встречается также персидский элемент. В еще большей степени это замечание относится к титулу Лулу.

Тщетно было бы искать признаков чего-либо специфически сельджукского и в самой цитадели. Помимо того, что, как отмечалось выше, она оставляет желать лучшего в архитектурном отношении, в строительном отношении, если не считаться с ее размерами, она не отличается от подобных более ранних и современных ей построек, остатки которых и доныне еще сохраняются как в ближайших к Байбурту, так и в иных, более восточных, областях Армении. На основании языка надписей цитадели мы вправе прийти к заключению, что в строительстве ее принимали участие, наряду с местными и привлеченными из соседних областей ремесленниками, которые могли быть только армянами по национальности, также ремесленники, привлеченные

из более восточных областей Армении, возможно и иных областей, где строительным материалом являлся камень, а языком официальных надписей, наряду с арабским, — также и персидский. Таким образом, в этом памятнике сельджукского периода нет, в сущности, ничего собственно сельджукского, не говоря уже о том, что единственно сохранившееся внутри цитадели здание является базиличной церковью. Все это вполне согласуется с той точкой зрения на так называемое „сельджукское искусство“, которую вполне убедительно обосновал акад. И. А. Орбели и согласно которой это искусство было создано не сельджуками, а местным коренным населением, культуру которого и восприняли сельджуки-завоеватели.¹ Небольшим штрихом, подтверждающим эту точку зрения, могут послужить выводы, вытекающие из рассмотренных нами надписей.

Этими выводами и хотелось бы принести акад. И. А. Орбели благодарность за предоставление в мое распоряжение фотографий, послуживших материалом для настоящей статьи, и за разрешение использования в ней данных, почерпнутых из рукописи его доклада о Байбуртской цитадели.

¹ И. А. Орбели. Сельджукское искусство. Краткое изложение доклада. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии, Доклады, Изд. Акад. Наук СССР, М.—Л., 1939, стр. 150—155.

А. В. БАНК

ГЕММА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ СОЛОМОНА

В конце 1949 г. Государственным Эрмитажем был приобретен у частного лица резной камень — гематит (или железняк) овальной формы, в золотой оправе с ушком (инв. № ф. 1145). Размеры геммы в оправе: высота 3.3 см (без ушка); ширина — 2.3 см.¹ На лицевой стороне камня имеется врезанное изображение всадника (рис. 1, а), представленного в профиль, вправо, сидящим на вздыбленном коне. В правой приподнятой руке он держит наперевес копьё, которым поражает женщину, расположенную в нижней части камня, справа. Женщина изображена сидящей с поднятыми по направлению к всаднику руками, как бы в жёстке моления. Всадник одет в воинские одежды; слева развевается конец его плаща. На волосах можно предположить изображение повязки. Женщина с длинными, спадающими на спину волосами представлена обнаженной. Слева и вверху по краю расположена греческая надпись: СОЛОΜΩΝ. Между головами всадника и коня помещена восьмиконечная звезда.

На обратной стороне камня — гравированная надпись в три строки (рис. 1, б): $\Sigma\Phi\text{ΡΑ} \mid \Gamma\text{Ι}\Theta \mid \epsilon\text{O}\text{V}$, что значит 'печать бога'.

Оправа — старая, из тонкого листка золота, следует очертанию камня, образуя небольшие утолщения около его изгибов; вверху припаяна петля в виде плоского колечка с утолщенными ребрышками по краям. Оправа местами несколько примята; на тыльной стороне камня внизу значительные щербинки в вертикальном направлении.

Общий характер исполнения — грубоватый. Можно отметить непомерно длинную шею, очерченные резкими угловатыми штрихами черты лица, схематичную передачу тела, элементы условности в изображении одежды (в частности кончика плаща). При этом, однако, не утрачено пластическое восприятие формы, что особенно отчетливо видно на фигуре коня.

Для надписей как на лицевой, так и на обратной стороне характерна угловатая форма букв, в частности таких, как $\Sigma, \Theta, \Theta, \Omega$.

В собрании глиптики Отдела древнего мира Эрмитажа имеется фрагмент резного камня из гематита (инв. № 6611), по всей видимости с таким же изображением и надписью на обороте. Сохранилась левая часть фигуры всадника с копьём и коня (рис. 2); можно различить ноги поражаемой им фигуры. По левому краю буквы: ΣO . Качество исполнения значительно уступает издаваемой инталье. Утрачено всякое пони-

¹ Край камня несколько стесан по ребру, образуя меньшую поверхность на обратной стороне.

мание анатомии человеческого тела: туловище всадника и его шея непомерно удлинены по сравнению с головой и ногами. Предельно схематизована одежда: можно различить лишь несколько ритмически повторяющихся косых штрихов в нижней части фигуры и вертикальных в верхней. Состояние сохранности не позволяет судить об исполнении лица. Элементы пластической передачи имеются лишь в изображении коня. Надпись на обратной стороне уцелела в ее правой части: ФРА | CΘ | V |; буквы отличаются той же угловатостью.

Ряд близких аналогий публикуемому камню имеется в других собраниях. Шлумберже¹ приобрел в Бейруте в числе других амулетов овальный гематит с изображением всадника Соломона, поражающего копьём женщину с распущенными волосами. На реверсе — надпись, совпадающая с нашей. Судя по приложенной к статье прориси, характер исполнения также ему близок. В частности, только на этой печати одежда передана также, как на публикуемой печати. Автор говорит о том, что подобные интальи имеются в Национальной библиотеке в Париже, в Британском музее и других больших собраниях. И действительно, в каталоге М. Шабуйе² под №№ 2218 и 2219 значатся два резных камня из гематита с аналогичными изображениями. Текст не сопровождается иллюстрациями, но, судя по описанию № 2218, близок эрмитажному, а № 2219 имеет некоторое отличие в надписи на лицевой стороне.

Большое сходство с издаваемым камнем можно усмотреть в двух печатях из собрания Берлинского музея (инв. №№ 9932 и 21792).³ На первой (рис. 3, а) совпадают с нашей композиция и сопровождающая ее надпись, повидимому находящаяся на лицевой стороне. Общий характер изображения, однако, значительно схематичнее. Одежды утрируют реальную основу, превращаясь в некие перпендикулярно расположенные полосы, отмеченные сверху горизонтальной штриховкой, внизу вертикальной. Фигура передана плоскостно без всякой анатомической правильности.

№ 21792 имеет на обороте ту же надпись. Над головой коня также представлена звезда (рис. 3, б), но отсутствует имя Соломона. Изображение значительно грубее нашего. Предельно схематично передана женская фигура, где одинаковыми штрихами отмечены черты лица и пряди волос, руки походят на обрубки и т. д. Рядами штрихов исполнены также черты лица, пальцы и волосы всадника.

Инталья из черного гематита с изображением всадника, поражающего расprostертую на земле фигуру, опубликована Фуртвенглером.⁴ Около головы всадника — звезда (рис. 4), отсутствует указание имени. Композицию окружает фигура змеи. На обратной стороне та же подпись, что на издаваемой печати. Характер изображения, насколько об этом можно судить по плохой репродукции, также ей близок. Композиция

¹ G. Schlumberger. *Mélanges d'archéologie byzantine*. Paris, 1895, стр. 129—130.

² M. Chabouillet. *Catalogue général et raisonné des camées et pierres gravées de la Bibliothèque impériale*. Paris, 1858.

³ W. F. Volbach. Ein Palästinensisches Amulett. *Ämtliche Berichte aus den Königlichen Kunstsammlungen*. Beiblatt zum Jahrbuch der Preuss. Kunstsammlungen, XXXIX Jahrgang., N 6, März, 1918, стр. 123—128; рис. 42 и 43. К сожалению, издатель не дает их точного описания и даже не указывает на фрагментарное состояние, как будто явствующее из репродукции.

⁴ A. Furtwängler. *Die antiken Gemmen*, Bd. III. Leipzig-Berlin, 1900, Anhang, стр. 373, табл. LXVII, 5.

более сжата вследствие меньшего поперечного диаметра овала. Любопытно отметить, что италяе происходит из частного собрания в Смирне.

Того же содержания, наконец, изображение на геммите, изданном в прориси Кингом;¹ на обороте имеется такая же надпись. Издатель указывает на то, что изображение исполнено в духе позднесасанидских печатей.

Сверх приведенных аналогий подобные печати, повидимому, имеются и в других собраниях. Так, например, нам не удалось найти публикации того экземпляра Британского музея, о котором упоминает Шаумберже;² он же указывает на то, что такие геммы имеются во всех больших собраниях.³

Таким образом, приобретенная Эрмитажем печать становится в ряд весьма близких ей памятников. Тождество материала и формы, почти аналогичные изображения и надписи заставляют предполагать общий центр их производства. Стилистические различия дают основания считать, что они возникли не вполне одновременно. Характер исполнения Эрмитажной печати ставит ее выше всех остальных; повидимому, ее можно считать и наиболее ранней. К несколько более позднему времени, очевидно, относятся гемма, изданная Фуртвенглером, № 9932 Берлинского собрания, Эрмитажный фрагмент и № 21792 Берлинского собрания.

Ученые, публикующие италяе с изображением Соломона, относят их к числу позднеримских камней, но не уточняют их датировку. Между тем, композиция на лицевой стороне печатей имеет некоторые аналогии за пределами глиптики, а характер исполнения позволяет сближать их с группой резных камней другого содержания.

Изображение всадника, поражающего копьём врага, встречается на римских монетах почти с начала империи, но получает особое распространение в IV в. Поражаемые фигуры изображаются то преклоненными перед победителем на одно колено, то сидящими, иногда распростертыми; они представлены одетыми и вооруженными, реже — обнаженными. Встречаются изображения двух поражаемых фигур — одной лежащей под ногами коня, другой — преклоненной. Относительно близкие нашей италяе изображения имеются на монете Непота (350 г.),⁴ где при общем сходстве композиции (обращенной вправо) и наличии звезды над головой лошади наблюдается более реалистическая и свободная трактовка сцены, а также на медной монете Магненция (350—353 гг.).⁵

¹ C. W. King. *The Gnostics and their Remains, Ancient and Mediaeval*. London, 1864, стр. 215.

² G. Schlumberger, *ук. соч.*, стр. 130.

³ После сдачи в печать настоящей статьи мне удалось ознакомиться с книгой Боннера (Campbell Bonner. *Studies in Magical Amulets, chiefly Graeco-Egyptian*. Oxford University Press, London, 1950), посвященной магическим амулетам. В главе XV своего труда автор рассматривает палестинские, сирийские и христианские амулеты; к их числу он относит и резные камни с изображением Соломона. Объектом его исследования являются исключительно те экземпляры, которые хранятся в американских собраниях (с учетом английских). Все четыре изданные Боннером камня (см. рис. 5—7) аналогичны публикуемой гемме, в большей или меньшей мере приближаясь к ней и по качеству исполнения. О трактовке лиг трудно судить по характеру репродукций. На лицевой и обратной стороне всех печатей имеются такие же надписи, сходные с нашей и по начертанию букв. В двух случаях фигура всадника окружена змеей.

⁴ H. Cohen. *Description historique des monnaies frappées sous l'empire Romain*, t. VIII. Paris, 1891, стр. 1.

⁵ Собр. Государственного Эрмитажа, инв. $\frac{10398}{891}$.

Эта последняя представляет несомненное иконографическое сходство с рассматриваемой группой резных камней, если не считать наличия щита и сломанного копья у ног всадника. Композиция несколько свободнее, в соответствии с круглой, а не овальной формой поля, но общий характер изображения значительно схематичнее, чем на всех других монетах; стилистически она бесспорно отличается и от публикуемой инталии.¹ К середине IV в. относят исследователи и появление звезды на монетах.² Возможно, что ее источником является изображение звезд и полумесяца, а также других знаков зодиака, часто встречающееся около портретов на монетах и геммах восточных правителей в первые века нашей эры.³ Так или иначе нельзя считать, что рассматриваемая группа гемм могла предшествовать монетам середины IV в.

Таким образом, композицию на печати можно возводить к римским памятникам, поскольку монет она имеет широкое распространение и в различных видах прикладного искусства, и на рельефах. Ряд других моментов говорят о восточном происхождении этих печатей. Если самый факт греческих надписей (эпиграфические особенности которых не противоречат IV в.)⁴ не является для этого времени твердым аргументом в пользу восточных областей Римской империи, то в значительно большей мере об этом свидетельствует содержание сцены.

Своего рода культ Соломона был широко распространен в Сирии, Палестине, а также в Египте. Он являлся великим демиургом в представлениях александрийской школы.⁵ Роль Соломона, исцеляющего от различных болезней, отмечена еще во времена Плиния младшего, который рассказывает о браслете, надевавшемся на руку больного лихорадкой (повидимому малярией). На браслете была надпись: „*Recede ab illo Gaio Seio, Solomon te sequitur*“, что значит „отступишь от Гая Сея, Соломон тебя преследует“.⁶

Не подлежит сомнению, что и на группе рассматриваемых печатей изображается Соломон, поражающий болезнь в образе женщины.⁷

В представлениях александрийцев Соломон обладает властью над демонами болезней, благодаря властную божью печатью (*σφραγίς Θεού*).

¹ Боннер (С. Bonner, ук. соч., стр. 221) склонен относить издаваемые им печати к III в. Его сопоставление с монетами Антонина Пия, Марка Аврелия и Коммода (стр. 210) совершенно неубедительно. Правильно отмечая в предисловии (стр. VII—VIII), что галтика позднеримского периода мало интересовала исследователей по причине относительно низкого качества ее исполнения, автор указывает на большое значение этих памятников под углом зрения отраженных на них магических представлений. Однако, увлекшись содержанием образов, Боннер полностью игнорирует стилистические и технические особенности рассматриваемых памятников. Отсюда, думается мне, ошибки и в привлекаемых им монетных аналогиях и в датировке гемм с изображением Соломона.

² Н. Cohen, ук. соч., стр. 153.

³ Survey of Persian Art (ed. A. U. Pope), v. I. London, 1938, стр. 787.

⁴ Kaufmann. Handbuch der altchristlichen Epigraphik. Freiburg in Breisgau, 1917, стр. 62, рис. 62.

⁵ A. Sorlin Dorigny. Philactère alexandrin contre les épistaxis. Revue des études grecques, t. IV, 1891, стр. 295—296; W. F. Volbach, ук. соч., стр. 124—125.

⁶ Цит. по: E. Le Blant. 750 inscriptions de pierres gravées inédites. Extrait des Mémoires de l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres, t. XXXVI, partie 1, Paris, 1896, стр. 85.

⁷ На реверсе одного из опубликованных Боннером камней (см. рис. 5, б) наряду с надписью имеется изображение какюча, указывающего на якобы данную Соломону силу над демонами. На другом (рис. 7, б) надпись сопровождается особого рода знаком — символом Хнубиса, который указывает на использование камня в качестве амулета против желудочных заболеваний (Боннер, ук. соч., стр. 302).

а

б

Рис. 1. Гемма с изображением Соломона.

а — лицевая сторона; *б* — оборотная.

Рис. 2. Фрагмент резного камня (увел. в 2 раза, слепок).

а

Рис. 3. Резные камни собрания Берлинского музея.

а — № 9932; *б* — № 21792

б

Рис. 4. Резной камень из частного собрания в Смирне.

а

б

Рис. 5. Резной камень из собрания Мичиганского университета, № 26092.

а — лицевая сторона; б — оборотная.

а

б

Рис. 6. Резные камни из частных собраний.

а — Невела; б — Робинсона.

а

б

Рис. 7. Резной камень из собрания Мичиганского университета, № 26135.

а — лицевая сторона; б — оборотная.

Рис. 8. Бронзовые амулеты из собрания Невела и Мичиганского университета, № 26115.

а — лицевая сторона; б — оборотная.

Не случайно на большинстве публикуемых резных камней начертана надпись — „печать бога“. Интересно отметить, что она встречается и на позднейших бронзовых и железных перстнях, не сопровождая никаких изображений.¹

Самый материал, — гематит (железняк), широко использованный в глиптике древней Месопотамии, получил особое распространение в позднеримский период для так называемых гностических камней, к числу которых относится и наша инталья. Гематиту в это время приписывалось, — особенно на Востоке, — магическое значение; в частности его применяли против кровотечения² (само слово гематит, как известно, происходит от греческого *αἷμα*, что значит кровь), но также и против других болезней.

Изображение Соломона-всадника, поражающего копьём женщину, распростёртую у его ног, часто встречается на средневековых бронзовых и свинцовых амулетах. Надпись, заключающая имя Соломона, иногда сопровождается уже знакомым нам по Плинию Младшему обращением: „Беги, презренная, Соломон тебя преследует“ (*φεύγε μεμιστημένη Σολομών σὲ διώκει*).³ Постепенно языческий амулет приобретает христианские черты: надпись начинается с изображения креста, голову всадника окружает нимб.⁴ Число такого рода памятников весьма велико. Любопытно, что некоторые из них своей продолговатой, приближающейся к овалу формой напоминают рассматриваемую группу гемм.⁵ Как правило, эти амулеты приобретены в различных восточных центрах: в Бейруте, Смирне, Кизике, Константинополе; они известны также в Александрии и Карфагене. Можно предполагать, что в тех же местах они производились. Не лишне напомнить, что камни, изданные Фуртвенглером и Шумберже, также приобретены в Бейруте и Смирне.⁶

Со временем образ Соломона, переданный с предельным схематизмом, приобретает некоторые черты, напоминающие изображение царя Соломона, известное по византийской иконографии. Так, например, в собрании Эрмитажа имеется фрагмент круглого свинцового амулета, на котором частично сохранилось изображение всадника с короной на голове; справа представлен крест (быть может переосмысленная звезда?). Надпись по кругу здесь уже не поддается прочтению, но, вероятно, восходит к заклинанию. Эта группа амулетов, родственная змеевикам, очевидно, донесла до зрелого средневековья старые магические представления.

Тот же Соломон, но в другом иконографическом образе — окруженный демонами — представлен на средневековых печатях с арабскими надписями.⁷ Сулейман, сын Давуда, как устанавливает ряд исследователей, согласно верованиям арабов, рассматривался еще в се-

¹ O. M. Dalton. *Early Christian Antiquities*. London, 1901, NN 155—156, стр. 25.

² Alphonse A. Barb. Bois du Sang, Tantal. „Syria“, XXIX, 3—4, 1952, стр. 279; E. Babelon. *La gravure en pierres fines*. Paris, 1893, стр. 179 и др.

³ A. Sorlin Dorigny, ук. соч., стр. 292; G. Schlumberger, ук. соч., стр. 119.

⁴ G. Schlumberger, ук. соч., стр. 118, 120 и др.

⁵ Там же, стр. 125, 126, 128. См. также рис. 8.

⁶ На широкое распространение подобных амулетов в Сирии и Палестине указывает также Боннер (ук. соч., стр. 9, 32). Один из них был найден во время раскопок в Бейсане (стр. 221). Автор предполагает, что образ Соломона должен был возникнуть в среде эллинизованных иудеев (стр. 210), но затем распространился и среди христиан.

⁷ E. Babelon, ук. соч., стр. 204.

редине XIX в. как господин над всеми демонами, обладающий силой исцеления от различных болезней.¹

Наконец, хочется обратить внимание еще на некоторые технико-стилистические особенности издаваемой геммы. Уже при ее описании отмечалась та своеобразная манера в передаче черт лица резкими угловатыми штрихами, которая несомненно свидетельствует об упадке мастерства резчиков этого периода. Еще сильнее эта штриховая техника прослеживается на более поздних образцах рассматриваемой группы. Интересно, что именно такого рода техника, если и встречается на так называемых гностических камнях,² то значительно чаще она применяется на одной из групп передневосточной глиптики первых веков нашей эры. Она отражена на ряде памятников собрания Эрмитажа (как, например, Гл. 583, 581, 1280, 575 и др.) так же, как и других коллекций.³ Интересно, что и здесь штрихи применяются главным образом при изображении лиц, быть может особенно затруднявших камнерезов. Одни исследователи относят эту группу к парфянской эпохе⁴ (т. е. первым векам до и первым векам после н. э.), другие распространяют ее и на раннесасанидский период (III—IV вв.).⁵

Подводя некоторые итоги, можно датировать издаваемую печать скорее всего IV в. Основываясь на содержании изображения, а именно на сфере распространения своего рода культа Соломона, ее происхождение можно искать либо в Александрии, либо в Малой Азии и Сирии. Нам представляется более правильным считать, что родиной подобных печатей являлась именно Сирия или Палестина. Основанием для такого предположения является, в частности, отмеченная выше технико-стилистическая близость интересующих нас камней к достаточно еще не изученной, территориально нечетко определенной группе передневосточной глиптики. Такой областью, близкой так называемой сасанидской культуре, с одной стороны, и римской, позднее — византийской, с другой, была, как известно, Сирия.⁶

Широкое распространение сюжета, связанного с магическими представлениями, со временем получившего христианскую окраску, лишний раз подтверждает медленное изживание языческих верований особенно в толще народных масс.

¹ A. Sorlin Dorigny, ук. соч., стр. 295—296.

² Например изображение Марса на камне, хранящемся в Британском музее (Alphonse A. Barb. Bois du Sang, Tantal. „Syria“, XXIX, 3—4, 1952, стр. 280, рис. 7.

³ См., например: F. Delaporte. Catalogue des cylindres orientaux. Musée du Louvre, t. II, Paris, 1920—1923, табл. 9, 15, 33, 36, 39, 40 и др.

⁴ М. И. Максимова. Геммы из некрополя Мухеты. Вестник Гос. музея Грузии, т. XVI, 1950.

⁵ Существенно отметить, что та же штриховая техника появляется и на парфянских монетах в начале нашей эры. (Neilson C. De Bevoise. Parthian Seals. Survey of Persian Art., v. I, London, 1938, стр. 472).

⁶ В связи с изданием новой эрмитажной печати, представляется возможным выдвинуть гипотезу о происхождении и эпохе, к которой относится упомянутая выше группа восточных резных камней штриховой техники. Поскольку исследованный нами памятник, судя по общему характеру композиции и греческой надписи, а также по вложенному в него содержанию, бесспорно связан с эллинизованными территориями, входившими в состав Римской империи, то нельзя ли предположить, что и данная группа резных камней, тесно связанная с ним техническими приемами и стилистическими чертами, происходит не из собственно иранской территории, а скорее из той же Сирии. Разумеется, это предположение должно быть подтверждено изучением рассматриваемой группы памятников с разных точек зрения, тем более, что многие из этих камней, повидимому, приобретены в Средней Азии.

Выше уже отмечалось, что композиция на нашей инталье бесспорно восходит к римскому искусству. Верования, связанные с образом Соломона, в известной мере отражающие борьбу доброго и злого начала, были широко распространены у народов, населявших восточные области империи. Если в период изготовления публикуемой печати эти представления еще жили в кругах господствующего класса (о чем говорит не только качество исполнения, но и золотая оправа), то впоследствии они продолжали существовать в широких народных массах.

Следует, с другой стороны, указать на то, что образ Соломона близок возникающим позднее изображениям святых воинов. Так, например, в росписях Бауита (Египет VI? в.) представлен ряд всадников, среди которых имеется изображение св. Сисиния, поражающего копьём женщину — Алавастрию.¹ Как самый образ, так и связанные с ним легенды, также содержащие момент борьбы с болезнями, весьма близки Соломону. Не лишне вспомнить, что и другие образы конных святых возникают и особенно широко распространяются в восточных областях Византийской империи.² Небольшой камень, приобретенный Эрмитажем, — лучший из данной группы, вызывает, таким образом, ряд вопросов, связанных с формированием средневекового мировоззрения и искусства.

¹ J. Clédat. Le monastère et la nécropole de Baouit. Le Caire, 1904, табл. LVI, стр. 80—81.

² В. Н. Азарев. Новый памятник станковой живописи XII в. и образ Георгия воина в византийском и древнерусском искусстве. Виз. вр., т. VI, 1951, стр. 202—207.

Д. Г. КАПАНАДЗЕ

НОВЫЙ ТИП МОНЕТЫ ДАВИДА СТРОИТЕЛЯ

Конец XI и начало XII в. является одним из наиболее интересных периодов истории Грузии. Отдохнув от губительных нашествий турок-сельджуков и избавившись от назойливой опеки Византии, она уверенно вступала в это время на путь самостоятельной политики и управления внутренними своими делами. Период этот совпадает с управлением талантливого и энергичного Давида Строителя (1089—1125 гг.), оказавшегося достойным своей эпохи и многогранной своей деятельностью сильно способствовавшего укреплению международного положения и внутреннего благополучия Грузии. Из многочисленных сведений, имеющих о деятельности этого блестящего реформатора, для нас — нумизматов, пожалуй, самыми интересными являются записи путешественника-араба Ал-Фарика, посетившего Грузию в начале XII в. и отметившего, что, наряду с другими крайне важными мероприятиями, Давид Строитель провел и денежную реформу. Введенная им в употребление медная монета с арабскими надписями, судя по описанию, оставленному Ал-Фариком, сильно отличалась от обращавшейся до этого серебряной монеты византийского типа с изображением Влахернской богородицы и с грузинскими надписями. Но описанная Фариком медная монета Давида Строителя не сходится ни с одной известной грузинской монетой, и потому непосредственных нумизматических фактов, подтверждающих справедливость этой справки, мы пока не имеем. Мы считали возможным приурочить Давиду Строителю другую медную монету, тоже помеченную арабскими надписями, сообщающими имя „царя царей Давида, сына Георгия“, которую большинство авторитетных исследователей до сих пор продолжает считать принадлежащей Улу Давиду, сыну Георгия Лаша, и, таким образом, датирует XIII в.

Настоящая статья посвящена не этой медной монете с мусульманской надписью, видимо тоже принадлежавшей Давиду Строителю, а одной серебряной монете с грузинскими надписями, сообщающими византийскую титулатуру царя, которую без сомнения следует приурочить ему же.

Монет Давида Строителя до сих пор известно было лишь четыре и, естественно, что все они представляют собой величайшую редкость. Одна из них хранится в Государственном Эрмитаже и три в Государственном Музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. Все они принадлежат к одному и тому же типу, подробное описание которого необходимо восстановить в памяти для лучшего усвоения дальнейшего изложения (рис. 1):

Диам. 25—29 мм, вес 0.82 и 0.89 г. Серебро.

Лиц. ст. Погрудное изображение Влахернской богоматери с нимбом вокруг головы и воздетыми руками. По сторонам головы — греческие буквы ΜΡ..ΘΥ, т. е. „матерь божья“. Кругом следы точечного ободка.

Об. ст. В центре — вписанный в точечный круг и украшенный крупными точками равноконечный крест, вокруг которого располо-

Рис. 1. Общеизвестный тип монеты Давида Строителя.

женная по краю монеты и восстанавливаемая по известным четырем экземплярам круговая грузинская надпись шрифтом мтаврули: „ $\dagger\tau\sigma\tau\sigma\sigma\sigma\sigma\sigma\sigma\sigma$...“, т. е. „Христе, возвеличь Давида царя и...“. Конец надписи ни на одном экземпляре не сохранился.

Уже одно то обстоятельство, что от долголетнего управления Давида Строителя, прославившегося блестящей деятельностью и оставившего в историческом прошлом Грузии очень заметный след, сохранились всего лишь четыре однотипные серебряные монеты, казалось неестественным, тем более, что монет его ближайших предшественников известно значительно больше.

К настоящему времени количество приведенных в известность монет Баграта IV (1027—1072 гг.) достигает уже восьми (по две в Государственном Эрмитаже и Государственном Музее Грузии и четыре — в Московском историческом музее), а монеты Георгия II (1072—1089 гг.) исчисляются десятками (в одном лишь Московском историческом музее их более полусотни).¹

Прежде всего необходимо отметить, что, в отличие от монет предшественников, описанная выше монета Давида Строителя имеет одну очень заметную, выделяющую ее деталь. На монетах Баграта IV и Георгия II с лицевой стороны помещалось изображение богоматери с различно расположенной греческой надписью, а грузинская надпись оборотной стороны расположена таким образом, что начальная, благопожелательная, часть с именем царя идет по краю монеты и охватывает центральный круг, где уже помещено ее продолжение, сообщающее византийскую титулатуру.

В рисунке лицевой стороны монет Давида Строителя, как это видно по описанию и фотоснимку (рис. 1), заметных изменений не произошло, схема же оборотной стороны сильно изменилась — надпись целиком расположена по краю, а в центральный круг, где раньше помещалась византийская титулатура, вписан крест.

Необходимо обратить особое внимание и на порядок расположения слов грузинской круговой легенды, так как в дальнейшем мы будем на это ссылаться.

Чтобы легче было сравнивать друг с другом монеты этого времени, составим сводную таблицу всех надписей, помещенных на известных нам монетах XI в.

¹ Учет этого материала был произведен лишь по выходе в свет книги автора настоящей статьи на грузинском языке (Грузинская нумизматика, Тбилиси, 1950).

ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ МОНЕТЫ	КРУГОВЫЕ НАДПИСИ						ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАДПИСЬ ИЛИ ИЗОБРАЖЕНИЕ	
	+	⊖	⊕	⊖	⊕	—	⊖	ИЗОБРАЖЕНИЕ
БАГРАТ IV.	+	⊖	⊕	⊖	⊕	—	⊖	⊖
	+	⊖	⊕	⊖	⊕	—	⊖	⊖
ГЕОРГИЙ II	+	⊖	⊕	⊖	⊕	+	⊖	⊖
	+	⊖	⊕	⊖	⊕	+	⊖	⊖
	+	⊖	⊕	⊖	⊕	+	⊖	⊖
ДАВИД СТРОИТЕЛЬ	+	⊖	⊕	⊖	⊕	СТЕРТО		ИЗОБРАЖЕНИЕ КРЕСТА

Порядок расположения слов круговых надписей монет того времени, как мы видим, обнаруживает постоянство: начальные два слова \oplus \ominus „Христе! возвеличь“, всегда стоят на первом месте и следуют друг за другом. То же можно сказать и о третьем слове, постоянно сообщающем имя царя (Баграта, Георгия или Давида), менявшееся в соответствии со сменой правления. И только после этого, в соответствии с меняющимися отношениями с Византией, следует тот или иной византийский титул.

Такая формула сохранялась десятилетиями и в таком виде застыла до конца века. В дословном переводе она звучит так:

„Христе! возвеличь Баграта, абхазцев царя“; в щите — „и новелисимоса“ (или „севастоса“).

„Христе! возвеличь Георгия, абхазцев и картвельцев царя“; в щите — „и новелисимоса“ („севастоса“ или „кесароса“).

„Христе! возвеличь Давида, царя и...“; в щите — крест.

Это постоянство порядка расположения трех первых слов круговых легенд очень облегчало восстановление полуистертых, а иногда даже вовсе утраченных ее частей, так как путем сравнения потертых монет с более хорошо сохранившимися экземплярами имелась возможность с большей или меньшей уверенностью относить их к тому или иному поименованному историческому лицу.

При определении таких дефектных монет большую пользу оказывала и лицевая сторона их: „Сравнивая изображения богоматери на монетах различных царей, — говорит Е. А. Пахомов, — мы сразу же замечаем, что они (вернее, их художественное исполнение, Д. К.) постепенно меняются и в довольно значительной мере, так что по одному виду лицевой стороны безошибочно можно определить приблизительную эпоху выпуска“.¹

Этими признаками мы и руководствовались при определении одной очень плохо сохранившейся монеты с едва заметными следами круговой надписи и ее продолжением в центральном круге, характерным для монет Георгия II. Несмотря на то, что монета находилась в нашем распоряжении долгие годы, я, не колеблясь, отнес ее к Георгию II, а другие специалисты, видевшие ее, не оспаривали такого определения (см. рис. 2; инвентарный каталог Государственного Музея Грузии, № 2853).

¹ Е. А. Пахомов. „Монеты Грузии“, ч. I. СПб., 1910, стр. 77.

То же самое произошло и с другой подобной монетой, поступившей в Музей Грузии при таких интересных обстоятельствах, что на них следует подробно остановиться.

Впервые она была обнаружена во время командировки старшего научного сотрудника Института истории грузинского искусства Академии наук Грузинской ССР С. В. Барнавали в Верхнюю Сванетию, откуда в 1947 г. в Нумизматический кабинет Гос. Музея Грузии был доставлен ее пластелиновый оттиск. К сожалению, гипсовые с него отливки положительных результатов не давали, и надпись осталась нераскрытой. Признаться, сначала я думал, что оттиск или с самого же начала был снят неудачно, или же был поврежден во время доставки.

В 1948 г. мы побывали в Верхней Сванетии, но, к величайшему нашему огорчению, не обнаружили на месте этой монеты и уже считали ее пропавшей, когда в 1949 г. совершенно неожиданно она снова появилась. В Музей Грузии ее доставил директор того же института, действительный член Академии наук Грузинской ССР проф. Г. Н. Чубинашвили, побывавший в Сванетии уже после нас. Появление этой монеты (журнал поступлений № 137 от 12/1 1949 г., инвентарный № 1628) было такой неожиданностью, что, не обратив должного вни-

Рис. 2. Новый тип монеты Давида Строителя. Инв. № 2853.

Рис. 3. Новый тип монеты Давида Строителя. Инв. № 1628.

мания на некоторые мельчайшие детали, мы также приурочили ее Георгию II (рис. 3).

Так же, как и в первом случае, эта монета оказалась настолько стертой, что самые необходимые части ее надписей не читались, а центральный круг оборотной стороны с византийским титулом был характерным для монет Георгия II, которому она и была приурочена.

Круговая надпись этой монеты с сохранившимся одним только словом **ϜΦΙΩΦ** („абхазцев“) и единственной перед ним буквой **Φ** все еще продолжала оставаться нераскрытой и, таким образом, выяснилось, что неудача с пластелиновым оттиском объяснялась лишь плохой сохранностью самого подлинника. Поэтому обе эти монеты продолжали числиться принадлежащими Георгию II до тех пор, пока, в связи с работой по каталогизации, не понадобилось тщательное и всестороннее их изучение.

В процессе этой работы выявились детали, в свое время ускользнувшие от нашего внимания и оказавшиеся настолько значительными, что определение этой монеты необходимо коренным образом пересмотреть. Уловить все необходимые мелкие детали этих монет обычными визуальными наблюдениями было трудно: глаз утомлялся и не сохранял в памяти виденного. Пришлось переключить работу на одинаково увеличенные фотографические снимки обеих монет, делать с них прориси (рис. 4 и 5), после чего абсолютная тождественность сравниваемых монет стала совершенно очевидной.

Основное наше внимание сосредоточим на оборотных сторонах монет: они не только сильно изношены, но на лучшей из них (рис. 5) штамп при ударе сместился и вызвал этим незначительную деформацию (особенно заметную по точечному ободку внутреннего круга). Несмотря на этот дополнительный дефект, все детали сравниваемых монет сходятся с точностью, которую можно объяснить лишь тем, что обе эти монеты изготовлены одним и тем же штампом.

Сличим хотя бы наиболее хорошо сохранившиеся места. Ясно видно, что высота и ширина букв этих надписей, равно как и расстояния между ними, абсолютно одинаковы; на первой строке, после союза ՅՇ на обеих монетах — одинаковая розетка из точек; и там и тут вертикальные черточки буквы Դ второй строки имеют одинаково характерные утолщения снизу; над нижним отростком буквы Ե третьей строки — в обоих случаях одинаково расположенная и одинаковой величины точка; даже количество точек кругового ободка, судя по хорошо сохранив-

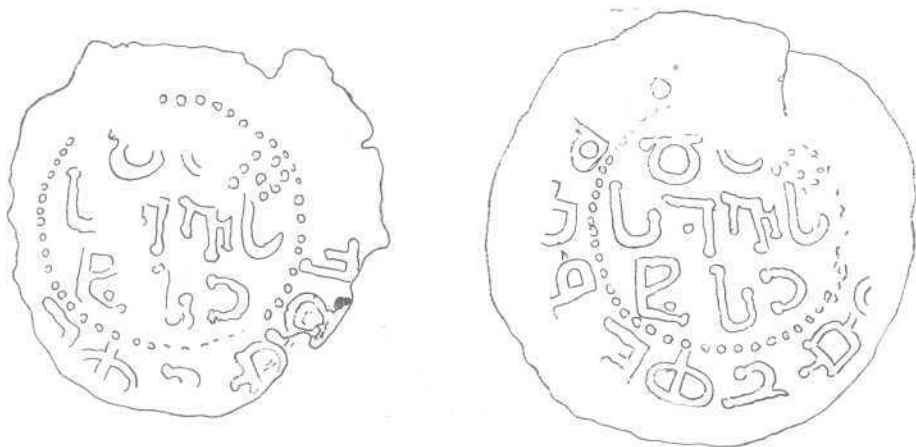

Рис. 4 и 5. Прорисы оборотных сторон с увеличенных фото монет №№ 2853 и 1628.

шимся местам (например слева от буквы Ե второй строки), оказывается также одинаковым.

Для доказательства абсолютной тождественности штампов, применяемых для изготовления сравниваемых монет, был применен метод сличения негативов одинаково увеличенных снимков. При наложении негативов один на другой изображения слились, совпали все устойчивые точки обоих экземпляров и в результате точно друг к другу пригнанные негативы двух монет, слившись воедино, дали третье изображение, на котором, благодаря тому, что на обеих монетах сохранились различные места, восстановилась самая ответственная часть надписи, содержащая имя царя (рис. 6). При наличии же уже готовой трафаретной формулы, составленной по вышеупомянутой таблице, легко было восстановить оставшиеся незаполненными лакуны круговой надписи наших монет.

Только теперь, после того как была проделана вся эта кропотливая работа, стало ясно, что при сочетании букв, сохранившихся на экземпляре, вывезенном из Сванетии (см. рис. 3 и 5), другого имени как Давид (ՃԾ) на нем и не могло быть, и проставленная перед словом ՏԲԻՆԹ буква Թ является последней, входящей в это имя.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ В НАРОДНОДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ
БОЛГАРИИ (1944—1953)**

Для болгарской медиевистики византиноведение имеет исключительно важное значение. В течение почти восьмисот лет, с VII в. и вплоть до турецкого завоевания, Византия была непосредственным соседом Болгарии, и византиино-болгарские отношения — экономические, политические и культурные — сыграли крупную роль в общем развитии как той, так и другой страны. Не удивительно поэтому, что изучение истории Византии началось в болгарской историографии параллельно с серьезным исследованием средневековой истории самой Болгарии. „Отец болгарской медиевистики“ Марин Дринов (1838—1906) был вместе с тем и первым болгарским византинистом. Византиноведческим штудиям немало внимания уделяли и все последующие историки средневековой Болгарии.

Византиино-болгарские отношения и их значение в общей истории балканских стран привлекали внимание и основоположника марксистской историографии в Болгарии, одного из организаторов Болгарской Коммунистической партии Димитрия Благоева (1855—1924). Интересные наблюдения в этой области имеются во всех его трудах, посвященных разработке марксистской концепции исторического развития Болгарии.¹ Однако условия, в которых приходилось работать марксистам в капиталистической Болгарии, помешали тогда дальнейшему развитию болгарского марксистского византиноведения.

Из византиноведческих работ буржуазных болгарских ученых многие, несомненно, представляли в свое время выдающийся научный интерес, а некоторые из них не полностью еще утратили свое значение и в наши дни. Особенно это надо сказать о работах, написанных в последние десятилетия XIX в., когда общественный подъем, порожденный героической борьбой за национальное освобождение и успехами этой борьбы, достигнутыми при активной помощи братского русского народа, обусловили значительное влияние в болгарской историографии русской исторической школы византиноведения, наиболее прогрессивной тогда в буржуазной исторической науке. В трудах М. Дринова, в ранних работах В. Златарского (1866—1935) и у других болгарских историков, получивших научную подготовку в России, нашли свое отражение не только особенности методики исследования источников, столь блестяще разра-

¹ См. статьи Д. Благоева: Из миналого на българския народ. Ново време, год. I, 1897 и сл.; его же: Принос към историята на социализма в България. София, 1906 (и другие издания), гл. I, §§ 1—2.

ботанной тогда русскими учеными,¹ но и многие передовые в то время концепции и методологические принципы русского византиноведения. Весьма плодотворным, например, для всей болгарской медиевистики этого периода было то, что ее представители так же как В. Г. Васильевский и Ф. И. Успенский решительно отвергли „европо-, или вернее, — западноевропоцентризм“ немецкой националистической историографии („ультранемецкой исторической школы“ по терминологии М. Дринова)² и широко применяли сравнительно-исторический метод. Это дало им, в частности, возможность значительно точнее, чем это делалось в произведениях западноевропейских историков, показать место балканских стран в общей истории средневековой Европы.³ С успехом разрабатывали тогда болгарские историки и вопрос — тоже впервые поставленный русскими учеными (Т. Н. Грановским, В. Г. Васильевским, Ф. И. Успенским, Н. А. Скабалоничем и др.) — о роли славян в жизни Византийской империи.⁴

Болгарские историки этого периода поддерживали оживленные связи и с прогрессивными буржуазными учеными других славянских стран.⁵

На этом уровне, однако, болгарское буржуазное византиноведение удержалось сравнительно недолго. Кризис буржуазной исторической науки, порожденный обострением в период империализма всех основных противоречий капиталистического строя, уже на рубеже XX в. начал сказываться и в Болгарии. К тому же в связи с интенсивно происходившим как раз в это время проникновением в Болгарию западноевропейских, в первую очередь германских, монополий болгарская официальная наука стала все больше ориентироваться на Запад.

Поэтому даже в таких произведениях болгарских византинистов начала XX в., в которых еще использовались лучшие работы В. Г. Васильевского, Ф. И. Успенского и других русских ученых, методология и методика исследования начинали „модернизироваться“ в духе новейших западноевропейских образцов. Примером может служить статья „Сельского землевладение в Византии“⁶ — первая византиноведческая работа ученика В. Златарского Петра Мутафчиева (1883—1943), в дальнейшем одного из сторонников великоболгарского шовинизма в болгарской медиевистике. Это — как бы развернутая рецензия на книгу Б. А. Панченко „Крестьянская собственность в Византии“, отрицавшую в угоду новым политическим требованиям русской буржуазии суще-

¹ См., например: М. Дринов. О трудах Димитрия Хоматиана. Виз. вр., тт. I—II, СПб., 1894—1895; он же. Отзыв на работу Ф. И. Успенского „Образование второго болгарского царства“. Записки Академии Наук, т. 39, СПб., 1880; В. Златарски. Писмата на цариград. патр. Николая Мистика до бълг. царь Симеона. Сборник за народни умотворение и книжника, кн. 10—12, 1894—1895; он же. Писмата на виз. имп. Романа Лакапина до бълг. царь Симеона. Там же, кн. 13, 1896; Г. Баласчев. Новые данные для истории греко-болгарских войн при Симеоне. ИРАИК, т. IV, 1899; и др.

² М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873, стр. 60.

³ См., например: М. Дринов. Южные славяне и Византия в X в. М., 1876; В. Златарски. Главни периоди на българска история. Български преглед, III, 1896, кн. 2; и др.

⁴ См., например: М. Дринов. Заселение Балканского полуострова славянами. М., 1873; ср.: В. Златарски. Студии по бълг. история. София, 1903; и др.

⁵ Например большим влиянием среди балканских историков пользовался известный чешский славист и византинист Константин Иречек, несколько лет (с 1879 по 1884 г.) принимавший непосредственное участие в руководстве народным просвещением в только что освобожденной от турецкого господства Болгарии.

⁶ Сборник за народни умотворение, наука и книжнина, кн. XXV, София, 1909, стр. 1—72.

ствование в византийской деревне общинной собственности. С выводами Панченко Мутафчиев не согласен, но, опровергая их, он, как это совершенно правильно отметил еще П. Безобразов, сам соскальзывает на почву того же самого „юридического мышления“, на которую опирался и Панченко. Подобно Панченко, и Мутафчиев строил свои выводы уже не на тщательном анализе всей совокупности источников, как это делали Васильевский и Успенский, а на одном-двух произвольно вырванных документах.¹

Работой, тоже очень типичной для периода начала упадка болгарского буржуазного византиноведения, является и напечатанная в первом томе „Известия на Българското археологическо дружество“ (София, 1910), рецензия Иордана Иванова (1872—1947) на исследование Ф. И. Успенского „Вновь открытые мозаики в церкви св. Дмитрия в Солуни“.² В начале рецензии, сопоставляя труд Успенского со статьей на эту же тему П. Папагеоргиу в XVII томе „Byzantinische Zeitschrift“ (1908), автор как бы полностью солидаризируется с концепцией русского византиниста,³ считавшего — и совершенно справедливо, — что из всех племен и народов, вторгавшихся в VI—VIII вв. на Балканский полуостров, наиболее важную роль сыграли славяне. Но уже на следующей странице рецензент утверждает, что свою организованность и силу славяне якобы получили от протоболгар.⁴

Даже такие видные ученые, как например В. Златарский, которые еще недавно признавали, — конечно, с позиций позитивизма, — известную роль в общественном развитии за экономическим „фактором“, теперь, в условиях дальнейшего углубления кризиса буржуазной историографии, начинают все определеннее выдвигать в качестве первопричины важнейших исторических событий такие категории, как „темперамент“, и „характер“ различных народов и провиденциальную предопределенность их „национальных задач“.⁵ Распространению подобного типа исторических „концепций“ немало содействовала и националистическая пропаганда, организованная правительством царя Фердинанда I в период 2-й Балканской войны (1913 г.) и после ее неудачи.

Следует отметить, что именно с этого времени в болгарской историографии явно намечается тенденция к пересмотру вопроса о влиянии „византизма“ на жизнь средневековой Болгарии. „Византизм“ как один из истоков болгарской культуры мало импонировал прогерманскому курсу правящих кругов Болгарии, поскольку — по широко распространенным тогда представлениям — именно на основе „византизма“ и возникли будто бы болгаро-русские культурные связи. Вместо „византизма“ официальная историография начинает усиленно идеализировать протоболгар, якобы создавших „новый культурно-исторический тип в юго-восточной Европе“.⁶

¹ См. рецензию Безобразова на эту статью Мутафчиева: Виз. вр., т. XVII, 1911, стр. 336—346.

² ИРАИК, т. 14, вып. 1, 1909.

³ Известия на Бълг. археол. друж., т. I, 1910, стр. 233.

⁴ Там же, стр. 234. Ср. посвященную тому же исследованию Ф. И. Успенского статью Н. Милева: Кубрат от историята и Кубер в Чудесата на св. Димитрия Солунски. Периодическо списание на Бълг. книж. друж., кн. 71, 1910 г.

⁵ См., например: В. Н. Златарски. Гръцко-български съюз през 1204—1205 г. Годишник на Софийск. унив., Ист.-филол. фак., VIII—IX, 1912—1913 гг., София, 1914, особенно стр. 4 сл.

⁶ См., например: В. Златарски. История на българите от появата им в Европе до основането на бълг. царство на Балканския полуостров. Годишник на Софийск. унив., X, 1914/1915 гг.

Все большую популярность начинает приобретать эволюционизм — отрицание всяких „переворотов и поворотов“ в истории, — отражавший страх буржуазии перед неизбежными революционными потрясениями. Не случайно работы одного из представителей этого направления в византиноведении — английского историка Дж. Бьюри (J. Bury) пользовались тогда в Болгарии особым распространением. Его статьи переводились и перепечатывались иногда целыми сериями.¹

Общий кризис буржуазной исторической науки не мог не отразиться и на состоянии болгарской археологии. И это было тем более печально, что именно в первые годы XX в. в Болгарии по инициативе, а в значительной мере и под непосредственным руководством Русского археологического института в Константинополе намечались были „новые веяния“ в области археологических исследований: вместо одностороннего увлечения античностью, начиналось изучение и средневековых памятников, обещавшее дать обильный материал и для византиноведения.² В действительности, однако, эти „новые веяния“ свелись к коллекционированию только произведений искусства, при игнорировании других памятников материальной культуры средневекового общества.³

Для того времени весьма показательна работа К. Стоянова „Ориентализацията на Византия и нейното отражение у южните славяни“, доложенная в Болгарской Академии наук 10 декабря 1918 г. и признанная ею достойной опубликования в академическом органе.⁴ Работа эта — набор вырванных из контекста фактов и цитат, подобранных для обоснования таких тезисов: 1) суть истории — борьба различных типов мировоззрения⁵ и 2) Византия всегда играла исключительно отрицательную роль в развитии юго-восточной и восточной Европы.⁶ Уровень работы достаточно характеризуется хотя бы тем, что, обходя молчанием все действительно интересное и ценное, созданное русским буржуазным византиноведением, Стоянов превозносит статью известного русского философа-идеалиста Вл. Соловьева „Византизм и Россия“,⁷ абсолютно лишнюю какого бы то ни было отношения к истории Византии.

Следует отметить, что именно в эти годы в научных кругах Болгарии начал быстро выдвигаться Богдан Филов (р. 1883 г.), в дальнейшем один из руководителей наиболее реакционного направления в болгарской историографии.⁸ В 1920 г. он стал профессором Софийского университета, а затем и директором только что созданного Болгарского археологического института. Искусствовед по специальности, Филов был горячим поклонником и пропагандистом взглядов венского профессора И. Стржиговского, отрицавшего творческие спо-

¹ См., например: Известия на Бълг. историч. друж., т. IV, 1915.

² Ф. И. Шмит. Новые веяния в археологической науке на Балканском полуострове. ЖМНП, 1911, № 7. См. также его доклад о задачах болгарской археологии в LXX книге (1909) „Периодического списания“. Ср.: Покровский. 50 лет болгарской археологии. Seminarium Kondakovianum, т. IV, 1931.

³ См. издания Болгарского археологического дружества, затем (с 1920 г.) — Болгарского археологического института, а также Софийского и других музеев.

⁴ См.: Списание на Бълг. Акад. на науките, кн. XX, Класн истор.-филол., София, 1921.

⁵ Списание на Бълг. Акад. на науките, кн. XX, стр. 196 сл.

⁶ Там же, стр. 238.

⁷ Вестник Европы, 1896 г., кн. 1.

⁸ В 1940 г. Филов возглавил болгарское правительство, официально оформившее (договором от 1 марта 1941 г.) превращение Болгарии в сателлита фашистской Германии. В 1945 г. по приговору Народного суда казнен вместе с другими предателями болгарского народа.

собности славян в области искусства и утверждавшего, что все древнеславянское искусство якобы заимствовано славянами от ближневосточных народов. За И. Стржиговским следовал Филов и в вопросах, связанных с происхождением и характером византийского искусства, отбрасывая все действительно ценное, что было создано в этой области такими выдающимися русскими исследователями, как В. В. Стасов, Н. П. Кондаков, Е. К. Редин, Д. В. Айналов, Ф. И. Шмит и др.¹

Часть болгарских буржуазных историков уходит в „фактографию“. Виднейшим представителем этого направления был Петр Ников (1884—1938), крупный специалист по источниковедению периода Второго Болгарского царства, с начала 20-х годов читавший в Софийском университете курс по истории Византии и принимавший активное участие в международных византиноведческих конгрессах.²

Отказ от обобщений отчетливо чувствуется и в самом крупном произведении болгарской буржуазной медиевистики — в „Истории болгарского государства в средние века“ В. Златарского,³ особенно в части, касающейся истории Византии.

Еще более интенсивно процесс упадка болгарской исторической науки пошел после фашистского переворота 9 июня 1923 г.

В условиях установившегося тогда в Болгарии жесточайшего террора, беспощадно преследовавшего всякую прогрессивную мысль, реакционные историки должны были доказать, что у Болгарии совершенно особый путь исторического развития и что Болгария всегда играла особую, чуть ли не провиденциальную роль в истории юго-восточной Европы. В оформившейся на этой базе „школе великоболгарского шовинизма“ в историографии, наряду с М. Арnaudовым, Б. Йодовым, Ст. Чилингировым, Ив. Орманджиевым и другими историками нового и новейшего периода болгарской истории, весьма активное участие принимал и медиевист П. Мутафчиев, вместе с Б. Филовым претендовавший на руководящую роль и в области болгарского византиноведения.

К этому времени Мутафчиев уже безоговорочно принял все основные принципы наиболее реакционной буржуазной историографии периода империализма: отрицание единства и закономерности исторического процесса, расизм и пр. На их основе и попытался он перестроить болгарскую медиевистику, в том числе и византиноведение, в интересах великоболгарского шовинизма.

Все его исторические работы, опубликованные после фашистского переворота,⁴ подчинены одной цели: убедить читателя в том, что развитие Византии не имеет ничего общего с развитием других европейских средневековых стран, что ее влияние на окружающие народы, начиная

¹ С наиболее обстоятельной, но, конечно, целиком остававшейся в пределах буржуазной методологии критикой „концепций“ Филова выступал Г. Баласчев, один из учеников Ф. И. Успенского. См., например: Мянало, III, 1920, кн. 10.

² См. его вступительную лекцию в Софийском университете 25 октября 1920 г. „Задачи современной болгарской историографии“ (Годишник на Софийск. унив., Ист.-фил. фак., т. XVII, София, 1921).

³ Первая часть I-го тома вышла в 1918 г. В дальнейших книгах (вторая часть I-го тома вышла в 1927 г., 2-й том в 1934 г. и 3-й — в 1940 г.) эта тенденция проявляется еще более резко.

⁴ Особенно: Восток и Запад в европейском средневековье. Годишник на Софийск. унив., Ист.-фил. фак., кн. XXI, 2, София, 1925; Der Byzantinismus in mittelalterlichen Bulgarien, BZ, XXX, 1929—1930; История на българския народ, тт. I—II. София, 1943.

с VII в., было абсолютно „вредным“, „развращающим“, „иссушающим живительную струю национального развития“, и что народы юго-восточной Европы были спасены от „денационализации“ якобы только благодаря „особым свойствам“ болгарского народа, принесенным на Балканский полуостров „туранскими протоболгарами“.

С особым усердием для защиты этой „концепции“ использовал Мутафчиев „теорию ориентализации“ или, как он предпочитал говорить, „азиатизации“ Византии. Он утверждал, что уже к VII—VIII вв. в Византии „античные традиции померкли, унаследованная от древности мораль восточно-римского общества заменилась внешним исполнением известных условностей. Лицемерие и притворная набожность, вероломство и утонченная жестокость стали наиболее характерными чертами этого мира, в котором цель оправдывала все средства, а успех заставлял забыть любое совершенное ради него преступление“.¹

Именно в плане обоснования этой своей „концепции“ Мутафчиев и выступал² против попыток Васильевского и Успенского сопоставлять социально-экономические институты Византии (такие, скажем, как прония, стратиотское землевладение и др.) с соответствующими институтами западноевропейского феодализма, попыток, которые при всей своей непоследовательности, обусловленной классовой ограниченностью методологии этих историков, были прогрессивными и открывали тогда новые возможности исследованию внутренней истории Византии.

Научный уровень работ Мутафчиева, а вместе с тем и их политическая направленность, очень ярко характеризуются его совершенно антинаучным утверждением, что Великая Октябрьская социалистическая революция, которую он именует „царством хаоса“, „страшным катаклизмом“ и т. п., явилась будто бы непосредственным результатом... господства „византизма“ на Руси!³

Идейно-теоретическая близость Мутафчиева, Филова и других представителей школы великоболгарского шовинизма к западноевропейской реакционной науке весьма ярко проявлялась во многих их выступлениях на международных византиноведческих конгрессах и в связи с ними,⁴ и особенно во время IV конгресса, происходившего в Софии в 1934 г.⁵

Но, конечно, не все болгарские византилисты разделяли шовинистические и прогерманские воззрения Мутафчиева и Филова. Время от

¹ П. Мутафчиев. История на български народ, т. I, 1943, стр. 94; ср. он же. Восток и Запад в европейском средневековье, стр. 31.

² В статьях „Воиншки земи и войници в Византия през XIII—XIV вв.“ (Списание на Бълг. Акад. на науките, т. XXVII, 1923) и „Пронията в Византия и отношениято к ѝ на военната служба (Известия на Бълг. историч. друж., кн. VI, 1924) и в 1-й главе II тома „История на български народ“. Следует отметить, что на эту политическую и методологическую „подоплеку“ указанных работ Мутафчиева не обратил внимания А. П. Каждан ни в своей рецензии на „Историю болгарского народа“ (Вопросы истории, 1948, № 8), ни в своей книге „Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.“ (М., 1952), в которой он не раз сочувственно ссылается на взгляды Мутафчиева о характере византийской пронии (например стр. 206, 207). Подобную же ошибку допустил и Петр Хр. Петров, автор интересной статьи „Буржуазно-идеалистические и реакционно-фашистские взгляды проф. Петра Мутафчиева“ (Исторически преглед, 1950—1951, кн. 4—5).

³ П. Мутафчиев. Восток и Запад в европейском средневековье, стр. 24—25.

⁴ Достаточно сослаться хотя бы на отчет Б. Филова о I конгрессе (Известия на Бълг. археол. инст., т. II, 1923—1924, в котором он превозносит немецких ученых, называя их „лучшими“, „самыми глубокими“ и т. д. (стр. 208).

⁵ Actes du IV Congrès international des études byzantines, vol I—II, Sofia, 1935—1936 (Известия на Бълг. археол. инст., тт. IX и X); ср. Отчет Б. Филова об этом же конгрессе в т. VIII этих же „Известий“ (1935).

времени в печать проникали статьи совершенно иной направленности. Интересна, например, не по обилию нового материала и новых наблюдений, а именно по идейной направленности, статья Кр. Миятева „Эллинистические мотивы в византийском искусстве“,¹ по существу популяризовавшая наиболее передовую в буржуазном искусствознании концепцию происхождения византийского искусства, созданную еще в конце XIX в. русским исследователем Д. В. Айналовым.² Большой научный интерес имеют и первые византиноведческие работы крупнейшего современного византиниста народнодемократической Болгарии Димитрия С. Ангелова, созданные им еще в досентябрьский период. Мы имеем в виду его исследование „Влияние на чужди ереси върху богомилството“³ и „Der Bogomilismus auf dem Gebiete des byzantinischen Reiches-Ursprung, Wesen und Geschichte“.⁴ Они выделялись прежде всего своей тематикой — необычным для того времени интересом к народным движениям средневековья. Вторая из только что упомянутых статей характерна и тем, что оспаривает утверждение великоболгарских шовинистов о будто бы абсолютно отрицательном влиянии Византии на развитие Болгарии.

Однако в условиях господства фашистского режима и глубочайшего кризиса буржуазной исторической науки работы прогрессивного направления могли появляться лишь в виде исключения. Как правило, историки, несогласные с шовинистическими и фашистскими „концепциями“, вынуждены были целиком уходить в разработку узко специальных вопросов, да и тут ограничиваться просто подбором и регистрацией фактов.⁵

Свержение монархо-фашистской диктатуры, обеспеченное победой Советской Армии над гитлеризмом и осуществленное 9 сентября 1944 г. болгарскими трудящимися под руководством своей Коммунистической партии,⁶ коренным образом изменило положение болгарской историографии, в том числе и византиноведения. Перед всеми прогрессивными болгарскими учеными открылись неограниченные возможности научного творчества. Вместе с тем принципиально новый путь социально-эконо-

¹ „Прометей“, 1938, кн. 8.

² См.: Д. В. Айналов. Эллинистические основы византийского искусства. СПб., 1900. Надо, впрочем, отметить, что Миятев, будучи редактором (вместе с В. Златарским и Ив. Великовым) журнала „Българска историческа библиотека“, считал возможным печатать также насквозь „ориенталистические“ статьи, как статья Жана Эберсольда „Византия и декоративное искусство“ (Българска историческа библиотека, год. V, 1932—1933, кн. II).

³ Известия на семинарите в Историко-филологическия факултет на Университета, 1, София, 1942, стр. 145—180.

⁴ Напечатана эта работа уже после 9 сентября 1944 г. (см.: Годишник на Софийск. унив., тт. XLIV и XLVI), но, по собственному признанию автора (Годишник на Софийск. унив., т. XLIV, стр. 4), написана она еще в 1942 г.

⁵ Конечно, и в области подобного рода исследований должно было сказаться и действительно сказывалось глетворное влияние великоболгарского шовинизма и других разновидностей фашистской идеологии. Одним из ярких примеров этого являются работы Ал. Рашенова (1892—1938), архитектора по образованию, посетившего много труда исследованию вопроса о роли славян в развитии византийской культуры. Его статья „Българска школа в византийския стил“ (Известия на Бълг. археол. инст., т. VI, 1932) и его доклад на V византиноведческом конгрессе в Риме в 1936 г. „Болгаро-византийская архитектурная система“ содержат много интересного материала, но пронизаны порочной идеей противопоставления „грехо-славянского“ и „романо-германского“ миров (особенно в статье, Известия на Бълг. археол. инст., т. VI, стр. 206 сл.).

⁶ До 9 сентября она называлась Болгарской Рабочей партией, затем до V съезда (декабрь 1948 г.) — Болгарской Рабочей партией (коммунистов).

мического развития, на который вступала тогда страна, ставил перед болгарской исторической наукой совершенно новые задачи и настоятельно требовал полного пересмотра всех общетеоретических концепций и методологических принципов буржуазной историографии. В первую очередь особенно необходимо было решительное разоблачение великоболгарского шовинизма, исторические фальсификации которого усиленно поддерживались еще далеко не уничтоженными тогда реакционными силами.

Решающую роль в деле ускорения перестройки всей исторической науки сыграли повседневное руководство и помощь со стороны Болгарской Коммунистической партии. По инициативе партии для объединения всех историков-антифашистов и для широкой пропаганды марксистско-ленинской методологии уже через несколько месяцев после 9 сентября был создан новый исторический журнал „Исторически преглед“ („Историческое обозрение“), с первых же номеров открывший свои страницы для работ болгарских византинистов.

Партия призывала болгарских историков неустанно овладевать марксистской наукой и сотрудничать с советскими учеными.

Большую помощь болгарским медиевистам в их борьбе с великоболгарским шовинизмом в области средневековой истории оказал доклад Вылко Червенкова на торжественном собрании в память Кирилла и Мефодия 23 мая 1945 г. „Делото на братята Кирил и Методий“. Для византинистов особенно важным было то, что в докладе было отчетливо намечено место Византии в общем развитии средневековой Европы в VI—XI вв. и четко разработан вопрос, наиболее запутанный Мутафчиевым — об историческом значении культурного влияния Византии на соседние страны в разные периоды средневековья. „Влияние Византии при Юстиниане (527—565), — сказал тов. Червенков, — реакционно, поскольку сама Византия как рабовладельческая империя в то время была опорой реакции и боролась против завоевавших Западную Римскую империю варварских племен, которые расчистили и подготовили почву для феодальных отношений“.¹ Другое дело — в IX—X вв., когда „Византия сама стала феодальной державой... и оказывала прогрессивное влияние на соседние народы... ускоряя и идеологически оформляя у них процесс феодализации“.²

И большинство первых же написанных после 9 сентября византиноведческих работ свидетельствовало о начале серьезных сдвигов в этой отрасли болгарской медиевистики.

Изменилась прежде всего тематика исследований. Внимание историков сосредоточивалось теперь уже не на частных, часто к тому же второстепенных вопросах византийской истории, как это было во времена фашистской диктатуры, а на основных проблемах, таких, как характер общественного строя Византии, ее место в общей истории Балканского полуострова, византино-болгарские отношения и т. п.

Изменилась и направленность исследований: в истории Византии искали теперь не то, что противопоставляло ее истории других средневековых европейских стран (как это делали Мутафчиев и его единомышленники), а именно то, что могло помочь объяснению истории других балканских стран, в первую, конечно, очередь — самой Болгарии.

¹ В. Червенков. Делото на братята Кирил и Методий. София, 1945, стр. 28—29.

² Там же.

„История Византии, — утверждал, например, выдающийся болгарский ученый Димитр Ангелов, — ключ к истории Болгарии“.¹

Вместо восприятия исключительно новейших теорий западноевропейской историографии начали появляться работы, подчеркивающие значение русской исторической науки в развитии византиноведения.²

Но эти первые византиноведческие статьи еще не были марксистскими. Даже лучшие из них иногда строились на материале, а в некоторой степени и по схемам русского буржуазного византиноведения. И хотя позитивизм русского византиноведения XIX в. по своему теоретическому уровню был, конечно, значительно выше подчеркнутого индетерминизма буржуазной историографии XX в., его „рецепция“ могла быть приемлемой лишь как первый шаг, как одна из форм борьбы передовой части историков против фашистской и шовинистической идеологии. Ограниченность подобной методологии проявлялась тем отчетливее, чем острее разворачивалась борьба за развитие народной демократии как новой формы власти рабочего класса в тесном союзе с трудящимся крестьянством.

Поскольку такое же по существу положение было и на других участках исторического фронта, Болгарская Коммунистическая партия, не ограничиваясь борьбой за сплочение всех историков-антифашистов, принимала действенные меры к тому, чтобы направить их внимание на освоение основных положений марксизма-ленинизма. Огромное значение в этом отношении имела беседа тов. Г. Димитрова с редактором журнала „Философска мисъл“ (15 сентября 1946 г.), в которой значительное место было отведено и очередным задачам болгарской исторической науки.³ Требования партии, сформулированные тов. Димитровым, — критиковать и бичевать фашистские фальсификации истории и, как можно скорее, используя богатый опыт советской науки, разработать и популяризировать марксистские критерии для правильного объяснения важнейших периодов и главнейших событий в истории болгарского народа — давало отчетливую перспективу и всей византиноведческой работе.

И первым опытом работы в этом направлении было ценное исследование Д. Ангелова „Феодализм в Византии“.⁴ По форме — это вступительная лекция к университетскому курсу византийской истории,⁵ по содержанию — попытка дать общую концепцию развития Византии. Замечательно прежде всего, что эту попытку автор начинает с характеристики общественного строя империи. Уже этим работа Ангелова коренным образом отличается не только от работ „школы“ Мутафчиева

¹ Д. Ангелов. Роялята на византийския император в правораздаването, част първа. Годишник на Софийск. унив., т. XLII, 1944/1945, София, 1946, стр. 3. Ср.: Д. Ангелов. Към въпроса за поземелните отношения в средновековната балканска държава. Истор. преглед, год I, 1945, кн. 4; он же. Рабство в средновековной Болгарии. Истор. преглед, год II, 1945—1946, кн. 2; А. Бурмов. Феодализм в Болгарии. Там же.

² См., например: Димитър П. Димитров. Сто години от рождението на руския византинист акад. Ф. И. Успенский. Исторически преглед, год II, 1945—1946, кн. 2; см. также в т. XV „Известий на Българ. археол. инст.“ (1946) некролог Карелу Шкорпиалу (1859—1944), одному из наиболее известных археологов Болгарии, долго работавшему под руководством Ф. И. Успенского.

³ Др. Георги Димитров за роялята и задачите на сп. „Философска мисъл“. Философска мисъл, 1946, кн. 3, стр. 5—7. Ср. редакционна статья „Георги Димитров за задачите на Българската историческа наука“: Исторически преглед, год., III, 1946—1947, кн. 1.

⁴ Исторически преглед, год. III, 1946—1947, кн. 2, стр. 217—232.

⁵ Прочитана в Софийском университете в декабре 1946 г.

(ср. „Восток и Запад в европейском средневековье“), но и от лучших даже работ русского буржуазного византиноведения, в общей оценке развития Византии тоже исходившего прежде всего из изучения политических факторов. Но еще более важным было то, что Ангелов впервые в болгарской историографии старается рассматривать Византию как одно из феодальных государств средневековья. Наконец, к числу несомненно значительных достоинств работы надо отнести и то, что Ангелов не ограничивается общей характеристикой общественного строя Византии как феодального, а пытается наметить основные этапы или, как он говорит, „фазы“ его развития. Работа Ангелова, следовательно, является первой и весьма удачной попыткой научной периодизации истории византийского феодализма.

Однако эта работа была еще не лишена некоторых частных недостатков. Например, никак нельзя признать вполне удачной общую характеристику основных признаков феодального строя (стр. 217—218), так как автор, хотя и говорит об особенностях феодальной формы собственности, но нигде не показывает, что именно эта собственность на землю и являлась основой феодализма.¹ Не отличается еще необходимой четкостью и характеристика своеобразия византийского феодализма. Наряду с целым рядом совершенно правильных наблюдений по этому вопросу (например об особой роли городов, торговли, о пережитках рабовладения, о наличии слоя свободного крестьянства и т. п.) имеются еще и ссылки на какие-то особенности „психического склада“, якобы „свойственные вообще средневековым народам европейского юго-востока“ и будто бы повлиявшие на сохранение в Византии централизованного государства (стр. 228—229). Некоторую работу предстояло еще проделать и для уточнения предложенной здесь Ангеловым периодизации византийской истории. И все же, при сопоставлении этой работы со всеми предшествующими ей работами и самого Ангелова, и всех других болгарских византинистов, необходимо признать, что труд Ангелова „Феодализм в Византии“ является важной вехой в развитии болгарского византиноведения на новой марксистской основе.

Весьма благоприятное впечатление производит и вторая часть статьи „Ролята на византийския император в праворадаването“, опубликованная Д. Ангеловым почти одновременно с „Феодализмом в Византии“.² По своему теоретическому уровню она несомненно выше первой части этой же работы, напечатанной еще в 1946 г. В первой части, например, отсутствовала классовая характеристика тех судебно-правовых установлений Византии, которым посвящена статья, и на первый план были выдвинуты лишь „римские традиции“ и „влияния [церкви]“.³ Во второй части характеристика эпохи дана уже в значительно более развернутом виде. В частности, гораздо более определенно, чем в первой части, говорит здесь автор о феодализации Византии.⁴

Из других работ этого периода, посвященных основным проблемам внутренней истории Византии, наибольший интерес представляет бога-

¹ Следует отметить, что в вопросе о характере феодальной собственности на землю Д. Ангелов более прав, чем его рецензент А. П. Каждан (Виз. вр., т. III, 1950), утверждавший в рецензии, вопреки неоднократным прямым высказываниям классиков марксизма-ленинизма, что будто бы и феодальный крестьянин являлся, наряду с феодалом, собственником (I) земли (там же, стр. 278).

² Годишник на Софийск. унив., т. XLIII, 1946—1947, София, 1947, стр. 1—76.

³ Годишник на Софийск. унив., т. XLII, 1944/1945, София, 1946, стр. 17, 21 и др.

⁴ Там же, стр. 50 сл., 62 и др.

тая фактическим материалом статья „Принос към народносните и поземелни отношения в Македония (Епирские деспотат) през първата четвърт на XIII в.“,¹ тоже принадлежащая перу Д. Ангелова. Значение этой работы заключается главным образом в том, что на основе анализа большого количества документов, преимущественно актов Охридской архиепископии, Димитр Ангелов убедительно показал, что к началу XIII в. в Эпире, особенно в его горных областях, еще сохранялось в довольно больших масштабах свободное крестьянство.

Стремление к пересмотру основных положений буржуазной историографии нашло свое отражение и в статьях, посвященных византино-славянским, в частности византино-болгарским, отношениям. Здесь следует отметить статьи Борислава Примова и Д. Ангелова.²

Примов интересовался тогда преимущественно византино-болгарскими отношениями в начале XIII в. — темой, которую, как известно, разрабатывали в свое время Ф. И. Успенский,³ В. Макушев,⁴ а затем и В. Златарский.⁵ Широко используя их работы, Примов в объяснении и событий идет значительно дальше, чем все эти буржуазные ученые. Основные причины византино-болгарского союза против „латинян“ Примов ищет уже не в религиозных мотивах и не в „борьбе культур“, а в области материальных интересов византийских и болгарских феодалов.⁶ Однако в характеристике этих интересов еще имеется несколько формально-юридический подход, а рассмотрение основного противоречия феодализма — противоречия между антагонистическими классами феодального общества — еще не всегда привлекает достаточное внимание автора.

Статья Д. Ангелова „Византийские влияния на средневековую Болгарию. Статья первая“⁷ интересна тем, что это был первый опыт решения задачи, поставленной перед болгарскими историками Вилко Червенковым еще в мае 1945 г.: пересмотреть на действительно научной основе вопрос о значении влияния Византии на Болгарию на разных этапах исторического развития. В этой статье Ангелов рассматривает лишь один вопрос: какое влияние оказали на политическую жизнь Болгарии византийские теории о роли императорской власти в истории общества, но на этом примере он пытается наметить некоторые общие принципы разработки всей проблемы. В частности, он неоднократно и совершенно справедливо подчеркивает, что всегда необходимо учитывать, какой класс и с какой целью воспринимал то или иное „влияние“ и как он его приспособлял к своим интересам (см., например, стр. 402, 406, 411 и др.). Приходится, однако, отметить и некоторые упущения в этой работе Ангелова. Так, например, он недостаточно подчеркивает феодальный характер византийского государства (см. напр., стр. 406) и даже утверждает, что в то время, как в Болгарии

¹ Известия на камарата на народната култура, т. IV, 1947.

² Ср. также: В. Миков. Старите славяни на юг от Дунава. Исторически преглед, год. III, 1946—1947, кн. 2, стр. 142—161.

³ Ф. И. Успенский. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879; он же. Крестовые походы. 1900, СПб.

⁴ В. Макушев. Болгария в конце XII и первой половине XIII в. Варшавские университетские известия, № 3, 1872.

⁵ См. выше, „Гръцко-български съюз през 1204—1205 г.“.

⁶ Б. Примов. Гръцко-български съюз в началото XIII в. Исторически преглед, год. IV, 1947—1948, кн. I, стр. 22—39; он же. Българя, гръци и латинци в Пловдив през 1204—1205 г. Известия на Българ. историч. дружество, кн. XXII—XXIV, София, 1948, стр. 145—156.

⁷ Исторически преглед, год. IV, 1947—1948, кн. 4—5, стр. 401—416.

борьба против феодализма велась народом, снизу, в Византии будто бы вся тяжесть этой борьбы выпала на долю василевсов (стр. 411—421).¹

Одним из показателей интенсивного стремления к повышению идейно-теоретического уровня исторических исследований является весьма заметный рост интереса со стороны болгарских ученых к состоянию и достижениям исторической науки в СССР. Начинают появляться и переводы работ советских византинистов. Например под редакцией проф. Ал. Бурмова была переведена „История Византии“ М. В. Левченко (издана в Софии в 1948 г.). Обзоры новых советских византиноведческих изданий печатаются не только в исторических,² но даже и в педагогических журналах.³

Об идейно-теоретическом росте болгарских медиевистов убедительно говорит новое большое исследование Димитра Ангелова „Богомилство в Болгарии“, вышедшее в свет еще в 1947 г., в котором Ангелов дает правильный ответ на вопрос о возникновении богомилского движения, показывая его неразрывную связь с широкими слоями болгарского крестьянства и плебейством болгарских городов.⁴

Но едва ли следовало Д. Ангелову торопиться с изданием учебного пособия по истории Византии XIII—XV вв., составленного по его собственным лекциям, которое появилось в свет в 1948 г.⁵ В книге отсутствует развернутый анализ социально-экономического развития поздней Византии, характеристика противоречий этого развития, его кризиса. Параграфы о хозяйственном положении Никеи (стр. 38—46), Эпира (стр. 46—54), Византии при Палеологах (стр. 54—74) носят несколько описательный характер и недостаточно связаны с освещением других сторон общественной жизни. Автор не занимается вопросом борьбы между основными антагонистическими классами поздней Византии. Так, например, при изложении событий середины XIV в. (стр. 107 сл.) на первый план выдвинуты не основные классовые противоречия, не антифеодалный характер выступлений народных масс Фракии и Македонии, а междуусобицы феодальных кланов. И политическая история поздней Византии — главный предмет внимания автора — изложена в форме перечисления „политических и церковных событий“ (стр. 3—37, 80—152). То же и в разделе культуры (стр. 165—204): перечисляются имена писателей, историков, теологов и т. д., мелькают названия их произведений, но нет истории развития литературы, историографии, теологии. О народной литературе и народном искусстве автор не упоминает.

Общие итоги развития болгарской исторической науки с 9 сентября 1944 г. до конца 1947 г., т. е. за время первого этапа развития

¹ Менее „теоретической“, но интересной по обилию фактического материала является работа Д. Ангелова „Съобщително-операционни линии и осведомителна служба във войните и външно-политическите отношения между България и Византия през XII—XIV вв.“ (Известия на Бълг. историч. друж., кн. XXII—XXIV, 1948). Это — кропотливо составленная сводка фактического материала по указанным в заглавии вопросам из византийских и отчасти западноевропейских авторов. Использованы, к сожалению, только письменные источники.

² См., например, рецензию Сони Георгиевой на „Византийский сборник“: Известия на Бълг. историч. друж., кн. XXII—XXIV, София, 1948.

³ Так, например, обзор Ив. Великова „Нови византийски проучвания в СССР“ был напечатан в журнале „Училищен преглед“ (кн. 5—6, 1947).

⁴ Д. Ангелов. Богомилството в България. София, 1947, стр. 16 сл., 51 сл. и др. См. русский перевод: Д. Ангелов. Богомилство в Болгарии. М., 1954.

⁵ История на Византия, ч. II, 1948, стр. 1—206.

народной демократии в Болгарии,¹ были подведены весной 1948 г. на широком совещании болгарских историков, организованном по инициативе ЦК Болгарской Коммунистической партии и проходившем под непосредственным руководством Вьлко Червенкова.²

На совещании выступали и византилисты Д. Ангелов и В. Николаев.

Совещание подтвердило, что основная масса болгарских историков всех специальностей активно стремится подняться до уровня требований, порожденных новой обстановкой. Но вместе с тем совещание подтвердило и то, что пережитки великоболгарского шовинизма в историографии еще далеко не преодолены и что борьба против них ведется недостаточно наступательно.

„С национализацией капиталистических промышленных предприятий и банков, совершенной 23 декабря 1947 г., народная демократия у нас, — писал Вьлко Червенков, — как своеобразная форма пролетарской диктатуры окончательно оформилась и утвердилась. Были уже созданы условия, необходимые для того, чтобы приступить к построению основ социалистического общества в Болгарии“.³ Соответствующие этому новому этапу развития народной демократии новые задачи идеологической работы, в том числе и в области исторической науки, были четко указаны V съездом Болгарской Коммунистической партии, происходившим с 18 по 25 декабря 1948 г. Съезд признал, что „основная задача... партии на идеологическом фронте в настоящий исторический момент состоит в том, чтобы организовать и провести последовательно, настойчиво, без колебания решительное преодоление капиталистической идеологии во всех ее разновидностях и, опираясь на блестящий подъем советской социалистической науки и культуры, учась и руководствуясь ею, обеспечить... полное господство творческой и боевой марксистско-ленинской идеологии во всех областях науки, искусства и культуры“.⁴ В резолюции съезда было специально подчеркнуто, что особенно необходимо добиться полного разоблачения всех буржуазных фальсификаций болгарской истории — от глубокой древности до сегодняшнего дня, которые содержатся в исторической литературе. Решения съезда, следовательно, призывали всех болгарских историков всемерно повышать свою марксистско-ленинскую и специальную подготовку, широко используя при этом опыт и достижения советской историографии.

Указания партии оказали плодотворное влияние на повышение идейно-политического и научного уровня болгарской исторической литературы уже в 1949—1950 гг.

В области византиноведения это отчетливо сказалось уже в новой (второй) статье Д. Ангелова о византийских влияниях в средневековой

¹ О периодизации развития народно-демократической Болгарии. См. доклад В. Червенкова „Отечественный фронт и его предстоящие задачи“ (в газете „За прочный мир, за народную демократию“, 13 VI 1952). № 24 (188).

² Веселин Х. Николов. Совещание върху съ състоянието и задачите на Българската историческа наука. Исторически преглед, год. IV, 1947—1948, кн. 4—5, стр. 596—605; см. также редакционную статью „Другарят Вьлко Червенков и нашата историческа наука“: Исторически преглед, год VII, 1950—1951, кн. I, стр. 1—6.

³ См. цитированный выше доклад о предстоящих задачах Отечественного фронта в газете „За прочный мир, за народную демократию“.

⁴ Пен конгрес на Българската комунистическа партия, стенографски протоколи, част I. София, 1949, стр. 281.

Болгарии.¹ Значительно последовательнее, чем в первой статье на эту же тему (см. выше, стр. 354), раскрыт здесь автором классовый характер заимствованных болгарскими из Византии идей, выраженных в официальной церковной литературе.² Лучше, чем в первой статье, показаны и классовые корни церковной литературы в самой Византии. Здесь нет уже того противопоставления василевсов византийским феодалам, которое имелось в первой статье. В связи с этим более правильно, чем раньше, дается здесь автором и общая оценка исторического значения византийских влияний. Надо, однако, отметить, что и в этой статье Ангелов не уделил достаточного внимания вопросу о том, как переделывались те или иные произведения византийской письменности применительно к условиям Болгарии, что нового и своеобразного вносила в них болгарская действительность.³

Существенные поправки внесены Д. Ангеловым и во вторую часть исследования о богомилстве в Византийской империи, тоже опубликованную им уже после V партийного съезда.⁴ Он включил, например, в нее характеристику социального положения византийского крестьянства в XI в.,⁵ которая при всей своей краткости все же, несомненно, приближает читателя к правильному пониманию причин распространения богомилства во многих областях Византии. Новыми или, во всяком случае, значительно обновленными являются и те разделы статьи, в которых трактуется о соотношении характерных особенностей богомилской идеологии с идеологией зилотов.⁶ Но эти дополнения и поправки касались пока еще отдельных вопросов, связанных с проблемой богомилского движения в Византийской империи.

Поиски путей перехода к научной методологии характерны в той или иной мере и для большинства других византиноведческих работ, опубликованных в 1949—1950 гг.: см., например, рецензии Ив. Дуйчева на 3-й том „Истории Византийской империи“ акад. Ф. И. Успенского⁷ и Сони Георгиевой на т. I советского „Византийского временника“.⁸ То же и в статьях Т. Герасимова в т. IV сборника „Разкопки и проучвания“ (София, 1949),⁹ хотя они и посвящены столь специальным отделам византиноведения, как византийская нумизматика и сфрагистика.¹⁰

¹ Исторически преглед, год. V, 1948—1949, кн. 5, стр. 587—601.

² Там же, стр. 590 сл. — Характерен и сам подзаголовок статьи: „Класови елементи в официалната церковна литература“ (стр. 587).

³ В отношении апокрифов этот недостаток вскоре был отчасти исправлен автором в статье „Апокрифната книжина като отражение на феодалната действителност и светогледа на експлоатиранта класа в средновековна България“, напечатанной в „Исторически преглед“ (год. VI, 1949—1951, кн. 4—5).

⁴ Годишник на Софийск. унив., т. XLVI, 1949—1950, София, 1950, стр. 1—57.

⁵ Там же, стр. 3 и особенно стр. 51 сл.

⁶ Там же, стр. 42, 54.

⁷ Известия на Бълг. археол. инст., т. XVII, София, 1950, стр. 379—384. Рецензия эта не лишена еще недостатков (в частности автор недостаточно глубоко критикует ограниченность русского дореволюционного буржуазного византиноведения).

⁸ Там же, стр. 387—390.

⁹ На обложке — 1950 г.

¹⁰ Для определения места этих статей в общем развитии болгарского византиноведения полезно сопоставить их методологию с методологией предшествующих работ автора, хотя бы его исследования „Византийски оловени печати от Пласка“, опубликованного в т. XIV „Известия Бълг. археол. инст.“ (1943). В статьях 1949 г., особенно во второй статье сборника — „Неизядени монети от Палеозолите“ (стр. 23—44) — автор уже пытается кое-где связать нумизматику с общей историей поздней Византии.

Появлялись еще, впрочем, частью фактологические статьи (например статья Н. Мавродинова „Планът и конструкцията на св. София в Царьград“),¹ и рецензии (например рецензия Мар. Чичиковой на „Byzantinoslavica“² или рецензия И. Д. на книгу А. Васильева „Житие Петра Аргосского“.³

Самым крупным византиноведческим произведением 1949—1950 гг., произведением, в котором наиболее отчетливо проявились крупные достижения болгарского византиноведения этого периода, является труд проф. Д. Ангелова „История Византии, часть I (395—1204 гг.)“.⁴

Первая часть „Истории Византии“ отнюдь уже не является просто сводкой фактического материала, чем в сущности была, как мы уже отмечали, вторая часть этого труда, опубликованная Ангеловым еще до V съезда Болгарской Коммунистической партии. Теперь перед нами — фундаментальное исследование с четко выраженной идейно-теоретической направленностью и оригинальным решением ряда важнейших проблем византийской истории.

Во „Введении в изучение византийской истории“, предпосланном основным главам книги, Ангелов правильно раскрывает политическое и научно-теоретическое значение византийских исследований и их связь с общими задачами исторической науки народнодемократической Болгарии. Он подчеркивает, что при разрешении этих задач необходимо опираться на „новый метод, на метод всепобеждающей социалистической науки, на историко-материалистические позиции марксизма-ленинизма“.⁵

Первая часть „Истории Византии“ и является первой в болгарской историографии попыткой дать всестороннюю, „полнокровную“, как говорит сам автор, историю Византии с „историко-материалистических позиций марксизма-ленинизма“. И во многом эту попытку следует признать весьма удачной.

Собранный Ангеловым обширный и, как правило, тщательно проверенный материал по социально-экономической и политической истории Византии и по истории византийской культуры убедительно опровергает измышления Мутафчиева и других великоболгарских шовинистов о каком-то особом, якобы азиатском, пути развития Византии. При этом Ангелов отнюдь не сбивается на схематизм и не отрицает целого ряда особенностей в развитии Византии. Но теперь он говорит об этих особенностях значительно более правильно, чем, скажем, говорил он в своей лекции „Феодализм в Византии“ в 1946 г. (см. выше, стр. 351—352). В „Истории Византии“ нет уже ссылок на какие-то „психические особенности народов юго-восточной Европы“, зато много внимания уделяется городам, роли крестьянской общины и другим действительно важным факторам.

С определенностью, гораздо большей, чем в какой бы то ни было предшествующей своей работе, говорит здесь Ангелов о материальной, экономической основе исторического процесса. Он уже не ограничивается общей характеристикой социально-экономического положения

¹ Разкопки и проучвания, вып. IV, стр. 149—165.

² Известия на Бълг. археол. инст., т. XVII, стр. 392.

³ Там же, стр. 402 сл.

⁴ Издана в серии „Университетска литература“, София, 1950.

⁵ История на Византия, ч. I, стр. 6. В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках в тексте.

империи в тот или иной период ее истории. При изложении почти всех крупных общественных явлений он старается проследить их социально-экономические корни и во многих случаях делает это вполне удачно (см., например: объяснение возникновения христианства, стр. 52—60, причин разделения Римской империи на Восточную и Западную, стр. 61—70, иконоборчества, стр. 259—266, 294 сл., появления „еретических“ движений, стр. 60—61, 239—240, и др.). На значительно более высоком уровне, чем даже во второй части „Ролята на византийския император в правораздаването“, дана история политического устройства Византии, в частности ее судебных установлений. В противовес усиленно распространявшимся в период господства великоболгарского шовинизма „теориям“ ориентализации Византии Ангелов во многих местах своей работы подчеркивает „эллинистические“ (т. е. по существу местные, туземные) основы византийской цивилизации (см., например, стр. 73, 194, 196).

Вполне удалось Ангелову показать интенсивные связи Византии с целым рядом европейских государств и активную роль Византии в международных отношениях того времени (например стр. 432, 458 и др.).

Намного лучше, чем во второй части, дана история культуры. Теперь Ангелов не довольствуется перечислениями авторов и их произведений, но старается показать развитие как всей византийской культуры в целом, так и ее отдельных отраслей (стр. 189—214, 303—317, 495—521). Д. Ангелов отвергает популярный в буржуазном византиноведении тезис об „одичании“ Византии в VII—VIII вв. и совершенно справедливо подчеркивает рост светских элементов в культуре этого периода (стр. 307—315). Специальные параграфы посвящены народной литературе (стр. 208—209, 516—519). Сделана попытка показать значение византийской культуры для развития культуры балканских стран и некоторых стран Западной Европы (стр. 315—317, 520 сл.).

Вместе с тем, однако, и это произведение Д. Ангелова не лишено еще некоторых недостатков.

Так, например, при характеристике положения в позднеримской империи в III—IV вв. (гл. II) Ангелов, хотя и использовал классическое произведение Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, но по существу взял отсюда лишь описание признаков кризиса рабовладельческого строя на Западе: картины всеобщего обнищания, упадок городов, сокращение торговли и т. п. Основные причины кризиса — обострение противоречия между уровнем развития производительных сил и рабовладельческой системой производственных отношений — не нашли своего отражения на страницах рецензируемой работы. Не удивительно поэтому, что Ангелову не удалось показать своеобразие этого процесса в Восточно-Римской (Византийской) империи (гл. III). Больше того, обращая внимание лишь на такие моменты, как торговля, состоящие городов и т. п., и недостаточно глубоко анализируя состояние производительных сил и их соотношение с господствовавшей тогда системой производственных отношений, автор неизбежно должен был придти — и действительно пришел — к отрицанию кризиса в Восточно-Римской империи как в V, так и в VI в. Получается, что кризис начинается здесь только в VII в., да и то не столько в результате обострения внутренних противоречий, сколько под влиянием вторжения иноземных племен и народов.

Нет еще необходимой четкости и в изложении такого вопроса, как вопрос об особенностях возникновения феодальных отношений в Визан-

тии. Так, например, наряду с совершенно правильной характеристикой колоната V—VI вв. как „особой формы рабовладельческих отношений“, „их модификации“ (стр. 163, 214—215 и др.), во многих местах своей работы Д. Ангелов как бы отождествляет колонатные отношения с крепостничеством периода феодализма.

В слишком общих выражениях говорится в книге о роли славян в развитии византийского феодализма.

Недостаточно обоснованной, на наш взгляд, является и попытка Ангелова искать причины быстрого развития феодальных отношений в Византии в IX—X вв. в упадке средиземноморской торговли, вызванном завоеваниями арабов (стр. 424, 476).

Некоторые замечания можно сделать по поводу неточностей в терминологии. Автор еще далеко не всегда придерживается установленного в марксистской литературе значения того или иного термина (например: пролетарий, капиталист, мануфактура, дофеодальный период и т. д.) и нередко переносит их в совершенно иные эпоху и условия.

Далеко не все еще сделано в „Истории Византии“ и в отношении раскрытия творческой активной роли народных масс в общественном развитии. Так, например, никак не показано действительное значение народных масс в устранении изжившего себя рабовладельческого способа производства, хотя народные движения этого периода и упоминаются не раз в соответствующих разделах книги (см., например, стр. 70, 89 и др.). При объяснении внутриполитических изменений в Византии (таких, скажем, как переход к фемному строю и т. п.) или крупнейших законодательных актов, автор ссылается лишь на интересы и требования тех или иных группировок господствующего класса (светской знати, духовенства, столичного чиновничества и пр.).

Недостаточно показан патриотизм народных масс в борьбе с иноземными захватчиками. По тексту IV и V глав получается, что, например, в борьбе с арабами патриотизм был проявлен будто бы лишь представителями господствующего класса.

Однако первую часть „Истории Византии“, несмотря на наличие некоторых недостатков, нужно расценивать как один из ярких показателей роста идейно-теоретического и научного уровня византиноведения в народнодемократической Болгарии.

В деле дальнейшего повышения идейно-теоретического и научного уровня всей болгарской историографии существенную роль сыграли научные дискуссии о периодизации болгарской истории и о классах и классовых отношениях в период болгарского возрождения, организованные Институтом болгарской истории при Болгарской Академии наук в 1950—1951 гг.¹

Для византинистов особенно важное значение имела первая из этих дискуссий, во многом опиравшаяся на опыт происходившей тогда же дискуссии советских историков о периодизации истории СССР.

¹ В. Хаджиниколов. Научните дискусии в Института за българска история при Българ. Акад. на науките. Известия на Инст. за бълг. история при Българ. Акад. на науките, 1951, вып. 1—2, стр. 359—386; ср.: Веселин Х. Николов. Дискусията в Института за българска история при Академията на науките. Исторически преглед, год. VII, 1950—1951, кн. 4—5, стр. 553—557.

Хотя эта дискуссия и не обеспечила еще необходимой ясности в вопросе о соотношении и хронологических рамках отдельных этапов социально-экономического развития Болгарии, она несомненно способствовала уяснению болгарскими историками марксистско-ленинского учения об условиях становления и развития общественно-экономических формаций, что, несомненно, было весьма важно и для византинистов. Дискуссия, в частности, способствовала тому, что внимание болгарских медиевистов стало направляться на исследование вопроса об особенностях возникновения и развития феодальных отношений в странах Балканского полуострова.

Кроме того, дискуссия показала, что болгарская историография, в том числе и византиноведение, уже достигли такого уровня развития, когда дальнейшее движение вперед настоятельно требует более глубокой и систематической разработки исторических источников и документов.¹

Благотворное влияние этих дискуссий отчетливо чувствуется во всех последующих работах болгарских византинистов. Особенно показательным в этом отношении новое издание второй части „Истории Византии“ проф. Д. Ангелова.²

По сравнению с изданием 1948 г. это совершенно новая работа. Ее действительно можно признать непосредственным продолжением первой части „Истории Византии“ (1950 г.), но сразу же следует подчеркнуть, что во многих отношениях она, несомненно, превосходит и этот последний труд.

Прежде всего это надо сказать в отношении общего построения книги. Автору действительно удалось вполне удачно, отнюдь не сбываясь на социологизаторство и схематизм, расположить весь материал вокруг нескольких основных проблем поздневизантийской истории. Работа от этого выиграла не только в методическом отношении, хотя и это имеет немаловажное значение, так как она широко используется в качестве вузовского учебника. Гораздо яснее, рельефнее стали и общая концепция автора, и его основные методологические положения. Только первая глава „Политическое и территориальное раздробление Византии и борьба за восстановление целостности империи“ (стр. 3—39) несколько перегружена еще фактами второстепенного значения.

С большей, чем в первой части, настойчивостью стремится автор выяснить внутренние причины исторических явлений. Так, например, в столь кардинальном вопросе поздневизантийской истории, как вопрос о причинах падения Византии, Ангелов отвергает тенденцию буржуазной историографии сводить этот вопрос к той или иной комбинации внешнеполитических факторов и неоднократно — и совершенно справедливо — подчеркивает, что ослабление Византии было естественным и неизбежным результатом развития в империи феодальных отношений (см., например, стр. 110). Но само это „развитие феодальных отношений“ он рассматривает в этой связи главным образом в полити-

¹ О развернувшейся после дискуссий подготовке документальных публикаций, в том числе и по византийским источникам, см.: Н. Тодоров. Научно-исследовательская деятельность на Института за българска история при Българ. Акад. на науките през 1951 г. Исторически преглед, год. VIII, 1952, кн. 3, стр. 321—329.

² Д. Ангелов. История на Византия, втора част, Византия през периода на късния феодализъм (1204—1453). София, б. г. (судя по дате подписания к печати — 29 XI 1952 — она вышла в свет или в самом конце 1952 г., или в начале 1953 г.), стр. 151.

ческом плане, подчеркивая в первую очередь усиление власти отдельных феодалов и ослабление центрального правительства „Главная черта, — пишет он на стр. 40, — характерная для поздневизантийского феодализма, есть усиление процесса раздробления и ослабления центральной власти“ (ср. стр. 47, 89, 110 и др.). Анализа основных экономических противоречий поздневизантийского феодализма (т. е. противоречий между уровнем развития производительных сил и феодальной системой производственных отношений), обострение которых как раз и обусловило внутреннее ослабление Византии в XIV—XV вв., в том числе и ее политическую децентрализацию, Ангелов, к сожалению, нигде не дает. Поэтому, как это совершенно правильно отмечено в рецензии П. Петрова,¹ читатель второй части „Истории Византии“ не сможет составить себе отчетливого представления о том, являлись ли феодальные отношения в поздней Византии еще прогрессивными или они уже превратились в тормоз развития производительных сил.

Больше и глубже, чем в какой бы то ни было другой своей предшествующей работе, посвященной византийской истории, останавливается Ангелов в новой второй части „Истории Византии“ на роли народных масс и, в первую очередь, на их борьбе против феодального гнета.

События 1262 г. в Вифинии (восстание акритов) теперь уже не являются всего лишь одним из эпизодов ослабления военной мощи империи (как это получалось по тексту — стр. 65—66 издания 1948 г.). В новом издании Ангелов правильно рассматривает это восстание как одно из наиболее ярких проявлений классовой борьбы в поздней Византии (стр. 15).

Совершенно по-новому написан весь раздел о борьбе народных масс против феодального гнета в середине XIV в. (стр. 77 сл.).² При изложении этих же событий в издании 1948 г. (стр. 107—116) Ангелов не пытался еще вскрыть действительные причины социального кризиса середины XIV в., ограничившись описанием событий, да и то лишь в отдельных городах. В новом издании внимание автора сосредоточено на анализе условий, породивших это движение, и его историческом значении. Ангелов старается проследить формы и эволюцию феодальной ренты и в связи с этим охарактеризовать положение различных категорий сельского и городского населения. Не все в этом анализе бесспорно. Так, например, данные источников рисуют более сложную, чем у Ангелова, картину соотношения различных форм феодальной ренты: в поздней Византии росла, видимо, не только денежная рента, но и барщина, и натуральный оброк.³ Но само стремление автора — искать основные причины событий середины XIV в. не в междоусобной борьбе различных кланов феодалов и не во влиянии извне, как это делали буржуазные ученые, а в первую очередь в изменениях форм и степени феодальной эксплуатации — совершенно правильно, и его плодотворность отчетливо проявилась уже и в этой работе. Оно, в частности, дало возможность Ангелову более полно, чем это сделано

¹ Исторически преглед, год. IX, 1953, кн. 4, стр. 424—430.

² За несколько месяцев до выхода второй части „Истории Византии“ Д. Ангеловым была опубликована статья „Антифеодальные движения во Фракии и Македонии в середине XIV в.“ (Исторически преглед, год. VIII, 1951—1952, кн. 4—5, стр. 439—456).

³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 138—164, 200 сл.

кем-либо другим, показать сочетание антифеодалных движений в городе и в деревне (стр. 77 сл., 87).¹

Гораздо правильнее, чем в первой части „Истории Византии“, поставлен здесь и вопрос об отношении различных слоев населения империи к иноземным захватчикам. Автор решительно отвергает тенденциозные утверждения некоторых буржуазных историков об индифферентности народа и патриотизме феодалов и на основе тщательного анализа источников показывает предательство византийских феодалов и в период борьбы с крестоносцами (стр. 8—10), и в период турецкого завоевания (стр. 76, 88, 111 и др.). Подлинными носителями патриотизма, — совершенно правильно подчеркивает Ангелов, — являлись широкие народные массы. С наибольшей обстоятельностью автор подтверждает это на многочисленных примерах героической борьбы народа против турецких феодалов (стр. 66—69, 111 и др.). К сожалению, Ангелов не использовал почему-то русские источники (такие, как, например, Повесть о Царьграде Нестора Искандера), особенно интересные как раз в отношении освещения роли народных масс. Следовало бы, кроме того, более определенно показать, что в гибели Византии повинны не только византийские феодалы, но и феодалы и феодальные организации (папство) Западной Европы. По примеру Карла Маркса можно было бы вслед за известными словами Луки Нотары о „чалме“ и „тиаре“ (стр. 108) процитировать и созданный в Ватикане „афоризм“: „Христиане будут только тогда действительно счастливы, когда будут уничтожены проклятые греческие еретики и турки разрушат Константинополь“.²

Усиление внимания к роли народных масс отчетливо проявилось и в последней главе книги: „Византийская культура в период позднего феодализма“ (стр. 113—144). Народной культуре уделено здесь значительно больше места, чем в первой части, причем с особым вниманием останавливается автор на характеристике культуры византийских городов (стр. 115 сл., 137 и др.). Собранный автором материал был бы еще более выразительным, если бы ему удалось более четко нарисовать картину внутреннего кризиса феодальной культуры византийского общества этого времени.

В текст книги включена критика ряда тенденциозных утверждений буржуазных византинистов, например по вопросу об „историческом значении“ турецкого завоевания (стр. 111). Ссылки, как правило, даются лишь на источники и на работы советских историков. Взыскательнее, чем в первом издании, составлен список рекомендуемой литературы (стр. 145—147). Более точной стала терминология, хотя в отдельных случаях автор все еще несколько модернизирует отдельные исторические категории (см., например, его попытку найти „сельских пролетариев“ в византийской деревне XIII в.; стр. 46).

В целом эта книга, несмотря на наличие отмеченных недостатков и ряда частных неточностей,³ — убедительное свидетельство новых

¹ Ангелов, следовательно, не только показывает полную несостоятельность взглядов Тафрала и других буржуазных ученых, но и вносит существенную поправку в концепцию английского историка марксиста Р. Браунинга, не учитывающего особенностей обстановки середины XIV в. и связывавшего движение зилотов с движением димов в первые столетия нашей эры и даже с условиями первобытно-общинной формации (см.: Р. Браунинг. Комуната на зилотите в Солуни. Исторически преглед, год. VI, 1949—1950, кн. 4—5).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 669.

³ См. указанную рецензию П. Петрова в „Исторически преглед“, правильно отмечающую целый ряд частных неточностей в книге Ангелова, но не показывающую места этой работы в общем развитии болгарского византиноведения.

Значительных успехов византиноведения в народнодемократической Болгарии.

Основные положения этой книги о роли народных масс в борьбе против турецкого завоевания еще более четко развернуты Д. Ангеловым в статье „Турското завоевание и борбата на балканските народи против нашествениците“.¹ Опубликованная в связи с 500-летием со дня падения Константинополя, эта статья охватывает историю борьбы всех стран Балканского полуострова против турок. Но русские источники и тут, к сожалению, не использованы автором.²

Идейно-теоретический рост отчетливо чувствуется и в новейших работах проф. Всеволода Николаева, посвященных характеристике феодальных отношений в Македонии и во Фракии в XI—XII вв.: „Феодальни отношения в покорената от Византия България отрази в писмата на Теофилакт охридски, архиепископ Български“ (София, 1951) и „Бачковският манастир — институт специального предназначения в феодальной комниновской Византии“ (в „Изв. на института за българска история, 1951, 1—2, стр. 99—189).³ Первая из этих работ интересна также и тем, что проф. Николаев не ограничился в ней анализом лишь литературных источников. Разбирая вопрос о классовых отношениях и классовой борьбе в феодальной Византии, он довольно широко использовал ряд средневековых миниатюр (так называемой Венецианской псалтыри, менологии Василия II Болгаробойды и др.), а также и некоторые другие памятники византийского изобразительного искусства.⁴

По сравнению с его предыдущими работами (например „Славяно-българският фактор в христианизация на Киевска Русия“, София, 1949)⁵ и по сравнению с его выступлением на дискуссии о периодизации, в котором он начало феодализации объяснял главным образом внешними факторами,⁶ эти исследования В. Николаева проведены на значительно более высоком идейно-теоретическом уровне. Более четко, чем, скажем, в работе „Славяно-българският фактор в христианизация на Киевска Русия“, дана здесь характеристика политической роли византийской церкви. Очень удачно, в частности, вскрыты действительные цели организации Бачковского монастыря. В отличие от Ф. И. Успенского, В. Макушева, В. Златарского и других буржуазных историков, подчеркивавших обычно в византино-българских отношениях XI—XII вв. лишь национальный момент, В. Николаев пытается показать классо-

¹ Исторически преглед, год. IX, 1953, кн. 4, стр. 374—398.

² Из других новейших работ Д. Ангелова здесь следует упомянуть две: статью „Философские взгляды богомилов“ (Известия на инст. за бълг. ист., София, 1951, кн. 3—4, стр. 113—147) и курс лекций „История на Българската държава и право“ (София, 1951). Материалы и выводы первой из этих работ могут быть полезным коррективом к той части „Der Bogomilismus...“, которая ошибочно трактует соотношение византийских и болгарских „еретических“ движений средневековья. В историко-ведческих разделах „Истории болгарского государства и права“ читатель найдет некоторые существенные дополнения и исправления к той характеристике византийских юридических памятников, которая дана в упоминавшемся выше исследовании Ангелова „Рольта на византийския император...“.

³ Тут же опубликована вторая статья В. Николаева „Судьба типика-устава, данного Григорием Бакуриан (Пакурианом) Петричко-Бачковскому монастырю, и его грузинской копии Софийской национальной библиотеки“ (стр. 266—296), являющаяся как бы частью историко-ведческого введения к указанной выше работе.

⁴ В. Николаев. Феодальни отношения... стр. 12, 14, 15, 39, 91, 93 и др.

⁵ См. оценку этой работы в рецензии А. Ф. Вишняковой в т. V „Византийского временника“. (Рецензия перепечатана в „Исторически преглед“, год. IX, 1953, кн. 1).

⁶ Известия на Инст. за бълг. ист., 1951, кн. 1—2, стр. 366.

вые основы византийской политики в захваченных византийцами болгарских землях.

Однако и в этих работах В. Николаев не избежал некоторых ошибок. Примером может служить данная автором характеристика основных противоречий византийского феодализма в XI—XII вв., в которой на первый план выдвинут не антагонизм между основными тогда классами, а борьба внутри господствующего класса, в частности борьба Комнинов „против провинциальных феодалов в пользу сильной централизованной монархии, подчиненной комниновским династическим интересам“.¹ Вызывает сомнение и отождествление антивизантийских восстаний болгарского народа в XI в. с такими чисто антифеодальными движениями, как, например, восстание в Англии под руководством Уота Тайлера.²

Из других новейших работ болгарских византинистов следует отметить интересную статью Геновевы Цанковой „Население Восточно-Римской империи и варвары в эпоху варварских нашествий“,³ в которой автор удачно использует произведения Ам. Марцеллина, Созомена, Зосимы, Иоанна Антиохийского, Малалы и Прокопия Кесарийского для конкретизации тезиса марксистской историографии о революционном характере перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Восточно-Римской (Византийской) империи.

Ростом принципиальности, требовательности характеризуются и новейшие рецензии на византиноведческие работы.⁴

Таким образом, все новейшие работы византинистов народнодемократической Болгарии убедительно свидетельствуют о крупных успехах этого раздела болгарской историографии. Болгарское византиноведение уверенно идет по пути творческого освоения марксистско-ленинской теории и методологии.

Вместе с тем, однако, эти же самые работы не менее убедительно свидетельствуют и о том, что характеристика основных недостатков в развитии болгарской науки, литературы и искусства, развернутая в докладе Вылко Червенкова VI съезду БКП (февраль 1954 г.), относится и к византиноведению.

Однако, несмотря на крупные успехи болгарского византиноведения, ряд важнейших вопросов византийской истории не получил еще должного отражения в опубликованных до сих пор византиноведческих работах. Мы имеем в виду такие вопросы, углубленная разработка которых настоятельно требует широкого привлечения археологического материала. Это вопрос о состоянии и развитии сельскохозяйственной и ремесленной техники в Византии, это вопрос о материальных условиях жизни различных классов византийского населения, особенно широких народных масс, вопрос о влиянии славян на византийское народное искусство и многие другие проблемы.

Разработка археологического материала несомненно откроет перед болгарскими византинистами широкие и, как показал опыт совме-

¹ В. Николаев, ук. соч., стр. 230.

² Там же, стр. 150.

³ Исторически преглед, год. VIII, 1951—1952, кн. 2, стр. 143—165.

⁴ Кроме уже упоминавшейся выше рецензии П. Петрова на вторую часть „Истории Византии“ Ангелова, укажем обстоятельную рецензию Кр. Миятева в т. XVIII „Известий на Бълг. археол. инст.“ (1952, стр. 424—433) на византиноведческие, главным образом статьи вып. IV „Разкопок и проучвания“.

стной работы историков и археологов СССР, весьма многообещающие перспективы. Особенно теперь, когда сама археологическая наука в Болгарии успешно перестраивается на основе марксизма-ленинизма.¹

Широкая программа борьбы за дальнейший расцвет болгарской науки, литературы и искусства, намеченная VI съездом Болгарской Коммунистической партии, создает все необходимые условия и для полного устранения всех недостатков в развитии византиноведения в народнодемократической Болгарии.

Э. В. Удальцова

НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИИ

(О книге Jack Lindsay „Byzantium into Europe“. London, 1952, 485 стр.)

В числе византиноведческих исследований, вышедших за последние годы на Западе, выделяется книга прогрессивного английского писателя Джека Линдсея „Влияние Византии на Европу“.

Линдсей — прогрессивный английский писатель, давно известный своими художественными произведениями и научно-популярными трудами в области главным образом литературоведения. В своих романах, посвященных событиям английской буржуазной революции XVII в., Линдсей воздает должное революционно-демократическим традициям английского народа.

Рецензируемая книга по истории Византии является свидетельством того плодотворного воздействия, которое оказывает марксистско-ленинская методология на передовых деятелей буржуазной интеллигенции, работающих в области общественных наук.

В нашей печати отмечалась деятельность группы английских прогрессивных историков, в том числе и медиевистов, указывались их достижения и слабые стороны, имеющие место в их работах. До сих пор круг исследовательских проблем, которые изучались этими историками, ограничивался преимущественно историей стран Запада. Вопросы Византии специально занимался только один ученый-марксист — Роберт Браунинг: ему принадлежат статьи о восстании зидотов в Салониках в 1342 г. (опубликовано в болгарском „Историческом прегледе“ за 1950 г., № 6) и об антиохийском восстании 387 г. (опубликовано в „Journal of Roman Studies“ за 1952 г.). С появлением книги Линдсея в область исследования передовой английской историографии впервые вошла история Византии в целом.

Самый факт обращения прогрессивного писателя к византийской истории чрезвычайно отраден. Создание подлинной истории Византии, прежде всего истории ее настоящих творцов, создателей византийской культуры, — это весьма важная задача прогрессивной зарубежной медиевистики. С этой точки зрения книга Линдсея безусловно представляет определенный интерес.

Правда, эта книга является научно-популярным трудом, тем не менее она может быть расценена как первая, не только в английской, но и вообще в западноевропейской историографии, попытка освещения ви-

¹ Первая научная сессия на Археологическом институте. София, 1950; см. также сборники „Разкопки и проучвания“ (изд. Българ. Акад. на науките — Народн. археол. музей) и новые тома „Известия на Археол. инст.“.

зантийской истории с точки зрения марксизма. Книга Линдсея, несмотря на содержащиеся в ней ошибки и недостатки (отчасти проистекающие и от того, что автор ее не является специалистом-историком), углубляет теоретическое понимание ряда вопросов этого немаловажного раздела средневековой истории; она содействует развитию прогрессивной науки в Англии.

Именно поэтому книга Линдсея встретила неодобрительную оценку со стороны некоторых представителей буржуазного византиноведения, которые видят, что применение исторического материализма к истории Византии ведет к коренной перестройке этой области исторической науки.

Она встретила необоснованную оценку в литературном приложении к газете „Таймс“ (от 12 декабря 1952 г.). К этой оценке книги Линдсея присоединился профессор Гарвардского университета Глэвиль Дауней.¹

Книга Линдсея состоит из шести частей: 1) обстановка места действия; 2) очерк истории Византии; 3) формы базиса и государства и формы политической борьбы; 4) борьба в области религии; 5) искусство, драма, музыка, литература; 6) внешние сношения и влияния.

Автор пишет, что целью, которую он преследовал при написании этой книги, было не только рассказать об истории Византии и ее культуре, но показать также роль, сыгранную ею в формировании культуры всей Европы. По его мнению, невозможно понять историю Восточной или Западной Европы, не принимая во внимание Византии и исходящего из нее влияния (стр. 10).

Значение Византии Линдсей видит прежде всего в том, что ее история обнаруживает все переходные формы от античности к средневековью: „Вследствие того, что большое количество форм и идей было сохранено византийским миром от античного государства, он оказался способным, — пишет автор, — дать остальной Европе на много столетий направление в сторону развития новых социальных отношений. В этом процессе Византия питала Европу культурными и политическими формами и сделала возможным переход в средневековое общество максимума важных достижений античного прошлого“ (стр. 456).

Под этим углом зрения Линдсей и рассматривает историю Византии и ее культуры.

Ознакомление с содержанием разделов его книги, в которых рассматриваются пути исторического развития Византии, свидетельствует о том, что работа Линдсея выгодно отличается от произведений тех современных буржуазных византинистов, которые сводят историю Византии к истории императоров и к истории церкви.

Переход от Римской империи к Византии Линдсей понимает как переход от рабовладельческого строя к феодальному. С полным основанием автор утверждает, что главной причиной кризиса поздней Римской империи был упадок рабовладельческой системы хозяйства. Правда, он в некоторой степени платит дань традиционной для буржуазной историографии точке зрения, согласно которой большую роль в этом кризисе сыграло отсутствие устойчивых рынков, но идет дальше и подчеркивает невозможность при рабовладельческом способе производства развивать технику (стр. 24).

Большой заслугой автора является то, что падение Римской империи он рисует в виде результата революционных движений колонов, рабов,

¹ Рецензия, опубликованная в журнале „Speculum“ (1953, т. XXVIII).

солдат, — движений, направленных против рабовладельческого государства. В противоположность тем буржуазным историкам, которым чуждо понимание классовых основ императорской власти в Риме, Линдсей неоднократно подчеркивает, что император выражал интересы класса крупных земельных собственников в целом, что императоры пытались спасти старую разрушавшуюся систему хозяйства (стр. 29, 57 и др.). Поэтому, говорит автор, борьба угнетенных масс народа не могла не направляться против Римского государства.

Отношение к классовой борьбе, оценка ее исторического значения опять-таки коренным образом отличают книгу Линдсея от трудов некоторых реакционных буржуазных византинистов. В то время как последние склонны осуждать движение народных масс и усматривают в нем лишь „нарушение правопорядка и законности“, „бессмысленный мятеж“, — автор рецензируемой книги видит в классовой борьбе движущую силу исторического развития (стр. 57 и др.). Революционные восстания народных масс в Римской империи, пишет Линдсей, „решительно расшатали базис античного государства“ (стр. 457) и создали возможность перехода общества на путь феодального развития (стр. 28).

Здесь уместно отметить, что именно оценка Линдсеем значения классовой борьбы в истории поздней Римской империи вызывает особенно резкое возмущение рецензента из литературного приложения „Таймс“, по словам которого источники якобы не дают никаких оснований для подобных выводов. Однако исследованиями советских античников и медиевистов твердо установлено, что переход от античной рабовладельческой формации к феодальной имел глубоко революционный характер.

Идею о прогрессивной роли классовой борьбы автор стремится провести и в остальных разделах своей работы. С этой идеей теснейшим образом связана другая важная мысль: историю творят не отдельные личности, но народные массы. Известно, что многие современные буржуазные историки при рассмотрении вопроса о переходе от античности к средневековью на первый план ставят личность императора Константина, правление которого якобы открыло новую эру в истории (см. работы Пиганьоля, Фогта, Холсвипла, Хённа и др.). Линдсей не отрицает значения мероприятий, осуществленных тем или иным императором, но отмечает, что нельзя забывать решающей роли, которую в процессе перехода к средневековому обществу сыграли массы бесчисленных колоннов, рабов, крестьян, солдат, ремесленников (стр. 68).

Принципиально новым для византиноведческой литературы Запада является и выдвинутое в книге Линдсея понимание истории церкви и ересей. Союз императорской власти с христианской церковью, объясняемый некоторыми буржуазными историками как результат „внутреннего озарения“ Константина, автор рецензируемой книги расценивает в качестве прямого результата кризиса III в.: обострение классовой борьбы вынудило императоров привлечь на свою сторону христианскую церковь с целью укрепления расшатывающегося государства (стр. 29—30). Автор справедливо подчеркивает, что в обстановке гибели Римской империи, равно как и в условиях раннего средневековья, широкие народные движения естественно должны были принимать форму религиозной ереси. Он правильно полагает, что за богословским одеянием религиозных еретических учений скрывалось социальное и политическое содержание, и делает небезынтесную попытку вскрыть его. Характерное для ряда ересей стремление „очеловечить“ Христа, отрицание его божественной природы Линдсей связывает с тем, что народные

массы были склонны понимать Христа как народного героя, не только искупившего грехи человечества, но вместе с тем освободившего угнетенных от рабства и основавшего царство социальной гармонии. Противоречие между подобной идеей и суровой действительностью преломлялось в умах еретиков в виде противоречия между богом-сыном и богом-отцом. Отсюда было недалеко от отождествления бога с государством, и это отождествление, по мнению Лидсея, в той или иной мере делалось еретиками (стр. 180).

Исходя из понимания религиозной ереси как своеобразной исторически обусловленной формы классовой борьбы, Линдсей рассматривает различные еретические движения в Римской империи и в Византии. Привлекая значительный фактический материал, он останавливается на оценке арианства, движения монофизитов, несториан, иконоборцев, павликиан, богомилов и других народно-еретических выступлений. Линдсей подчеркивает, что в них, как правило, имели место попытки „социального приложения евангелия“ (стр. 197). Так, например, движение павликиан отражало борьбу византийского крестьянства против усилившегося его закрепощения, а поражение павликиан означало, по мнению автора, торжество феодального государства и было связано с исчезновением свободной сельской общины в результате феодального подчинения крестьянства (стр. 240—243).

В предлагаемом автором объяснении социальной сущности ересей не все представляется доказанным и бесспорным (он и сам сознает предварительный характер своего анализа этой проблемы), но следует приветствовать то, что он, выдвигая совершенно правильное положение о связи еретических движений с классовой борьбой народных масс, не ограничивается постулированием его в общей форме, а стремится вскрыть эту связь в ее конкретном выражении.

Линдсей придерживается понимания феодализма как такого общественного строя, который основывается на эксплуатации феодалами крестьян, эксплуатации, осуществляемой путем присвоения господствующим классом феодальной ренты. Исходя из этого, он утверждает, что Византия в средние века была столь же феодальным государством, как и страны Западной Европы.

Видную роль в процессе становления византийского феодализма Линдсей отводит возрождению общинных отношений, которое было связано со славянскими вторжениями на территорию империи (стр. 82, 139 и др.). Как видим, и в данном случае автор рецензируемой книги стоит на принципиально иных позициях по сравнению с теми, которые занимают в своем большинстве современные буржуазные византинисты, всячески пытающиеся принизить или вовсе отрицать значение славянской колонизации Византии. В возрождении сельской общины Линдсей справедливо усматривает основу перестройки византийского общества, происшедшей в VIII—IX вв.

Другим важным моментом, который способствовал, по его мнению, этой перестройке, была иконоборческая политика византийских императоров. Оценка, даваемая автором иконоборчеству, отличается, на наш взгляд, противоречивостью. С одной стороны, он с полным основанием проводит четкое разграничение между иконоборческим движением народных масс и политикой Исаврийской династии, направленной против церковного землевладения; заслуживает внимания мнение его о том, что отрицательное отношение павликиан к иконам может быть полностью объяснено внутренними противоречиями византийского общества, без привлечения такого фактора, как влияние мусульманства (стр. 222).

С другой стороны, однако, определение иконоборческого движения как „первой Реформации“ и стремление сблизить его с Реформацией XVI в. (стр. 85) обнаруживает недостаточно ясное понимание автором социальной сущности реформационного движения; проводимое автором сближение является поверхностным.

Линдсею чуждо распространенное в буржуазной византиноведческой литературе представление о македонских императорах как „защитниках крестьянства“. Он указывает, что императоры не могли приостановить разорения и закрепощения крестьян, так как опирались на феодалов, их закрепощавших (стр. 150—152).

Укрепление власти феодалов и стоявшего на страже их интересов государства, пишет Линдсей, сделало возможным для Византии оставаться мировым центром на протяжении четырех столетий (стр. 228). Но с XIII в. начинается упадок Византийской империи. Византия перестает оказывать на другие страны то мощное влияние, которое она распространяла в предшествующую эпоху. Византия, говорит он, погибла от раздиравших ее внутренних противоречий.

Особенностью Византии было, по мнению Линдсея, то, что здесь на протяжении всей истории византийского общества сохранялось централизованное государство. В то время как на Западе возникает город-коммуна, в котором были заложены возможности развития буржуазных отношений, в Византии не было развития городов такого типа (стр. 99, 456—457). Византийская торговля с Западом, полагает Линдсей, во многом способствовала подъему европейских городов, но в самой Византии город до конца сохранял черты античного полиса и его развитие задерживалось государственным контролем (стр. 164—165). В XIV в. городское население Византии делало попытки добиться самостоятельности, необходимой для того, чтобы вступить на тот путь развития, по которому пошли города Италии, — таково, по мнению Линдсея, восстание зилотов; но эти силы были недостаточно развиты, а их противник — все еще слишком могущественным (стр. 254—257).

Мнение Линдсея о том, что византийское государство являлось препятствием для развития самостоятельности городов, укрепление связей между которыми сделало бы возможным образование национального государства, как это имело место в ряде стран Европы, вызывает интерес. Однако представляется необходимым привлечь для объяснения упадка византийского государства также некоторые другие факты первостепенного значения, которые автор обходит молчанием, — прежде всего кризис феодальной системы хозяйства, переживавшийся Византией в XIV—XV вв.

Разбор приведенных выше положений книги Линдсея, трактующих о весьма существенных сторонах исторического процесса в Византии, свидетельствует о том, что автор по ряду важнейших вопросов решительно порывает с традициями буржуазной историографии. В этой связи следует отметить и критическую оценку, даваемую им концепциям буржуазных византинистов. Останавливаясь на разборе наиболее известных сочинений западной византинистики (Гиббон, Финлей, Бьюри), Линдсей показывает классовую ограниченность мышления буржуазных историков, подчас фальсифицировавших историю Византии. Историографический очерк Линдсея неполон: он разбирает, в основном, работы, в которых недооценивается роль Византии в истории средневековья, но проходит мимо распространенной на Западе точки зрения на византийское государство как на образец „сильной власти“ и „оплот порядка“ против народных возмущений. Однако хотелось бы подчеркнуть крити-

ческую оценку, которую автор дает мнениям известного современного социолога А. Тойнби. В этой критике Линдсей опирается на правильное понимание интересов английского народа (стр. 463—467).

Заслугой Линдсея является то, что, отказываясь от многих традиционных представлений буржуазного византиноведения, он объективно, с непредвзятой точки зрения подходит к работам советских историков, указывая, что они впервые сумели достигнуть глубокого понимания природы и характера развития византийского общества (стр. 463). Нетрудно убедиться в том, сколь многим обязан сам Линдсей советским историкам в деле выработки своей концепции истории Византии. В ряде важнейших вопросов: роль классовой борьбы в истории, деятельность народных масс как решающая сила развития общества, подход к пониманию религиозно-еретических движений, трактовка государства как надстройки над социальным базисом и т. д., — Линдсей стоит на позициях марксизма, что коренным образом отличает его работу от большинства сочинений по истории Византии, выходящих на Западе, методологической основой которых является сугубо идеалистическое понимание истории.

Но вместе с тем в рецензируемой книге содержатся ошибочные положения, которые заслуживают специального рассмотрения.

Прежде всего Линдсей, правильно указывая на феодальную ренту как на материальное выражение феодальной эксплуатации крестьянина, явно недооценивает значения феодальной собственности на землю. Он полагает, что причиной уплаты крестьянином ренты феодалу было исключительно принуждение; никакой экономической основы ренты он не видит (стр. 454). Эта ошибка объясняется тем, что автор не ставит вопроса о природе феодальной собственности на землю; если бы такой вопрос был им поставлен, то он бы убедился в том, что собственность феодала на землю предполагала вместе с тем и принуждение по отношению к сидящему на этой земле и ведущему на ней свое хозяйство крестьянину. Следовательно, само внеэкономическое принуждение было экономически обусловлено, а именно — оно было обусловлено собственностью феодала на землю, обрабатываемую крестьянином.

Далее, основательно полагая, что поворот в Римской империи в сторону феодализма относится к III в., и показывая, как мы видели выше, роль народных восстаний в истории падения рабовладельческого строя, Линдсей не обращает должного внимания на другую сторону этого процесса — на вторжения в Римскую империю варваров. Он считает, что на Западе имело место не завоевание, а „допущение в империю германских федератов и подданных“ (стр. 387). В данном случае автор, повидимому, находится в плену представлений, культивируемых многими буржуазными медиевистами.

Вторая половина книги Линдсея посвящена изучению византийской культуры и влиянию ее на культуру других народов. Автор собрал значительный конкретный материал о развитии различных отраслей византийской культуры, и эти разделы читаются с большим интересом. Линдсей здесь постоянно подчеркивает, что культурное развитие Византии определялось теми импульсами, которые оно получало от народного творчества. Автор справедливо упрекает буржуазных историков в том, что они не сумели увидеть источников творчества, заключенных в народе Византии, и скользили вследствие этого по поверхности явлений (стр. 286).

Интересна высказываемая Линдсеем мысль о противоречивости византийского искусства и литературы, причем автор склонен связывать эту противоречивость, повидимому, не только со столкновением различ-

ных влияний (античных, восточных и т. д.), но и с внутренней социальной борьбой, которая раздирала Византию.

Линдсей подробнейшим образом прослеживает следы византийского культурного влияния на культуру Запада. В данном случае он вправе говорить о том, что не имеет себе предшественников. Буржуазные византилисты охотно пишут о византийском влиянии на славян и на Русь, сплошь и рядом они вообще отрицают самобытность славянской культуры в средние века, пытаясь выдать ее за предмет византийского экспорта, но о византийском влиянии на народы Западной Европы не написано почти ничего. Линдсей стремится восполнить этот пробел: он собрал много данных, свидетельствующих об усвоении европейцами ряда элементов византийской культуры (имея в виду, что сама византийская культура была весьма сложным комплексом). Думается, однако, что, задавшись этой целью и сосредоточив свое внимание на интересующем его вопросе, автор несколько утратил перспективу, вследствие чего ему не удалось избежать определенных ошибок.

Мы не собираемся оспаривать отдельные оценки автора относительно византийского влияния на Европу: было ли оно в самом деле, как он пишет, „фундаментальным“ (стр. 290) и т. д. Нам хотелось бы остановиться на принципиальной ошибочности некоторых выдвинутых им положений. Когда Линдсей пишет, что „готика была византийским искусством, подчиненным нуждам и интересам молодого западного города, новой коммуны“ (стр. 296), или что мастера раннего Возрождения (например, Джотто) оставались „провинциальными художниками византийского мира“ (стр. 302); когда он утверждает, что предпосылки итальянского Ренессанса нужно искать в Византии (стр. 340) или что работа западной философии с XII по XV в. заключалась якобы скорее в усвоении византийско-арабского наследства, чем в самостоятельном научном изыскании (стр. 412) и т. п., то независимо от того, в какой мере в каждом из этих случаев имело место византийское влияние (мы отнюдь не склонны его отрицать), автор совершает серьезную ошибку, заключающуюся в том, что он ищет источники культурного развития не в самом общественном строе европейских стран, а во внешнем влиянии, которое, как уже говорилось, он считает „фундаментальным“.

Не вызывает никакого сомнения, что готика, какие бы элементы ни принимали участия в ее формировании, была искусством западноевропейским, а не византийским, точно так же, как Джотто был представителем раннего итальянского гуманизма, а не провинциальным византийским мастером, на каких бы образцах он ни учился. Сказать, что творчество Абеяра, Роджера Бэкона, мыслителей и ученых итальянского Возрождения сводилось к „акклиматизации византийско-арабской мысли“, значит игнорировать экономический подъем Европы, приведший к росту городов и к появлению в XIV—XV вв. молодой буржуазии в отдельных областях Италии. Иными словами, сводить все дело к влиянию или к приспосабливанию чужих, на стороне выработанных идей к местным потребностям — значит серьезно отступать от марксистского учения о базисе и надстройке. Поэтому, несмотря на делаемые автором оговорки, ему не удастся с полной ясностью показать действительной степени влияния, оказанного Византией на культуру окружающих ее стран, в частности стран Европы.

Отмеченные недостатки снижают научный уровень рецензируемой книги.

Подводя итоги, следует сказать, что книга Линдсея является первым опытом марксистского освещения ряда сложных и неразработанных

ных проблем истории Византии в английской литературе. По своей методологической направленности и многим выводам она представляет собой новое и притом весьма положительное явление в зарубежном византиноведении.

Именно поэтому выход в свет этой книги встретил в высшей степени сочувственный отклик у прогрессивных английских историков. Английский ученый Р. Браунинг в своей рецензии на работу Линдсея¹ справедливо подчеркнул крупные достоинства этой книги. Он указал, что в ряде вопросов истории Византии Линдсей вносит существенные коррективы в господствующие в науке взгляды. Книгу „Влияние Византии на Европу“ он характеризует как исследование, которое будит исследовательскую мысль и заставит ученых пересмотреть многие традиционные взгляды.

Необходимо особенно подчеркнуть то обстоятельство, что работа прогрессивного английского писателя наносит новый удар лженаучной теории, приверженцы которой противопоставляют „дивилизованный“ Запад „закостенелому и неподвижному“ Востоку. И нельзя не согласиться с Браунингом, который пишет, что книга Линдсея написана с твердым убеждением в том, что цивилизация не может ни строиться, ни сохраняться без содействия всех народов и всех стран. В современной обстановке актуально звучит призыв Линдсея к людям доброй воли, которым заканчивается его книга, о необходимости защиты культуры Европы, созданной всеми ее народами.

А. Я. Гуревич и М. А. Заборов

СВЕДЕНИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ О ГРУЗИИ, т. IV, вып. II

Греческий текст с грузинским переводом издал и примечаниями снабдил
С. Г. Каухчишвили. Институт истории им. акад. И. А. Джавахишвили.
Изд. Академии наук Грузинской ССР, Тбилиси, 1952.

Продолжительные культурные, политические и экономические связи Грузии с Византией нашли отображение в византийских письменных памятниках. Серия книг „Сведения византийских писателей о Грузии“ делает доступным для широкого круга читателей ценный фактический материал, рассеянный в малодоступных изданиях византийских письменных источников.

Первый выпуск IV тома названной серии был издан в 1941 г., второй выпуск вышел со значительным опозданием. Во втором выпуске IV тома помещены выдержки из произведений следующих византийских авторов: Василия Софенского, Никифора Константинопольского, Николая Мистика, Константина Багрянородного, Иосифа Генесия, Георгия Амартола, лексикографа Свиды и Продолжателя Феофана.

Издателем даются краткие сообщения относительно каждого автора, греческий текст с грузинским переводом и примечания, а также указываются научные издания текстов и монографическая литература на русском и иностранных языках.

¹ Labour Monthly, ed. R. Palme Dutt, October, 1953, стр. 479—480.

В данном выпуске более полно представлены византийские списки патриархов с указанием территории подчиненного им клира и выдержки из работ Константина Багрянородного, как то: „De administrando imperio“, „De caerimoniis“ и „De thematibus“. В названных работах Константина Багрянородного даны ценные сведения о политической и экономической жизни Иберии IX—X вв. Заслуживают внимания указания Иосифа Генесия и Продолжателя Феофана относительно участия грузин в восстании Фомы Славянина (821—823).

Книга снабжена указателем собственных имен (к обоим выпускам т. IV) и двумя приложениями, которые представляют ценные научные изыскания издателя. Первое приложение: „Сведение насчет Зиганевы в древнегрузинской письменности“, в котором автор устанавливает местонахождение названного пункта Зиганевы, епископского центра Лазской епархии, между Абсароном и Бичвинтой. Второе приложение: „След «Истории» Никифора Константинопольского в древнегрузинской письменности“. Автор высказывает предположение, что в древнегрузинском литературном произведении „Об осаде Константинополя“ имеется след „Истории“ Никифора, и варианты различия могут быть использованы в целях изучения греческого текста.

Поставленная издателем задача — выявить сведения о Грузии в византийских источниках и облегчить соответствующими примечаниями понимание исторических фактов — вполне разрешена.

Ш. В. Абрамидзе

В. Н. ЛАЗАРЕВ. К ВОПРОСУ О „ГРЕЧЕСКОЙ МАНЕРЕ“, В ИТАЛО-ГРЕЧЕСКОЙ И ИТАЛО-КРИТСКОЙ ШКОЛАХ ЖИВОПИСИ (ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИЙСКОЙ ЖИВОПИСИ)

Ежегодник Института истории искусств, 1952, Живопись, архитектура.
Изд. Академии Наук СССР. М., 1952, стр. 152—200

Обширная статья В. Н. Лазарева, опубликованная в Ежегоднике Института истории искусств, представляет для советской науки двойной интерес. С одной стороны, как явствует уже из ее подзаголовка, она дает резкую, серьезно-аргументированную критику глубоко-консервативных взглядов некоторых зарубежных ученых; с другой — она содержит весьма важный материал для правильного определения значительной группы художественных памятников. В музеях Советского Союза хранится большое число образцов той живописи, о которой идет речь в рецензируемой статье: их отнесение к одной из трех рассматриваемых автором групп имеет существенное практическое значение.

Исходным пунктом для критики В. Н. Лазарева послужили книги С. Беттини¹ и Ф. Швейнфурта,² отбрасывающие, по его словам (стр. 153), науку назад лет на двадцать. Они слепо повторяют сужде-

¹ S. Bettini. La pittura di icone cretese-veneziana ed i Madonneri. Padova. 1933.

² Ph. Schweinfurth. Geschichte der russischen Malerei im Mittelalter. Haag, 1930.

ния Н. П. Кондакова и Н. П. Лихачева (высказанные в 1911 г. и впоследствии самими авторами частично пересмотренные), преувеличивавших роль итало-греческой школы, ложно приписывавших ей, в частности, влияние на развитие древнерусской живописи. Русские ученые писали тогда, когда многие византийские и русские памятники еще не вошли в научный оборот, они еще не знали искусства XIII в.

„Правильно открыв в итало-греческих иконах следы итальянских влияний, — пишет Лазарев, — Кондаков и Лихачев механически сделали их проводниками этих же влияний в византийской и русской живописи. При этом они совершенно упустили из виду, что итало-греческие иконы были поздними памятниками, исполненными уже тогда, когда давно сложился не только палеологовский стиль, но и стиль русской живописи XIV в.“ (стр. 160). Далее автор дает попытку объяснения возникновения подобных взглядов в русской науке начала XX в.

Возврат к этим воззрениям Кондакова и Лихачева представляет невероятный анахронизм; однако, поскольку современные реакционные ученые их возрождают, статья В. Н. Лазарева вполне своевременна.

Швейнфурт и Беттини путают памятники „греческой манеры“, итало-греческой и итало-критской живописи. Ясности в этом вопросе не существует и в советской науке. Попытка четкого разграничения трех художественных направлений и определения „конкретного исторического содержания“ (стр. 153) каждой из них имеет несомненный научный интерес.

„Греческую манеру“ В. Н. Лазарев характеризует как один из этапов в развитии искусства Италии в XIII в. Он считает это византизирующее направление (где слились романские элементы с византийскими) „передовым для своего времени явлением“ (стр. 154), хотя и заключающим некоторые противоречивые черты. Постепенно, уже к концу XIII в., византизм в Италии превращается в отсталое течение, утрачивая свой творческий характер.

Этой манере, входящей „органической составной частью в историю итальянского искусства“ (стр. 156) автор противопоставляет итало-греческую или итало-византийскую школу, воспринимая ее, как упадочное эклектическое явление XIV—XV вв. В. Н. Лазарев считает эти памятники произведениями греческих художников, исходивших из поздне-византийских образцов с их сухой манерой письма, начинавшими застыть формами. При этом греческие иконописцы-эмигранты, оседавшие в Италии в XIV в., по его мнению, „были, повидимому, далеко не лучшими византийскими художниками“ (стр. 162), а их потребителями — отнюдь не широкие демократические круги (стр. 165).

Итало-греческая школа никак не могла быть источником так называемого палеологовского стиля XIV в., тем более она не сыграла сколько-нибудь заметной роли в истории древнерусского искусства.

Наконец, итало-критскую школу В. Н. Лазарев рассматривает как поздний вариант итало-греческой (стр. 162), как „явление запоздалое и глубоко упадочное“ (стр. 170). „Поскольку «критская» теория имеет столь многочисленных защитников“ (стр. 170), он считает нужным подвергнуть ее особо внимательному рассмотрению. Проследившая, в меру возможного, историю развития критской школы, автор справедливо отмечает незначительную роль Крита в истории искусства, особенно в XIV—XV вв., когда здесь была одна из „бесчисленных провинциальных школ Византийской империи“ (стр. 172).

Недавно умерший выдающийся французский ученый Г. Милле создал необоснованную теорию об особом значении македонской и критской

школ в византийском искусстве XIV—XV вв. Он объединил под этими понятиями чрезвычайно разнообразные, далеко отстоящие друг от друга памятники, включая в критскую школу даже творения Феофана Грека и Андрея Рублева. Основанием для подобной точки зрения является сходство иконографии. В. Н. Лазарев указывает, что „намеченные им (Милле, — А. Б.) школы лишены самого элементарного стилистического единства“, и далее — „для того, чтобы отнести все эти памятники к одной школе, надо было отвлечься от их стиля и искусственно расщепить художественный образ, отделив иконографию, т. е. то, что изображено, от средств живописного изображения, т. е. от того, как это изображено“ (стр. 174). Автор упрекает Милле в том, что он обходит молчанием константинопольскую школу, которая играла в эпоху Палеологов ведущую роль. Справедливость, однако, требует отметить, что сам Милле указывает на малое число известных ему константинопольских памятников;¹ далее он же подчеркивает, что в задачи данного исследования входит лишь иконография Евангелия. Порой кажется, что критская и македонская школы являются для него в известной мере условными обозначениями.

Если В. Н. Лазарев прав в своей критике теории Милле, получившей чрезвычайно широкое распространение в науке, если верно, что французский ученый недоучитывает эволюцию основной линии искусства во второй половине XIV в. (смену живописного стиля графическим), то нам приходилось уже высказывать сомнение², насколько прав сам Лазарев, категорически отрицая различные направления в византийском искусстве конца XIV—XV в. Процесс, видимо, протекал не столь прямолинейно, как это кажется автору (стр. 179—181).

Убедительной представляется критика точки зрения Беттини, отрицающего „с позиций венецианского, узко-местного шовинистического патриотизма“ (стр. 182) факт существования самостоятельной критской школы и усматривающего влияния Венеции не только на Крит, но даже и на Мистру уже в XIV в. „Попытку Беттини доказать существование уже в XIV в. критско-венецианской школы следует признать совершенно неудавшейся“ (стр. 182).

Последний вопрос, освещаемый в статье В. Н. Лазарева, — проблема венецианской живописи треченто (стр. 189—190), ее отношение к „греческой манере“ и к итало-критской школе. Доказывая, что в Венеции расцвет этой манеры падает не на XIII, а на XIV в., автор устанавливает, что исходным пунктом для венецианских мастеров явилась византийская живопись XIV в., а не искусство периода Комнинов.

Подводя итоги, можно сказать, что основная критическая сторона статьи В. Н. Лазарева представляется вполне убедительной и своевременной. Мираж критской школы, якобы определявшей развитие византийской и русской живописи, рассеян. Одновременно хотелось бы выразить сожаление по поводу того, что автор дает слишком беглую характеристику трех противопоставляемых им художественных школ. Выше уже говорилось о том, что в музеях Советского Союза имеется немалое число относящихся к этим школам памятников. Не секрет, что датировка и определение многих из них являются до настоящего времени спорными. Уточнение критериев для максимально точного определения каждой школы и для датировки представляется поэтому весьма важным. Очевидно, В. Н. Лазареву они ясны (хотя он и оговаривается

¹ G. Millet. Recherches sur l'icônographie de l'évangile. Paris, 1916, стр. 630.

² Виз. вр., т. VII, 1953, стр. 268.

на стр. 165, что „датировка итало-греческих икон является делом весьма трудным“), но не всегда убеждают читателя: так, например, неясно, почему икону богоматери, воспроизведенную на стр. 189, или образ Георгия и Димитрия (стр. 168) автор относит к итало-греческой школе позднего XV в., а не к итало-критской XVI в. Данная им самим характеристика этих памятников (стр. 166) казалось бы соответствует именно этой, более поздней, дате. Подобные неясности имеются и в других случаях.

Соглашаясь с В. Н. Лазаревым в том, что произведения итало-критской школы XVI—XVII в. „не согреты дуновением живого искусства“ (стр. 188), полагаем, однако, что их дальнейшее изучение представляет интерес не только в „плане церковной археологии“ (стр. 188), но и с целью исследования одной из разновидностей художественного ремесла. К этому обязывает богатство собраний советских музеев.

А. В. Банк

К ВОПРОСУ О ЛИЧНОСТИ ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА

В опубликованных работах „Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита“¹ и „Руставели и Восточный Ренессанс“² действительный член Академии наук Грузинской ССР проф. Ш. И. Нуцубидзе выступает с весьма интересной, на первый взгляд, научной гипотезой. Он пытается доказать, что один из крупнейших мыслителей христианского мира, известный под именем Дионисия Ареопагита, был не Дионисием, членом афинского ареопага, которого, по рассказу „Деяний“, апостол Павел обратил в христианство,³ а грузинским царевичем Мурваном (424—492), смолоду попавшим в качестве заложника в Константинополь во дворец императора Феодосия II и получившим в Афинах (вероятно, под руководством Прокла Диадоха) философское образование, но потом впутанным в какую-то придворную интригу и принужденным удалиться в Сирию. Здесь царевич Мурван постригся в монахи, приняв имя Петра, а впоследствии занял пост епископа местечка Майумы, близ города Газы. По гипотезе проф. Нуцубидзе, этот майумский епископ Петр, прозванный по месту своего происхождения Ивером, т. е. Грузином, и был действительным автором философских трактатов „Об именах божиих“, „О мистической теологии“, „О небесной иерархии“, „О церковной иерархии“, которые потом получили широкое распространение под ложным названием произведений Дионисия Ареопагита, — т. е., Петр Ивер был Псевдо-Дионисием Ареопагитом.

Таково вкратце содержание гипотезы, выдвигаемой Ш. И. Нуцубидзе.

Нельзя не отметить, что до сих пор эта гипотеза не нашла себе никакой оценки на страницах наших журналов, несмотря на статью Л. М. Меликсет-Бека, призывавшую ученых мир откликнуться на труд проф. Ш. И. Нуцубидзе.⁴

Судя по работам Ш. И. Нуцубидзе, мысль объявить Петра Ивера Псевдо-Дионисием была подсказана ему Густавом Крюгером, который в статье „Wer war Pseudo-Dionysius“ высказал предположение, что

¹ Ш. И. Нуцубидзе. Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита. Тбилиси, 1948. В дальнейшем цитируется сокращенно: Тайна.

² Ш. И. Нуцубидзе. Руставели и Восточный Ренессанс. Тбилиси, 1947. В дальнейшем цитируется сокращенно: Руставели.

³ Деяния, XVII, 34.

⁴ Виз. вр., т. II, 1949, стр. 373—375.

автором ареопагитики мог быть некий сириец Дионисий.¹ Связав предположение Крюгера с сообщением из другого источника, что сириец Дионисий был знаком с Петром Ивером,² Ш. И. Нудубидзе пришел к выводу, что не сириец Дионисий, а грузин Петр должен был быть автором ареопагитики.³ Таким образом, главное положение работ Нудубидзе было легко найдено, и оставалось только обосновать его.

Если принять за исходный пункт мнение Лаврентия Валлы, впервые доказавшего подложность ареопагитских книг, тогда естественнее всего было бы предположить, что „Corpus Dionysiacum“ принадлежит человеку, носившему имя Дионисия и поставившему это имя на своих сочинениях. Переписчик же, не знавший их автора, но знакомый с вышеупомянутым рассказом „Деяний“, прибавил к этому имени прозвище „Ареопагит“, отождествив таким образом Дионисия с Дионисием Ареопагитом. Причин такого отождествления могло быть много, но одною из них не невозможно считать самое содержание сочинений Дионисия. Главная мысль одного из этих сочинений („Об именах божиих“, т. I, § 1) состоит в том, что бог непознаваем (ἄγνωστος). Но в рассказе „Деяний“ апостол Павел, обращаясь в Ареопаге с речью к афинянам, говорит, что он пришел открыть им того бога, которому они воздвигли алтарь с надписью „неведомому богу“ (ἄγνωστῷ θεῷ).⁴ Вот этот „неведомый“ (т. е. еще не познанный, но могущий быть познанным) бог, почитателем которого в рассказе „Деяний“ мыслится вместе со всеми афинянами и Дионисий, член Ареопага, легко мог в представлении не очень изоциренного в философских тонкостях переписчика слиться с „непознаваемым“ богом Дионисия, автора сочинения „Об именах божиих“. А отсюда был один шаг до отождествления Дионисия, написавшего сочинение „Об именах божиих“, с Дионисием Ареопагитом.

Однако это естественное предположение не удовлетворяет Ш. И. Нудубидзе,⁵ и он предлагает свою гипотезу, которая, по существу говоря, есть то же самое наше естественное предположение, только вывернутое наизнанку и оттого ставшее искусственным и мало убедительным.

По этой гипотезе, человек, написавший ареопагитику, не носил имени Дионисия, а носил имя Петра; впервые же приписал эти сочинения Дионисию Ареопагиту не никому не известный и, быть может, не очень образованный переписчик, а лучший друг Петра Ивера, большой для своей эпохи ученый и философ Захарий Ритор, бывший „в курсе всей современной литературы в области философии и теологии“,⁶ и прекрасно знавший, кем, когда и при каких обстоятельствах „Corpus Dionysiacum“ был написан.⁷ Короче говоря, совершенно было не совсем благовидное деяние („сознательное извращение действительности“)⁸ и совершил его, не без содействия со стороны Петра Ивера,⁹ Захарий Ритор, которого сам же наш автор называет „писателем и мыслителем вполне серьезным, заслуживающим всякого уважения“.¹⁰

¹ ВЗ, XIII, 1899, стр. 302 сл.

² Richard Raade, Petrus der Iberer, стр. 95 сл.

³ Тайна, стр. 3, 10—11.

⁴ Деяния, XVII, 23.

⁵ Тайна, стр. 2.

⁶ Там же, стр. 15.

⁷ Руставели, стр. 114, 116.

⁸ Тайна, стр. 16.

⁹ Тайна, стр. 23; Руставели, стр. 115.

¹⁰ Руставели, стр. 114.

Какая же причина могла заставить Захария „сознательно извратить действительность“ и, приписав сочинения своего друга Петра Ивера Дионисию Ареопагиту, впервые создать таким способом „тайну Псевдо-Дионисия Ареопагита?“ Почему Петр Ивер не только не воспротивился этому обману, который Ш. И. Нуцубидзе в эвфемистических целях называет „неправдою“, но сам до некоторой степени способствовал ему?

На эти естественно возникающие у читателя вопросы автор дает ответ, который едва ли можно признать вполне удовлетворительным. По его словам, Захарий приписал книги Петра Дионисию для той лишь цели, чтобы поднять их авторитет и тем самым „укрепить позиции монофизитов“. ¹ Но не ясно ли, что поднятие авторитета книг Петра лишь в том случае можно было бы считать полезным для партии монофизитов, если бы было доказано, что содержание этих книг (т. е. ареопагитики) было монофизитское, явно антихалкедонитское? Между тем автор уклоняется от такого доказательства, хорошо, повидимому, понимая, всю его трудность. ² В итоге получается, что Захарий Ритор, приписывая книги Петра Ивера Дионисию Ареопагиту, „говорил неправду“ и „сознательно извращал действительность“ без всякого разумного смысла, что едва ли вероятно.

Но дальше мы узнаем, что Захарий Ритор не просто „говорил неправду“, но создал целую систему искусно придуманных „неправд“. Приписав книги Петра Дионисию, Захарий, по словам автора, заметил, что после такой операции Петр теряет право на звание писателя, и, чтобы „восстановить справедливость“ ³ и вернуть Петру обратно это право, Захарий придумал вторую „неправду“. Такой „неправдою“ считает автор сообщение Захария Ритора о том, что некий Иоанн Александрийский часть своих сочинений выдал за произведения Петра Ивера, делая это с той целью, „чтобы верующие вдалились в обман и приняли их“. Но раз как-то Петру попалось под руку одно из таких сочинений Иоанна, „когда Петр взял его и прочел, то был поражен и проклял того, кто его написал“, ⁴ — таково сообщение Захария, которое автор считает его второй „неправдою“.

По мнению автора, Захарию хорошо было известно, что никакого Иоанна Александрийского никогда не существовало, и этой второй своей „неправдою“ он хотел только сделать „косвенный намек“ на то, что Петр Ивер был писателем и „имел авторское имя“. ⁵ В противном случае нельзя было бы, по мнению Нуцубидзе, понять ни того сообщения Захария, что Иоанн приписал Петру свою книгу, ни другого его сообщения, что Петр проклял фальсификатора только после того, как прочел его книгу. Если Петр Ивер не был писателем, то ему нельзя было бы приписать книги, ибо приписать книгу можно лишь лицу, имеющему имя писателя, кроме того, ведь и до прочтения этой книги Петр, не будучи писателем, не мог не знать, что она фальшива, — так рассуждает проф. Нуцубидзе.

Однако искусственность его соображений настолько очевидна, что нет надобности подробно опровергать их. Захарий не мог выдумать

¹ Тайна, стр. 23, 18.

² В сочинения Псевдо-Дионисия нет признаков монофизитизма. По словам Крюгера (BZ, VIII, стр. 304), „die areopagitischen Schriften sind gerade in Palästina zuerst auch von Orthodoxen benutzt“.

³ Тайна, стр. 19.

⁴ Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharias Rhetor, стр. 18.

⁵ Тайна, стр. 18, 17; Руставели, стр. 115.

рассказа об Иоанне для той только цели, чтобы этим намекнуть на писательство Петра Ивера, так как Захарий не мог не знать, что и не писателю можно приписать книгу. Ведь, по утверждению автора, знал же Захарий Ритор, что Дионисий Ареопагит не был писателем, но это не помешало ведь Захарию приписать Дионисию книги Петра. К этому следует прибавить, что если Захарию непременно хотелось сказать, что „Петр писал книги и имел авторское имя“, как это старается доказать проф. Нуцубидзе, то ведь он мог это сделать совершенно просто, говоря без обиняков, что Петр писал книги, и не прибегая к „неправде“, которая вдобавок даже и не указывает с достаточной определенностью, что Петр был писателем. И, наконец, какая необходимость требовала от Захария сохранять „авторское имя“ за человеком, сочинения которого им же были приписаны другому лицу? Никакой логики здесь в рассуждении проф. Нуцубидзе не видно. В итоге же получается, что Захарий Ритор, этот „заслуживающий полного уважения“ писатель и мыслитель, нагромождая одну „неправду“ на другую и „заведомо ложно“ приписывая сочинения Петра Ивера Дионисию Ареопагиту, создал „тайну Псевдо-Дионисия“¹ только для того, чтобы дать проф. Нуцубидзе повод разгадать ее!

По нашему мнению, раз философ и историк Захарий Ритор, очень близко стоявший к Петру Иверу и даже составивший его биографию (не дошедшую до нас), сообщает, что сочинение „Об именах божиих“ написал Дионисий Ареопагит,² то это доказывает, что оно не было написано Петром Ивером. Если же это сочинение на самом деле не принадлежит Дионисию Ареопагиту,³ то из этого следует, что Захарий не знал его настоящего автора. Тщетно пытается проф. Нуцубидзе укрыться от логики этого простого рассуждения в тумане слишком искусственных построений: попытки его не приводят к убедительным результатам.

Это нужно сказать, между прочим, и об его попытке доказать, что в V в. на всем христианском Востоке „не видно“ и не было, кроме Петра Ивера, другого человека, „которого в какой-либо мере можно было бы рассматривать как возможного автора ареопагитских книг“.⁴ Такая попытка более чем смела со стороны ученого, который не столь давно стал ориенталистом: „невидимое“ для глаз такого ориенталиста не то же самое, что несуществующее в природе. Взяв, вероятно, учебник Ибервега по истории средневековой философии в качестве отправного пункта для своих поисков автора ареопагитики и вообразив себе, что таким путем „среда, в которой возникли ареопагитские книги, поддается точной исторической установке“, проф. Нуцубидзе свел весь христианский Восток к трем городам (Константинополю, Александрии и Газе), а число мыслителей христианского Востока ограничил шестью лицами. Заменяв таким образом реальный христианский Восток и его деятелей представленными в учебнике Ибервега христианским Востоком и его деятелями, Ш. И. Нуцубидзе легко сумел придти к заключению, к которому неудержимо стремился, а именно, что кроме Петра Ивера

¹ Тайна, стр. 11, 18, 17; Руставели, стр. 116.

² Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharia Rhetor, стр. 193.

³ Нужно отметить, что мнение о принадлежности ареопагитики ученику апостола Павла Дионисию имеет до последнего времени своих сторонников в лице видных ученых (Дарбуз, Френкель, Валтенбек, Морис, Шнейдер и др.).

⁴ Тайна, стр. 8.

⁵ Тайна, стр. 6; Руставели, стр. 114.

на Востоке не было человека, способного написать ареопагику.¹ Но это слишком поспешное заключение. Даже и неспециалист по истории христианского Востока мог бы назвать не одно лицо, обладающее всеми признаками, которые, по необоснованному мнению Ш. И. Нуцубидзе, должны были быть присущи человеку, написавшему ареопагику. Чем, например, хуже Петра Ивера соответствует критерию нашего автора Прокопий Газский, брат Захария Ритора, большой знаток философии, автор многочисленных теологических трудов и вдобавок современник Петра Ивера?

Как бы видя в лице Прокопия Газского опасного Петру Иверу соперника на роль автора ареопагики, Ш. И. Нуцубидзе отводит его кандидатуру ссылкой на то, что Прокопий написал полемическую книгу против Прокла, между тем вся ареопагитика, по взгляду Ш. И. Нуцубидзе, без всякой критики повторяющего тут мнение немецких ученых (Коха, Штигльмайра),² базировалась на философии Прокла. Но Ш. И. Нуцубидзе впал в явную ошибку: свое мнение о Прокопии Газском он, повидимому, заимствовал не то из статьи Крюгера,³ не то из второго издания книги К. Крумбахера по истории византийской литературы.⁴ Однако в 1899 г. было уже известно, что Прокопий не писал книги против Прокла,⁵ и ему лишь по ошибке был приписан отрывок из сочинения Николая из Метоны (*Λυκτιζικὴ τῆς θεολογικῆς στοχαστικῆς Προκλου*).

Но если бы даже Прокопий и не мог написать „*Corpus Dionysiacum*“, мало ли на христианском Востоке было образованных и талантливых лиц, кроме Прокопия и Петра Ивера? Возможно, что современники и биографы не называли ни одного из этих лиц ни „вторым Моисеем“, ни „вторым апостолом Павлом“, ни „украшением и гордостью Грузии“, как некоторые называли Петра Ивера. Но это не дает нам права утверждать, что Петр Ивер имеет больше оснований быть признанным за автора сочинений Псевдо-Дионисия, чем эти лица.⁶

Не многим удачнее попытка автора подтвердить свою гипотезу ссылкой на грузинские источники.

По утверждению Ш. И. Нуцубидзе, грузинский философ Иоани Петрици (XII в.), переведший „Элементы теологии“ Прокла, пишет, что он „второй раз“ переводит на грузинский язык это сочинение, намекая этим на то, что до него Петром Ивером был сделан „интерпретированный перевод“ того же сочинения Прокла или „перевод-интерпретация“ (известная под заглавием „Книги о причинах“), о которой Псевдо-Дионисий в сочинении „Об именах божиих“ упоминает как о своей работе.⁷ Отсюда Ш. И. Нуцубидзе делает вывод, что Петрици хорошо знал, что автором ареопагитических книг был не Дионисий, живший в IV в. (т. е. раньше Прокла), а Петр Ивер, живший в V в. (т. е. после Прокла).

¹ Тайна, стр. 6—8.

² H. Koch. Proclus als Quelle des Pseudo-Dionysius. Philologus, 1895, стр. 843—454; J. Stiglmayr. Der Neuplatoniker Proclus als Vorlage des sogenannten Dionysius Areopagita in der Lehre vom Uebel. Histor. Jahrb. d. Görresgesellsch., N. 2, 1895.

³ BZ, VIII, 1899, стр. 304.

⁴ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. 1897, стр. 126.

⁵ J. Stiglmayr. Die Streitschrift d. Prokopios v. Gaza. BZ, VIII, 1899, стр. 273.

⁶ Описывая жизнь Исани, Захария Ритор отмечает, что к Исани обращались за разрешением теологических вопросов, не разрешенных Петром Ивером (Die sogenannte Kirchengeschichte des Zacharia Rhetor, II. Anhang, стр. 270). Но это важное замечание Ш. И. Нуцубидзе пропустил.

⁷ Руставели, стр. 116.

К сожалению, и этот вывод Ш. И. Нуцубидзе не может быть принят, так как он основан на ложных предпосылках. Автор превратно понял слова Петрици, который, как это доказано знатоками древнегрузинского языка, вовсе не говорит, что он „второй раз“ переводит „Элементы теологии“ Прокла. Впрочем, если даже слова Петрици понять так, как их хочет понимать автор, то из них все же не вытекает, что лицо, раньше Петрици переведшее „Элементы теологии“ Прокла на грузинский язык, было непременно Петром Ивером и что этот Петр Ивер был Псевдо-Дионисием, который в сочинении „Об именах божиих“ (гл. I) сообщает, что он написал (а не перевел) „Богословские очерки“ (θεολογικά ὑποτύπωμα), а не „Элементы теологии“ (στοιχειώσις θεολογική).

Займствовав у Коха и Штигльмайра мнение, что сочинения Псевдо-Дионисия написаны на основании „Элементов теологии“ Прокла, Ш. И. Нуцубидзе сперва произвольно приписывает это мнение Иоанну Петрици, чтобы потом самому удивляться, как это Петрици, не читавший ни Коха, ни Штигльмайра, говорил в XII в. то же самое, что лишь в конце XIX в. сказали эти немецкие ученые. Автор не замечает, что причина столь его изумляющего согласия между Кохом—Штигльмайром и Петрици находится не в Петрици, а в самом авторе, ибо факты литературной деятельности Петрици не дают оснований для утверждения, что он знал об ареопагитике то же самое, что говорят о ней Кох и Штигльмайр. Вместо того, чтобы исходить из непосредственного изучения этих фактов, с целью извлечь потом естественно вытекающую из них общую мысль, автор искусственно подгоняет их под предвзятую мысль, в готовом виде вычитанную им из книг, и реального Петрици подменяет вымышленным Петрици. Таким образом, автор не идет дальше репродукции и механического комбинирования чужих мнений, так как лишен прочной основы, доставляемой знанием фактов, а еще точнее — умением самостоятельно добывать эти факты. Вот почему, несмотря на кажущуюся оригинальность его гипотезы о Петре Ивере, она мало оригинальна, будучи сшита из пестрых лоскутков чужих мнений и не являясь органическим продуктом самостоятельного и длительного изучения фактического материала.

Не более убедительных результатов достигает наш автор при рассмотрении другого грузинского источника, привлекаемого им в качестве самого важного доказательства — тождественности Петра Ивера и Дионисия Ареопагита. Таким источником служит поэма Чахрухадзе XII в. „Тамариани“, которую проф. Нуцубидзе цитирует в неточном своем переводе.¹ Заранее вложив в перевод поэмы „Тамариани“ свое мнение о тождественности Петра Ивера с Псевдо-Дионисием, автор потом извлекает обратно это мнение как вполне доказанную истину.

По словам автора, поэт Чахрухадзе так же хорошо, как и все грузинское общество XII в., знал, что под псевдонимом Дионисия Ареопагита скрывается Петр Ивер, но, остерегаясь открыто заявить об этом из боязни навлечь на себя преследование со стороны церковной власти (NB — когда и почему грузинская церковь запретила упоминать о Петре Ивере, который, оказывается, был известен в Грузии как автор признанных всей христианской церковью ареопагитских сочинений, об этом ничего серьезного не сообщается в книгах Нуцубидзе), лишь путем намеков давал знать читателю, кто был настоящим автором

¹ Перевод этот издан Тбилиским Государственным университетом в 1942 г. Отзыв о нем см. в статье Вл. Орлова в журнале „Новый мир“, 1943, № 2—3.

ареопагитики. Так, например, Чахрухадзе пишет, что такую божественную особу, как царица Тамара,

Лишь воспел бы Аристотель
и Диона книг создатель.

Отчего здесь сказано „Диона книг создатель“, а не просто Дион? Ведь обычно не говорят „создатель книг Платона“, а говорят просто „Платон“. По мнению автора, такое отступление от обычной формы речи можно объяснить только тем, что грузинский поэт Чахрухадзе в XII в. намекал на то, о чем европейская наука узнала лишь после Лаврентия Валлы в XV в., а именно, что создатель книг Дионисия на самом деле не был Дионисием, т. е. что он был не действительным, а мнимым Дионисием или Псевдо-Дионисием.¹ Но кто же тогда был действительным создателем книг Дионисия? Ответ на этот вопрос, по мнению автора, Чахрухадзе дает в начале той же поэмы, где сказано:

Вы, мудрословы, мира основы,
Славьте Тамары мысль могучую.
Лишь Дионосу, вторя Эносу,
Петь, славослова, всемогущую.

В этих словах поэмы, по утверждению Ш. И. Нуцубидзе,² содержится указание на то, что создатель книг Дионисия, или мнимый Дионисий, есть Петр Ивер, о котором поэту Чахрухадзе, по якобы хранившейся в Грузии традиции, было хорошо известно, что он дружил в Сирии с Энием или Эносом и как „грузин родом мог оказаться для воспевания грузинской царицы Тамары более подходящим, чем даже Платон и Аристотель“.³ Оттого как раз Чахрухадзе среди „мудрословов“, достойных воспеть Тамару, „на первом месте называет Дионисия“, хотя Чахрухадзе не мог, конечно, не знать, что в „мудрословии“ Дионисий уступал Платону и Аристотелю.⁴

Вряд ли и это рассуждение Ш. И. Нуцубидзе можно признать правильным. Если Чахрухадзе, как это утверждает автор, думал, что Петр Ивер лучше Платона и Аристотеля справился бы с ролью певца царицы Тамары только по той причине, что он был „грузин родом“, а Платон и Аристотель не были грузинами, тогда выходит, что Чахрухадзе роль певца царицы Тамары считал привилегией уроженцев Грузии. Но это столь откровенная форма преклонения перед принципом рода, что едва ли в таком преклонении мог быть повинен Чахрухадзе, просвещеннейший сын Грузии XII в., которая не знала, что такое племенная исключительность и с одинаковой благожелательностью относилась к гражданам разных племен и разных вероисповеданий. Кроме того, какая была бы честь для царицы Тамары, если бы Чахрухадзе сказал, что хорошо воспеть ее может только грузин? Ведь это было бы скорее умалением ее достоинства и славы, ибо слава человека больше, когда в его воспевании иноплеменники не уступают соплеменникам.

¹ Тайна, стр. 49; Руставели, стр. 227.

² Тайна, стр. 51; Руставели, стр. 228. Автор упускает здесь из виду качественное различие между поэтической речью и обычной, разговорной речью.

³ Тайна, стр. 49.

⁴ Руставели, стр. 226—227.

Далее, чтобы иметь возможность намекнуть на то, что книги, ложно приписанные Захарием Ритором Дионисию, были составлены Петром Ивером, другом Эния, Чахрухадзе сам должен был знать все это. Откуда же Чахрухадзе, поэт XII в., мог почерпнуть такое знание? На этот вопрос у проф. Нуцубидзе находим только такой ответ. Чахрухадзе знал о тождестве Петра Ивера с Псевдо-Дионисием и о дружбе первого с Энием на основании „традиции, хранившейся в Грузии“.¹ Однако едва ли этот ответ можно признать убедительным: одна лишь устная традиция вряд ли могла на протяжении семи веков, протекших между Петром Ивером и Чахрухадзе, сохранить в Грузии такие подробности о „философских взаимосвязях“ в Сирии V столетия. Такая живучесть устной традиции противоречит всякой вероятности.² А о существовании письменных традиций и сам автор не решается говорить. Поэтому падает и все предложенное им толкование стихов Чахрухадзе, которые к тому же в грузинском подлиннике ничего не говорят ни о дружбе Петра Ивера с Энием, ни о „создателе книг Диона“.

В самом деле, у Чахрухадзе сказано: тебе, царица Тамара, подобало бы получать песнопенья „от Дионисия, как и от Эноса“. А Ш. И. Нуцубидзе перевел это место так: тебя следовало бы воспевать

Лишь Дионосу, вторя Эносу.

Даже если принять этот перевод, то из него все-таки не видно, что Дионос и Энос были друзьями. Разве „вторить“ значит быть в дружбе? Декарт „вторит“ Августину, объявив самодоверность „я“ началом философии, но это не значит, что Декарт и Августин были современники, связанные между собой дружбой.

Тем менее говорит о дружбе Дионоса и Эноса грузинский текст поэмы Чахрухадзе, где вовсе нет эквивалента русского слова „вторя“. Что же касается следующих стихов перевода:

Лишь воспел бы Аристотель
И Диона книг создатель,

на которых автор возводит свое положение, будто Чахрухадзе было известно о том, что „*Corpus Dionysiacum*“ написал не Дионисий, то вместо них в грузинском подлиннике сказано следующее: „Тебя подобало бы воспевать книгами Аристотеля и Диона“. Никакого намека на то, что автор ареопагитики был не Дионисием, а Петром Ивером, в подлиннике поэмы Чахрухадзе не содержится. Этот намек Ш. И. Нуцубидзе сам в своем переводе поэмы „Тамариани“ подложил поэту Чахрухадзе в 1942 г., чтобы потом в 1948 г. извлечь его обратно в своих работах „Тайна Псевдо-Дионисия Ареопагита“ и „Руставели и Восточный Ренессанс“.

Итак, грузинские источники, вопреки мнению проф. Нуцубидзе, не подтверждают его гипотезы, что сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита были написаны Петром Ивером, а вместе с тем вся эта гипотеза оказывается лишенной оснований.

С. И. Данелиа

¹ Руставели, стр. 228; Тайна, стр. 27, 48.

² „Как долго можно верить устной традиции? Ньютон полагал, что ей можно доверять в течение 80 лет. Другие определяли срок в 40 лет. Но если это значит, что мы можем доверять рассказу, который циркулирует в течение 40 лет после события, то срок чрезмерно преувеличен“ (В. Минто. Индуктивная и дедуктивная логика, 1902, стр. 196).

Б. ПРИМОВ. БЪЛГАРИ, ГЪРЦИ И ЛАТИНЦИ В ПЛОВДИВ ПРЕЗ 1204—1205 гг. РОЛЯТА НА БОГОМИЛИТЕ

Известия на Българското историческо дружество, кн. XXII—XXIII,
София, 1948

В болгарской печати за последние годы появилось несколько статей софийского ученого Борислава Примова, посвященных взаимоотношениям болгар с греками и с Латинской империей в начале XIII в. В рецензируемой статье рассматривается один из эпизодов войны между болгарами и Латинской империей при Калояне. Однако по своему значению статья оказывается гораздо шире, так как автор здесь останавливается на вопросе о роли богомилов в создании Второго Болгарского царства и об отношении богомилов к государству вообще.

В начале XIII в. на севере Балканского полуострова образовалось сложное переплетение трех политических сил: Болгарское царство, Латинская империя и греческая аристократия во Фракии — обломки только что разрушенной крестоносцами Византийской империи. Болгария всегда была неприятным и опасным соседом для Византии. Последняя всегда сопротивлялась превращению Болгарии в сильное государство. Ослабление Византийского государства в конце XII в. облегчило выход Болгарии из-под византийского ига и образование независимого Болгарского государства Петра и Асеня. Но все же и теперь Византия старалась не дать окрепнуть Второму Болгарскому царству, способствуя сепаратистским стремлениям болгарских феодалов, а также ведя с ним непосредственные военные действия. После того как оба брата пали жертвой византийской интриги, власть перешла к Калояну (1202 г.). Несмотря на то, что из войны он вышел победителем, Византия не хотела признавать за ним права на престол, но он обратился в Рим и ценою унии церковью получил корону из рук папы Иннокентия III. После падения Константинополя крестоносцы и болгары неминуемо должны были поставить вопрос о власти на Балканском полуострове; Калоян надеялся принять участие в разделе Византийской империи, однако латиняне не посчитались с его претензиями. Больше того: рассматривая Болгарское царство все еще как часть Византии, они сами заявили права на болгарские земли. Это повлекло за собой новое военное столкновение. На стороне Болгарии на этот раз выступили те византийские феодалы, которые хотели сохранить непризнаваемые за ними латинянами права на фракийские земли и ради этого пообещали даже Калояну императорскую корону. Поэтому общей целью союзников было уничтожение Латинской империи. Но уже очень скоро после победы войск Калояна над латинским императором Балдуином (весна 1205 г.) и потери латинянами господствующего положения во Фракии и Македонии начинает сказываться несовместимость греческих и болгарских интересов. „Попытка Иоанна основать греко-болгарское царство на Балканском полуострове со столицей в Константинополе осталась в области мечтаний“.¹ Пока болгарские войска были заняты осадой Солуни, во Фракии поднимает голову греческая партия, ориентирующаяся теперь на Никейское государство и стремящаяся установить на освобожденной территории власть Византии.

¹ В. Г. Васильевский. Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II. ЖМНП, 1885, № 9.

Очень показательны в этом отношении события, разыгравшиеся в Филиппополе летом 1205 г. и ставшие основным предметом исследования Б. Примова. При разделе византийских земель между крестоносцами Филиппополь с прилегающими землями достался Рене де Три, который образовал там самостоятельное герцогство. Примов совершенно справедливо ставит под сомнение сообщение Виллардуэна о том, что местные жители приняли Рене с распростертыми объятиями как представителя „желанной власти“. Однако первое время они действительно по необходимости мирились с ним, пока весной 1205 г. войска Калояна не нанесли тяжелого поражения Латинской империи при Адрианополе. Учитывая пошатнувшееся положение латинян, греческая партия и там оживила свою деятельность. Во главе ее стоял Алексей Аспиет (иногда его называют даже императором). Жители города были сильно встревожены. Опираясь на свидетельство Виллардуэна, Б. Примов пишет: „Часть местного населения обратилась к болгарскому вождю и предложила ему принять город под свою власть“.¹ Узнав об этом, Рене собрал преданных людей и заперся в крепости Станимакка, где провел в осаде 13 месяцев. Поступок пловдивских ромеев сильно разгневал Калояна. Он привел свои войска и, захватив город, сравнял его с землей, а Алексей Аспиет и его сторонники были подвергнуты Калояном „Ромеобойцей“ мучительной казни.

В центре внимания автора статьи стоит вопрос о составе и политических взглядах той части пловдивского населения, которую Жоффрау де Виллардуэн называет „*porpelicans*“, „*porpelican*“. Обычно „*porpelican*“ (от латинского *rauliciani*) принято было переводить „павликиане“. Под таким именем эта группа людей и вошла в историю. Ф. И. Успенский, И. Иречек, В. Н. Златарский, Д. Ангелов и другие считают, что к Калояну за помощью обратились пловдивские павликиане, но Б. Примов иначе трактует это название. Сопоставляя употребление слова „*porpelican*“ у разных авторов, он приходит к выводу, что хотя первоначально так действительно обозначали павликиан, но в XII—XIII вв. во Франции это слово приобрело более широкий смысл — еретики вообще. В таком именно значении употребляет это слово и историк IV Крестового похода.

Проведение этого филологического анализа, подкрепленного показаниями Анны Комнины и Никиты Хониата о том, что среди населения Филиппопольской области было много различных еретиков (армяне, богомилы, павликиане), позволяет ему отказаться от традиционного взгляда на сторонников Калояна в Пловдиве и прийти к выводам, справедливость которых, с нашей точки зрения, не может быть оспариваема.

„Едно обаче, смятам, трябва да се приеме: под ония *Porpelican* (*Porpelicans*), за които Вилардуен говори, ще трябва да разбираме не само павликиани, а и българското богомилско, а може би и не богомилско население на Филиппопол. Това са били тези не гърци, преди всичко българи, по произход жители, които, при напускането на латинския местен владетел, напълно естествено обвърнали погледа си към успешно справящата се с латинската опасност българска държава и към нейния постигащ успехи по това време владетел. Срещу тях Рение от Трит се опълчил като опожарил жилищата им“.²

Если допустить, что к Калояну обратилось только павликианское население города, то остается необъяснимым, что предприняло бол-

¹ Известия на Бълг. историч. друж., кн. XXII—XXIII, 1952, стр. 147.

² Там же, стр. 150.

гарское и оставшееся на болгарской стороне пловдивское население, и как оно смогло оставаться безучастным к болгарскому государству, пока павликиане не обратились за помощью к болгарским властям.¹

Успенский и Златарский, правильно отмечая существование в Пловдиве болгарской партии, не указали дальнейшего проявления ее деятельности — борьбы за включение города в состав болгарского государства. Причина заблуждения Златарского в этом вопросе, как показывает Примов, коренится в его неправильной оценке политических взглядов богомилов. Златарский, как и Успенский, придерживается старого мнения, что богомилы отрицательно относились к болгарской государственной власти вообще и не принимали участия в создании Асенями нового болгарского царства.

Необходимо отметить как положительный момент, что Примов не только справедливо оценивает взгляды старых историков по этому вопросу, но и сам ставит его по-новому, правильно определяя значение данного конкретного случая для разрешения вопроса об отношении болгарских богомилов к болгарскому государству и об их политической роли вообще. Однако делает он это робко, тут же оговариваясь, что „болгарские богомилы в Филиппополе обратились к властителям страны, сыновьями которой они были“,² объясняя отсутствием выбора это их патриотическое стремление, якобы противоречащее богомильскому учению. Между тем этот поступок совершенно логически вытекает из всей политики богомилов в Болгарии, как мы ее теперь себе представляем. Будучи выразителями интересов широких слоев болгарского населения, богомилы боролись против угнетателей, и, в первую очередь, против чужеземного ига в Болгарии. Богомилы, как известно, принимали участие во всех антивизантийских восстаниях (Деяна, Константина Бодина, Петра и Асеня). И в данном случае, в Филиппополе, богомилы боролись с угрозой восстановления византийского или латинского владычества. Их союз с Калояном основан не на терпимости последнего в религиозных вопросах и даже не на преследовании им узких политических интересов,³ а на том, что создатели Второго Болгарского царства искали для него более широкой опоры, старались привлечь на свою сторону все слои населения.

Однако именно этих вопросов автор совсем не касается. Он не старается объяснить классовую подоплеку сотрудничества представителей ереси и царя Калояна. Б. Примов видит в этом союзе только ловкий политический ход, временную меру, не замечая, что стремление богомилов к национальной независимости было одним из принципов их учения. Видно также, что Б. Примов не совсем уяснил себе их идеологию, если удивляется, что их отношение к государственной власти „не всегда было отрицательно“.⁴ Он, видимо, представляет их себе принципиальными врагами порядка, а не противниками неограниченной власти господствующего класса. Остается только пожалеть, что Б. Примов, правильно поставив проблему, в разрешении ее остановился на подорожке, не используя всех возможностей, представляемых ему его материалом.

Т. М. Соколова

¹ Там же, стр. 153.

² Там же, стр. 154.

³ Там же, стр. 155.

⁴ Там же, стр. 156.

СПИСОК ТРУДОВ М. В. ЛЕВЧЕНКО

1935

К истории аграрных отношений в Византии в VI—VII вв. Проблемы истории докапиталистических обществ, 1935, № 1—2, стр. 75—110

1938

Византия и славяне в VI—VII вв. Вестник древней истории, 1938, № 4 (5), стр. 23—48.

1939

Кризис рабовладельческого общества в Римской империи. Рим и варвары. В кн.: История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, части III—IV. М.—Л., АН СССР, 1939, стр. 3—8. (Совместно с М. А. Тихановой). На правах рукописи.

Готы в Причерноморье. Их борьба с Римом. Там же, стр. 19—24. (Совместно с М. А. Тихановой).

Тервинги и грейтуинги. Принятие христианства. Там же, стр. 24—29. (Совместно с М. А. Тихановой).

Эрмаиарих и разгром готов гуннами. Там же, стр. 29—33. (Совместно с М. А. Тихановой).

Гунны. Там же, стр. 46—56.

Гибель Западно-Римской империи. Восточно-Римская империя в V—VI вв. Там же, стр. 57—63.

Общественное устройство и быт славян и антов. Там же, стр. 213—223. (Совместно с П. Н. Третьяковым и Б. А. Рыбаковым).

Славяне и Византия. Там же, стр. 223—234.

1940

История Византии. Краткий курс. М.—Л., Соцэкгиз, 1940, 263 стр.

1945

Задачи современного византиноведения. В кн.: Византийский сборник, М.—Л., АН СССР, 1945, стр. 3—11.

Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи. V—VI вв. Там же, стр. 12—94.

1946

Новый труд по истории Болгарии. Рецензия на книгу: акад. Н. Державин. История Болгарии, тт. I и II, М.—Л., АН СССР, 1946, 248 стр. и 161 стр. Вопросы истории, 1946, № 11—12, стр. 147—152.

1947

Венеты и прасины в Византии в V—VII вв. Виз. вр., т. I (XXVI), 1947, стр. 164—183.

В византийской группе Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР. Там же, стр. 378—380.

В. Е. Вальденберг (1871—1941). Byzantino-Slavica, IX, 1, 1947, стр. 169—173.

Шарль Диль и его значение в византиноведении. Вопросы истории, 1947, № 3, стр. 100—105.

1948

Рецензия на книгу: Н. В. Пигулевская. *Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.*, М.—Л., АН СССР, 1946, 291 стр. Вестник Ленинградского университета имени А. А. Жданова, 1947, № 12, стр. 124—128.

1949

Церковные имущества V—VII вв. в Восточно-Римской империи. Виз. вр., т. II (XXVII), 1949, стр. 11—59.

В. Е. Вальденберг (некролог). Там же, стр. 417—423.

Византиноведение в СССР. Ученые записки Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова, Серия исторических наук, 1949, № 14, стр. 216—236.

Рецензия на книгу: G. Ostrogorsky. *Geschichte des byzantinischen Staates.* München, 1940, Виз. вр., т. II (XXVII), 1949, стр. 322—337.

1950

Византийский историк Агафий Миринейский и его мировоззрение. Виз. вр., т. III, 1950, стр. 62—84.

А. Грегуар и его работы по византиноведению. Там же, стр. 230—245.

Избранные отрывки из „Истории“ Агафия Миринейского (перевод с греческого). Там же, стр. 305—349.

1951

Ценный источник по вопросу русско-византийских отношений в X веке („Записка греческого топарха“). Виз. вр., т. IV, 1951, стр. 42—72.

Фальсификация истории византино-русских отношений в трудах А. А. Васильева. Там же, стр. 149—159.

Синезий в Константинополе и его речь „О царстве“. Ученые записки Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова, Серия исторических наук, 1951, № 18, стр. 222—249.

Византийский феодализм. Рост крупного землевладения и закабаление крестьянства. Ослабление центральной власти в процессе феодализации империи. X—XII вв. В кн.: Сборник документов по социально-экономической истории Византии, раздел III, М., АН СССР, 1951, стр. 127—225.

Византия. В кн.: Большая советская энциклопедия, 2-е издание, т. 8 (Вибрафон—Волово). Государственное научное издательство „Большая советская энциклопедия“, 1951, стр. 28—48 (Совместно с Э. В. Удадьковой, Г. А. Недошивиным, Л. А. Мацулевичем).

1952

Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. Виз. вр., т. V, 1952, стр. 105—126

1953

Значение работы И. В. Сталина „Экономические проблемы социализма в СССР“ для советского византиноведения. Виз. вр., т. VI, 1953, стр. 3—10.

Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. Там же, стр. 11—35.

Синезий Киренский. „О царстве“. Перевод и предисловие М. В. Левченко. Там же, стр. 327—357.

Завоевание турками Константинополя в 1453 г. и исторические последствия этого события. Виз. вр., т. VII, 1953, стр. 3—8.

Взаимоотношения Византии и Руси при Владимире. Там же, стр. 194—223.

Рецензия на книгу: А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. АН СССР, М., 1952, 243 стр. Там же, стр. 276—282.

Агафий. О царствовании Юстиниана. Перевод, статья и примечания. М.—Л., АН СССР, 1953, 220 стр.

Рецензия на книгу: История средних веков, т. I. Госполитиздат, 1952, 748 стр. Советская книга, 1953, № 7. (Совместно с В. И. Рутенбургом).

Подготовлены к печати

Византия и Русь. 40 л.

Историография Византии. 10 л.

Пентаполь во времена Синезия. 3 л.

Византия и Крым. Статья. 2 л.

Составил Н. С. Лебедев

ХРОНИКА

**РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ ВИЗАНТИИ
В НАУЧНОМ СТУДЕНЧЕСКОМ
ОБЩЕСТВЕ ПРИ СВЕРДЛОВСКОМ
ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ИНСТИТУТЕ**

В Историческом кружке Научного студенческого общества при Свердловском педагогическом институте большое внимание уделяется изучению истории Византии. В кружке был заслушан ряд докладов о новых работах по истории Византии. Из них четыре были представлены на общегородском смотре студенческих работ.

В докладе „Положение рабов в Византии в X веке“ Е. С. Чететин использовал имеющуюся на русском языке литературу и, основываясь главным образом на „Книге впарха“, пришел к выводу о существовании рабовладельческого уклада в Византии в X в.

В работе И. М. Поповой „Народные движения в Константинополе при Андронике Комнине“ рассмотрен вопрос об отношении народных масс к переходу торговли в руки иностранцев. Автор показал, что народные массы вступили в беспощадную борьбу против иноземных эксплуататоров. Однако Андроник Комнин, воспользовавшись выступлением масс для захвата власти, фактически не поддерживал в дальнейшем этой борьбы. В продолжение последующего периода правления Андроника активности масс не чувствуется, и в критический момент массы его не поддержали.

А. Волкова представила работу „Византийский историк Анна Комнина“. Автора заинтересовала личность и труд первой женщины-историка, выступившей с более или менее крупным историческим трудом. Автор polemизирует с зарубежными историками, которые видят в Анне Комниной представительницу гуманизма. Гуманизм выдвигает светский элемент в противовес духовному. Анна Комнина, наоборот, в своем отношении к Итали стремится подавить свободное исследование церковной догмой. Автор считает Анну Комнину типичным историком феодального периода: ее внимание сосредоточено главным образом на крупных феодалах, тогда как вопросами торговли и городского населения Анна Комнина не занимается.

В. Коркин представил работу „Салическая правда и Земледельческий закон

(в сравнительном изучении)“. Автор изучил имеющуюся литературу на русском языке и, в свете труда И. В. Сталина „Марксизм и вопросы языковедения“, сделал попытку определить то общее в условиях и обстановке, что можно отметить при сличении текста „Земледельческого закона“ и „Салической правды“; автор указывает также на ту разницу, которая имеется в этих документах. Новые производственные отношения отмечаются как в „Салической правде“, так и в „Земледельческом законе“. Но элементы надстройки в „Земледельческом законе“ отражены значительно меньше, — в феодализирующейся Византии элементы политические и культурные не были уничтожены и разгромлены, но приспособлялись к новым условиям.

В. М. Кривошеева

**ЗАЩИТА
ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ
Н. П. СОКОЛОВЫМ „ОБРАЗОВАНИЕ
И ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЕНЕЦИАНСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ
ДЕРЖАВЫ“ В ЛЕНИНГРАДСКОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ**

14 января 1954 г. на заседании Ученого совета Исторического факультета Ленинградского Государственного университета им. А. А. Жданова состоялась защита докторской диссертации Н. П. Соколовым на тему „Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы“.¹ Обширное исследование, ставящее ряд важных и для истории Италии, и для истории северо-восточного Средиземноморья проблем, вызвало оживленный диспут при защите.

¹ Отдельные разделы работы опубликованы: „К вопросу о взаимоотношениях Византии и Венеции в последние годы правления Комнинов“ (Виз. вр., т. V, 1952), „Венецианская доля в византийском наследстве“ (Виз. вр., т. VI, 1953), „Восточная политика венецианской плутократии в XII в.“ (Уч. записки Горьк. Гос. унив., вып. 18, 1950), „Вопрос об установлении венецианской супрематии над Дубровником“ (Научные труды Исторического факультета Горьк. Гос. пед. инст., 1950).

Официальный оппонент проф. И. И. Любименко охарактеризовала диссертацию как весьма обстоятельное и серьезное исследование, в котором автор показывает борьбу Венеции против арабов, ее попытки покорения истрийских и далматинских славян, столкновения с Венгрией, участие Венеции в крестовых походах и проникновение ее в Византию, отношения Венеции с империей, лапством, Сицилийским королевством, а также с итальянскими городами. Подробно рассмотрено положение венецианцев в Константинополе, их политика по отношению к мусульманскому Востоку. Многие вопросы получили в исследовании Н. П. Соколова новое освещение и разрешение. Автор справедливо опровергает попытки некоторых историков модернизировать историю Венеции. Он убедительно показывает, что огромные денежные средства, получаемые венецианскими купцами, вкладывались ими отнюдь не в капиталистические предприятия, а в конечном счете в феодальные земельные владения. Вполне обоснованно Н. П. Соколов критикует утверждения буржуазных историков, будто Венеция не извлекала материальных выгод из своих колоний, а наоборот тратилась на них. Хорошо показана финансовая зависимость от Венеции как крестоносцев, так и византийских императоров. Страницы, посвященные венецианско-генуэзской борьбе на Черном море, представляют особый интерес для советского читателя. Однако об основных причинах столкновений Венеции и Генуи сказано мало. Недостаточно мотивировано положение о том, что итальянцы не могли иметь регулярных торговых связей с северным побережьем Черного моря до появления латинян в Константинополе. Автора можно упрекнуть в недостаточном внимании ко внутренней истории. Ряд вопросов — о характере ремесла и торговли Венеции, о взаимоотношениях купцов и феодалов и другие — получило скупое освещение. В целом же диссертация является интересным исследованием, в котором дан методологически правильный, а потому приводящий к ценным новым выводам анализ широко поставленной проблемы.

Официальный оппонент член-корреспондент АН СССР, проф. Н. В. Пигулевская отметила, что исследование Н. П. Соколова восполняет пробел в советской историографии. Критически относясь к используемым источникам и литературе, автор противопоставляет неверным положениям буржуазных ученых марксистские содержания основных явлений изучаемого им периода. Он опровергает распространенное в буржуазной исторической литературе мнение о том, что Венеция уже в XI—XIII вв. была капиталистической, убедительно показывая, что здесь имело место товарное производство, но никак

не капиталистическое, а венецианская знать не являлась буржуазией. Жаль, однако, что автор не развил свою аргументацию. Мало места в работе уделено народным движениям. Рассматривая политику Венеции на западном побережье Балканского полуострова, Н. П. Соколов недостаточно выделяет значение славянского элемента в этих областях, хотя в диссертации для этого имеется материал. Нельзя согласиться с автором, когда он называет Венецию „колониальной империей“ — в этом названии есть известная модернизация. Недостатки этого, в целом весьма серьезного и интересного труда, говорит Н. В. Пигулевская, проистекают из того, что для исследования взят слишком большой хронологический отрезок; это помешало автору рассмотреть ряд существенных вопросов.

Официальный оппонент проф. М. В. Левченко остановился на тех разделах работы, в которых рассматриваются вопросы взаимоотношений Венеции и Византии. По его мнению, диссертация Н. П. Соколова вносит ценный вклад в советское византиноведение. Автор разрушил ошибочные представления буржуазных историков о доле Венеции при разделе Византийской империи, которые смешивали „бумажные“ права Венеции с ее действительными приобретениями в результате IV крестового похода. При общей убедительности выводов автора ряд его положений в этой части вызывает возражения. Без достаточных оснований признано ошибочным мнение о том, что ряд островов Эгейского моря был после IV крестового похода отдан в лен венецианским воякам. Несколько преувеличены успехи Никейской империи при Михаиле Палеологе в отвоевании земель у латинян. Ряд вопросов истории отношений Венеции и Византии получил в работе новое освещение. Н. П. Соколов, например, убедительно показывает, что настоящего примирения Мануила Комнина с византийцами не произошло, что венецианцев не было в Константинополе в 1182 г. во время избития там латинян. Автор вскрыл ошибочность представлений буржуазной историографии (М. М. Ковалевский, Ф. Брун) о развитии торговли Генуи и Венеции на Черном море в XI—XIII вв. и убедительно доказал, что до IV крестового похода Византия никому не уступала своих позиций в бассейне Черного моря. М. В. Левченко считает правильным утверждение диссертанта о феодальном характере Венецианской державы. Но следовало бы поставить вопрос, подготовило ли товарное производство Венеции XIII в. некоторые условия для капиталистического производства, и если подготовило, то какие. В работе не выяснено, как обстояло дело с наличием рабочего, „свободного“ и от ограничений в продаже

своей рабочей силой, и от средств производства. Недостаточно освещены и вопросы о развитии банковского дела, о государственных займах Венеции и т. п. Нужно было остановиться на фактах накопления крупных денежных средств у отдельных лиц, которое производилось в Венеции большей частью внеэкономическим путем (достаточно вспомнить, какие громадные ценности приобрела Венеция в результате IV крестового похода). Рассмотрение колониальных проблем Венеции, указывает М. В. Левченко, неизбежно приводит к изучению вопросов истории Византии, балканских славян, нашего Отечества. Это еще раз подчеркивает актуальность проблем, поставленных автором. Следует приветствовать появление марксистского труда, основанного на изучении огромного количества источников и литературы, который восполняет крупный пробел в советской науке.

В. И. Рутенбург отметил, что Н. П. Соколов приводит обильный фактический материал относительно развития промышленности, и его общая характеристика цехов как феодальной организации не вызывает сомнений. Но остается неясным, в каком направлении шло развитие промышленности. Между тем, в Венеции рано развивается производство шелковых тканей, знаменитого венецианского стекла, судостроение, добыча соли, обработка сельскохозяйственных продуктов и т. п. В Венеции XIII в., по мнению оппонента, не было мануфактуры, но были все ее элементы — и в судостроении, и в стекольном производстве, и в сукноделии. Недостаточно сказать, что в Венеции был феодализм, а не капитализм. Венеция — это не типично феодальный город, он развивался своеобразно, что и определяло специфику всей Венецианской колониальной державы. В. И. Рутенбург считает, что в работе нужно также поставить вопрос, почему в обстановке общего упадка итальянских государств Венеция сохранила свое могущество и в XVI—XVII вв., только в XVIII в. утратив свои обширные владения. Дело, очевидно, опять же в том, что это была „специфическая феодальная держава“.

М. А. Коган также считает, что в диссертации недостаточно ясно поставлен вопрос о характере производства в Венеции XIII в. и о тех изменениях в нем, которые происходят на рубеже XIII—XIV вв. Хотя конец XIII и XIV век выходят за рамки исследования, желательно было бы внести ясность в этот вопрос, являющийся в настоящее время дискуссионным в советской исторической науке. Далее М. А. Коган останавливается на некоторых вопросах терминологии.

В заключительном слове Н. П. Соколов признал основательность ряда замечаний оппонентов и ответил на некоторые возражения. По его мнению, подготовка некоторых условий для развития капитализма заключалась в Венеции XIII в. во все большем развитии товарного производства, и Венеция в этом отношении ничем не отличалась от других городов Европы того времени. Основной задачей работы было изучить процесс становления Венецианской державы, и поэтому те моменты внутренней истории Венеции, которые прямо не объясняют этот процесс, были вне центра внимания. Однако и оппоненты не могут привести данных, которые бы свидетельствовали о зачатках капитализма в венецианской промышленности: и кораблестроение, и производство стекла были организованы в форме типичного цехового ремесла. Неверно, подчеркивает Н. П. Соколов, что в венецианском арсенале работала наемные рабочие; работу там вели те же цеховые мастера со своими подмастерьями и учениками. Типично цеховой была регламентация производства во времени, материалах и т. п. То, что в XVI в. Венеция все еще играет крупную политическую роль, хотя ее торговле были нанесены тяжелые удары, Н. П. Соколов объясняет значительным развитием в Венеции цеховой промышленности; существующее представление о том, что мощь Венецианского государства была основана только на торговле, неверно. Однако правящая олигархия и в дальнейшем упорно цеплялась за цеховые формы производства, искусственно препятствуя развитию капитализма. Отсюда прогрессирующее ослабление и упадок Венеции. О народных движениях в Венеции, признает диссертант, действительно говорится кратко. Но в работе не оставлено без внимания ни одного известия источников по этому поводу и краткость обусловлена скудостью источников. Что касается славянского вопроса, указывает Н. П. Соколов, то ему посвящена специальная глава, где подчеркнуто, что Задар — славянский город и что в Далмации Венеция опиралась на романизированные элементы и, в особенности, на духовенство, но было бы неверно изображать борьбу Задара и других славянских городов против Венеции как борьбу национальную, так как она таковой не была, будучи вызвана эгоистической экономической политикой Венеции. Едва ли основателен, по мнению диссертанта, и упрек в малом внимании к борьбе Венеции и Генуи на Черном море. Эта борьба развернулась только со второй половины XIII в. и приняла острые формы в XIV в., т. е. выходит за хронологические рамки исследования, которое заканчивается 1268 г.¹

В. А. Якубский

¹ Ученый совет Ленинградского университета постановил присудить Н. П. Соколову ученую степень доктора исторических наук.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории.
 Виз. вр. — Византийский временник.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Российского археологического общества.
 ЗОО — Записки Одесского общества истории и древностей.
 ИАК — Известия Археологической комиссии.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии Наук.
 ИРАИК — Известия Русского археологического института в Константинополе.
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии.
 МАК — Материалы по археологии Кавказа.
 МАО — Московское Археологическое общество.
 МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
 ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры.
 ВГУ — Ägyptische Urkunden von den königlichen Museen zu Berlin. Griechische Urkunden.
 ВЗ — Byzantinische Zeitschrift.
 СІЛ — Corpus Inscriptionum Latinarum.
 СШВ — Corpus scriptorum historiae byzantinae, Bonnæ („Боннский корпус“).
 FHG — Fragmenta historicorum graecorum, ed. C. Müller.
 IGR — Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes.
 ІLS — Inscriptiones Latinae selectae.
 МGH — Monumenta Germaniae historica.
 MPG — J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series graeca.
 MPL — J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Series latina.
 OGIS — Orientis Graeci Inscriptiones selectae, ed. W. Dittenberger.
 SHА — Scriptores historiae augustae.

СОДЕРЖАНИЕ ВОСЬМОГО ТОМА

	Стр.
Памяти М. В. Левченко	3
Статьи	
М. В. Левченко (Ленинград). Проблема русско-византийских отношений в русской дореволюционной, зарубежной и советской историографии	7
М. Я. Сюзюмов (Свердловск). Роль городов-эмпориев в истории Византии	26
Г. А. Курбатов (Ленинград). Положение народных масс в Антиохии в IV в.	42
Р. А. Наследова (Москва). Ремесло и торговля Фессалоники конца IX—начала X в. по данным Иоанна Камениаты	61
А. П. Каждан (Великие Луки). Социальный состав населения византийских городов в IX—X вв.	85
А. Д. Дмитриев (Ростов-на-Дону). Народные движения в восточноримских провинциях в период дунайских войн III в. (236—278 гг.)	97
Р. М. Бартияян (Ереван). К вопросу о павликианском движении в первой половине VIII в.	127
Б. Т. Горянов (Москва). Религиозно-подемическая литература по вопросу об отношении к латинянам в Византии XIII—XV вв.	132
В. Н. Лазарев (Москва). Этюды о Феофане Греке, ч. II. Феофан Грек и московская школа миниатюры 90-х годов XIV в.	143
А. Л. Якобсон (Ленинград). Армянская средневековая архитектура в Крыму	166
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Греческие средневековые рукописи в Ленинграде	192
Л. М. Меликсет-Бек (Тбилиси). К вопросу о датировке псевдо-Исааковых памфлетов в греко-византийской литературе	208
Публикации и исследования источников	
Е. Ч. Скржинская (Ленинград). „История“ Олимпиодора. (Перевод, статья, примечания и указатели)	223
С. В. Полякова и И. В. Феленковская (Ленинград). Анонимный географический трактат „Полное описание вселенной и народов“. (Перевод, примечания и указатель С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, статья С. В. Поляковой)	277
Л. Т. Гюзаальян (Ленинград). Неизданные надписи Байбуртской цитадели	306
А. В. Банк (Ленинград). Гемма с изображением Соломона	331
Д. Г. Капанадзе (Тбилиси). Новый тип монеты Давида Строителя	338
Критика и библиография	
Э. В. Удадьцова (Москва). Византиноведение в народнодемократической Болгарии (1944—1953)	344
А. Я. Гуревич и М. А. Заборов (Москва). Новые явления в английском византиноведении (о книге Jack Lindsay „Byzantium into Europe“)	366
Ш. В. Абрамидзе (Кутаиси). Сведения византийских писателей о Грузии, т. IV, вып. II, Тбилиси, 1952	373
А. В. Банк (Ленинград). В. Н. Лазарев. К вопросу „о греческой манере“	

в итало-греческой и итало-критской школах живописи (против фальсификации истории поздней византийской живописи). Ежегодник Института истории искусств, 1952 г.	374
С. И. Дanelia (Тбилиси). К вопросу о личности Псевдо-Дионисия Ареопагита	377
Т. М. Соколова (Москва). Б. Примов. Българи, гърци и латинци в Пловдив през 1204—1205 гг. София, 1948	385
Н. С. Лебедев (Ленинград). Список трудов М. В. Левченко	388

Хроника

В. М. Криношеева (Свердловск). Работы по истории Византии в Научном студенческом обществе при Свердловском педагогическом институте	391
В. А. Якубский (Ленинград). Защита докторской диссертации Н. П. Соколовым „Образование и первоначальная организация Венецианской колониальной державы“ в Ленинградском университете	391
Список сокращений	394

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии Наук СССР

Редактор издательства С. В. Солтанов, Технический редактор А. А. Каркарская, Корректоры
А. И. Виксне и Э. А. Кудман

Обложка художника Н. А. Седелникова

РИСО АН СССР № 115а—133. Подписано к печати 10/II 1956 г. М 11258. Бум. 70 × 108^{1/8}. Бум. л. 12^{1/2}.
Печ. л. 33,9. Уч.-изд. л. 37,03 ± 2¹ вкл. (2,84 уч.-изд. л.) Тираж 2000. Заказ № 339. Цена 23 р. 40 к.

1-я типография Издательства Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12

Важнейшие исправления и опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
29	23 снизу	μεσογαί ων	μεσογαίων
48	20 сверху	(,σώ εν	(,σώζειν
74 и 75	passim	Via Singidunum	дорога на Белград
118	1 снизу	γίνονται	γίνονται
130	8 "	Παϊτέρτ	Παϊτέρτ
148	5 сверху	(рис. 9—10).	(рис. 2—10).
169	15 снизу	Н. Бороздин.	И. Н. Бороздин.
178	8 "	836).	896).
182	6 "	ребристый	гранный
195	24 "	капительными	капитальными
197	33 "	ἀνεψ ὄν	ἀνεψίων
198	7 "	№ 240.	F № 240.
259	23 "	ἑξηχωνισμένοι	ἑξηχωνισμένοι
265	25 сверху	солнечных	солнечных (или водяных?)
292	20 снизу	XI vj	XLVI
293	16 "	XLVIII.	XLVI.
294	29 "	второй	второй с
295	4 "	8	3
298	20 сверху	Χοννίον	Χοννέον
"	14 снизу	Müller.	Müller.
300	22 сверху	57,	7, 57,
302	9 "	„Социальное движение	„Социальные движения
311	6 снизу	المشركين	المشركين
327	5 снизу	десяти.	девяти.
334—335	вклейка рис. 4	Изображение напечатано в перевернутом виде.	
335	27 сверху	Шумберже,	Шлумберже,
394	4 "	Российского	Русского

В некоторых греческих и арабских словах при печатании книги выпали надстрочные и подстрочные знаки.